

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ПАМЯТНИКИ
НОВОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

СБОРНИКЪ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ.

изданіе

А. О. Базунова.

ТОМЪ III.

Оставленъ при содѣйствіи и участіи А. П. Барсукова, Д. Д., П. А.
Фремова, А. Е., Л. И. Майкова, В. В. Магушева, П. Н. Петрова
и И. В. Помяловскаго.

С. Петербургъ.

Типографіи Майкова, въ Министерствѣ на Извѣст.

1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ первый.

	Стр.
Узникъ Спасо-Евѣнгіева монастыря, А. П. Барсукова	1
Россія и Польша въ XVIII вѣкѣ по реляціямъ Венеціанца Д. Дольфина и Генуэзца С. Ривароли , В. В. Макушева .	20

Отдѣлъ второй.

Молодость А. А. Башилова (Записки его о временахъ Екатерины II и Павла I), съ предисловіемъ Л. Н. Майкова	1
Записки о поѣздкѣ А. И. Бабикова въ Русскую Финляндію въ 1769 г., съ предисловіемъ, его же	33
Записки А. А. Яковлева , оберъ-прокурора св. синода въ 1803 году, сообщены г. Л. , съ замѣткою А. К. .	87
Арестованіе Сперанскаго (Записка В. С. Филимонова)	113
Реляціи чрезвычайнаго во Франціи посла князя Каптемира 1788 и 1789 годовъ, сообщены И. В. Помаловскимъ .	117
Мнѣніе графа А. И. Остермана о состояніи и потребностяхъ Россіи 1740 году, сообщено имъ же, съ замѣткою А. К.	256
и Аннепскихъ временъ .	278
ий Картушъ “, съ замѣткою Д. Д. .	288
а для исторіи чумы въ Москвѣ въ 1771 году, сообщены Ефремовымъ .	302
нзя Г. А. Потемкина-Таврическаго объ одеждѣ и вооруженіи войска .	311
сынъ Голштинскаго принца . .	315
Чоглоковы , съ замѣткою	322

Дальний востокъ при Екатеринѣ II: I. Побѣга Беніовскаго и его товарищей, съ замѣткою Д. Д. — II. Двѣ записки о сношеніяхъ съ Чукчами въ 1775—1776 годахъ.—III. Григорій Шелеховъ и его товарищи	334
Казакъ Федоръ Каменьщиковъ.	381
Каррикатура Г. И. Скородумова, сообщена П. А. Ефремовымъ, съ замѣткою .	397
Проездъ въ Тобольской семинаріи въ 1793—1794 г., съ замѣткою.	399
Выдержки изъ записокъ военнаго: 1816 годъ. 1818 годъ.—1828 годъ	409
Дополнительное извѣстіе о Наумѣ Чоглоковѣ, А. К.	425
Указатель личныхъ именъ .	413

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

УЗНИКЪ СПАСО-ЕВѢИМІЕВА МОНАСТЫРЯ.

Въ 1802 году Владимірскій губернаторъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ ¹⁾, объѣзжая свою губернію, посѣтилъ знаменитый Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь. Онъ осмотрѣлъ *сумашедшихъ*, заключенныхъ въ этой „Россійской Бастили“, и одинъ изъ несчастныхъ, именно отставной бригадиръ баронъ Федоръ Фридриховичъ Ашъ, остановилъ на себѣ особенное вниманіе губернатора. По окончаніи объѣзда, 15-го марта того же года, князь Долгоруковъ донесъ сенату, что заключенный въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь баронъ Ашъ совершенно здоровъ и можетъ быть выпущенъ на свободу. Представленіе это осталось однако безъ послѣдствій. Черезъ нѣсколько времени князь рѣшился повторить свое ходатайство слѣдующимъ письмомъ на имя генераль-прокурора Беклешева ²⁾:

«Ваше высокопревосходительство, милостивый государь Александръ Андреевичъ! Знаю, сколь готово сердце государево благодѣтельствовать несчастнымъ, и сколь пріятно вашему находить случай къ исходайствованію его щедротъ, не боюсь провиниться предъ вашимъ высокопревосходительствомъ слѣдующимъ моимъ покорнѣйшимъ доношеніемъ.

«Въ объѣздѣ моемъ по нѣкоторымъ городамъ Владимірской губерніи былъ я и въ Суздаль, гдѣ поставилъ первую мою обязанностію осмотрѣть содержащихся въ Спасо-Евѣиміевъ монастырѣ сумашедшихъ, коихъ по указу правительствующаго сената повелѣно время отъ времени до совершеннаго ихъ выздоровленія свидѣтельствовать. Тамъ, между ними несчаст-

---

¹⁾ Нашъ извѣстный писатель кн. Ив. М. Долгоруковъ (1764—1823) былъ губернаторомъ въ Владимірѣ съ 8-го февраля 1802 г., по 23-го марта 1812.

²⁾ Александръ Андр. Беклешевъ (1743—1808) былъ генераль-прокуроромъ съ 7-го іюля 1799 г. по 2-е февраля 1800 г. и съ 16 марта 1801 г. по 8-е сентября 1802.

ными видѣлъ я и бригадира барона Аша, который уже не только совсѣмъ здоровъ, но и по зрѣломъ его испытаніи не предвидится недостойнымъ быть свободы. Я, по первомъ ихъ осмотрѣ, минувшаго марта 15-го дня, имѣлъ честь, представя о состояніи каждаго изъ нихъ вѣдомость, упомянуть правительствующему сенату о выздоровленіи сего поврежденнаго, какъ членомъ врачебной управы, такъ и архимандритомъ того монастыря засвидѣтельствованномъ, но до сихъ поръ не видя перемѣны въ его участіи, осмѣлился подвигнуть къ состраданію челоуѣколюбивое сердце ваше. Баронъ Ашъ совершенно здоровъ и уже столько начинаетъ чувствовать вліянія случаевъ вѣшнихъ падъ собою, что продолженіе его заточенія не исправить могло его въ чемъ-либо, но паче было бы токмо способно прівести въ гибельное отчаяніе. Почитая долгомъ моимъ соболѣзновать о несчастныхъ и привлекать къ нимъ вниманіе сильныхъ на землѣ, любя сходить въ тѣ жилища скорби, гдѣ скрипятъ еще доселѣ веревъ ужаса, и поражаютъ слухъ усы темничныя, не смѣлъ я отрѣчься отъ убѣдительношей просьбы помянутаго барона Аша о его освобожденіи, не смѣлъ скрыть отъ васъ, что я видѣлъ сего заключеннаго безумца, который и по выздоровленіи своемъ еще всѣ злосчастія убійственнаго заключенія претерпѣваетъ. Если ваше высокопревосходительство найдете меня здѣсь виновнымъ, а можетъ быть, и дерзкимъ, потому что за представленіемъ моимъ единажды правительствующему сенату, которое осталось безуспѣшно и долженствовало какъ бы послужить мнѣ увѣдомленіемъ, что или рано еще барону Ашу пользоваться свободою, или не въ обязанности моей о томъ ходатайствовать, — осмѣлился обременить васъ симъ новымъ моимъ донесеніемъ; въ такомъ случаѣ возрите благосклонно на одну чувствительность и добродушіе мое, побудившія меня къ таковому поступку, основанному на удостовѣреніи въ благости монаршей и вашего высокопревосходительства къ страждущимъ сердоболѣи. Счастливымъ себя почту, когда таковой со стороны моей поступокъ удостоится вашего вниманія и послужитъ вамъ, съ одной стороны, опытомъ неусыпнаго моего о исполненіи должности моей попеченія, а съ другой, доказательствомъ тѣхъ чувствъ, кои я исполняю будучи къ высокопочтеннѣйшей особѣ вашей, за честь вмѣняю до конца жизни моей быть и называться вашего высокопревосходительства всепокорнѣйшій слуга князь Ивацъ Долгоруковъ“.

Юля 4-го дня 1802 года. Владиміръ.

Участь несчастнаго не измѣнилась однако и послѣ этого письма...

Отставной бригадиръ баронъ Фёдоръ Фридриховичъ Ашъ родился въ Петербургѣ 5-го апрѣля 1728 года и былъ старшимъ сыномъ Петербургскаго почтъ-директора барона Фридриха Юрьевича Аша¹⁾.

Фамилія Ашъ (Asch) дѣлается у насъ извѣстною только съ приѣзда изъ Силезіи означеннаго Фридриха Аша. Это случилось въ 1706 году, то есть, черезъ четыре года послѣ того, какъ по всей Европѣ распространился знаменитый манифестъ Петра Великаго о призвѣіи иностранцевъ въ русскую службу²⁾. Фридрихъ Ашъ былъ опредѣленъ прямо секретаремъ въ штабъ генерала Ренна, кавалерійскій стряпчъ котораго входилъ, въ то время, въ составъ отдѣльнаго корпуса, присланнаго Петромъ въ помощь польскому королю Августу, противъ Карла XII. Ашъ, всюду слѣдовавшій за своимъ храбрымъ начальникомъ, отправился съ нимъ и въ Малороссію, куда были перенесены военныя дѣйствія, вслѣдствіе измѣны Мазепы. Въ славный день Полтавскаго боя, генералъ Реннъ, жестоко раненный въ бокъ, передалъ командованіе старшему полковнику Вейсбаху³⁾. Перемѣна начальника не могла имѣть особеннаго значенія для Аша: онъ уже упрочилъ за собою служебное положеніе по способности быть замѣтнымъ и нужнымъ, какъ въ канцеляріи, такъ и на полѣ битвы, куда безпрестанно являлся за полученіемъ приказаній. Въ 1711 году, во время Прутскаго похода, Ашъ былъ назначенъ секретаремъ же къ генералу Вейде⁴⁾. Съ этихъ поръ онъ сдѣлался извѣстнымъ Петру I. Ве-

¹⁾ Въ Родословн. книгѣ кн. П. В. Доморукова, въ статьѣ о баронахъ Ашъ (ч. 3, стр. 303), помпенованы только три сына барона Фридриха Аша: Петръ, Егоръ и Иванъ. Теперь оказывается, что онъ имѣлъ еще четвертаго—*Феодора*, забытаго всѣми узника Спасо-Евфиміева монастыря. Изъ письменныхъ документовъ, которые служили матеріалами для этой статьи, видно также, что баронъ Фридрихъ Ашъ имѣлъ еще трехъ дочерей: старшая была за генералъ-прокуроромъ графомъ П. И. Ягужинскимъ, съ которымъ, какъ извѣстно, была разведена, *по причинѣ задумчиваго и страннаго ея нрава* и заключена въ одинъ изъ Московскихъ дѣвчыхъ монастырей, гдѣ и скончалась; другая дочь—Александра была за Вас. Мих. Ребиндеромъ (1730—18..), и наконецъ, послѣдняя—*за графомъ Матюшкинымъ* (?).

²⁾ Манифестъ издавъ въ апрѣлѣ 1702 г.

³⁾ Иоганнъ-Бернгардъ Вейсбахъ, въ послѣдствіи графъ, родомъ Чехъ; вступилъ въ русскую службу въ 1707 г., ум. 1735 г.

⁴⁾ Адамъ Адамовичъ Вейде, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ по участию въ слѣдствіи надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Онъ умеръ въ 1720 году и, хотя былъ не православнаго исповѣданія, похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

ливій монархъ очень скоро обратилъ вниманіе на ловкаго, способнаго Нѣмца и находилъ, что онъ съ успѣхомъ можетъ быть употребленъ и „для другихъ, болѣе тонкихъ матерій“. Послѣ Прутскаго похода Ашъ оставилъ военную службу и въ 1712 году былъ отправленъ въ Митаву, для занятія должности секретаря при дворѣ вдовствующей герцогини Курляндской Анны Іоанновны. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о пребываніи Аша въ Митавѣ. Только нѣкоторыя косвенныя указанія даютъ основаніе предполагать, что въ нѣсколько лѣтъ Ашъ сдѣлался весьма нужнымъ человѣкомъ и при дворѣ герцогини. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ 1719 году, когда Ашъ, по приказанію Петра, былъ назначенъ секретаремъ къ генералу Вейсбаху, отправляемому съ дипломатическимъ порученіемъ въ Вѣну,—Анна Іоанновна долго не соглашалась отпустить его и уступила, наконецъ, необходимости, единственно въ уваженіе собственноручнаго письма Петра, въ которомъ тотъ общалъ племянницѣ возвратить Аша, по окончаніи возложеннаго на него порученія въ Вѣнѣ.

Генералъ Вейсбахъ, бывшій начальникомъ Аша, командовалъ въ то время драгунскою дивизіею, расположенною въ Смоленскѣ. Петръ Великій отправлялъ его въ Вѣну „какъ бы для собственныхъ дѣлъ“, но въ дѣйствительности ему поручалось развѣдать о причинахъ явнаго охлажденія Карла VI къ Россіи и возобновить съ нимъ, по возможности, старинную дружбу. На аудіенціи 1-го января 1720 года императоръ Римскій обошелся съ Вейсбахомъ весьма благосклонно и выражалъ самыя дружественныя чувства къ Петербургскому двору. Этимъ оканчивалось порученіе Вейсбаха, но отъѣздъ его замедлился новымъ и весьма важнымъ обстоятельствомъ. Въ Вѣну пріѣхалъ посоль герцога Голштинскаго Карла Фридриха съ жалобой на Датскаго короля, отнявшаго у герцога значительную часть его владѣній. Австрійскіе министры, давъ замѣтить послу, что въ настоящее время императоръ Римскій ничего не можетъ сдѣлать въ пользу герцога, совѣтовали ему, отъ имени императора, обратиться за помощію къ Петру Великому и ручались за успѣхъ, особенно въ томъ случаѣ, если герцогъ предложитъ руку какой-либо изъ принцессъ—его дочерей. Голштинскій посоль донесъ о томъ своему герцогу, и тотъ послѣдовалъ прислать ему свое согласіе и полномочіе переговорить обо всемъ съ русскимъ посломъ. Петръ нашелъ съ своей стороны выгоднымъ принять подъ свою защиту и породниться съ молодымъ герцогомъ Голштинскимъ, племянникомъ Карла XII и ближайшимъ наслѣдникомъ шведскаго

престола, а потому далъ знать Вейсбаху, что онъ желалъ бы видѣть герцога у себя, въ Петербургѣ. Вслѣдъ затѣмъ, графъ Ягужинскій былъ посланъ смѣнить Вейсбаха, которому приказано возвратиться къ своей дивизіи въ Смоленскъ, а секретарю Ашу—прибыть въ Петербургъ. Можно думать, что вообще честь успѣха дипломатическихъ переговоровъ въ Вѣнѣ и самого сватовства принадлежить секретарю Ашу больше, чѣмъ Вейсбаху. Австрійскіе министры и особенно духовные императора предлагали Ашу свои ходатайства о возведеніи его въ баронское достоинство, но онъ отказался отъ лестнаго отличія, вѣроятно, не желая возбуждать ревности Вейсбаха. По приѣздѣ въ Петербургъ, Ашъ представился императору, который обласкалъ его и, подаривъ 1000 рублей, отправилъ назадъ въ Митаву. Въ половинѣ 1724 года Ашъ былъ опять вызванъ въ Петербургъ и назначенъ Петербургскимъ почтдиректоромъ, на мѣсто старика Краузе. Можетъ быть, Аша ожидала блестящая карьера, потому что онъ пользовался большимъ довѣріемъ императора ¹⁾.

Но не прошло и года, какъ не стало Петра. Закатилось красное солнце, и мрачная эпоха временщиковъ свинцовою тучей повисла надъ Петербургомъ. Въ это тяжелое время человѣку, занимавшему сколько-нибудь видное мѣсто, нужно было имѣть много житейской мудрости, чтобъ обезпечить себя отъ всѣхъ случайностей и переменъ счастья; нужно было много такту, чтобъ усильно лавировать между партіями и, не пристраивая ни къ одной изъ нихъ, пользоваться постояннымъ общимъ благорасположеніемъ. Почтдиректоръ Ашъ былъ угоденъ и Меншикову, и Долгорукимъ, и Бироу, и Миниху. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ, Ашъ могъ спокойно устривать и свои семейныя дѣла. Старшій сынъ его и любимецъ—Федоръ былъ записанъ въ шляхетный кадетскій корпусъ. Другіе двое, Егоръ и Петръ, уже въ царствованіе Анны Іоанновны, были посланы учиться на казенный счетъ въ Геттингенъ, и наконецъ, послѣдній—Иванъ былъ опредѣленъ студентомъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Императрица Анна Іоанновна не забывала бывшаго своего секретаря: она жаловала Аша мизами въ Лифляндіи, и кромѣ того,

---

¹⁾ Академикъ Штелинь, собирая, въ послѣдствіи, свѣдѣнія о Петрѣ I, обращался и къ Ашу, какъ очевидцу и свидѣтелю дѣяній великаго преобразователя, и записалъ со словъ его два весьма примѣчательныхъ разсказа (Любопытн. и достопамятн. сказанія о императ. Петрѣ Великомъ. Спб. 1787).

подарила ему такъ называемыя „шкатульныя деньги“, которыя были отпускаемы ей, со времени Петра Великаго, къ каждому новому году. Эти деньги Ашъ отправилъ въ Амстердамскій банкъ, и въ девять лѣтъ у него составилаь такимъ образомъ сумма въ сто тридцать шесть тысячъ рублей. Дворцовый переворотъ 1741 года прошелъ для Аша также благополучно, какъ и всѣ предъидущіе. Сынъ его Ѳедоръ былъ наконецъ выпущенъ въ офицеры, но почему-то весьма скоро затерялся въ армейскихъ полкахъ, и только въ Семилѣтнюю войну дѣятельность его и самое имя становятся нѣсколько извѣстными. Въ 1757 онъ былъ командированъ въ Ригу для формированія запасныхъ батальоновъ и тутъ впервые обратилъ на себя общее вниманіе весьма, однако, страннымъ обстоятельствомъ: никто не получалъ раньше его извѣстій, и притомъ самыхъ точныхъ, прямо съ театра военныхъ дѣйствій. Извѣстія эти, опережавшія часто даже оффиціальныя донесенія, онъ немедленно сообщалъ отцу своему въ Петербургъ. Вѣсть о пораженіи Фридриха Великаго при Гохквирхѣ (14-го октября 1758 г.) прислана Ашемъ въ Петербургъ цѣлымъ суткамъ ранѣе прибытія туда, съ оффиціальнымъ донесеніемъ о томъ же событіи, австрійскаго курьера графа Кампителли. Въ 1760 году Ѳедоръ Фридриховичъ Ашъ отправился въ дѣйствующую армію, къ которой и прибылъ осенью, именно въ то время, когда Австрійцамъ удалось наконецъ склонить русскаго главнокомандующаго графа Салтыкова идти на Берлинъ. Австрійцы торопились въ прусскую столицу, рассчитывая на богатую добычу, и къ величайшей досадѣ не встрѣчали желаемаго сочувствія въ своихъ союзникахъ Русскихъ. Симпатіи Аша были, напротивъ того, на сторонѣ Австрійцевъ, и онъ, вскорѣ по занятіи Берлина, оказалъ имъ важную услугу: Ашъ донесъ по начальству о существованіи тайныхъ сношеній русскаго генерала графа Тотлебена съ прусскими генералами¹⁾. Обнаруженіе этой

¹⁾ Тотлебенъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ былъ преданъ военному суду. Дѣло о немъ кончилось уже при Екатеринѣ. Высочайшимъ указомъ, отъ 11-го апрѣля 1763 г., повелѣно: Готлиба Курта Генриха графа фонъ-Тотлебена, «обличеннаго въ вредительныхъ противу Россійскаго государства намѣреніяхъ», вывезти подъ крѣпкимъ карауломъ на границу имперіи и тамъ, прочитавъ ему настоящій указъ, отнять всѣ чины и кавалеріи и взять подписку, ни подъ какимъ видомъ, никогда не въѣзжать въ Россію; въ противномъ же случаѣ, всякій, кто увидитъ и узнаетъ его, имѣетъ право отнять у него животъ, какимъ заблагоразсудится образомъ, и тѣмъ же преступитъ ни правъ гражданскихъ, ни военныхъ, ниже обще-народныхъ, которыя его Тотлебена защищать, яко из-

интриги, парализовавшей дѣйствія союзной арміи, весьма обрадовало Вѣнскаго двора. Императоръ Францъ I пожаловалъ отцу Аша и его роду баронское достоинство ¹⁾.

Это было послѣднею радостію Петербургскаго почтъ-директора. Вступленіе на престолъ Екатерины какъ-бы внезапно отняло у Аша все его благополучіе и сдвинуло его съ той колѣн, по которой онъ шелъ такъ спокойно и ровно болѣе полулѣта. За почтамтомъ открылись большіе денежные недочеты. Въ 1764 году баронъ Фридрихъ Ашъ былъ уволенъ отъ службы, съ обязательствомъ составить отчеты о переходящихъ суммахъ почтамта, не представленные имъ въ продолженіе 17 лѣтъ. Ашъ три года трудился сводить приходъ съ расходомъ, но работа эта не повела ни къ чему: цифры не могли замѣнить исчезнувшихъ рублей. Для приведенія въ ясность счетовъ почтамта была учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая счетная экспедиція при иностранной коллегіи, первымъ и единственнымъ, извѣстнымъ намъ, дѣйствіемъ которой было наложеніе запрещенія на имущество барона Аша. Легко себѣ представить, какимъ тяжелымъ бременемъ легли всѣ эти невзгоды на душу маститаго барона. Старшій и любимый его сынъ Федоръ, извѣстный по Тотлебенскому дѣлу, былъ также уволенъ, въ 1766 году, отъ службы съ чиномъ бригадпра и пенсіей. Онъ переселился на житье въ Петербургъ къ опальному отцу своему. Оба недовольные новымъ царствованіемъ, новыми порядками,

---

мѣнника, выгнаннаго изъ Россійскаго государства. болѣе не могутъ». Полн. Собр. Законовъ Рос. Имп., Т. XVI, стр. 222. Въ 1769 году Тотлебенъ былъ прощенъ и съ отлѣченіемъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ.

¹⁾ Баронскій дипломъ былъ высланъ Ашу только въ 1762 г., по воцареніи Екатерины II. Причина этого промедленія была слѣдующая: сперва наводили подробнѣйшія справки о прежней службѣ Аша, потомъ составлялся проектъ герба, который пѣсколько разъ пересылался изъ Вѣны въ Петербургъ и оттуда съ замѣчаніями и поправками Аша возвращался назадъ. Но больше всего было хлопотъ за выборомъ девиза. Ашу весьма желательно было имѣть девизъ *Virtute Ducere*, и въ концѣ концовъ онъ настоялъ на этомъ. Сохранился переводъ съ австрійскаго диплома, присланнаго русскому почтъ-директору. Выпишемъ болѣе характерное мѣсто: «Находящійся нынѣ въ Россійской императорской службѣ статскій совѣтникъ, нашъ и имперіи любезно-вѣрный Фридрихъ фонъ-Ашъ... готовъ въ пользу нашу и освященной Римской имперіи, также за Аустрійскаго послѣднаго дома и всего общества, по возможности и силѣ его до конца жизни завсегда усердствовать, что онъ дѣлать очень можетъ, имѣетъ и долженъ». Замѣтимъ, между прочимъ, что въ дипломѣ ни разу не упоминается о заслугѣ Федора Фридриховича Аша, по Тотлебенскому дѣлу.

они уединились отъ всѣхъ и никогда не могли помириться съ своимъ положеніемъ. Но и они, подобно другимъ недовольнымъ того времени, подверглись бы одинаковой участи со всѣми—историческому забвенію, если бы черезъ четыре года послѣ смерти бывшаго почтъ-директора Аша ¹⁾, въ тайной экспедиціи не возникло дѣло, которое привело сына его, отставнаго бригадира барона Фредриховича, къ заключенію сперва въ Динабургскую крѣпость, а потомъ въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Дѣло это, не столько важное, сколько странное и неожиданное, замѣчательно потому, что исходнымъ пунктомъ его или причиною былъ знаменитый меценатъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

По вступленіи на престолъ Екатерины, Шуваловъ, какъ извѣстно, удалился отъ двора и въ продолженіе 15 лѣтъ проживалъ въ чужихъ краяхъ. 6-го сентября 1777 года онъ возвратился наконецъ въ Петербургъ. Императрица Екатерина не особенно уважала душевныя качества бывшаго любимца Елисаветы. Нерѣшительность его характера, мнительность и малодушіе она ѣдко описала въ своей сатирѣ о „нерѣшительномъ“, помѣщенной въ первой книжкѣ журнала „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова“ ²⁾. Еще рѣзче она отозвалась о немъ въ письмѣ къ Станиславу Понятовскому ³⁾. Но не смотря на это, Шуваловъ, по возвращеніи изъ-за границы, былъ принятъ весьма благосклонно и даже пожалованъ въ оберъ-камергеры: у Екатерины была своя система относительно временщиковъ прежнихъ царствованій.

Утромъ 20-го октября 1777 года отставной бригадиръ баронъ Ашъ пришелъ въ домъ оберъ-камергера Шувалова и сказалъ, что имѣеть крайнюю надобность видѣть хозяина. Прислуга объяснила, что его превосходительство еще почиваетъ. Баронъ Ашъ настал-

---

¹⁾ Баронъ Фридрихъ Ашъ скончался 5-го декабря 1773, а не 1771 года, какъ показано во всѣхъ справочныхъ словаряхъ.

²⁾ «Есть у меня сосѣдъ, который въ младенчествѣ слылъ умничею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннѣйшій каковъ,—увидите изъ слѣдующаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ на право, то одумавшись, поидетъ на лѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, вопъ поуждають его идти впередъ, потомъ возвращается вспять. Каковъ же путь его, таковы и мысли... Когда я гляжу на него, тогда онъ, утупя глаза въ полъ, передо мною важничаетъ, труся однако мнѣ мысленно, и т. д. См. Матеріалы для исторіи журнальн. и литературн. дѣятельности Екатерины II, соч. П. Пекарскаго (Прилож. къ III тому Зап. Ими. Академіи Наукъ, № 6, стр. 11).

³⁾ Тамъ же, стр. 15.

валъ на своемъ и требовалъ доложить о своемъ приходѣ. Приглашенный наконецъ въ спальню Шувалова, баронъ Ашъ вручилъ запечатанный пакетъ, адресованный на его имя. Шуваловъ раскрылъ письмо и съ удивленіемъ увидѣлъ въ концѣ его подпись: *Баронъ Фридрихъ Ашъ. Спб. Марта 4-го дня 1773.* Ашъ объяснилъ, что письмо это, написанное его покойнымъ отцемъ, не могло быть доставлено раньше, за нахожденіемъ Шувалова въ чужихъ краяхъ. Письмо покойнаго заключало въ себѣ слѣдующее:

«Милостивый государь! Глубокая старость моя, какъ мнѣ уже отъ роду 85 лѣтъ, и здравіе мое, отъ времени до времени ослабѣвающее, отнимаютъ у меня всю надежду дожить до того радостнаго дня, когда ваше императорское высочество, по счастливомъ возвращеніи въ государство ваше съ помощію Всемогущаго Бога, вступите на всероссійскій императорскій престолъ, къ несказанной радости всѣхъ вашихъ вѣрныхъ подданныхъ.

«Не доживъ до чрезвычайной радости персонально принести вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе съ восшествіемъ, я не премину пожелать того симъ письмомъ и принести вамъ, милостивѣйшему государю, мою должную благодарность за всѣ оказанныя мнѣ милости, за благосклонныя оферты отъ васъ, за довѣренность, а паче за то, что ваше высочество, передъ отъѣздомъ въ чужіе края, удостоили меня, низкаго слугу, вашимъ милостивымъ посѣщеніемъ.

«Удовольствіе большое имѣлъ я въ томъ, что, служа предкамъ вашимъ 58 лѣтъ, служилъ я также въ Бозѣ почивающей матушкѣ вашей, блаженной и вѣчной славы достойной государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, еще въ бытность ея въ Митавѣ,—честь, которую имѣли только нѣсколько ея подданныхъ.

«По преемственной линіи въ правленіи Всероссійской имперіи отъ государя и царя Іоанна Алексѣевича, по немѣнью отъ него наследниковъ, Всевышній Творецъ предназначилъ ваше высочество къ принятію всероссійской императорской короны, чего искренно желаютъ всѣ ваши вѣрно-подданные, которые только извѣстны о высокой особѣ вашей.

«Для восшествія вашего высочества на императорскій престолъ необходимо будетъ освободить дворецъ отъ обрѣтающихся нынѣ въ немъ императрицы и ихъ высочествъ.

«Къ сей важной и секретнѣйшей экспедиціи вашему высочеству необходимо такихъ подданныхъ вашихъ вѣрныхъ и надежныхъ, которые справедливыя причины имѣютъ быть недовольными нынѣшнимъ правленіемъ; въ числѣ такихъ извѣстныхъ мнѣ многихъ персонъ находится и сынъ мой старшій Федоръ, писатель сего списаннаго моего концепта, и который сіе вашему высочеству въ собственныя руки вручить честь имѣть будетъ. Будучи два

года первымъ полковникомъ по всей регулярной арміи, онъ въ 1766 году былъ отставленъ отъ воинской службы съ чиномъ бригадира и пенсіею. Въ то время ему было только 39 лѣтъ и при добромъ здоровіи онъ былъ еще въ состояніи нести полевую службу, къ чему по инклинаціи его онъ охоту имѣлъ. Прочее его недовольствіе, по полученному дозволенію, онъ самъ объяснитъ вашему высочеству.

«Изъ истиннаго къ вашему высочеству усердія осмѣливаюсь вамъ онаго сына моего рекомендовать для восшествія вашего на престолъ исправляющей важной комисіи и увѣренъ я, что онъ исправлять будетъ оную съ крайнимъ радѣніемъ, понеже онъ по Тотлебенскому дѣлу уже себя оказалъ, что онъ къ такимъ комисіямъ способенъ, тѣмъ наиболѣе, что то дѣло онъ самъ собою сдѣлалъ, исполняя тѣмъ свою обязанность, наблюдая интересъ своей императрицы и сего государства, отечества его, для охраненія отъ опасности непріятеля, понеже въ то время марширующая побѣдами славная армія въ трехъ дивизіяхъ, двумя особливими колоннами, была уже близъ непріятельскаго корпуса въ 20.000 человекъ, подъ командою генераль-поручика барона Гольца, также и отъ легкихъ войскъ подъ командою генераль-поручика Вернера. Какъ скоро вышеобъявленный генераль Гольцъ объ арестованіи генерала графа Тотлебена пзвѣстіе получилъ, то ему и приключилась смерть параличкою. Сынъ мой могъ при ономъ дѣлѣ потерять свою честь и благополучіе, ежели бы не досталъ довольныхъ доказательствъ о корреспонденціи Тотлебена съ непріятелемъ.

«Ежели ваше высочество къ исправленію упомянутой комисіи его удостоитъ соблаговолите, то я ему симъ даю къ сей секретной экспедиціи мое родительское благословіе. Я приказалъ ему подъ клятвою никому не говорить объ этомъ письмѣ, хотя брату родному. При всемъ томъ я увѣренъ, что всѣ мои сыновья и зять мой, за шталмейстера правящій генераль-майоръ Ребиндеръ, ваше высочество за настоящаго государя нашего съ истиннымъ глубочайшимъ респектомъ почитаютъ.

«Милостивѣйшій государь, позвольте мнѣ теперь вамъ и мою принужденную просьбу къ стонамъ вашимъ всепизжайше представить. Понять я не могу, отъ чего ея величество на меня и на сыновей моихъ, а напаче на сына Федора, гнѣвна, не имѣвъ къ тому, сколь мнѣ извѣстно, отъ насъ какой причины.

«Въ 1764 году уволенъ я именнымъ указомъ отъ службы моей съ тѣмъ, чтобъ мнѣ сочинить 17-ти лѣтніе почтовые счета, которыхъ во время моей дирекціи при почтамтѣ никонмъ образомъ сочинить не могли, по нижеслѣдующимъ резонамъ: 1) по множеству отправленій почтъ и эстафетъ, къ чему я не имѣлъ столько служителей, сколько при теперешнемъ почтамтѣ находится; 2) по имѣющейся секретной экспедиціи, кото-

рая мнѣ одному 38 лѣтъ, за все время, какъ я былъ почтъ-директоромъ, препоручена была, при которой должности я по большей части и здоровья моего лишился, и 3) для сочиненія тѣхъ почтовыхъ счетовъ я не имѣлъ потребнаго числа людей.

«Во исполненіе именнаго указа я сталъ сочинять счета въ моемъ домѣ въ 1765 г. по 1767, а въ 1768 году взяты были отъ меня всѣ начатые счета, прихода-расходныя кнпки и квитанціи отъ чужестранныхъ почтамтовъ въ полученіи денегъ отъ здѣшняго почтамта, и все это передали въ учрежденную при иностранной коллегіи счетную экспедицію. О концѣ сихъ счетовъ я къ крайнему моему прискорбію ничего не слышу, только извѣстенъ, что на домъ мой положенъ секвестръ.

«Когда я сдавалъ свою должность и казну ея величества канцеляріи совѣтнику и почтъ-директору Эку, то я объявилъ ему, что надлежитъ уплатить долгъ нѣкоторымъ чужестраннымъ почтамтамъ, но на оное ничего чинено не было. По сей причинѣ тѣ почтамты часто стали писать ко мнѣ о платежѣ тѣхъ долговыхъ денегъ. Дабы честь вашего государства не тронута была, я уплатилъ изъ собственнаго моего имѣнія Варшавскому и Шведскому почтамтамъ около 20,000 рублей и объ этомъ донесъ рапортомъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, дабы по окончаніи моихъ счетовъ тѣ деньги мнѣ возвращены были. Прусскій почтамтъ такожъ требовалъ платежа почтовыхъ денегъ и за тѣ даже годы, когда Пруссія, во время бывшей войны, состояла подъ Россійскою державою, къ чему я противился, и тотъ платежъ оному почтамту за тѣмъ резономъ я не платилъ, а уплачены оныя всѣ изъ казны Ея Величества.

«А какъ вышеупомянутые счета мои не окончены, и тѣмъ мнѣ о возвратѣ моихъ денегъ просить не можно, того для всенекорнѣйше прошу ваше высочество, по благополучномъ возшествіи вашему на всероссійскій престолъ, всемилостивѣйше указать выдать вышеобъявленныя деньги на слѣдпкамъ моимъ.

«Блаженной и вѣчной памяти достойная императрица Елизавета Петровна пожаловала мнѣ въ 1749 году въ Ингермапландіи, по смерть мою, мызу Хотиницы съ 309 душами. По ея же величества высочайшему рескрипту всемилостивѣйше обѣщано сыну моему Федору, по Тотлебенскому дѣлу, пожаловать деревней, о которой онъ, по окончаніи дѣла того, просилъ, но обѣщаннаго не получилъ, а вмѣсто того высочайшею резолюціею ему назначено было получить при первой вакансіи арендную мызу; по слуху мой того принять не могъ, ибо милость сія не сродственна высочайшаго рескрипта. Того ради всенекорнѣйше прошу ваше высочество, когда всемогущій Богъ васъ тою милостію наградитъ, пожаловать ту мызу обиженному сыну моему Федору.

«Препоруча накопецъ себя и всю фамилію мою вашей высокой мнѣ остается теперь, какъ стоящему у края могилы, только молиться всевышнему о всегдашнемъ здравіи вашего высочества до позднѣйшихъ временъ, о благополучномъ восшествіи вашемъ на прародительскій престолъ, о счастливомъ правленіи вашего государства, о знатныхъ побѣдахъ орудіи вашихъ, о благополучномъ бракосочетаніи съ достойною принцессою, и чтобъ тѣмъ нѣкогда не былъ бы недостатокъ въ высокихъ послѣдникахъ всероссійскаго императорскаго престола. Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаемъ по вѣкъ мой, вашего императорскаго высочества, милостивѣйшаго государя, всепокорнѣйшій слуга Баронъ Фридрихъ Ашъ».

С.-Петербургъ, марта 4-го дня 1773 г.

Прочитавъ это странное письмо, конечно, съ величайшимъ смущеніемъ, Шуваловъ поспѣшилъ одѣться и, пригласивъ барона Аша подождать въ спальнѣ, поѣхалъ съ письмомъ прямо во дворецъ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вернулся домой и сейчасъ же, вмѣстѣ съ Ашемъ, отправился далѣе, къ генераль-прокурору князю Вяземскому, которому вручилъ, вмѣстѣ съ письмомъ, высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Взявъ Аша къ себѣ въ домъ, спросить кто то письмо писалъ, и буде онъ скажетъ, что письмо писано имъ, Ашемъ, то его тотчасъ арестовать и потомъ о написанной въ томъ письмѣ важности допросить, и что покажетъ, намъ довести».

Генераль-прокуроръ, прочитавъ письмо отъ начала до конца, обратился къ барону Ашу съ вопросомъ: «Кто писалъ это преступническое письмо, и для чего Шуваловъ титулуется императорскимъ высочествомъ, тогда какъ онъ не больше какъ Россійскій дворянинъ?» «Письмо писано собственною моею рукою», отвѣчалъ Ашъ,—«а подписано моимъ покойнымъ отцемъ. Шуваловъ же титулуется императорскимъ высочествомъ потому, что онъ есть сынъ покойной императрицы Анны Іоанновны, рожденный отъ Бирона».

Ашъ былъ тотчасъ же арестованъ, и спустя нѣкоторое время, приведенъ къ допросу. Генераль-прокуроръ предложилъ ему разсказать обстоятельства и поводы написанія письма.

«Въ мартѣ 1773 года», началъ Ашъ, «отецъ призвалъ меня въ свой кабинетъ и, подавая написанное собственною его рукою письмо, сказалъ: «Сяди здѣсь, Ѳедоръ, и переписи эту бумагу». Привыкнувъ во всемъ быть послушнымъ отцу, и взявъ бумагу и списалъ съ нея копію. Потомъ батюшка подписалъ ее, вложилъ въ пакетъ и велѣлъ при себѣ запечатать его двумя печатами. Когда

все было кончено, онъ сказалъ: „Я спрячу этотъ пакетъ до времени у себя, а потомъ, когда-нибудь, передамъ его тебѣ“. 30-го ноября того же года батюшка мой тяжело заболѣлъ. Причастившись святыхъ таинъ, онъ благословилъ меня и, доставъ затѣмъ пакетъ, сказалъ: «Вотъ то письмо, которое ты переписалъ. Отдай его, когда будетъ возможно, въ собственныя руки Ивана Ивановича Шувалова. Будь, Ѳедоръ, вѣренъ ему, какъ законному своему государю». Иванъ Ивановичъ былъ все это время въ чужихъ краяхъ, и я до сихъ поръ не могъ доставить ему этого письма, потому что по бѣдности моей не въ силахъ былъ предпринять далекаго путешествія“.

На слѣдующій вопросъ генераль-прокурора: Зналъ ли онъ, Ашъ, до переписыванія этого письма о такомъ происхожденіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Шувалова, — Ашъ отвѣчалъ, что еще до вступленія ея величества на престолъ, отецъ сказывалъ ему, что у покойной императрицы Анны Іоанновны былъ сынъ, но въ то время не открывалъ его имени; когда же ея величество позволила отправиться въ Москву на коронацію, то отецъ, отправляя письмо къ Шувалову, велѣлъ написать на конвертѣ только *Милостивѣйшему Государю*, и когда онъ, Ашъ, спросилъ отца, почему не прописывается его чина, тотъ въ первый разъ рѣшительно объявилъ, что Иванъ Ивановичъ есть принцъ, рожденный отъ императрицы Анны Іоанновны, а потому законный государь Россіи. „Сначала я усомнился въ этомъ“, продолжалъ Ашъ, — „такъ какъ зналъ, что Анна Іоанновна не имѣла мужа, но принявъ въ соображеніе правдивость моего отца, и что онъ, служа при императрицѣ, когда она жила въ Митавѣ съ своимъ камеръ-юнкеромъ, герцогомъ Курляндскимъ, долженъ знать это дѣло лучше другихъ, — я рѣшительно убѣдился, что Иванъ Ивановичъ Шуваловъ есть сынъ императрицы Анны Іоанновны и Бирона. Мнѣ вспомнилось тогда, то особенное почтеніе, которое отецъ съ давнихъ поръ оказывалъ Шувалову, и что портретъ его онъ постоянно имѣлъ предъ собою“.

„Были ли вы у присяги, при восшествіи на престолъ ея императорскаго величества?“ На этотъ вопросъ генераль-прокурора Ашъ отвѣчалъ слѣдующее: „Признавая Шувалова за истиннаго государя, я не присягалъ ея величеству до тѣхъ поръ, пока не былъ опубликованъ указъ 1763 года, которымъ предупреждалось, что не присягнувшіе и послѣ того указа будутъ оштрафованы. Присягу я чинилъ въ кадетскомъ корпусѣ и хотя повторялъ по

напечатанному слова присяги, однако въ мысляхъ своихъ и сердцѣ давалъ эту клятву на вѣрность не великому князю, а ну Ивановичу. Точно также я присягалъ и на чинъ бригади данный мнѣ при отставкѣ“.

Генераль-прокуроръ предложилъ послѣдній вопросъ: „Какое васъ было намѣреніе при подачѣ письма Шувалову?“ „Если бы прочтеніи письма, поданнаго мною Ивану Ивановичу, тотъ приказалъ мнѣ очистить дворецъ, я не задумался бы исполнить это приказаніе, хотя бы то стоило мнѣ жизни! Я поступилъ бы такимъ образомъ: сперва старался бы розыскать всѣхъ служащихъ, которъ были обижены въ послѣднюю войну. Такихъ лицъ здѣсь оче много. Напримѣръ, генераль Бергъ считаетъ себя обиженнымъ по Прусской войнѣ. Я хотѣлъ обратиться прямо къ нему. Мы брали бы цѣлую военную команду изъ педовольныхъ, пошли во дворецъ, арестовали бы тамъ государыню съ великимъ княземъ а Шувалова возвели бы на престолъ. Но я клянусь честью и вѣ ннымъ блаженствомъ, что объ этомъ намѣреніи и о самомъ пись я никогда и ни съ кѣмъ не говорилъ, но хранилъ это въ глубин моего сердца, возлагая всю надежду на одну только волю Шувалова“.

На этомъ прекратился допросъ. Барону Ашу было предложено дополнить свои показанія. 25-го октября онъ представилъ письменныя дополненія къ показаніямъ, въ которыхъ, какъ и въ изустныя отвѣтахъ, не замѣчалось ни малѣйшаго стремленія зашщитить и оправдать себя; напротивъ того, съ энтузіазмомъ фанатика, готово претерпѣть муку за свое вѣрованіе, онъ объяснялъ даже то, о чемъ совсѣмъ не спрашивали его.

„Къ нынѣшней императрицѣ“, писалъ Ашъ въ своихъ доподніяхъ, — „я не имѣю ни малѣйшаго усердія. Это она видѣла е въ 1764 году, въ Ригѣ, во время смотра нашей Ляфляндской визіи: объѣхавъ тогда фронтъ первой линіи, императрица повнула во вторую; послѣ минутной остановки и разговора съ генералмаіоромъ принцемъ Карломъ Курляндскимъ, она приблизилась ввѣренному мнѣ Нижегородскому пѣхотному полку и получила знаменн не такую честь, какую отдаютъ государямъ. Всѣ замѣти какъ императрица перемѣнилась въ лицѣ. Командующій дивизі генераль-фельдмаршалъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и генераль-аншефъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ послѣшли къ подпрапорщикамъ и приказали наклонить знамена, какъ сдуетъ. На другой день гофмаршалъ князь Голцынъ далъ зв

генералитету и штабъ-офицерамъ о прибытіи во дворецъ къ обѣденному столу. Мнѣ, какъ первому полковнику дивизіи, пришлось сидѣть рядомъ съ камеръ-юнкеромъ княземъ Несвицкимъ. Императрица безпрестанно впадала на меня весьма гнѣвные взгляды. Послѣ отставки моей, когда я бывалъ во дворцѣ, что случалось только въ первые шесть лѣтъ, и то очень рѣдко, я никогда не подходилъ къ рукѣ императрицы, признавая государемъ не Екатерину Вторую, а Ивана Ивановича, именуемаго Шуваловымъ ¹⁾. У цесаревича Павла Петровича я тоже никогда не цѣловалъ руки, потому что и его не признавалъ наследникомъ російскаго престола. Когда въ церквахъ возносили молитвы о здравіи ея величества и цесаревича, я молился въ это время о здравіи моего истиннаго государя Ивана Ивановича. Въ торжественные дни, когда, при пушечной пальбѣ, во дворцѣ шли за здравіе ея величества и его высочества, я тоже шелъ, но только мысленно. Относилъ тостъ Ивану Ивановичу, дабы онъ остался въ здравіи и благополучно принималъ бы всеросійскій престолъ, на обладаніе которымъ онъ, единственный нашъ государь, имѣетъ надлежащее и неотъемлемое право“

Вслѣдъ затѣмъ, дѣло Аша, по высочайшему повелѣнію, было передано на окончательное разсмотрѣніе и разборъ особой комиссіи изъ трехъ сенаторовъ. 28-го октября комиссія собралась въ домѣ генераль-прокурора и по выслушаніи: 1) письма, поданнаго отставнымъ бригадиромъ барономъ Ашемъ дѣйствительному тайному совѣтнику Шувалову, 2) учиненнаго Ашу въ тайной экспедиціи

¹⁾ Изъ одного изъ показаній Аша объясняетъ, почему Иванъ Ивановичъ названъ Шуваловымъ: «Отецъ сказывалъ мнѣ, что Иванъ Ивановичъ принялъ фамилію отъ нѣкоего Шувалова, которому онъ былъ отданъ Анной Иоанновной на воспитаніе. Но я слышалъ также и другое объясненіе сей дериваціи. Императрица Анна Иоанновна, какъ извѣстно, учредила вновь два гвардейскіихъ полка — Измайловскій и Конный. Во время смотровъ въ Конномъ полку, какъ это принято и во всей кавалеріи, передъ полкомъ шли офицерскія заводныя лошади. Анна Иоанновна велѣла присоединить къ нимъ также дворцовыя заводныя лошади, и одну изъ нихъ, принадлежавшую маленькому принцу Ивану Ивановичу, было приказано вести безъ попоны двумъ конюхамъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ передъ первымъ взводомъ перваго эскадрона, на которомъ слѣдовало быть ротмистру перваго эскадрона. Эта то лошадь, ведомая двумя конюхами, и дала фамилію Ивану Ивановичу: *шеваль* — прибавивъ къ тому *ловъ* — будетъ *Шеваловъ*, но такъ какъ подобной фамиліи нѣтъ въ Россіи, то переимѣнилъ въ первомъ слогѣ *e* на *y* и отдалъ царственнаго мячютеку въ фамилію Шуваловыхъ, чтобъ никто не зналъ объ его высокомъ происхожденіи».

допроса и 3) написанных Ашемъ въ дополненіе допроса показаній, опредѣлила: „Въ подтвержденіе означеннаго допроса и своеручнаго написанія Аша, въ присутствіи ихъ спросить его, для чего онъ столь дерзостныя и вымышленныя слова въ письмѣ, въ допросѣ и своемъ дополненіи писать и вредныя намѣренія имѣть отважился; такожъ и о томъ, не имѣлъ ли онъ въ семь его развращенномъ и вредномъ намѣреніи подобныхъ себѣ сотоварщей, и кого же онъ именно чаялъ сыскать людей недовольныхъ, служившихъ въ послѣднюю войну, и чрезъ что онъ о неудовольствіи ихъ узнать могъ. (Подписалъ:) Князь Александръ Голицынъ. — Князь А. Вяземскій. — Иванъ Елагинъ“.

На предложенные вопросы Ашъ отвѣчалъ собранію рѣшительно и рѣзко. Все высказанное имъ на допросѣ и въ письменномъ дополненіи онъ подтверждалъ здѣсь безъ всякихъ измѣненій. Собраніе настаивало объявить имена недовольныхъ за послѣднюю войну. Ашъ назвалъ только генерала Берга, генерала графа Салтыкова, артиллеріи генераль-маіора Мелісина и генераль-маіора Унгерна. „Ни отъ кого изъ нихъ“, продолжалъ Ашъ, — „я не слышалъ о неудовольствіи, а только самъ дѣлалъ это заключеніе, потому что особы эти, судя по газетамъ, много служили въ прошедшую войну, а награжденія имъ не сдѣлано. Что же касается до простыхъ людей, то я отнюдь не говорилъ съ ними о возведеніи Шувалова, потому что подобное предпріятіе подѣ стаетъ только людямъ умнымъ и богатымъ“.

Присутствовавшіе обратились, наконецъ, къ Ашу съ увѣщаніемъ и доказывали ему неоспорными и ощутительными резонами всю несостоятельность его мнѣнія о происхожденіи Шувалова, но онъ Ашъ сперва съ жаромъ, а потомъ и улыбаясь, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Что бы вы мнѣ ни говорили, но не совратите меня съ того мнѣнія, что Шуваловъ есть законный государь. Съ этимъ я умру, готовый принять всякое мученіе и пролить кровь свою за него. Отецъ мой любилъ меня и, предъ смертью благословляя меня, приказывалъ быть вѣрнымъ Шувалову, что я долженъ исполнить и исполняю“.

Коммпсія прекратила засѣданіе, приказавъ Ашу, по крайнеи мѣрѣ, ни съ кѣмъ не говорить объ этомъ „безумномъ враньѣ“ Ашъ увѣрялъ, что ему тѣмъ легче исполнить это приказаніе, что онъ уже достаточно облегчилъ свою душу отъ тяжелаго секретъ

3-го ноября того же 1777 года отставной бригадиръ Ашъ, „какъ впавшій по безумству въ преступленіе“, былъ отпращенъ, по вѣсо-

чайшему повелѣнію, въ Динамюндскую крѣпость, съ строгимъ приказаніемъ „не допускать къ нему никого и никакимъ его рѣчамъ не вѣрить“.

Ашъ прожилъ въ Динамюндской крѣпости, подъ строгимъ надзоромъ и безвыѣздно 19 лѣтъ. Ему не позволяли даже написать что-нибудь. Разсудокъ несчастнаго окончательно помутился, и это было особенно замѣтно въ промежутковъ времени съ 1782 по 1785 годъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ подбѣгалъ къ окну, отворялъ его и выкрикивалъ зычнымъ голосомъ: „Вивать, великій государь и настоящій императоръ Іоаннъ Іоанновичъ!“

Въ апрѣлѣ 1785 года Ашъ опасно заболѣлъ и уже совсѣмъ приготовился къ смерти, но къ несчастію, болѣзнь приняла счастливый оборотъ, и жалкое существованіе его продлилось на много лѣтъ. Тяжкая болѣзнь сильно потрясла организмъ Аша и, можетъ быть, отчасти возвратила ему разсудокъ. Эту догадку мы основываемъ на томъ отзывѣ, который далъ объ Ашѣ, въ 1796 году, Рижскій губернаторъ баронъ Мейендорфъ.

Павель I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, приказалъ генераль-прокурору князю Алексѣю Борисовичу Куракину потребовать отъ Рижскаго губернатора свѣдѣніе „о состояніи и поведеніи, содержащагося въ Динамюндской крѣпости отставнаго бригадира барона Аша“. Баронъ Мейендорфъ отвѣчалъ, что „Ашъ находится въ хорошемъ состояніи и ведетъ себя скромно, благопристойно и спокойно“. Князь Куракинъ, донеся объ этомъ отзывѣ его величеству, прибавилъ отъ себя: „Для лучшаго удостовѣренія объяснился и объ Ашѣ съ генераль-фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ и получилъ отъ него извѣстіе, что по бытности его въ Динамюндѣ, около трехъ лѣтъ тому назадъ, видѣлъ онъ его самъ и хотя нашелъ здоровымъ и спокойнымъ, но въ умѣ не исправившимся“.

На этомъ рапортѣ сдѣлана надпись собственною рукою князя Куракина: „Его императорское величество повелѣтъ соизволить означеннаго барона Аша сюда привести для пстаго освидѣтельствованія, почему и приготовить о семъ отношеніе къ начальствующему въ губерніи. Декабря 19-го 1796 года“.

30-го декабря того же года Ашъ былъ привезенъ въ Петербургъ. Его помѣстили въ нанятомъ для него особенномъ домѣ, окружили всевозможными удобствами и даже разрѣшили выѣздъ, но подъ неусыпнымъ надзоромъ тайной экспедиціи. Князь Куракинъ посѣщалъ его и уговаривалъ принести присягу императору. Ашъ нѣ-
I отдѣлъ.

которое время уклонялся от этого, объясняя, что онъ не можетъ присягать Павлу Петровичу, когда знаетъ о существованіи настоящаго императора „Іоанна IV-го“ ¹⁾. Упорство Аша было наконецъ сокрушено увѣщаніями генераль-прокурора. 26-го февраля 1797 года Ашъ присягнулъ, великому государю Павлу Петровичу, какъ настоящему „императору“, и вслѣдъ за тѣмъ, по высочайшему повелѣнію, ему была возвращена шпага.

Съ отъѣздомъ тайной экспедиціи, вслѣдъ за императоромъ, въ Москву, баронъ Ашъ былъ отданъ подъ присмотръ особенному надзирателю, подполковнику сенатскаго баталіона Муханову, которому было предписано еженедѣльно увѣдомлять въ Москву о благополучномъ состояніи Аша; обо всѣхъ же чрезвычайныхъ случаяхъ немедленно доносить съ нарочною эстафетою и по мѣрѣ надобности обращаться за пособіемъ къ главноуправляющему столицей. Муханову пришлось только одинъ разъ донести, что все обстоитъ благополучно. Не далѣе, какъ 25-го марта, въ 10 часовъ вечера, случилось слѣдующее происшествіе: Мимо квартиры барона Аша проходилъ артиллерійскій взводъ, состоящій изъ 30 человекъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ. Ашъ отворилъ форточку и громко закричалъ взводу: „Его императорское величество — не законный государь; престолъ принадлежитъ совсѣмъ не ему!“ Дневальный курьеръ успѣшилъ запереть форточку и сейчасъ же отрапортовалъ о случившемся подполковнику Муханову. Послѣдній засталъ Аша „въ неспокойномъ духѣ“.

„Я присягнулъ вашему императору“, кричалъ Ашъ, — „въ надеждѣ быть за это освобожденнымъ, и тогда я успѣлъ бы многимъ рассказать о неправильномъ владѣніи престоломъ. Но меня опять держать подъ надзоромъ, а времени остается такъ мало до коронаціи! Удивительное, право, дѣло: многіе знаютъ эту исторію, однако до сихъ поръ никакой перемѣны не слышно!“

Мухановъ замѣтилъ Ашу „о неправильномъ сужденіи его объ императорѣ, который уже оказалъ ему столько милостей...“

„Не нужно мнѣ милостей отъ незаконнаго государя“, отвѣчалъ Ашъ; „возьмите назадъ мою шпагу“. На другой же день, Мухановъ донесъ обо всемъ въ Москву нарочною эстафетою, прямо въ высочайшее пмя. Донесеніе его оканчивалось такъ: „Хотя не примѣчательно, чтобъ слышалъ кто-нибудь слова г. Аша, потому что разводъ шелъ съ барабаннымъ боемъ, и проѣзжали кареты, однаво-

---

¹⁾ И. И. Шуваловъ умеръ въ 1798 году.

же я донесъ военному губернатору графу Буксгевдену, который хотѣлъ призвать офицеровъ и спросить, не слышали ли чего, и по тому дать имъ свое приказаніе. Оному барону Ашу выѣздъ отказанъ, и онъ на другой день остался въ скучномъ положеніи, говоря, что онъ сдѣлалъ должное“.

2-го апрѣля 1797 года генераль-прокуроръ князь Куракинъ далъ знать Петербургскому военному губернатору о слѣдующемъ высочайшемъ повелѣніи: „Баронъ Ашъ, по учиненной его дерзости нарушенію присяги и измѣнническому предпріятію, въ силу государственныхъ узаконеній, заслуживаетъ смертную казнь; но по сродному его императорскому величеству къ роду человѣческому милосердію, отъ оной избавляется; а дабы преградить на будущее время дальнѣйшее покушеніе къ дерзновенію его, и чтобъ возчувствовалъ онъ тяжесть своего преступленія, то отослать его къ неисходному содержанію въ Суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь, съ произвожденіемъ въ день по пятидесяти копѣекъ, предписавъ настоятелю онаго о состояніи его ежемѣсячно генераль-прокурора увѣдомлять; почему къ подполковнику Муханову послать ордеръ, дабы онъ его, Аша, вновь арестовавъ, прислалъ сюда къ генераль-прокурору за крѣпкимъ карауломъ“.

Учрежденная въ царствованіе Александра I-го особая коммисія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ составила списокъ всѣмъ уголовнымъ преступникамъ прежняго царствованія. Въ списокѣ этомъ, высочайше утвержденномъ 15-го декабря 1802 года, противъ фамиліи барона Аша сдѣлана слѣдующая отмѣтка: „Коммисія полагаетъ и впредь его, какъ не исправившагося въ умѣ, оставить въ Спасо-Евѣиміевъ монастырѣ, съ порученіемъ губернскому начальству, дабы о немъ по временамъ доносило сенату“.

Дальнѣйшая судьба барона Федора Фридриховича Аша остается неизвѣстною.

А. ВАРСУКОВЪ.

Петербургъ.

16-го октября 1871 г.

РОССІЯ И ПОЛЬША ВЪ XVIII ВѢКѢ

по реляціямъ Венеціанца Д. Дольфина и Генуэзца С. Риварола.

Два италіянскіе дипломата Венеціанецъ Даніилъ Дольфинъ IV въ началѣ, и Генуэзецъ Степанъ Риварола, въ концѣ XVIII вѣка говорятъ въ своихъ реляціяхъ между прочимъ объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ. Оба дипломата отличались безпристрастіемъ и проникательностію; первоначально предубѣжденные противъ Россіи они, послѣ добросовѣстнаго изученія ея, стали на ея сторонѣ. Венеціанецъ Дольфинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей времени упадка республики св. Марка, равно уважаемый и ласкаемый на родинѣ, въ Вѣнѣ и Варшавѣ, расположенный въ Польшѣ, никогда не выдавший Россіи, однимъ чутьемъ постигъ великую будущность первой и предсказалъ близкое паденіе второй. Последнимъ проявленіемъ польской доблести, по его словамъ, было спасеніе Вѣны отъ Турокъ Собѣскимъ; со смертію ея начинается эпоха паденія Польши. Начертанная имъ картина ея далеко неутѣшительна. Съ мнѣніемъ Дольфина вполне согласенъ и его преемникъ Марино Марини. Генуэзецъ Степанъ Риварола бывший въ Россіи въ концѣ XVIII вѣка, пораженъ ея могуществомъ блескомъ ея двора и законно занятымъ мѣстомъ среди первенствующихъ европейскыхъ державъ. Онъ защищаетъ Россію отъ обвиненій въ ненасытномъ честолюбіи, а объ ея отношеніяхъ къ Польшѣ говоритъ такъ: „Новый раздѣлъ не можетъ соответствовать интересамъ С.-Петербургскаго двора, ибо абсолютное обладаніе одною частью не можетъ сравняться въ выгодахъ съ добровольно признаваемою властью надъ цѣлымъ (gratuito dominio)“.

I.

Даниэль Дольфинъ IV былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ представителей Венеціанской аристократіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка: морякъ, воинъ, администраторъ, дипломатъ, онъ—на водахъ Адриатики и Архипелага, на берегахъ Мореи и Далмаціи, въ Вѣнѣ и Варшавѣ, служилъ родниѣ отъ юныхъ лѣтъ до старости ревностно и честно, не щадя живота своего, жертвуя имуществомъ и семейнымъ счастіемъ и покоемъ, пренебрегая труды и опасности, и его заслуги, обширныя познанія и рѣдкія дарованія были оцѣнены современниками и достойны памяти въ потомствѣ.

Рано началъ онъ государственную службу. „Мнѣ пріятно вспомнить,“ говоритъ онъ въ реляціи представленной въ сенатъ по возвращеніи изъ Далмаціи въ 1699 году, ¹⁾ „что началъ я государственную службу въ ранней молодости и продолжалъ ее непрерывно 25 лѣтъ, ²⁾ — лучшіе годы моей жизни. Военная моя карьера началась службою на галерахъ. Командуя одною галерой (въ качествѣ *sorgasomito*), я имѣлъ счастье взять въ плѣнъ два судна изъ Майорки грабившіе торговые корабли въ Адриатикѣ: такимъ образомъ съ пиратовъ я началъ службу противъ враговъ республики.

„Въ мирное время въ качествѣ губернатора и капитана галеръ, я старался съ возможною осторожностью и ловкостью избѣгать оскорбительнаго для республики осмотра кораблей, который былъ намѣренъ возобновить французскій командиръ, Дюшенъ; въ то же время, счастливо конвоируя торговые корабли, я содѣйствовалъ безопасности нашей торговли. Злой судьбѣ приписываю что, послѣ долгихъ и постоянныхъ преслѣдованій, мнѣ не удалось захватить галеру *Маццарнаму* на водахъ Хиоса.

„Въ качествѣ чрезвычайнаго провизора я принималъ участіе почти во всѣхъ сраженіяхъ въ Моретѣ, до окончательнаго ея покоренія,—славнаго трофея сильной десницы свѣтлѣйшаго Морозини, премопамятнаго идеала храбрости, искусства и благородія во-

---

¹⁾ Relazione presentata nell' Eccellissimo Senato da S. E. Daniele Dolfin IV Cavaliere dopo il suo ritorno dalla carica di Provveditore generale in Dalmazia ed Albania. Рук. бібліотеки св. Марка въ Венеціи, Stat. classe VII, cod. № 3000H.

²⁾ Слѣдовательно, началъ службу въ 1674 году.

еннаго ¹⁾. Не мнѣ описывать опасности, которымъ я подвергался въ пылу сраженій, среди заразы: за строгое исполненіе я удостоился самыхъ лестныхъ, превышающихъ мои заслуги, похвалъ отъ свѣтлѣйшаго и отъ генерала Кенигсмарка, подъ начальствомъ котораго я усовершенствовался въ военной наукѣ“.

„По преждевременной смерти Лаврентія Венъера, этого достойнѣйшаго гражданина, я былъ назначенъ чрезвычайнымъ капитаномъ флота и генеральнымъ провизоромъ Далмаціи; ²⁾ въ обѣихъ этихъ должностяхъ я прослужилъ семь лѣтъ.... Подъ моею командой состояло всего 17 кораблей; но они находились въ плачевномъ состояніи и не были снабжены достаточнымъ числомъ матросовъ; жалованье имъ платилось несправно; не соблюдалась дисциплина. Нужно было прежде всего озаботиться о наборѣ матросовъ, потомъ ввести постоянное обученіе стрѣльбѣ изъ орудій, возстановить дисциплину, безпристрастно награждая достойныхъ и строго наказывая виновныхъ, и приложить особое стараніе о своевременной выдачѣ жалованья матросамъ“. И все это Даниль Дольфинъ исполнилъ, не только не вводя правительство въ новыя издержки, но даже въ теченіи двухъ лѣтъ сберегши 150.000 дукатовъ. Управляя Далмаціей, онъ старался увеличить ея доходы, развитъ промышленность, усилить торговлю съ пограничными турецкими областями и подорвать дубровницкую; отнятыя имъ у Дубровничанъ неретвинскія саловарни доставили Венеціи 100.000 дукатовъ ежегодно дохода.

Изъ Далмаціи Дольфинъ былъ переведенъ въ Вѣну, гдѣ нѣсколько лѣтъ состоялъ посланникомъ, сначала при Леопольдѣ I, а потомъ при сынѣ его Іосифѣ I, въ тяжкое для Австріи время войны за испанское наслѣдство и возстанія Венгріи подъ начальствомъ Ракоци. Въ отчетѣ о посольствѣ своемъ въ Вѣну, отъ 9-го декабря 1708 года, ³⁾ Дольфинъ говоря объ отношеніяхъ Австріи

¹⁾ Францискъ Морозини, прозванный за покореніе Моренъ въ 1687 годъ «Пелопоннесскимъ» былъ взбранъ 3-го апрѣля 1688 г. дожемъ (потомъ Дольфинъ и титудуетъ его «свѣтлѣйшимъ», «serenissimo»); умеръ 9-го января 1694 года. Графъ Оттонъ Вильгельмъ Кенигсмаркъ, родомъ Шведъ, поступилъ на венеціанскую службу предъ Морейскою кампаніей, во время которой командовалъ десантомъ. *S. Romanin, Storia documentata di Venezia. T. VII pp. 487—491, 509.*

²⁾ Это было въ 1692 году, какъ видно изъ «Serie degli ecc-mi provveditori generali». Рув. собранія Чиччони № 1.333, въ музеѣ Коррера въ Венеціи.

³⁾ *Dolfin Daniele, Relazione della sua ambasciata a Giuseppe imperatore 1708* Рув. библиотеки Св. Марка въ Венеціи. Stat. classe. VII, cod. DCCCCL.

въ сосѣднимъ державамъ, слѣдующими чертами обрисовалъ двухъ государей-соперниковъ, Карла XII и Петра I.

„Двадцатипестилѣтній Карлъ XII весь преданъ войнѣ, умѣренъ въ пищу, презираетъ роскошь, бодръ, неутомимъ, смѣлъ, не заботится о престолонаслѣдїи, питаетъ обширные замыслы, мечтая о подвигахъ Александра Великаго, постоянно читая Квинта Курція. Низложилъ короля Августа, онъ желалъ бы принудить къ отреченію отъ престола и царя. Но нѣтъ надежды на усиѣхъ: сопротивление будетъ сильно и рѣшительно. По мнѣнію лучшихъ шведскихъ министровъ, Швеція должна стараться ослабить Россію, не вступая съ нею въ открытую войну; но этотъ молодой монархъ презираетъ старыя правила и самыя мудрыя совѣты: на дѣлѣ увидимъ, каковъ будетъ конецъ. Всѣмъ извѣстно что въ Россіи водворяется военная дисциплина, что ея пѣхота, одѣтая, вооруженная и обученная на нѣмецкій ладъ иностранными офицерами, въ состояніи соперничать съ любовью. Иначе отзываются о русской кавалерїи, остающейся на прежней ногѣ, дурно вооруженной, дурно обученной и еще хуже командуемой. Шведскій король, сознавая превосходство своей кавалерїи, старается вызвать на бой русскую; но царь искусно избѣгаетъ подобнаго дѣла, противопоставляя ему на выгодныхъ позиціяхъ пѣхоту и употребляя кавалерїю только для партизанской войны. Какъ развяжется этотъ столь запутанный узелъ, невозможно постичь уму человѣческому, быть можетъ невѣдомымъ образомъ, ибо странность этихъ двухъ государей въ состояніи изобрѣсти извороты, нивѣмъ непредвидимые“

Вѣнскій дворъ, по словамъ Дольфина, искалъ дружбы Петра Великаго, но боялся его могущества и опасался его вліянія на православныхъ австрійскихъ подданныхъ. Дольфинъ увѣряетъ, будто бы Петръ хотѣлъ заставить своего сына принять католицизмъ чтобы жениться на австрійской эрцгерцогинѣ.

Своимъ безпристрастіемъ, обширными познаніями и рѣдкими талантами Дольфинъ снискалъ расположеніе къ себѣ Вѣнскаго двора, и на послѣдней прощальной аудіенціи императоръ, при весьма лестныхъ выраженїяхъ вручилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами.

Въ 1716 году Дольфинъ былъ назначенъ посломъ въ Польшу. Цѣлю этого посольства было склонить короля къ союзу съ Венеціей противъ Турціи, нарушившей Карловацкій трактатъ, но смутное состояніе Польши было причиной неудачи этого посольства. „Извѣстіе о нарушеніи Турками Карловацкаго мира, сообщенное

намъ какъ письмомъ вашей свѣтлости отъ 16-го февраля 1714 года, такъ и подробнѣе кавалеромъ Данииломъ Дольфиномъ, чрезвычайнымъ посломъ вашимъ“, писалъ король Августъ II дожу Ивану Корнелию отъ 18-го августа 1716 г., — „причинило намъ великую печаль и пробудило въ сердцахъ нашихъ чувства соотвѣтствующія нашей старой дружбѣ и обязательствамъ священнаго союза. Но исполненію желаній вашей свѣтлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ нашихъ, препятствуетъ смутное состояніе нашего королевства (*verum quominus Serenitatis Vestrae et nostra desideria pro communi voto compleantur, perturbatus status Regni hujus impedimento est*). О семъ лучше всего можетъ засвидѣтельствовать вашей свѣтлости возвращающійся на родину посолъ исполнившій съ необыкновеннымъ искусствомъ (*singulari prudentia*) возложенное на него порученіе, и своими превосходными качествами (*propter eximias ipsius dotes*) заслужившій наше благоволеніе“ ¹⁾. Великій маршалъ королевства, Іосифъ Мнишекъ, которому былъ рекомендованъ дожемъ Дольфинъ, не преминулъ съ своей стороны восхвалить „достоинѣйшія качества венеціанскаго посла, который съ мудростію и несказаннымъ усѣхомъ (*applauso indicibili*) исполнилъ возложенное на него порученіе при этомъ дворѣ; но, прибавляетъ онъ, „нынѣшнее состояніе этого королевства не благопріятствуетъ намѣреніямъ вашей свѣтлости“ ²⁾.

Предъ отъѣздомъ Дольфина, генераль Вахерпольтъ (*Vacherpolt*) по порученію короля, прибылъ въ Венеціанское посольство для изъявленія чувствъ сожалѣнія его величества по случаю его возвращенія на родину, а въ самый день отъѣзда одинъ изъ королевскихъ флигель-адъютантовъ вручилъ ему портретъ Августа II. Но такое вниманіе короля и двора не ослѣпило Дольфина, и въ отчетѣ, отъ 10-го августа 1717 г., онъ съ обычною пронципальностію и добросовѣстностію начерталъ вѣрную картину Польши.

„Оттоманская держава“, говоритъ онъ, „привыкшая въ теченіи многихъ вѣковъ къ завоеваніямъ и побѣдамъ въ ущербъ опечаленнаго христіанства, съ трудомъ переносила раны нанесенныя ей побѣдоноснымъ оружіемъ священнаго союза и потерю земель уступленныхъ по миру заключенному въ Карловцахъ. Выжидая случая къ удовлетворенію и мести, Турція съ удовольствіемъ обратила

¹⁾ Подлинникъ въ Венеціанскомъ архивѣ: *Lettere, Polonia dal 1645 al 1740 Collegio Sezione III (Secreta)*, № 17. Письмо короля помѣчено 18-го августа 1716 года.

²⁾ Тамъ же, отъ 25-го августа 1716.

оружіе противъ Русскаго царя, раздѣлявшаго опасности и лавры, но не включеннаго въ трактатъ наступательнаго союза.

„Поводъ подалъ Шведскій король, удалившійся послѣ несчастной Полтавской битвы въ Бендеры подъ покровительство султана. Испытанное въ бою многочисленное царское войско обѣщало побѣду надъ Турками; но, къ несчастію, Петръ впалъ въ ту самую ошибку, которая не задолго предъ тѣмъ погубила Шведа.

„Удалившись отъ собственныхъ границъ, онъ проникъ въ Молдавію, не имѣя достаточнаго количества свѣстныхъ припасовъ и не увѣренный въ томъ, можетъ ли эта страна прокормить его войско. Татары плѣнили большой обозъ, и царь съ цвѣтомъ войска находился въ такомъ затрудненіи что великій визирь легко [могъ бы уничтожить его, еслибъ умѣлъ и хотѣлъ. Его (Петра) спасли неукротимость и ярость короля-врага, который гнѣвомъ и презрѣніемъ къ главнокомандующему способствовалъ тому, что онъ склонился на предложенія и щедрые дары Русскихъ; но царь, по мирному договору, долженъ былъ возвратитъ Азовъ, сильную крѣпость на морѣ того же имени, дающую господство надъ Чернымъ моремъ и самимъ даже Константинополемъ.

„Одушевленные успѣхомъ и постоянно возбуждаемые Шведскимъ королемъ, Турки задумали было вторгнуться въ Польшу и возвратитъ Каменецъ; но ошибка визиря или, лучше сказать, лучъ божественнаго Провидѣнія спасъ это королевство отъ неминуемой гибели. Не дождавшись положительнаго приказа отъ султана, гордый визирь распустилъ пышный хвостъ въ то самое время, когда Флейшманъ, по приказанію императора, громко говорилъ въ защиту республики. Все это тайными путями было доведено до свѣдѣнія султана Мазовецкимъ, польскимъ посланникомъ, человѣкомъ весьма дѣятельнымъ. Вслѣдствіе ли раздраженія за превышеніе власти, или изъ страха священнаго союза, или же по внушеніямъ корыстныхъ царедворцевъ, султанъ отсѣкъ голову визирю, помпирлся съ Польшей и задумалъ войну съ вашею свѣтлостію (дожемъ).

„Долго таилъ онъ свое намѣреніе, ибо флотъ не могъ такъ скоро выйдти въ море, и придумывалъ разные предлоги для прикрытія варварской измѣны. Наконецъ взорвалась мина, — баплъ Мемо былъ брошенъ въ тюрьму, тяжесть которой перенесъ со своимъ собственнымъ ему самопожертвованіемъ. Вѣрное договорамъ, великодушное мое отечество приговлялось къ оборонѣ и отправило чрезвычайныхъ пословъ къ союзнымъ государямъ, приглашая ихъ исполнитъ священныя обязательства.

„Моя слабая и ничтожная особа была почтена неожиданнымъ приказаніемъ — спѣшить къ польскому двору. Повинуясь волѣ сената, чрезъ недѣлю я уже былъ въ дорогѣ и чрезъ столько же времени, несмотря на переменчивую погоду, пріѣхалъ въ Вѣну, гдѣ прежнее шестилѣтнее пребываніе доставило мнѣ легкій доступъ къ частной аудіенціи у императора и къ довѣрительнымъ сношеніямъ съ министрами.

„Вскорѣ я оставилъ Вѣну, успѣвъ убѣдить императора и министровъ принять сторону вашихъ превосходительствъ и энергически протестовать противъ дѣйствій Порты, въ случаѣ же ея гордаго отказа, обратитъ противъ нея оружіе и немедленно отправить въ Польшу чрезвычайнаго посла“.

Такое послѣднее рѣшеніе Вѣнскаго кабинета Дольфинъ объясняетъ надеждами на всеобщее спокойствіе въ Европѣ. Надѣжамъ было суждено скорѣ разсѣяться. Неугомонный Карлъ XII, лишь только вернулся на родину, принялся тревожить сосѣдей, и противъ него составился союзъ изъ короля Августа, Пруссіи, Дании, Царя, Англіи и Ганновера. Этотъ союзъ сильно обезпокоилъ Австрію, страдавшую внутренними неурядицами, и она рѣшилась держаться въ сторонѣ и не вызывать противъ себя Турціи; поэтому она медлила отправить въ Польшу посла, графа Иеронима Колоредо.

Печальную картину представляла Польша въ то время, когда прибылъ туда Дольфинъ. „Не доставало“, по его словамъ, „рабочихъ рукъ; селенія опустѣли, зданія грозили паденіемъ, поля запущены, народъ въ отчаяніи и страшной пугдѣ: это были слѣдствія заразы, неврожаевъ и опустошеній, произведенныхъ послѣдовательно Шведами, Русскими и особенно Саксонцами, которые, подъ видомъ дружбы и защиты, окончательно разорили страну“. Торговля была въ упадкѣ, наука въ пренебреженіи, военное искусство заброшено. Войску не платили жалованья. Дворянство, забывшее свои обязанности, было терзаемо распрями. „Всякій думалъ о себѣ“, прибавляетъ Дольфинъ, „никто о государствѣ. Последнимъ проявленіемъ польской доблести было освобожденіе Вѣны,— дѣло болѣе Провидѣнія, чѣмъ рукъ человѣческихъ... Иванъ Собѣсскій, можно сказать, унесъ съ собою въ могилу счастье Польши“. Фридрихъ-Августъ на саксонское золото купилъ польскій престолъ (1696 г.). „Ему было тогда 25 лѣтъ (нынѣ ему 46). Его осанка благородна, лицо смугло, волосы носитьъ природные (natural), ростъ средній, походка смѣлая, тѣлосложеніе вѣрское. Онъ характера привѣтливаго, человѣколюбиваго, щедрого; любитъ удоволь-

ствія болѣе, чѣмъ занятія; ищеть развлеченій“. Избѣгаетъ войны, не имѣя средствъ вести ее съ честію. Со времени посѣщенія Венеціи, онъ сохранилъ о ней пріятное воспоминаніе. „Онъ можетъ быть полезенъ вашей свѣтлости“, прибавляетъ въ заключеніе характеристики Дольфинъ, „какъ электоръ на Регенбургскомъ сеймѣ; но какъ король Польши, онъ не въ состояніи почти ничего сдѣлать“.

О королевѣ Дольфинъ говоритъ, что она лютеранка, жпветъ въ Саксоніи, носить только титулъ королевы; но чтобы стать настоящею, должна принять католицизмъ. Это женщина добродѣтельная, благоразумная и умѣренная.

Упомянувъ, что мягкій и благородный характеръ единственнаго наслѣдника престола хорошо извѣстенъ въ Венеціи, такъ какъ онъ долгое время жилъ въ этомъ городѣ, Дольфинъ высказываетъ надежду, что онъ обратится въ католицизмъ, вслѣдствіе неустанныхъ стараній іезуита Салерно, сватающаго за него, при содѣйствіи паны, австрійскую эрц-герцогиню.

Опускаемъ разговоръ Дольфина о личномъ составѣ польскаго министерства, объ изгнаніи Августа изъ Польши Карломъ XII, объ избраніи Станислава Лещинскаго и о возстановленіи на польскомъ престолѣ саксонскаго курфюрста по волѣ Петра Великаго, и переходимъ къ той части его реляціи, гдѣ онъ говоритъ о сосѣдяхъ Польши. Вотъ какъ онъ характеризуетъ Русскаго царя:

„Болѣе всѣхъ почитается Русскій царь: соединяя съ быстротою и пронизательностью ума большую осторожность и располагая значительными силами, онъ сумѣлъ измѣнить судьбы этихъ двухъ сосѣднихъ державъ и подчинить своей волѣ и неограниченной власти Польшу, предписывавшую прежде законы Россіи.

„Смоленскъ, Черниговъ и Кіевъ удержаны подъ залогомъ; Ливонія, вопреки послѣднимъ договорамъ, присоединена къ Россіи; Польша истощена и отягощена постоянными постояями русскихъ войскъ, оправдываемыми единственно удобствами помѣщій и правомъ сильнаго; русское посредничество переходитъ въ своеволие и служитъ только къ ссорѣ короля съ республикой. Все это съ трудомъ переносится, и въ сердцахъ не только короля, но и большей части польскихъ сенаторовъ таится месть, но нѣтъ вѣрныхъ средствъ къ ея осуществленію.

„Польша находится въ бѣдственномъ и болѣзненномъ состояніи, а царь—въ апогеѣ славы и силы: онъ располагаетъ болѣе 100.000 регулярнаго войска, превосходно обученнаго на нѣмецкій ладъ, кромѣ безчисленнаго множества милиціи, которую можетъ поста-

вить ему страна; его флотъ состоитъ изъ 26 кораблей и 180 полугалеръ, вооруженныхъ по-венеціянски. „Онъ старался всѣми силами отдѣлаться отъ Швеціи, дипломатическимъ ли путемъ или оружіемъ, ибо ея докучливыя диверсіи отвлекали его отъ другихъ плановъ. Хотя его правило — не ставить себя межъ двухъ огней и окончить одну войну прежде, чѣмъ начать другую, тѣмъ не менѣе еслибы настоялъ на томъ императоръ, можно бы было надѣяться на его сильную диверсію въ пользу Венеціи, съ сорока-тысячнымъ корпусомъ. Но онъ остерегается отъ нападенія на Молдавію и Валахію, области ласкаемыя (amoreggiati) Австріяцами. Неоднократно посоль Долгорукой увѣрялъ меня, что царь намѣренъ возвратить Азовъ и укротить крымскихъ Татаръ, дабы приблизиться къ Черному морю и съ помощью короля задать страху султану. Онъ осуществилъ бы этотъ обширный планъ, еслибы у него не были связаны руки, и еслибы не препятствовалъ императоръ. Путешествіе во Францію, во время котораго царь ознакомился съ настроеніемъ тамошняго двора, расположеннаго въ Туркамъ изъ торговыхъ видовъ, измѣнили его образъ мыслей и разстроили его планы. Пожаръ, долженствовавшій вспыхнуть на варварской границѣ (въ Турціи), захватилъ Германію и Польшу.

„По прибытіи въ Варшаву я узналъ, что царь огорченъ враждебными показаніями (относительно Венеціи) посла Шафирова, возвратившагося изъ Турціи; но, слѣдуя инструкціямъ вашихъ превосходительствъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть, что его подозрѣнія разсѣялись. Это государь, обладающій огромными способностями, закаленный въ неустанныхъ, безпримѣрныхъ занятіяхъ. Его развлеченіе работа, и когда нѣтъ умственной, онъ принимается за механическую въ арсеналахъ. Ему 46 лѣтъ. Онъ прошелъ чрезъ всѣ степени военныя и мастерскія (dell'arti). Занимая много должностей—генерала, адмирала и перваго министра (capo ministro), оль требуетъ своевременной уплаты жалованья, которое тратитъ на содержаніе двора. Прежде онъ издерживалъ много на наемъ иностранцевъ: теперь онъ ограничилъ ихъ число, бѣольшую часть отпустилъ и замѣнилъ Русскими. Онъ старается, какъ очевидно, содержать войско на чужой счетъ,—говорять, по недостатку средствъ. Милиція хорошо снабжена всѣмъ необходимымъ и подчинена строгой дисциплинѣ. Балтійскій флотъ постоянно увеличивается по тройкой новыхъ кораблей. Петербургъ—въ болотистой Ингрии—обстраивается, и Москва ропщетъ на успѣхи новой столицы.

„Петръ справедливъ и охотно уступаетъ правдѣ. Отъ перваго

брака онъ имѣеть только одного сына, 27 лѣтъ; по характеру онъ совершенно противоположенъ отцу: бездарный, нелюдимый, онъ любитъ досугъ и кое-какое чтение (*qualche lettura*). Говорятъ, за нимъ строго присматриваютъ въ Москвѣ, его резиденціи. Отъ новой царяцы, низкаго происхожденія изъ Ливоніи, вдовы голландскаго офицера, онъ имѣеть втораго сына. Мягкаго характера, она пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Она столь предана царю, что, кажется, имъ только и живетъ.

„Еслибъ ему удалось отдѣлаться отъ Швеціи, то онъ объявилъ бы войну Турціи—изъ раздраженія за претерпѣнныя въ Молдавіи неудачи и изъ желанія возратить Азовъ, приобрѣсти славу и унижить ненавистную соперницу. Это единственное средство возбудить въ разслабленной Польшѣ силы и понудить ее къ исполненію обязательствъ союза; ибо движеніе къ ея границамъ двухъ сильныхъ армій, цесарской и русской, возбудило бы опасенія быть застигнутою врасплохъ и полоненною царемъ, а надежда на добычу пробудила бы корысть. Безъ этихъ побужденій будутъ тщетны усилія папы, императора и всякой другой державы“...

На этомъ прекращаемъ выписки изъ реляціи Дольфина, опуская описаніе Польши, ея правительства, финансовъ и войска. По отъѣздѣ изъ Польши Дольфина, остался на его мѣстѣ секретарь его, Мартино Марини. Въ депешѣ отъ 8-го ноября 1718 года (рук. библи. св. Марва въ Венеціи, Stat. classe VII, cod. CCCXСП), онъ изображаетъ Польшу точно такую, какою представилъ ее Дольфинъ. Сущность его депеши заключается въ слѣдующемъ положеніи: „Король обладаетъ отличными качествами, чтобы быть хорошимъ государемъ, но королевство такъ гнило, что изъ него ничего не сдѣлаешь“

II.

Въ январѣ 1782 года чрезвычайный посланникъ нашъ въ Вѣнѣ, князь Дмитрій Михайловичъ Голлицынъ, сообщилъ Генуэзской республикѣ чрезъ посредство ея министра, резидента при томъ же дворѣ, Иеронима Дураццо, что императрицѣ угодно было назначить въ Геную повѣреннымъ въ дѣлахъ бригадира Александра Семеновича Мордвинова и такимъ образомъ вступить въ близкія и непосредственныя сношенія съ этою морскою державой. Сообщая объ этомъ, Голлицынъ выражалъ надежду, что генуэзское правительство, почтенное таимъ вниманіемъ императрицы, не замедлитъ

назначить въ С.-Петербургъ одного изъ патриціевъ министромъ-резидентомъ.

Вѣсть о назначеніи въ Генуу Мордвинова произвела смятеніе въ тамошнемъ сенатѣ, возбудивъ недоумѣнія и сомнѣнія насчетъ видовъ Россіи. Огромное большинство сенаторовъ старалось доказать, что сближеніе съ Россіею не только не представляетъ существенныхъ выгодъ для республики, но даже опасно для нея во многихъ отношеніяхъ. „Россія“, говорилъ Амвросій Доріа въ маломъ совѣтѣ, „слишкомъ удалена отъ порта нашей столицы. Не странно ли, что Русскіе, съ тѣхъ поръ какъ плаваютъ въ Средиземномъ морѣ, постоянно отправлявшіеся на стоянку въ Ливорно, нынѣ перемѣнили соображенія? Спросить бы у Ливорнецевъ, довольны ли они Русскими, а если недовольны, то Русскіе нехорошіе гости (*un cattivo ospite*). И въ какомъ стѣснительномъ положеніи была бы республика, еслибъ они стали держать въ нашемъ портѣ по семи кораблей: какъ бы могла она сохранить невмѣшательство? Чѣмъ обезпечить государственное спокойствіе? Далѣе Доріа доказывалъ, что невозможно предоставить Русскимъ никакихъ привилегій въ Генуэзскомъ порто-франко: иначе примѣру ихъ послѣдуютъ и другіе народы. „Республика“, говорилъ онъ въ заключеніе, находится въ тѣснѣйшихъ связяхъ съ Франціею, которую не должна покидать въ обстоятельствахъ рѣшительныхъ; Русскіе—враги французской торговли: если гостепріимство оказанное одному только ихъ кораблю дало поводъ къ замѣчаніямъ герцога Шуазеля, то какихъ неудовольствій должно ожидать (со стороны Франціи), если мы вздумаемъ заключать договоры (съ Россіею)“?! Въ другой рѣчи (21-го іюня 1782 г.) Доріа восклицаетъ: „Какое впечатлѣніе должно произвести на Францію и какія подозрѣнія возбудить въ ней пребываніе въ Средиземномъ морѣ, въ виду ея портовъ, флота неприязненной ея интересамъ націи! Если недовольная и подозрительная Франція будетъ протестовать, то какимъ образомъ республика удалитъ изъ своего порта Русскихъ, которые желаютъ одного—имѣть въ Средиземномъ морѣ портъ, на подобіе порта находящагося въ рукахъ Англичанъ?“ „Россія“, говорилъ другой Доріа (28-го іюня), „желаетъ имѣть портъ въ Средиземномъ морѣ.. Если нашъ портъ, окруженный стѣнами, вооруженный артиллеріей ставится ни во что, и простая неаполитанская барка (*feluca*) приводитъ его въ тревогу (*in scompiglio*), то что станется, когда въ немъ будетъ находится сильная эскадра великой державы! Не говорю уже о жалобахъ Франціи, той самой Франціи, которая въ

прошломъ вѣкъ бомбардировала Геную и вызвала дожа во Францію за то только, что мы уступили Испанцамъ соляной магазинъ, — той самой Франціи, которая еще недавно приказала намъ освободить столько варварійскихъ рабовъ, стоевшихъ столько крови подданнымъ республикѣ,—чего можемъ ожидать отъ нея нынѣ въ случаѣ ея неудовольствія! Намъ остается одно только—отказаться отъ договора съ Россіей“. Затѣмъ ораторъ доказывалъ, что отъ пребыванія въ Генуэзскомъ портѣ русской эскадры нельзя ожидать большихъ барышей, потому что Русскіе очень скупы (*avarissimi*) и привозятъ съ собою запасы хлѣба и мяса: остается только поставка молочныхъ товаровъ и овощей.

Партія, противная Доріямъ, разсуждала иначе: „Каковы намѣренія Русской императрицы? Она желаетъ усилить торговлю, и для того стать твердою ногой въ Средиземномъ морѣ, не обращая вниманія на неудовольствіе Франціи и другихъ державъ, владѣющихъ на немъ портами. Мало того, она желаетъ не временнаго, а постояннаго пристанища для своихъ кораблей, обезпеченнаго договоромъ съ кѣмъ-либо изъ италіянскихъ государей. Она договаривается съ Тосканой, но по неудобству ли рейда, или по интригамъ другихъ державъ, хочетъ покинуть Ливорно, предпочитая Геную. Нѣтъ сомнѣнія, что она предложитъ торговый договоръ, основанный на обоюдныхъ выгодахъ; ибо весь городъ знаетъ, что г. Мордвиновъ вскорѣ по прибытіи сюда сталъ собирать свѣдѣнія о товарахъ, цѣнахъ и правилахъ порто-франко отъ лица близко знакомаго съ дѣломъ, имѣя постоянно въ виду нужды русской торговли.... Русская императрица, императорскій дворъ, въ виду великихъ предначертаній, хочетъ во что бы то ни стало, чтобы русская эскадра могла зимовать въ Спеціи или Генуѣ.... Пора покончить съ политическими разсужденіями. Основное начало нашей республики—невмѣшательство; за тѣмъ правительство должно сообразоваться съ видами великихъ державъ во всѣхъ тѣхъ, случаяхъ, когда нѣтъ опасности для чести и свободы отечества“.

Преніямъ въ сенатѣ не было бы конца, еслибы напоследокъ настоянія Голицына и представленія Дураццо не убѣдили республику, какъ опасно раздражать Россію. Было рѣшено послать въ С.-Петербургъ, только на годъ, чрезвычайнымъ министромъ патриція Степана Риваролу съ жалованьемъ въ 40,000 лиръ, кромѣ единовременнаго пособія въ 50,000. Еслибы нашъ дворъ выразилъ недоумѣніе, почему генуэзское правительство не назначило постоянного министра, то Риваролѣ приказано было отвѣчать: „Республика

держитъ постоянныхъ министровъ только при тѣхъ немногихъ дворахъ, съ которыми по необходимости должна имѣть непосредственныя сношенія“.

„Главная и единственная цѣль вашего назначенія засвидѣтельствовать ея императорскому величеству наше почтеніе“ (attenzione), гласятъ инструкціи Риваролы, а потому ему предписывалось не входить ни въ какіе переговоры насчетъ торговли, полною свободой которой пользуются всѣ націи въ Генуэзскомъ портѣ, и объяснить, что по законамъ республики не дозволяется входить въ Генуэзскій портъ иностраннымъ эскадрамъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ пяти кораблей, и воспрещается имѣть на берегу магазины или набирать матросовъ ¹⁾.

25-го ноября (новаго стѣля) 1783 г. Риварола прибылъ въ С.-Петербургъ и на третій день былъ принятъ вице-канцлеромъ графомъ И. А. Остерманомъ, которому вручилъ вѣрительную грамоту. „Чрезвычайно честенъ и обходителенъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ“, пишетъ Риварола въ своей реляціи. „Только мнѣ показалось, что дабы гарантировать себя противъ всякой нечаянности, онъ выслушиваетъ первыя рѣчи пословъ, содержаніе коихъ ему не извѣстно, нахмуривъ брови; но чело его разъясняется по мѣрѣ того, какъ онъ знакомится съ предметомъ рѣчи, и затѣмъ обмѣнновенно онъ становится чрезвычайно любезенъ и предупредителен“.

На слѣдующій день, 29-го числа, Риварола былъ принятъ императрицей и ихъ высочествами великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великою княгиней Маріей Ѳедоровной. Екатерина II очаровала его своею любезностью. „Соединяя съ величіемъ престола“, пишетъ Генуэзскій патрацій, „самую утонченную любезность, ея величество изъявила мнѣ признательность за чувства, выраженные мною отъ имени свѣтлѣйшаго правительства и поручила мнѣ увѣрить вашу свѣтлость, что она съ удовольствіемъ воспользуется всякимъ случаемъ, дабы доказать вамъ свою дружбу“ Ихъ высочества приняли его „самымъ милостивымъ образомъ“, выразивъ ему сожалѣніе, что имъ не удалось, во время путешествія по Европѣ, побывать въ Генуѣ.

---

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ рукописей Генуэзскаго правительственнаго (governativo) архива, относящихся къ посольству Риваролы, въ картоѣ: Russia 1783—1786, Lettere Ministri (Scanzia № 112). Въ отдѣлѣ Lettere Principi находится вѣрительная грамота «капитану бригадрскаго ранга Александру Мордвипову» (1782 г.); Russia 1782—1796 (Scanzia № 142).

Послѣ этихъ представленій начались обычные дипломатическіе визиты товарищамъ по дипломации и министрамъ: о первыхъ, Риварола не говоритъ ни въ депешахъ, ни въ реляціи; вторыхъ характеризуетъ кратко.

„При С.-Петербургскомъ дворѣ“, пишетъ Риварола, „все дышетъ величіемъ, великолѣпіемъ, славою, энтузіазмомъ. Жена, сильно благопріятствуемая счастіемъ въ первыхъ ея предпріятіяхъ, одаренная всѣми качествами способными остановить неподвижнымъ измѣнчивое колесо фортуны слишкомъ на 20 лѣтъ, изъ коихъ каждый можетъ составить эпоху въ лѣтописяхъ этой имперіи, военныхъ или гражданскихъ, она внушаетъ почтеніе даже самымъ предубѣжденнымъ и недовольнымъ и подчиняетъ ихъ своей волѣ. По качествамъ души эта великая государыня заслуживаетъ названіе милосердой, справедливой, свободомыслящей и разумно славолюбивой, то есть, мыслящей оставить по себѣ бессмертную славу. Склонность къ милосердію я самъ имѣлъ случай въ ней замѣтить; въ ея свободомыслии нѣтъ не сомнѣвается; о справедливости ея свидѣлствуютъ: неотмѣняемость судебныхъ рѣшеній, неподкупность министровъ, щедро награждаемыхъ государыней и потому не имѣющихъ нужды искать богатствъ иными путями, и болѣе всего—ея постоянныя ежедневныя занятія государственными дѣлами отъ 6 часовъ утра до полудня; она все видитъ, все испытываетъ и служить уздой и примѣромъ для министровъ, предотвращая гибельныя послѣдствія летаргическаго и всегда пагубнаго усыпленія.

„Не менѣе достоинъ удивленія стойкій характеръ его императорскаго высочества великаго князя. Удаленный отъ государственныхъ дѣлъ, ограниченный въ средствахъ, онъ искренно признателенъ своимъ воспитателямъ и неизмѣнно почитателенъ къ августѣйшей своей матери. Онъ свято чтитъ память своего перваго наставника, покойнаго графа Панина, постоянно покровительствуетъ его друзьямъ и не довѣряетъ его врагамъ. Кто можетъ дать лучшія доказательства любви къ домашнему миру и непобѣдимаго отвращенія къ государственнымъ переворотамъ, замедляющимъ успѣхи просвѣщенія? Его добродѣтель, свѣтлый умъ и трудолюбіе извѣстны въ его кружкѣ.

„Самое близкое лицо къ трону и вмѣстѣ съ тѣмъ доступное посланнику, есть такъ-называемый фаворитъ. Чудовищное вліяніе его на государственныя дѣла, замѣчаемое во всѣхъ государствахъ, гдѣ фавориты когда-либо существовали, не имѣетъ ничѣмъ мѣста при русскомъ дворѣ, гдѣ онъ держится только по силѣ привычки.

отдѣлъ I.

3

„Замѣчательное явленіе въ ряду фаворитовъ составляетъ нынѣшній президентъ военной коллегіи, князь Потемкинъ. Онъ сумѣлъ своими талантами произвести неизгладимое впечатлѣніе на умъ государыни, изучилъ ея склонности, предугадывалъ ея помысленія и навсегда расположилъ ее къ себѣ. Начавъ съ уничтоженія прусской системы графа Панина и замѣнивъ ее австрійскою, онъ внушилъ императрицѣ общпрныя замыслы, и ставъ необходимымъ для ихъ осуществленія, прочно утвердился на своемъ мѣстѣ, восторжествовалъ надъ всѣми соперниками. Онъ—не простой баловень фортуны: своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ преимущественно дарованіямъ, которыми такъ щедро надѣлила его природа, удивительной проникательности и силѣ воли, соперничающей съ силою ума.

„Другія лица, стоящія во главѣ управленія, суть генераль-аншефъ Безбородко, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, генераль-прокуроръ князь Вяземскій и президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Воронцовъ.

„Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко. Статсъ-секретарь Ея Величества, онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ нею предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ ними переговоры. Онъ могъ бы быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, онъ предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскаго. Дѣятельный, мигкаго характера, старающійся по мѣрѣ возможности угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ.

„Генераль-прокуроръ князь Вяземскій—въ одно и то же время министръ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Это человѣкъ весьма трудолюбивый и дѣятельный—качества крайне необходимыя при многосложности занятій, сопряженныхъ съ занимаемыми имъ должностями. Иностранцу трудно разгадать его характеръ, такъ какъ онъ не знаетъ другаго языка, кромѣ роднаго.

„Такъ какъ торговля сдѣлалась въ настоящее время главнымъ двигателемъ политики всѣхъ государствъ, то президентъ коммерцъ-коллегіи получилъ большое вліяніе на государственныя дѣла. Этотъ постъ въ Россіи занимаетъ графъ Воронцовъ, братъ известной княгини Дашковой, принимавшей дѣятельное участіе въ переворотѣ, доставившемъ тронъ нынѣшней императрицѣ. Онъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ даровитый, проникательный и, по види-

тому, весьма образованный. Впрочемъ, съ нимъ должно быть весьма осторожну, ибо онъ принадлежитъ къ фамиліи извѣстной интриганъ.

„Всеѣ трактаты, не имѣющіе прямою цѣлью торговли, подписываются тремя лицами: вице-канцлеромъ, графомъ Безбородко и г. Бакунинымъ, старшимъ членомъ иностранной коллегіи, человекомъ, никому не уступающимъ въ дальновидности, изворотливости, и глубокимъ знатокомъ государства и его внутреннихъ и внѣшнихъ интересовъ. Трудно опредѣлить съ точностью его характеръ. Между нимъ и графомъ Безбородко царствуетъ дружба видимая, если не дѣйствительная, очевидно полезная для обонхъ.

„При заключеніи торговыхъ конвенцій къ тремъ вышепомянутымъ лицамъ присоединяется еще президентъ коммерцъ-коллегии“

Риварола пробылъ въ С.-Петербургѣ до конца мая 1785 года. Послѣдняя его депеша, № 41, писана изъ Берлина, 23-го іюня.

Слѣдуя инструкціямъ своего правительства, Риварола жилъ въ Петербургѣ безъ дѣла, ограничиваясь ролью наблюдателя. Онъ обращалъ преимущественное вниманіе на состояніе торговли и мореходства въ Россіи и весьма мало занимался политикой. Результатъ своихъ наблюденій онъ изложилъ въ *реляціи*, представленной имъ въ сенатъ по возвращеніи на родину. Въ *депешахъ* онъ сообщаетъ краткія извѣстія о придворныхъ новостяхъ, о празднествахъ, иногда о военныхъ дѣйствіяхъ и весьма рѣдко о внутреннихъ событіяхъ, на примѣръ, въ № 20—о скончѣ безнаспортныхъ въ Гатчинѣ, въ № 26—о волненіи крестьянъ въ Лифляндіи. Въ депешахъ Риварола мнѣ показались особенно любопытными слѣдующія два извѣстія.

Отъ 18-го мая 1784 года, подъ № 19, Риварола пишетъ: „Такъ какъ въ настоящее время путешествуетъ по Италіи одно почетное лицо, носящее имя Бобринскаго, и вѣроятно, будетъ если уже не было, въ Генуѣ, то я считаю долгомъ своимъ предупредить вашу свѣтлость, что это сынъ..... п князя Григорія Орлова. Его сопровождаютъ дядька п четверо офицеровъ, его сверстниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь прозвездеть пріятное впечатлѣніе хорошаго пріема ихъ за границею, ибо извѣстно, что императрица очень любитъ помянутое лицо, получающее отъ нея 40.000 рублей ежегоднаго содержанія“.

Въ послѣдней депешѣ, изъ Берлина, Риварола извѣщалъ свое правительство о новомъ любимцѣ, покровительствуемомъ Потем-

книжмъ: „Это нѣкто Ермоловъ, армейскій офицеръ, принятый княземъ Потемкинымъ въ адъютанты и чрезъ нѣсколько дней послѣ того получившій приказаніе состоять при особѣ ея величества въ качествѣ флигель-адъютанта“¹⁾).

Въ реляціи своей Риварола высказываетъ свой общій взглядъ на состояніе Россіи. „Положеніе Россійской имперіи“, говоритъ онъ, — „можетъ по справедливости назваться въ настоящее время самымъ счастливымъ во всей Европѣ, благодаря хорошо задуманнымъ и еще лучше исполненнымъ предпріятіямъ, изъ коихъ самое новое и самое важное есть завоеваніе Крыма, скрѣпленное Константинопольскою конвенціей 3-го января 1784 года“. Разсматривая различныя причины, доставившія Россіи *perponderanza* въ дѣлахъ Европы, Риварола прежде всего останавливается на ея неуязвимости (*invulnerabilità*) со стороны сосѣдей. На Балтійскомъ морѣ, по его словамъ, Россія некого бояться: Швеція слишкомъ слаба, Данія находится въ тѣснѣйшей дружбѣ съ С.-Петербургскимъ дворомъ, въ которому прибѣгаетъ при малѣйшемъ движеніи своей соперницы. Пруссія — самая сильная сосѣдка Россіи, но и съ этой стороны нечего опасаться. „Изъ трехъ сильныхъ державъ сѣверной Европы одна Россія можетъ существовать изолированно, сама по себѣ; другъ и соперникъ то той, то другой, смотря по обстоятельствамъ, она всегда необходима одной изъ нихъ, а вслѣдствіе того третья, обузданная чрезвычайнымъ перевѣсомъ, не можетъ осмѣлится поднять головы противъ двуглаваго чудовища.“ Союзъ противъ Россіи двухъ германскихъ державъ немыслимъ по причинѣ вѣчныхъ и безконечныхъ споровъ о ихъ первенствѣ, среди коихъ Россія является посредницей-миротворительницей, уважаемою обѣими сторонами. По топографическому положенію естественнѣе союзъ Россіи съ Австріей, чѣмъ съ Пруссіей. Граница съ Турціей, Австрія, въ случаѣ войны съ нею Россія, легко можетъ помочь той или другой сторонѣ. Такъ, при движеніи въ турецкимъ границамъ восьмидесятитысячной австрійской арміи доставило Россіи Крымъ безъ кровопролитія. На большомъ пространствѣ граничить съ Россіей Польша, но о ней, какъ о независимой державѣ, не можетъ быть рѣчи; мы можемъ только оплакивать ея немощное состояніе, ея неизлѣчимыя раны, отъ коихъ она страдаетъ болѣе, чѣмъ еслибъ была въ поддан-

---

¹⁾ Lettere del molto Magnifico Rivarola al Serenissimo Governo di Genova 1783—1785, въ Генуэзскомъ архивѣ въ отдѣлѣ Lettere Ministri.

ствѣ Россіи. И въ самомъ дѣлѣ, при малѣйшемъ движеніи оттоманскихъ войскъ, русская армія занимаетъ пограничныя польскія области, съ намѣреніемъ выступить изъ нихъ какъ можно позже. Короче, *эта несовершенная (imperfetta) республика есть только подобіе государства*, вся же сила его въ рукахъ русскаго посланника. Даже кресты, ордена, самыя почетныя должности польскаго двора раздаются С.-Петербургскимъ въ награду тѣмъ, кого онъ считаетъ недостойнымъ его собственныхъ (орденовъ), хотя бы меньшаго достоинства: знакъ крайняго униженія, наложенный правомъ спльнаго. Такія плачевныя обстоятельства Польскаго королевства позволяютъ думать, что въ такомъ состояніи оно можетъ существовать и въ будущемъ, и что нечего опасаться окончательнаго его уничтоженія: новый раздѣлъ не въ интересахъ С.-Петербургскаго двора, ибо абсолютное обладаніе частью не можетъ сравниться въ выгодахъ съ добровольно признаваемою властью (*gratuito dominio*) надъ цѣлымъ. Сколько нужно было Россіи имѣть въ полномъ обладаніи для округленія ея границъ, она уже имѣетъ: что же касается до остальнаго, то неосновательно предполагать новую катастрофу, имѣя въ виду только гибельный примѣръ перваго раздѣла.

„Наобъгамъ Татаръ, послушныхъ волѣ Порты, положенъ предѣлъ приобрѣтеніемъ Крыма. Дружественныя политическія и коммерческія сношенія съ Персіей обусловливаются взаимными выгодами обѣихъ державъ и общею ненавистью къ Турціи. Никто не сомнѣвается въ обширныхъ замыслахъ С.-Петербургскаго двора касательно изгнанія Турокъ изъ Европы и возстановленія Восточной имперіи, на престолъ которой предназначается великій князь Константинъ. Не даромъ обучаютъ его греческому языку и знакомятъ съ греческими нравами“.

Риварола не сомнѣвается въ возможности осуществить этотъ планъ въ близкомъ будущемъ, но только при двухъ условіяхъ: 1) необходимо убѣдить Французовъ, что при подобномъ политическомъ переворотѣ ихъ торговля на Востокѣ, не только ничего не потерпитъ, но даже приобрѣтетъ небывалые размѣры, и 2) обезпечить себя со стороны Австріи посредствомъ дружественныхъ вліяній Парижскаго двора на Вѣнскій.

Говоря о внутреннемъ состояніи Россіи, Риварола касается вопросовъ о народонаселеніи, финансахъ и военныхъ силахъ.

Число жителей Россіи, по вычисленію Риваролы, простиралось до 32 милліоновъ. Говоря о стараніяхъ императрицы и ея мини-

стровъ къ увеличенію народонаселенія, онъ замѣчаетъ, что русское правительство заботится болѣе о *наращеніи*, чѣмъ о сохраненіи жителей, и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на недостатокъ санитарныхъ правилъ во флотѣ.

Доходы Россіи, по исчисленію людей самыхъ умѣренныхъ, простирались до 40 милл. руб. Эта сумма недостаточна на покрытіе всѣхъ издержекъ, особенно если принять во вниманіе обширныя предпріятія Екатерины II; но недостаточность доходовъ, по замѣчанію Ривароли, вознаграждается отчасти дешевизной предметовъ первой необходимости, каковы: хлѣбъ, строевые матеріалы, металлы и т. п. Вслѣдствіе ихъ изобилія, содержаніе войска и флота обходится въ Россіи вдвое дешевле, чѣмъ въ другихъ державахъ, нуждающихся въ привозномъ провіантѣ и сырыхъ продуктахъ необходимыхъ для войска.

Регулярное войско состоитъ, по опредѣленію Генуезскаго дипломата, изъ 300.000 человекъ. Число иррегулярнаго (казаки, Татары) велико, но его трудно опредѣлить. Флотъ состоитъ изъ 40 линейныхъ кораблей и столько же фрегатовъ, не считая сотни галеръ.

„Торговля Россіи, замѣчаетъ Риварола, въ настоящее время гораздо обширнѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Еще недавно она ограничивалась сношеніями съ Англичанами и народами Балтики; теперь же въ ея портахъ развиваются флаги почти всѣхъ торговыхъ націй Европы, и въ годъ прибытія моего въ С.-Петербургъ, въ тамошнемъ портѣ находился во время лѣта первый америкапскій корабль; по возвращеніи же на родину, я узналъ о прибытіи въ Бостонъ двухъ русскихъ кораблей. Безъ сомнѣнія, преимущество остается еще за Англичанами, обороты конхъ равняются оборотамъ всѣхъ прочихъ націй, если даже не превышаютъ ихъ. Вслѣдствіе торговаго договора, срокъ коего истекаетъ въ нынѣшнемъ году, они пользуются особыми льготами и привилегіями, въ высшей степени благопріятствующими не только богатой англійской факторіи въ С.-Петербургѣ, но и всѣмъ вообще англійскимъ купцамъ, разсѣяннымъ по всѣмъ портамъ и областямъ имперіи. Русскій коммерческій флотъ началъ только составляться, подъ покровительствомъ правительства, понимающаго, что самый сплыный военный флотъ безъ коммерческаго подобенъ колоссальному скелету, лишенному тѣла. Въ теченіе шести мѣсяцевъ навигаціи С.-Петербургскій портъ посѣщаютъ 800, а Рижскій болѣе тысячи иностранныхъ кораблей; изъ нихъ многіе приходятъ въ Россію, порожними и здѣсь нагружаются, находя достаточное вознаграж-

деніе въ одномъ обратномъ плаваніи; это послѣднее обстоятельство свидѣтельствуетъ о выгодахъ торговли съ Россіей“.

Риварола опровергаетъ бывшее въ его время въ ходу мнѣніе о крайнемъ недостаткѣ звонкой монеты въ русскомъ казначействѣ по близкомъ банкротствѣ Россіи. Онъ говоритъ, что во время пребыванія его въ С.-Петербургѣ, разниця между кредитными билетами и звонкою монетою была незначительна: серебро 2%, золото 3%. Бѣдною не можетъ назваться та страна, которая богата естественными произведеніями первой надобности, какъ то: хлѣбомъ, льномъ, ленькою, строевымъ лѣсомъ, кожами, мѣдью и т. п.

Въ заключеніе Риварола совѣтуетъ соотечественникамъ искать дружбы и покровительства „государыни величайшей въ мірѣ имперіи, безсмертной Екатерины Второй, императрицы Всероссийской“.

В. МАКУШЕВЪ.

ЗАПИСКИ О ПОЪЗДКѢ А. И. БИБИКОВА ВЪ РУССКУЮ ФИНЛЯНДІЮ ВЪ 1769 ГОДУ.

Послѣ того какъ въ исходѣ 1768 г. Турція объявила войну Россіи, противодѣйствовавшая русской политикѣ Франція стала озбуждать къ тому же и Швецію; вслѣдствіе того, императрица Екатерина нашла нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя приготовленія на случай военныхъ дѣйствій въ Финляндіи. 26-го сентября 1769 ода императрица поручила генералъ-поручику Александру Ильпу Бибикову осмотрѣть шведскую границу, изложить свое мнѣніе о мѣрахъ для защиты Русской Финляндіи и составить планъ оныя въ этомъ краѣ, какъ оборонительной, такъ и наступательной. 7-го слѣдующаго октября Бибиковъ, съ небольшою свитою, отправился въ путь. Одинъ изъ его спутниковъ, къ сожалѣнію, не извѣстный по фамилии, велъ печатаемья нынѣ поденныя записки этого путешествія.

Этотъ спутникъ Бибикова сопровождалъ его въ Финляндію не по обязанностямъ службы, а для собственнаго удовольствія. Поэтому и въ запискахъ его нѣтъ никакихъ существенныхъ подробностей о томъ, какъ Бибиковъ исполнилъ порученіе, данное ему императрицею, но тѣмъ не менѣе, записки эти не лишены нѣкотораго интереса для изучающаго третью четверть прошлаго вѣка. Хотя мѣстомъ дѣйствія разсказываемыхъ событій служитъ Финляндія, вниманіе разсказчика обращено преимущественно на пріѣхавшихъ туда Русскихъ. Поэтому, не смотря на нѣкоторое однообразіе записокъ и именно благодаря ихъ подробности, въ нихъ довольно хорошо изображаются нѣкоторыя черты нравовъ и обыденные интересы русскаго дворянства въ середнѣ XVIII вѣка. Какъ ни обыкновененъ умъ автора, ему не чужды нѣкоторыя сатирическія побужденія въ духѣ современной

ему литературы. Читатель замѣтитъ, напримѣръ, его насмѣшливые отзывы о столпчномъ щегольствѣ, объ исключительно формальной набожности и т. п. Расирсы автора объ экономическомъ бытѣ Финляндіи свидѣтельствуя объ его любознательности. Наконецъ, даже мелкія подробности, сообщаемыя авторомъ о личности Бибикова, не будутъ бесполезны для его біографа; между прочимъ любопытно то, что по свидѣтельству автора записокъ, за Александромъ Ильичемъ утвердилось названіе депутатскаго „маршала“, которое онъ носилъ въ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія.

Нельзя не обратить вниманія на языкъ и слогъ записокъ, (которые, разумеется, оставлены нами безъ исправленія): отсутствіе книжности и архаизмы придаютъ ему нѣкоторую оригинальность. Къ сожалѣнію, въ нѣсколькихъ мѣстахъ старинный переписчикъ сказалъ смыслъ текста до полной почти невозможности понять его. Мы исправили правописаніе и пунктуацию рукописи, но собственныя имена оставлены нами безъ измѣненія. Въ заключеніе замѣтимъ, что о поѣздкѣ А. И. Бибикова въ Финляндію и о перепискѣ съ нимъ Екатерины въ это время есть нѣсколько извѣстій въ „Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова“, составленныхъ его сыномъ, изд. 1865 г., стр. 66—70.

Путешествіе его высокопревосходительства господина генералъ-лейтенанта, кавалера, лейбъ-гвардии майора, депутатскаго маршала Александра Ильича Бибикова, для порученнаго ему дѣла, съ составляющими свиту его лейбъ-гвардіи полковъ коннаго ротмистромъ Поливановымъ, Измайловскаго подпоручикомъ Соймоновымъ, армейскимъ сержантомъ Бушуевымъ и мною, сіе писавшимъ,—имѣя въ услугахъ его высокопревосходительства камердинера, волосочесателя, жоюара и кучера, да Поливанова служителя, всего въ одиннадцати чловѣкахъ, изъ Санктпетербурга въ 769-мъ году.

Октября 7-ое, среда. Выѣхали изъ дому по полудни въ четыре часа; имѣли дорогу чрезъ Васильевскій и Петербургскій острова на Выборгскую сторону, и на мосту, что съ Адмиралтейской стороны, переломилось подъ каретою дышло; однако заѣхали съ худымъ дышломъ въ морской кадетскій корпусъ, къ его превосходительству господину генералъ-интенданту Голенщеву-Кутузову проститься, куда пріѣхали ихъ сіятельствы княгиня Дашкова и графиня Мусина-Пушкина и двѣ благородныя дѣвцы Каменская

Цалагея Ѳедотовна и Пушкина Авдотья Михайловна, гдѣ, нѣсколько побивъ шабалу *), пока нашли въ домѣ господина Полетнии дышло и исправили, въ пять часовъ въ надлежащій путь отправилсъ и ѣхали до почты Дранишниковой безъ остановки. А между мостовъ на Петербургскомъ острову провожающіе господиъ секретарь Владычшиъ и ординарецъ гвардіи унтеръ-офицеръ Лопатниъ воротилсъ. Въ Дранишниково пріѣхали въ 8 часовъ съ половиною, а пока перемѣняли и впрягали лошадей, мы ѣли въ харчевнѣ (въ коей харчевникъ графа Григорья Григорьевича Орлова русскій мужикъ) состоящій въ холодномъ взятый съ собою ужинъ. А какъ въ ѣздѣ все было изготовлено, то отужинавъ, въ путь отправилсъ и ѣхали до почты Бѣлоостровской кирки безостановочно, и пріѣхавъ въ половинѣ перваго часу, остановилсъ ночевать. Отъ Санктпетербурга до Бѣлоостровской кирки 40 верстъ. Какая была дорога, обстоятельно по ночному времени разсмотрѣть было нельзя; а сколько можно, то отъ Петербурга, кажется, мѣста были ровныя, а около Парголова были горы и небольшой по сторонамъ лѣсъ и по обѣ стороны изрядное разное строеніе, въ лѣвой же сторонѣ казалось немалое озеро; а до Дранишникова по обѣ стороны красный лѣсъ, а отъ Дранишникова до Бѣлоостровской кирки дорога осталася совсѣмъ безъ примѣтъ, для того что всѣ мы, сидяще въ каретѣ, безпрестанно дремали.

8-ое, четвергъ. У Бѣлоостровской кирки проснулся въ 6 шесть часовъ съ половиною и, пивъ презрядный чай, потому что вода была хорошая, и кофей съ изряднымъ молокомъ, а лошадей впрягали, и изготовясь совсѣмъ, въ половинѣ 8-го часу поѣхали. Дорогу имѣли хорошую, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія горы, а около отъ оной почты десяти верстъ переѣхали Сестру-рѣку по мосту. На Сестрѣ-рѣкѣ гора спускается крута, то изъ кареты вышли; при выходѣ жъ выронилъ я картузъ, ибо на мнѣ былъ колпакъ, а господиъ Поливановъ, оный нашедъ, поднялъ и спряталъ: и такъ, потерю картуза около четверти часа была обмануть, отъ чего произошла маленькая по дорожному забава. А отъ Сестры-рѣки въ нѣкоторомъ разстояніи къ Выборгу течетъ такая жъ между большихъ горъ рѣчка, называемая Черная. Въ 10 часовъ пріѣхали на почту Липцоловскую. Оная почта учреждена при мызѣ надъ рѣкою того жъ имени, принадлежащей графу Петру Григорьевичу Чернышеву. Мыза лежитъ по теченію рѣки на правой сторонѣ,

---

*) Т. е. поболтавъ.

на нарочито высокой горѣ, а по дорогѣ къ Выборгу на лѣвой; при ней деревянная церковь во имя святителя Николая и мельница, а на правой къ Петербургу, не переѣзжая рѣки, почтовый дворъ и ворчма, да по дорогѣ, на лѣвой—для постою офицерскій домъ. Сколько примѣтить можно, въ мызѣ строенье хорошее и церковь въ разсужденіи здѣшнихъ мѣстъ изрядная.

Съ Лидоловой поѣхали въ половинѣ 11 часу до почты Беремени 24 версты и, отѣхавъ пять верстъ, при Кивиневской киркѣ остановились у мужика Апдруса и имѣли состоящій пзъ холоднаго обѣденный столъ; а отобѣдавъ, маршалъ пошелъ впередъ стрѣлять тетеревей; однако не застрѣлплъ ни одного, для того что они его превосходительству также дѣлали почтеніе и на мѣстахъ не сидѣли, а летая, кланялись. А я легъ спать; выспавшись же, пошелъ за его превосходительствомъ. А какъ нагнавъ стали дождавшисъ въ карету садиться, явилось пагалище съ ружья его превосходительства потеряно, и посланный назадъ на лошади верхомъ нашелъ; однако принуждены были минуты двѣ-три дожидаться, пли больше. При семъ обѣдѣ взятый съ нами поваръ Степанъ подпилъ и былъ пьянъ, за что на него маршалъ былъ гнѣвенъ. Кирку имѣли по дорогѣ на лѣвѣ на высокой горѣ, а особливо отъ Выборга кажется высокою. Дорога между сихъ почтъ была горпста и мѣстами несчаная, а лошади Лидоловскія очень плохи, и такъ ѣхали очень тихо, а не доѣхавъ до почты за 10, а до деревни Помполовой за пять верстъ лошади на самой большой горѣ подъ каретой такъ притупѣли, что на силу до деревни Помполовой доѣхать могли, гдѣ сыскали четырехъ лошадей и употребили въ помощь почтовымъ. На силу въ 8 часовъ доѣхали до помянутой Веремейской почты. Дорога между сихъ почтъ, по резону устали лошадей, очень была скучна; и такъ мы время проводили разсказывая другъ другу, что съ вѣмъ когда случилось; а мнѣ вздумалось разсказать о незаконныхъ своихъ нажиткахъ—первое, за что Ревельская ратуша подарила мнѣ два пуда сахару и два фунта хорошаго чаю по должности полковаго квартирмейстера, и за что мнѣ и Степану Тютчеву Прерадовичъ, что нинѣ полковникъ, подарилъ по парѣ лошадей. А маршалъ, удивляясь, говорилъ: „Какъ у меня незаконно принять протянулись руки?“ А я ему въ отвѣтъ: „Подлинно, въ Ревелѣ принято яко первый въ жизни взятокъ—со стыдомъ; а отъ Прерадовича, яко отъ пріятели и своего брата офицера, хотя и за сдѣланное нами ему не въ противность закону благодарѣніе, но такъ какъ и всѣ за благодарѣніе по дѣламъ берушіе

взятъ, безъ стыда“. Да я бы имъ наказыль и еще, только никакъ взятюль въ жизнь больше не бралъ и до сего дня. А тутъ перемяна лошадей.

Въ полдевята часа поѣхали къ почтѣ Сувенойской 15 верстъ, и на дорогѣ, въ селѣ Красномъ, принадлежащемъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, имѣвъ вечерній съ холоднымъ кушаньемъ столъ, но притомъ и яйца въ смятку, ночевали. Между Сувеновскою почтою и Краснымъ селомъ есть гора очень велика и къ Выборгу спускаться очень трудно. И какъ мы по ночному времени принуждены были выйти изъ кареты, то и напали въ полгорѣ ключъ, отъ котораго по горѣ, занимая правую половину дороги, наплло воды и замерзло; и такъ на силу спуститься могли.

9-ое, пятница. Вставъ въ 6 часовъ, увидѣли село изрядное, населено Русскимъ, переведеннымъ изъ разныхъ уѣздовъ, народомъ. Дворовъ до 40, церковь во имя Свѣтленія Господни и домъ помѣщиковъ. Село лежитъ межъ двухъ озеръ на маломъ протокѣ. Въ семъ селѣ видѣнъ образъ житія самаго Русскаго народа, чтò въ здѣшнихъ страдахъ рѣдкость; и какъ примѣтить можно, земледѣлие производятъ прилежно, пбо около онаго села полей обработанныхъ и сѣнокосовъ по сторонамъ довольно. Напившись изряднаго въ разсужденіи воды чаю и кофе съ молокомъ, поѣхали въ 7 часовъ до почты, а доѣхавъ въ исходѣ 9-го часа, перемяна лошадей, въ началѣ 10-го часа отправилсъ къ почтѣ Кемеръ, 21 верста, гдѣ я досталъ капочку изряднаго масла и, заплатя пять копѣекъ, позавтракалъ съ салакушею. На дорогѣ имѣли Мульскій ретраншементъ, разстояніемъ отъ почты 11 верстъ; лежитъ межъ двухъ озеръ на протокѣ; при немъ пыльная мельница, принадлежащая помянутому графу, стоитъ безъ дѣйства; однако при ней лѣсу по берегамъ и на водѣ и пыльныхъ досокъ очень много. Мы, осмотря сей ретраншементъ, который въ самомъ худомъ состояніи и безъ всякаго наблюденія оставленъ, отправилсъ къ послѣдней къ Выборгу почтѣ и пріѣхали въ 12 часовъ, обѣдали, имѣли горячее и свѣжпхъ четырехъ изрядныхъ рыбчиковъ. Дорога межъ сплхъ почтъ ровная и хорошая, и ѣхали безостановочно. Наѣхали идущихъ по дорогѣ двухъ хорошенькихъ женщинъ и въ кибиткѣ одного мужчпну. Послѣ увѣдано, что то былъ изъ Фридрихсгама вахтмейстеръ, къ коимъ господинъ Поливановъ оказалъ нѣкоторые пріятности знаки; однако поѣхали. А какъ они дошли до почты, то онъ, господинъ Поливановъ, вышедъ употребилъ къ амуру всѣ принадлежности, но въ отвѣтъ они ему, нѣсколько разъ оскался, шли

своимъ путемъ, а онъ, въ слѣдъ поглядѣвъ, сдѣлалъ себѣ удовольствіе. Съ сей почты господинъ Бушуевъ съ коляскою отправился въ Выборгъ, а мы впрягши лошадей, и я выславшись, въ путь сталъ отправляться. А господинъ Полпвановъ, взявъ безгрѣшную душу, господинна Соѣмонова, и меня на старости, пошли полюбопшихся ему хорошенькихъ догонять, разсуждая, не остановились ли онѣ въ сторонѣ гдѣ кормятъ; однако къ нашему счастью, мы ихъ не нашли. А какъ маршалъ съ каретою, поспавъ въ корчмѣ минутъ съ 20, насъ нагналъ, то сѣвъ поѣхали (къ сожалѣнію господинна Полпванова, что намѣренія исполнить ему не удалось) къ Выборгу въ два часа пополудни; дорогу имѣли хотя и не гористую, однако и несовсѣмъ гладкую, а по сторонамъ великаго камня довольно; однакожъ ѣхали безостановочно.

Въ Выборгъ пріѣхали въ 6 часовъ; квартира отведена изрядная, только совсѣмъ пуста. По пріѣздѣ въ полчаса пришелъ плац-маіоръ съ поздравленіемъ его превосходительства съ благополучнымъ пріѣздомъ отъ коменданта, а скоро за нимъ и отъ ратуши членъ, у коего выпросили мы себѣ по кровати, а потомъ и комендантъ господинъ Ступишинъ самъ пришелъ, скоро за нимъ и генераль-маіоръ Дерфелтъ, и просидѣли (видно—имѣли конференцію) до 10-ти часовъ. Отъ господина коменданта присланы двое часовыхъ, а мы, отуживавъ яко дорожные дворяне, а не яко волжиры, то есть, на квартирѣ, а не въ трактирѣ, и побивъ нѣсколько шабалы, легли спать и спали до 8-ми часовъ. Отъ Камеръ до Выборга 22 версты. Вся вообще отъ Санктпетербурга до Выборга дорога супсокъ, а нѣкоторыя мѣста и совершенно песчанья, только немного, и чтобъ была когда грязна не уповательно, да и гористо посредственно; лѣсу же краснаго по обѣимъ сторонамъ очень много; выключая около деревни Помполовой и села Краснаго, мѣста полныя.

10-е, суббота. Въ Выборгѣ, по утру вставъ въ 8 часовъ, и лишь успѣли одѣться, такъ пришелъ помянутый генераль-маіоръ Дерфелтъ въ провожаніи Тобольскаго полку штабъ- и оберъ-офицеровъ и отъ Тобольскаго полку офицеръ либертовасовый (?) и одинъ сержантъ, да и отъ гарнизона присланы были два сержанта ординарцы. Скоро за Дерфелтомъ пришелъ Ступишинъ съ баталіонными командирами и съ оберъ-офицерами, при чемъ были артиллеріи и инженерный капитанъ. А какъ вышелъ его превосходительство маршалъ, то происходили нѣкоторые церемоніальные комплименты и въ сплу политики кое съ кѣмъ разговоры; а въ половину 11-ти

Маршалъ со всѣми пришедшими пошелъ смотрѣть собравшуюся въ крѣпость на караулъ Тобольскаго полку команду. Она, по отдаче и надлежащей чести, дѣлала экзерцицію и примѣромъ наступательную и въ ретрадѣ стрѣльбу, кою производили—въ разсужденіи что давно, по резону дальнихъ квартиръ, ученья не имѣли—ничего. Потомъ пошли по крѣпости, и осматривая прилежно маршалъ ситуацию, нѣкоторыя, съ кѣмъ надобно, имѣлъ разсужденія, кои до насъ, составляющихъ свиту его, не принадлежали (ибо мы тутъ для битвы между порученныхъ маршалу дѣлъ шабалы). А обшедь большую часть или половину крѣпости, то есть, отъ Санктпетербургскихъ до Государевыхъ воротъ въ морскую сторону, пошли въ Шлоссъ *), и осмотрѣвъ въ виду строенье и магазейны, маршалъ съ комендантомъ и господа Поливановъ и Соимоновъ пошли на башню, а я остался внизу, думая, что по старости не взойду, или стану болѣть ноги. А возвратясь сказывалъ: на башнѣ въ трехъ этажахъ поставлены по окошкамъ пушки; а господа Соимоновъ и Поливановъ всходили до флага, до коего отъ подошвы, по ихъ разсказамъ, 295 ступеней; и такъ, вышиша онаго, полагая по примѣру ступень по футу, 42 сажени и одна ступень. Маршалъ же, дошедъ до половины башни, возвратился. Осмотря Шлоссъ, поѣхали къ коменданту (пбо званы туда обѣдать) въ приходѣ перваго часа, а во второмъ, выпивъ водки, сѣли въ присутствіи комендантской фамиліи, кою составляли его супруга и двѣ возрастныя и одна маленькая дочки. За столомъ сидѣли, кромѣ насъ пріѣзжихъ и хозяйки съ фамиліею, его превосходительство Дерфелтъ, артиллерійскій и инженерный капитанъ, одинъ лѣварь, одинъ выборгскій купецъ Тешъ и плацъ-маіоръ. Столъ былъ изрядный, частью на серебрѣ, а частью на голландскомъ сервизѣ. Послѣ обѣда, вышедъ въ другую комнату, нашли столешъ для кофе въ презрядномъ устройствѣ. Кофе и самыя лучшія сливки подали въ серебрянныхъ сосудахъ. Я, выпивъ чашку кофе, пошелъ спать, а маршалъ, со всѣми тутъ бывшими, осматривалъ крѣпость королевы Санкт-Анны; а осмотра, пошелъ опять къ коменданту, а я, выспавшись и написавъ вышепрописанное происшествіе, отъ Санктпетербурга до Выборга и до сего числа въ четыре дня, также пошелъ опять къ коменданту и пришедъ нашелъ три стола карты: за первымъ играли въ тресеть хозяйка съ двумя дочерьми и господинъ Дерфелтъ, за вторымъ—маршалъ, хозяинъ и господчии

*) То есть, въ замокъ, въ самую крѣпость (цитадель).

Поливановъ въ ломберъ, за третьимъ Тобольскій маіоръ, господинъ Соймоновъ и помянутый Тешъ, и проиграли до девяти; въ девятъ сѣлъ за вечерній столъ, кромѣ артиллерійскаго и инженернаго капитана, всѣ тѣ же и, отужинавъ въ 11-мъ часу, поѣхалъ на комендантской каретѣ чрезъ Шлоссъ на квартиру, гдѣ, рѣдѣвшись, побивъ шабалы, въ 12-мъ часу легли спать и спали 3-и 7-ми часовъ. Сего дня около 4-хъ часовъ послѣ обѣда пріѣхалъ изъ Фридрихсгама Николай Лодыженской и сталъ съ нами.

11-е воскресенье. Вставъ, мы, составляющіе свиту, въ 8-мъ часовъ, пивъ чай, одѣвались, а потомъ вышелъ къ намъ и маршалъ; пивъ чай, пошелъ одѣваться, а какъ одѣлся, то уже было 9 часовъ, и скоро пришли здѣшніе господа: оберъ-комендантъ Ступининъ и полевой командиръ генералъ-маіоръ Дерфельтъ, и очень много здѣсь живущихъ разныхъ командъ штабъ- и оберъ-офицеровъ и отъ бургеровъ двое первыхъ. А маршалъ вышедъ поступалъ всѣ политики принадлежности и, побывъ нѣсколько, около исхода 10-го поѣхалъ со многими Тобольскаго полку на полковой дворъ и, осмотря тамъ артиллерію, лошадей и всѣ путевые припасы, аммуницію и шанцевые инструменты, на свою квартиру съ удовольствіемъ въ половинѣ 11-го возвратился; а въ половинѣ 12-го поѣхалъ въ провозаніи Поливанова и Соймонова на званый же обѣдъ къ господину Ступинину, а ѣдучи былъ въ Шведской киркѣ. А я утро препроводилъ нижеслѣдующимъ порядкомъ: въ 9 часовъ, въ силу 4-й заповѣди, былъ въ соборной церкви у слушанья литургіи, послѣ чего пошелъ въ нѣмецкую кирку, коя учреждена графомъ Ферморомъ, когда онъ былъ здѣсь, во время послѣдней Шведской войны, оберъ-комендантомъ. Она близъ гауптвахты въ каменномъ домѣ въ верхнемъ этажѣ, въ одной съ ратушею покояхъ. Пастора нашелъ самаго громогласнаго, какъ хорошій подъемный пеленель, съ крайнимъ выраженіемъ; а людей было обонхъ половъ очень мало. Въ лѣвой сторонѣ сдѣлано отмынное мѣсто, въ коемъ сдѣла не знаю какая отмынно почтенная госпожа. Изъ той кирки пошелъ въ другую, въ коей увидѣлъ нѣчто чудное: пасторъ, отправляющій предъ олтаремъ Божію службу на шведскомъ языкѣ, имѣлъ одежду нижнюю самую чистую, бѣлую, а верхнюю изъ малиноваго бархату съ золотымъ галуномъ, а назадъ во всю спину изъ шпрокаге золотого жъ галуна вершка въ три крестъ, чего я въ лютеранскихъ церквахъ никогда и видѣть не видалъ, въ парикѣ. А у западныхъ дверей на хорахъ пѣли пѣвчіе и играли органы. Изъ оной кирки пошелъ на квартиру и

стался, чтобъ записатьъ, какъ препровожденъ вчерашній день, и нѣсколько невѣрно замѣшклся и, уже получа отъ господина оберъ-коменданта посланнаго, пошелъ. А пришедъ, пашель, какъ ищетъ, весь Выборгскій ноблесь *), состоящій, кромѣ хозяйской комнаты, въ восьми женщинахъ, между коими первая была госпожа подполковница Удомша и артиллеріи капитана и плацъ-маіора Дерфельтъ, и одна госпожа маіорша Мартопъ, небольшая, съ маленькимъ горбомъ, который украшали около головы ея и рукъ блестящіе брилліанты. Завидныхъ же женщинъ, на кого бы могъ сдѣлаться маршалъ съ нашею свптою, не было; однако госпожи безъ изъятія почтенныя. И какъ кушанье было уже на столѣ поставлено, то тотчасъ хозяйка, взявъ маршала, а господинъ Дерфельтъ Удомшу, пошли къ столу, за коимъ умѣстилось обоюго пола 26 особъ. Столъ продолжался полтора часа, а вставъ и вышедъ въ другую комнату, нашли такъ же, какъ и вчера, прядный съ кофею столъ, и я, выпивъ чашку, по обыкновенію своему, пошелъ спать, а выспавшись и нѣсколько пописавъ моего журнала, уже въ часовъ, пошелъ къ находящемуся здѣсь для нѣкакыхъ дѣлъ, моему пріятелю, Рязанскаго полка оберъ-офицеру Батюшкову, у котораго, выпивъ чашекъ до 10-ти чаю и посидѣвъ, пошелъ въ собраніе, гдѣ нашелъ съ картами четыре стола: за первымъ госпожа Удомша, старшая хозяйская дочь, одна здѣшняя дѣвица Емме и плацъ-маіорша, за вторымъ маршалъ, хозяинъ и Поливановъ, за третьимъ хозяйка, генералъ Боверь (который сего дня въ три часа послѣ обѣда изъ Фридрихсгама пріѣхалъ и сталъ съ нами въ одномъ домѣ) и Дерфельтъ, за четвертымъ Соймоновъ, Тобольскій маіоръ и купецъ Тешъ; изъ оныхъ три съ ломберомъ, а первый — съ тресетомъ. Въ сей вечеръ маршалъ проигралъ около 20 рублей, а выигралъ Поливановъ. Прочіе жъ мужчнны курятъ табакъ, а женщины упражняются о нарядахъ въ разговорахъ. Вдругъ между женщинъ увидѣлъ презрядную, изъ первыхъ въ городѣ, госпожу; а какъ она показалась мнѣ нѣкакъ отъѣнною, то и вздумалъ сдѣлать ей описаніе. Госпожа изрядная, лицо имѣетъ наприятнѣйшее, брунетка; на щекахъ румянецъ показался мнѣ хоть небольшой да природный; станъ по пропорціи большаго для женщины росту, очень хорошій, да жаль, что недостаетъ живности и модныхъ поступокъ, а это отъ того, что она дочь здѣшняго мѣщанина и въ многолюдствѣ, да и какъ видно, ни въ какихъ наукахъ и обра-

*) Noblesse, дворянство.

ценіяхъ модныхъ не бывала. О, ежели бѣ эта госпожа побывала въ наукахъ у нашихъ Петербургскихъ модныхъ щеголихъ и хотя бѣ одно лѣто на тарлыкѣ поѣздила и чертовыхъ всеношень до двѣнадцати съ рогами отслушала *), то бѣ, кажется, ни въ какомъ публикѣ никому не уступила, ибо еще лѣтъ около двадцати. И разподлинно можно признаться, что сія госпожа въ Выборгѣ первая да и въ самомъ лучшемъ и многолюдномъ мѣстѣ послѣднею быть не можетъ. А по ней слѣдовала изъ лучшихъ же дѣвща, которая по справедливости не красавица, но отмѣнная ея усмѣшка дѣлаетъ ея нѣвакъ пріятну, въ чемъ свидѣтельствуетъ господинъ Полвановъ. Въ полодинадцата, какъ игра кончилась, а кушанье на столѣ ужъ поставлено, маршалъ взялъ хозяйку, а хозяйнѣ вышеописанную отмѣнную госпожу, пошли къ столу. Ей мѣсто досталось между маршала и Бовера, и очень было смотрѣть забавно, пріятно и смѣшно, какъ сія высокопочитаемые господа генералы съ обѣихъ сторонъ къ ней елпсеплсь, а она, поворачиваясь на обѣ стороны, дѣлала имъ одними усмѣшками отвращенія знакъ, и какъ видно, больше въ сходство честности не хотѣла. За столомъ были разговоры о разномъ. Я сидѣлъ подлѣ хозяйна, и какъ мнѣ подали тарелку съ рыбою, между чѣмъ былъ рыбій хвостъ, то хозяйнѣ меня спросилъ: какъ эту часть рыбы называютъ по нѣмецки? Я тотчасъ громко отвѣчалъ, что это шванцъ, то во всемъ столѣ сдѣлался великій смѣхъ; я не думалъ, что это моему выговору; но какъ маршалъ нахмурясь и съ сухимъ смѣхомъ проговорилъ, что я дурной переводчикъ, тогда уже понялъ, что слово шванцъ въ нѣмецкомъ языкѣ эквивокъ и значитъ, кромѣ хвоста, нѣчто иное; а ѣдучи на квартиру, ужъ то и эксплпковалъ, а я извинялся, что въ нѣмецкомъ языкѣ не совершенъ и до сего не зналъ того; а коли бѣ зналъ, то бѣ при такой бесѣдѣ, ниже при женщинахъ, не проговорилъ. Столъ кончился въ половинѣ перваго, а по окончаніи прописанная красавица, откланявшись и поводя на всѣхъ глазахъ, къ сожалѣнію нашему, уѣхала. А потомъ и мы на комендантской каретѣ трое — при маршалѣ я съ Полвановымъ (ибо Соймоновъ съ Лодыженскимъ пошелъ пѣшѣ), на свою квартиру поѣхали, а пріѣхавъ, не много побывъ шабалы, уже въ два часа спать легли. Хотя жъ выше и говорено, что завидныхъ женщинъ въ собраніи видно не было, однако нашего го-

---

*) Образцы языка модницъ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка Сравни въ «Живописцѣ» Новикова, изд. 7-е, стр. 53 и 59.

Господина Соймонова пала склонность къ одной не знаю какой-то персонѣ, и хотя онъ, говоря дурно по нѣмецки, вздыхая жъ, по французски любовь свою старался изъяснить, но она или не разумѣла, или не хотѣла, оставила его безъ отвѣта, чѣмъ балъ, къ сожалѣнію его, господина Соймонова, и кончился. А что это правда, то и господинъ Лодыженской по чести свидѣтельствуеть.

12-е, понедѣльникъ. Мы, составляющіе маршальскую свиту, встали въ 7 часовъ п, пивъ чай, чесали волосы и одѣвались. А маршалъ, вставъ 8, пришелъ къ намъ и пилъ кофе и, побывъ нѣсколько шабалу, пошелъ въ свою комнату одѣваться. Пришли къ нему здѣшній господинъ оберъ-комендантъ и генералы Дерфелтъ и Боверь и имѣли нѣкоторые нужные и до насъ не принадлежащіе разговоры. А мы, составляющіе свиту, одѣвшись и проваландавшись до 11 часовъ, я съ майоромъ Тобольскаго полка господиномъ Черемсиновымъ и Соймоновъ, пошли, а Полвановъ въ каретѣ здѣшняго лагмана Алексіуса поѣхали за городъ на полковой Тобольскій дворъ. Тамъ видѣли презрядно устроенную артиллерію, полковой и ротный обозы, для больныхъ коляски, по особливымъ магазейнамъ положенную ротную аммуницію и полковыхъ лошадей, и все папли въ наилучшемъ порядкѣ, да въ такомъ порядкѣ, какого я во всю мою жизнь никогда и видѣть не видалъ. И подлинно: сей полкъ, получа ордеръ, въ 24 часа дѣйствительно выступить можетъ, развѣ воспрепятствуетъ то, что роты отъ штабу расположены въ верстахъ въ 50 и до 70. Побывъ тамъ и возвратясь, ходилъ въ городѣ по лавкамъ, смотрѣли товаровъ, копхъ въ разсужденіи города довольно и цѣны умѣренной; однако ничего не купилъ. А пришедъ на квартиру, какъ было уже 12 часовъ, поѣхали къ господину оберъ-коменданту—генералъ въ его каретѣ, а я съ Соймоновымъ въ каретѣ Дерфелтовой, Полвановъ же съ Алексіусомъ въ его каретѣ. А приѣхавъ, и кушанье скоро на столъ было поставлено, то взявъ за руки маршалъ хозяйку, и генералъ дочерей, пошли къ столу около исхода перваго. За столомъ сидѣло, кромѣ хозяйки съ семьей и нашей свиты, два генерала, Тобольскій майоръ, лагманъ Алексіусъ, лѣкаръ Пель, Тешъ и одинъ Тобольскій офицеръ, всѣхъ 16 человекъ; а отобѣдавъ въ полтора часа, тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, пошли къ кофейному столу. Я, выпивъ чашку кофе, слѣдуя моему обыкновенію, пошелъ спать, и какъ уже выспался, то часу около четвертаго пришли Полвановъ и Соймоновъ и зачали бить шабалу, а тамъ зашѣлъ пѣсню, и я на старости тряхнулъ бедрой. Да и маршалъ въ началѣ шестого съ ге-

нералами Боверомъ и Дерфелтомъ на квартиру прѣѣхаль и одинъ себѣ трое разговаривали, а мы себѣ въ своихъ коморкахъ пусто-мололи. Сей вечеръ послѣдовали вотъ какія приключенія: 1) Около пяти часовъ Полпванова слуга смыкалъ изрядную, какъ спаруживъ видно, дѣвочку и привелъ знатно, чтобъ отдать ей изъ дорожнаго его бѣлья перемыть, а отдалъ или нѣтъ, я не видалъ. 2) Будучи у коменданта, посулилъ меня и Полпванова поминаемый здѣшній купецъ Тешъ выпарить въ банѣ, и мы туда въ 7 часовъ въ тулупахъ пошли, и пришедъ, въ его покояхъ раздѣлись. Баня приготовлена была изрядно; на верхнемъ и на нижнемъ полку посланы были цуховики съ бѣлыми простынями и для мытья насъ одна финская не старая и хорошенькая дѣвушка; какъ скоро пришел, и я раздѣлся по банному, то оная дѣвушка, наливъ тазъ теплой воды и взявъ мыла, приступя, стала, поворачивая на обѣ стороны, какъ надобно въ банѣ, меня мыть. А потомъ выпари, окатила, и я пошелъ вонъ. То Полпвановъ, оставаясь, проспалъ меня, чтобъ я ему съ его слугою прислалъ рубль. Я хотя и понялъ, на что ему рубль надобенъ, однако (помянувъ дни древніе) ему не отказалъ и тотчасъ исполнилъ, стараясь при томъ, чтобъ хозяинъ не видалъ. А онъ, чрезъ четверть часа вышедъ, принесъ мой рубль и отдалъ мнѣ назадъ, — изъ чего я заключилъ, что онъ на промѣнѣ не пошелъ... Я признаюсь, что въ этомъ согрѣшилъ, но какъ быть: я и самъ молодежь бывалъ. Напившись у хозяйна чаю и одѣвшись, подаря изрядную намъ служащую въ банѣ между щедрости и скуности посредственно, пошли на квартиру. Маршала нашли спящаго съ генералами, а въ 10 часовъ, какъ остался маршалъ одинъ, вышелъ къ намъ, былъ съ нами до 11 часовъ шабалу, при чемъ подавали чай, а въ 11 столъ былъ готовъ, и стали ужинать. За ужиномъ, просидѣвъ около часу, всталъ; пошли въ наши коморки и, побиравъ съ полчаса шабалу, маршалъ пожелалъ намъ доброй ночи, пошелъ въ свою, а мы, раздѣвшись, съ четвертью въ двѣнадцать спать легли.

13-е, вторникъ. Маршалъ, вставъ въ 7 часовъ, разбудилъ служителей. А какъ около половины осьмого и мы встали, то пришелъ къ намъ и маршалъ; тутъ пили чай и кофе, и маршалу стали чесать волосы, да и мы стали одѣваться; а одѣвшись, маршалъ пошелъ въ покой къ Боверу и тамъ пробылъ до одиннадцатаго; а потомъ написалъ и отправилъ въ Петербургъ почту. Въ двѣнадцать часовъ поѣхали къ оберъ-коменданту маршалъ съ генералами въ его каретѣ, а Соймоновъ съ Полпвановымъ въ Дерфелтовой;

а жь съ оберъ-провіантмейстеромъ Голубцовымъ въ коляскѣ Тобольскаго маіора; а приѣхавъ, черезъ четверть часа обыкновеннымъ манеромъ къ столу (кромѣ хозяйской семьи и нашей свиты, статскій совѣтникъ Колманъ, лагманъ Алексіусъ, оберъ-провіантмейстеръ Голубцовъ, лѣкарь, Тешъ, и офицеръ Тобольскаго полка, всего 17 человекъ) отправились. За столомъ просидѣли часа около полутора, пошли къ кофе, а я выпивъ чашку, пошелъ и, зашедъ къ помянутому въ воскресенье Рязанскому офицеру, выпался и, напившись довольно чаю, пошелъ къ коменданту, но маршала съ свитою уже не засталъ и сѣлъ въ карету съ Калмановымъ; домой поѣхавъ, а приѣхавъ около 6 часовъ, маршала нашелъ дома, и у его сидятъ генералы, разговариваютъ и разсматриваютъ карты. А мы съ Поливановымъ начали бить шабалу; Соймоновъ же съ Лодыженскимъ припаялся за рисовку, и нарисовалъ Соймоновъ пзрядный эстампъ; однако какъ столъ былъ худъ, а онъ небрежно налегся, то обломилъ, и что нарисовалъ, чернилами залилъ. Очень жаль; нарисовано было хорошо. А въ 7 часовъ поминаемый Тешъ сдѣлалъ Поливанову и мнѣ визиту и, посидѣвъ съ полчаса, пошелъ, а мы послѣ его, помоловъ пустоши до десяти часовъ, всѣ послули, а проспавшись въ одиннадцатомъ, дожидались маршала. Онъ имѣлъ душкурсъ съ помянутыми генералами въ своей комнатѣ, а окончивъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа, вышелъ и, поболтавъ съ нами съ полчаса, пошли ужинать. За ужиномъ просидѣвъ около часа, пошли въ наши каморки и зачали опять болтать, а какъ уже былъ въ исходѣ первый, то я напомнилъ маршалу о покоѣ, а онъ, сказавъ намъ добрую ночь, въ свою комнату отправился; мы жь послѣ его, поболтавъ нѣсколько, въ началѣ втораго спать легли. Съ самаго выѣзду изъ Петербурга погоду имѣли хорошую, а сегодня поутру увидѣли выпавшій въ воробьево колѣно снѣгъ; около жь девятаго часу стало прибавлять больше и, перемѣнясь въ мокрый, а потомъ и въ дождь, съ великимъ съ моря вѣтромъ, кончался день ненастьемъ.

14-е, среда. Господинъ Поливановъ всталъ около 6-ти часовъ и меня разбудилъ; а какъ уже и служители встали, то подали намъ чай, а мы между тѣмъ чесали головы и убирались, а служители убрали наши постели и платье въ карету и коляску. А какъ маршалъ что-то заспался, то камердинеръ его разбудилъ; онъ еще не успѣлъ одѣться, анъ всѣ три генерала къ нему пришли и нѣсколько штабъ- и оберъ-офшцеровъ собралось. А между тѣмъ и лошадей привели и стали впрягать, и какъ уже въ отъ-

ѣзду все было готово, а маршалъ занятъ былъ къ нему пришедшими, такъ пѣготовленное къ обѣду обѣдали кое-какъ мы; а въ 12 часу маршалъ, пожелавъ всѣмъ счастливо остаться, а они намъ счастливаго пути, и со всѣми простясь, съ квартиры въ каретѣ съ комендантомъ маршалъ, Поливановъ съ Соимоновымъ, а я въ дорожной благополучно отправились и, заѣхавъ къ коменданту, выпивъ по рюмкѣ водки и поболтавъ нѣсколько кое-чего, простясь съ комендантомъ и съ его домашними, въ первомъ часу въ половинѣ изъ города выѣхали; до коменданта провожалъ оба генерала и нѣкоторые штабъ-офицеры. Выѣхавъ изъ города, ѣхали шесть верстъ безостановочно, а какъ спускаясь съ горъ, переломилось у кареты поперечное дерево, къ коему припряжены были стороннія лошади. То вышедъ, мы пошли пѣши, а карета, исправясь, насъ догнала. И мы, не доходя до рѣки Ниспе, наѣхали рѣку, переѣхали ниже поврежденной мельницы по мосту. Сія рѣка течетъ шпирою долиною и въ обѣ стороны дороги; по берегамъ видны пзрядныя луга и пашни, а рѣка каменистая и не очень широка; отъ оной рѣки ѣхали до рѣчки Тервиоки 13 верстъ; тутъ, зашедъ въ пзбу къ мужику Якобу (это было 3 часъ), маршалъ нѣсколько покушалъ (ибо изъ Выборга въ силу политики выѣхавъ не обѣдавъ), въ чемъ и мы ему помогли, для того что въ Выборгѣ обѣдали дурно. Рѣчку переѣхали по мосту же, и рѣчка также тамъ каменистая, какъ и Ниспе, и течетъ очень быстро. Перемѣня лошадей, поѣхали къ Вилаюкамъ и на десятой верстѣ отъ Тервиокъ обмѣрились, а въ 7 часовъ пріѣхали къ рѣкѣ Вилаюки и, заѣхавъ въ сторону съ дороги вправо, въ мизѣ дворцоваго коммисара Елефанта ночевали. Квартиру и постели имѣли мы пзрядныя, только того жаль, что маршалъ былъ нездоровъ, а вотъ отчего: дорогою, имѣя въ ротѣ съ табакомъ трубку, выглянувъ изъ кареты, нѣкакъ повредилъ подъ языкомъ, и такъ легъ не ужинавъ, да и мы ѣсть не хотѣли, а поѣвъ только, получа отъ господина Елефанта, кану пзряднаго молока съ яблоками, въ десять часовъ легли спать. Коммисаръ Елефантъ подчиненъ дворцовой канцеляріи и имѣетъ въ своемъ правленіи вѣдомства дворцовой канцеляріи мужиковъ 257 гейматовъ, кои составляютъ Зекервскій киршпиль, къ которому и онъ, Елефантъ, съ своею мизою принадлежитъ. Въ сей ночи господину Поливанову было нѣкое привидѣніе, будто стоящую при его кровати свѣчу пріяла хозяйская дочь. А какъ я и самъ видѣлъ, что свѣчу пріяла самая дурная, похожая на чертовку, хозяйская работница, то и заключилъ, что онъ, господинъ Поливановъ, пѣчто о хозяй-

ской дочери, какъ она дѣвушка изрядная, имѣлъ въ мысли, такъ она ему и привидѣлась.

15-е, четвергъ. Въ 7 часовъ господинъ Полпвановъ меня разбудилъ, ибо я никакъ заспался, и какъ всталъ и сталъ одѣваться, то стали подавать чай; да и маршалъ въ 8 часу проснулся и одѣвшись писалъ въ отвѣтъ на полученныя въ сей ночи съ курьеромъ письма, а отъ куда и отъ кого сей курьеръ прїѣзжалъ, о томъ я, яко до насъ не принадлежащемъ, не любопытствовалъ; а писавши плъ и кофе. Отправи жъ курьера, а лошади были отпряжены, то сѣвъ въ карету въ 9 часу поѣхали; на 8 верстѣ отъ Вилаюки въ правой сторонѣ минули Зекервскую кирку, и видѣнъ былъ изрядный насторскій домъ; проѣхавъ кирку отъ Вилаюки, на десятой верстѣ встрѣтилъ маршала Псковскаго полку господинъ прапорщикъ Петръ Алексѣевичъ, сынъ Алексѣя Ивановича Хитрова, молодецъ слишкомъ проворенъ; а мы остоновясь, перемѣня лошадей, ѣхали до Валпаюки и до деревни Урполь, при которой стоитъ Рязанскаго полку съ ротой капитанъ Анцыфоровъ; и перемѣня тутъ лошадей, поѣхали до залива Питерлаксъ и на мызѣ лѣкаря Вилкенса обѣдали. Столъ состоялъ въ холодномъ. Съ мызы поѣхали въ два часа и, доѣхавъ до рѣчки Равкіюки, лошадей перемѣнили. Доѣхавъ же до мысы Вулферта штатгалтера, лежащей при деревнѣ Наукаль, въ 7 часу ночевать остановились, и на топя покой, въ 9 часовъ поставленъ былъ состоящій изъ холоднаго ужина, а притомъ пили молоко съ яблоками и яйца въ сметку. А какъ постели были готовы, то поужинавъ, въ одиннадцатомъ часу спать легли—мы съ Полпвановымъ и съ Соймоновымъ въ каморкѣ, а маршалъ въ другой.

16-е, пятница. Вставъ въ началѣ восьмого удивился: увидѣвъ Полпванова, спитъ у самого порогу въ большой прихожей въ безпорядкѣ. Я было подумалъ, ужъ не домовой ли дѣдушка его туда перенесъ, да онъ, чтобъ я не сомнѣвался, мнѣ сказалъ, что я его храпѣньемъ и плеваньемъ мопмъ беспокоилъ, и такъ постелю свою перенесъ ночью самъ, а что непорядочно послана, тому причина ночная темнота. И такъ сталъ убираться; а какъ подали чай, то по резону, что при семь урочищѣ воды хорошей нѣтъ, очень мало пили: я выпилъ двѣ, а Полпвановъ одну чашку, а маршалъ и Соймоновъ, и не пивъ ни одной чашки, поѣхали, а прїѣхавъ къ урочищу въ Венделаксъ *), осматривалъ маршалъ то мѣсто, гдѣ въ прошлую Швед-

---

*) Мендолаксъ.

скую войну имѣли Шведы славную крѣпкую засѣку и батарею ; оставя къ Фридрихсгаму ретпровалась. Какъ мнѣ кажется, мѣсто крѣпкое, и удивительно, что оное господа Шведы оставили. Она засѣка начинается на 88 верстѣ отъ Выборга и кончается на 11 отъ Фридрихсгама. Господинъ же Поливановъ сходилъ на зайцовъ и видѣлъ очень много свистелей, да ни по зайцамъ, ни по свистелямъ выстрѣлить не удалось, хотя не одинъ разъ покушался, но по несчастію осѣкалось, а сіи животныя другаго заряда не жидались: и такъ дѣло прошло безъ дѣйства. Осмотря сіе славное мѣсто, поѣхали въ городъ и въ одиннадцать часовъ безостановочно пріѣхали.

Квартиры намъ показаны у Фридрихсгамскихъ мѣщанъ—маршалу у Ната, Поливанову у Штевнга, мнѣ у Ринхарта. Какъ пріѣхали на маршалову квартиру, то хозяинъ съ фамилією вышелъ и съ оказаніемъ всѣхъ учтивостей встрѣтилъ. А какъ вошли въ покой тотчасъ пришелъ и комендантъ господинъ полковникъ Линдинъ и полевыхъ полковъ командиръ: Рязанскаго господинъ подполковникъ Шалыгинъ, Псковскаго господинъ секундъ-маіоръ Масленниковъ. У хозяина жъ поставленъ былъ столъ съ кофеємъ и съ чаемъ въ изрядномъ порядкѣ, а въ 12 часовъ собранъ былъ обѣденный столъ, за который въ половинѣ втораго сѣлц, и не исключая хозяина, хозяйки и ихъ дочерей и нашей съ маршаломъ свиты, 19 человекъ обѣдали, а именно: комендантъ, подполковникъ Мана-сенъ, Рязанскій подполковникъ Шалыгинъ, Псковскій маіоръ Масленниковъ, маіоръ съ деревянною ногою Тернеръ, артиллеріи капитанъ Ладыженской, плацъ-маіоръ Бирнштамъ, Псковскій лѣкаръ Гринъ и учитель хозяйскихъ дѣтей Винцель. Въ исходѣ третьяго часу, вставъ изъ-за стола, всѣ разошлись; а маршалъ, пошедъ въ свою комнату, легъ на постель, заснулъ, а мы пошли по своимъ квартирамъ. Я выспавшись въ 4 часа пришелъ къ маршалу; уже онъ проснулся, то принесенъ былъ въ его спальню столикъ съ чаемъ, и хозяйская большая дочь подчивала маршала и меня, и какъ собрались къ нему нѣсколько штабъ-офицеровъ, сдѣлали двѣ партіи ломбера, а онъ сѣлъ играть въ шахматы съ Поливановымъ и проиграли до десяти часовъ, а въ десять часовъ накрыли столъ, за который въ половинѣ одиннадцатаго сѣла наша свита, хозяинъ самъ-третьей, комендантъ, Шалыгинъ, Ладыженской, прапорщикъ Хитровъ, Псковскій лѣваръ и домашній учитель и вѣдущій съ нами сержантъ Бушуевъ и просидѣли до полудвѣнадцатаго, а вставъ всѣ Фридрихсгамскіе, пожелавъ маршалу доброй ночи, пошли, а

мы проводили маршала въ его каморку и, побивъ до исхода пер-аго часа шабалу, откланявшись, пошли по своимъ квартирамъ и въ началѣ втораго спать легли.

Дорога отъ Выборга до Фридрихсгама была хотя и не гористая, но и ровною назвать нельзя, ибо почти на всякихъ двухъ верстахъ имѣли хотя небольшія горы, а отъ Выборга на 6-й да не доѣзжая Фридрихсгама на 5-й превелпкія горы. Последнія при заливѣ, называемомъ Клубицъ, и по обѣимъ сторонамъ всей дороги превелпкіе камни, какихъ я ипгдѣ на землѣ, кромѣ что въ шерахъ *) по островамъ, не видываль, а отъ Зекервской кпрки до урочища Валнаіоки верстахъ на 10 немалый песокъ, и камней было видно очень рѣдко; къ земледѣлію жъ и къ сѣноосу способныхъ мѣстъ ипгдѣ было не видно, кромѣ какъ около жила, и то посредственно довольно; воды вездѣ, выключая при урочищѣ Коукаль, гдѣ татгалтерская мыза изрядная, а при сей мызѣ вода очень дурная и на чай негодится. Погоду имѣли: изъ Выборга поѣхали съ дождемъ пополамъ и съ снѣгомъ, а за Тервіоки къ Вилаіоки пошелъ превеликій снѣгъ съ вѣтромъ, и во всю ночь была превелпкая вьюга, къ утру же сдѣлалась погода благополучная съ малымъ морозомъ, и показался нужный санный путь, съ коимъ и въ городъ въѣхали.

17-е, суббота. Всталъ я въ своей квартирѣ въ половинѣ пятаго и до семи писалъ вышеписанное отправление изъ Выборга и что съ нами въ дорогѣ до Фридрихсгама слѣдовало; а въ семь, какъ ужъ я обулся, то поставилъ мнѣ хозяинъ столникъ съ чаемъ и кофеемъ, а я, напившись и одѣвшись, пошелъ къ маршалу и нашель его уже одѣтаго. А потомъ пошелъ я и Соймоновъ съ маршаломъ по крѣпости и были въ новопостроенномъ лазаретѣ и на обохъ полковыхъ полевыхъ полковъ дворахъ. Маршалъ смотрѣлъ все, а мы съ Соймоновымъ тутъ же били шабалу, ибо смотрѣ до насъ не принадлежитъ; а оттуда маршалъ пошелъ въ городъ и, посмотря, какъ рвутъ каменя, пошелъ на свою квартиру, а я любовался городомъ, коему ниже сего слѣдуетъ описаніе. Осмотря все, что мнѣ вздумалось, пришелъ къ маршалу; а какъ уже было 12 часовъ, то пошли къ коменданту, ибо звани были обѣдать. Тутъ упдѣлъ я и Поливанова, а гдѣ онъ былъ, я не любопытствовалъ, а положилъ, что онъ ходилъ стрѣлять свиристелей или куда въ тебѣдомые намъ гости. Пришедъ къ коменданту въ половинѣ вто-

*) То есть, въ шерахъ.
И отдѣлъ.

раго, кромѣ хозяина съ женою и нашей свиты, въ 12 человѣкахъ за столъ сѣли; а вслѣдствіе въ три часа, я скоро пошелъ спать, выспавшись, въ пять часовъ пришелъ къ коменданту, уже нашелъ маршала, играющаго съ подполковникомъ Манасепнымъ въ шахматы, а Поливанова и Соймонова съ прочими въ ломберахъ. А какъ въ 10 часу поставили столъ, то сѣли ужинать въ 14 человѣкахъ съ нами и съ хозяиномъ: отужинавъ же въ одиннадцатомъ, сдѣлавъ комплементъ хозяину и хозяйкѣ, разошлись; мы, проводя маршала до постели и поболтавъ съ полчаса, пошли по квартирамъ; я, пришелъ на свою около половины двѣнадцатаго, спать легъ.

Городъ Фридрихсгамъ, хотя не великъ, только по состоянію своему назваться можетъ презрительнымъ: расположеніе въ крѣпости домовъ я лучше нигдѣ не видалъ; изъ центра 8 улицъ, по примѣру двора отъ пункта ратуши во всѣ стороны саженъ по 200 построено обывательское строеніе перспективно; а въ самомъ центрѣ ратуша, по состоянію мѣста зданіе не малое, церковь одна гарнизонная и двѣ полевыхъ полковъ деревянныя, кирокъ двѣ. Въ одной деревянной отправляется служба на шведскомъ, а въ другой каменной на финскомъ языкахъ. Товаровъ русскихъ на солдатскую и мужицкую руку слишкомъ довольно. Торгуютъ оными Олоонецкіе купцы, живущи домами; только все очень дорого; а чужестранныхъ въ четырехъ лавкахъ очень мало, а пмѣютъ сахаръ, кофе, чай, сыры, сельди разныхъ сортовъ, табакъ, трубки, сукно и разныя шелковыя и шерстяныя аглинскыя и другыя фабрикы матеріи и ситцы. Фридрихсгамское купечество, которое составляютъ частію тутешніе уроженцы, а частью изъ разныхъ мѣстъ пришедшіе Шведы, и содержатъ въ домахъ, и продаютъ очень дорого жъ; а для покупки оныхъ пріѣзжаютъ изъ-за границы господа Шведы, потому что въ Швецію всѣ оныя товары вывозить запрещено. Купцовъ тамошнихъ домовъ до двадцати и живутъ пехудо; торгъ пмѣютъ пильными досками и смолою, для чего пмѣютъ почти всѣ пильныя мельницы; большею частью по Кюмени живутъ очень хорошо и очень вѣжливы и ласковы, въ двадцать разъ лучше Выборгскихъ; да вотъ что всего лучше: всѣ жители, мѣщанство и военные, тутешные и полевые, между собою очень согласны и никакихъ ссоръ и крамоль не пмѣютъ, что я, зная совершенно Россію, за рѣдкость считаю. А какъ ничто въ совершенствѣ быть не можетъ, такъ и Фридрихсгамъ пмѣетъ свой порокъ: въ каждомъ домѣ самой нужной покой, въ какой и самъ султанъ турецкій въ случаѣ нужды

нпкому, кромѣ себя, входить не вѣрлетъ, отъ покоевъ построить отъ трехъ до семи сажень по примѣру; и буде приключится необходимая нужда, принужденъ идти до того покоя безъ покрова.

18-е, воскресенье. Всталъ я въ пять часовъ, сдѣлалъ описаніе вчерашнему дню, и, напившись у хозяйна чаю, одѣлся и пошелъ къ маршалу и пашель его чрезъ-чуръ веселаго даже до слезъ. Я удивился, откуда бѣ ему прппала такая веселость, и скоро узналъ, что въ сей ночи получилъ онъ отъ 14-го изъ Санктпетербурга штафету, въ коей собственно всероссійская владычица его увѣдомляетъ, что Яссы взяты, что възпръ съ пятью тысячами ушелъ за Дунай, что серастеръ*) Абаза-Паша стоитъ у Дунайскаго моста съ 400 Турками, и что наши казаки пошли его прогнать, что они же сожгли на Дунаѣ непріятельское недавно построенное судно, и что непріятельскій магавейнъ взятъ, что армія пошла въ Бухарестъ и въ Чочоры, что отъ Хотина до Яссъ сочли до 20,000 мертвыхъ лошадей, и что вся Молдавія въ вѣрности присягала, — о чемъ и я, ему сердечно сорадуясь, чуть не заплакалъ. Маршалъ о семъ тотчасъ далъ знать здѣшнему коменданту съ повелѣніемъ, чтобъ въ нашихъ и лютеранскихъ церквахъ объявить и прпнестъ Всевышнему благодареніе. Почему какъ въ нашей, такъ и въ лютеранскихъ церквахъ при собраніи множества народа было объявлено п пѣти благодарныя съ пѣніемъ: „Тебѣ Бога хвалимъ“, молебны. Маршалъ, вышедъ съ квартиры, смотрѣлъ Рязанскаго полку собравшуюся на караулъ подъ команду капитана Фаминцына команду, а потомъ, зашедъ въ шведскую церковь, побывъ мало, пошелъ въ свою и засталъ отправленіе божественной литургіи: поютъ „Трисвятое“. Службу отправлялъ пзрядный Фридрихсгамскій священникъ въ богатыхъ ризахъ. Пѣли на обонхъ крылосахъ Псковскаго полка служители „Ижехерувимскую“ и „Достойно“ партесомъ, а концертъ въ обыкновенное время, пзрядный, точно прппадежащій таковой радостной вѣсти, а именно: „Благословенъ Господь Богъ нашъ“, въ коемъ между рѣчьми были и слѣдующія: „Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончуются; оскорблю ихъ, и не возмогутъ стати, падуть подъ ногама мои“. По отпѣніи молебна, который отправлялъ служащій съ двумя полковыми священниками, во время пѣнія „многая лѣта“, дѣлали маршалу священство поздравленія и стрѣляли съ вѣрности изъ пушекъ. Во всю обѣдню, а особливо въ молебень, старпкъ подполковникъ Манасеннъ изъяс-

*) То есть, серасвиръ.

лялъ мнѣ свое сожалѣніе, что у нихъ въ Фридрихсгамѣ дьякона нѣтъ, а при томъ почти слезно просилъ. Писали они къ Петербургскому архіерею, просючи, чтобъ далъ имъ дьякона, а хотять просить у маршала, чтобъ о томъ у архіерея постарался, а я бѣ ему напоминалъ. Я жъ хотя и признаю, что дьяконъ для службъ Богу не нуженъ, да во украшеніе церкви, особливо въ пограничномъ мѣстѣ, надобенъ: ибо часто люди бываютъ изъ пограничныхъ городовъ, особливо изъ Лувизы; да и тутъ, въ церквѣ, между вупцовъ было оттуда пріѣзжихъ трое; въ томъ ему и обѣщаль. А въ лютерской, въ коей мы были, было два пастора. Первый—старикъ лѣтъ 80-ти; а другой—молодой, стоялъ на канцелѣ и на шведскомъ языкѣ говорилъ предіку чрезъ мѣру громогласно; признаюсь, что такого громогласнаго пастора отъ роду не слыхалъ; да такъ кричалъ, что всѣмъ корпусомъ былъ въ великомъ трясеніи: и что это за голосъ! Ни лучшій нашъ протодьяконъ такъ закричать не можетъ! Вышедъ послѣ молебна изъ нашей церкви маршалъ, идучи въ квартиру, смотрѣлъ Псковскаго полка смѣнявшагося съ караула команду. А какъ скоро пришелъ на квартиру, то пришло лютеранское духовенство: думъ-пробствъ Гутцеусъ съ кривуномъ и другими пасторами, и первый говорилъ маршалу на шведскомъ языкѣ рѣчь, коя по переводѣ при семъ слѣдуетъ:

„Высокопревосходительному господину генералъ-поручику, майору Ея Императорскаго Величества лейбъ-гвардіи и кавалеру, милостивому государю! Чрезъ ваше высокопревосходительство сдѣлано нашему городу сей день радостное извѣстіе публичнымъ обрадованіемъ на катедрѣ. Сія вашего превосходительства превосходная милость открываетъ намъ, общимъ Фридрихсгамскимъ жителямъ, желаемый случай вашему высокопревосходительству принести всеповорнѣйшую нашу благодарность; Ея Императорскому Величеству, нашей всемилостивѣйшей высокой государынѣ, желаемъ мы съ глубочайшимъ почтеніемъ счастье и благословеніе къ сей высокославной побѣдѣ и изобильное превосходство, которою бѣ Ея Императорскаго Величества со всею непобѣдимой арміи помощію Всевышняго надъ Турками, врагами всего христіанства, побѣду одержали, чрезъ что Ея Императорскаго Величества блистающей коронѣ все княжество Молдавское покорилось. Ея Императорскому Величеству и ея высокославной арміи моремъ и сухимъ путемъ желаемъ искреннимъ усердіемъ и впредь сильную защиту Всевышняго, какъ противъ всѣхъ тайныхъ, такъ и явныхъ непріятелей. Мы же желаемъ подъ Ея Императорскаго Величества милости-

вымъ и сильнымъ скипетромъ защиту и сохраненіе, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ обстоятельствахъ, которымъ мы наслаждаться за нужное почитаемъ. Да благовольтъ всевышняя десница Ея Императорскому Величеству изливаемыми щедротами шнѣ и во вѣки вѣковъ. Я остаюсь вашего высокопревосходительства покорный слуга Фабианъ Гутцеусъ“.

А проговоря, сіи духовные, немного мѣшкавъ, отправились, и скоро у хозяйна стали ставить столы, за коп въ исходѣ перваго часа сѣлк; за первый 21, за другой девять—всего 30 человекъ. За столомъ пилл за высочайшія здоровья и счастливаго оружія. А въ началѣ 3-го, какъ пзъ-за столовъ встали, я пошелъ спать, а выпавшись пошелъ къ маршалу, коего нашель, — отправляетъ въ Петербургъ штафету; а въ передней нѣкоторые играютъ въ ломберъ, а другіе въ шахматы. А въ 7 часовъ сѣхались: го-спожа комендантша и прочихъ женщинъ 28, въ томъ числѣ пзъ-за шведской границы двѣ изрядныя дѣвнцы (а на шведскомъ языкѣ вакеръ флике),—одна изъ Абова, а другая изъ построенной послѣ войны крѣпосцы Лувизы. Сіи дѣвнцы хотя не завидны, однако хорошо одѣты, и какъ собралось офицеровъ и мѣщанъ довольно, то и начался балъ. Оный открылъ хозяйпъ съ комендантшею, а маршалъ, видя, что тутъ ни одной похожей на прекрасную танцовщицу Сантинишу*) нѣтъ, отъ танцовъ, пзъяснясь благопристойнымъ образомъ, что у него болптъ нога, отказался. Въ одиннадцатъ же часовъ роздали билеты, а въ 12 пошлп черезъ дворъ въ особую комнату къ столу. Мнѣ досталась попадья, изрядная молодпца, жена настора Гавеніусъ. Тутъ была одна дѣвушка, недавно пріѣзжая изъ Петербурга, такъ проворна, что, я чаю, въ Петербургѣ всему научилась. Я было хотѣлъ написать, кто она такая, да по счастью забылъ. На семь балѣ п я на старости, въ сходство желанія маршала, до ужина дважды, да послѣ ужина одинажды, и такъ три раза прошелъ: одинъ съ комендантшею, а дважды съ сею проворною дѣвушкою. Чудо, какъ въ такомъ маломъ мѣстечкѣ всѣ танцуютъ! Да и танцуютъ въ разсуждепіи мѣста, изрядно. Послѣ ужина, какъ уже былъ часъ первый, я спать пошелъ, а балъ остался въ своей полной силѣ и продолжался, бакъ мнѣ послѣ сказывали, до половны втораго; въ кое время маршалъ, большую часть проигравъ въ шахматы, а въ псходѣ втораго

---

*) О танцовщицѣ Сантини упоминается въ Лѣтописи русскаго театра П. Аратова, стр. 101, и въ Запискахъ Порошина.

благодаря хозяйку, пошелъ въ свою комнату. Его проводя, Поливановъ въ началѣ 3-го спать пошелъ; а Соймоновъ, не дождавшись конца, какъ дитя молодое, захотѣлъ спать и ушелъ. Во весь балъ маршалъ былъ нѣкакъ посредственно скученъ, и полагаю, для того—подбѣгать было ему не къ кому *) и вздыхать не передъ кѣмъ. Тутъ были хотя личики прядныя, но на мадамъ Салтинну, какъ выше писано, ни чуть-чуть похожей ни одной не было. Онъ было подбѣжалъ къ Шведкамъ, да по несчастію, кромѣ шведскаго, никакъ не говорятъ, а черезъ переводчика подбѣгать казалось ему неприлично. А подбѣгать у него охотка есть, разсуждая, что черезъ подбѣганье и вздохи умъ острится, и можно де отъ того научиться быть и министромъ. Чтожь до Поливанова, то глаза его во весь балъ бѣгали по всѣмъ, какъ у ястреба; а иногда игралъ, сдѣлавъ маленькій банкъ и въ фаро: больше жъ всего обращался его взоръ къ хорошенькой дѣвушкѣ. Кто она такая, — хоть знаю, да умолчу, и хотя онъ о встрѣчѣ глазъ ея со своими крѣпко старался, но она всегда, сколько я примѣтить могъ, долго отворачивала: однакожь подѣловать, оставя, что дворянскія мѣщанскую дѣвушку (думая, что любовь дѣлаетъ все равно), какъ мнѣ казалось, буде не ошибаюсь, ему удалось. Да и подлинно изрядная: брунетка, глазки востренькіе, только что уборъ мѣщанскій; однако чуть тако въ глазенѣ ему удалось ли. А фаро сдѣлало ему счастья на пятьдесятъ рублей, да въ Выборгѣ, съ маршалскими, до 30; и такъ онъ, господинъ Поливановъ, въ выигрышѣ до осмидесяти. А Соймоновъ, какъ дѣтнина молодой и душа безгрѣшная, то за лѣшкеромъ, то за шахматами, или по большей части такъ глазѣлъ. Бушуевъ же мыкался со всѣми, какъ конь: я было его и осудилъ, что онъ въ присутствіи маршала выступить осмѣлился, а онъ извинялся, что подняла его Петербургская ученая дѣвушка, такъ счелъ, буде отказать, то де будетъ противъ всѣхъ вѣжливостей. Однакожь, я въ томъ его не оправдалъ: надлежало бы о семъ доложить. Балъ сей былъ сдѣланъ коштомъ маршалскаго хозяина Ната. Да и какъ сказываютъ гарнизонные здѣшніе, что для всѣхъ получаемыхъ изъ арміи о благополучіи извѣстій, по принесеніи Богу благодаренія, даетъ купечество общественнымъ коштомъ всему Фридрихсгамскому ноблесу и мѣщанству балы въ общемъ квартирномъ домѣ, и дома бывають, какъ и сей ночи плюминованы. Я не могъ

*) То есть, не за кѣмъ было ухаживать.

безъ смѣху видѣть, какъ нѣжный полъ бѣгалъ въ описанный мною подь 17 числомъ самонужный покой; ибо была непогодь.

19-е, *понедѣльникъ*. Я всталъ по утру въ пять часовъ и, напившись вчерашняго дни происхожденіе, легъ и опять уснулъ, а проспавшись, опять одѣлся и, напившись чаю, въ полдевята пришелъ къ маршалу и нашелъ его не спящаго; и побывъ съ нимъ шабалу, пошелъ къ Рязанскому подполковнику Шалыгину; а, поболтавъ у него съ полчаса мѣста, пришелъ опять къ маршалу; нашелъ его за шахматами—играетъ со Псковскимъ майоромъ. Я, побывъ немного, пошелъ къ старой моей знакомецѣ комендантшѣ, и пилъ у нея презрядный чай съ прекрасными сливками, какого въ всемъ Фридрихсгамѣ нѣтъ, потому, какъ я слышалъ, что Фридрихсгамскіе обыватели чаю пить не охотники, а пьютъ обыкновенно кофе, и пьютъ хотя жидко, однако очень хорошо. Удовольствовавшись же спивъ презряднымъ чаемъ, въ 12-мъ пошелъ къ маршалу, а какъ столъ ужъ былъ готовъ, то въ началѣ перваго въ 14 человекъ сѣли; а въ полстола пришелъ помянутый Шалыгинъ и сѣлъ за стульями, ибо уже отобѣдалъ. Вставъ изъ-за стола въ началѣ втораго и выпивъ по чашкѣ презряднаго кофе, изъ Фридрихсгама въ началѣ третьяго поѣхали смотрѣть лежація въ уѣздѣ Фридрихсгама Псковскаго полку роты, на санкахъ; ибо къ тому снѣгу, что пошелъ въ Выборгъ, еще снѣжку подуало. А ѣхали, первое, мимо лежащаго отъ города въ верстѣ герихтъ-комисара Гетценіуса дому, а потомъ по мосту, чрезъ протоку изъ небольшого озера въ заливъ морской; до мосту отъ города 2 версты. Отъ онаго мосту до мосту жъ чрезъ рѣчку Суму, при коемъ финская деревня, и живетъ въ ней русскій шинкаръ, 4 версты; а отголъ до деревни Таксала, лежащей при Рокепюки, 8 версты, гдѣ переѣхали лошадей. Около сей деревни и по сторонамъ видно было нѣсколько жила, и къ земледѣлію, какъ и къ сѣвокосу, способныя мѣста. Все оное видимое жило составляетъ урочище Таксала: отъ Таксала до перваго рукава рѣки Клименъ 6 версты. На ономъ построены купца Ната хлѣбная и пшляная мельницы. Маршалъ вышелъ осматривать мельницы. Не доѣзжая сикъ мельницъ, сажень слишкомъ за 200, на правой сторонѣ отъ Фридрихсгама лежитъ неизреченной величпыи вышшою, перпейдикулярно отъ горизонта сажень до четырехъ камень и кончается при самой мельницѣ пониже, составляя въ утесъ сажень до семи берегъ; а переѣхавъ чрезъ сей рукавъ,—мостъ при натуральной каменной плотинѣ съ малою человѣческими руками работаю, построены помянутыя двѣ мельницы, кои имѣютъ дѣйство больше

силою пороговъ; а ниже оныхъ также превеликій составляющій другой берегъ рѣки превысокій камень, на который какъ пошелъ маршалъ, то и всѣ изъ нашей свиты, Полвановъ, такъ и Соймоновъ, да ѣдущіе съ нами изъ Фридрихсгама Псковскаго полку премьеръ-маіоръ Гейманъ и маршалскій хозяинъ, пошли, да и я на старости взошелъ благополучно, хотя было нѣсколько и скользко. Осмотря сіи камушки, ибо на другой сторонѣ рѣки прописанный камень былъ видѣнъ, пошелъ къ саямъ, а какъ было очень скользко, то помянутый господинъ Натъ поскользнувшись уже не ногамъ сталъ, да и съѣхалъ на сѣдалищѣ; и сѣвъ по саямъ, поѣхалъ. Ѣхавъ по дорогѣ съ версту, поворотилъ влѣво въ мызу помпнаемаго Ната. Отъѣхавъ отъ мельницы сажень со сто, начался также превеликій вѣзичины въ лѣвой сторонѣ камень и продолжался по дорогѣ до полуверсты съ тою разностию: первый кончался къ дорогѣ скатомъ, а сей утесомъ, а противъ спухъ камней, на правой сторонѣ—мѣста плоскія и мокрѣя съ довольнымъ лѣсомъ, а по обѣимъ сторонамъ, выше мельницъ, подлѣ самой рѣки къ земледѣлію и къ сѣнокосу, видны мѣста удобныя.

Мыза Натава лежитъ при другомъ рукавѣ рѣки Кимени, надъ порогомъ, отъ мельницъ въ 3-хъ, а отъ большой дороги, ѣдучи отъ Фридрихсгама въ лѣвой сторонѣ, отъ морскаго жъ залива въ правой около полуверсты; рукавъ при мызѣ, какъ и при мельницѣ, течетъ по великому камению, а ниже мельницъ и мызы, до заливу, плеса шириною сажень около 20, по которымъ, какъ сказывалъ хозяинъ, до самыхъ порогъ пройти можетъ галера. Къ мызѣ сдѣланъ красный мостъ, а на мызѣ въ трехъ покояхъ съ кухней и прочимъ для пріѣзду его, Ната, съ принадлежащимъ и приличнымъ мѣсту уборомъ хоромы. Около мызы по обѣимъ сторонамъ Кименскаго рукава, мѣста къ земледѣлію и скотоводству кажутся способны; во владѣніи же сей мызы, какъ сказывали, изрядныя въ Кименскихъ рукавахъ рыбныя ловли: ловятся лососи, карпы, сиги, нейтъ-аугень, а въ морскомъ заливѣ и салакуша со излишествомъ. Пріѣхавъ къ мызѣ въ половинѣ шестаго, нашли передъ воротами въ строю Псковскаго полку гранадерскую роту, и на мызѣ въ хоромахъ столпкъ съ изряднымъ кофею и чаемъ и очень хорошія сливки; и мы, напившись обоого, стали бить шабалу, да и помянутой роты господа офицеры, по приказу маршалскому распустя роту до утра, вошедъ въ хоромы, побивъ съ нами до семи часовъ шабалы, откланялись. Въ сей вечеръ маршалъ два раза припимался играть въ ломберъ на марки, а въ рубли въ Выборгѣ, сшибъ

охоту; а я между тѣмъ около четверти часа соснулъ, ибо по обыкновенію послѣ обѣда за скорымъ выѣздомъ изъ города уснуть не удалось. Около половины осьмого пріѣхалъ изъ Фридрихсгама таможенные господинъ директоръ Килхенъ и цолнеръ Фонъ-Глазгоръ. А какъ я проснулся, то уже поставленъ былъ столъ въ 10-ти тарелкахъ, и маршалъ, не догравъ пули, всталъ и съ своею свитою, съ пріѣзжими двумя, съ хозяиномъ, со Псковскимъ маіоромъ и капитаномъ Болгарномъ сѣли. А отужинавъ, въ началѣ одиннадцатаго, маршалъ, вставъ изъ-за стола, сталъ догрывать пулю, а мы били шабалу; а какъ отыгралъ, то не наши откланявшіеся пошли, а мы, побивъ съ маршаломъ шабалы, между коей просидъ я маршала, чтобъ въ безинтересномъ моемъ желаніи похотѣйствовалъ мнѣ, буде можно, высокую милость; а онъ сказалъ: „Авось либо Богъ, только не знаю, удастся ль!“ А я и остался между надежды и отчаянія. И такъ, въ 11 Полпвановъ и Соймововъ легли на постеляхъ, а я, какъ уже уснулъ и спать не хотѣлъ, то поболтавъ съ ними съ полчаса, легъ спать и скоро заснулъ. За ужиномъ получена изъ Петербурга почта, коя между прочимъ принесла: 1) обстоятельно реляція о занятіи Яссы и о прішедшихъ въ подданство Молдавскаго княжества и бояръ Всероссийской владычницъ; 2) что купленъ мнѣ домъ; 3) что между славной актрисы и танцовщицы мадамъ Жуанъ-Меркуръ и танцовщицы жъ мадамъ Сантна-Орби произошло нѣкимъ образомъ несогласіе, и чуть было не дошло до пощочнаго шармпселя. Первому, яко сыну отечества, сердечно, а второму, яко хозяину, просто порадовался. Что жъ принадлежащій такимъ особамъ пощечный шармпсель дѣйствомъ не исполнися,—остался съ сожалѣніемъ. Эхъ, еслібъ на театрѣ, то то бъ пубliku утѣшили и произвели веселое рукоплесканіе! Я цѣлую ночь думалъ, что бъ за причина была къ такому спухъ почтенныхъ огорченному несогласію; да и положилъ, ежели не ошибаюсь, что онѣ не могли раздѣлить любезныхъ своихъ подбѣгателей, вздыхателей, почитателей и обожателей. А впрочемъ судьбѣ свѣдущей.

20-е, вторникъ. Во исполненіе повелѣнія маршала (онъ мнѣ приказалъ разбудить себя въ полсема), пробудился я очень рано, разбудилъ маршалскаго волосочесателя, досталъ чрезъ него огня, увидѣлъ, что на часахъ 4. Итакъ я до термна 2 часа съ половиною проворочался, ибо спать не могъ, чѣмъ досадила Полпванову, а въ повелѣнное время и маршала разбудилъ. Онъ всталъ, тотчасъ одѣлся по солдатски, а между тѣмъ вчерашня гранодер-

ская да 4 мушкатерскія роты приведены на мызу, кои маршалъ съ въ эволюціяхъ и маршахъ прилежно смотрѣны, а осмотра, вошелъ въ хоромы, и какъ сани были пзготовлены, то маршалъ, взявъ Соймонова и Бушуева, поѣхалъ, смотря еще ротъ, и съ нимъ поѣхалъ Псковскій маіоръ да здѣшній земскоі комисаръ Авенаріусъ; а мы съ Поливановымъ осталпсь на мызѣ. Я съ хозяиномъ и съ таможенными билъ шабалу и писалъ, какъ препровожденъ вчерашній день, а Поливановъ пошелъ стрѣлять, да къ несчастію ружье его, какъ и прежде, не стрѣляло. Онъ съ горя пошелъ домой задумавшись, спотынулся на посредственной величныи камень, упалъ съ обѣихъ ногъ и на кремень своего ружья невѣдомымъ образомъ разрѣзалъ себѣ правый скулъ и сдѣлалъ рану дпшною въ дюймъ, а глубиною въ четверть, и затѣмъ прійдти опоздалъ, такъ что мы съ хозяиномъ его къ обѣду больше часа дожидались; и какъ припелъ примочивъ французскою водкою, цолперъ Глазноръ рану ему перевязалъ,—то сѣли обѣдать. Кушалъ, Богъ съ нимъ, изрядно: мнѣ кажется, сіе несчастье послѣдовало ему отъ черненькой рукавички, которую онъ получалъ на прошедшемъ балѣ отъ своей любезной; ибо о другомъ думать было ему нечего. Я послѣ обѣда заснулъ, а онъ, бивъ съ хозяиномъ и прочими шабалу, меня чрезъ четверть часа разбудилъ; а какъ я всталъ, то кофе и чай у хозяина на столѣ; я не успѣлъ выпить одной чашки, анъ и маршалъ въ два часа по полудни съ комисаромъ пріѣхалъ. Онъ не успѣлъ отобѣдать, анъ маіоръ Гейсманъ съ Бушуевымъ, а потомъ скоро и Соймоновъ пріѣхали. Маршалъ сказываеъ, смотрѣлъ Псковскую вторую роту и ходилъ къ Шведской границѣ, откуда видѣлъ пль форпоста часоваго. А куда ѣздилъ Соймоновъ, я не любопытствовалъ. По пріѣздѣ маршалкомъ Поливановъ въ 4 часа во Фридрихсгамъ отправился лѣчить свой играмъ, и маршалъ что-то сидя писалъ, а Соймоновъ чертилъ, мы же били шабалу. Въ семь часовъ директоръ и маіоръ Гейсманъ съ маршаломъ сѣли играть въ ломберъ. При томъ послѣдовало маленькое забавное приключеніе: вышло, что проверный офицеръ, господинъ прапорщикъ Хитровъ, нѣкому нѣгдѣ проговорилъ, что маршалъ его посылалъ на границу, а какъ маршалъ былъ увѣдомленъ и его спросилъ, когда его посылалъ, то онъ не запнувшись сказалъ: „Солгалъ, ваше превосходительство!“ Да и мнѣ онъ о себѣ сказалъ, что онъ подпоручикъ, а дѣломъ оказалось, что онъ не больше, какъ прапорщикъ: слѣдственно, и мнѣ солгалъ, чѣмъ я его уличилъ, и тѣмъ сдѣлалось нѣсколько смѣху. А ежели бъ и еще описывать его лжи о кунн-

оухъ и барсахъ и о прочемъ, то сей журналъ еще вдвое былъ бы тумпоженъ: и такъ оставляю. Въ ломберъ играли до начала десятиго, а какъ въ десятомъ былъ столъ готовъ, то не доигравъ пулю, маршалъ всталъ, и сѣли за столъ въ 8 человекъ; ибо Поливановъ и Глазгоръ уѣхали въ городъ, а вмѣсто Болгарна былъ проворный Хитровъ. За столомъ просидѣли съ часъ; а вставъ, маршалъ съ товарищами сѣлъ доигрывать пулю, а мы болтали; а отыгравъ пулю, маршалъ пожелалъ намъ, а мы ему доброй ночи; въ одиннадцатъ часовъ онъ пошелъ въ камору, и мы легли по постелямъ. Дорога отъ Фридрихсгама гладкою назваться не можетъ, потому что во всю дорогу хотя небольшія, однакожь не одной версты безъ горы не проѣдешь; а двѣ горы и посредственно не малы. Земель къ земледѣлю и скотоводству удобныхъ видно въ мѣстахъ въ трехъ, и то очень мало. Отъ Фридрихсгама до перваго мосту земля песчавая, и камня немного, а отъ мосту до Сумы камня много, но посредственный; отъ Сумы жъ что далѣ, то больше, до самой мельницы и мызы, какъ вчерась описаны.

21-е, среда. Проснулся я въ четвертомъ часу и написалъ обращеніе вчерашняго дня: а какъ было еще рано, то легъ и заснулъ съ полчаса, а въ семь проснувшись и одѣлся и зачалъ пить поставленный на столѣ чай, то проснувшись маршалъ и Соймоновъ стали одѣваться; а между тѣмъ впрягали лошадей; и какъ одѣлись, и лошади были готовы, то съ четвертью въ восемь, поблагодаря хозяина, сѣвъ по санкамъ, маршалъ, я съ проворнымъ Хитровымъ, а Соймоновъ съ Бушуевымъ, съ мызы поѣхали, и не успѣли выѣхать, тотчасъ Соймонова и Бушуева подводчикъ опрокинулъ и изломалъ сани; да и сами они перебились; на силу въ полчаса исправивши поѣхали, а маршалъ, ѣхавъ на передъ и у мельницы остановясь, полѣзъ смотрѣть лежащій между мельницъ и мызъ и подлѣ самой дороги на правой сторонѣ камень, а я, объѣхавъ его сани, впередъ поѣхалъ я, перемѣня въ Таксалѣ лошадей, съ четвертью въ одиннадцатъ приѣхалъ въ городъ; на силу доѣхалъ: Хитровъ залгалъ было меня до полусмерти. Приѣхалъ—тотчасъ пошелъ навѣстить Поливанова и нашелъ его съ чернымъ пластыремъ пригожѣе прежняго; а черезъ полчаса маршалъ и Соймоновъ приѣхали; и нѣсколько погодя, приѣхали къ маршалу на квартиру въ изрядной въ разсужденіи города каретѣ двое отъ купечества, ратманъ Гавеніусъ и секретарь Елбингъ, и просили въ вечеру на учреждающійся общимъ коштомъ города въ ратушѣ балъ; а потомъ всѣхъ насъ и весь Фридрихсгамскій наблесъ и мѣщанство тѣ жъ Гаве-

ниусъ и Елбингъ звали; а какъ у хозяина столъ еще готовили, то я пошелъ къ знакомой своей госпожѣ, полковницѣ Лпндень, и пилъ прекрасный у ней чай, а пришедъ оттолъ къ маршалу, ужь столъ готовъ и кушанье на столѣ поставлено, то въ восемнадцати чело-вѣкахъ въ первомъ часу за столъ сѣли. Столъ продолжался до 3-го, а какъ встали, я пошелъ по обыкновенію спать, а выспавшись, надѣвъ бѣлую рубашку и штібель - манжеты и одѣвшись, сколько можно по дорожному, почище, пошелъ на званый балъ. Маршалъ, Полвановъ и Соймоновъ были уже тамъ, и собравшихся обоого полу челоуѣкъ до ста, ежели не больше.

Чрезъ четверть часа послѣ моего приходу городской школы конректоръ Игнаціусъ, вшедъ въ залу и поклонясь на все четыре стороны по ученому, въ тактъ читалъ нѣчто на шведскомъ языкѣ, а потомъ подшедъ къ маршалу, также и ему прочелъ, нѣсколько страницъ, употребляя частые поклопы, нѣчто на шведскомъ языкѣ; а маршалъ, слушавъ и хотъ ничего не разумѣлъ, только клаялся, а окончивъ сію церемонію, стали подносить кофе, а потомъ сахарный хлѣбъ, бишофъ и разное вино. И тотчасъ бургмейстеръ съ госпожею полковницею открылъ балъ; и какъ хотѣла полковница поднять маршала, то онъ тотчасъ сказалъ, что за болѣзнію ноги не тапцуетъ, а правда ль, плъ нѣтъ, того я не знаю. И зачали танцовать. Смотрю, и меня подняла помянутая въ прежнемъ балѣ ученая дѣвица; потомъ пошелъ я съ полковницею, и еще подняла меня Полванова полюбвица, да еще не знаю кака-то хорошенькая дѣвушка. Въ одиннадцать часовъ понесли билеты. Я получилъ 4-й, а въ нару получилъ мадамъ Бейсманъ, жену здѣшняго кунца; и прочіе получили пары по билетамъ, а въ полдвѣнадцати пошли за столъ, который былъ изготовленъ въ другой комнатѣ, и сѣли въ 15 парахъ. Смѣшно было видѣть въ парѣ спящаго господина Фаминцына съ одною посредственно престарѣлою русскою боярынею, а особливо, что она, сидя за столомъ, или слѣдуя модѣ, или забыла про середу,—кушала скоромъ, а оцонясь выговаривала: „эхъ, среда“, и разсуждала, что скоромъ ѣсть въ середу—великій грѣхъ, да быть ужь такъ; а разсуждала же, что она въ этомъ отцу духовному, у коего по два раза на годъ исповѣдуются, принесетъ покаяніе. Какъ скоро сѣли за столъ, тотчасъ зачали стрѣлять изъ пушекъ, да такъ ярко, что весь покой тресся, и падали со свѣчками треугольнички. Сія стрѣльба послѣдовала ошибкою при пушкахъ сержанта, а во время стола, при питіи за высочайшія здравія и счастливаго оружія, стрѣляли

жь три раза. Съ начала вечера маршалъ упражнялся въ шахматахъ часу до девятого, а въ девятомъ я пошелъ, на квартиру и соснулъ около четверти часа и одѣвшись пришелъ обратно въ собраніе; въ полдесята маршала нашель,—приклонивъ голову, къ плечу вышерѣченной ученой дѣвушкѣ, разговариваетъ и проговорилъ почти до тѣхъ поръ, какъ пошли къ столу. О чемъ говорено было, мнѣ не извѣстно, а за столомъ ужь далъ мнѣ знать, что, по ея словамъ, надлежитъ не о чемъ-то справиться въ Петербургѣ съ театральнымъ живописцомъ. А Поливановъ до самого ужина проговорилъ съ своею полюбившеюся чортъ знаетъ о чемъ, да и ужинать съ нами не пошелъ, а все съ нею проговорилъ; можетъ быть, выговорилъ нѣсколько поцалуевъ, а впрочемъ, мнѣ кажется, ничего. Что жь до Соймонова, онъ ужинать не ходилъ, а выбравъ хуже всѣхъ дѣвушку, пзбѣгая подозрѣнія, въ честь бала протанцовалъ съ пею мнвовету; Бушуевъ же весь вечеръ прыгалъ, какъ молодой конекъ, уже съ позволенія маршала. Ужинъ первыхъ (еще слѣдовать будутъ три) окончался въ часъ, и какъ скоро изъ-за стола встали, то зачали опять столъ возобновлять, а я, яко старикъ, скоро и спать пошелъ; маршалъ же и прочіе нашей свиты осталсь.

Залъ въ ратушѣ въ квадратѣ 15 шаговъ, убранъ зеркалами, однимъ большпмъ и дюжиною малыхъ, вмѣсто обоевъ, расписанъ полевыми и лѣсными видами; окошекъ имѣеть 6; въ каждомъ, на треугольникѣ, горѣло по 9-ти свѣчъ; а покой, гдѣ были столы, въ паралелограмѣ 15 и 7 шаговъ, съ полосатыми обоями и украшенъ дюжиною зеркалъ, и при немъ двѣ камеры, въ конхъ были мундъ-и кофшпенки. Въ окнахъ поставлено была на треугольникахъ также по 9-ти свѣчъ. Я пробуждаясь пальбу изъ пушекъ слышалъ три раза, а для чего,—не зналъ, но мой пріятель, коего я просилъ, чтобъ обо всемъ происходящемъ на балѣ безъ меня примѣчалъ и по утру мнѣ сообщилъ; онъ мнѣ далъ знать, что маршалъ пошелъ послѣ меня скоро, что пальба была, какъ ужинали за вторымъ столомъ оставшіе нашей свиты и прочіе при питіи: 1) за здоровье маршала, 2) магистрата, 3) всего города. А. Поливановъ ужиналъ во второмъ столѣ, и какъ скоро изъ-за стола встали, тотчасъ сѣвъ въ сани, коими служилъ ему Николай Лодыженской, невѣдомо куда со своею полюбившеюся ѣздилъ,—можетъ быть, кататься. А какъ у ней не было шубы, то Соймоновъ одолжилъ ее своимъ сертукомъ, а онъ Соймоновъ, яко мальчишкъ молодой, довольствовался нѣсколькими поцалуями одной ему полюбившейся

Шведочки, вахеръ флпке; а въ полпята и онп пошлп спать. А Бушуевъ, дождавшисъ конца, прпшелъ на квартиру въ псходѣ шестого, и дожидаясь какой-то прпсылки отъ инженернаго капитана, не спалъ. На семь балѣ часу въ десятомъ сдѣлалось вотъ что: наливъ рюмки пуншемъ, подносили большпмъ подносомъ, а маіоръ съ деревянною ногою подтолкнулъ и весь подносъ опрокинулъ. А какъ было на немъ рюмокъ до 30-ти и больше, то сдѣлало пзрядный залпъ; да какъ пошли другіе съ билетами за ѹжппъ, и на столѣ поставлено было одна на одной тарелокъ шведскаго фаянсу дюжины съ двѣ, также нѣкто, небережно поступа, столкнулъ, и ни одной тарелки цѣлой не осталось.

22-е, четвергъ. Я пробудился въ 4 часа; написавъ вчерашнее пропсшествіе и одѣвшисъ, въ 6 часовъ пошелъ къ маршалу. Опъ уже всталъ. Я тотчасъ пошелъ къ знакомицѣ моей Линденшѣ, у коей пилъ въ послѣдній разъ чай, а потомъ на квартиру и убравшисъ пошелъ къ маршалу; но его не засталъ: пошелъ опъ къ коменданту на ранній обѣдъ; и я, укладъ свои вещи въ сани, пошелъ туда жъ. А какъ столъ былъ готовъ, то въ одиннадцатомъ часу сѣли обѣдать въ 14 человекъ. За столомъ сидѣли ровно часъ, а вставъ въ 12-ть, пилъ кофе, а я пошелъ на мою квартиру, простясь съ хозяиномъ, уже на саняхъ къ коменданту пріѣхалъ, да и всѣ сани туда жъ были подвезены. Старая моя знакомица Линденша собрала было для меня еще прекрасный чай, но маршалъ не далъ мнѣ допить другой чашки, всталъ и сталъ прощаться, и я принужденъ, оставя не допившую чашку, также сталъ прощаться; а простясь со всѣми, въ часъ пополудни благополучно изъ Фридрихсгама выѣхалп. Провожали насъ бургомистръ и первый ратманъ. Переѣхавъ же первый мостъ на Вплмоstrandской дорогѣ, простились, а господа маіоръ Гейсманъ и директоръ Килхелмъ поѣхали съ нами далѣ.

Мы, первый отъ города переѣхавъ мостъ, оставя къ Натовой мызѣ, дорогу взяли вправо къ Вплмоstrandу, и въ 5-ти верстахъ отъ города переѣхали еще мостъ чрезъ рѣчку Гуссола, а отъ Гуссола до деревни Брексалъ 4 версты и тутъ переѣхали рѣку Мустиюки по мосту. Маршалъ вышелъ смотрѣлъ положеніе мѣста; а отъ Брексалъ до деревни Скоуби 5 верстъ. Оная лежить при деревнѣ Гейсерви; отъ Скоуби до деревни Ликала пять верстъ съ половиною. Тутъ смотрѣлъ маршалъ первыя гранодерскую и мушкетерскую Псковскаго полку роты, и перемѣня лошадей, поѣхали къ рѣкѣ Кимени, и выѣхавъ изъ дремучихъ лѣсовъ и пребольшихъ

каменной, прїѣхали на поля, лежація по рѣкѣ Кимени, къ деревни Віела, ѣдучи отъ Лзкала; къ Віела, переѣхавъ первый мостъ, взяли въ лѣво и поѣхали было къ деревнѣ, лежащей надъ рѣкою жъ Кимень, Меммела. А какъ намъ туда ѣхать было не надобно, то узнавъ свою ошибку, поворота взяли надобную намъ дорогу къ Віела вправо. А прїѣхавъ въ Віела, остановилсь у мужика Ерика, у коего нашли музыкальный инструментъ, называемый финскимъ языкомъ гарпа. А какъ опыи Ерикъ сказался музыкусь, то сыгралъ намъ двѣ штуки, въ разсужденіи Віелскаго музыканта изрядныя. Отъ Ерика прїѣхали въ 7 часовъ на мельницу того жъ имени Віела (принадлежащую Фридрихсгамскимъ четверемъ товарищамъ штатгалтеру Вулферту, Нату, Брету и Фабрицію) и почевать остановилсь. Квартпру имѣли изрядную въ избѣ, сдѣланной для прїѣзду хозяевъ, въ коей живетъ ихъ прикащикъ Юхимъ, мужикъ старій, въ шведское владѣніе бывалъ лодманъ. Тутъ мы имѣли изрядный ужинъ, состоящій въ холодномъ, да въ одной съ курпцею съ перловыми крупами посредственно дурной кашѣ и въ изрядной чашкѣ молока, изъ коего часть ѣлъ я съ бѣлымъ хлѣбомъ, какъ ѣдятъ малые робята. При семъ ужинѣ маршалъ объявля мнѣ на весну вояжъ моремъ въ Копенгагнъ по смотрѣть его Павла. Я сему дважды обрадовался: вопервыхъ, что за ихъ ко мнѣ добродѣтели и благосклонности, а особливо любезнаго дяди, нѣкакъ имъ услужу, а по другому, и дворецъ, и столицу датскую, коли не умру, такъ увижу. Отужинавъ же въ 9 часовъ, легъ по постелямъ: а какъ я, засыпая, по обыкновенію захрапѣлъ, то перво Полевановъ, а потомъ маршалъ меня дважды будилъ, чѣмъ мнѣ крѣпко досадилъ. Мельница построена на самомъ нашемъ берегу рѣки Кимени, да и на шведскомъ берегу построена мельница жъ, и обѣ безъ плотины; дѣйствіе имѣютъ порогомъ, при послѣдней и деревня Умельюки. Оная мельница и деревня принадлежатъ шведскому барону Вреде. Изъ Фридрихсгама для поставки подводъ до Вилмостранда поѣхалъ съ нами зѣмскій комисаръ Авенаріусъ и лодманъ Смелъсъ.

23-е, пятница. Я проснулся прежде всѣхъ, въ половинѣ седьмого, а потомъ маршалъ и всѣ вдругъ проснулись и вдругъ стали одѣваться и пить чай; а лошадей впрягли, и какъ мы одѣлись, и лошади были готовы, въ восемь часовъ поѣхали вверхъ, возлѣ самой рѣки Кимени, до деревни Коугала, гдѣ стоитъ Псковскаго полка пятая рота, отъ мельницы семь верстъ съ полозпкою. Тутъ кончился киршпль Векаласъ, а начался Валкяла, и нашли тутъ

депутата Эрикъ-Пепери между мельницы и Коувала. На дорогѣ маршалъ выходилъ и остался и тотчасъ въ деревню пріѣхалъ съ двумя застрѣленными тетеревами; и перемѣня лошадей, изъ Коувала поѣхалъ до деревни Ротсула; отъ Коувала до Ротсула 10 верстъ. Ротсула также лежитъ на Кимени. При сей деревнѣ, выше по рѣкѣ, саженьяхъ во стѣ построенъ, уже послѣ послѣдняго мира, редутъ, и тутъ, какъ и при Коувала, застава отъ Фридрихсгама— по унтеръ-офицеру и по два солдата гарнизонныхъ. А пріѣхавъ, маршалъ пошелъ смотрѣть редутъ, а я зашелъ въ избу къ мужику Матвѣю и велѣлъ хозяйкѣ на пробу отрѣзать въ полхлѣба небольшой сукрой и принести масла и намазавъ позавтракалъ съ водой, что было полдесята. Хлѣбъ и вода очень хорошіе, а масла у насъ въ Руси такого ни за какія деньги не достанешь, да и въ Петербургѣ нескоро. И въ семь упражненіи нашелъ меня маршалъ и осудилъ; а заплатилъ я хозяйкѣ за это пять копѣекъ. Въ Ротсулѣ перемѣня, поѣхали прочь отъ Кимени до деревни Юкпла. Она лежитъ при рѣчкѣ того же имени, не далече отъ озера Лаппала.

Отъ Ротсула къ Юкила ѣхали верстъ съ восемь по Вилмоstrandской, лежащей изъ Швеціи отъ Тавасгута черезъ Кимень въ Меммела, дорогѣ; а не доѣхавъ до Юкпла версты за три, взяли влѣво, а Вилмоstrandскую дорогу оставили; и пріѣхавъ въ Юкила, тутъ лошадей перемѣнили. Въ сей деревнѣ живетъ капланъ Валкялской кирки Бетулинъ и лоцманъ Боргъ. Пока лошадей впрягали, маршалъ зашелъ въ домъ къ лоцману погрѣться. Домикъ изрядный лучше нашего городского посредственнаго, особливо украинскихъ, подъячаго. Перемѣня лошадей, поѣхали изъ Юкила ровно въ 12 и пріѣхали въ часъ опять къ Кимени, на мызу Коувала. Тутъ нашли хозяина Фридрихсгамскаго купца Фабриціуса съ дочерью лѣтъ 18, и дѣвушка очень веселая. Каюсь Богу и всему міру, противъ седьмой заповѣди и ученія Спасителя (какъ онъ и воззрѣніе съ возжелѣніемъ сими словами: „воззрѣвы на жену, и во еже возжелѣти ю, прелюбы творитъ“, за дѣйствительное прелюбодѣяніе считаетъ) согрѣшилъ окоянный: сію дѣвушку плотски вождѣлѣлъ; однако благодарю Создателя, отъ грѣхопаденія грѣшную мою душу избавилъ. Хозяинъ маршала встрѣтилъ видомъ ласковымъ, да и насъ всѣхъ очень вѣжливо. Маршалскій поваръ сталъ упражняться въ приготовленіи кушанья, а между тѣмъ столъ изготовили. Въ два часа сѣли за столъ съ хозяиномъ въ 9-ти человекѣхъ. Столъ по дорожному былъ изрядный, а всего лучше былъ изготовленъ по утру въ Кимени пойманный судакъ съ яйцами и съ масломъ —

очень хорошо: а какъ я до рыбы охотникъ, то и получилъ отъ сего судака пзрядную часть; а, въ третьемъ половинѣ отобѣдавъ, всталъ: я пошелъ спать, а прочіе съ маршаломъ блил шабалу. Въ шесть часовъ поваръ принялся опять за работу, а въ девять п за столъ уже въ 10-ти человекѣхъ сѣли. Десятое число умножилъ стоящій близко сей мызы Псковскаго полку прапорщикъ фонъ-теръ-Паленъ. Опъ пришелъ къ хозяйну въ гости п до ужина проигралъ съ его пзрядною дочкою. Мы послѣ ужина, поболтавъ съ полчаса, а маршалъ, сказавъ намъ добрую ночь, пошелъ въ свою комнату, п мы пошли по постелямъ. Сію ночь спали вотъ какимъ порядкомъ. Маршалъ въ комнатѣ, а Полпвановъ въ другой, съ своимъ слугою, въ хоромѣхъ, Соймоновъ съ Бушуевымъ въ прибанникѣ, а я въ хозяйскомъ покоѣ. Мнѣ поставлена была кровать, а хозяйнъ Гейсманъ, Кплхенъ п компсаръ на соломѣ по полу. Я раздѣвшись тотчасъ легъ п заснулъ, а онп п хозяйнъ съ дочерью п другіе гости прорѣзвились какъ ребята, часу до втораго, такъ что я все сквозь сонъ слышалъ п на сплду успокоился.

24-ое, суббота. Всталъ я ровно въ 7 часовъ, п доставъ огня, къ крайнему моему удивленію увидѣлъ, что мнѣ воправившаяся хозяйская дочь спитъ между отца п маіора Гейсмана, склонясь на сторону къ маіору: да п онп скоро вставать стали. Я думалъ, что дѣвучкѣ будетъ стыдно; однако ни въ одномъ ея глазѣ не приметилъ. Я одѣвшись пошелъ къ маршалу п увидѣлъ его идущаго изъ-за воротъ въ тулупѣ; ибо у хозяйна поставленъ самопужнѣйшій покой за воротами; а, вшедъ вмѣстѣ въ его комнату, пока онъ одѣвался п пилъ кофе, я съ нимъ болталъ, что на ротъ набрело. А какъ Полпвановъ п всѣ одѣлись, да п маршалъ былъ ужъ готовъ, то въ восемь часовъ пошли всѣ, взявъ ружья, на островъ противъ самой мызы сходить зайцовъ, при чемъ взяли нѣсколько п тенеть съ кричанами; а мы съ Соймоновымъ остались дома п, сдѣлавъ прензрядный чай, пили довольно, а послѣ чаю напписавъ вышенисанное, что отъ Фридрихсгама до Оровала происходило, осматривали положенія около мызы. Она лежитъ при рѣкѣ Кименп; противъ оной Кимень обливаетъ островъ, называемый Суръ-Саръ, длины версты съ полторы, а ширины сажень около двухсотъ. Оный островъ въ російской границѣ п принадлежитъ ко владѣнію мызы Оровала хозяйна; онъ имѣетъ тамъ пашню. А на шведской сторонѣ повыше Оровала въ полуверстѣ видна небольшая мыза Пилвама, принадлежащая шведскому дворянину Гейдеманъ, коему отъ роду 56 лѣтъ. Холость, а семейство его

П отдѣлъ.

5

составляютъ 4 сестры дѣвнцы, изъ коихъ первой 95, второй 84, третьей 75, четвертой 64, всего всѣмъ 318, а буде приложитъ лѣта братца, то сдѣлаетъ 374 лѣтъ. На мызѣ Оровала строенье презрядное, а особливо скотный дворъ, на коемъ содержится 40 дойныхъ коровъ, а всѣхъ рогатаго 87 скотинъ, да 40 овецъ; и вся домашняя птица, весь оный рогатый скотъ содержится въ 4 мшоновыхъ покояхъ, на стойлахъ привязаны. Кормъ кладется передъ каждую скотину въ яслы, а подъ скотомъ мостъ чистый. Посреди каждаго покоя выкопана яма, въ кою всю нечистоту сгрѣбаютъ, а изъ стоилъ стокъ въ ту яму. И такъ въ ямѣ навозъ отъ скотской мочи съ ельникомъ, мелко рубленнымъ, перегараетъ. Надъ однимъ такимъ скотскимъ покоемъ покой мшоновой для домашней птицы: всякой птицѣ особо по два покоя за рѣшеткамъ, и ни двухъ ночей въ одномъ всякая птица не ночуетъ, а всякій день въ вычищенные перегоняютъ. Я, къ удивленію моему, услышалъ, что въ нынѣшнее время на дворѣ живущія въ семъ покоѣ куры кладутъ яйца. Овцы стоятъ въ презрядномъ мшоновомъ же овчарникѣ на павозѣ. За всюю этою скотиною смотрятъ двѣ дѣвки и одинъ малый; а лѣтомъ для ея пастбы прибавляется еще одинъ малый. Около мызы земли къ земледѣлію и сѣнокосу способной много не видно, и то по берегу Кименя, а большая часть за мызою въ лѣсъ горы и каменя. На шведской же сторонѣ, между лѣсомъ и Кименемъ, вверхъ отъ мызы, до самаго горизонта видны поля презрядныя.

Въ одиннадцатомъ часу и маршалъ нашъ съ охоты пришелъ. Сказывалъ, что, ходя по острову Суръ-Саръ, усталъ и заблудился было, да и выстрѣлить больше одного разу не удалось, а о Польшаповѣ и думать нечего; онъ хотъ и сказываетъ, что охотникъ и стрѣлокъ, однако ружье его развѣ тогда стрѣляетъ, когда оно хочетъ, а съ нами ѣдучи, кромѣ одной, и то кажется, престарѣлой свиристелы, которая летать ужъ не могла, не застрѣливалъ; да и Гейсману съ Кильхеномъ также стрѣлить не удалось: знать — такой выходъ! А какъ они пришли, столъ съ презряднымъ кушаньемъ и съ рыбою былъ уже готовъ, — и такъ, въ 10-ти человѣкахъ съ прапорщикомъ фонъ-деръ-Паленомъ сѣли; а пока обѣдали, и лошади были приготовлены, и такъ, въ первомъ часу, выпивъ по чашкѣ кофе, съ Гейсманомъ, съ Кильхеномъ и съ хозяиномъ простившись, а я — и съ дочерію хозяйской, сдѣлавъ приятный для меня поцѣлуй. Простясь поѣхали назадъ къ Юкпла и тутъ перемѣнили подводы, а не доѣзжая Юкпла версты за три, пере-

ѣхали немалый мостъ чрезъ рѣку Геріокп. Она протекаетъ изъ озера Лаипала въ Кимень, ширной сажень до 15, и теченіе пмѣть версты на двѣ. По берегамъ оной рѣкѣ много видно бревенъ, знать тутоніе мужики ставятъ ихъ на пыльные мельницы. На семъ переѣздѣ маршалъ выходилъ стрѣлять, да тетеревъ его обманулъ, прикинулся, будто застрѣленъ, а онъ, постоя надъ нимъ, пошелъ другихъ стрѣлять и не ступилъ двухъ шаговъ,—тетеревъ тотчасъ вспорхнулъ и къ сожалѣнію его превосходительства улетѣлъ; и хотя онъ за нимъ нѣсколько и бѣгалъ, однако не поймалъ. А камердинеръ его потерялъ съ трости изрядный набалдашникъ. Я, оставя его на стрѣльбѣ, поѣхалъ въ Юкпла и тамъ у Геймана, ждавъ ихъ, уснулъ; ибо и Полпвановъ съ Соймоновымъ за усталю лошадей были назадъ. А какъ все съѣхались, тотчасъ изъ Юкпла, перемѣня лошадей, поѣхали и, отѣхавъ съ версту, видѣли: мужики на озерѣ, отъ насъ въ лѣвой рукѣ къ Еорламъ-Ерви, начинаютъ подо льдомъ ловить рабу. А съ три версты выѣхали на поминутую изъ Швеци Тавасгутскую дорогу, лежащую отъ насъ на право, которая переходитъ, какъ выше сказано, Кимень въ деревнѣ Мемела и идетъ чрезъ деревню вышеупомянутую Ротсула прямо въ Вилмоstrandъ; и, поворотъ оною дорогою, не доѣзжал въ полдороги къ почтѣ, то есть, за 12 съ половиною русскихъ верстъ, въ лѣсу перемѣня Юкильскихъ выведенными изъ деревни Куйкала лошадей, къ почтѣ въ деревню Кайниасъ въ 6 часовъ приѣхали и пошли съ маршаломъ въ избу къ мужику Эрику. Тутъ я увидѣлъ на машинѣ повѣшенный котелъ свареною полонъ рѣною; его поворотилъ на огонь и отъ того вымаралъ себѣ руку, а рукою и лицо. Я бы этого и не видалъ, да мужикъ бросясь сталъ меня обтирать; маршалъ увидѣлъ въ заходы захохоталъ; и такъ, я наскоро обтерся: машина жъ сдѣлана нижеписаннымъ порядкомъ: въ избѣ у мужика печь и каминъ, а у каминна столбъ утверженъ вверху и внизу, что можетъ пмѣть движеніе, какъ деревенская у насъ на пятѣ дверь; а въ средѣ столба вдолбено длиною въ аршинъ дерево, на коемъ повѣшенъ котелъ съ рѣною, и когда падобно, чтобъ былъ на огнѣ, то взявъ за котловую душку, поворотить безъ всякаго труда можетъ самый малый ребенокъ. Также я и у сего хозяина не оставилъ, чтобъ не отвѣдать рѣны и его хлѣба. Хлѣбъ презрядный, да и рѣпа для мужика изрядное кушанье. Сей хозяинъ для насъ, какъ для гостей, развелъ такой великій огонь въ каминѣ, что мы принуждены были терпѣть, какъ на Камчатѣ гости отъ своихъ хозяевъ великій жаръ; только спасбо

5*

насъ хозяйствъ ни чѣмъ не потчиваль. Мы, тутъ дождавшись Поливанова и Соймонова, кон за усталю также отстали, поѣхали въ 7-мъ часу къ почтѣ Мартила; а перемѣня на полу жь дорогѣ введенными изъ стороны, пѣз деревни Сакпла, лошадыми, въ Мартилу на Фридрихсгамскую большую дорогу въ Вилмоstrandтѣ въ 10-мъ часу пріѣхали; а отъ Гаспіа до Мартила 20 верстѣ. Маршалъ сталъ у почтоваго комиссара, на большой дорогѣ въ корчмѣ, Якова Бренкса, а я, чтобъ не обезпокоить мопмъ храпѣнемъ и плеваньемъ Полливанова, взялъ себѣ квартиру у мужика Данилы, а со мной Соймоновъ и Бушуевъ. Тутъ кончился съ вѣдомствомъ лецмана Борга кпршпель Валкялской, а начался кпршпель Лумеки. Въ однадцатомъ поставили столъ, и мы сѣли за ужинъ съ комиссаромъ въ 6-ти человекѣхъ. Ужинъ состоялъ въ одной съ перловыми крупамъ свареной курцимъ и въ холодпомъ. Отужинавъ и побивъ съ четверть часа шабалу, я, Соймоновъ и Бушуевъ откланившись спать пошли.

25-е, воскресенье. Пробудился я въ 6 часовъ, да Соймоновъ съ Бушуевымъ скоро встали, и одѣвшись, въ половинѣ седьмаго пошли къ маршалу и нашли ихъ съ Полливановымъ на постеляхъ; однако тотчасъ стали вставать, одѣваться и чай пить, а маршалъ кофе, служители же убирать дорожныя вещи, а лошадей впригали. А какъ уже все было готово, то въ половинѣ осьмого отправились изъ Вилмоstrandу, а въ 9-ть съ половиною на почту Тойкала къ комиссару Петер-Бермаку безъ перемѣны на половинѣ пріѣхали, и тутъ высланъ отъ статгалтера встрѣтить маршала эксекutory, полицмейстеръ и гевадіеръ Фридрихъ Корингъ. И такъ, перемѣня лошадей, въ псходѣ девятаго, изъ Тойкала отправился и, перемѣня въ половину дороги высланными изъ деревень, лежащихъ около крпек Лумеки лошадей, въ 12-мъ часу въ Вилмоstrandтѣ пріѣхали; отъ Мартила до Тойкала 15, отъ Тойкала жь до Вилмоstrandа 20.

Маршалъ сталъ у статгалтера Вулферта, а мы у мѣщанъ—Полливановъ у вдовы Шмитш, а я у Матвѣя Ванна. По пріѣздѣ тотчасъ къ маршалу пришелъ господинъ полковникъ Вилмоstrandскій коммендантъ Барбо де Марини, а я, выбрившись и надѣвъ бѣлую рубашку, нѣкакъ приоправился и пошелъ къ маршалу. Ему чесали волосы, и онъ одѣвался, а какъ столъ былъ готовъ, а Полливановъ не бываль, такъ его дожидались. Онъ оставался садить зайцевъ: да какъ неудача, и ружье не стрѣляетъ, такъ что станешь дѣлать? И какъ скоро онъ пріѣхаль, то въ часъ съ че-

твертью въ 12-ти человекѣхъ, состоящихъ изъ нашей свиты, хозяйина съ хозяйкою и полковника изъ секретарей штатгалтерской канцеляріи; (ибо ихъ двое, одинъ для правленія на русскомъ, а другой на шведскомъ языкахъ) да съ нами бывшаго комиссара и хозяйскаго учителя, за столъ сѣли. За столомъ сидѣли до половины третьяго, а послѣ обѣда я пошелъ тотчасъ спать, а маршалъ по крѣпости. Я проспалъ до пяти часовъ и, пришедъ къ маршалу въ 6 часовъ, нашелъ его съ полковникомъ за ломберомъ. Тутъ Полвановъ сидитъ уже причесанъ, а обѣдалъ по дорожному, то есть, въ своей зеленой рубашкѣ и со взъерошенными волосами. А я пришедши свелъ рѣчи съ хозяйномъ штатгалтеромъ Вулфертомъ. Матерія была о состояніи здѣшнихъ мѣщанъ и крестьянства, и что крестьяне кому должны платятъ денегъ и хлѣба. И такъ, я узналъ, что крестьяне жить могутъ не худо, ежелибы не были лѣнивы, а мѣщане Вилмоstrandскіе кое-какъ. Сей дискурсъ продолжался до 8-ми часовъ, а въ началѣ девятаго сталъ ставить столъ, а маршалъ догривать пулю, перенеся столъ въ его спальню. Въ 9-ть столъ былъ готовъ, и маршалъ не догравъ, оставя ломберъ, въ толпомъ же числѣ за столъ сѣли, а въ одиннадцать отужинавъ встали. Маршалъ пошелъ не дограницю догривать, а я съ Бушуевымъ спать. По отбѣздѣ изъ Тойкала, переменя послѣднихъ къ Вилмоstrandу лошадей, маршалъ вставалъ стрѣлять тетеревей, да что-то не удалось; во всю дорогу наши ружья худо стрѣляютъ. Ѣдучи къ городу, осматривали мѣсто, гдѣ покойный фопъ-Лесса съ Брангелемъ имѣлъ сраженіе, и какъ видно, господа Шведы имѣли мѣсто въ разсужденіи горы очень авантажно. Лумекскій киршпель вѣдаетъ лецманъ Фридрихъ Бернпъ; а при Вилмоstrandѣ съ Лумекскимъ киршпелемъ вѣдомство лецмана Бернпса и земскаго комиссара Авенариуса власть окопчлась. Господинъ Полвановъ къ стрѣльбѣ неописанную имѣетъ охоту: не успѣлъ взѣхать на дворъ, увидѣлъ въ саду свиристелей, тотчасъ, схвати ружье, бросился и не убилъ ни одного: знать заколдовано, либо мастерствомъ своимъ хвастаетъ.

26-е, понедѣльникъ. Какъ скоро всталъ и не успѣлъ одѣться, то пришелъ ко мнѣ, по приказу статгалтера, камериръ и подтвердилъ мнѣ сказанное штатгалтеромъ о податяхъ здѣшнихъ крестьянъ, чему слѣдуетъ мнѣ сказанное извѣстіе: Манталъ—мѣра земли, на коей высѣять должно 12 бочекъ, а на російскую мѣру 9 четвертей ржи и ярового. На такомъ манталѣ живутъ отъ одного и до 16-ти дворовъ, по финскн гейматовъ; со всего мантала платежа

въ казну деньгамъ по 9 рублей и двѣ бочки ржи и полторы ячменю, да сверхъ того, называемый десятинный хлѣбъ, бочка ржи и бочка ячменю, да подушныхъ денегъ съ мужеска и женска полу по 16 копѣекъ, выключая малолѣтнихъ иже 16, а старыхъ 63 лѣтъ, а буде по ривизию, коя бываетъ каждый годъ, явится къ работѣ неспособенъ или боленъ, то и молодой изъ платежа подушныхъ денегъ исключается; да сверхъ того, побору короннымъ управителямъ, лагману съ судебнымъ комиссарамъ—каждая семья, хотибы въ одномъ домѣ и трое было, а ѣдятъ хлѣбъ розно, — платитъ по 4 копы ржи и ячменю пополамъ, лецману, мостовщику и егерю отъ каждаго геймата по капѣ ржи (ихъ должность: егеря—стрѣлять всякихъ хщныхъ звѣрей и птицъ, мостовщика—смотрѣть исправности мостовъ, а лецмана—знать за мужиками очередь въ казенныя работы и подводы и прочіе наряды). Духовнымъ служителямъ: пастору гейматъ, имѣющей четверть мапгала, должны дать по бочкѣ, а мелкіе по полубочкѣ ржи и ячменю пополамъ, да по капѣ гороху и бобовъ, да объ Рождествѣ 2 хлѣба и штука мяса, какого прилучится, да отъ каждой коровы по фунту масла, да ему и отъ 10-ти овецъ фунтъ волны, да сколько соберется со всего его кршппля десятиннаго хлѣба, уже изъ казны, третья часть; капланъ получаетъ противъ пастора половину, а масла, волны, хлѣбъ и прочаго нѣтъ; лукарь или пономарь отъ каждаго такого же геймата ржи съ ячменемъ пополамъ по три копы, съ мелкихъ вполю и по хлѣбу и по одной капѣ гороху и бобовъ пополамъ; вехтеру, то есть, будильщику или сторожу, отъ каждаго геймата по капѣ ржи, а съ мелкихъ по половинѣ. Доходы церковнымъ служителямъ за требы: пастору за погребеніе, ежели умереть въ домѣ хозяинъ или хозяйка, то отъ 6-ти коровъ и выше по коровѣ, а у кого 6-ти нѣтъ, то по 1 р. 80-ти коп. деньгамъ, а буде кто умереть изъ семьи по 24 коп.; за вѣнчанье—16 копѣекъ, за крещеніе—6 копѣекъ, а младенцовъ иже 8-ми лѣтъ погребать долженъ капланъ, и платитъ ему должно по 16 копѣекъ.

А все сіе записавъ и отправа его, папсалъ что вчерась съ нами слѣдовало. Одѣвшись въ 8 часовъ, пошелъ къ маршалу, однако его въ хоромахъ не засталъ: ходитъ по саду и стрѣляетъ свирстелей; тутъ его ружье нѣкакъ разрѣшилось, — застрѣлилъ онъ зеленого дятла и 20 свирстелей. А какъ онъ вошелъ въ хоромы, то я, его поздравя съ побѣдою птицъ и напившись у штатгалтера посредственнаго чаю съ изряднымъ сливкамъ, пошелъ въ городъ посмотрѣть и пашель: крѣпость изрядная; въ ней церковь Покрова

Пресвятая Богородица (оставленная отъ Владимірскаго полку полковная) поставлена на то нарочно въ сдѣланномъ покоѣ, и при ней рубленая колокольня съ четырьмя малыми колоколами кнгами довольна, а въ ризахъ нѣкопмъ образомъ нуждается; а на приношеніе жертвы потребнаго, какъ-то вина и просвиры, какъ мнѣ сказывали, иногда и не достаетъ. Попъ содержится жалованьемъ, а доходовъ очень мало, потому что нашего закону живутъ тутъ для торгу только два олонецкихъ купца, и то, думаю, раскольщикъ, и двѣ роты изъ Фридрихсгама. Да превеликая деревянная крѣпка, да казеннаго: инженерный и артиллерійскій дворы, да провіантскіе жъ два старыя и два строятся вповь магазейны. Домовъ обывательскихъ всякаго званія, худыхъ и добрыхъ, въ крѣпости до 30-ти, да за городомъ по озеру до 30. Ноблесъ составляютъ комендантъ, полковникъ Барбоден-Марини, и при двухъ ротахъ майоръ, оберъ-офицеры, статгалтеръ Вулфертъ, два секретаря статгалтерской канцеляріи и коронныя служители, въ томъ числѣ и гевалдигеръ, а прочіе служители и мѣщане самыя бѣдныя и во всемъ превеликая или и неопысанная дороговъ, а особливо въ провизіи и въ деревянномъ строеніи. Какъ примѣчено: вышепомянутыя строящіяся въ городѣ два новыя провіантскіе магазейна, кои въ паралелограмѣ каждый по 150-ти квадратныхъ сажень на каменномъ фундаментѣ, полъ изъ бревенъ безъ потолка; опые сараи строятъ подрядчикъ Выборгскій житель, крестьянинъ его сіятельства графа Григорья Григорьевича Орлова, Федоръ Юшинъ, оба за 8,686 рублей. Цѣна въ разсужденіи близости лѣса и на фундаментъ камня и работы непомѣрная, ибо—самыя просы въ столбы заборомъ; мнѣ кажется, лучше бы и дешевле стали каменные. Я думаю, и на Украинской линіи въ знаковой мнѣ Бѣлевской крѣпости, коя на половинѣ линіи, слѣдовательно, и отъ воды до полутораста версты, то есть, отъ Днѣпра, откуда получается лѣсъ, за полтакой цѣны легко сдѣлать можно. А съѣстные припасы всякіе привозятъ изъ Выборга, ибо мясо публично и въ продажѣ нѣтъ, и великій во всемъ недостатокъ; на Украинской линіи въ крѣпостяхъ гораздо лучше.

Походя въ городѣ, зашелъ къ Поливанову, нашелъ его: чешетъ волосы, а Соймоновъ уже одѣтъ; тутъ купилъ, взявъ у Поливанова денегъ 4 рубля, 23 картины, представляющія манежъ; сіи куплены для украшенія моего новаго купленаго дому. А купя, пошелъ на квартиру и убравшись пошелъ къ маршалу; нашелъ Поливанова: бѣгаетъ съ своимъ слугою Бурханомъ, какъ родительница (?); причина бѣганья—свиристелей много, а ружье не стрѣляетъ;

однако однажды выстрѣлить удалось, и убитъ или нашелъ послѣ маршала свирпстелку, принесъ съ великою радостью намъ показаль. А какъ уже былъ двѣнадцатый часъ, то маршалъ и мы всѣ, какъ званые гости, пошли къ коменданту обѣдать, а въ двѣнадцать часовъ въ 14 человекъхъ (въ числѣ копъхъ нашей свиты статгалтеръ самъ другъ, два статгалтерскихъ секретарей, вдовушка молодал, лѣкарша, хозяйня, хозяйка съ двумя малыши дѣтьми, самчетверть) и за столъ сѣли, а отобѣдали въ полтора, и за тѣмъ да за спмъ рапѣ трехъ выѣхать не могли. Мы сѣли съ Соймоновымъ на чухонскія сани, а Поливановъ съ слугою, также двое на санкахъ; а выѣхавъ, на третей верстѣ наѣхали небольшую, однако пзрядную мшочку, и при ней хорошую корчму, принадлежащую господину Калману, а на шестой опять попалъ стрѣльба подлѣ самой дороги. Показался проклятый тетеревъ, и маршалъ, благимъ матомъ схватя ружье, выскоча изъ саней, побѣжалъ не яко генераль, но какъ страстный охотникъ, и подбѣжавъ въ мѣру, выстрѣлилъ, да не попалъ; знать, былъ замороженъ, а тетеревъ, поблагодари за выстрѣлъ, полетѣлъ, чѣмъ насъ съ Соймоновымъ утѣшилъ. А проѣхавъ съ полверсты, остановясь, вступилъ съ ружьемъ, увидѣвъ спдишаго тетерева подлѣ самой дороги, и Поливановъ, подшедь сажень въ восемь, хотѣлъ стрѣлять, да ружье не послушало, и такъ, тетеревъ, поклонясь ему, полетѣлъ, а мы въ свой путь поѣхали.

Отѣхавъ 15 верстъ, при деревнѣ Кило перемѣня лошадей, пріѣхали въ Кананое въ 6 часовъ, и тотчасъ конюшаръ Павелъ Лала, увидя на вшедшемъ прежде господинѣ голубую ленту, зажегъ и поставилъ на столъ въ пзрядномъ подсвѣчникѣ восковую бѣлую свѣчу; я какъ зналъ ужъ давно, еще въ Шведскую войну, Кананое, зналъ же, что тутъ кромѣ финскихъ мужиковъ, ппкого не живетъ, и откуда взялась такая хорошая восковая свѣча, удивился; а какъ узналъ, что сей Лала былъ какимъ-то служителемъ при дворцѣ, то узналъ, что думалъ и о свѣчѣ. Въ Кананое, перемѣня лошадей, поѣхали въ полсема къ Выборгу, а не доѣхавъ за 11 верстъ, при деревнѣ Гайпоки, лошадей перемѣнивъ, въ Выборгъ въ полдень пріѣхали, и хотя у воротъ короны Санктъ-Анны и постояли, однакожь чрезъ нѣсколько минутъ отперли и насъ въ городъ впустили. Мы взѣхали на прежую квартиру, коя была въ прохолодь, и тотчасъ пришелъ оберъ-комендантъ, вице-губернаторъ и господинъ генераль-маіоръ Дерфелтъ, и началъсь разные дашкурсы, и тутъ маршалу дано знать, что завтра будетъ въ

Выборгъ за Яссы и за прочее Богу благодареніе, а у коменданта балъ, и прошенъ къ обѣду и на балъ, да и мы туда жь приглашены. И продолжался сѣн дѣшкурсы до 12 часовъ, чѣмъ намъ сдѣлалась маленькую скуку, ибо мы, яко волонтеры, въ генеральскіе дѣшкурсы не входимъ, а ъедемъ шабалу, тогда какъ, когда маршалъ, остави все, остается съ нами одинъ,—и представитъ нѣкакъ равнаго намъ Александра Ильича Бибинова. Я потребовалъ для себя у квартиргера особую квартиру, отвѣдена у портного Реймана, гдѣ и трактиръ, а Поливановъ и Соймоновъ сталъ съ маршаломъ. Проводя жь сихъ господъ, принялись мы за дорожный ужинъ, и отужинавъ въ половинѣ перваго, тотчасъ откланявшись, пошли—я съ Бунуевымъ на квартиру, а Поливановъ и Соймоновъ по постелямъ и тотчасъ легли спать. Отъ Вилмоустрада до Выборга 50 верстъ, и дорога хотя не горста да очень каменста; только намъ съ Соймоновымъ сія дорога была нѣкоторымъ образомъ несчастлива, потому на первыхъ трехъ перемѣнахъ доставались намъ лошади лѣнвивыя, и такъ мы прѣвзжали послѣдніе, и то съ трудомъ Соймонова, ибо онъ великій мастеръ лошадей лѣнвивыхъ погопить; отъ Гавноки достался самыя добрыя и на полу-дорогѣ, то есть, отъ Выборга на 6-й верстѣ, по несчастію выпрокинулъ; я ушибъ лѣвую ногу, а Соймоновъ голову; однако скоро прошло, и у меня нога больше версты не болѣла.

27-е, вторникъ. Вставъ въ 4 часа и написавъ вчерашнее происшествіе, уснулъ, а проснувшись одѣлся и въ полдевята пришелъ къ маршалу, нашелъ его въ Поливановой каморкѣ, одѣвающегося и жалуется на голову, что въ вечеру угорѣлъ, потому—какъ выше сказано, что покровъ былъ въ прохолодъ, такъ онъ приказалъ оныя затопить; знать, небережно закрыли. Въ спальнѣ жь у него Дерфельтъ и вице-губернаторъ; онъ одѣвшись тотчасъ къ нимъ вышелъ скоро пришелъ къ нему и Ступининъ, съ офицерами, и Тобольскіе офицеры, оберъ-провіантмейстеръ Голубцовъ, бургеры и по составу города разныхъ кое-какихъ очень много; маршалъ, пробывъ дома до 11-ти, поѣхалъ съ Ступининымъ въ церковь, и всѣ за нимъ пошли и поѣхали; а отслушавъ благодарный молебень, который былъ съ пушечной пальбой, поѣхали къ Ступинину въ его каретѣ маршалъ, я и Поливановъ и хозяинъ въ заложеной вороннмъ цугомъ. Мнѣ такъ случилось сѣсть въ большомъ мѣстѣ, а представлялъ самого дурака, ибо съ генералами сидѣтъ, да и въ большомъ мѣстѣ, кромѣ, по здравому разсужденію, дурака, нѣкому не прилично; подъѣзжая къ дому, услышали звукъ военныхъ трубъ

и лптаврѣ, а какъ лошади заповрвилпсь, можетъ быть, отъ звуку, и въ подѣздѣ не пошли, то маршалъ и хозяйннѣ и мы вышедъ и не въ подѣздѣ пошли въ хоромы, коп били очень въ прохолодѣ; и скоро пришла хозяйка съ дочерьми и нѣкоторымъ дамамъ и зачала бить шабалу; маршалъ, какъ въ свѣтѣ живущій, тотчасъ сталъ въ силу полптникъ съ хозяйкой говорить, а прочіе кто съ кѣмъ, а я съ лагманомъ, который мнѣ рассказывалъ о состояніи Фипскаго народа, о произволствѣ между имъ суда и нѣсколько о законахъ, и о подчиненіи владѣльцамъ, и съ ннхъ о поборахъ; подтвердилъ рассказы Вилмоstrandскихъ штатгалтера и камерира, чему я по возможности, кромѣ поборовъ, при семъ приложилъ съ примѣчаніемъ о землѣ описаніе.‡

А дамы званія съѣзжалпсь; а какъ пріѣхалъ вице-губернаторъ съ супругою, то пошли къ столу; первые повели по порядку дамъ, а я, какъ старикъ, въ эту церемонію не вшелъ; столъ состоялъ обоого пола въ 30-ти человекъ, въ числѣ онаго нѣжнаго полу 14, и всѣ, кромѣ губернатора съ супругою, были прежніе; а другою столъ составляли лѣкарь Пель съ маленькою хозяйскою дочкою. При пнтіѣ за высочайшія здоровья и счастливаго оружія проходила пальба изъ поставленныхъ передъ дворомъ Кургорновыхъ мартирецъ. За столомъ сидѣли до трехъ съ половиною, а вставъ пошли къ кофе, къ коему прежде всѣхъ приступили дамы; а я, выпивъ чашку, по обыкновенію отправился спать на лошади помянутаго лѣкаря, а выспавпсь, въ 6 часовъ поѣхалъ на хозяйской лошади онять къ коменданту, нашелъ — уже балъ открытъ и танцуютъ въ развалъ, а столовъ на пять играютъ въ ломберъ, а нѣкоторые вспомнили и въ квинтичь; сказалъ мнѣ, что балъ началъ маршалъ съ хозяйкою; я тотчасъ узналъ, что маршаловъ Павелъ—датской гвардіи поручикъ, и спѣшилъ его тѣмъ поздравить, и поздравилъ чистымъ сердцемъ, а онъ далъ мнѣ прочестъ нѣкакое и не отъ кого письмо, а я прочетъ сердечно радовался, чему свидѣтель Соимоновъ, только что писано — половини неразумѣлъ, пбо аллегорически. Балъ составляли человекъ до ста, между коимъ числомъ нѣжнаго полу по больше 40; и танцовали нѣкоторыя по ученому, а нѣкоторыя съ наглядки, однакъ весело, и одѣты по Выборгу пзрядно, да вотъ что примѣчено: сколько Фридрихсгамскій нѣжннй полъ веселъ и рѣвовъ, столько Выборгскій угрюмъ и важень; тамъ маршалъ казался великимъ подбѣгателемъ, а здѣсь хотъ и нѣкоторымъ и подпускалъ голуби, однакъ и отвѣту ни отъ одной не добивпсь, оставилъ и провождалъ

время, въ разговорахъ больше съ своею братьею и въ шахматахъ. Лучшихъ же дамъ представляли губернаторша и подполковница Удомъ; а танцовщики были изъ лучшихъ господа Тобольскіе офицеры, и нѣсколько купцовъ, а первымъ поручикъ Зезинъ. Примѣтно мнѣ стало, изъ нѣзкихъ одна, дѣвица, на головѣ имѣла уборъ странный; оный былъ отъ волосовъ, кажется, больше фута и приклонъ на самомъ темечкѣ, склопился назадъ такъ далеко, что самый верхъ или хохолокъ того головнаго убора въ параллель, какъ былъ ни пынешъ, подколоннаго у ней робронда, и представляла нѣкакъ себя чудною; господинъ комендантъ подшелъ ко мнѣ съ дамою, хотя немолодою, однако взрядною, и просилъ отъ себя и отъ пменя ея, чтобъ я съ нею протанцовалъ; это была плац-майорша, баба хоть и не изъ молодыхъ, однако нѣкакъ жива, а какъ и она то подтвердила, то я, слѣдуя полпникѣ, какъ умѣю, такъ и пошелъ, хорошо жъ мнѣ умѣть не можно, потому что я въ 747-мъ году будучи ужъ капитаномъ, въ Ревелѣ у хромого танцмейстера, платя по два рубли на мѣсяць, мѣсяца три—два поучился, однако танцую посредственно: годится; а оттанцовавъ, изъ подчтенія просилъ и хозяйку, а оттанцовавъ съ нею, сѣлъ и больше уже не танцовалъ. Въ 9-ть маршалъ уквившись поѣхалъ на санкахъ майора Мартона домой отправлять почту, а я, послѣ его побывъ съполчаса, да стало нѣкакъ безъ него скучно, на почтмейстерскихъ саняхъ поѣхалъ къ нему и нашелъ его—пшеть, то тотчасъ пошелъ на свою квартиру; а какъ ложиться безъ укина почтаю я за грѣхъ, то получилъ отъ хозяина два ломтя хлѣба, намазаные масломъ и накладенные солонною; заплатя 5 копѣекъ, съ водою поужиналъ, легъ спать.

Между прочими полученными маршаломъ изъ Петербурга приятными письмами, получено увѣдомленіе, что недавно на театрѣ въ балетъ почтенная мадамъ Сантина плясала, и очень хорошо, по русски; и такъ, маршалъ былъ какъ-то въ восхищеніи, да и я, ему срадуясь, поздравилъ, а хозяинъ напилъ кубокъ, поздравлялъ маршала съ датскимъ поручкомъ и съ другими хорошими вѣстами; а преждереченному послѣдствовали всѣ тутъ бывшіе, при чемъ была и пальба. Ко удовольствію моему подтвердилъ Копенгагенскій вояжъ. На семъ балѣ Полвановъ выигралъ 6-ть рублей; что-жъ до музыки, то Выборгская Фридрихсгамской втрое превосходитъ.

28-ое, среда. Вставъ я поутру въ полчетверта и написавъ вчерашній день, уснулъ, а проснувшись и одѣлся; въ 8-мъ часовъ пошелъ къ маршалу, нашелъ его въ письмахъ; отправляетъ почту;

я, ему не помѣшавъ, перешедъ чрезъ его спальню, пошелъ, прямо къ губернатору и пилъ у него чай, который ни похвалить, ни похулить не можно, а напивш. съ довольно, пошелъ опять къ маршалу; онъ еще въ письмахъ; такъ я и пошелъ къ провіанскому маіору Голубцову и пробылъ у него до 10-ти часовъ. А какъ въ одиннадцатомъ маршалъ отпсался, то я пошелъ къ нему, и, побывъ съ нимъ шабалу, сказали мнѣ, что пришелъ ко мнѣ купецъ Тѣшевъ, за копыя я посылалъ. Я вышелъ его повороилъ, чтобъ онъ смскалъ мнѣ купить для мадамы табаку 1 большую и 10 малыхъ рудекъ; онъ мнѣ за рубль за 80 копѣекъ и прислалъ, за чтѣ я тотчасъ и деньги заплатилъ, а хотя и надлежало со онаго заплатить было и пошлину, однако я не платилъ. Въ часъ по полудни одѣвшись маршалъ да и мы съ нимъ пошли къ губернатору, у коего, также какъ и у коменданта, хоромы гораздо въ прохолодь. И какъ гости съѣхались, то въ полтора часа въ (35-ти человекѣхъ) за столъ сѣли, а въ три съ половиною встали; за столомъ нито за высочайшія здоровья и счастливаго оружія съ стрѣльбою пзъ пушекъ. Я вставъ, не дождавшисъ кофе, пошелъ спать. А какъ мнѣ было нѣкакъ дурно, то я провалялся долѣ обыкновеннаго, однако всталъ и одѣвшись, въ 7-мъ часовъ пошелъ къ губернатору и пашель—балъ открытъ и въ развалъ танцуютъ, а столовъ на 10 играють въ карты. Какъ мнѣ сказывали, въ началѣ бала нито было здоровье маршала, а балъ открыли онъ, маршалъ, съ хозяйкою, а хозяйннъ съ комендантшею. Какъ увидѣла меня пришедшаго хозяйка, то и подняла. Я съ нею на сплу протанцовалъ, а въ девятомъ въ исходѣ опять пошелъ на квартиру и соснулъ съ полчаса, и кажется, стало лучше,—то пришелъ обратно на балъ, а пришедъ заплатилъ долгъ господамъ плацъ-маіоршъ: поднявъ протанцовалъ. Маршалъ въ полдесята французскимъ мапиромъ скрылся, да и Полпановъ съ Соймоновымъ въ началѣ одиннадцатаго ушли же. А я въ полодинадцатаго протанцовалъ съ хозяйкою; почувствовавъ опять дурно, пошелъ прямо на квартиру, и получа отъ хозяина два ломтя съ масломъ—одинъ съ сыромъ, а другой съ мясомъ, и хлѣба съ водою, заплатилъ обыкновенную цѣну 5 копѣекъ. Поужинавъ спать легъ. Балъ составляли человекъ около ста и больше; въ томъ числѣ нѣжнаго полу 41. Передъ обѣдомъ говорилъ мнѣ хозяйннъ: „Ежели де маршалъ имѣеть обычай ужинать, то не лучше ль приказать приготовить дорожному вашему повару маленькій ужинъ“. А притомъ изъяснился, что въ Выборгѣ на балахъ ужинъ не въ обычаѣ, а подають только

буттеръ-бродъ, то есть, хлѣбъ съ масломъ, и разсуждалъ: можно ли такое множество людей, копѣхъ де человекъ до двусотъ, удовольствоваться? А я ему сказалъ: „Когда весело, то объ ужинѣ думать нечего, можно быть довольну и подаваемымъ“. А по чести скажу, и до полутора ста не было, изъ чего заключить было можно: господинъ хозяинъ (какъ и всѣ Выборгскіе) добрый хозяинъ, а исключить надобно только оберъ-коменданта: тотъ мнѣ показался бѣсе-ебеншакъ. На балѣ большую часть вечера препроводилъ я въ разговорахъ съ кушомъ Вулфертомъ, который ко мнѣ ласкался распрашивалъ, какъ мы время проводимъ въ Фридрихсгамѣ, а я ему всю правду рассказывалъ, но онъ сожалѣлъ, что и Выборгскому купечеству также насъ принять не удалось. А я чистосердечно предъ нимъ признался, что Выборгскихъ людей съ моей стороны считаю иѣкакъ нелюдимымъ.

29-ое, четвертокъ. Всталъ я сего утра въ началѣ пятого и, написавъ вчерашняго дня происхожденіе, уснулъ и всталъ обыкновеннаго гораздо позже, то есть, въ 9 часовъ съ половиною. Напившись у хозяина чаю, одѣвшись, пошелъ къ маршалу и не успѣлъ выйдти на крыльцо, — анъ принесли ко мнѣ на французскомъ языкѣ блеть, копѣхъ просить, какъ мнѣ перевелъ Соймоновъ, завтрѣ въ 5 часовъ, въ маскахъ и безъ масокъ, въ домъ къ оберъ-коменданту. Я, получа, не остановясь, пошелъ; маршала пашель съ вице-губернаторомъ: разсматриваетъ Финляндской губерніи карты, а Поливановъ на постелѣ, сказываетъ: болтъ голова; Соймонову же чешетъ маршальскій волосочесатель волосы. И такъ я, прпставъ тутъ же, посмотрѣлъ [немного на карту, пошелъ къ провіантскому маіору Голубцову, который посулилъ мнѣ до Петербурга доѣхать санн и, побывъ у него минутъ съ десять, увидѣлъ санн; пошелъ опять къ маршалу, тутъ пашель коменданта и Дерфельта. А какъ маршалъ и я званы обѣдать на мызу къ губернатору, а былъ уже одиннадцатый часъ въ началѣ, то сѣвъ по санямъ, маршалъ съ губернаторомъ, а комендантъ и Дерфельтъ по своимъ, а для меня губернаторъ велѣлъ запретъ възрядную лошадь въ възрядныя шведскія санни; поѣхали чрезъ мостъ въ корону Санктъ-Анны. А ѣхали мимо двора маіора Мартона. Я къ нему заѣхалъ да и съ другимъ маіоромъ Тунземаномъ чаю выпилъ чашекъ съ десять; туда жъ на мызу чрезъ заливъ морской, который уже замерзъ, погода около получаса, поѣхали и ѣхали 20 минутъ; ѣхать было очень хорошо, и ледъ хоть и трещалъ, однако скоро ѣхали; такъ было неопасно.

Мы прїѣхали прежде, нежь вышепсанные господа, и нашли на мизѣ Калмана и инженеръ-капитана, маіоровъ провіантскаго Голубцова и тобольскаго Черемисинова, да лѣкаря Вилкенса; а черезъ четверть часа и они прїѣхали; а какъ столъ былъ готовъ, то въ двѣнадцать, въ числѣ 13 человекъ одного грубаго полу сѣли, а нѣжнаго съ нами не было ни одной. Отобѣдавъ же въ полтора часа, зачали пить кофе, а я пошелъ на хозяйскую запасную постель, уснулъ, а проснувшись пошелъ собраніе: пьютъ пуншъ. За обѣдомъ были разговоры кое-какіе, а меня чортъ дернул тутъ же вмѣшаться, а вотъ какъ: я зналъ Выборгскій гарнизонъ еще въ 741-мъ году, когда были полковники Горстквинъ, Лановъ, Ступининъ и подполковникъ Хрущовъ, кои всегда имѣли великія ссоры словесно и на письмѣ; я сталъ хвалить, что нынѣ въ Выборгѣ между баталіонными командирами очень согласно, и о тогдашнихъ упомянулъ ссорахъ, да вотъ какими словами: „нынѣ, слава Богу, здѣсь очень хорошо, всѣ живутъ ладно, а прежде, когда были здѣсь полковники (выговора ихъ имена и Хрущова), то весь гарнизонъ жилъ такъ, какъ черти яблоки дѣлали“,—что коменданту стало досадно, и онъ мнѣ противорѣчилъ, что въ то время отца его ужъ не было, а вставъ изъ за стола, выговорилъ мнѣ при губернаторѣ, что напрасно я отца его обидѣлъ, а я что-то ему сквозь зубы проговорилъ. За симъ столомъ губернаторъ посулилъ мнѣ планъ Кіевскимъ пещерамъ, а маршалъ Выборгской губерніи карту, чему я былъ очень доволенъ. Да и послѣ обѣда время до полчетверти часа продолжалось въ разговорахъ, говорили кому съ кѣмъ попало, кое о чемъ; а у меня во все время рѣчь шла съ губернаторомъ о состояніи здѣшнихъ мужиковъ и разныхъ живущихъ въ землѣ мужичьихъ правахъ и о правахъ здѣшняго дворянства, о состояніи здѣшней земли и о земледѣліи, и онъ мнѣ все то, что сказывано въ Вилмоstrandѣ и лагманомъ, подтвердилъ.

Теперь слѣдуетъ описаніе оной губернаторской мизы. Она и зимою очень хороша; хоромы лицомъ поставлены между сѣвера и востока, на презрядномъ пригорьѣ, такъ что изъ окошекъ, зачавъ отъ западной стороны до восточной, зрѣніе до горизонта верстъ на 10 простирается, и весь городъ Выборгъ и нѣкая часть моря предъ глазами. Въ хоромѣхъ уборъ изрядный, обиты хорошенькими бумажными обоями и украшены нѣсколько зеркалами и картинами и на пѣмецкомъ языкѣ по пристойности, въ двѣнадцати мѣстахъ за стеклами, съ стѣхами бумажками, да и расположенъ—годится; однимъ словомъ, въ здѣш-

ней стороиъ я такой хорошенькой мызы не видывалъ; да п у насъ, какъ п въ Лифляндіи, выключая въ Ревельскомъ уѣздѣ Мексгофъ, такого хорошаго положенія мѣста не знаю п думаю: не скоро найдешъ. Да п все у сего губернатора, какъ въ городѣ, п на мызѣ, очень хорошо, п покулить нечего. Что жъ до него, то съ супругою составляютъ пару препенядную.

Въ полчетверти съ мызы уже всѣ черезъ заливъ п слободу Кименшгорскую, въ коей разныхъ чиновъ п солдатскихъ до трехъ сотъ дворовъ, поѣхали въ городъ, къ Мартону, п тутъ ужъ съѣхалось нѣсколько п нѣжнаго полу, п зачали играть въ карты, маршалъ съ губернаторомъ въ шахматы, чѣмъ сдѣлалъ видъ маленькой ассамблеи. А мы съ маіоромъ Тупземаномъ, я на лошади дѣкари Пеля, а онъ на своей, поѣхали къ давно знакомому миѣ маіору Морскому, а у него послѣвъ, поѣхали къ тамжепному директору Глазенапу п тутъ нашли Полванова п Соймонова п нѣсколько Тобольскихъ офицеровъ п здѣшнихъ купцовъ: играютъ въ карты. Соймоновъ тутъ проигралъ около семи рублей. Побывъ тутъ очень мало, поехали опять къ Мартону; тутъ нашли маршала п губернатора: отыгравъ въ шахматы, ходять, да п игра карточная перерывается. А какъ было полдевята, то стали ставить п столъ; въ полдесята жъ въ 20 человекъ, въ томъ числѣ нѣжнаго полу семь, за столъ сѣли; на столѣ было все изрядно приготовлено, между чѣмъ съ лосью п лецомъ два блюда составляли для меня лучшее кушанье; а маршалъ хвалплъ очень п впно; п такъ, въ одиннадцатомъ часу отужинавъ изъ стола всталп, а въ подвѣнадцата, маршалъ п я съ нимъ, на хозяйскихъ саняхъ домой пріѣхавъ, пшли Полванова п Соймонова дома: еще не ужинали; п такъ, они съ Бушуевымъ втроемъ сѣли за ужинъ, п я сѣлъ съ ними глазѣтъ, маршалъ же, проговоря съ нами слова съ два, легъ на постелю, сталъ читать книгу, а отужипавъ, п мы, къ нему прішедъ, побывъ шабалу, пошли съ Бушуевымъ на квартиру, а онп по постелямъ, п въ половинѣ перваго, я чаю—какъ п я, заснулп.

30-е, пятница. Я пробудился очень рано п вставъ напсалъ вчерашній день; опять легъ, а въ 8-мъ всталъ, одѣлся п пошелъ къ маршалу; его пашель: разсматриваетъ важно карты п что-то пишетъ. Я увидѣлъ, что сіе до меня не принадлежитъ; поболтавъ слова съ два, пошелъ къ губернатору, у коего пилъ чай п получилъ отъ него посуленный плащъ; пошелъ отъ него къ Голубцову п, получа лошадь маіора князя Куковатова, съ Тешемъ, который

тутъ прилучился, поѣхалъ къ Мартону сдѣлать дому его почтеніе, а какъ его не засталъ, то оттуда поѣхалъ его искать и нашелъ его у свояка его, купца Сутова, гдѣ хозяинъ принялъ меня со навѣяливѣйшимъ образомъ, потчивалъ меня изряднымъ зеленымъ чаемъ съ прекрасными сливками и сахарнымъ, изрядно сдѣланнымъ хлѣбомъ. Сей хозяинъ съ Мартономъ и губернаторомъ свояки родные. Я побылъ у него, пока сыскалъ мнѣ Тешъ башмакъ, черныя гарусныя чулки и пряжки и бѣлой галстукъ. И тутъ Тешъ досталъ купить мнѣ для мадамы пару любскихъ или вестфальскихъ колбасовъ; побывъ съ полчаса, поѣхали съ Мартономъ и Тунземаномъ ко мнѣ, и тутъ они мнѣ подарили по двѣ пары стрѣляныхъ тетеревей и рябчиковъ пополамъ, и скоро отъ меня куды-то поѣхали, а я пошелъ къ маршалу, но его и никого не засталъ; пошелъ къ Колману; да и я отправился, ибо вчерась званы были мы къ нему обѣдать. А какъ я пришелъ, а столъ былъ готовъ, то въ часъ въ 17 грубаго и въ 6-ти нѣжнаго половъ, всего въ 23 человѣкахъ, за столъ сѣли; а въ двѣ съ половиною изъ-за стола встали, и я, не пивъ кофе, тотчасъ и спать пошелъ. На семь столѣ, также какъ и вчерась, были два блюда съ рыбою изрядными, а посредственно изготовленныхъ окушей, но я ѣлъ нѣкакъ меньше обыкновеннаго, а доволенъ былъ во весь столъ пятью яблоками и чашкою выпрошеннаго молока.

Какъ я проснулся, то пришелъ ко мнѣ зѣлпній ремесленникъ, прозываемый Немудрый Сакса, и прпрнесъ заказыванную мною ему работу—изъ березоваго дерева чашку мнѣ для молока съ яблоками, табакерку и шесть наперничковъ*); а я, ему за то заплатя полтора рубли, отпустилъ; да прпрнесли ко мнѣ отъ маіора Мартона пару чернаго платья и парикъ, да получилъ я отъ хозяина шляпу. Въ седьмомъ часу, одѣвшись нохожимъ на адвоката или на церковнаго вистера, на хозяйской лошади на званій маскарадъ поѣхалъ, на коемъ нашелъ около ста масокъ и около пятидесяти безъ масокъ, а пррѣхавъ тотчасъ пошелъ миновѣту. Въ восемь же часовъ пррѣхали въ черныхъ маскахъ маршалъ и Поливановъ: на маршалѣ была какая назватъ—не знаю, а на Поливановѣ—капуцинская; Соймоновъ же былъ въ своемъ образѣ. И такъ, я въ сей вечеръ кое-съ кѣмъ протанцовалъ разъ съ восемь; въ десять часовъ, оставя своихъ (маршала въ танцахъ—въ кругу танцуетъ съ какою-то хорошенькою маскою русской дѣвушки поль-

---

*) То есть, наперстковъ.

ской, а Полпванова съ губернаторомъ да съ Голубцовымъ, Соймоновъ же съ двумя здѣшними купцами въ картахъ за ломберомъ) на лошади лѣкаря Пеля поѣхалъ домой, а прїѣхавъ, получа отъ хозяйна обыкновенный мой ужинъ, два ломтя буттеръ-бродъ, поужинавъ съ водою и заплатя деньги, легъ спать.

31-е, суббота. Всталъ я въ три часа и, написавъ вчерашнее, уснулъ, и въ семь часовъ всталъ и, чапвшисъ у хозяйна чаю, одѣвшисъ въ восемь часовъ, пошелъ къ маршалу и пошелъ его не знаю что-то писать. Я было не помѣшавъ пошелъ отъ него прочь, да пришелъ помянутой прозываемый Немудрый Сакса, принесъ къ маршалу сдѣланную работу, полдюжины наперничковъ и пять табакерокъ изъ березоваго корени, коему онъ приказалъ заплатить деньги. И тотчасъ вшелъ молодой человекъ; какъ я послѣ узналъ, это былъ купецъ Лада,—звалъ маршала къ себѣ на балъ, и какъ маршалъ ему обѣщалъ, то и я ему по зову его въ томъ не отказалъ. Отъ маршала я пошелъ въ лавки и купилъ себѣ мужичьи рукавицы искалъ кенги, да не нашелъ; и такъ, зашедъ къ маршалу, нашелъ Соймонова—брѣтется, и я, тутъ выбрвшисъ, пошелъ къ Немудрому Саксѣ (а пока я брился, то маршалъ сказывалъ мнѣ про Поливаново уродство: вчерась онъ къ нимъ вошелъ и увидѣлъ, что Бурханъ гладитъ ему ноги) и нашелъ житье его чудное: изба его самая малая, безъ двери и безъ окошекъ, вмѣсто двери завѣшена вдвое рогожею, а окна заколочены ставнями и затканы мохомъ; къ двери привалентъ боченокъ, чтобъ вѣтрокъ не отивало; въ избе нѣтъ матеріалу, то-есть, березоваго корени довольно и инструменту очень много. Его нашелъ спящаго съ топоромъ и деревомъ въ рукахъ, а передъ нимъ двѣ зажженные свѣчи и бутылка съ виномъ. Я, удивясь, что сей человекъ въ семь чудномъ житьѣ имѣетъ свое удовольствіе и можетъ жить весело, пошелъ на квартиру. Я не успѣлъ войти, анъ сдѣлалъ мнѣ посѣщеніемъ господа губернаторъ и Калманъ, майоры Мартонъ, честь Тузелманъ и Черемненновъ, а Голубцовъ за спѣсью чести мнѣ не сдѣлалъ, у меня не былъ. А какъ я при губернаторѣ проговорилъ, что купить кенегъ не нашелъ, то посулилъ онъ мнѣ подарить кенги и звалъ меня къ себѣ обѣдать, а я, ихъ проводя, приказалъ исправить себѣ санн, къ нему пошелъ а въ часъ пополудни и за столъ въ 16-ти человекѣхъ, въ томъ числѣ нѣжныхъ 4, сѣлп. А какъ въ полтретья отобѣдавъ встали, то я пошелъ тотчасъ спать, а, уснувъ съ четверть часа, всталъ и сталъ убирать съ помощію хозяйна свои вещи; и убравшисъ по-

II отдѣлъ.

звали меня въ маршалу; я пришедъ, нашель его нѣкакимъ образомъ нахмураясь. Въ упряжкахъ сдѣлалось несогласіе, и я тутъ какъ-то маршалу показался гнѣвнень. А какъ согласились, то я пошелъ на квартиру, сталъ убирать сани, а убравши, уснулъ еще съ полчаса, пошелъ въ маршалу, однако маршала не нашель; онъ ужь пошелъ на званый балъ, а я пошелъ опять въ Немудрому Саксѣ—взять отданную для поправки, дѣланную имъ мнѣ табакерку и нашель его,—спить и съ женою, безъ памяти оба; оную и безъ поправки взять принужденъ былъ, а взивъ, въ 7-мъ часу пошелъ на званый балъ, и хотя я былъ, какъ и маршалъ, одѣтъ по дорожному, однако хозяевами принятъ былъ навѣжливымъ образомъ учтиво.

Въ половинѣ 8-го зачался балъ; открылъ маршалъ съ комендантшею, а комендантъ съ губернаторшею, а тому и всѣ послѣдовали; я было на семъ балѣ танцовать былъ не намѣренъ; однакожь хозяйская сестра дѣвушка, между многими, какъ и маршалъ засвидѣтельствоваль, изъ лучшихъ, подшедъ меня въ танецъ съ собою просила; я было и отговаривался, да подступя ко мнѣ, оба брата хозяевъ прилежно, чтобъ я танцоваль, просили: и такъ я имъ не отказалі, вступилъ прежде съ ихъ сестрою, а потомъ и со многими. Сей вечеръ танцоваль я не знаю что-то другихъ вечеровъ больше и былъ гораздо веселей; танцы мои были съ хозяйкою, помянутою пзрядною дѣвочкою, да съ подполковницею Удомъ трюжды, съ плацъ-маіоршею, съ маіоршею Адамовичевою по разу (она дочь покойнаго Любраса), да съ пзрядною госпожею губернаторшею четырежды; то я ее, то она меня подымали, и хотя я обуть былъ по дорожному, то есть, въ двоихъ чулкахъ и въ дурныхъ сапогахъ, однако отъ танцевъ устали не чувствовалъ. Балъ происходилъ въ верхлемъ этажѣ, а въ нижнемъ изготовленъ былъ столъ, за который въ 10-ть часовъ прошенъ маршалъ, комендантъ и губернаторъ, Калманъ и мы, маршалская свита, а весь столъ состоялъ въ пяти нѣжнаго и въ семи грубаго половъ. За столомъ просидѣли до одиннадцатаго, а вставъ, маршалъ и прочіе пошли въ верхъ доканчивать балъ и пробыли тамъ часа съ два; маршалъ и еще обращалъ себя въ танцахъ, а я на маршалскую квартиру тотчасъ пошелъ спать, а въ два часа въ провожаніи своихъ и нѣсколькихъ Выборгскихъ прпшелъ и маршалъ. А какъ лошади были впряжены, то меня разбудя, простясь со всѣми провожавшими, въ два часа съ четвертью пзъ Выборга поѣхали. И такъ и октябрь окончился.

Ноябрь 1-е, воскресенье. Какъ выше проговорено, что разбудя меня, въ 2 часа съ четвертью изъ Выборга поѣхали, и ѣхали ниже-сѣдующимъ образомъ: мы всѣ четверо на сплу влѣзли чортъ знаетъ отъ кого-то на сѣздъ въ присланный возокъ, а другой возокъ опредѣлили на спанье съ постелями и двое со стѣтными припасами и съ прочимъ скарбомъ глухія сани. Выѣхавъ изъ города, маршалъ тотчасъ, яко генераль, отправился въ возокъ; а потомъ и Соймоновъ на глухой возъ. А какъ доѣхали до корчмы купцовъ Ладъ, гдѣ поставлена была между почтъ перемѣна, то Поливановъ взялъ себѣ чухонскія сани, а Соймоновъ, что сидѣть на возу непокойно, сѣлъ вдвоемъ со мною. А какъ намъ и двумъ очень было тѣсно, то на первой отъ Выборга почтѣ, слѣдуя примѣру Поливанова, взялъ я къ себѣ съ санями лошадей и легъ на сѣно, какъ дѣйствительные курьеры ѣздятъ; заснулъ и нечувствительно до перемѣны 10 верстъ доѣхалъ. а оттуда и до другой отъ Выборга почты доѣхали. Выспался очень покойно, а Соймоновъ спалъ въ возкѣ при сей перемѣнѣ; и маршалъ пзъ возка вышелъ, да и Поливановъ проснулся, то Соймоновъ и Поливановъ легли въ возокъ, мы съ маршаломъ сѣли въ другой, а переѣхавъ чрезъ Красное село, оставя на лѣво зимнюю дорогу, поѣхали лѣтнею. А какъ лѣтняя дорога уже была оставлена, то мы ѣхали цѣликомъ, до самой почты, верстъ съ 10, а приѣхавъ, перемѣня лошадей, поѣхали немедленно. Тутъ съ нами сѣлъ ужъ и Поливановъ; перемѣня жъ подставленными у Квиневской кирки лошадей, поѣхали къ Линдолову. Эта перемѣна намъ была не скучна; мы всѣ трое кое-что изъ своихъ прежнихъ приключеній другъ другу рассказывали, и что я помню, такъ маршалъ рассказывалъ одно происшествіе во время Прусской войны—Суздальскаго полку полковаго квартирмистра Крона и украденной имъ изъ клиштора фрейлиннъ Есець, да свой вояжъ, какъ онъ ѣздилъ по Нѣмецкой землѣ, и между прочимъ, какъ онъ ѣхалъ пзъ Клстрина на фарендѣ-постъ и сидѣлъ въ фурѣ, на соломѣ съ одною вояжпркою, къ которой также въ противность 7-й заповѣди впалъ было во искушеніе, но какъ она пожелала отъ него такой вещи, съ какою совѣсть, честь и почтеніе разстаться ему не дозволили, то и окончалось его желаніе безъ дѣйства. Да и другое кое-что болтали, что кому на умъ взбрѣло.

А на конецъ дороги къ Линдолову захотѣлось мнѣ ѣсть и спать; и такъ, на сплу дождался конца дороги, а приѣхавъ въ корчму, колбасъ, буттербротъ, во ожиданіи кашки, съ аппетитомъ, какъ

я, такъ и всѣ, позавтракали; да каша съ курицею съ перловыми крупами чрезъ полчаса поспѣла, однако такъ была сыра, что я и ѣсть по резону старыхъ зубъ не могъ, а доволенъ кое-чѣмъ холоднымъ. Поѣвъ, тотчасъ я легъ на корчмаренну постелю, заснулъ; а маршалъ, не давъ мнѣ выспаться, разбудилъ; и въ 3 часа въ Бѣлоостровской киркѣ поѣхали, а приѣхавъ, въ 7 часовъ взялъ я для себя особня сани, и одну подушку, и какъ сталъ садиться, то маршалъ вздумалъ играть, выдернулъ у меня подушку, чѣмъ мнѣ нѣкакъ досадилъ. Я, взявъ у него подушку, поѣхалъ, а приѣхалъ въ Дранишниково въ 8-мъ часовъ съ половиною; у рѣченнаго подъ 7-мъ числомъ октября маршанта уснулъ и спалъ до приѣзду оставшихъ. А какъ они приѣхали, и впрягли лошадей, то въ десять съ половиною къ Петербургу отправились, и прибывъ, переѣхавъ у Самсонья Малую Неву, къ Троицѣ, а я къ Николѣ поѣхали. Я, переѣхавъ Неву понижѣ Николы, у масляныхъ анбаровъ, въ два часа съ четвертью домой приѣхалъ, и нашелъ свою мадамъ,—спитъ въ добромъ здоровьѣ.

Сверхъ всего вышеписаннаго, вся вообще Финляндія, сколько тѣ мѣста, гдѣ проѣхали, мною примѣчены, землю имѣеть гористую и каменную. Дороги, не токмо большія, но и самыя малыя, по нашему проселочныя, лежащія и по горамъ всѣ работаны, то-есть, свалываны и стаскиваны въ стороны великіе каменья съ немалымъ трудомъ человѣческимъ; а ежели бъ не были работаны, то конечно, кромѣ верховой ѣзды, проѣзду бытъ не могло, и то съ пуждою. Деревни вездѣ малыя, больше пяти дворовъ нигдѣ не найдено. Земли около оныхъ къ земледѣлію и сѣнокосамъ, хотя по числу жителей съ посредственнымъ довольствомъ и видны, но всѣ стоили предкамъ и нынѣ стоитъ разчисткою лѣсовъ и осушеніемъ болотъ великой трудности. А плодъ приносятъ, умножая отъ трехъ и до 7 частей. Хлѣбъ сѣютъ: рожь, а яровой ячмень, овесъ, бобы, горохъ и мало гречи, да ленъ, а конопель нѣтъ. Народъ, живущій около Петербурга и до Мулы, мелокъ и нѣкакъ мозглявъ, да и въ житѣ хуже нашихъ украинскихъ мужиковъ; а отъ Мулы до Выборга и до Зекервской крѣп народъ лучшій и въ житѣ нѣкакъ показывается иной видъ; а съ Зекервскаго крѣппля сталъ показываться крупнѣй и въ житѣ чище. Отъ Фридрихсгама до Кипени и вверхъ по Кипени народъ собою и въ житѣ самый чистый и порядоченъ, даже до крѣппля Валкяла: большая часть люди росту большаго, съ лицъ походятъ на народъ военный и самый храбрый. Ежели такихъ Карлъ XII имѣлъ при себѣ Финновъ, какъ

я тутъ видѣлъ людей, подлинно было ему на кого полагать свою надежду. А отъ Валкяла до Вильмостранда и до Выборга опять пошелъ народъ хуже. Пища почти вездѣ ровная, состоитъ въ капустѣ, рѣпѣ, горохѣ, бобахъ, въ молокѣ и въ маслѣ. Вездѣ жь могутъ имѣть, въ разсужденіи морскихъ заливовъ и многихъ озеръ, и рыбу, а мясо и хлѣба употребляютъ очень мало. У живущихъ около Кюмени чище и лучше приготовлено.

Имѣніе ихъ и богатство состоитъ въ скотѣ рогатомъ, овцахъ и лошадахъ, коего имѣютъ, а особливо рогатаго довольно. Неоднова такихъ наѣзжали мужиковъ, что стоятъ на стойлѣ дойныхъ коровъ по 20 и овецъ не меньше, и все въ великой холѣ, а лошадей—пъ лучшій больше пяти не имѣеть; но лошади, хотя не велики, да очень хороши, всѣ кругленькія и сытенькія, какъ огурчики, такъ какъ лифляндскіе клеперы и очень крѣпки; овса жь преже марта не даютъ, а довольствуютъ сѣномъ и сѣчкою. Для навозу вмѣсто соломы рубя мелко еловыя вѣтви, кладутъ въ ямы, а скотскій помѣтъ сгребая, туда мѣшаютъ и сказываютъ—навозъ очень хорошій и очень землю удобряетъ. Народъ сей, какъ мнѣ сказывали, вольный; кромѣ монарха никому не подвластенъ и имѣеть волю, отдавъ свою землю идти на другую. Помѣщикамъ своимъ или владѣльцамъ должны давать столько и только дней работать, что ревизіею опредѣлено, коя бываетъ ежегодно; и больше помѣщикъ взять, и больше время заставить работать не властенъ: въ противномъ случаѣ мужику со владѣльцомъ судъ. Въ своихъ обязанностяхъ мужику на мужика у владѣльца не проситъ, а проситъ у земскаго судьи: въ случаѣ жь неудовольствія относятъ судъ къ лагману, то есть, къ вышнему судѣ и далѣ—до юстицъ-конторы, минуя губернію. Дороги большія и малыя исправляются обывателями посаженно, распредѣлены всѣ по мужикамъ короннымъ и владѣльческимъ; а мостовщикъ знаетъ, кому именно его вѣдомства мужику которая сажень въ починку опредѣлена. И такъ, ежели найдетъ мостовщикъ дорогу неисправну, то ужь знаетъ, кто оную исправить долженъ, и тотчасъ тому скажетъ. А буде онъ съ первой повѣсти не исправитъ черезъ недѣлю, за то штрафъ: у впрки 6 паръ розгъ или положенная сумма денегъ. А цара розгъ значить, раздѣвъ до нога, взявъ въ руку пару швовыхъ прутьевъ, ударитъ 6 разъ. И такъ, 6 паръ сдѣлаетъ 36 ударовъ, однакожь больше за штрафъ платятъ деньги, для того что мужикъ, который былъ публично обнаженъ, то ужь ни въ какое общество своей братьи, то есть, ни въ кумовство, ни въ сватов-

ство не прие́млетсѧ, а остае́тсѧ на вѣ́къ безче́стнымъ, чего́ мужики́ крѣ́пко опа́суютсѧ. У мужика́ владѣ́лецъ не то́кмо что-ли́бо си́лою взя́тъ, но и ни́ ударитъ его́, ни́же плюну́тъ въ глаза́ не мо́жетъ; въ проти́вномъ случа́ѣ со владѣ́льцомъ судѣ́; а и плево́къ въ глаза́ дѣ́ло крими́нальное, не то́кмо побой́.

Отъ Вилмо́страпта до шведско́й грани́цы доро́ги слѣ́дующія́: 1-я: больша́я, по Фридри́сгамско́й доро́гѣ до ли́ли Аборъ-Форса́ около́ 135 версте́. 2-я: до шведска́го киршпи́ля Итвсѣ́ у Кимени́ рѣ́ки, чрезъ Той-ка́лу и Марти́лу, по фридри́сгамско́й доро́гѣ впра́во на Кай-пи́аксѣ́ и Ро́цсалу́ до Мемела́ 90 версте́. 3-я: до Пумала́-Зунта́ водою́ по Займѣ́ озерѣ́ 37 версте́, а сухимъ́ путе́мъ 90 версте́, чрезъ Поу-це́нъ и Ро́колаксѣ́ кирки́ Кимене́горско́й провин́ціи на ко́ляскѣ́ проѣ́хать мо́жно. 4-я: до шведска́го киршпи́ля Крпсти́на около́ 90 версте́ сухимъ́ путе́мъ верхо́мъ, а зимнимъ́ време́немъ на саняхъ́ на Клемпсѣ́, Савита́й-туль и Соммель-Не́ми киршпи́ли Кимене́горско́й провин́ціи; а водою́ по Займѣ́ озерѣ́ около́ 50 версте́. 5-я: до шведско́й грани́цы въ Менду-Га́рью Ки́рку 90 версте́ сухимъ́ путе́мъ верхо́мъ на Савита́йтуль и Сомель-Не́ми, киршпи́ли Кю́мене́горско́й провин́ціи. 6-я: до шведско́й грани́цы за Нейшлоте́мъ въ Са-вола́ксѣ́и около́ 130 версте́, на Поуце́нъ Ро́колаксѣ́ кирки́ Вир-мундѣ́-Еби́, керспѣ́ль Си́лда по Му́ли Зундѣ́ до Су́лкала́ кирки́. Сей́ кирки́ киршпелѣ́ грани́ца раздѣ́лила на двѣ́ части: одна́ полови́на оста́лась въ шведско́й, а друго́я въ наше́й сторо́нѣ́. А 7-я: чрезъ Киме́нь въ Ли́ли Аборъ-Форсѣ́ на урочи́ще Сассала́ чрезъ Рскені́юки...

(Послѣ́дній ли́стъ рукопи́си утраченъ).

ЗАПИСКИ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСѢВИЧА ЯКОВЛЕВА.

Записки Александра Алексѣевича Яковлева, умершаго въ 1835 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, заключаютъ въ себѣ любопытный разсказъ о состояніи нашихъ духовныхъ дѣлъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Авторъ самъ былъ заинтересованнымъ лицомъ въ сферѣ описываемыхъ событій, и притомъ лицомъ пострадавшимъ, а потому понятно, что разсказъ его отличается рѣзкостью тона; быть можетъ, онъ не всегда и безпристрастенъ, но нельзя, кажется, сомнѣваться въ томъ, что прямой и честная личность Яковлева вообще заслуживаетъ довѣрія. Впрочемъ, въ литературѣ нашей уже имѣется небольшой историческій трудъ, въ которомъ можно найти отчасти провѣрку и дополненія къ разсказу Яковлева, свидѣтельствующія въ пользу послѣдняго: мы разумѣемъ статью подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго“, напечатанную въ апрѣльской книжкѣ Русскаго Вѣстника 1868 г., за подписью *П. М.* (авторъ этой статьи пользовался рукописью записокъ, хранящеюся въ Чертковской библіотекѣ въ Москвѣ). Окончательнаго отвѣта на вопросъ о значеніи записокъ Яковлева, какъ историческаго источника, должно ожидать отъ дальнѣйшей основательной разработки исторіи синодальнаго управленія. Для лица, которое запишется бы подобнымъ трудомъ, предлагаемое изданіе записокъ будетъ полезно. Считаемъ долгомъ замѣтить, что текстъ записокъ печатается здѣсь по имѣвшейся у насъ копіи, съ весьма небольшими исключеніями.

А. Е.

Журналь Яковлева, бывшаго въ синодѣ оберъ-прокуроромъ съ 1-го января по 7-е октября 1803 года, и съ послѣдующими обстоятельствоми, или исповѣдь честнаго человѣка, пострадавшаго за вѣрность къ своему государю, начертанная единственно для собственнаго напоминанія.

Въ 1802 году декабря 31-го назначенъ я въ святѣйшій синодъ оберъ-прокуроромъ, при чемъ убавлено у меня 400 р. жалованья, ибо, пользуясь сряду двадцать лѣтъ по высочайшимъ указамъ императрицы Екатерины II, Павла I и нынѣ царствующаго государя 2400 руб., началъ я получать въ синодѣ и доднесъ получаю только по 2000 рублей.

Вступилъ я въ должность съ 1-го января и за первую себѣ обязанность почелъ впечатлѣть въ разумѣ моемъ высочайше данную генераль-прокурору и синода оберъ-прокурору инструкцію, ибо онѣ слово отъ слова однакія. Слѣдовало мнѣ по оной пмѣть дѣло лично съ императоромъ, безъ чего дѣла не могли идти хорошо; но остались они въ рукахъ г. Новосильцова. При первомъ шагѣ доложилъ я чрезъ него государю, что усматриваю въ синодѣ и по епархіямъ великія запущенія, требующія скорѣйшаго возстановленія порядка и правосудія, чѣмъ всеконечно тому противу себя членовъ синода навлеку ненависть и возбужду сильныя роптанія, но что я готовъ собою пожертвовать и пойду, не взирая ни на что, прямою дорогою, — почему и просилъ я какъ чрезъ г. Новосильцова, такъ и въ личномъ разговорѣ съ самимъ государемъ, чтобы въ благомъ намѣреніи моемъ онъ изволилъ меня поддержать. Изъявлены мнѣ были многократныя апробаціи и благоволенія.

При первомъ шагѣ увидѣлъ я, что по Московской синодальной типографіи, въ коей въ каждыя четыре мѣсяца обороту болѣе миліона рублей, большія злоупотребленія и казнѣ ущербы, а наипаче при возобновленіи торговъ на разныя матеріалы. Представилъ я государю на разрѣшеніе, дабы оныя торги пропзводилъ не въ Москвѣ, а здѣсь въ синодѣ. Государь повелѣлъ мнѣ объявить синоду указъ: 1-е) дабы употребить мнѣ по своему благоусмотрѣнію на синодскія надобности 2909 р., оставшихся въ синодскомъ казначействѣ, 2-е) чтобы тѣмъ торгамъ быть подъ особеннымъ моимъ пріемотромъ, для большаго соблюденія казенныхъ выгодъ, здѣсь въ святѣйшемъ синодѣ, и 3-е) что я, какъ въ спхъ, такъ и впредь въ подобныхъ случаяхъ могу поступать по лучшему усмотрѣнію моему, гдѣ только къ пользѣ службы и къ исполненію возложенной

на меня должности относиться будетъ,—при чемъ удостоился я и высочайшаго благоволенія. Начало сіе поразило всѣхъ членовъ: а наипаче митрополита Амвросія и Павла Ярославскаго, яко наиполѣе дѣйствовавшія лица въ сиподѣ; первому же типографской конторы дпректоръ, надзорный совѣтникъ Розановъ, руководствующій всѣмъ, былъ родной племянникъ.

Подаль я государю императору записку касательно ежегодныхъ остатковъ отъ суммы 1.400,000 руб., на духовный департаментъ положенной, простирающихся иногда до 100 тысячъ руб., донося, что синодъ дѣлаетъ изъ тѣхъ важныхъ суммъ большія злоупотребленія, дабы оныхъ не выпустить изъ рукъ,—раздаетъ всѣ по прихотямъ епархіальныхъ архіереевъ, яко бы на поправку архіерейскихъ домовъ и прочаго, на что по штату положена особая сумма, которою прежде умѣли они довольствоваться; что по большей части таковыя надѣленія получаютъ наиполѣе благопріятствуемые архіереи митрополитомъ; что иначе тѣ важныя суммы, обращаясь ежегодно въ особую массу, государственной казнѣ наконецъ составили бы милліоны. Тутъ же доносилъ я, что величнейшее было бы повелѣть синоду, потребовавъ изъ всѣхъ епархій вѣдомостей о неокладныхъ архіерейскихъ доходахъ, оныя рассмотретьъ, а потомъ внушить имъ, дабы изъ тѣхъ величайшихъ суммъ, кои всѣ они отдають бесполезно въ проценты, употребляли они на пощипку своихъ домовъ. Тогда же представлялъ я о нѣкоторыхъ недостаткахъ по синодской канцеляріи, о предназначаемыхъ мною по оной распоряженіяхъ, и проч. Сей планъ произвелъ въ нихъ великое потрясеніе, у государя же оный остался безъ дѣйствія.

Изъ помянутой суммы 2909 р. возобновилъ я синодскую церковь, которая до меня была совершенно запущена, но тѣмъ болѣе достойна уваженія, что она была пожалована синоду Петромъ Великимъ, находившпсь прежде съ нимъ во многихъ походахъ. Велилъ я сдѣлать живописцу Лампію въ членскую государевъ портретъ во весь ростъ, ибо въ два года царствованія Его Величества о томъ никто не подумалъ; напелъ я заброшенные на чердагѣ нѣкоторыхъ государей портреты, возобновилъ ихъ, украсилъ богатыми рамами и поставилъ всѣ въ членскую съ прочими царскими портретами,—императора же Павла I, только духовному департаменту и лично митрополиту сдѣлавшаго благодарніи, по кончинѣ Его Величества далѣе всѣхъ запрятанъ былъ, что и подало мнѣ съ самаго начала весьма дурныя о митрополитѣ мысли.

Тамъ же пашель я мѣдныхъ гравированныхъ досокъ для ти-
сненія разныхъ любопытныхъ эстамповъ, чаятельно накопившихся
со временъ Петра Великаго, всѣхъ 1716; велѣлъ пзъ ихъ ти-
снуть по экземпляру, и составивъ нѣсколько портфелей, подпосилъ
государю, прося о разрѣшеніи, дабы, награвировавъ тѣ доски, по-
зволено было печатать оными эстампы и продавать ихъ въ пользу
казны, что составило бы по прпмѣрной смѣтѣ до нѣсколькихъ де-
сятковъ тысячъ рублей; но и сіе осталось доднесь безъ дѣйствія.
Такимъ образомъ помянутые 2909 р. употребилъ я на разныя не-
обходимыя по синоду надобности.

Съ самаго начала митрополитъ, да и чиновники синодскіе, пріо-
быкшіе угождать ему, пробовали меня, чтобы подносимые на апробацію
того журналы и опредѣленія пропускалъ я къ подписанію, какъ то до
меня и дѣлалось во время присутствія въ синодѣ, слѣ-
довательно, не читавши, да тутъ же подписывалъ бы «исполнить».
Такимъ образомъ, по волѣ членовъ или по мздоимству канцеляр-
скихъ служителей можно было прибавить, перескочить и убавить
сколько бы они заблагоразсудили строкъ; но я тотчасъ зло сіе
пресѣкъ и тѣмъ съ большею строгостію разсматривалъ у себя на
дому синодскія опредѣленія, подносимыя мнѣ на апробацію, и пред-
писывалъ о немедленномъ исполненіи апробованныхъ. Все сіе во-
обще членамъ синода весьма не полюбилось.

Засталъ я, что въ синодѣ дѣла рѣшались не во старшинству,
ниже по важности оныхъ, какъ въ сенатѣ, то послалъ я оберъ-се-
кретаря въ сенатъ узнать обо всемъ подробнѣйше; велѣлъ точно
такіе же, какъ въ ономъ, слѣдлагъ всѣмъ дѣламъ реэстры, пзъ ко-
ихъ одинъ положенъ былъ на членскій столъ, другой у оберъ-
прокурора, а третій на столѣ у оберъ-секретарей; предписалъ имъ
ордеромъ въ производствѣ дѣлъ и въ выслушаніи оныхъ, кромѣ
экстраординарныхъ, наблюдать непоколебимую очередь и поря-
докъ, что весьма членамъ также не понравилось, поелику до меня
докладывались по прихотямъ членовъ и оберъ-секретарей дѣла
только тѣхъ, которые имѣли способы скорѣе купить правосудіе.

По личнымъ своимъ видамъ митрополитъ привлекалъ къ себѣ
всѣми мѣрами переписку съ министрами по дѣламъ синодскимъ,
минуя оберъ-прокурора, яко директора синодской канцеляріи, и
отсылалъ по требованіямъ тѣхъ министровъ разныя изъ дѣлъ вы-
писки, въ коихъ иногда подъ предлогомъ ошибки писца выскабли-
вали и вписывали послѣ скрѣпленія оныхъ по нѣскольку строкъ,
что мною неоднократно было замѣчено; и съ самаго начала даль

я оберъ-секретарямъ ордеръ, дабы никогда никакія бумаги скрѣплены ни ими, ни секретарями не были съ перескобленными не только строками, ниже словами; еще менѣе дерзали бы, какъ мною было замѣчено, перескабливать по нѣскольку строкъ въ опредѣленіяхъ синодскихъ, мною уже апробованныхъ, а всѣми членами подписанныхъ. А какъ не извѣстно мнѣ было, какія при отсылкѣ изъ канцеляріи митрополита могли у него дѣлаться поправки, то во избѣжаніе таковыхъ злоупотребленій, за кои самъ я могъ безвѣнно подвергнуться отвѣту, подалъ я на высочайшее благоусмотрѣніе записку, въ слѣдствіе коей чрезъ г. Новосильцова пменемъ государя объявлено всѣмъ министрамъ словесное приказаніе обо всемъ переписываться со мною, а не съ митрополитомъ; но и за симъ оная переписка до выхода моего изъ синода, по непрерывнымъ о томъ пропискамъ митрополита, большею частію изъ оныхъ продолжалась по прежнему съ ними.

Засталъ я, что почту распечатывалъ оберъ-секретарь, а не самъ оберъ-прокуроръ; и въ то же время узналъ, что присылаемыя жалобы на архіереевъ, по частнымъ архіерейскимъ къ членамъ и къ оберъ-секретарямъ письмамъ, были откладываемы въ долгій ящикъ, а иногда и вовсе нестреблемы (все сіе за деньги), что и прежде важивалось, какъ то доказываетъ прилагаемый указъ, каковыми и въ старину, когда Россія не столь еще была просвѣщена (слѣдовательно, болѣе ослѣплена на счетъ духовенства), обуздывали злодѣянія оного ¹⁾; на сей-то конецъ при докладѣ о прокурорахъ и подносилъ я тотъ указъ на усмотрѣніе Его Императорскому Величеству. Гдѣ же было приближше несчастнымъ и по епархіямъ угнетеннымъ архіереямъ, если верховное надъ ними правительство всегда покрывало священною рясою своею дѣянія, чернотою ее самую превосходящія? При томъ большая часть членовъ синода—самыя такіе же епархіальные деспоты, систему самовластія и корыстолюбія поддерживающіе. По таковымъ причинамъ и распечатывалъ я всю почту самъ, и тѣмъ открывалъ великія злоупотребленія, доносилъ о нихъ, но и сіе осталось безъ дѣйствія. Нынѣ же почта паки обратилась въ руки оберъ-секретаря Савицаго.

Между тѣмъ подсылали духовные прокупать меня деньгами; мнѣ въ нихъ всегда большая нужда, 10,000 имперіалами мнѣ бы пригодились, но я безъ нихъ прожилъ. Присылали серебро въ дѣлѣ,—въ томъ же ящикѣ поѣхало оно обратно къ тому же ар-

¹⁾ Указа этого при нашей копіи не имѣется. А. Е.

хиерееу, а я принужденъ былъ изъ своего кармана заплатить въ-совья.

Не бесполезно будетъ помянуть здѣсь, что при самомъ вступленіи моемъ въ должность, когда правила мои сдѣлались членамъ синода пзвѣстными, митрополитъ Амвросій, приглася меня къ себѣ на конференцію, увѣщавалъ быть съ нами за одно, обѣщая въ непродолжительномъ времени выпросить мнѣ чинъ, пену, столовые деньги, слѣдующую мнѣ за прежнюю службу деревню и проч., пододпль въ примѣръ всѣхъ прежнихъ мопхи-предмѣстниковъ, которые яко бы чрезъ нихъ всегда все получали. Я ему отвѣтствовалъ, что прошу его высокопреосвященство нпкогда обо мнѣ ни въ какомъ случаѣ у государя не предстательствовать, ибо получа что-либо чрезъ нихъ, буду я по благодарности болѣе принадлежать имъ, нежели государю, а какъ должность обязываетъ меня строгаише смотрѣть за исполненіемъ въ синодѣ правосудія, о чемъ я и присягалъ Его Императорскому Величеству, то и буду стараться заслужить оныя милости отъ самого государя. Тутъ же началъ онъ меня угрожать, что если я буду идти противу ихъ, то они надѣлають мнѣ по синоду столько затрудненій и столько много подадутъ причинъ входить къ государю на аппелляцію, что тѣмъ ему наскучать, и что онъ меня броситъ; что у нихъ у каждаго есть около государя пріятели, которые будутъ противу меня дѣйствовать, а что за меня едва будетъ стоять одинъ г. Новосильцевъ (котораго честныя свойства и благородный характеръ совершенно имъ, какъ и всѣмъ, пзвѣстны, и коп во все мое время въ синодѣ были единымъ мопмъ оплотомъ чистѣйшихъ мопхъ по службѣ подпговъ). Я ему отвѣтствовалъ, что принимаю сіе за шутку и то считаю непристойнымъ въ его саяѣ и лѣтахъ, и что я твердо увѣренъ въ правосудіе государевомъ. „Вы вспомните о семъ разговорѣ“, сказалъ онъ, послѣ чего разстались холодно. Обо всемъ ономъ донесъ я государю чрезъ г. Новосильцова и просилъ, во первыхъ, чтобы государь по ихъ предстательству никакими милостями меня не оскорблялъ; ибо я, не принявъ таковыхъ, подвергнусь справедливому государеву гнѣву, но что единый милостивый взглядъ его за мою вѣрную службу будетъ для меня не оцѣненъ; а во вторыхъ, чтобы, въ случаѣ будущихъ ихъ злоумышлений, Его Императорское Величество меня защитилъ, что мнѣ было и обѣщано съ пзъявленіемъ монаршаго благоволенія. Со всѣмъ тѣмъ все предсказанное мнѣ митрополитомъ со мною случилось, какъ то ниже сего будетъ пзображено.

Около того же времени пригласилъ меня митрополитъ письмомъ опять къ-себѣ на конференцію, и едва я вошелъ въ горницу, отворилъ онъ дверь въ спальную и выпустилъ оттуда Павла Ярославскаго; оба начали меня уговаривать вмѣстѣ всѣмъ, что могло польстить честолюбію мое; потомъ дошли пакн до угрозъ, примолвивъ: „Будьте съ нами, какъ предмѣстникъ вашъ; мы всегда пня его перевозосимъ; не подражайте Чебышеву и князю Хованскому; перваго мы проклинаемъ, а втораго (сказалъ Павелъ Ярославскій) упеали мы въ Симбирскъ, и едва не въ Сибирь. За указъ о типографіи теперь мы васъ простимъ, если вы впредь общаете ни въ чемъ государю не докладывать, не сприсясь насъ“ Принужденъ я былъ имъ отвѣчать, что прошеніе ихъ прийму тогда, когда попрошу онаго во грѣхахъ моихъ, но въ исполненіи должности, высочайше мнѣ ввѣренной, ни самъ я никому не прощу, ни отъ ихъ преосвященствъ онаго не принимаю. Обо всемъ ономъ разговорѣ подалъ я записку чрезъ г. Новосильцова. Въ оной изображены подробно всѣ дерзкія ихъ выраженія, даже и о самомъ государѣ.

Между тѣмъ начали митрополитъ и Ярославскій приводить въ дѣйствіе вышешюмянутыя угрозы, къ разнымъ приближеннымъ ѣздить, давать обѣды, повсюду противу меня разсѣивать клеветы, между прочимъ, яко бы имѣю я намѣреніе истребить всѣхъ монаховъ и уничтожить всѣ монастыри, поколебать церковь Божию и вкупѣ законъ христіанскій, отчего яко бы отсюду доходить до митрополита не токмо ропотанія народа, но даже будто примѣчаетъ митрополитъ въ ономъ и волненіе, что по сему предмету подпнуги были въ Невскомъ монастырѣ противу меня три письма, и тому подобныя вѣдѣности; началъ онъ писать жалобы къ г. Новосильцову—въ то время, какъ я, надѣясь на чистоту моего поведения и па единаго государя, занимался только должностію, ни въ комъ не искалъ, на поклонъ ни къ кому не ѣздилъ, едва могъ вѣрнуть всѣмъ злобнымъ ихъ противу меня пропскамъ и до тѣхъ поръ онымъ смѣялся, какъ, наконецъ, услышалъ, что митрополитъ прѣѣхалъ въ вечернее время въ наемномъ экипажѣ, на дачу къ любовницѣ одного изъ приближенныхъ къ государю, закушилъ ее и преклонилъ на свою сторону, что я и узналъ на опытъ, также и то, что митрополитъ, имѣющій болѣе 60.000 р. въ годъ доходу, не щадилъ всѣхъ своихъ способовъ къ достиженію желаемой цѣли и не токмо во всѣ стороны дарилъ свѣтскихъ особъ, но даже самихъ членовъ синодскихъ, какъ-то: Ярославскому—богатую соболью шубу, оберъ-пону Озерцовскому—то же и проч.

Не взирая на всѣ оныя плевелы, продолжалъ я мое дѣло, почему изготовилъ ордера ко всѣмъ консисторскимъ секретарямъ, которые за непмѣніемъ прокуроровъ, по существующему на то указу, исполняютъ ихъ должность, о доставленіи ко мнѣ ежемѣсячныхъ вѣдомостей о рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ. что и было чинимо по ордеру князя Хованскаго, но запущено при графѣ Хвостовѣ. Сіе намѣреніе наивяцше взволновало помянутыхъ членовъ синода, поелпку были бы тѣмъ обузданы проволочекъ, самовластныя ихъ рѣшенія и всякія неправосудія. Просили они меня убѣдительноше хотя на время тѣ ордера пріостановить, дабы, повидимому, между тѣмъ предварить епархіальныхъ архіереевъ, частію наискорѣйше очистить запутанности по многимъ дѣламъ, производившимся по нѣскольку лѣтъ. Въ семъ случаѣ рѣшился я ихъ удовлетворить; ибо, въ слѣдствіе безпрестанно дѣлаемыхъ ими внушеній чрезъ своихъ покровителей, уже мнѣ было сказано именемъ государя, чтобы я съ нимъ поступалъ тише. Не постигая, почему наблюденіемъ правосудія и всевозможною почтительношею къ членамъ наружностію навлекъ я на себя таковое приказаніе, уже почувствовалъ я руки мои для исполненія настоящаго дѣла, по долгу присяги и чести, связанными, и пылающій усердіемъ духъ мой угнѣтеннымъ, и не находя другой всему оному причины, кромѣ неудобства производить дѣла у государя чрезъ третье лицо, принужденъ я былъ подать тѣ необходимо нужные для скорѣйшаго возстановленія правосудія консисторскимъ секретарямъ ордера на апробацію къ государю, гдѣ они доднесъ остались безъ дѣйствія, а страждущіе отъ проволочекъ и неправосудій въ консисторіяхъ остались доднесъ страждущими.

Его Императорское Величество, въ знакъ своего благоволенія, пожаловалъ мнѣ камергерскій ключъ, но внушенія, дабы я поступалъ тише, не преставали продолжаться. Сіе доводило меня до отчаянія; ибо, чувствуя, что поступаю я во всемъ законно и справедливо, рѣшился я, сколько было моею возможностью для пользы службы не падить и собственнаго иждивенія. Понравилась у меня митрополиту Рубенсовой работы Богоматерь, стоящая 1,000 руб.; тотчасъ я ему оную подарилъ; она у него и доднесъ виситъ на стѣнѣ, но онъ за то сталъ не тише. Дарилъ я нѣкоторыхъ и изъ своихъ подчиненныхъ, дабы привлечь къ себѣ ихъ любовь, возбудить вѣрность по службѣ, узнавать чрезъ нихъ ключъ департамента, мнѣ ввѣреннаго; ибо сначала не имѣлъ я еще объ ономъ хорошаго понятія, но все сіе пошло втунѣ. Всякъ можетъ сообра-

зять, легко ли мнѣ было при слабомъ кредитѣ моемъ открывать сокровенныя пружины мрачныхъ дѣяній духовенства; узнавать мою должность ока государева, обязаннаго все пронизать, не останавливая теченія дѣлъ, возстановлять правосудіе, удерживать со всѣхъ сторонъ расточеніе государевой казны и проч., и въ то же время обороняться противу ядовитыхъ стрѣлъ духовенства, и наконецъ, храня правду и законъ, слышать ежедневно сообщаемыя мнѣ г. Новосильцовымъ высочайшіе выговоры, уже и съ угрозами, коихъ я не заслуживалъ, и видѣть за вѣрность къ государю приближающееся паденіе. Почувствовалъ я, что отъ того здоровье мое очевидно разстроилось; уже лишился я сна и аппетита; однако до послѣдняго часа исполнял мой долгъ, по мѣрѣ малыхъ моихъ способовъ, съ одинаковою твердостью духа.

Имѣлъ я счастье представить государю императору докладъ о необходимости учредить въ консисторіяхъ прокуроровъ, доказавъ, что сужденіе епархіальныхъ архіереевъ въ консисторіяхъ неограниченно самовластно; что изъ всѣхъ странъ Россіи получалъ я на ихъ жалобы отъ людей, ими притѣсненныхъ; что всѣ сужденія ихъ основаны на мздоимствѣ; что, даже пріемля на себя самодержавную власть, подписываютъ они на резолюціяхъ „быть по сему“ или опредѣленія консисторскія, буде имъ не по мысли, вовсе истребляютъ; что опредѣленіе и отрѣшеніе членовъ и секретарей консисторскихъ синодомъ дѣлаютъ по ихъ произволу, а потому архіереи и поступаютъ съ просителями и рѣшаютъ ихъ судьбы, яко совершенно деспоты; что, между прочимъ нарушеніями Духовнаго Регламента, пострігаютъ они обоюга пола въ монашество иногда и противъ воли, но всегда людей незаконныхъ лѣтъ, часто въ ребячествѣ,—все сіе по личнымъ ихъ видамъ, доставляя въ синодъ ложныя справки о лѣтахъ представленныхъ къ постриженію, за вѣрность коихъ слѣдовало бы по закону отвѣчать консисторскимъ секретарямъ, что я намѣренъ былъ возстановить. Но все сіе, по прояскамъ членовъ, осталось у государя безъ дѣйствія, хотя въ подкрѣпленіе помянутаго доклада и подносилъ я при ономъ нѣкоторые важныя прежнихъ государей указы, о чемъ выше сего помянуто, коими неоднократно наказанъ былъ синодъ за его обманъ, и наипростѣе подтверждено ему быть правосудіе и уважать оберъ прокурора.

Предлагалъ и синоду о напечатаніи метрическихъ книгъ, дѣбъ, во первыхъ, избѣгнуть ошибокъ при линеваніи оныхъ и купити самопроизвольныхъ за таковыя поборовъ, обращающихся въ отяго-

щеніе гражданъ; во вторыхъ, продавая тѣ печатныя книги, употребляютъ выручаемую за оныя сумму на пенсіоны престарѣлымъ типографскимъ служителямъ, которые, по несуществованію никакого на нихъ статнаго положенія, подъ старость не имѣютъ дневнаго пропитанія. Но синодъ, желая поддержать прежній свой доходъ, и сіе отложилъ въ долгій ящикъ.

Между прочимъ синодъ, по обыкновенію своему, представляетъ на открывающіяся архіерейскія и архимандритскія вакансіи кандидатовъ, не наблюдая очереди; замѣщаетъ оныя молодыми, иногда неучеными, а наиболѣе покровительствуемыми митрополитомъ архимандритами, часто произшедшими изъ архіерейскихъ келейниковъ или любимцевъ, что въ мое время самимъ государемъ было замѣчено при представленіи кандидатовъ на Вологодскую епархію; нѣкоторыхъ же изъ оныхъ отрѣшаютъ самовластно безъ просьбы и безъ вины и перемѣщаютъ изъ третьеклассныхъ въ первый классъ, мимо втораго, а иногда прямо изъ простыхъ монаховъ, мимо заслуженныхъ архимандритовъ, что противно Регламенту и узаконеніямъ. Желая удержать ихъ отъ сего злоупотребленія, испрашивалъ я высочайшаго указа, подтверждающаго прежніе—о наблюденіи, при представленіи въ архіереи и при помѣщеніи на вакансіи архимандритовъ, старшинства ихъ, чѣмъ присѣлись бы пристрастныя производства и отрѣшенія; но и сіе осталось безъ дѣйствія, а тѣ перемѣненія доднесь существуютъ.

Узнавъ я, что члены синода, желая всегда поставить въ зависимость свою даже и чиновниковъ синодской канцеляріи, по личнымъ своимъ видамъ не по чинамъ въ сенатъ списки до тѣхъ поръ, что выше, сверхъ узаконеннаго трехлѣтняго срока, находились въ однихъ чинахъ по пяти и по шести лѣтъ, почему я и испрашивалъ высочайшаго повелѣнія о препровожденіи списки объ оныхъ прямо отъ себя къ генералъ-прокурору, ибо вся канцелярія отъ того стеснала; но и сіе постановленіе осталось по прежнему. Почему я и принужденъ былъ предложить апробованныя мною списки синоду, который по злобѣ на меня и въ униженіе моего званія опредѣлилъ оныя за мною повѣрять подчиненному мнѣ оберъ-секретарю, о чемъ и было мною донесено государю императору, но осталось безъ дѣйствія.

Вздумали члены опредѣлять и отрѣшать конспсторскихъ секретарей не синодомъ, какъ то повелѣно указами, а по собственному произволу епархіальныхъ архіереевъ, дабы тѣмъ болѣе держать ихъ въ своей зависимости, и въ конспсторіяхъ, вмѣсто членовъ

половину пзъ бѣлаго, а другую пзъ чернаго духовенства, какъ то узаконено, употребляли и доднесь употребляютъ большую часть пзъ чернаго духовенства своихъ креатуръ, самп собою безъ синода. И сіе я хотѣлъ поставить въ законный порядокъ, но и то доднесь остается по прежнему.

На объявленные мною высочайшіе указы, сообщаемше чрезъ г. Новосильцова, который одинъ имѣлъ право по сеѣ части докладывать, митрополитъ выхаживалъ чрезъ г. Троицкаго указы, опровергающіе первыя, какъ-то: государь императоръ повелѣлъ чрезъ меча, дабы консисторскихъ секретарей опредѣлять на основаніи прежнихъ высочайшихъ узаконеній, митрополитъ послѣ выходилъ указъ чрезъ г. Троицкаго вопреки перваго, въ слѣдствіе чего повелѣно было рассмотреть сіе обстоятельство ему же, г. Троицкому, который во мнѣніи, къ государю доставленномъ, меня обвинилъ въ объявленіи яко бы неосновательнаго указа, объявленнаго мною не самимъ собою, но по высочайшему повелѣнію и теперъ при дѣлахъ оберъ-прокурорскихъ находящемуся.

Синодъ по прежней привычкѣ, въ удовлетвореніе личной вражды митрополита Амвросія, лишилъ самопроизвольно безъ вины и безъ просьбы Тотемскаго игумена Израиля мѣста. Неправосудіе сіе дошло до государя; повелѣнъ указомъ синоду какъ тому игумену возвратить, со всѣми его правами, прежнее мѣсто. Но синодъ вопреки высочайшаго указа, желая чѣмъ-либо того честнаго и престарѣлаго мужа узавить, далъ резолюцію, дабы представить въ нему, подъ видомъ помощника, надежнаго пзъ монаховъ. А какъ я сдѣлалъ на то имъ замѣчаніе, то митрополитъ отъ резолюціи своей отперся, не смотря на возраженіе оберъ-секретаря и секретаря, кои предположенное опредѣленіе синода было уже скрѣплено.

Въ вѣщшее доказательство неудобства производить дѣла государя чрезъ третьяго послужить слѣдующее одно пзъ многихъ обстоятельствъ: При предметникѣ моемъ пропало изъ синодскаго книжнаго магазина книгъ слишкомъ на 20,000 р. Члены синода, дабы не обнаружатъ своей вины, чрезъ одного пзъ чиновниковъ, имъ преданныхъ, уговорили нѣкоего коллежскаго совѣтника Сорогина подать въ синодъ просьбу, яко бы о желаніи его купить на 20,000 р. книгъ, на каковую сумму положилъ онъ въ синодскую кассу ломбардный билетъ слишкомъ въ 20,000 р.; вскорѣ потомъ велѣли ему подать другую просьбу, что будто нашелъ онъ у большей части мномо купленныхъ пмъ книгъ листы растерянные, пныя книги сгнившими и безъ начала и конца,—почему синодъ, будто

И отдѣлъ.

7

руководствуясь правосудіемъ и человѣколюбіемъ, простилъ ему большую половину тѣхъ денегъ, присвоивъ себѣ право, единой только самодержавной власти принадлежащее, а для заплаты остальной суммы принялъ въ синодскую канцелярію нѣкоего чиновника и положилъ ему чрезъ оберъ-прокурора жалованье, оставляя его безъ всякой должности, съ тѣмъ только, чтобъ причслить жалованье его въ уплату Сорокина долгу. Всѣ сіи поступки синода, или лучше сказать, митрополита Амвросія ясно можно видѣть въ дѣлѣ, и теперь въ синодѣ существующемъ. Еслибъ я по званію моему могъ тогда лично о семъ дѣлѣ доложить государю, всеконечно, сіе одно пзобличило бы всѣ лукавыя дѣянія помянутаго митрополита; но принужденъ я былъ о томъ подать записку государю чрезъ г. Новосильцова, по коей до самаго моего увольненія не послѣдовало никакой резолюціи, которая при вступленіи въ должность пріемника моего князя Голицына по его представленію немедленно вышла, и синодъ былъ наказанъ, о чемъ ниже сего будетъ изображено.

Возложено было на меня нѣкоторое порученіе по высочайшему повелѣнію государемъ цесаревичемъ, съ тѣмъ, чтобъ хранилъ оно въ тайнѣ, на каковой конецъ приказано отъ меня было по секрету сдѣлать, какъ по синоду, такъ и по земной канцеляріи, нужныя справки, которыя въ синодѣ и сдѣланы немедленно и скромно. Но митрополитъ, узнавъ чрезъ канцелярскаго секретаря о существѣ справокъ, велѣлъ архивъ запечатать въ нарушеніе права оберъ-прокурора, яко ока государева, долженствующаго вездѣ по духовному департаменту за всѣмъ смотрѣть и имѣющаго право всякое дѣло потребовать къ себѣ и распространять на все вліяніе свое, и не смотря на внушеніе съ моей стороны, что я дѣйствую по высочайшему повелѣнію, цесаревичемъ великимъ княземъ объявленному. Онъ мнѣ сказалъ, что его высочество объявилъ мнѣ указъ ложно, и что опъ везетъ въ синодъ предложеніе, коимъ все то дѣло намѣренъ учинить гласнымъ. Истоцалъ я всѣ силы, чтобы его отъ онаго отвратить; наконецъ не иначе согласился опъ отступить то дерзкое свое предложеніе, какъ взявъ съ меня честное слово, что въ архивѣ его канцеляріи справки дальнѣйшихъ чинить я не прикажу, на что я согласился, надѣясь тѣмъ предвартъ гласность дѣла, долженствовавшая оставаться въ тайнѣ, но былъ имъ обманутъ, ибо въ тотъ же день узнали обо всемъ членъ синода, и митрополитъ поѣхалъ повсюду объ ономъ разгласить, сказавъ потомъ мнѣ, что будто я же сіе сдѣлалъ по го-

роду всѣмъ извѣстнымъ. Обо всемъ ономъ неистовствѣ доносили я тогда же Его Величеству, но и то осталось безъ дѣйствія.

Между прочимъ митрополитъ по кротости моего предмѣстника держалъ въ Невскомъ монастырѣ двухъ синодскихъ курьеровъ, не имѣя на то никакого права; одного употреблялъ онъ яко ординарца, другой исправлялъ домашніи должности у архіерея Грузинскаго, что несообразно было съ ихъ сапомъ и вообще противно высочайшимъ узаконеніямъ, конхъ по должности моей былъ я блюстителемъ; а какъ по дошедшей ко мнѣ отъ одного изъ нихъ жалобѣ о худой пищѣ и о дурномъ содержаніи въ монастырѣ, я перевелъ его въ синодъ, а другаго переименовалъ (по собственному его желанію и по письменной просьбѣ Грузинскаго архіерея, отъ коей послѣ онъ отрекся), въ статскій чинъ и приказалъ чрезъ экзекутора остаться оному въ монастырѣ при митрополитѣ и Грузинскомъ архіереѣ, то за сіе злобясь на меня, митрополитъ далъ синоду предложеніе, дабы экзекутора отдать подъ судъ, будто за опущеніе нѣкоторыхъ титуловъ ихъ въ приказѣ его къ курьеру.

Павель Ярославскій, который всегда былъ въ открытой враждѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ, залучивъ меня къ себѣ, уговаривалъ дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ, дабы онаго изъ синода удалить, а ему заступитъ его мѣсто и быть всегда со мною во всемъ за одно, но, получа отъ меня отказъ и увѣреніе, что я къ нимъ имѣю отвращеніе, за то на меня озлобился, и опасаясь, чтобы то не дошло до митрополита, кинулся къ нему, вооружилъ его противъ меня болѣе прежняго, и оба условились на другой день пригласить всѣхъ членовъ въ Сергіевскую пустынь на обѣдъ, дабы тутъ общими силами сдѣлать противу меня сильный ударъ. Тамъ перепились всѣ до пьяна, сочинили и подписали они вздорную къ государю жалобу, кою митрополитъ на другой день при своемъ письмѣ отправилъ къ г. Новосильцову, прося у государя назначить время, дабы онъ могъ самъ приехать на меня лично яко бы важную жалобу ¹⁾. На все оное чрезъ г. Новосильцова сообщено ему: „что государь императоръ допуститъ его къ себѣ съ жалобою на меня не благовольтъ, и что, рассмотря ихъ бумаги, высочайше

---

¹⁾ Платъ сей предлагалъ мнѣ оберъ-секретарь Пукаловъ (въ чемъ онъ мнѣ въ послѣдствіи самъ признался), и при ономъ внушилъ мнѣ членамъ синода, что по одпочкѣ низвергнуть оберъ-прокурора имъ будетъ невозможно, но чтобы для достиженія сей цѣли подали они государю императору на него жалобу отъ всего синода, каковой платъ они съ успѣхомъ исполнили.

повелѣлъ объявить имъ, что если они имѣютъ протпву меня законныя и основательныя причины, то бы оныя отъ всего синода представили; тогда государь императоръ разсмотритъ ихъ безпристрастнымъ и правосуднымъ окомъ“.

Въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ стѣзжался члены синода ежедневно, дабы придумать и подвести какія-либо законныя, по высочайшему повелѣнію требуемыя причины. Не находя оныхъ, начали они по вышепомянутому митрополитову мнѣ представленію по синоду запутывать всѣ дѣла, не подписывать журналовъ, затѣвать фальшивыя на имянные указы толкованія и проч., въ томъ увѣреніи, что долгъ мой до того ихъ не допускать.

Около жъ сего времени митрополитъ, призвавъ къ себѣ одного изъ священниковъ моего прихода, увѣщевалъ подать на меня къ нему же какой-го вздорный доносъ и внушалъ повсюду имя мое марать и разсѣвать протпву меня клеветы, за что обѣщавъ ему сдѣлать великія милости. Но тотъ священникъ, на сіе никакъ не согласясь, пришелъ тайно меня о такихъ злонамѣреніяхъ предупредить.

Нерѣдко случается, что митрополитъ въ самомъ присутствіи въ синодѣ, по привычкѣ своей къ бодливости прерывая чтеніе дѣлъ, запымается не токмо вздорнымъ, но даже непрстойщичи и любопытными разговорами, пзъ коихъ нные доходили до самого государя, поелику онъ пзволялъ у меня спрашивать, точно ли то бываетъ, и даже приказавъ мнѣ нѣкоторый митрополитовъ разговоръ пересказать себѣ слово отъ слова.

Усмотрѣвъ я, что немало способствовало несправедливости и разнымъ злоупотребленіямъ незнаніе гражданъ о точныхъ предѣлахъ власти духовенства, которые ясно поставлены въ Духовномъ Регламентѣ,—почему дабы распространить въ народѣ чтеніе той книги, доселѣ на славянскомъ языкѣ и церковными литерами печатанной, испрося на передъ высочайшее соизволеніе, предложилъ я синоду—велѣтъ вновь напечатать Духовный Регламентъ гражданскими литерами. Всякъ легко вообразить, сколь сія выдумка моя не понравилась. Долго они протпву сего боролись, но должно было согласиться, пбо предложеніе было дѣльно и подкрѣплено высочайшею волею, и теперь Духовный Регламентъ всѣ читаютъ съ удовольствіемъ и съ большою пользою, за что я и получилъ отъ многихъ свѣтскихъ людей благодаренія.

Сія мысль подала мнѣ другую, еще важнѣйшую—напечатать, переведа по русски, всю Библию, также гражданскими литерами,

совѣтовался я объ ономъ съ нѣкоторыми первѣйшими особами, въ тория не токмо намѣреніе мое апробовалъ, но и просилъ меня убѣдительно скорѣе привести оное къ исполненію. Докладывалъ я о томъ государю, и онъ изволилъ отозваться, что если синодъ не найдетъ въ томъ противнаго, то онъ съ своей стороны не позволитъ воспрепятствовать. Но когда я сталъ объ ономъ сношаться съ митрополитомъ, то онъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не согласился, не найдя однакожъ много опроверженія противу моихъ доводовъ, едипственно клонящихся къ пользѣ и просвѣщенію народному, какъ только, что самое то мистическое состояніе Библіи, противу котораго я предпринималъ ¹⁾, есть необходимѣйшее для народа, который, говорилъ онъ, подъ видомъ откровенности непремѣнно нужно содержать въ ослѣпленіи, чѣмъ онъ явно отвергалъ святую истину сего Богомъ вдохновеннаго Священнаго Писанія. Такимъ образомъ и сіе полезное мое намѣреніе осталось втунѣ ²⁾.

Между прочимъ, вотъ еще черта характера сего архиепископа. Иркутскій генералъ-губернаторъ просилъ меня именемъ всей той страны представлять, какъ у государя, такъ и въ синодѣ, чтобъ чудотворныя мощи Иннокентія Иркутскаго были открыты, поелку всѣ тамошніе народы имѣютъ великую къ онымъ вѣру—прибѣгаютъ большими толпами и дѣлаютъ зватныя подаянія, пзъ вонхъ уже выстроены монастырь и нарочитыя вокругъ его зданія. Его Императорское Величество изволилъ мнѣ изъявить на то свое согласіе, также если синодъ не найдетъ чего-либо противнаго. И митрополитъ сначала самъ было со мною въ томъ согласился, но вскорѣ послѣ, разсердясь на меня по другому обстоятельству, свое рѣшеніе отмѣнилъ... Признаюсь, что я съ ужасомъ открывалъ ежедневно на счетъ его глаза. Потомъ, чрезъ нѣсколько времени, сказалъ онъ мнѣ, дабы отдѣлаться отъ монаховъ настоящихъ, что узналъ

¹⁾ То есть, непонятность языка. *А. К.*

²⁾ Время однакожъ оправдало сію боговдохновенную мысль своимъ событіемъ. Но честь начала въ томъ—не на Россію, а на Англію. Распространившіяся библейскія общества по всему лицу земли, имѣющія ту же цѣль, съ каковою и я предлагалъ русскому монарху, возникли и во всей Россійской имперіи, съ тою разницею, что мысль сію, толкну монарху и всѣмъ любезную, приписываютъ съ 1810 г. Англіи, а не русскому патриоту, предлагавшему оную въ 1803 г., то есть, за семь лѣтъ прежде, какъ будто потому, что произведенія англійскихъ фабрикъ предпочитаютъ русскимъ. Увы, любезное отечество, вздыхая болѣе о всѣхъ, пежели о себѣ!

онъ по частнымъ извѣстіямъ, яко бы тѣ мощи (которыя однакоже 80 лѣтъ пролежали невредимы) начали измѣняться и чернѣть...

Многіе знаютъ, что сей же митрополитъ, по извѣстному дѣлу Баташева, за опроверженіе законнаго брака жены умершаго брата Баташева взялъ съ сего послѣдняго на свою долю около ста тысячъ рублей... Таковыя поступки не смѣлъ и не открытъ, докладывалъ объ оныхъ государю чрезъ г. Новосильцова, но все сіе покрыто молчаніемъ. Впрочемъ вся синодская канцелярія о семъ вѣдаетъ...

Павель Ярославскій, ни чѣмъ не лучше перваго, также мстительнъ, корыстолюбивъ, приверженъ къ разнымъ порокамъ, какъ и митрополитъ. Но первый неуменъ, малоученъ, легкомысленъ, расположенъ къ мягкосердію и огроченъ даже до болтливости; второй—чрезвычайно золъ, скрытенъ, упрямъ, лукавъ, уменъ, многосвѣдущъ, а напаче въ приказныхъ ябедахъ...

Архіепископъ Иринеи Псковскій, человекъ добрый, ежедневно нетрезвый... Всегда все подписывалъ не читавши, по приказанію митрополита, съ тѣмъ только, чтобъ не мѣшалъ ему пользоваться покойною жизнію и доставлялъ бы ему пенсію¹⁾.

Архіепископъ Грузинскій Варлаамъ, пресмыкающійся въ Невскомъ монастырѣ на хлѣбахъ у митрополита, не иное что есть, какъ безмолвное лицо, которое митрополитъ посадилъ членомъ и возилъ съ собою въ синодъ, дабы имѣть, вмѣсто одного, два голоса. Сей жалкій человекъ, во все мое время въ синодѣ, ни единого раза по дѣламъ не отверзалъ устъ своихъ. Можетъ быть, на грузинскомъ языкѣ онъ и умнѣе, но на русскомъ всегда подпisyваетъ слѣпо, не читавши, все, что прикажетъ митрополитъ.

Оберъ-полкъ Озерецковскій, лукавый и наглый пошль, племянникъ митрополиту, кромѣ родства и другихъ личныхъ видовъ, исполняетъ во всемъ волю митрополита,—первое для того, чтобъ онъ оставилъ у него, по прежнему, въ полной зависимости армейскую семинарію, которая ему приноситъ доходу не менѣе хорошей епархіи, а второе, дабы онъ его втеръ въ придворныя духовники, съ тѣмъ чтобъ современемъ обработать обоюдными силами ухщренныя пхъ предпріятія²⁾.

¹⁾ Который онъ ему за подписаніе противу меня ложныхъ жалобъ, по выходѣ моемъ изъ синода, чрезъ преемника моего и не прпминулъ доставить, какъ и Озерецковскому въ прибавку, сверхъ жалованья, квартирные деньги.

²⁾ Въ послѣдствіи же митрополитъ Амвросій, поссорясь съ онымъ оберъ-

Духовникъ отецъ Исидоръ, добрый и глупый человекъ, всѣмъ извѣстенъ за самаго горькаго пьяицу, ни въ чемъ противу митрополита спорить не смѣетъ и все подписываетъ, что онъ ни прикажетъ, кромѣ тѣхъ дней, въ которые, забывъ Бога суша и предавшись Бахусу, лишень онъ движенія рукъ и ногъ.

Насилу чрезъ три мѣсяца собрались они за общимъ подписаніемъ подать государю яко бы требуемую имъ на меня на законномъ основаніи жалобу. Присланъ ко мнѣ по высочайшему повелѣнію запросъ, въ четырехъ пунктахъ состоящій: 1) что яко бы опредѣлилъ я въ синодѣ статнаго секретаря самъ и самъ же вскорѣ потомъ уволилъ; 2) въ нѣкоторую консисторію опредѣлилъ я секретаря самъ и самъ же его уволилъ; 3) запрещаю приказанія ихъ записывать въ журналы; и 4) употребляю при своей канцеляріи синодскаго протоколнста.

Въ объясненіи моемъ отвѣчалъ я, что статнаго секретаря опредѣлилъ я не самъ, а по просьбѣ митрополита,—синодъ и уволилъ, онъ же и опровергнулъ ихъ ложь приложенными за ихъ собственнымъ подписаніемъ опредѣленіями. Вторую неправду опровергнулъ я таковымъ же, третью—оригинальнымъ рапортомъ протоколнста, коимъ доносилъ онъ мнѣ въ свое время, что нѣсколько разъ возилъ онъ къ нимъ тѣ журналы для подписанія, но они подписывать ихъ не хотѣли. Сіе-то и значило исполненіе вышеупомянутыхъ запутанностей, коими митрополитъ сначала мнѣ угрожалъ наскучить государю и тѣмъ ополчить Его Величество противъ меня. Четвертое протоколнста употребилъ я въ своей канцеляріи потому, что онъ мнѣ человекъ надежный, который исправлялъ всѣ дѣла, идущія отъ меня къ государю, и потому что прочихъ изъ моей канцеляріи старался они подкупить, дабы все знать заранѣе. Впрочемъ оберъ-прокуроръ, яко директоръ синодской канцеляріи, имѣетъ право, по удостоенію своему, употреблять у оберъ-прокурорскихъ дѣлъ всѣхъ чиновниковъ безъ изыятія.

Въ то же время, по приказанію митрополита, оберъ-попъ Озерцовскій подалъ отъ себя чрезъ г. Новосильцова государю жало-

священникомъ, уговорилъ сочленовъ своихъ поступить и противу него по вышеупомянутому испытанному плану оберъ-секретаря Пукалова. Всѣ члены синода подписали въ видѣ журнала лживельную къ государю императору на него жалобу, испрашивая также, какъ и о бывшемъ оберъ-прокурорѣ, дабы его изъ синода исключить. Узнавъ о семъ заговорѣ, оберъ-священникъ Озерцовскій претерпѣлъ ударъ и вскорѣ отъ него умеръ.

бы, яко бы запрещаю я подавать синоду къ слушанію рапорты его объ опредѣленіи въ полки священниковъ, отъ чего будто, по жалобамъ полковыхъ шефовъ, останавливались всѣ церковныя требы. Во всемъ ономъ ссылаю оны на приватный разговоръ съ синодскимъ секретаремъ, производившимъ тѣ дѣла. Въ слѣдствіе сей хитросплетенной жалобы уже не объясненіе съ меня потребовано, но сообщенъ чрезъ г. Новосильцова высочайшій выговоръ, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ впредь сего не чинить. Легко мнѣ было и въ семь оправдаться, ибо я сослался на самаго жъ того секретаря, который подъ клятвою увѣрялъ меня— некогда и похожаго на сіе попу Озерецковскому не сказывалъ, но что оны готовъ подъ присягой объявить, что, напротивъ, многократно отъ меня ему было подтверждаемо о такихъ священникахъ докладывать синоду безъ очереди; но оправданіе мое пошло поздно: я уже былъ безвѣнно наказанъ.

Среди всего вышепомянутаго, многократными отъ меня чрезъ г. Новосильцова отношеніями доказывалъ я Его Императорскому Величеству не токмо невѣнность мою по всѣмъ дѣламъ, вѣрность и непоколебимую неустрашимость противу злоумышленій, паче всѣхъ Амвросія, но ощутительнѣйше и неоспоримо пзобличалъ я всѣхъ ихъ покушенія обмануть и прогнѣвать на меня государя и предлагалъ легчайшимъ и вѣрнѣйшимъ способомъ все сіе прекратить— внушеніемъ со стороны Его Величества, чрезъ г. Новосильцова, синоду или митрополиту, дабы они настояція дразги всѣ прекратили и не останавливали бы теченія дѣлъ предпріятіями, недостойными ни ихъ сана, ни вниманія государева, уважая въ лицѣ обер-прокурора, самимъ государемъ избраннаго, довѣренную со стороны государя императора по духовному департаменту особу. Но не знаю, оставалось ли у Его Императорскаго Величества среди важнѣйшихъ дѣлъ довольно времени и терпѣнія, прочитывая безпредѣльщія лжи клеветниковъ, прочесть и оправданіе невѣпнаго, ибо уже отъ часу болѣе усугублялись внушенія и угрозы, чрезъ г. Новосильцова по высочайшему повелѣнію мнѣ сообщаемыя, дабы я поступалъ съ ними тише и ихъ не прогнѣвлялъ. Но невозможно мнѣ было толпко генеральныя и словесныя повелѣнія приложитъ къ какому-либо дѣлу и дать имъ какой-либо существенный смыслъ, вопреки моеѣ инструкціи и коренныхъ законовъ, послыку по дѣламъ я былъ чистъ, по поведенію моему ни предъ государемъ, ни предъ нимъ ни въ чемъ не виноватъ, а слѣдовалъ только собственному государеву повелѣнію, непоколебимымъ узаконеніямъ высочайшихъ

предковъ Его Императорскаго Величества и непреоборимымъ правилами честности.

Подаль я государю императору два рапорта, о сдѣланномъ мною, по вышепомянутому плану моему высочайше подтвержденному, двухсотъ тысячъ руб. при торгахъ на одну только бумагу приращеніи, которое неоспоримо доказывается балансомъ, на математической истинѣ основанномъ. Но и тутъ митрополитъ съ злоумышленниками своимъ покушался сдѣлать мнѣ вредъ, призывалъ къ себѣ секретаря Журихина, производившаго то дѣло, и келейно уговаривалъ его всѣми мѣрами составить ему такую смѣту, которою бы могъ митрополитъ доказать, что не приращенія 200,000 р., но убытка 50,000 р. казнѣ я причинилъ. Оный секретарь, извѣщая въ невозможности превратить бѣлое въ черное, тотчасъ пришелъ о злонамѣреніи семъ мнѣ отрапортовать, о чемъ едва я успѣлъ доложить государю чрезъ г. Новосильцова, какъ на другой же день прислана отъ митрополита, за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ, нелѣпая смѣта, надъ которою они всѣми силами пачкали цѣлую ночь и пстошали всѣ свои мѣры, дабы опровергнуть ясности истинны математической мрачными ихъ хитросплетеніями. Но все то было все, ибо государь императоръ ясно усмотрѣть позволилъ какъ ихъ злыя намѣренія, такъ и неоспоримость плодовъ моего усердія. Хотя слѣдовала мнѣ по статуту перемѣна степени ордена св. Владимира, но пожалована мнѣ табакерка въ 5000 руб. съ вензелемъ. Двумъ купцамъ подторгщикамъ, во время торговъ мною подставленнымъ, пожалованы были въ награды вещи, и чрезъ г. Новосильцова отъ государя имъ объявлено было благоволеніе за усердіе. Канцелярія моя, по представленію моему, также была всемплостивѣйше награждена; пожаловано на опуху, для раздачи по моему усмотрѣнію, 5000 р., инымъ чины, а о секретарѣ Журихинѣ, по представленію моему къ ордену св. Владимира, повелѣно сослать въ думу ордена, который онъ въ послѣдствіи и получилъ, тѣмъ съ меньшимъ затрудненіемъ, что члены, забывъ опроверженія свои, подписавши въ мое время государю, и не смѣя при преемникѣ своемъ затѣвать раздоровъ, общимъ ихъ опредѣленіемъ приращеніе, мною сдѣланное, въ вѣдѣніи въ печать самъ подтвердилъ. Тутъ предложено было мнѣ вмѣнемъ государя чрезъ г. Новосильцова тѣло стать секретаря съ мѣстомъ товарища министра удѣловъ. Не могъ я воспользоваться симъ предложеніемъ, не спесясь съ г. Трошчинскимъ. Поѣхалъ я къ нему. Взялся опъ тотъ же день по сему предмету объясниться съ госу-

даремъ. По возвращеніи изъ дворца объявилъ мнѣ, что государь послалъ было его самого писать указъ о вышепомянутыхъ предложеніяхъ, приговоривъ, что онъ на сплу могъ остановить государя, испрося позволенія справиться, кто былъ старѣе въ чинѣ—г. Оленинъ (старшій удѣльнаго департамента совѣтникъ) или я. Толковалъ онъ сей поступокъ въ мою пользу, но между тѣмъ присовѣтовалъ мнѣ отъ товарищества его отрещись. По сему замѣтивъ его на то неблаговоленіе, и пзъявилъ я письмомъ къ государю чрезъ г. Новосильцова желаніе мое получить только титулъ статсъ-секретаря.

Тотъ день былъ докладной г. Троицкаго, и онъ по сему обстоятельству не преминулъ еще объясниться; государь изволилъ ему отвѣчать, какъ то онъ мнѣ сказывалъ: „Хорошо, я прикажу Новосильцову“. Просьбы объ увольненіи я не подавалъ; но когда г. Новосильцовъ сказалъ мнѣ, что государь изволилъ заботиться, какимъ бы образомъ перевести меня безобидно изъ мѣста въ другое, не менѣе важное, тогда отвѣчалъ я, только по скромности, что Его Величество, имѣя обо мнѣ доброе мнѣніе, можетъ, уволивъ меня изъ синода, впредь до назначенія къ другой должности всегда замѣнить оную выгоднѣйшимъ мѣстомъ. Посему на другой день по словесной и потомъ письменной моей о томъ просьбѣ, и какъ выше указано, съ милостію я былъ отъ мѣста уволенъ, — сказано: спусходя на мою просьбу впредь до назначенія къ другому съ полнымъ жалованьемъ; но какъ будто въ жесточайшее мнѣ оскорбленіе, въ одинъ день со мною рѣшилась судьба злопамятовавшихъ на меня и толпою еще безповиновавшихъ государя членовъ синода. Павелъ Ярославскій получилъ имянной указъ отправиться немедленно въ свою епархію. Оберъ-секретарь Пугаловъ, сказывающъ, за пропуски его и издомство линась въ синодѣ мѣста, отосланъ въ герольдію ¹⁾). Митрополитъ, какъ я слышалъ, допущенъ былъ къ государю и имѣлъ соразмѣрное поступкамъ его поученіе, и прочіе члены синода тоже.

Приписывая помянутыя неприятыя со мною происшествія какому либо недоразумѣнію, просилъ я неоднократно письменно г. Новосильцова объяснить государю императору, колко я былъ оскорбленъ въ ономъ мѣстѣ за очевидную и извѣстную государю вѣрность мою, что послѣ помянутыхъ предложеній мнѣ отъ самого

¹⁾ О каковомъ его наказаніи, по его просямъ, опубликовано въ газетахъ вмѣстѣ съ моимъ увольненіемъ.

государя, чрезъ одну ночь я не успѣлъ вмѣсто награжденій заслужить той непріятности, но получилъ только въ отвѣтъ, что государь императоръ не имѣлъ намѣренія меня оскорблять, но успокоить, разведи съ членами синода, кои имѣли явную на меня вражду, и что онъ находитъ справедливымъ дать мнѣ хорошее мѣсто и проч. Съ тѣхъ поръ враги мои, употребляя доднесъ свои противу меня орудія, не токмо охладили государя на счетъ мой, но возбудили на меня и неблаговоленіе Его Величества, ибо остаюсь я доднесъ безъ мѣста; государево со мною прежнее мпlostивое обращеніе переизмѣнилось въ отдаленіе и даже въ холодность.

Я надѣюсь, что не безъпзвѣстно было государю и то, что предложено мнѣ было поставщикомъ бумаги 100,000 р., еслибъ я согласился заключить съ нимъ контрактъ по прежнимъ цѣнамъ,—кавовую сумму и предлагалъ я г. Новосильцову, въ доказательство честности моей, взявъ поднести самому же государю или отдать на богоугодныя дѣла, и отъ коей отрекшись, сдѣлалъ казнь вышепомянутое важное приращеніе, гдѣ никогда и ожидать онаго было невозможно,—хотя нѣкоторыя особы, желая уменьшить достоинство моего подвига, и покушались приводить мнѣ въ примѣръ приращенія по 100 и по 200 тысячъ рублей, въ иныхъ губерніяхъ при солиныхъ торгахъ сдѣланныя, умалчивая о томъ, что сіи приращенія послѣдовали при торгахъ, до милліоновъ прострающихся, при чемъ и могли быть овцы цѣлы, и волки сыты. Но мною дѣлаю было изъ 100—200 тысячъ рублей, слѣдовательно, половинная сумма, но воздержавшись отъ злого дѣянія, я токмо исполнилъ мой долгъ. По крайней мѣрѣ, имѣлъ я неоспоримое право (если законы и постановленія что-либо значатъ) получить по силѣ статута ордень св. Владимира и быть тѣмъ награждену, чѣмъ награжденъ былъ по моему представленію секретарь Журихинъ за самое то дѣло, по моему отчасти употреблялъ я между прочими и его, подъ начальствомъ.

Едва удалился я отъ моего мѣста, всѣ журналы, остановленные митрополитомъ для запутанности дѣлъ, по предложенію преемника моего членами были подписаны, также списки о выслужившихъ узаконенныя лѣта чиновникахъ были апробованы, претензія на экзекутора и всѣ чинимыя ими приказныя привязки, какъ-то касательно оберъ-прокурорской должности и проч., всѣ въ одну мигнуту исчезли. Пересталъ митрополитъ объявлять указы, и сторонніе, а наипаче Троицкскій, вмѣшиваться въ синодскія дѣла; вся переписка начала производиться съ однимъ оберъ-прокуроромъ,

всѣ справки пошли черезъ него же и проч. и проч.—потому только что князь Голицынъ поддержанъ государемъ: *veni, vidi, vici*. Все утихло; духъ монарха водворился въ синодѣ; нечестивые духи при-таплись. Все сіе настоящее должно было убѣждать Его Величество, колико постоянно митрополитъ слѣдовалъ вышепомянутому своему плану, при первыхъ угрозахъ его мнѣ объявленному, и что вмѣсто гнѣва достоинъ я былъ его милости.

Вскорѣ послѣ сего преемникъ мой поднесъ государю записку по дѣлу Сорокина, которое по моему представленію оставалось до тѣхъ поръ безъ дѣйствія. Правосудный государь уже довольно зналъ дурные нравы и поведеніе членовъ синода, но усмотря и черезъ князя Голицына ихъ поступки, намѣренъ былъ ихъ строго и еще наказать, но убѣжденный просьбою довѣреннаго своего человѣка, повелѣлъ ему только объявить всѣмъ членамъ и графу Хвостову монаршіей своей гнѣвъ. Отосланный же оберъ-секретарь Пукаловъ въ герольдію, какъ сказываютъ, за тайную связь его съ митрополитомъ и производившій то дѣло, былъ вовсе отставленъ съ таковымъ высочайшимъ повелѣніемъ, дабы впредь его ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Со всѣмъ тѣмъ митрополитъ подалъ указъ въ коемъ помянуто, что въ уваженіе митрополитской просьбы, Пукаловъ опять причисленъ къ герольдіи. Самъ же митрополитъ, ускользнулъ отъ достойнаго наказанія, съ тѣхъ поръ нашель способъ быть осыпану милостями, осыпану брилліантами и имѣть еще право за сообщниковъ дѣяній своихъ лично ходатайствовать у государя, а можетъ быть и вѣще вредить за правду отъ него пострадавшему.

И такъ, прочтя вышепомянутыя обстоятельства, всякъ правосудный усмотритъ, что я невинная жертва вѣрности моей къ государю и твердости духа, свойственнаго честному человѣку; что проискавъ враговъ моихъ поселено въ мысляхъ государя на счетъ мой какое-либо сильное и для меня доднесь непостижимое недоразумѣніе, между прочимъ будто и съ ними ссорился по враждѣ и тому подобное. Имъ нужно было покрыть какою-либо личною ихъ собственную ненависть и для гоненія на добродѣтель превратить оную въ порокъ, чѣмъ и предуспѣли они привести въ дѣйство угрозы свои. Истинный же ключъ всего онаго дѣла состоитъ въ томъ, что митрополитъ, ни чѣмъ не возмогши совратить меня съ прямой дороги, тотчасъ размѣрилъ свой кредитъ съ монмъ, и вѣдая, что я самъ съ государемъ по дѣламъ синода говорить не могу, и что при всей честиности и усердіи къ правому дѣлу, г.

Новосильцовъ одинъ противу всѣхъ покровителейъ его, митрополита, выдержать не можетъ, основалъ онъ съ сообщниками своими на безслѣп моемъ планѣ моего низверженія (о коемъ однакожь съ самаго начала я предварялъ Его Императорское Величество), какъ выше то показано, и слѣдовалъ оному методически до самаго конца; что онъ въ успѣхѣ былъ увѣренъ, ибо въ томъ обнадежилъ заранѣе епархіальныхъ архіереевъ, изъ коихъ всѣ преданные ему отдаленія моего желали, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ сами нерѣдко приносили мнѣ благодаренія за усѣбные мои подвиги по духовному департаменту, который повсемѣстно очевиднымъ образомъ началъ приходить въ лучшее устройство, и правосудіе возникло въ самыхъ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи,—чему наилучшимъ служатъ доказательствомъ всѣ благодарныя письма, кои отовсюду я получалъ отъ духовныхъ и отъ свѣтскихъ людей; что онъ митрополитъ, чрезъ своихъ шпионовъ (изъ коихъ я могу нѣкихъ назвать) достовѣрно зналъ всякое обо мнѣ государево слово и уже часто повторяемыя мнѣ приказанія: „поступать съ нимъ тихо“; зналъ, что Его Императорское Величество синодскими дризмами началъ скучать; зналъ, что дѣятельность моя уже не приносила никакой пользы, и что самые необходимѣйшіе для истребленія злоупотребленій проекты оставались безъ дѣйствія; зналъ, что Его Величество уже не читалъ моихъ оправданій и не принималъ никакихъ справедливыхъ для меня внушеній; наконецъ, онъ зналъ, что паденіе мое было неизбежно. Сіе то и было едною цѣлю Амвросія съ злоумышленниками его, ибо члены синода, подкрѣпленные нѣкоторыми сильными людьми, становились отъ часу дерзновеннѣе и, не видя себѣ ни малѣйшаго со стороны государя преткновенія, а напротивъ всѣ огорченія, напряженія противу меня, не обвиняясь продолжали усугублять противу меня наглія клеветы свои, которыя всѣ принимались въ дѣло, коелпку брали съ меня противу таковыхъ пустыхъ выдумокъ объясненія, и я съ моею правотою остался одинъ безпомощенъ и принужденъ оправдываться какъ будто въ чемъ-либо важномъ, да и оправдавшись, остался безъ вины виноватымъ.

Мнѣ становилось отъ часу хуже, но я ничѣмъ хуже не былъ противу того времени, въ кое тотъ же государь удостоилъ меня своею довѣренностію и благоволеніемъ. Приближалась минута торжества враговъ, жесточайшій ударъ висѣлъ надъ моею главою, но я еще твердо уповалъ на правоту и на заслуги мои, на предстательство благороднаго человѣка, на правосудіе столь любимаго мною монарха и на правосудіе самого всевидящаго Бога.

Геній челоуѣколюбія въ младомъ монархѣ еще боролся за меня; сдѣланы мнѣ были отъ Его Императорскаго Величества, какъ сказано, предложенія двухъ почтенныхъ должностей, изъ коихъ одна вѣще приближала меня къ нему, и въ тотъ же день удостоены были мною рекомендованные подчиненные мои высочайшихъ милостей. Но могъ ли я предвидѣть, что тотъ, коему я столь благородно и откровенно ввѣрилъ судьбу и честь мою (Троцинскій), переговорами своими будетъ причиною, что правосудный монархъ, такъ сказать, противу воли своей и въ опроверженіе предложеній, мнѣ сдѣланныхъ, подыметъ объ увольненіи моемъ указъ, не давъ другаго мѣста (только по условной просьбѣ); ибо если я былъ виновещъ, почто всѣ монаршіи милости простиралсь ко мнѣ наканунѣ и послѣ; если же заслужилъ оныя, почто на другой день претерпѣлъ я обиду отъ государя, отъ коего я въ правѣ ожидать не оной, но награжденія? Почто жъ чрезъ нѣсколько дней по удаленіи изъ спода отличенъ я былъ вензелемъ Его Императорскаго Величества и помянутыми милостями всѣмъ при мнѣ служившимъ чиновникамъ? Почто жъ всѣ предложенія первѣйшихъ мѣстъ, какъ-то: сдѣлать меня статсъ-секретаремъ, сенаторомъ, товарищемъ министра удѣловъ и министра коммерціи, и наконецъ, статнаго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и посланника въ чужіе края? Почто жъ всѣ обиды, каковыя Его Императорское Величество и доднесъ не поправилъ, поелику я со всѣхъ сторонъ остаюсь несчастливъ: на мнѣ долгу 75,000 рублей, изъ коего за покупку дома половина налита по министерской службѣ въ отдаленныхъ краяхъ. Какія суть средства для честнаго челоуѣка улучшить свое положеніе? Въ службѣ экономіей заниматься не возможно. Россійское дворянство, посвящая дни свои на служеніе монарху, не въ его ли щедротахъ имѣеть всю надежду для поправленія своего состоянія, а почести, не суть ли единая пища благороднаго честолюбія, химерою якобинцами и плавающимъ въ изобиліи мѣщанствомъ называемаго? Доднесъ проведи въ непрерывномъ служеніи лучшій мой вѣкъ, ибо слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ я уже былъ совѣтникомъ посольства въ дѣйствительной службѣ, въ чинахъ и почестяхъ, не только равнымъ, но и младшимъ я вслѣдствіи обойденъ; слѣдующихъ мнѣ деревни и помянутой въ запискѣ суммы не получаю; принадлежащаго по статуту орденна—также; лишеть всей дороги по службѣ; орденъ св. Анны, который мнѣ принадлежалъ при бракосочетаніи великой княжны, получилъ чрезъ мѣсяць мой преемникъ; убавлено у меня жало-

ванья. И все сіе терплю за вѣрную мою службу вопреки собственнѣхъ государя императора, бабки и родителя его обѣщаній, и пребываю теперь въ постоянномъ бездѣйствіи и забвеніи.

1805 года, октября 7-го дня, С.-Петербургъ.

Р. S. I.) Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ снѣда Его Императорское Величество изволилъ препоручить г. Новосильцову переговоры съ княземъ Чарторижскимъ о намѣреніи своемъ помѣстить меня старшимъ членомъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, при чемъ я ожидалъ нѣкотораго и удовлетворенія. Г. Новосильцовъ многократно съ княземъ Чарторижскимъ о томъ говорилъ, сообщая ему приказаніе государево, дабы по сему случаю онъ отозвался самъ Его Императорскому Величеству; но онъ, не отринувъ меня, однакожь съ государемъ о томъ молчалъ. Посему Его Величество нѣсколько разъ изволилъ обѣщать г. Новосильцову начать съ своей стороны обо мнѣ говорить князю Чарторижскому, который однакожь именно сказалъ мнѣ, что если я хочу съ нимъ вмѣстѣ служить, то бы нѣкоторое время подождать, на что я и согласился, совершенно полагаясь на его честность. Отъѣздъ въ Англію г. Новосильцова я еще не понимаю что продолжалъ ожиданіе мое все, ибо среди глубокаго молчанія князя Чарторижскаго наконецъ государь изволилъ назначить въ прошломъ апрѣлѣ мѣсяцѣ на обѣщанное мнѣ мѣсто тайнаго совѣтника Вейдемейера; а князь Чарторижскій, въ оправданіе такового со мною поступка, объявилъ мнѣ, что то сдѣлалось сообразно съ желаніемъ графа Воронцова, что навящше усугубило во всю жизнь претерпѣваемыя мною по службѣ огорченія. Предъ отъѣздомъ Его Императорскаго Величества въ армію припущденъ былъ и письменно изъяснить князю Чарторижскому, что хотя я и отрекаюсь отъ желанія служить съ нимъ вмѣстѣ, но за нужное почитаю напомнить ему, что онъ единый виновникъ потерянныхъ мною двухъ лѣтъ лучшаго моего вѣка на служеніе государю и отечеству моему. Вслѣдствіе сего пригласилъ онъ меня къ себѣ и предлагалъ мнѣ министерскій постъ; но ни состояніе, ни обстоятельства мои изъ отечества ухватить мнѣ не позволяютъ, и я съ восшествія на престолъ пышнѣшаго государя уклонился три раза отъ такихъ предложеній, поелику въ сей службѣ претерпѣлъ я, какъ въ запискѣ доказано, болѣе огорченій, нежели есть надежда когда либо получить за оныя и за прежнюю службу награды. Послѣ чего мы разстались, и онъ отправился съ государемъ въ путь, а судьба моя какъ осталась покрыта неизвѣстностію.

Изъ всего вышеописаннаго слѣдуетъ, что человѣку, желающему съ пользою служить отечеству и государю своему и отличными образомъ исполнять возлагаемыя на него должности, нужно имѣть не одни только дарованія, усердіе къ общему благу, честность и непоколебимую твердость духа, но и государеву довѣренность, безъ коей самая жарчайшая къ отечеству любовь мало по малу въ подвигахъ своихъ ослабѣваетъ; самыя полезнѣйшія намеренія исчезаютъ безъ исполненія, и самыя счастливейшіе таланты погрязаютъ въ ничтожествѣ. Безъ той довѣренности къ честнымъ людямъ добродѣтельнѣйшіе изъ государей бывають обмануты; коварнѣйшіе изъ ихъ окружающихъ преодолевають искренности преданныхъ, и наконецъ, печестіе, порокъ и злоба торжествуютъ надъ добродѣтелью.

II. Прилагаемый журналъ покойнаго генераль-прокурора князя Якова Петровича Шаховскаго, за пѣлѣвка до моего журнала писанный о происшествіяхъ въ бытность его въ синодѣ оберъ-прокуроромъ ¹⁾, напвыище удостовѣрять, что члены синода въ поступкахъ своихъ руководствовались во всѣ времена тѣми же страстями, тѣми же сластолюбіемъ и употребляли въ мщеніи своемъ на пагубу онаго всѣмъ пзвѣстнаго патріота, какъ и нынѣшніе члены на погубленіе меня, одинакія средства, съ тою только разницею, что князь Шаховской, имѣя случай объясняться съ самою государынею, нѣсколько разъ тѣмъ опасался отъ своего паденія и предуслѣлъ открыть императрицѣ глаза на счетъ духовныхъ, которыхъ однакожь она по набожности своей пзволила весьма уважать,—послѣ чего не токмо былъ онъ ею поддержанъ, но въ короткое время произведенъ тайнымъ совѣтникомъ и украшенъ орденами св. Анны и св. Александра Невскаго. А я, доказавъ всеконечно, не менѣе усердія и безкорыстія правнуку Ея Величества, но не имѣя способу лично предъ нимъ объясняться, сдѣлался жертвою вѣрности моей къ государю. А можетъ быть, изволить онъ считать, по неизвѣстнымъ мнѣ на счетъ мой внушеніямъ, что я еще и не довольно имъ наказанъ.... Я христіанинъ, на Бога твердо надѣюсь; но нетерпѣніе мое превыше сплѣтъ человѣческихъ! Гдѣ жъ тѣ люди, которые бы должны у престола монаршаго, ничего не щадя, сплѣно вступаться не за меня, но за честныхъ и неповинныхъ людей?!....

---

¹⁾ Здѣсь разумѣются записки князя Я. П. Шаховскаго, издавныя въ С.-Петербургѣ въ 1821 году, въ 2-хъ частяхъ.

АРЕСТОВАНИЕ СПЕРАНСКАГО.

(Записка В. С. Филимонова ¹⁾).

Сперанскій былъ сосланъ на жительство въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ августѣ и сентябрѣ 1812 года графъ П. А. Толстой имѣлъ свою главную квартиру, по званію начальника III-го округа ополченія, которое тогда формировалось въ низовыхъ губерніяхъ.

Сентября 15-го, въ день коронаціи императора Александра Павловича, послѣ обѣда, состоявшій при графѣ Толстомъ за адъютанта по ополченію, коллежскій ассессоръ Филимоновъ получилъ приказаніе *немедленно* явиться къ графу, *по весьма нужному дѣлу*. Прибывъ къ Павлу Александровичу, онъ застаётъ его съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ. Графъ подавая ему конвертъ, говоритъ: „Поѣзжай сейчасъ къ Руновскому (гражданскому губернатору), вручи ему этотъ конвертъ и не отходи ни на минуту, пока все не будетъ исполнено, а потомъ возвратись ко мнѣ, съ подробнымъ обо всемъ отчетомъ“.

Филимоновъ отправился по назначенію. Руновскій, прочитавъ содержаніе бумаги, воскликнулъ: „Боже мой, кто бы это думалъ!“ и пославъ за частнымъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Филимоновымъ поѣхалъ въ квартиру Сперанскаго и объявилъ ему высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ же вечеръ въ Пермь. Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ: „Ну, я этого ожидалъ. Надѣюсь, однако же, господа, что вы не откажете дать мнѣ часъ времени при-

---

¹⁾ Запискою этою пользовался графъ М. А. Корфъ, при составленіи біографіи графа Сперанскаго (см. изд. 2-е, т. II, стр. 68) и приводитъ изъ нея отрывки. Считаемо не лишнимъ напечатать ее цѣликомъ по копіи, сохранившейся въ бумагахъ И. П. Шульгина.

вести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одну бумагу“. Получивъ согласіе, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли въ коляску Сперанскаго и въ карету Руновскаго.

Сперанскій писалъ болѣе часа и кончивъ отдалъ Филимонову два запечатанные конверта, съ просьбою вручить ихъ графу Толстому. Одинъ конвертъ былъ на имя графа, другой на имя государя, въ собственныя руки. „Кланяйтесь графу“, сказалъ Сперанскій, „и попросите его отправить какъ можно скорѣе. Содержаніе его весьма важно“. Послѣ того онъ собрался въ дорогу и, сѣвъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ въ коляску, поѣхалъ по тракту въ Пермь. Губернаторъ и Филимоновъ, въ одной каретѣ, провожали ихъ до первой станціи. Садясь въ коляску, Сперанскій былъ молчаливъ и, по видимому, убитъ духомъ.

Доѣхавъ до первой станціи, Филимоновъ поѣхалъ назадъ къ графу Павлу Александровичу и вручилъ ему оба конверта. Графъ распечаталъ и прочиталъ тотъ, который былъ на его имя, а другой бросилъ на столъ, съ словами: „Вздоръ“.

Письмо на имя графа, было слѣдующаго содержанія:

„Приношу вашему сіятельству слѣдующія мои всепокорнѣйшія просьбы: 1) прилагаемое при семъ письмо доставить государю, при вашемъ донесеніи; 2) при отправленіи семейства моего оказать возможную помощь и снохожденіе; 3) врагамъ моимъ здѣсь и разнымъ ихъ толкамъ наложить молчаніе; 4) наконецъ, и сіе для меня всего важнѣе, сохранить доброе ваше о мнѣ мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ я сего достоинъ. Князю Егору Александровичу (Грузинскому) прошу поклониться“.

Письмо на имя государя не было послано и никогда не достигло своего назначенія. Въ послѣдствіи, въ 1827 и 1828 годахъ, Сперанскій узнавъ объ этомъ, сказалъ (разумѣя графа Павла Александровича): „Это на него похоже“.

Въ дополненіе можно сказать, что въ тотъ день (15-го сентября) тотчасъ послѣ обѣдни, за нѣсколько часовъ до прибытія фельдгегера съ высочайшимъ повелѣніемъ, Сперанскій былъ съ поздравленіемъ у графа Павла Александровича, и тутъ въ первый разъ въ жизни онъ увидѣлся и познакомился съ Карамзиннымъ.

Высочайшій рескриптъ (собственноручный), полученный графомъ Толстымъ, былъ подписанъ 8-го сентября и заключалъ въ себѣ нѣсколько словъ касательно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ

и ополченія. Въ концѣ рескрипта было сказано: „При семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора Нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Если онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго чловѣка подѣ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору, отъ моего имени, имѣть его подѣ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе“.

Рапортъ Нижегородскаго вице-губернатора Крюкова (черезъ покровительство Сперанскаго опредѣленнаго въ эту должность), былъ на имя министра полиціи и заключался въ слѣдующемъ:

„6-го числа настоящаго августа, въ день Преображенія Господня, когда я былъ въ Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященный епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ кафедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни былъ тутъ и г. тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакоже не оставался; но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои, доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія компаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ къ нему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ.—Что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ, на сихъ дняхъ я узналъ. — О чемъ долгомъ поставляю вашему высокопревосходительству всепокорнѣйше донести“.

Рапортъ этотъ Крюковъ писалъ, исправляя должность гражданскаго губернатора, который въ то время былъ или болѣнъ, или въ отсутствіи. Нельзя не замѣтить, что не обративъ вниманія на слова рескрипта: „если онъ (то-есть, рапортъ) справедливъ“, графъ Павелъ Александровичъ распорядился безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованій.

Сперанскій писалъ къ графу Павлу Александровичу изъ Перми, 4-го октября 1812 года:

„Милостивый государь, графъ Павелъ Александровичъ! Сибирь есть земной рай въ сравненіи съ Пермью. Ваше сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодарительнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобы согласились когда-нибудь вѣрнуть сплетнямъ враговъ моихъ. Недѣлость ихъ

слишкомъ ощутительна и впрочемъ сама собою отъроется, когда только удостоятъ спросить меня.

„Между тѣмъ прилагаемое при семъ письмо прошу доставить сколько возможно вѣрнѣе и непосредственнѣе. Я въ немъ прошу одной милости—насущаго хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня миллионы, а я, при безмѣрной здѣшной дороговизнѣ и послѣ всѣхъ разорительныхъ переѣздовъ, скоро буду нуждаться въ первыхъ потребностяхъ жизни“.

РЕЛЯЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНАГО ВО ФРАНЦІИ ПОСЛА КНЯЗЯ КАНТЕМИРА 1738 И 1739 ГODOBЪ.

Послѣднее изданіе сочиненій князя А. Д. Кантемира (С.-Петербургъ, 1866—1868 г.г.) хотя и довольно богато документами, относящимся въ его дипломатической дѣятельности, тѣмъ не менѣе содержитъ въ себѣ далеко не всѣ депеши его, какъ русскаго посланника во Франціи. Но еще много лѣтъ тому назадъ, выборка изъ этихъ депешъ была составлена, на основаніи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ, который и воспользовался свѣдѣніями этого источника при обработкѣ біографіи Кантемира въ т. III „Словаря достопамятныхъ людей Русской земли“, стр. 8 — 34. Рукописный трудъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго находится нынѣ въ бібліотекѣ И. В. Помяловскаго. Благодаря обязательному сообщенію владѣльца этой рукописи, мы имѣемъ возможность напечатать цѣлкомъ этотъ любопытный памятникъ русской дипломатіи XVIII вѣка. Въ составъ сборника Бантышъ - Каменскій включилъ также нѣсколько объяснительныхъ документовъ, а именно инструкцію (вѣроятно, переведенную съ нѣмецкаго подлинника) и кредитивную грамоту, данныя князю Кантемиру, также предписанія графа Остермана и т. п. Печатая ихъ вмѣстѣ съ депешами самого Кантемира, мы сочли не лишнимъ сохранить и тѣ, впрочемъ весьма немногія примѣчанія, которыми Бантышъ - Каменскій снабдилъ собранные имъ документы.

1738 года, апрѣля въ 18-й день, отправлена слѣдующая *инструкция* къ полномочному министру князю Антиоху Кантемиру, опредѣленному ко двору королевскаго величества французскаго:

Довольно вамъ извѣстно, какимъ образомъ и по какой причинѣ прежняя между здѣшнимъ и французскимъ дворами имѣвшая корреспонденція пресѣклась, что потомъ и по окончаніи въ Германіи и въ Италіи французской войны въ дѣлѣ генеральнаго между воюющими сторонами примиренія происходило, какимъ образомъ оное въ Вѣнѣ формальнымъ заключеніемъ воспослѣдовало, и какое Ея Императорское Величество при томъ участіе разнѣною между нашимъ и французскими министрами особливыхъ декларацій для совершеннаго прекращенія и отнятія всѣхъ къ несогласію причинъ имѣли, и понеже по учиненнымъ потомъ съ обоихъ сторонъ изъясненіямъ къ совершенному возстановленію между обоими дворами прежней корреспонденціи и къ взаимной для того обсылкѣ министровъ не несклонность являлась, и Ея Императорское Величество съ своей высочайшей стороны отъ того никогда отдалена не была, и дѣло до того дошло, что между вами и французскимъ при великобританскомъ дворѣ посломъ извѣстное соглашеніе о взаимномъ отправленіи министровъ постановлено;—того ради Ея Императорское Величество, во всемплоствѣйшей надеждѣ на ваше доброе искусство и къ службѣ радѣніе, васъ къ тому изобрѣсти соизволила, чтобъ вашимъ въ характерѣ своего министра ко французскому двору отправленіемъ зачатое вами дѣло чрезъ васъ же въ дѣйство и къ совершенію привести. Вы для того великобританскому министерству о такой Ея Императорскаго Величества резолюціи, и объ васъ опредѣленіи и о повелѣнномъ вамъ отъ тамошняго ко французскому двору отъѣздѣ объявить имѣете съ пристойнымъ при томъ изъясненіемъ, какимъ образомъ къ возстановленію прежней между обоими дворами корреспонденціи на взаимную для того намѣренія обсылку министровъ согласились, и въ разсужденіи того, что вы тамо въ близости находитесь и при французскомъ дворѣ нѣкоторыя знакомства имѣете, Ея Императорское Величество васъ къ такому туда отправленію назначить, а на ваше мѣсто при великобританскомъ дворѣ Ея Императорское Величество другаго министра немедленно опредѣлить и прислать соизволить, и что къ вамъ для того отзывная Ея Императорскаго Величества грамота прислана, и для поданія оной у его королевскаго величества абшты-аудіенцію себѣ испросить повелѣно. Вы при томъ же,

ежели случай къ тому отзовется, о причинѣ перерыва такой между обоими здѣшнимъ и французскимъ дворомъ прежней корреспонденціи, и какимъ образомъ и порядкомъ всѣ такія къ несогласію и къ холодности бывшія причины совершенно прекращены, по собственному вашему разсужденію потребное изъяснить можете.

Получа такую у короля аудіенцію, вы пристойнымъ и обыкновеннымъ въ такихъ случаяхъ образомъ отпускъ свой отъ тамошняго двора взять и при отпускѣ его королевское величество въ наиспльнѣйшихъ и обязательнѣйшихъ терминахъ о Ея Императорскомъ Величествѣ къ Его Величеству высокому почитанію и истинному намѣренію и желанію имѣющую съ его королевскимъ величествомъ и короною великобританскою дружбу и доброе согласіе не токмо со всякимъ стараніемъ ненарушимо содержать, но и вѣдше утвердить, и къ пользѣ обоихъ государствъ вѣчную учинить обнадѣжить, и ко французскому отѣхать, и будучи тамо по слѣдующей инструкціи и по получаемымъ въ дополненіе оной отъ времени до времени указамъ съ напредностнѣйшимъ во всемъ престоереженіемъ высочайшихъ Ея Императорскаго Величества интересовъ поступать имѣете.

1.

Понеже съ стороны французскаго двора вамъ знать дано, что желаніе имѣется, дабы сперва обсылка состоялась въ персонахъ, характеромъ полномочнаго министра снабденныхъ, того ради и Ея Императорское Величество на то соизволила, и посылается при семъ къ вамъ нашъ кредитивъ на полномочнаго министра характеръ, который вы надлежаще употреблять имѣете.

2.

По прибытіи своемъ въ Парижъ имѣете вы, освѣдомясь о тамошнемъ обыкновеніи, пристойнымъ въ такихъ случаяхъ образомъ поступать, и къ тамошнему министерству адресуясь при свиданіи съ ними, а особливо съ кардиналомъ Дефлеріемъ въ пристойныхъ терминахъ всѣ надлежащія увѣренія учинить о истинномъ Ея Императорскаго Величества къ его королевскому величеству французскому намѣренію и особливомъ къ дружбѣ его почтенію, и какимъ образомъ Ея Императорское Величество всегда и въ самое время бывшихъ несогласій оную свою особливую консидацію во всякихъ случаяхъ показывать не оставила, что Ея Императорское Величество потому къ возстановленію прежней между обоими дво-

рами корреспонденціи и добраго согласія совершенную свою склонность всякимъ удобовымышленнымъ образомъ засвидѣтельствовать, и представляющійся къ тому по общему соглашенію способъ взаимной посылки министровъ, съ охотою принимая, безъ наималѣйшаго замедленія васъ къ такому отправленію опредѣлить изволила, также и впредь съ своей высокой стороны ничего не упустить, еже оную дружбу постоянно учинить, и о истинномъ Ея Императорскаго Величества къ тому и къ влцшему оной утвержденію имѣющему намѣренію его королевское величество совершенно удостовѣрять можетъ; вы къ тому прибавить можете, что по состоянію дѣлъ заприлично признаете, особливо же и отъ такъ склоннаго и готоваго съ здѣшней стороны принятія представленной къ примиренію съ Турками французской медиациі случай взять имѣете пристойнымъ образомъ изъяснить, какимъ образомъ такимъ поступкомъ и учиненными при томъ деклараціями Ея Императорскаго Величества довольно явственный опытъ своей къ его королевскому величеству французскому особливой конспдераціи дать изволила, и что какъ скоро токмо отъ римско-цесарскаго двора о такихъ учиненныхъ предложеніяхъ сюда сообщено, то Ея Императорское Величество безъ наималѣйшаго сумнѣнія и остановки не токмо о принятіи добрыхъ офицей, но и самой медиациі французской себя весьма готова явить изволила. Вы о семъ дѣлѣ тѣ изъясненія употребить можете, которыя въ отправленномъ вамъ на предь сего къ наставленію вашему о томъ рескриптѣ содержится; при всемъ томъ надлежитъ вамъ кардиналу Дефлерію засвидѣтельствовать о Ея къ его персонѣ и великимъ меритамъ, и достойно заслуженной отъ всего свѣта, такъ знатной славѣ имѣющему особливомъ почтавіи и конспдераціи, и къ извѣстному его праводушію совершенной конфиденціи съ другими пристойными къ тому обнадеживаніями, которое вы при всѣхъ случаяхъ, именемъ Ея Императорскаго Величества, наилучше повторить можете.

Что касается до употребленія при томъ же морскихъ державъ медиациі, то вы, ежели къ тому случай отзывается, надлежаче изъяснить можете, коимъ образомъ по учиненнымъ на предь сего объ оной морскихъ державъ медиациі неоднократнымъ представленіямъ Ея Императорскому Величеству нынѣ когда другую, а именно французскую медиацию принять изволила отъ допущенія жъ помянутой морскихъ державъ медиациі ни коимъ образомъ отрещися не могла, и сіе учинить толь наименьше за пристойно или потребно разсудила, понеже уповательно есть, что употребляемая отъ оныхъ дер-

жавъ совокупно съ французскими старанія и домогательства у Порты Оттоманской толь лучшаго и скорѣйшаго дѣйства имѣть могутъ, а на супротивъ того весьма опасаться было, что ежелибъ при такихъ обстоятельствахъ оная морскихъ державъ медіація включена и откинута была, то бѣ они тѣмъ весьма чувственно озлоблены быть, и слѣдовательно, въ поспѣшествованіи онаго мирнаго дѣла различныи образомъ препятствія учинить могли бѣ.

3.

По надлежащемъ себѣ испрошеніи у его королевскаго величества аудіенціи, и когда вы къ оной приглашены будете, то вы приложенную вѣрющую грамоту подать и при томъ по содержанію оной въ пристойныхъ терминахъ рѣчь свою отправлять имѣете, изобразя при томъ какимъ образомъ Ея Императорскому Величеству весьма пріятно, и къ особливому удовольствованію было полученное обнадеживаніе о взаимной его королевскаго величества склонности къ обновленію древней между обими дворами корреспонденціи, и что Ея Императорское Величество для засвидѣтельствованія своей къ тому охотнѣйшей готовности не мало не умедлила васъ ко двору его величества отправить съ имяннимъ повелѣніемъ его королевскому величеству наирѣпчайшія обнадеживанія учинить о совершенной Ея Величества дружбѣ и высокопочтаниіи и объ истинномъ намѣреніи съ его королевскимъ величествомъ дружбу и доброе согласіе не токмо постоянно и не нарушимо содержать, но и сколько отъ Ея Императорскаго Величества зависитъ—къ общей обомъ сторонъ пользѣ вяще и вяще утверждать, и что Ея Императорское Величество всегда особое тщаніе имѣть позволить—его королевское величество во всякихъ случаяхъ о неотмѣнной истинности сихъ доброжелательныхъ намѣреній дѣйствительными оказательствами совершенно удостовѣрить.

4.

Имѣвъ у короля свою аудіенцію, также у королевы и у королевской фамиліи оную по тамошнему обыкновенію взять, и при всемъ томъ сіе смотрѣть имѣете, чтобъ на оныхъ аудіенціяхъ, также и въ прочихъ случаяхъ все всегда съ надлежащею по высочайшему Ея Императорскаго Величества достоинству пристойностію происходило, и въ предосужденіе тому ничего учинено не было.

5.

Во время тамошняго вашего министерства вы во всякихъ дѣлахъ интересы Ея Императорскаго Величества по лучшему вашему знанію и разумѣнію престоерегать и поспѣшествовать, и потому же при всякихъ отзывающихся случаяхъ поступки и употребляемая къ тамошнему министерству изъясненія учреждать имѣете, яко же и при удобномъ случаѣ и по усмотрѣнію тамошнихъ диспозицій объ императорскомъ титулѣ, чтобъ оный намъ такимъ же образомъ, какъ отъ другихъ державъ давно чинится, отъ французскаго двора данъ былъ пристойное предложеніе учинить, и при томъ такія же представленія употреблять можете, какъ вамъ на предъ сего при аглинскомъ дворѣ о томъ дѣлѣ домогаться повелѣно было ¹⁾.

6.

Съ пребывающими при французскомъ дворѣ союзныхъ державъ министрами, а особливо съ римско-цесарскимъ министромъ, вы откровенное и конфидентное обхожденіе имѣть, и во всемъ томъ, что до общихъ интересовъ касаться можетъ, по пребывающему между обонми дворами ближнему союзу всегда съ общаго сношенія и согласія поступать, и что вы къ тому особливо и именно наставлены оному министру сообщить имѣете, не сумнѣваясь, что и онъ съ своей стороны равномѣрнымъ образомъ къ вамъ поступать будетъ.

7.

Съ прочими министрами вамъ такожде дружески и ласково обходиться, а при томъ на поступки ихъ, и какія иногда отъ кого дѣла производятся— всѣмъ пристойнымъ образомъ смотрѣніе имѣть надлежитъ, особливо въ томъ, что какимъ-либо образомъ до насъ и до нашихъ интересовъ касаться можетъ, о чемъ обо всемъ вы не тольмо намъ всегда обстоятельно доносить, но и все, еже по вашему усмотрѣнію иногда къ предосужденію нашему предвоспринято или вознамѣрено было, всегда всякимъ образомъ и съ употребленіемъ всякихъ къ тому удобно быть могущихъ способовъ по добродушію вашему искусству отвращать имѣете, яко же и впрочемъ

---

¹⁾ Англійскій дворъ призналъ императорскій титулъ російскій только въ 1742 году.
Д. Б.-Ж.

обо всемъ при тамошнемъ дворѣ происходящемъ и о намѣреніяхъ и диспозиціяхъ онаго, и въ какихъ обращеніяхъ оный дворъ съ прочими державами находится, всякимъ образомъ наиприлежнѣйшее всегда провѣдываніе имѣть и свои доношенія почасту сюда присылать надлежитъ.

8.

Съ министрами Ея Императорскаго Величества, при другихъ дворахъ обрѣтающимися, вы о всѣхъ дѣлахъ, которыя до министерства каждаго касаться могутъ, корреспонденцію содержать и къ извѣстію и къ наставленію оныхъ потребно сообщать имѣете.

9.

Впрочемъ вы какъ въ исполненіи по сей инструкціи и по отпращиваемымъ къ вамъ впредь отъ времени до времени къ дальнѣйшему вашему наставленію указамъ, такъ и во всѣхъ случающихся дѣлахъ, о которыхъ и въ сей инструкціи не упомянуто, къ напредностиѣйшему пререженію и послѣшествованію Ея Императорскаго Величества интересовъ по доброму вашему искусству и лучшему знанію и разумѣнію поступать имѣете, въ чемъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшую на васъ надежду имѣть изволить. Данъ въ С.-Петербургѣ, апрѣля 18-го дня, 1738 года.

По Ея Императорскаго Величества указу.

Таковъ оригинальный за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ.

Сипта шнуromъ шелковымъ пестрымъ, и приложена по концамъ того шнура Ея Императорскаго Величества кабинетная печать на красномъ сургучѣ; отправлена къ нему князю Кантемиру при слѣдующемъ рескриптѣ того жъ числа на почтѣ:

1738 года, октября 14-го дня, къ полномочному министру князю Антиоху Кантемиру въ Парижъ.

Съ великимъ нашимъ удивленіемъ изъ реляцій вашихъ, изъ Парржа, отъ № 1 до № 5, отправленныхъ, усмотрѣно, коимъ образомъ вы по прибытіи своемъ туда, сами собою, не принявъ пожалованной вамъ отъ насъ характеръ полномочнаго министра, себя тамо инкогнито содерживаете, ожидая, чтобъ посольскій характеръ вамъ отъ насъ данъ былъ.

Вамъ пзвѣстно: 1) что французскій дворъ и еардпналъ Де-Флерій самъ именно требовали, чтобъ вы въ характерѣ полномочнаго

министра сперва туда присланы были, и что потомъ о взаимномъ посольствѣ между обоими дворами согласенось быть можетъ;

2) что мы по сему собственному французскому требованію вамъ вышписанный характеръ полномочнаго министра дали,

3) и что принятіе посольскаго характера требуютъ другія обстоятельства и нѣкоторыя предъидущія о томъ соглашенія, и что слѣдовательно,

4) не съ высочайшимъ нашимъ достоинствомъ, ниже съ интересомъ нашимъ вовсе сходно, чтобъ вы по такому формальному между обоими дворами учиненному согласію о возстановленіи прежней дружбы и корреспонденціи, прибывъ къ тамошнему двору, чрезъ такое долгое время еще инкогнито безъ дѣйствительнаго вступленія во исправленіе своего министерства тамо себя содержать принуждены были, толь напаче понеже—

5) вы о своемъ туда пріѣздѣ и характерѣ прочимъ чужестраннымъ министрамъ дѣйствительно уже объявили, отъ оныхъ въ томъ характерѣ признаны, и визиты и контръ-визиты между вами отданы, и тако уже начало публичнаго вашего министерства учинено, и потому нынѣ тамо инкогнито быть и жить весьма непрістойно, а у другихъ, которые о прямомъ сего дѣла происхожденіи не безъизвѣстны, весьма предосудительнымъ намъ и интересамъ нашимъ толкованіямъ поводъ необходимо подаетъ, а

6) сіе принятіе характера полномочнаго министра весьма тому не пріятствовало бѣ, чтобъ по общему обоимъ дворамъ благоизобрѣтенію всегда и посольскій характеръ воспослѣдовать могъ.

Сей вашъ поступокъ весьма отъ насъ не апробуется и толь напаче къ нашему неудовольствію служитъ, что оное предложеніе объ инкогнитомъ вашемъ пребываніи не отъ французскаго двора вамъ, но отъ васъ оному двору учинено, на которое только сей дворъ, какъ по вашимъ реляціямъ видно, позволилъ.

А между тѣмъ сей вашъ поступокъ насъ въ немалое затрудненіе приводитъ, понеже съ одной стороны опредѣленіе посольства требуетъ другія опредѣленія, на которыя время надобно, а съ другой стороны весьма непрістойно, чтобъ вы между тѣмъ тамъ безъ дѣйства и инкогнито пребывали; и со всѣмъ тѣмъ наше желаніе весьма такое есть, чтобъ въ семъ дѣлѣ все то учинить, еже въ удовольствію французскаго двора и кардинала Дефлерія касаться можетъ.

Однимъ словомъ сказать, вамъ никогда не надлежало бѣ безъ указу нашего такое дѣло, отъ котораго сумнительныя затрудненія

происходить могутъ, собою на себя перенять, и лучше бѣ было въ Англіи нашего указа ожидать, нежели, прибывъ уже къ французскому двору, тамо инкогнито себя содержать.

Мы, правда, уповаемъ, что вы, по прежнему нашему рескрипту отъ 19-го сентября, который къ вамъ въ отвѣтъ на вашу о семъ дѣлѣ реляцію, еще изъ Лондона писанную, отправленъ, оный характеръ полномочнаго министра дѣйствительно приняли и въ публичное отправленіе вашего министерства вступили; а ежелибъ вы паче всякаго чаянія того не учинили, то вы оно немедленно учинить имѣете, объявляя тамо, что вы, по вышепомянутому нашему рескрипту, и по содержанію при томъ къ кардиналу отправленнаго письма, сіе учинить необходимо запотребно разсудили, понеже то пожеланному посольству не мѣшаетъ, а вы чрезъ такъ долгое время тамо себя инкогнито содержать не посмѣете, и для предъупрежденія всякаго отъ того происходящаго толкованія запристойно не разсуждаете, толь наипаче, понеже мы безъ сумнѣнія отъ кардинала о семъ посольствѣ ближайшія изъясненія и на вышепомянутое письмо отвѣту отъ него ожидать будемъ, пока о томъ посольскомъ характерѣ подлинную резолюцію учинить можемъ, чѣмъ по великому и дальному разстоянію мѣсть не мало время проходить можетъ, а о содержаніи сего настоящаго нашего рескрипта,

что вы точный на то указъ отъ насъ получили, отнюдь вамъ объявлять не надлежитъ, но учинить все то, какъ выше писано, и будто вы по содержанію прежняго нашего рескрипта и въ разсужденіи выше изображенныхъ причинъ такъ поступать сами запотребно разсуждаете.

А что надлежитъ до того, что вамъ отъ статскаго секретаря Амелота объ аудіенціи объявлено, и о томъ мы никакого разсужденія учинить не можемъ, ибо не состоятельно и неимовѣрно есть, когда отъ самаго французскаго двора требовано, дабы министры съ обѣихъ сторонъ симъ характеромъ полномочнаго министра снабдены были, чтобъ онаго двора намѣреніе было такихъ министровъ прислать, которые бѣ у насъ самихъ пристойную съ высочайшимъ достоинствомъ, какъ нашимъ, такъ и самаго короля Французскаго, аудіенцію имѣть не могли.

Однимъ словомъ, мы о семъ предложеніи разсужденіе свое оставляемъ, и понеже другихъ державъ министры въ такомъ же характерѣ, какъ вы сами доносите, аудіенцію у короля имѣли, то и вамъ въ томъ затрудненіе учинено быть не можетъ.

При послѣдней вашей реляціи получено письмо отъ кардинала

Дефлеріи, и намъ не безъ удивленія, что вы объ ономъ, и чрезъ кого и какимъ образомъ оное для отсылки вамъ отдано, ни однимъ словомъ не упоминаете, на которое письмо немедленно отвѣтствовано будетъ, обождая только двѣ или три почты, чтобъ вы между тѣмъ по содержанію сего указа исполненіе учинить могли, который отвѣтъ тогда для отдачи къ вамъ присланъ будетъ.

Таковъ оригинальный, за подписаніемъ господъ кабинетныхъ министровъ, отправленъ въ Парижъ на почтѣ вышеписаннаго числа.

1738 года декабря въ 11-й день отправлена Ея Императорскаго Величества *кредитивная грамота* къ королю Французскому.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій государь, нашъ любезнѣйшій братъ Людовикъ Пятнадцатый, король Французскій и Наварскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Понеже мы для засвидѣльствованія вашему величеству нашей дружбы и высокопочтанія сей случай съ охотою принимаемъ — нашего камергера, намъ любезновѣрнаго князя Антиоха Кантемира въ характерѣ нашего чрезвычайнаго посла къ вашему величеству отправить, и ему повелѣли о нашемъ истинномъ намѣреніи и склонности, которую къ содержанію съ вами всегда совершеннаго добраго согласія и къ выцѣпленію оного отъ времени къ общей обѣихъ сторонъ пользѣ утверженію и распространенію имѣемъ, вашему величеству 'наискрѣпчайшія увѣренія имянемъ нашимъ учинять того ради мы ваше величество дружески сестрински просимъ оному нашему чрезвычайному послу склонный къ себѣ доступъ позволить, и какъ въ помянутыхъ обнадеживаніяхъ о истинныхъ нашихъ дружбы склонностяхъ и намѣреніяхъ, такъ и во всемъ прочемъ что именовъ нашимъ вашему величеству онъ представлять честь имѣть будетъ, полную вѣру подавать, и его на все то всегда такимъ склоннымъ отвѣтомъ снабждать, какъ мы по нашему къ вашему величеству дружбѣ и по совершенному надѣянію на взаимныя ваши къ содержанію оной дружбы добрыя склонности того ожидать причину имѣемъ, въ которомъ упованіи мы Бога всемогущаго просимъ, дабы онъ вашего королевскаго величества высокую персону до самой высочайшей степени челоѣческой жизни мпловство содержать и ваше правительство во всемъ постоянно благословить и благополучно быть благоволилъ.

Оригинальная подписана Ея Императорскаго Величества собственною рукою тако: Анна.

Контросигнировалъ господинъ вице-канцлеръ по сему: Андрей Остерманъ.

I.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всеми-
лостивѣйшая!

Въ прошедшую пятницу 19 (8)-го сего я прибылъ сюды, и хотя бо-
лѣзнь глазъ моихъ, которая въ дорогѣ возобновилась, требовала
бы малаго покоя, однакожь слыша, что дворъ здѣшній завтра
отѣзжаетъ въ Фонтенебло, я не хотѣлъ преминуть видѣться съ
господиномъ Амелотомъ и съ господиномъ кардиналомъ прежде
ихъ отѣзду. Для того, повѣстивъ посольскому водителю госпе-
дину Сенто о моемъ приѣздѣ, и принявъ съ нимъ потребныя мѣ-
ры, вчерась видѣлся я съ господиномъ Амелотомъ, которому при
обыкновенномъ изъясненіи о причинѣ моего сюды прибытія, со-
общилъ конію съ Вашего Императорскаго Величества грамоты
къ королю, и того жъ дня чрезъ письмо требовалъ отъ господина
кардинала позволеніе къ нему прійдти; назначилъ мнѣ сего-
днешнее утро, чтобъ его видѣть въ мѣстечкѣ, называемомъ Исси,
гдѣ теперь онъ находится. Отъ обоихъ сихъ министровъ весьма
ласково и учтиво я принялъ, а напаче господинъ кардиналъ съ
особливою благосклонностію болѣе часу со мною пробылъ. Госпо-
динъ Амелотъ съ начала требовалъ было, чтобъ я ему вручилъ вашу
вѣрующую грамоту, понеже де въ характерѣ полномочнаго министра,
для котораго никакаго церемоніала не уставлено, чаеть, что у ко-
роля аудіенцію мнѣ имѣть будетъ не можно; но я, ему предложивъ,
что противно моимъ инструкціямъ, довольствовался копією, желая,
чтобъ я съ господиномъ кардиналомъ согласился, не лучше ли
будетъ дожидать подлинное извѣстіе—какой характеръ имѣть бу-
ду; и при томъ меня обнадеживалъ, что хотя господинъ Вогре-
нанъ въ послушаніе къ королю и полномочнымъ министромъ
ѣхать готовъ, однакожь пристойнѣе бы было ему принять ха-
рактеръ посольскій. Я на то отвѣтствовалъ, что сколько премѣны ха-
рактера касается, я уже отъ Вашего Императорскаго Величества
высочайшаго указа требовалъ, и скоро отвѣтъ получить надѣюсь;
что хотя подлинно не могу обнадежить, что меня посольскимъ
характеромъ почтять соизволите, однакожь не сумнѣваюсь, что Ва-
шему Императорскому Величеству будетъ пріятно, чтобъ въ та-
комъ господинъ Вогренанъ къ вашему двору отправился, и что

сколько касается моей аудиенции у короля, буде господинъ кардиналъ соизволить, чтобъ я высокопомянутаго вашего указу ожидалъ, то я буду его совѣту слѣдовать. Потомъ онъ со мною вступилъ въ разговоръ о турецкихъ дѣлахъ, который описывать удержуся, понеже совѣтъ сходенъ съ рѣчьми господина кардинала о томъ же дѣлѣ, которыя Ваше Императорское Величество ниже сего усмотрѣть изволите. Удовольствуюся только всенижайше донести, что, по его словамъ, давно уже отъ господина Вилленева писемъ не получаетъ. Правда, что господинъ Мирепоя изъ Вѣны за недѣлю тому назадъ писалъ сюда, что отправляетъ при своемъ письмѣ пакетъ отъ него Вилленева; но оный пакетъ при томъ не найденъ, и буде не забыть отъ него Мирепоя, то знатно въ доррѣгѣ пропалъ. Господину кардиналу, по совѣту статскаго секретаря, я представилъ, что сколько моей аудиенции касается—его совѣту слѣдовать готовъ, и онъ мнѣ сказалъ, что онъ уже недѣлю за пять самъ писалъ къ Вашего Императорскаго Величества кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману о премѣнѣ характера, и что онъ прилично чаеъ ожидать отвѣту, который долго замедлить не можетъ. Сколько же я до сѣхъ поръ провѣдать могъ, есть образцы, что полномочные министры у короля приватную аудиенцію имѣли и грамоты свои сами Его Величеству подавали, отъ чего знатно, что господинъ Амелотъ не гараздо о семъ дѣлѣ увѣдомленъ, и слѣдовательно, что мнѣ аудиенцію отказать будетъ не можно, когда время къ тому приидеть.

Господинъ кардиналъ въ разговорахъ своихъ между прочимъ удостовѣрялъ меня о истинной королевской склонности къ возобновленію добраго согласія съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и о усердности, съ которою онъ кардиналъ по своей возможности поспѣшествовать такъ полезное дѣло намѣренъ. Я его съ начала разговору о подобной съ Вашего Императорскаго Величества стороны диспозиции въ сильнѣйшихъ терминахъ обнадежилъ, какъ и отъ Вашего Императорскаго Величества особливою къ нему кардиналу истиннѣ и конфиденци. На что онъ съ своей стороны съ крайнимъ похваленіемъ Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица отозвался, являя благодареніе за Вашего Императорскаго Величества къ нему снисходительство. Потомъ, вступивъ въ разсужденіе о турецкой негодіиціи, показывалъ сожалѣніе, что миръ до сѣхъ поръ съ Портою заключить было не можно, и отчасти старался приписывать оное замедленіе присово-

купленію двухъ морскихъ державъ къ медіаціи его французскаго величества, что мнѣ случай подало ему изъяснить, что Ваше Императорское Величество не имѣли никакого затрудненія принять одну Его Величества медіацію, будучи весьма благонадежны, что въ лучшія руки интересы свои препоручить бы не могли, но что двѣ морскія державы, издавно предложивши Вашему Величеству свое посредство, не могли бы вы ихъ выключить, не давъ имъ причины къ недовольству, и что тотъ только одинъ резонъ склонилъ Ваше Величество при случаѣ акцептованіи медіаціи французской, и двухъ морскихъ державъ медіацію присоединить; что же впрочемъ Ваше Императорское Величество неотмѣнное желаніе къ прекращенію войны имѣеть и оно уже оказать изволили своими весьма умѣренными требованіями, о которыхъ ему господину кардиналу уже пространно чрезъ письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана сообщено. Господинъ кардиналъ на всѣ оныя рѣчи мнѣ не прекословилъ, но только примѣчалъ, что Порта, теперь малыми полученными съ стороны венгерской авантажами ободрена будучи, не столько къ примиренію склонности являютъ кажется, и что одинъ только благополучный успѣхъ вашего войска при Днѣстрѣ въ состояніи ихъ присмирить. При томъ прочелъ мнѣ послѣднее письмо вышепомянутаго Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра 6-го августа, которое даетъ знать, что понеже Порта предложенная отъ васъ кондиціи въ показанный срокъ не акцептовала, Ваше Императорское Величество не опредѣлили еще намѣренными оныхъ держаться; и на то кардиналъ требовалъ отъ меня пространнѣйшаго изъясненія. Я ему отвѣтствовалъ, что я, еще въ Лондонѣ будучи, сіе предусматрѣвая, всеподданнѣйше просилъ, чтобъ высочайшая Вашего Величества воля о томъ мнѣ была объявлена, и пока на то указъ получу, ничего ему позитивнаго сказать не въ состояніи. По окончаніи сего, я ему съ стороны припомянулъ, что по нынѣшнему возобновленному доброму согласію межъ двумя дворами Ваше Императорское Величество причину имѣеть надѣяться, что посоль французскій при шведскомъ дворѣ для сохраненія тишины сѣверной, которая съ тишиною всея Европы не раздѣльна, употребить свой кредитъ къ пресѣченію дальнихъ вѣдвовъ безпокоенныхъ тамо людей, еслибъ такіе находились. На что господинъ кардиналъ мнѣ отвѣтствовалъ, что по всѣмъ изъ Стокгольма, вѣдомостямъ никакихъ военныхъ замысловъ

II отдѣлъ. 9

съ той стороны опасаться уже не можно, и что Сентъ-Северину наисплнѣйшими отъ короля указами запрещено не вступать ни въ какія домашнія дѣла тамошняго правленія.

Предъ выходомъ отъ него кардинала, онъ мнѣ далъ знать, что господину Вогренану приказано какъ можно скорѣе отсюда къ вашему двору отъѣхать, но что онъ Вогренанъ извиняется тѣмъ своимъ отъѣздомъ посидѣть за невозможностію отправить моремъ свой багажъ въ нынѣшнюю позднюю пору, и для того де онъ ему велѣлъ видѣться со мною, чтобъ сыскать къ тому какой-либо способъ; онъ Вогренанъ у меня сегодня былъ, и я у него, но въ дорогѣ разъѣхали, другъ друга не видали; по стану стараться его на сихъ дняхъ въ домѣ застать и сколько можно его уговорить, чтобъ недолго здѣсь медлить, хотя не надѣясь въ томъ много удачи, понеже безъ своего экипажа при дворѣ вашемъ обойтись не можетъ, а сухимъ путемъ оный отправить гораздо дорого бы стало, что, чаю, ему не весьма пріятно. Малая здѣшняя склонность къ лишнимъ издвигеніямъ можетъ и вашему Императорскому Величеству убавить потребныя издержки на публичный здѣсь посольскій входъ, если съ обѣихъ сторонъ согласено будетъ, чтобъ такъ при вашемъ, какъ и при здѣшнемъ дворѣ взаимно того не чинили. О семъ всеподданнѣйше прошу заблаговременно высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю мнѣ объявить, какъ о прочихъ пунктахъ, церемоніалу касающихся, о которыхъ я смѣлъ честь требовать изъясненія въ одной изъ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ, чтобъ я могъ заранѣе пресѣчь всѣ затрудненія, которыя въ томъ родиться бы могли.

Сколько касается моего обхожденія съ чужестранными министрами, здѣсь обрѣтаемыми, господамъ посламъ безъ всякаго объявленія и первую визиту отдать намѣренъ, и уже у цесарскаго и испанскаго былъ, а сардинскій особливимъ учтивствомъ меня въ томъ предупредилъ; прочимъ же посланникамъ и министрамъ о своемъ пріѣздѣ повѣстилъ, и ихъ визиты ожидать буду.

Въ прочемъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенжайше пребывая, Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій рабъ князь Антиохъ Кантемпръ.

Изъ Парижа. Сентября 21 (10)-го дня 1738 года.

Р. S. Понеже поста отъѣзжаетъ отсюда гораздо рано, я письма свои пишу наканунѣ, и число того дня ставлю, и такимъ

образомъ впредь всегда оное число въ моихъ покорнѣйшихъ репликахъ означено будетъ.

II.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всеми-
лостивѣйшая!

Надежный человекъ принца Лихтенштейна отъѣзжая отсюда въ Брюссель, я не хотѣлъ сію способную оказію пропустить, чтобъ всеподданнѣйше не донести Вашему Императорскому Величеству, что кардиналъ слѣдуетъ за королемъ въ Фонтенебло противно совѣту докторовъ. Здоровье его хотя кажется довольно исправлено, однакожь то подлинно, что однѣми лѣкарствами поддерживаетъ падающую жизнь свою, и какъ часто престааетъ лѣкарства принимать, такъ часто поносъ возобновляется: а воздухъ Фонтенеблоя, сказываютъ, весьма вредителенъ; кромѣ того, что болящему человеку кардинальскаго возраста и самая дорога не мало вредительна; противъ всѣхъ тѣхъ разсужденій отваживается онъ туда ѣхать для предупрежденія или при своемъ житіи отставки отъ главнаго правительства, или по своей смерти вступленія на свое мѣсто такого человека, который его видамъ противенъ. Извѣстно ему, какъ и всѣмъ здѣсь, что при дворѣ разныя и къ одному и къ другому намѣренію—кабалы производятся, въ которыхъ начальствуетъ сестра люка Бурбонскаго помощію госпожи де-Мальи. Господинъ Шовеленъ имѣтъ партію при дворѣ, которая льститъ себя, что какъ кардинала не станетъ, безъ него обойтись не можно. Другіе чаютъ, что король самъ въ томъ случаѣ управлять будетъ съ четырьмя стагскими секретарями, всякій вѣдая своя; одинъ департаментъ всѣ дѣла государственныя: сіе послѣднее кардиналу столько желательно, сколько ненавидимъ ему Шовеленъ, человекъ, какъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, опасный, и который еслибы въ другоръ прежній свой авторитетъ досталъ, Европа трудно тишину свою сохранить. Только я по сю пору провѣдать могъ отъ надежныхъ людей, которые удостовѣряютъ, что кардиналъ зиму пережить не силенъ, и слѣдовательно, что до весны отнѣну въ дѣлахъ ждать должно.

Я, не имѣя слѣдовать за королемъ въ Фонтенебло, просилъ принца Лихтенштейна, которому подробно сообщилъ все, что у меня съ кардиналомъ и съ Амелотомъ произошло, безъизвѣстно, чтобъ старался дабы отъ сюда къ С. Северину указъ былъ отправленъ,

чтобъ онъ согласно съ Вашего Императорскаго Величества тайнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ старался у двора шведскаго умолять всякую волю къ новымъ замысламъ. Онъ принцъ уже Амелоту о томъ вчерась говорилъ, который ему съ божбою отвѣтствовалъ, что давно о томъ къ С. Северину писано и подтверждено, чтобъ тамошнимъ войнолюбцамъ изъяснить, что весьма бы противно было его французскому величеству, если бы Швеція войну противъ васъ объявить хотѣла, что тѣмъ иного не учинять, кромѣ чтобъ понудить васъ къ заключенію мира съ Портою и къ нападенію на ихъ отечество съ великою силою, противъ которой обороняться будутъ не сильны.

О турецкой негодяціи ничего новаго здѣсь не имѣютъ; послы же, говорятъ, какъ помянуто въ моей послѣдней, Виленевовъ пакетъ еще не получили. По здѣшнихъ мнѣнію, миръ или продолженіе войны зависить отъ удачи Вашего Императорскаго Величества войска при переправѣ Нестра рѣки: и я о томъ нетерпѣливо ожидаю извѣстіе, наипаче, что здѣсь разныя вѣдомости по вся дни вымышляютъ, по склонности здѣшняго народа къ Туркамъ.

Впрочемъ я никакой случай не оставляю принцу Лихтенштейну показать, что исполняю Вашего Императорскаго Величества, указъ въ обхожденіи моемъ съ нимъ поступая съ крайнею откровенностію, и по сѣ пору онъ такимъ же образомъ себя со мною ведетъ. Съ его согласія до полученія высочайшаго вашего указа, которымъ характеръ мой имѣеть быть опредѣленъ, не отзываюся о учиненномъ затрудненіи въ допускѣ меня къ королевской аудіенціи. Если по тому указу я нынѣшній свой характеръ сохраняю, то тогда или уговорю отставить то безосновательное затрудненіе, или просить буду отъ Вашего Императорскаго Величества резолюцію и до полученія вашего указа, грамоту подлинно у себя задержу, давъ отчасти знать тогда, что господинъ Вогренанъ долженъ будетъ имѣть при дворѣ вашемъ подобной моему трактamentъ, и для того избирали бы лучшей и пріятнѣйшей.

За симъ, препоручая себя въ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребываю, Вашего Императорскаго Величества, всенижайшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. 1738 года сентября 25-го.

III.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Вчерась я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ отъ 19-го сентября подъ № 25, съ приложенными при немъ экстрактами изъ письма господина кардинала де-Флерія отъ 17-го августа, съ отвѣтомъ на оное Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана. Изъ онаго рескрипта съ крайнимъ моимъ сожалѣніемъ я усмотрѣлъ, что всѣ мои безкорыстливыя намѣренія и по возможности моей предосторожные поступки въ дѣлѣ взаимной пересылки министровъ съ здѣшнимъ дворомъ не имѣли счастья такимъ образомъ Вашему Императорскому Величеству себя представить, чтобъ могли во всемъ заслужить Высочайшую Вашего Императорскаго Величества апробацію, и что я въ отвѣтъ на оной высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ еще принужденъ васъ трудить своимъ оправданіемъ.

Я самъ признаваю, что дѣло сіе такою дорогою шло и такія обстоятельства, одно за другимъ слѣдующія, имѣло, что легко можетъ Вашему Императорскому Величеству праведные сумнительства подать, что отъиѣна въ намѣреніи здѣшняго двора о характерѣ мною проискана, и то самое я еще въ Лондонѣ предвидѣвъ, принялъ смѣлость всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество удостовѣрить о противномъ въ покорнѣйшей моей реляціи подъ № 59 отъ 18-го августа, которую еще, и теперь чистою совѣстью подтверждаю; и если Ваше Императорское Величество для лучшаго своего удовольствия позволить мнѣ отъ самого кардинала требовать подтвержденіе моего довошенія, крѣпко надѣюсь оное получить: потому всенижайше прошу позволить мнѣ той отъиѣи причину другую искать и для того всенижайше возобновить въ Вашего Императорскаго Величества памяти мои поступки, о которыхъ отъ времени до времени я доносилъ.

Въ первомъ Вашего Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ о моемъ назначеніи было мнѣ предписано графу Камбису объявить, что вы соизволяете мнѣ принять такой характеръ, каковъ французскому двору будетъ угоденъ, отправляя между тѣмъ кредитивы на полномочнаго министра и посланническаго; отъ чего

я разумѣлъ, что Вашему Императорскому Величеству, не противно было, чтобъ министръ французскій для вашего двора отправленъ былъ въ посольскомъ характерѣ, и что если бы то случилось, и я бы подобнаго надѣяться могъ—не по своимъ заслугамъ, но по отмѣнному Вашего Императорскаго Величества великодушію: въ такомъ разумѣніи натурально мнѣ было оный характеръ надъ прочими желать. Полагая, что господинъ Камбисъ мое тогдашнее представленіе точно господину кардиналу доносилъ (о чемъ однакожь сомнѣваюсь, вѣдая характеръ чловѣка), онъ господинъ кардиналъ тогда могъ имѣть въ мысли, что мнѣ пріятнѣе бы было, чтобъ французскій министръ назначенъ былъ въ посольскомъ характерѣ, и еслибъ въ мое благоугожденіе на то склониться хотѣлъ, слѣдующимъ господина Амелота отвѣтомъ объявлено бы было, что Его Королевское Величество желаетъ къ вамъ посла отправить; но отвѣтъ тотъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволили примѣчать, столь ясно объявляетъ, что Его Величество предъизбралъ характера полномочнаго министра, что яснѣе писать не можно, отъ чего слѣдуетъ, что кардиналъ тогда въ мою благоугодность ничего не учинилъ. Послѣ того отъ меня никакого представленія о посольскомъ характерѣ не чинено, въ чемъ ссылаюсь на графа Камбиса, развѣ онъ, какъ я въ вышепомянутой моей покорнѣйшей реляціи доносилъ, собой что кардиналу писалъ, да и то трудно вѣрять, понеже онъ Камбисъ не много и о важныхъ дѣлахъ пишетъ. Изъ всего того я заключить долженъ, что господинъ кардиналъ, часто повторяя такъ чрезъ господинна Амелота, какъ и въ своемъ письмѣ къ Вашего Императорскаго Величества кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману, что въ характерѣ отмѣну учинить бы желалъ по моему желанію, прямую причину укрываетъ, которая зависитъ въ персонѣ господина Вогренана, бывшаго дважды уже посломъ; правда, что онъ Вогренанъ и полномочнымъ министромъ бѣжать не отрекается, но безсумнительно не поѣдетъ безъ посольскаго жалованія, которое было бы главнѣйшее затрудненіе, а понеже такое жалованіе ему отказать не можно, натурально кардиналу желать, чтобъ онъ отбѣжалъ въ посольскомъ характерѣ, дабы подобнаго съ вашей стороны здѣсь имѣть, и можетъ быть учтивѣе ему казалось объявить, что на то склоняется, по желанію вашего министра. Сіе мое всеподданнѣйшее разсужденіе столь истинно и основательно, что если бы сей дворъ съ самаго начала помянутаго

графа Вогренана персону избралъ тогда же бы вмѣсто характера полномочнаго министра на отправленіе особы въ посольскомъ складѣ, то предложенное въ Амелотовомъ письмѣ затрудненіе церемоніаль мадовожно быть имѣло, что теперь объ ономъ не упоминаютъ; потому я уповаю, что Ваше Императорское Величество съ роднымъ себѣ праводушіемъ вышеписанное всемилостивѣйше разсмотрѣвъ признать изволить, что я невиновенъ приключенію, которое въ семь дѣлъ кажется приводить нѣкакое затрудненіе; оно касается одной только моей персоны, для того важность никакую имѣть не можетъ, понеже я никакой волн собственной не имѣю и совѣмъ завишу отъ Вашего Императорскаго Величества высочайшей резолюціи; впрочемъ господинъ Вогренанъ отсюда отѣхать можетъ въ какомъ характерѣ Вашему Императорскому Величеству угодно, какъ я уже честь имѣлъ въ прежнихъ упомянуть, и въ томъ неотмѣнно слѣдовать буду Вашего Императорскаго Величества высочайшему рескрипту и приложенному при немъ экстракту съ письма вашего кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана; держался точно содержанія онаго и самыхъ словъ въ моихъ представленіяхъ—такъ кардиналу (который третьяго дни изъ Иссп отѣхалъ), какъ и господину Амелоту. Для исполненія же той своей должности завтра рано отѣзжаю въ Фонтенебло, и оттуда о происшедшемъ межъ нами обстоятельно и всенпжайше Вашему Императорскому Величеству доносить не премину.

Остается мнѣ еще оправдаться предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ томъ, что я до сѣхъ поръ у короля аудіенціи не получалъ, что Ваше Императорское Величество къ крайнему моему сожалѣнію весьма не апробуетъ. Въ Лондопѣ я будучи не предусматривалъ никакого затрудненія въ допускѣ къ королевской аудіенціи, и потому всенпжайше доносилъ, что хотѣлъ слѣдовать кардинальскому совѣту—получать ли оную, или ожидать высочайшаго вашего указа на мое тогдашнее доношеніе: а прибывъ сюда, такъ отъ вводителя посольскаго, какъ и отъ самаго статскаго секретаря удостовѣренъ, что мнѣ у короля частную аудіенцію для подачи Вашего Императорскаго Величества грамоты въ собственныя руки по обыкновенной къ Его Величеству рѣчи въ полномочнаго министра характеръ имѣть не можно, и то мнѣ еще подтверждено отъ господина Амелота чрезъ письмо принца Лпхтенштейна, какъ и во свое время Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ. Потому поступою

мой уже не отъ моего произволенія по совѣту кардинальскому, но отъ самой нужды произошелъ. Правда, что хотя я господину Амелоту и посольскому вводителю представилъ образцы частныхъ аудіенцій министровъ полномочныхъ, и отъ того имъ показывалъ, что оную мнѣ отказать не можно, однакожь господину кардиналу объ ономъ затрудненіи не упоминалъ, чая, что могъ бы лучше съ начала моего министерства заслужить себѣ его конфиденцію, слѣдуя его совѣту и удаляя причину къ спору, который имѣлъ бы изъясненіемъ высочайшей Вашего Императорскаго Величества резолюціи собою пресѣченъ быть, столь наипаче, что Вашего Императорскаго Величества дѣла, сколько случаевъ мнѣ подавали ваши инструкціи и получаемые указы, между тѣмъ никакой ущербъ претерпѣвать не могли, поѣже я и безъ той королевской аудіенціи должность вашего министра отправлялъ и такимъ такъ отъ здѣшнихъ, какъ и отъ чужестранныхъ (съ которыми визиты взаимно мы отправились) дѣйствительно признанъ; но поѣже тотъ мой поступокъ не имѣлъ счастья быть отъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйше апробованъ, всеноданнѣйше прошу оное мнѣ оставить, ибо я того держался съ невѣденіи лучшаго, и что не смѣлъ въ Лондонѣ остановиться до полученія на то Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указа. Помянутое затрудненіе о допускѣ моемъ къ аудіенціи королевской со всѣми моими представленіями и теперь еще не отнято, такъ что господинъ де-Вернелъ, посольскій вводитель, еще третьяго дня мнѣ говорилъ, что онъ не знаетъ, какъ можно церемоніаль для меня отъѣхать, и на показанные образцы сардинскаго и царскаго министровъ мнѣ отвѣтствовалъ, что сардинскій министръ ту аудіенцію если имѣлъ, то было во время делкатныхъ конъюнктуръ, при составленіи союзаго трактата, слѣдовательно, для весьма важнаго дѣла, и послѣ той аудіенціи еще сильнѣе церемоніаль въ томъ пунктѣ утвержденъ. А господинъ Смерлингъ подлинно де частную аудіенцію не имѣлъ, и теперь въ затрудненіи находится, какъ свой отпущекъ отъ Его Величества получать; но не смотря такъ на его, какъ и господина Амелота слова, что оба въ своихъ чинахъ новы, и можетъ быть, подробно о семъ дѣлѣ неизвѣстны, тотчасъ по прибытіи моемъ въ Фонтенебло господинъ кардинала проситъ буду о исходатайствованіи мнѣ частной аудіенціи у короля для врученія Вашего Императорскаго Величества вѣрующей грамоты, которую нарочно съ собою везу, и если онъ мнѣ подобное затрудненіе учинитъ, всею возможностью, такъ

собою, какъ и въ нуждѣ,—чрезъ ~~цесарскаго~~ посла стараться стану чтобъ оное отнять и какую удачу имѣть буду, всевышайше Вашему Императорскому Величеству донесу; между тѣмъ всеобданныйше прошу меня въ запасъ всемилостивѣйшимъ уважомъ вашнимъ снабдить, какимъ образомъ мнѣ поступать, если то затрудненіе отставлено не будетъ, до полученія котораго я Вашего Императорскаго Величества грамоту кромѣ короля подлинно никому не вручу.

Чрезъ вчерашнюю же почту я имѣлъ честь получить другой Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 5-го сентября подъ № 24, да при письмѣхъ вашего тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и полномочнаго чрезвычайнаго посла графа Александра Гавриловича Головкина пакетъ для господина кардинала. Сей по прибытіи моемъ въ Фонтенебло самъ тотчасъ вручу; а по высочайшему вашему указу письмомъ милорду Гарингтону повелѣнное исполню. Сколько же отъѣзду графа Вогренана касается, изъ прежнихъ моихъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили, что оный до весны отложилъ за трудностію отправленія экипажа, который моремъ уже ему отправлять поздно, напаче что, какъ мнѣ сказывалъ, никакого еще приготовленія не учинилъ. А графу Камбису о назначеніи Вогренановомъ какое объявленіе учинить указано, Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили усмотрѣть изъ переводу Амелотового письма, введеннаго въ моей покорнѣйшей реляціи отъ 18-го августа, въ которомъ не упоминается, что онъ имѣлъ о томъ сообщить англискимъ министрамъ.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ паче новаго Вашему Императорскому Величеству доносить не имѣю, но надѣюсь, что по прибытіи моемъ въ Фонтенебло подробно о помянутой въ послѣдней моей реляціи вѣдомости извѣстився, покорнѣйшимъ доношеніемъ словмъ не умедлю. Засимъ препоручая себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость всевышайше пребываю. Вашего Императорскаго Величества всеподданныйшій рабъ князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, октября 26 (15)-го дня 1738 года.

*Роспись чужестранныхъ министровъ, обрѣтаемыхъ въ Парижѣ
1738 года декабря 4-го.*

Послы:

Цесарскій. принцъ Лихтенштейнъ.

Испанскій, марки Деласъ-Минасъ.

Англинскій, графъ Вальграфъ.
Португалскій, донъ-Дакуня.
Сардинскій, кавалеръ Соларъ.
Сицилскій, принцъ Дела-Торелла.
Венеціанскій, господиъ Веніеръ.
Голландскій, ванъ-Гой.
Мальтійскій, балъи Демемъ.

Интернунцъ папской:

Аббать Леркарп.

Полномочный министръ:

Цесарскій, господиъ Смерлингъ.

Посланники:

Датскій, графъ Шуленбургъ.
Тосканскій, аббать Франквини.
Генуескій, господиъ Бригноли.
Баварскій, принцъ Гримбергъ.
Лорренскій, господиъ Гюлинь ¹⁾.
Моденскій, графъ Кассіо.
Гвастальскій, господиъ Боріо.
Женевскій, господиъ Телюсонъ.

Министры безъ характера:

Шведскій, баронъ де-Флемпигъ.
Прусскій, господиъ Шамбрие.
Палатнскій, господиъ Гревенброкъ.
Саксонскій, господиъ Дебресъ.
Виртембергскій, господиъ Фешъ.
Дармштадскій, господиъ Бемеръ.
Легнхскій, кавалеръ Гратъ.
Португалскій, господиъ Деласердъ.

IV

*Выписка изъ реляціи князя Антіоха Кантемира. Изъ Парижа,
отъ 21 (10)-го декабря 1738 года.*

Третьяго дня на пиру испанскаго посла, господиъ Амелотъ мнѣ объявилъ, что Его Королевское Величество въ разсужденіи чи-

¹⁾ Со стороны короля Станислава. Д. В. - К

нимыхъ отъ меня повторенныхъ домогательствъ склонился противъ принятой предъ симъ резолюціи дозволить мнѣ у себя приватную аудіенцію и изволилъ къ тому назначить наступающій вторникъ, то есть 23-го сего, тотчасъ послѣ публичной аудіенціи князя Лихтенштейна. Такова Его Королевскаго Величества резолюція въ послѣдствіе моего послѣдняго съ кардиналомъ пзясненія, всеижайше уповаю, что Вашему Императорскому Величеству причину подасть всемплоствѣйше апробовать тотъ мой поступокъ, отваженный безъ вашего указа, для престоереженія вашихъ интересовъ.

Вышепомянутый цесарскій посоль, сегодня учинилъ свой публичной въѣздъ въ сей городъ съ такою чрезвычайною магнафицицею, что мало кто подобную помнить. Богатство и искусный выборъ, какъ пзрядный порядокъ, отъ всѣхъ съ удивленіемъ въ томъ въѣздѣ присмотрѣны,—и проч.

V.

Выписка изъ реляціи князя Антіоха Клителера. Изъ Парижа, отъ 25 (14)-го декабря 1738 году.

Въ слѣдствіе того, что я всеижайше доносилъ въ послѣдней моей поборнѣйшей реляціи третьяго дня, то есть 23-го сего, и вмѣлъ свои приватны аудіенціи у короля, королевы, у делфина и у принцессы между публичными аудіенціями князя Лихтенштейна. На всѣ оныя аудіенціи я препровожденъ былъ господиномъ Сентотомъ, вводителемъ посольскимъ, безъ всякаго различія отъ пословъ при подобныхъ приватныхъ аудіенціяхъ. Его Королевское Величество принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, стоя на погахъ и имѣя по правую руку кардинала де-Флерія, а по лѣвую статскаго секретаря Амелота. Господинъ Сентоть, введши меня въ кабинетъ, выступилъ вонъ и двери затворилъ. Тогда я отправилъ Его Величеству свою рѣчь (съ которой при семъ прилагаю конію съ переводомъ) и подалъ Его Величеству въ собственныя руки Вашего Императорскаго Величества вѣрную грамоту. Его Величество, принявъ оную, въ слухъ точныхъ словахъ мнѣ приказалъ благодарить Ваше Величество за данный ему знакъ своей дружбы и съ тѣмъ я отпущенъ. Я нарочно всѣ обстоятельства сей моей аудіенціи подробно описалъ за случившимся мнѣ въ допускъ къ оной затрудненіемъ, которое отнято напаче къ удовольствованію Вашего Императорскаго Величества такимъ отъѣннымъ образомъ,

что до сѣхъ поръ никому изъ полномочныхъ министровъ препровождение къ аудіенціи отъ вводителя посольскаго не дозволено, и то обстоятельство особливо отъ прочихъ чужестранныхъ министровъ примѣчено. У Ея Королевскаго Величества, у делфина и у принцессъ аудіенціи мои были почти публичныя, понеже всѣ персоны, обрѣтаемыя при аудіенціи князя Лихтенштейна, въ ихъ каморахъ остались, наипаче же при королевѣ и при делфинѣ присутствовали кардиналъ и господинъ Амелотъ. Такъ Ея Величеству, какъ и Ихъ Высочествамъ я отправилъ короткій комплиментъ, обнадеживая ихъ о вашемъ къ нимъ почтеніи и вашей дружбѣ, и прося себѣ ихъ благосклонность во время моего пребыванія при здѣшнемъ дворѣ. Отвѣтъ Ея Величества и принцессъ я Вашему Императорскому Величеству донести не могу, понеже такъ тихо позволили говорить, что я ни какимъ образомъ дослушать не былъ въ состояніи. А делфинъ приказалъ мнѣ удостовѣрить Ваше Величество о своей дружбѣ.

Впрочемъ въ тотъ день я времени не имѣлъ, особливо съ министрами видѣться, и слѣдовательно, съ ними о какихъ дѣлахъ говорить. А отъ здѣшнихъ только имѣю Вашему Императорскому Величеству всенижайше донести, что за нѣсколько времени король Прусскій чрезъ своего въ Вѣнѣ министра подалъ тамъ меморіаль о дѣлѣ Юлія и Берга, отчасти съ непристойными угрозами; Его Императорское Величество предложилъ здѣсь, чтобъ для предупрежденія дѣйствъ тѣхъ угрозъ прилично, чтобъ Его Французское Величество далъ Его Цесарскому Величеству гарантію противъ всѣхъ, кто бы въ слѣдствіе дѣла Юлія и Берга хотѣлъ искать Его Цесарскому Величеству вреда; по оному цесарскому предложенію здѣшній дворъ исполнить склонился, и какъ князь Лихтенштейнъ меня удостовѣрилъ, на сихъ дняхъ имѣетъ заключенъ быть актъ той гаранціи; желательно бы было, чтобъ онъ такую удачу имѣлъ и въ дѣлѣ Рагоція, о которомъ не знаю еще какой отвѣтъ ему данъ.

Переводъ съ рѣчи ¹⁾.

Государь!

Императрица моя государыня имѣя истинное почитаніе къ освященному лицу Вашего Величества и къ вашей дружбѣ почтила ме-

---

¹⁾ Оригиналъ въ реляціяхъ не имѣется. Д. Б.— К.

ня титломъ своего полномочнаго министра при Вашемъ Величествѣ, чтобъ доказать вамъ свои сентименты!

Ея Императорское Величество соизволяетъ къ тому, чтобъ я имѣлъ счастье быть нѣвакимъ образомъ орудіемъ въ распространенію и утверженію добраго согласія, благополучно возстановленнаго межъ Ея Императорскимъ Величествомъ и вашимъ, — дѣло, которое Ея Императорское Величество желаетъ споспѣшествовать сколько отъ нея зависитъ!

Крайне чувствительна мнѣ будучи почестъ столь отмѣнной комиссіи, желанія мои верхъ бы свой достигли, если въ исполненіи указовъ моей государыни успѣхъ соотвѣтствуетъ моей ревности, и если въ то же время могу заслужить себѣ Вашего Величества милость и покровительство.

VI.

*Выписка изъ реляціи князя Кантемира, отъ 1-го января 1739 года
(21-го декабря 1738 года).*

Прилагаю при семъ газету здѣшнюю, въ которой о моей аудіенціи внесенъ артикулъ, чего прежде въ подобныхъ аудіенціяхъ полномочныхъ министровъ не учинено. Оная газета служить можетъ впредь къ доказательству, еслибъ наче чаянія когда съ другими вашими министрами при здѣшнемъ дворѣ затрудненіе какое о томъ же дѣлѣ произошло, и къ тому жъ изъ нея видѣть можно порядокъ, съ которымъ цесарскій посоль такъ при выѣздѣ какъ и при публичной своей аудіенціи отъ здѣшняго двора принять:

De Paris, le 27 décembre 1738.

Le 21 de ce mois le prince de Lichtenstein, ambassadeur de l'empereur, fit son entrée publique en cette ville. Le maréchal de Puysegur et le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs, allerent le prendre dans les carosses du roi et de la reine au couvent de Piques, d'où la marche se fit en cet ordre: le carosse de l'introducteur; les deux carosses du maréchal de Puysegur, précédés d'un ecuyer et de deux pages à cheval; un suisse de l'ambassadeur, à cheval; sa livrée à pied; dix de ses palefreniers à cheval; son maitre d'hôtel et dix de ses officiers; un de ses ecuyers, à la tête ne douze palefreniers, qui menoient en main des chevaux richement harnachés; un ecuyer et huit pages à cheval; le carosse du

roi, aux cotés du quel marchaient la livrée du marechal de Puysegur et celle du chevalier de Sainctot; le carosse de la reine; celui de m-me la duchesse d'Orleans; ceux du duc d'Orleans, du duc de Chartres, de la duchesse de Bourbon douairière; du duc et de la duchesse de Bourbon, du comte de Clermont, de la princesse de Conty, première douairiere; de la princesse de Conty, seconde douairière; du prince de Conty, de la duchesse du Mayne, du prince de Dombes, du comte d'Eu, de la comtesse de Toulouse, du duc de Penthièvre, et celui du sieur Amelot, ministre et secrétaire d'Etat ayant le departement des affaires etrangeres, et à la distance de trente à quarante pas, les cinq carosses de l'ambassadeur, precedés d'un suisse à cheval. La magnificence des carosses du prince de Lichtenstein repondoit à celle de sa livrée, qui etoit très nombreuse. Lorsque l'ambassadeur fut arrivé à son Hôtel, il fut complimenté de la part du roi par le duc d'Aumont, premier gentilhomme de la chambre; de la part de la reine, par le comte de Tessé, son premier ecuyer, et de la part de madame la duchesse d'Orleans, par le marquis de Crevecoeur, premier ecuyer de son altesse royale.

Le 23, le prince de Pons, et le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs, allèrent prendre l'ambassadeur en son hôtel dans les carosses de leurs Majestés, et ils le conduisirent à Versailles, où il eut sa première audience publique du roi: il trouva à son passage dans l'avant-cour du château les compagnies des gardes Françaises et Suisses sous les armes, les tambours apellant dans la cour, les gardes de la porte et ceux de la Prevosté de l'hôtel sous les armes à leurs postes ordinaires, et sur l'escalier les cent suisses en habits de cérémonie, la hallebarde à la main. Il fut reçu en dedans de la salle des Gardes par les duc d'Harcour, capitaine des gardes du corps qui étoient en haye et sous les armes. Après l'audience du roi, l'ambassadeur fut conduit à l'audience de la reine et à celle de monseigneur le dauphin par le prince de Pons, et par le chevalier de Sainctot, introducteur des ambassadeurs: il eut ensuite audience de mesdames de France, et après avoir été traité par les officiers du roi, il fut reconduit à Paris dans les carosses de leurs Majestés avec les cérémonies accoutumées.

Le même jour le prince Cantemir, ministre plenipotentiaire de la czarine, eut une audience particulière du roi. Il y fut conduit, ainsi qu'à celles de la reine, de monseigneur le dauphin et de mes-

dames de France, par le chevalier de Saintot, introducteur des ambassadeurs.

VII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всеми-
лостивѣйшая!

Третьяго дня я имѣлъ честь получить чрезъ штафету изъ Ве-
зела Вашего Императорскаго Величества два всемилостивѣйшіе
рескрипта, оба отъ 15-го декабря, подъ № 37 и 38, съ приложенными
при немъ кредитивомъ на посольскій характеръ, съ копіею съ
оного, съ письмомъ оригинальнымъ Вашего Императорскаго Вели-
чества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣт-
ника графа Андрея Ивановича Остермана къ господину кардиналу,
и съ копіею же такъ того письма, какъ и кардинальскаго, отъ
8-го побря.

Вашего Императорскаго Величества въ семъ случаѣ ко мнѣ вы-
сочайшая милость и великодушіе столь отмѣнны и столь прево-
сходятъ мои малыя заслуги, что я не могу сыскать довольно силь-
ныхъ словъ къ достойному Вашему Императорскому Величеству
всеподданнѣйшему благодаренію. Оную однакожь высочайшую ми-
лость по должности своей чувствую, и по крайней своей возможности
стараться стану оную заслужить, непрестанно имѣя Всевышнему
Богу приносить свое прошеніе, чтобъ Вашему Императорскому Ве-
лпчеству наградилъ многолѣтнимъ здравіемъ и благополучнымъ
царствованіемъ къ распространенію своей славы.

Въ моемъ молодомъ возрастѣ и при маломъ моемъ достоинствѣ
пожалованной мнѣ Вашего Императорскаго Величества характеръ
своего чрезвычайнаго посла не можетъ не подать мнѣ причину къ
особливому моему увеселенію, и таково бы оное подлинно было, если
бы прочія okolичности къ тому отчасти не препятствовали. Я не
знаю къ чему приписать и какъ согласить съ ласковымъ пріемомъ,
который ко мнѣ господинъ кардиналь до сѣхъ поръ являетъ, его
почти нарочный проскъ вводить меня всякимъ своимъ письмомъ въ
новый гильвъ Вашего Императорскаго Величества. Во всѣхъ тѣхъ
своихъ письмахъ всѣ приключенія мнѣ приписываетъ и тѣмъ даетъ
Вашему Императорскому Величеству правильную причину подозри-
тельные имѣтъ мои поступки и быть оными не довольны; хотъ въ
самой истинѣ всѣ приключенія по назначенію моемъ къ здѣ-
шнему двору никакой, могу сказать, поводъ съ моей стороны не

имѣли. О отиѣннѣ характера и о затрудненіяхъ въ моей аудіенціи я уже въ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ надѣялся совершенно себя оправдать, для того о томъ при семъ упомянуть оставляю, опасаясь напрасно утруждать Ваше Императорское Величество. Не могу однакожь пропустить еще прибавить, что о тѣхъ двухъ пунктахъ, когда Ваше Императорское Величество связанныя высочайшими вашими указами мои руки освободить соизволили, отъ самыхъ французскихъ министровъ доставить подтвержденіе моихъ словъ уповаю. Сколько же касается остановленія отъѣзду отсюда господина Вогренана, которое господинъ кардиналъ мнѣ приписываетъ, имѣю всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести, что съ самаго моего прибытія я ему кардиналу, господину Амелоту и самому графу Вогренану многожды ревностныя представленія учинилъ, чтобъ сей послѣдній отъѣздомъ своимъ отъ сюда немедлилъ, на что отъ вѣхъ мнѣ представлено было (а не отъ меня имъ), что время къ морскому пути будучи позднее, онъ Вогренанъ своего экипажа отправить не можетъ. Я ему не однажды представлялъ, что до Гамбурга и до Риги (объ Ревелѣ я не упоминалъ, не будучи въ томъ благонадеженъ) можно всегда кораблямъ ѣхать, и оттуду сухимъ путемъ легко всякія вещи до Санктпетербурга перевезть: на оное господинъ Вогренанъ всегда мнѣ отвѣтствовалъ, что тотъ переѣздъ сухимъ путемъ еще долготъ и многія изживенія требуетъ, кромѣ того что кареты повредятся могутъ. Про дворы никогда я никому не говаривалъ, что въ Санктпетербургѣ достать будетъ трудно; на противу я господину Вогренану не однажды подтвердилъ, что въ томъ никакого затрудненія имѣть не будетъ, и всегда къ найму довольно великіе найдеть, легче нежели здѣсь, гдѣ я 24 мѣсяца еще средняго покоя приискать не могъ; и какъ бы мнѣ можно пнако говорить, вѣдая состояніе столицы Вашего Императорскаго Величества? Я ему правда подтвердилъ данное ему отъ бывшаго при нашемъ дворѣ консула Виларда извѣстіе, что въ С.-Петербургѣ постоялыхъ большихъ дворовъ съ уборомъ (что здѣсь *hôtel garni* называютъ) до моего оттуда отъѣзда, ни каретъ съ цукомъ наемныхъ не было, но при томъ ему изъяснилъ, что можно тамъ найти многіе такъ китайскіе, какъ европейскіе уборы безъ всякаго труда, и мастеровъ для дѣланія каретъ, стульевъ, столовъ и прочаго довольно. Сверхъ того, по полученіи Вашего Императорскаго Величества высочайшаго указа, подъ № 30, его Вогренана снабдежилъ, что все нужное для него прискано тамъ будетъ. Всѣ тѣ мои представ-

ленія однакожь мало дѣйства имѣли за отговоркою, что не знаетъ какъ въ первыхъ дняхъ своего прїѣзда пробавится, и тотъ же прямой резонъ. Въ самомъ дѣлѣ отъѣздомъ своимъ онъ не поспѣшилъ, понеже до сѣхъ поръ его жалованіе, не будучи еще учреждено, онъ и по сю пору никакого убору и экипажу не имѣеть, что одно довольно опровергнуть слова кардинальскія. Онъ господинъ Вогренанъ, вчерась будучи въ Версали въ домѣ господина Амелота, мнѣ самъ сказалъ, что хотя бы имѣлъ способъ для отправления своего экипажу, заранѣе учинить того не могъ бы, понеже тотъ экипажъ здѣсь не приготовленъ. Онъ де многожды и господину кардиналу, и господину Амелоту, а сему еще и письменно объявилъ, что онъ имѣеть приготовленіе для вашего двора дѣлать по состоянію опредѣляемаго ему жалованья, и для того просилъ о семъ послѣднемъ резолюціи, понеже безъ оной никакихъ приуготовленій дѣлать не можетъ, но по сю пору изъ дня въ день господинъ кардиналъ то дѣло отлагалъ, слѣдовательно, и господинъ Вогренанъ не для того отсюда не отъѣхалъ, что я ему отговорилъ. Онъ господинъ Вогренанъ надѣюсь уже скоро къ двору вашему прибудетъ; для того, не утруждая Ваше Императорское Величество долгими доводами моею въ семъ дѣлѣ безвинности, всеподданнѣйше прошу указать у него самага искусно вывѣдать, основательное ли мое доношеніе, и не сумнѣваюсь, что онъ будетъ свидѣтелемъ моихъ домогательствъ. Кардинальскій поступокъ я никакому прикрытому намѣренію приписать не могу, но произвожу его совсѣмъ отъ его желанія о перемѣнѣ характера. Пока о томъ пунктѣ онъ не былъ совершенно обнадеженъ, аудіенція мнѣ была отказана, и господинъ Вогренанъ отъѣздъ отложенъ; по учиненному же отъ меня изъясненію (о которомъ я всеподданнѣйше доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи отъ 18-го декабря) кардинальское мнѣніе отмѣнилось такъ объ одномъ, какъ и о другомъ, и чаю уже, что господинъ Вогренанъ не долго здѣсь промедлитъ. Такъ господинъ кардиналъ, какъ господинъ Амелотъ вчерась меня о томъ обнадежили и именно сказали, что того же дни оба съ нимъ господиномъ Вогренаномъ о всемъ согласятся, чтобъ на сей недѣли его дѣло совсѣмъ окончить, для чего сей нарочно въ Версали остался, удостовѣривъ меня, что какъ скоро жалованіе ему будетъ опредѣлено, тотчасъ отсюда подымется, оставя какому пріятелю здѣсь приготовить потребныя на домъ уборы, серебряную посуду и экипажъ, и за нимъ на веснѣ моремъ отправить. Понеже я завтра еще намѣренъ въ Версаль возвратиться, чрезъ будущую

почту всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донесу что въ томъ дѣлѣ учинено.

Впрочемъ письмо вашего кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана къ кардиналу я вчерась ему, при пристойномъ комплиментѣ, подалъ, и господину Амелоту далъ знати о полученіи Вашего Императорскаго Величества новаго кредитива съ тѣмъ изъясненіемъ, что оное объявленіе подружески чиню, а впредь дамъ ему о принятіи посольскаго характера извѣстіе со всеми обыкновенными при томъ формалитетами, что и господину кардиналу повторилъ. Слѣдуя тому, сегодня я послалъ сказать о полученіи Вашего Императорскаго Величества высокопомянутой грамоты посольскому вводителю господину де-Вернель, который по здѣшнему этикету имѣеть ко мнѣ бытъ и согласиться о будущихъ поступкахъ, о которыхъ впредь Вашему Императорскому Величеству всенижайше доносить не премину, имѣя по высочайшему вашему указу крайнее старательство имѣть въ остереженіи высокаго характера, въ убѣганіи всѣхъ спорныхъ случаевъ съ прочими посламп, и въ охраненіи всѣхъ тѣхъ околичностей, которыя этикетъ здѣшній посламп дозволяетъ. Уже я не оставилъ приложить трудъ, чтобъ о всемъ, что до того этикета касается, имѣть подробное извѣстіе, и надѣюсь, что сегодня мнѣ полное описаніе будетъ отъ пріятеля сообщено, которое переписавъ и прибавя, что въ немъ недостаточно явится, съ потребными примѣчаніями какъ можно скорѣе къ двору Вашего Императорскаго Величества отправлю. О другихъ дѣлахъ, ссылаясь на особливую мою покорнѣйшую реляцію, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всенижайше пребываю. Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйшій рабъ князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа января 15 (3) дня 1739 года.

VIII.

Реляція камергера князя Кантемира изъ Парижа отъ 22 (11)-го января, полученная съ штафетомъ 30-го тогожь 1739 года. (Выписка).

P. S. Отъ 23 (12)-го января.

„Съ сею надежною оказіею я намѣренъ былъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше донести о состояніи кардинальскомъ и внутреннихъ двора дѣлъ и правленія, когда я имѣлъ

честь получить высочайшій вашъ рескриптъ подъ № 39, которому приложенъ о томъ же рукописный французскій листъ; чтобъ не остановить долѣе курьера, всеподданнѣйшій отвѣтъ на оный рескриптъ отлагаю до предбудущей почты.

Что же касается поминутыхъ вѣдомостей, оныя и здѣсь долго въ городѣ носились, но за неосновательствомъ своимъ отъ всѣхъ презрѣны. Господинъ кардиналъ правда во время своей болѣзни отдалился двора, но то не съ принужденія, и только для того, чтобъ лучшей покой имѣть.

Его Королевское Величество во все то время являлъ къ нему прежнюю свою любовь, и кардиналъ непрестанно имѣлъ тотъ же авторитетъ такъ что прочіе министры безъ его позволенія ни за окошко выглянуть не смѣютъ; о семъ авторитетѣ столь кажется онъ благонадеженъ, что рѣдко когда съ чужестранными министрами говоря упоминаетъ королевское имя, обыкновенныя его рѣчи суть: я прикажу, я сдѣлаю, я не могу сего сдѣлать.

Безумнительно, что Его Королевское Величество уже гораздо смѣлѣе сталъ прежняго и къ удивленію всѣхъ въ разговорахъ своихъ являетъ остроу ума и благоразсудность; правда жъ еще, что Его Величество теперь не тапчется въ своей любви съ госпожею Де-Мальи, и частныя забавы и ловли съ дамами имѣеть, въ которыхъ сестра дюка Бурбонскаго начальствуетъ; Его Величество за тѣмъ къ сей принцессѣ крови много любовь являетъ, и слышно напротиву, что съ королевою только днемъ выдается. Такіе поступки, которые отчасти являютъ, что Его Величество уже государемъ себя чувствуетъ, кардиналу пріятны быть не могутъ, но подлинно авторитетъ его не умаляютъ, и по всему видимому оный сохранитъ до своей смерти, которая уже не столько близка кажется, ибо онъ кардиналъ теперь жирѣтъ началъ.

По его смерти отмѣна министерства будетъ: предвидѣть трудно, а общее мнѣніе есть, что король самъ дѣла править станетъ, съ четырьмя статскими секретарями; изъ оныхъ всѣхъ острѣе осподанъ Морепя и охотнѣе подслуживается женскою королевскою ватагѣ, но съ крайнею осторожностію, опасаясь кардинальскаго позорѣнія.

Его Величество, будучи государь весьма скрытый, не можно въ немъ узнать никакую склонность настоящую, меньше еще предвидѣть будущія; а госножа Мальи по сю пору никакой знаеъ авторитету еще не показала, будучи впрочемъ праву тихаго и гораздо недалекаго ума; сверхъ же того весьма не хороша лицомъ,

такъ что можетъ королю наскучить, когда больше къ женской компаніи пріобьенеть.

Господинъ Ори, генеральный контролеръ, человекъ весьма искусный и у кардинала любимъ, потому не будетъ удивительно, если и онъ въ числѣ министровъ останется, противно тому что въ упомянутыхъ вѣдомостяхъ разсѣяно.

Интриги не малы, но весьма тайныя для получения участія въ министерствѣ по смерти кардинальской чинены въ его болѣзни; Морепа, маршалъ Д. Ноаль и отставной Шовелинъ свои партіи имѣли; но я не чаю, чтобъ тѣ интриги далѣе произошли, кромѣ разговоровъ межъ друзьями претендентовъ, и какъ скоро кардиналъ выздоровѣлъ, всё вдругъ утихло.

Если впредъ какой слухъ о сихъ дѣлахъ, достойный примѣчанія Вашего Императорскаго Величества, возобновится, я не премину во свое время всенижайше и обстоятельно вамъ о томъ доносить; нынѣ только прибавить имѣю, что Бершакъ, камердинеръ кардинальскій, ему весьма любимъ и вѣренъ; онъ и подарки беретъ въ новый годъ, но секретъ своего господина не продаетъ; тѣ, которые какую отъ кардинала милость ожидаютъ, могутъ когда чрезъ него желаемое достать, но въ политическихъ дѣлахъ не видно чтобъ онъ имѣлъ какой голосъ; есть еще при кардиналѣ аббатъ Кутюріеръ въ великой милости, съ которымъ я дружно живу.

Господинъ кардиналъ прислалъ ко мнѣ сего вечера въ 7 часу приложенное при семъ свое письмо за которымъ я остановилъ своего куріера, съ которымъ пакетъ сей отправляю до Берлина, а буде тамъ не застанетъ Вашего Императорскаго Величества тайнаго дѣйствительнаго совѣтника барона фонъ - Бракеля, до Данцига, гдѣ или агенту вашему вручить, для пересылки къ двору Вашего Величества, или на почтѣ чрезъ штафету оныя отправить.

IX.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемогущѣйшая!

Въ прошедшій вторникъ господинъ кардиналъ и господинъ Амелотъ, сами удостовѣривъ меня, что трудность, касающаяся господина Вогренана о его характерѣ, съ какимъ отъѣхать имѣеть, совсѣмъ отставлена, такъ что мнѣ не нужно останавливать свою аудіенцію, я господину Амелоту изъяснилъ, что еще сверхъ того я требую, чтобъ онъ господинъ Вогренанъ былъ декларованъ посломъ

теперь, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что и въ томъ трудности немалой нѣтъ, и готовъ, буде желаю, хотъ и въ здѣшнихъ газетахъ то напечатать. Потому я вчера послалъ къ нему Амелоту Генриха Гроса повѣстять ему, что я принялъ Вашего Императорскаго Величества характеръ чрезвычайнаго посла, и просить его, чтобъ назначилъ мнѣ часъ, въ который бы его видѣть могъ для сообщенія копій съ вышей вѣрующей грамоты. Онъ господинъ Амелотъ назначилъ мнѣ сегодня по утру осьмой часъ; по чему я и былъ у него въ томъ часу, но слишкомъ съ четверть его ожидалъ въ переднѣ, понеже еще было тогда не всталъ. Принялъ онъ меня съ многими извиненіями, что кромѣ его воли я долженъ былъ ожидать, и ввелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ давъ мнѣ правую руку, и я ему прежде сообщенія копій съ грамоты еще повторилъ, что я желалъ бы быть подлинно увѣренъ въ какомъ характерѣ декларованъ господинъ Вогренанъ, и на то онъ меня еще удостоверилъ, что дѣло уже сіе совсѣмъ окончено, и мнѣ низакого въ томъ безпокойства имѣть не должно. Сообщивъ ему помянутую копію, я далъ ему знать, что Ваше Императорское Величество тѣмъ отлѣннымъ характеромъ меня почтить изволили особливо для угожденія Его Королевскаго Величества; на что онъ мнѣ отвѣтствовалъ учтивымъ комплиментомъ. Прочетши копію обѣщался оную господину кардиналу сообщить и началъ употреблять, со мною говори, титулъ превосходительства. Выходя отъ него, такъ какъ при входѣ всегда за мною слѣдовалъ, и проводилъ меня изъ кабинета чрезъ одну переднюю, остановясь у дверей второй передни.

Вышедши отъ него, по здѣшнему обычаю безъ всякой предвѣстия я былъ у кардинала въ Иссп, но понеже у воротъ было отъ него генеральный приказъ никого не пущать, будучи онъ тогда упражненъ въ письмѣ, я его не видалъ, но отъ его камердинера мнѣ сказано, что могу къ вечеру его кардинала видѣть. Потому я къ вечеру еще возвратился въ Иссп, и къ нему кардиналу допущенъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ меня принялъ не встрѣчая, и стоялъ всегда на ногахъ, держа шляпу въ рукахъ и употребляя титулъ превосходительства, что уже и до сего онъ всегда чинилъ. По отравленіи ему комплимента, въ которомъ я свое повышеніе напаче ему приписать старался, я ему еще повторилъ, что хотя отъ него самого и отъ господина Амелота обнадеженъ, что господинъ Вогренанъ декларованъ посломъ къ Вашего Императорскаго Величества двору, однакожь я бывъ сегодня по утру нарочно у него господина Вогренана—онъ мнѣ сказалъ, что о

томъ никакого извѣстія не имѣеть. Господинъ кардиналъ мнѣ на то отвѣтствовалъ, что господинъ Вогренанъ не знаетъ что говорить, понеже не только съ самаго начала кондиціонально, но и по полученіи послѣдняго письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана ему симъ объявль, что король его безъ кондиціи уже назначилъ посломъ къ вашему двору. Онъ де, кардиналъ, въ томъ никакого затрудненія не имѣеть и кому мнѣ нравно объявить, что господинъ Вогренанъ посолъ. На что я ему припомянувъ, что можно то въ газету внести, какъ учинено когда господинъ Вогренанъ полномочнымъ министромъ назначенъ, господинъ кардиналъ отвѣтствовалъ, что онъ того не запрещаетъ и могу поговорить господину Амелоту, чтобъ приказалъ то учинить. По окончаніи разговору я отъ него выходя провоженъ до дверей кабинета, что и прежь сего онъ чинилъ, однакожь тогда протестовалъ, что ту атенцію являетъ для меня персонально. Здѣшній этикетъ кардинала къ большему не обязываетъ, и еще сверхъ того отъ контрвизиты и дачи правой руки въ своемъ домѣ освобождаетъ; а съ статскимъ секретаремъ чужестранныхъ дѣлъ послы себя ведутъ въ равенствѣ, такъ что я равно такимъ образомъ господина Амелота прииму, какъ онъ меня принялъ.

Съ господиномъ Вогренаномъ, какъ я выше упомянулъ, сего утра нарочно въ его деревни видѣлся, и отъ него слышалъ, что еще о его жалованіи опредѣленіе ему не объявлено, а господинъ кардиналъ въ прошлый вторникъ именно мнѣ сказалъ, что то дѣло окончено, и что могу быть благонадеженъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ онъ къ двору вашему отъѣдетъ. Ваше Императорское Величество выше сего усмотрѣли разницу въ ихъ словахъ о характерѣ; такъ что я самъ разсудить не знаю кому больше вѣрить, понеже о семъ послѣднемъ не только письменныя деклараціи Вашему Императорскому Величеству отъ него кардинала учинены, но сверхъ того и отъ него; и отъ господина Амелота, какъ выше я имѣлъ честь донести, подтверждены, и никакое затрудненіе о обнародствованіи господина Вогренана посломъ не являетъ; я уже не смѣю болѣе отдалять свою аудіенцію у короля, которая отъ Его Величества мнѣ назначена въ будущій вторникъ; принявъ всѣ должныя предосторожности, опасаясь не исполнить точно Вашего Императорскаго Величества высочайшій указъ, которымъ мнѣ повелѣно по учиненіи объявленія о моемъ характерѣ принять у короля аудіенцію, наипаче, что не могу надѣяться въ семъ дѣлѣ

отъ здѣшнихъ министровъ обману, противъ котораго трудно предостерегаться, и что съ другой стороны чрезмѣрныя подозрительства могутъ подать неблаговременную причину къ тому. Что можетъ быть и въ намѣреніи не имѣють, то подлинно, что здѣсь декларація отправаемыхъ чужестранныхъ министровъ уставленнаго формалитета не имѣеть. О Вашего Императорскаго Величества императорскомъ титулѣ я въ прошедшій вторникъ и Амелоту и господину кардиналу въ учтивыхъ терминахъ представленія чинилъ, изъясняя наипаче сему, что при отправленіи господина Вогренана изрядный способъ подается дать Вашему Императорскому Величеству знакъ королевской къ себѣ дружбы, употребляя тотъ императорскій титулъ въ его Вогренановой вѣрующей грамотѣ. Господинъ кардиналъ на то мнѣ представилъ двѣ объекціи, 1) что здѣсь не гораздо охотно отмѣняютъ старыя обычаи, и 2) что императоръ Вашему Величеству тотъ титулъ не даетъ. Противъ оныхъ я ему представилъ, что Его Цесарское Величество и царицы нѣма убѣгаютъ ¹⁾, къ тому же обязанъ всѣ резолюціи принимать съ согласія Ратисбонскаго сейму; а Его Королевское Величество такихъ формалитетовъ не требуетъ; что къ тому же величественнѣе для короля давать, чѣмъ принимать примѣры; что если сіе послѣднее угодно, Англіійскій, Датскій, Шведскій и Прусскій короли, какъ и республики Голландская и Венеціанская, императорскій титулъ вамъ даетъ; что къ тому же Его Французское Величество ничего новаго не учинитъ въ дачѣ того титула, понеже царь по русски тожь, что цесарь по латински, такъ что здѣсь дѣло идетъ о переводѣ одной рѣчи, чрезъ который Его Королевское Величество имѣеть Вашему Величеству дать знакъ своей дружбы. Господинъ кардиналъ при томъ вступилъ въ долгое изслѣдованіе рѣчи царь, въ которомъ ничего примѣтнаго не было, кромѣ того, что по французски де надлежало бы писать Тзаг, какъ по русски выговариваютъ, и тогда де трудно будетъ оное производить отъ рѣчи цесарь; въ заключеніе сего мнѣ сказалъ, что онъ о томъ дѣлѣ подумаетъ, не даа мнѣ ни въ пользу, ни въ протпву позитивнаго отвѣту; я впредь еще всѣ приличные случаи не пропущу для исполненія своей рабской должности. Внушилъ я ему также о дачѣ полныхъ инструкцій и полной мочи господню

---

¹⁾ Австрійскій цесарскій дворъ призналъ титулъ императора Россійскаго двора только въ 1744 году. Д. Б.-К.

Вогренану, что онъ учинить обѣщался, не оставя однако припоминуть, что господинъ Вилленевъ уже полную мочь имѣеть.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего важнаго Вашему Императорскому Величеству доносить не имѣю. Весь Парижъ ложнымъ слухомъ наполненъ, что здѣшній дворъ недоволенъ цесарскимъ, и скоро межъ ними война объявится. Причину къ тому связываютъ, будто кардиналъ далъ императору въ займы 12 милліоновъ въ надеждѣ получить въ закладъ городъ Луксембургъ; а Его Императорское Величество теперь тотъ городъ Англичанамъ и Голландцамъ закладываетъ. Разсужденіе, въ которомъ ни какой истины нѣтъ. Я о семъ по должности своей чаю Вашему Императорскому Величеству донести, понеже слухъ здѣшній можетъ и до вашего двора дойдти; столь всѣ здѣшнія письменныя газеты онымъ наполнены. Не меньше ложный былъ слухъ, что не отправляется отсюда войско въ Корсику. Причину сему подало, что сперва намѣреніе было послать еще 6 баталіоновъ; а потомъ резолюція та посланнику Женуескому не объявлена, хотя въ самомъ дѣлѣ намѣреніе отправленія войска не отставлено. Можетъ статься, что число баталіоновъ будетъ прибавлено. О дѣлѣ Юлія и Берга никакого движенія не чинится; и трактатъ Вьенскій еще не вершился, понеже Сардинскій дворъ требовалъ видѣть поправленный экземпляръ прежде, нежели къ трактату приступить. Самъ посоль того двора признаетъ неважность сего требованія, которое однакожь удовольствовано, и скоро отвѣту и послѣдней резолюціи того двора ожидаютъ. Его Королевское Величество только вчерась пріѣхалъ въ мѣстечко Ламбетъ, и завтра къ вечеру въ Версаль возвращается.

При семъ прилагаю точную копію съ реляціи бывшаго здѣсь въ 1717 году цесарскаго посла графа Кенигсга, въ которой церемонія здѣшняго двора, касающіяся пословъ, столь пространно и обстоятельно описаны, что трудно что къ нему прибавить. Премѣны случившейся въ королевской фамиліи и другія малыя околпчности только отмѣнить нужно, что впредь при отправленіи другаго описанія здѣшняго эткета примѣтить не премину. Между тѣмъ та реляція, надѣюсь, довольно служить можетъ, и извинить мое замедленіе, понеже на сихъ дняхъ, какъ Ваше Императорское Величество изъ моихъ реляцій усмотрѣть позволити, много письма было.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всеняжайше пребывая Вашего Импе-

раторскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Паржа. Генваря 22/11 дня 1739.

Х.

Выписка изъ депеши князя Кантемира.

Малтискому послу не оставлю сообщить Вашего Императорскаго Величества высочайшій отвѣтъ на сообщенную мнѣ отъ него меморію о письмѣ гранъ-мейстера къ Вашему Величеству.

Между тѣмъ только новаго всенижайше донести имѣю, что Его Королевское Величество завтра даетъ въ Версалѣ публичный балъ, нарядный какъ здѣсь зовутъ (bal рагé) и съ маскерами. Первый начнется въ 6 часовъ по полудни и продолжаться будетъ до ужина; а съ полночи до утра будетъ балъ въ маскерахъ. Забава сія, будучи въ Его Величества царствованіе новая, не мало сей городъ увеселила, и всѣ знатные господа и дамы готовятъ богатые платья. Чужестраннымъ министрамъ отъ вводителя посольскаго присланы билеты въ слѣдующей силѣ: что дается имъ знать, что Его Величество даетъ балъ въ Версали, гдѣ будетъ изготовлена лавка для пословъ. Понеже она повѣстка не содержитъ прямое званіе къ тому балу, послы находятся въ затрудненіи какъ при семъ случаѣ поступать, ибо нѣкоторые изъ нихъ слышали, что для принцовъ крови въ залѣ бала будутъ поставлены табуреты, которая розница имъ такова кажется, чтобъ затѣмъ при томъ балѣ не присутствовать; но ежели и принцы крови имѣть будутъ лавку (banс), то князь Лихтенштейнъ на оный балъ идти намѣренъ, и можетъ быть, и другіе послы образцу его будутъ слѣдовать столь свободнѣе, что при такихъ случаяхъ межъ послами о преценціи спору нѣтъ, садясь всякій на мѣсто, которое порожнѣе найдетъ, такъ что кто прежде пришелъ, тотъ выше садится. Понеже я аудіенцію имѣю получить на другой день того бала, не могу при ономъ присутствовать за неизвѣстіемъ своего характера, ибо при Его Величествѣ до получения аудіенціи, по здѣшнему свѣдѣнію, посломъ себя почитать не могу, хотя отъ Его Величества министровъ въ томъ характерѣ уже признанъ. Сверхъ же того посольскій вводитель ко мнѣ какъ другимъ посламъ билету не присылалъ. Буде сіе учинилъ нарочно, не оставлю принести приличныя жалобы статскому

секретарю, который до сѣхъ поръ еще мнѣ контравизиту не отдалъ.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парпжа. Генваря 26/14 дня 1739.

XI.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемподданнѣйшая!

Въ прошедшій вторникъ, то-есть 27-го сего, я имѣлъ у короля, у королевы, у делфина и у принцессъ, королевскихъ дочерей, свои частныя аудіенціи въ характерѣ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайнаго посла, введенъ будучи ко всѣмъ чрезъ господина Вернеля вводителя господина Дела-Турнель.

Его Величество находился въ своемъ кабинетѣ, стоя на ногахъ и имѣя по правую кардинала Де-Флерія, а по лѣвую сторону статскаго секретаря господина Амелота. Вшедъ я въ оный кабинетъ, и вводитель вонъ выступя, двери за мною заперъ. Тогда я, по учиненіи трехъ обыкновенныхъ поклоновъ, отправилъ Его Величеству короткую рѣчь (съ которой при семъ прилагаю копию) и подавъ Его Величеству вашу вѣрующую грамоту въ собственныя руки. Его Величество принявъ оную отдалъ статскому секретарю, и мнѣ отвѣтствовалъ слѣдующія слова: прошу васъ обнадежить царицу о моей дружбѣ; и съ тѣмъ я отпущенъ. Вышедши изъ кабинета, чрезъ вводителей былъ провоженъ въ посольскую залу, откуда къ аудіенціи поведенъ былъ, и сіе обстоятельство сохранено при всѣхъ четырехъ аудіенціяхъ. По окончаніи королевской карета моя ведена въ ограду, называемую де-Лувръ, во знакъ принятія посесіи посольскаго характера, понеже министрамъ втораго ордена въ ту ограду вѣзжать не дозволяется. Понеже понедѣльничный балъ причиною былъ, что королева не прежде двухъ часовъ по полудни пробудилась, при моей у Ея Величества аудіенціи кардиналъ не присутствовалъ. Ея Величество имѣла при себѣ статскаго секретаря чужестранныхъ дѣлъ и своихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, когда я къ ней введенъ въ кабинетъ чрезъ двухъ вводителей. Я обнадежилъ Ея Величество о Вашего Императорскаго Величества особливомъ почтеніи и дружбѣ, прося отъ себя парти-

булярно, чтобъ мнѣ дозволила свою милость во время моего пребыванія при здѣшнемъ дворѣ, въ какой силѣ были мои рѣчи къ делфину и принцессамъ, королевскимъ дочерямъ (которыхъ двѣ только я имѣлъ честь видѣть, понеже третья не домогаетъ корью). Ея Величество приказала мнѣ благодарить Вашему Императорскому Величеству за являемую къ ней дружбу и обнадежить васъ о Ея особливомъ почтеніи, которое искать станетъ при всѣхъ случаяхъ вамъ засвидѣтельствовать. Не стану утруждать Ваше Императорское Величество подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ другихъ моихъ двухъ аудіенцій, понеже ни въ чемъ съ королевою не рознятся, и наипаче, что во всемъ точно я слѣдовалъ здѣшнему экитету, котораго при семъ прилагаю первые два листа сколько переписать было можно, имѣя впредь продолженіе онаго чрезъ всякую почту посылать, пока совершится. Не могу однакожь преминуть всенижайше Вашему Императорскому Величеству донести делфиновъ отвѣтъ на мою рѣчь, который по его лѣтамъ гораздо примѣтнѣе. Онъ состоялъ въ сихъ словахъ: я васъ прошу благодарить царицу за давній мнѣ отъ нея знакъ дружбы: вы будете свидѣтелями моихъ почтительныхъ сентиментовъ къ Ея Величеству во время вашей резиденціи при дворѣ короля моего отца.

Сколько жъ господина Богренана касается, господинъ Амелоть не только мнѣ, но и за обѣдомъ публично объявилъ, что онъ въ февралѣ мѣсяцѣ отсюда отѣдетъ, и не только мнѣ еще подтвердилъ, что онъ Богренанъ посломъ объявленъ, но и общалъ приказать въ здѣшней газетѣ то въ будущую субботу напечатать; а другаго формалитету къ объявленію пословъ здѣсь не имѣется. Изъ тому жъ меня удостовѣрилъ, что въ тотъ самый вечеръ имѣлъ совѣсъмъ вершптъ опредѣленіе жалованія господина Богревана, отъ котораго приготовления его зависятъ. Онъ господинъ Амелоть по сю пору визиты мнѣ не возвратилъ, и о несправности въ томъ я ему чрезъ подвводителя внушилъ; извинялся, что онъ на другой день послѣ моей визиты намѣренъ былъ ко мнѣ пріѣхать, но господинъ кардиналъ позвалъ его въ Исси и оттуда отвезъ въ Версаль, гдѣ дѣла его до сѣхъ поръ остановили, но какъ скоро можетъ отъ дѣлъ оторваться, нарочно пріѣдетъ въ Парижъ, чтобъ исполнять свою ко мнѣ должность.

Въ послѣдней моей я Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доносилъ, что король 26-го сего давалъ публичный балъ, къ которому я одинъ изъ чужестранныхъ министровъ не званъ. Вводителъ посольскій тому въ извиненіе мнѣ представилъ, что

онъ не могъ какъ прочимъ посламъ о томъ балѣ повѣству мнѣ учинить, понеже я тогда еще не имѣлъ при королѣ характеръ польскій, а въ знакъ учтивства не прилично чаялъ мнѣ чрезъ слугу о томъ балѣ дать знать, какъ учинено прочимъ министрамъ безъ характера. (Ибо посламъ повѣства чинена чрезъ самого вводителя; посланникамъ чрезъ билетъ отъ подводителя; всѣмъ прочимъ, не выключая цесарскаго полномочнаго министра, безъ всякой церемоніи сказано чрезъ слугу вводительскаго, что при дворѣ будетъ балъ, и что для нихъ мѣста найдутся.) Тотъ резонъ, который мнѣ отъ господина кардинала, не ожидая еще о томъ отъ меня представленія, подтвержденъ, показался мнѣ столь основателенъ, что прилично чаялъ о томъ болѣе не упоминать, и уповаю, что Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше изволили мой поступокъ апробовать. Всѣ другіе послы (кромѣ англицкаго и неапольскаго, которыхъ болѣзнь въ домахъ держитъ) при томъ балѣ присутствовали, но весьма недовольны приключившимся безпорядкомъ въ означенныхъ имъ и принцамъ крови мѣстахъ. Я имѣлъ честь въ покорнѣйшей моей послѣдней реляціи доносить, что посламъ было объявлено, что имѣть будутъ при томъ балѣ лавку съ правой королевской руки, и что слухъ носился, что для принцовъ крови поставлены будутъ табуреты. Послы тогда въ домъ португальскаго господина Дакунья согласились было, что если тотъ о табуретахъ слухъ основателенъ явится, и они въ залѣ бала тѣ табуреты увидятъ, имѣютъ вонъ выйдти и возвратиться въ Парижъ. Князь же Лихтенштейнъ отъ себя написалъ письмо къ вводителю Вернелю, требуя о томъ изъясненія, и вводитель письменно же ему отвѣтствовалъ въ генеральныхъ терминахъ, что не будетъ никакого затрудненія межъ послами и принцами крови. Для того послы всѣ въ назначенный часъ явились въ залу бала, и сѣли на свою лавку какъ кому случилось способнѣе, oprичъ цесарскаго и гишпанскаго посла, которые пришедъ нарочно поранѣе другихъ сѣли съ конца лавки, который къ королю былъ ближе. Какъ скоро балъ начался, принцы крови сѣли на табуретахъ, которые поставлены были позади королевскаго стула, и тѣмъ недовольны, двое изъ нихъ табуреты свои такимъ образомъ впередъ выдвинули, что совсѣмъ прикрыли цесарскаго и гишпанскаго пословъ. Уже послы заранѣе предусмотрѣли было, что принцы крови межъ собою совѣтовали и потомъ шептали съ сестрою дюка Бурбона, и отъ того догадывались, что имѣютъ какое намѣреніе имъ посламъ въ семъ случаѣ досадить. Потому гишпанскій посолъ какъ скоро усмотрѣлъ, что

принцы садятся на табулеты, довольно громкимъ голосомъ сказать другимъ посламъ, что уже безсумнительно, что балъ сей отправляется церемоніально противно обнадеживаніямъ, учиненнымъ отъ министровъ французскихъ, и объявилъ, оборотясь въ принцу Лпхтенштейну, что онъ какъ первый посолъ долженъ дать образецъ, которому всѣ другіе слѣдовать будутъ; но цесарскій посолъ, не безъ причины сумнѣваясь, что гишпанскій столь охотно ему первенство уступаетъ въ намѣреніи учинить его двору здѣшнему не пріятнымъ и лишитъ королевской конфиденціи, которою Его Величество особливо до сѣхъ поръ его чтитъ, заблагодарасудилъ не вставать съ своего мѣста и не чинитъ никакого шума, котораго образцу и прочіе всѣ послѣдовали. На другой день послы межъ собою прилично признали, чтобъ о случившемся безпорядкѣ никакой жалобы формально не приносить, но постороннимъ разговоромъ кардиналу дать знать, что привлечившееся не должно въ примѣръ служить будущимъ баламъ и другимъ подобнымъ праздникамъ, и то для того что, какъ я имѣлъ честь выше упомянуть, отъ самого кардинала удостовѣрены были, что балъ сей имѣетъ отправляться безъ всякой церемоніи. Одинъ гишпанскій посолъ тою резолюціею недоволенъ, и вчерась мнѣ говорилъ, что еслибъ онъ не былъ посолъ фамиліи королевской, никогда бы не стерпѣлъ такого безчестія отъ принцевъ крови и зналъ бы какъ противъ того протестовать. Я по моему счастью отсутствіемъ своимъ отъ бала свободился и отъ несходства и отъ его слѣдствій, и потому во всемъ дѣлѣ никакого участія не принимаю; буде же впредь послы похотятъ какой протестъ противъ сего привлеченія учинить, и я долженъ буду учинить съ ними общее дѣло для предостереженія преимуществъ Вашего Императорскаго Величества.

Впрочемъ курьеры изъ Мадрида съ ратификаціею на конвенцію того двора съ англійскимъ здѣсь въ пятницу въ вечеру ²²/₁₈ сего пріѣхали, и сіе одно отъ здѣшнихъ дѣлъ въ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойно обрѣтаю, и препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всепнжайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Генваря ²⁹/₁₈ 1739.

Копія съ рѣчи, отправленной отъ меня королю ²¹/₁₈ сего января 1739 года.

Sire!

J'ai l'honneur de me présenter aujourd'hui devant Votre Majesté

en qualité d'ambassadeur extraordinaire de l'impératrice ma souveraine, parceque Votre Majesté l'a souhaité.

Dès que Sa Majesté Impériale ait appris vos intentions là-dessus, elle n'a point examiné mon mérite, mais elle a embrassé avec plaisir l'occasion pour vous prouver son estime et son vrai desir à cultiver votre amitié.

Je m'estimerai extrêmement heureux, si par ma conduite je puis mériter la grace, que ma souveraine vient de me faire, et la bienveillance de Votre Majesté, qui en est la cause.

XII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемогуществѣйшая!

Давно уже подозрѣніе было, что здѣшній дворъ искусно поддувалъ огонь разгласія межъ гишпанскимъ и англійскимъ, и что въ слѣдствіи того французскій посолъ въ Мадридѣ старался всевозможное препятство приносить къ оставленію ратифкаціи того двора на конвенцію съ англійскимъ, вѣдая сколько смущенія имѣло произойти въ нынѣшнемъ засѣданіи англійскаго парламента, еслибы та ратифкація не была отъ гишпанскаго двора дозволена. Министерство англійское въ томъ случаѣ весьма мало бы себѣ обороны имѣло противъ своихъ непріятелей, которые не оставили бы ему порекать чрезмѣрныя національныя издержки, учиненныя при вооруженіи сильнаго флота, и то безъ всякой пользы: и народный шумъ могъ бы столько прибавиться, что министерство имѣло бы на сплу времени о своихъ дѣлахъ думать, оставляя на сторону чужестранныя. О семъ слухѣ я Вашему Императорскому Величеству до сѣхъ поръ доносить удержался, желалъ обстоятельно увѣдать, сколько онъ основателенъ, и къ чему министерства здѣшняго въ томъ намѣреніи клонятся. На сихъ дняхъ я чрезъ надежнаго человѣка увѣдомленъ, что господина Дела-Маркѣ инструкціи подлинно главнѣйшимъ концемъ имѣли, чтобъ дворъ своей резиденціи не допустить къ примиренію съ англійскимъ; и для послѣшествованія того повелѣно ему являть великую склонность здѣшняго двора къ возобновленію тѣсной дружбы съ гишпанскимъ и къ укрѣпленію сродническаго союза чрезъ сугубый бракъ делфина съ принцессою Гишпанскою Терезою, и донъ Филиппа съ первою принцессою французскою. Господинъ Дела-Маркѣ отчасти до сѣхъ поръ въ исполненіи тѣхъ инструкцій былъ удачливъ, такъ остановленіемъ выше-

помянутой ратификаціи, какъ и произведеніемъ негоціаціи о сугубомъ бракѣ, который уже такъ далеко произведенъ, что благоразсудные здѣсь люди не сумнѣваются, что данный отъ короля публичный балъ намѣренъ былъ для объявленія помянутыхъ браковъ, но нечаянныя приключившіяся затрудненія то объявленіе остановили.

Если бы тотъ бракъ имѣлъ состояться, первая кондиція здѣшняго двора была, что донъ Филиппъ имѣлъ бы пріѣхать сюда или подвинуться на границы французскія для совершенія брака съ Французскою принцессою: предосторожности, которыя кардиналъ нужны чаялъ, дабы не подать королевѣ Гишпанской способъ къ отсылкѣ французской принцессы назадъ въ отмщеніе учиненнаго ей стыда подобною отсылкою инфанты во время правленія дюка Бурбона. Подлинно не извѣстно какія суть затрудненія, которыя дѣло сіе остановили, но здѣсь догадуются, что причина тому тотъ требуемый поступокъ отъ донъ Филиппа, на который королева Гишпанская не охотно склоняется, не меньше же незапное отправленіе часто помянутой ратификаціи, о которой господинъ ДелаМаркъ не имѣлъ никакого извѣстія до самаго отъѣзду курьера пзъ Мадрита. Безсумнительно, что министерству здѣшнему вѣдомость о томъ была весьма непріятна, видя себя не только съ королевою Гишпанскою обманутымъ, но и отчасти по меньшей мѣрѣ на время препятствованы свои замыслы. Сихъ замысловъ намѣреніе есть 1) соединиться на крѣпко съ Гишпанскимъ домомъ къ предостереженію себя противъ всякаго союза государей протестантскихъ; 2) чрезъ оное соединеніе препятствовать приумноженію англійскаго комерціа къ распространенію своего, такъ въ Европѣ, какъ и въ Индіяхъ. Для того, какъ здѣсь разсуждаютъ, вступилъ Французскій дворъ въ обязательства съ Шведскимъ дворомъ, которыми ему руки связалъ, и то же съ Дацкимъ учинить ищетъ. Я не оставляю впредь прилежно наблюдать слѣдствія сихъ происшествій и Вашему Императорскому Величеству благовременно об оныхъ доносить, столь наипаче, что оныя не малую связность имѣють съ интересами цесарскимъ, и слѣдовательно, съ нашими.

Впрочемъ господинъ Амелотъ былъ у меня въ самое то время какъ я писалъ послѣднюю свою покорнѣйшую реляцію; но мой человекъ по данному отъ меня для всѣхъ приказу сказалъ ему, что меня дома нѣтъ, и потому съ нимъ не выдался. Ничего новаго о дѣлахъ шведскихъ и турецкихъ настоящею Вашему Император-

скому Величеству доносить не имѣю, пока съ нимъ въ будущій вторникъ увижусь.

Всѣмъ чужестраннымъ министрамъ я о принятіи посольскаго характера по обыкновенію повѣстилъ, и отъ всѣхъ визиты получивъ, имъ возвратилъ. Отъ большей части, а наипаче посланники меня въ домъ не застали, такъ что они не могутъ судить, позволялъ ли имъ у себя правую руку или нѣтъ.

За симъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не имѣя, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенизжайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. февраля 1-го дня 1739.
января 21-го

ХІІІ.

Выписка изъ депеш.

Въ покорнѣйшей моей реляціи, подъ № 13, я всенижайше Вашему Императорскому Величеству доносилъ о приключившемся безпорядкѣ на данномъ отъ короля балѣ 26-го января межъ принцами крови и послами, и что сіи тогда не чаяли пужно какую формальную протестацію противъ того чинить; но потомъ князь Лихтенштейнъ, опасаясь, чтобъ отъ своего двора не былъ дезапробованъ, наипаче если описанныя въ помянутой моей покорнѣйшей реляціи гишпанскаго посла рѣчи будутъ увѣданы, просилъ всѣхъ пословъ съѣхаться для совѣту къ португальскому, гдѣ вчера мы всѣ и были. Въ томъ собраніи соглашено, что князь Лихтенштейнъ долженъ отъ себя именовъ всѣхъ обрѣтаемыхъ здѣсь пословъ написать письмо господину Амелоту для протестованія противъ приключившагося вышепомянутаго безпорядка. То письмо при томъ сочинено, и чрезъ князя Лихтенштейна имѣетъ быть всякому послу прислана съ онаго копія, дабы всякъ порознь могъ оное прилежно разсмотрѣть и учинить свои ремарки; а послѣ завтра при полномъ же пословъ собраніи въ домъ португальскаго принять послѣднюю резолюцію, чтобъ князь Лихтенштейнъ въ состояніи былъ то письмо статскому секретарю вручить въ будущій вторникъ. Я нарочно не вступаю въ подробное описаніе того письма, чтобъ тважды Ваше Императорское Величество не утруждать, если

въ немъ какую отмѣну учинять, а чрезъ будущую почту съ оногo копію приложу при покорнѣйшей моей реляціи. Между тѣмъ всенжайше прошу высочайшимъ своимъ указомъ меня снабдить, какимъ образомъ мнѣ себя вестъ съ цесарскимъ посломъ въ случаяхъ прецеденціи, которыя никакимъ бы образомъ убѣжать не можно: всѣ другіе послы безъ изъятія цесарскому первенство вездѣ дозволяютъ въ отсутствіи папскаго нунція ¹⁾.

О чинимой отъ статскаго секретаря чужестранныхъ дѣлъ контравзѣтъ посламъ я отъ другихъ пословъ прилежнѣе уведомився, слышу, что многимъ, а именно: венеціанскому, сардинскому, гнипанскому, такимъ же образомъ чинена, какимъ мнѣ господинъ Амелотъ оную учинилъ, что есть—безъ предъидущей повѣстки; а англійскому бывший Шовеллинъ совсѣмъ визиты не возвратилъ, подъ претекстомъ, что хранитель печатей визиты ни кому не возвращаетъ. Извиненіе то неосновательно, ибо только канцлеру здѣшнему то преимущество невозвращенія визиты дозволено, для чего послы къ нему никогда не ѣздятъ.

Extrait de la réponse de Mr. de Verneuil sur la demande, que Mr. le prince de Liechtenstein lui a faite, si les princes du sang auraient des tabourets au bal, auquel cas les ambassadeurs ne pourraient pas avoir l'honneur de s'y trouver.

Monsieur!

J'ai rendu compte à son éminence, de ce que votre excellence m'a fait l'honneur de me dire ce matin, et je crois par ce qu'elle a répondu, que Mes-s les ambassadeurs peuvent venir demain au bal, sans craindre la difficulté, qui faisait balancer votre excellence. Elle en est peut-être déjà informée par le retour de M-r de la Mina à Paris etc.—A Versailles, ce soir, du 25 Janvier.

Du Prince de Lichtenstein à M-r Amelot.

Je me suis chargé de la part de tous les ambassadeurs, qui ont l'honneur d'être auprès de S. M. T. C. de marquer à V. Ex. leur sensibilité et leur reconnaissance de la bonté que sa Majesté leur a témoignée en leur faisant marquer une place au bal qu'ils ont été fort empressés de remplir, comme ils le seront dans toutes les occasions ou il s'agira de faire leur cour à sa M-té et de leur donner des témoignages de leur respect; la confiance que M. de Verneuil a donné

¹⁾ Вслѣпо и ему тоже дѣлать.

II отдѣлъ.

par les eclairecsemens, qui sont contenus dans la lettre, dont l'extrait est ci-joint, avoient assuré qu'il n'arriveroit rien de la part de Messieurs les princes du sang, qui pût nous donner lieu d'avoir le moindre regrêt de notre empressement, ni de faire des représentations, dont nous avons le chagrin de ne pas pouvoir nous dispenser sans manquer au devoir dans lequel nous sommes de repondre de notre conduite à nos maitres. Cette obligation si connue par votre excellence la persuadera qu'on ne peut pas passer sous silence la demarche qui a été faite par Messieurs les princes du sang, qui se sont mis sur des tabourets contre notre attente et les ont placés devant les ambassadeurs. Cele ne leur a pas échappés et ils se sont d'abord adressés a M. de la Tournelle, pour lui faire remarquer qu'ils n'étoient pas décemment placés. M. de la Tournelle en avertit immediatement M. de Verneuil. qui repondit tout haut, qu'on alloit tout arranger dans le moment. Ce qui n'a eu aucun effet. Et comme nous sommes très persuadés que Messieurs les princes du sang se sont écartés de l'intention de S. M. et que nous pouvons nous flatter, que le roi voudra donner ses ordres, pour prevenir les conséquences qu'on pourroit en tirer au prejudice des ambassadeurs, nous prions votre excellence de vouloir nous procurer les precautions qui peuvent nous mettre à couvert du blame de nos cours.

XIV.

Державиѣйшая императрица и самодержица, государыня всемогуществѣйшая!

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемогуществѣйшій рескриптъ отъ 13-го января, подъ № 4, съ приложеннымъ при немъ экстрактомъ изъ промеморіи святѣйшаго синода въ Вашего Величества кабинетъ о обрѣтаемомъ въ Лондонѣ священникѣ Варфоломеѣ, и прочее. По оному высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу имѣю всенижайше донести, что сколько помянутаго священника касается, объявленныя на него порѣчскія отъ іеродіакона Спееона Номпка не основательны. Священникъ Варфоломей во всю бытность мою въ Лондонѣ службу Божию отправлялъ порядочно, и если по смерти архимандрита Геннадія случился когда безъ помощника, то было недобровольно, поспеже никто къ нему, ни дьячекъ, ни дьяконъ до сѣхъ поръ не былъ присланъ. Отправленные при обѣднѣ отъ него проповѣди ни мало соблазну и смѣху не чи-

нили, и буде онъ не собою ихъ сочинялъ, кажется, не достойнъ хулы, что трудами своими ихъ собиралъ изъ другихъ книгъ. По англійски онъ пишетъ и говоритъ какъ урожденный Англичанинъ; по французски говоритъ же, но не такъ исправно и что больше примѣтно такимъ образомъ выговариваетъ, что не можно надѣяться, чтобъ онъ родомъ былъ Французенинъ; на противу въ греческомъ простомъ языкѣ пронуціяція его совсѣмъ киперская, котораго острова уроженецъ онъ сказывается; стараго греческаго языка и латинскаго не чаю чтобъ совершенно умѣлъ, однако не могу сказать, чтобъ онъ тѣ два языка не разумѣлъ. Уборъ его всегда бывалъ чернеческій, такъ по утру какъ послѣ обѣда, и часто за тѣмъ уборомъ, а напаче за бородою въ улицахъ народъ за нимъ собирался.

Сколько же состоянія церкви касается, Ваше Императорское Величество изъ моихъ прежнихъ всеподданнѣйшихъ реляцій изъ Лондона всемилостивѣйше изволите усмотрѣть, что на содержаніе оной какъ священника и всѣхъ служителей дается имъ отъ Вашего Императорскаго Величества жалованье пять сотъ рублей въ годъ. Публичной церкви греческаго исповѣданія никакой въ Лондонѣ нѣтъ, но отправляется служба Божія въ домѣ, нанятомъ изъ вышепомянутой суммы, которая понеже гораздо невелика, и домъ тотъ весьма малъ, такъ что съ трудомъ архимандритъ Геннадій съ попомъ Варфоломеемъ вмѣщались. А греческаго исповѣданія прихожанъ аглицкой націи на силу 10 человекъ соберется; отъ времени же до времени прѣбываютъ Греки пристаней Средиземнаго моря, всѣмъ же, такъ Гречанамъ какъ и самымъ Англичанамъ въ ту церковь входитъ никакого запрещенія нѣтъ и быть не можетъ, понеже нѣтъ противъ того акту парламенскаго.

По нынѣшнему состоянію греческаго исповѣданія Англіи, и по числу людей того исповѣданія, публичная церковь и великое число служителей въ оной не столько нужно. Но понеже со временемъ при пребываніи министра съ стороны Вашего Императорскаго Величества при Англицкомъ дворѣ, еслибы Россійскіе купцы для своего собственнаго добра повадился самъ свои товары въ Лондонъ возить, могло бъ случиться, что число правовѣрныхъ въ томъ городѣ умножилось бы, и въ такомъ случаѣ, какъ святѣйшій правительствующій синодъ весьма пряздно разсуждаетъ, потребно бы было для вышней славы Вашего Императорскаго Величества указать постройть въ Лондонѣ церковь, или большой домъ папаять для отправленія службы Божіей, и опредѣлить архимандрита и другихъ служителей какъ

святѣйшій синодъ представляетъ. Но тогда потребно будетъ жалование Вашего Императорскаго Величества гораздо прибавить, а именно не меньше трехъ тысячъ рублей: нынѣшнее же съ трудомъ становится на содержаніе двухъ служителей, какъ явно изъ посланныхъ отъ попа Варфоломея росписей расхода, которыя приложены были при одной изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій изъ Лондона. Но со всѣмъ тѣмъ необходимо нужно ему попу Варфоломею прислать спомощника, наипаче, что вашему министру прилично имѣть своего капелана.

Впрочемъ о состояніи господина Бонака я еще за важнѣйшими дѣлами, которыя почти все время мое занимаютъ, обстоятельно увѣдомиться не могъ. А о негоціаціи трактата межъ Аглицкимъ дворомъ и здѣшнимъ я отъ самаго милорда Валграфа извѣстился, что намѣреніе того трактата есть не ограниченіе областей двухъ націй въ Америкѣ, но вольность ихъ торгу, понеже въ прошлыхъ годахъ съ обѣихъ сторонъ губернаторы тамошнихъ острововъ взаимно арестовали торговые корабли подъ претекстомъ, что въ респективныхъ портахъ торговали запрещенными товарами, и отъ того происходилъ отъ обонхъ дворовъ частныя жалобы одна на другаго, какъ я имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше во свое время изъ Лондона доносить: симъ новымъ трактатомъ означены будутъ пристани къ которымъ въ областяхъ такъ Французскихъ, какъ Аглицкихъ въ Америкѣ торговые корабли обѣихъ націй вѣзжать могутъ для торгу, и поставлено будетъ до какого разстоянія къ берегамъ тѣхъ областей приближаться могутъ свободно, и въ какой высотѣ, какъ говорятъ, моря могутъ быть конфискованы. Уже о всемъ томъ межъ нимъ милордомъ Валграфомъ и здѣшнимъ министромъ соглашеносъ, и еще трактатъ въ совершенство придти не могъ, понеже остается очистить аглицкую претензію объ одномъ кораблѣ, арестованномъ въ Мартиникѣ, котораго счетъ милордова болѣзнь довершить не допустила; но теперь онъ чаеть, что все дѣло скоро къ концу приведено будетъ.

О господинѣ Вогрепанѣ, такъ кардиналъ, какъ Амелотъ мнѣ повторилъ, что опредѣленіе его желанія совсѣмъ совершенно, и что сами его поуждать стапуть, чтобъ поспѣшилъ отъѣздомъ; для чего я еще господину Амелоту напоминалъ о дачѣ ему полныхъ инструкцій и полной мочи о дѣлахъ турецкихъ, и повторилъ внушенія свои о титулѣ императорскомъ. Первое онъ Амелотъ учинить обѣщался; а на второе мнѣ сказалъ, что Его Королевское

Величество станеть по образцу цесарскому употреблять старинный титуль, такъ что буду искать другую способнѣйшую оказію для повторенія своихъ о томъ предложеній, когда кардиналь успокоитъ всѣ свои сумнительства. Онъ кардиналь меня просилъ, чтобъ увѣдомиться обрѣтаемая въ Санктпетербургѣ церковь католическая на чьемъ коштѣ построена и подъ чьею протекціею? Ибо графу Вогренану сказано, что она принадлежать цесарскому министру, и потому чаеть что ему не прилично будетъ въ той церкви второе мѣсто занимать, для чего требуетъ, чтобъ ему опредѣлена была особливая капелла, а кардиналь знать то желалъ бы спасти 12.000 франковъ, которыя обыкновенно посылаетъ на содержаніе капеллы даются. Я не былъ въ состояніи кардиналу дать желаемое о томъ извѣстіе, хотя не оставилъ его удостовѣрить, что господинъ Вогренанъ можетъ во всей вашей имперіи капеллу свободно имѣть и буде съ собою священника вести не намѣренъ, въ Петербургѣ легко найти можетъ, и то для того учинилъ, чтобъ еще за симъ о церкви сумнительствомъ здѣсь онъ не останавливался. А Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше прошу всемилостивѣйше указать дать мнѣ способъ для удовольствованія кардиналова любопытства.

За симъ нычего иного отъ здѣшнихъ дѣлъ къ доношенію Вашему Императорскому Величеству не имѣя, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всеижайше пребываю Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Каптемиръ.

Изъ Парижа, феврала 19го дня 1739.

Réponse de Mr. Amelot à la lettre, que M. le prince de Liechtenstein lui écrivit, au nom de tous les ambassadeurs.

Monsieur!

J'ai reçu la lettre que Votre excellence m'a fait l'honneur de m'écrire au sujet de ce qui s'est passé au bal que sa Majesté a donné à Versailles. Ces sortes de fêtes, Monsieur, n'ont jamais été regardées comme des cérémonies réglées, et sa Majesté a décidé que Messieurs les princes du sang se tiendront auprès de sa personne dans les places qui se rencontrent, sans en avoir aucune de marquée. Vous comprenez aisément, Monsieur, que dans une assemblée aussi nombreuse, où il n'y avoit de places réservées que celles de Messieurs les ministres étrangers, tout le reste s'est fait au hazard; que

rien n'a été prémédité, et ne peut être tiré en conséquence. Messieurs les ambassadeurs ne doivent pas douter de l'attention qu'aura toujours sa Majesté pour tout ce qui est dû à leur caractère.

Je suis très parfaitement etc.

à Versailles. Ce 19 fevr. 1739.

Симъ письмомъ всѣ находившіеся при Французскомъ дворѣ слы остались довольны, кромѣ гишпанскаго, который желалъ бы, дабы въ ономъ именно было означено, что принцы крови въ подобныхъ праздникахъ не будутъ сидѣть на табуретахъ.

XV.

Выписка изъ депеши.

Сколько принадлежитъ до двойственнаго брака, Ваше Императорское Величество всемплоствѣйше изволили изъ предъидущихъ монхъ усмотрѣть прогрессъ того дѣла, наипаче изъ послѣдней, что оное хотя оставлено однакожь не пресѣчено. Если бы въ тотъ день вѣдомости Версальскія сюда не поздно дошли, и еслибъ прежніе образцы не подали причину не совсѣмъ имъ довѣрять, я бы могъ Вашему Императорскому Величеству позитивно донести о вершеніи того дѣла, ибо въ тотъ самый день 22-го сего Его Королевское Величество по окончаніи совѣта объявилъ заключеніе брака донъ-Филиппова съ первою своею дочерью, и такъ послы гишпанскій и неапольскій, какъ и всѣ придворные, тогда жъ Ихъ Величества, делфина и принцессъ съ тѣмъ поздравляли. Чужестраннымъ министрамъ о томъ знать не дано, и потому мы третьяго дня довольствовалпсь всѣ вмѣстѣ явиться у Ихъ Величества, у делфина и у принцессъ, не чиня никакаго комплимента. Для сей okazji Его Величество и делфинъ принимаетъ отъ короля Гишпанскаго орденъ золотого руна, чего Французскіе короли за нѣсколько вѣковъ не чинили. Принцесса отсюда отъѣдетъ 6-го будущаго августа, и на рубежахъ Гишпанскихъ донъ-Филиппъ ея супругъ пріѣдетъ въ стрѣчу для полнаго довершенія того брака. А между тѣмъ марки Дела Мина учинить формальное требованіе принцессы, и чаятельно, что Его Величество въ сговорѣ самъ репрезентовать будетъ донъ-Филиппа. Делфиновъ бракъ еще здѣсь таятъ, однакожь уже безсумнительно, что и объ ономъ соглашенось. По всему должно ожидать, что сія вѣдомость въ Англии пріятна быть не можетъ, и временемъ не весьма полезна и самому цесарскому двору явится,

хотя теперь кажется, что сіе новое примиреніе не противно Его Императорскаго Величества интересамъ, ибо Гишпанскій дворъ дѣйствительно склоняется приступить къ Вѣнскому трактату, и какъ мнѣ отъ самаго цесарскаго посла сообщено; уже и о формулярѣ акта авцессіи соглашеносъ, который—буде могу достать, впредь къ Вашему Императорскому Величеству отправлю.

XVI.

Выписка изъ депеши.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ только къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго нахожу, что 2-го сего прибывши изъ Рима, куріеръ привезъ кардинальскую скуфью архіепископу Амбренскому Тансейну; та почестъ ему за 10 лѣтъ тому назадъ исходатайствована была отъ аглинскаго претендента; но здѣшній дворъ въ совершенство привести до сѣхъ поръ не допустилъ, понеже бывший тогдашній печатей хранитель Шовелнъ ему архіепископу былъ недругъ, почитая его однимъ во всемъ королевствѣ, который бы могъ въ мнистерствѣ занять его мѣсто. Въ томъ Шовелиновое мнѣніе согласно со общимъ здѣсь всѣхъ благоразсудныхъ людей, да и подлинно высокую степень, въ которомъ онъ Тансейнъ, подлхъ родителей сынъ, возвышенъ, долженствуетъ своему, острому уму и своей прилежности въ защитѣ папской грамоты, которая извѣстна подъ именемъ Унигенитусъ; по сей послѣдней околпчности онъ здѣсь много пріятелей имѣеть, не мало же и недрузей, а самъ человекъ проворный и высокомышленный, такъ что многіе думаютъ, что если король по смерти кардинала Флерія пожелаетъ имѣть перваго мнистра, онъ Тансейнъ можетъ того чина добиться; въ томъ случаѣ нужно ожидать многіа такъ внутри, какъ и внѣ государства возмущенія, понеже человекъ онъ спылчивый и въ дерзновенныхъ замыслахъ Шовелину ни въ чемъ не уступаетъ.

XVII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Черезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить всемилостивѣйшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 3-го февраля

ля подъ № 7 съ приложенными при немъ Вилленевовымъ письмомъ и меморіею отъ 14-го декабря. На другой день я, бывъ въ Версалѣ, имѣлъ съ господиномъ кардиналомъ довольно долгую конференцію, которой съ моей стороны намѣреніе было, чтобъ 1) отнять, ему подозрѣніе, происшедшее отъ сообщенія его письма обрѣтаемому при вашемъ дворѣ шведскому министру, 2) чтобъ склонить его къ сообщенію копій съ Вилленевовыхъ писемъ, 3) чтобъ сколько возможно еще высмотрѣть его прямое намѣреніе въ дѣлѣ турецкой негодіаціи; но онъ свои рѣчи такимъ образомъ учреждалъ и такими противорѣчіями припрачилъ, что я отъ всего того разговору ничего точно заключить не въ состояніи, какъ Ваше Императорское Величество сами усмотрѣть изволите изъ подробнаго описанія того разговора, которымъ нарочно нужно я чаялъ Ваше Императорское Величество утрудить. При входѣ къ нему я тѣмъ началъ, что господинъ Амелотъ многократно общалъ мнѣ сообщать копій съ Вилленевовыхъ писемъ; напоследокъ мнѣ ту надежду письменно отнялъ, и понеже показанная того въ письмѣ его причина гораздо слаба, я прямо вижу, что сумнѣніе, которое мнѣ онъ господинъ кардиналъ въ послѣдней конференціи открылъ, есть истинный резонъ, для чего помянутыя копій мнѣ не сообщаются; для того его кардинала покорно прошу, чтобъ позволилъ мнѣ прямо объявить, какое его письмо или пасажъ письма при Вашего Императорскаго Величества дворѣ шведскому министру сообщены, понеже я, нарочно всѣ его письма изслѣдовавъ, ничего въ нихъ не нахожу что бѣ къ огорченію Шведскаго двора противъ здѣшняго служить могло, и потому вѣрнѣе надѣюсь, что еслибы онъ кардиналъ позволилъ откровенно мнѣ себя изъяснить, я бы въ состояніи былъ подозрительство его успокоить и безсумнительно ему показать, что съ Вашего Императорскаго Величества стороны весьма чистосердечно съ нимъ кардиналомъ поступается. На то господинъ кардиналъ, оставляя предложенія мои на сторону, отвѣтствовалъ, что онъ прямо вѣдаетъ о сообщеніи его письма при Шведскомъ дворѣ, и понеже де онъ не любитъ искать ссоръ (*il n'est pas tracassier*), лучше де о томъ больше не говорить, напротивъ, что онъ за тѣмъ свой истинный поступокъ и прямую дорогу не отнимаетъ. Потому, сказалъ тогда я ему, не должно имѣть трудность въ сообщеніи мнѣ копій съ писемъ Вилленевовыхъ, которое требованіе весьма праведно, понеже Ваше Императорское Величество, съ крайнею конфиденціею королю препоручивъ свои интересы, не можетъ инако быть увѣдомлены въ какомъ состоя-

ни находятя; да къ тому же не только при всѣхъ медіаціяхъ обыкновенно всѣ касающіяся дѣлу піесы интересованнымъ сторонамъ сообщаются, но и онъ самъ до сѣхъ поръ никогда Вилленевыхъ писемъ не отказывалъ. На то кардиналъ отвѣчалъ, что господинъ Вилленевъ самъ Вашему Императорскому Величеству доносилъ подробно о состояніи его негодіаціи; что въ письмѣ его къ здѣшнему двору ничего сверхъ посланной къ вамъ меморіи не содержится, и что если прежь сего трудности не имѣлъ копій съ нихъ давать, теперъ научился исправлять прежнія свои погрѣшенія. Я на сіе послѣднее ему представилъ, что напрасно изволилъ бы исправлять свои поступки, понеже подлинно погрѣшенія въ нихъ не было, и наипаче повторяя свои домогательства, чтобъ склонить его къ сообщенію тѣхъ писемъ, сказалъ мнѣ, что онъ удивляется, что я его о томъ прошу, когда уже всѣ тѣ письма были въ рукахъ цесарскихъ министровъ 4 недѣли, прежде нежели здѣсь видѣны; что я могу требовать оныхъ отъ князя Лихтенштейна, которому позволеніе даетъ оныя мнѣ сообщить, но что самъ отъ себя никакихъ копій давать впередъ не хочетъ. Сіе уже ошъ предъ симъ дважды мнѣ было сказано, и я не преминулъ тогда же цесарскимъ министрамъ тѣ слова сообщить, которые оба съ присягами мнѣ утверждали, что господинъ кардиналъ мнѣ въ томъ на нихъ напрасно затѣялъ, понеже ихъ двору и имъ ничего отсюда не сообщено, и отъ Вилленева. кромѣ его меморіи и письма графа Спенцендорфа, другого не прислано. По тому я на вышесказанное кардиналу объявилъ князя Лихтенштейна изъясненія, стараясь ему доказать, что цесарскіе министры не въ состояніи сообщить мнѣ Вилленева письма, понеже оныхъ не имѣютъ; но онъ повторилъ мнѣ на то, что Вѣнскій дворъ всѣ въ своихъ рукахъ имѣлъ прежде здѣшняго, убѣгая растолковать, что разумѣеть тѣмъ: всѣ въ своихъ рукахъ имѣлъ. Ибо хотя то правда, что пакетъ Вилленевовъ былъ въ Вѣнѣ, однакожь не чаю, чтобъ отъ цесарскихъ министровъ былъ распечатанъ, и князя Лихтенштейна я такимъ честнымъ человѣкомъ почитаю, что не могу сумнѣваться, чтобъ онъ хотѣлъ отъ меня что утаить, и въ томъ еще я дѣйствительно увѣрился, какъ Ваше Императорское Величество иже сего усмотрѣть изволилъ. Потому опасаясь, что господинъ кардиналъ тако меня отсылкою въ цесарскимъ министрамъ искалъ межъ нами какое разгласіе ввести, или по меньшей мѣрѣ не имѣя добраго резону сей напрасно употребилъ, притомъ я примѣчаю не малое несходство въ томъ, что самъ трудность имѣеть копій сообщить и

въ то же время позволяеть cesарскимъ министрамъ тѣ же копии сообщать, также что Вилленевъ сверхъ меморіи ничего не доносить, однакожь его доношенія сообщать не можетъ. Кончилъ онъ о тѣхъ писмахъ, что подлинно копию мнѣ сообщить не хочетъ, и въ томъ де подражаетъ образцу cesарскаго и Вашего Императорскаго Величества двора, понеже де ему до сѣхъ поръ не извѣстно, что отъ графа Спнцендорфа на послѣднее доношеніе Вилленевово отвѣтствовано, и великій визирь первую объекцію ему Вилленеву представилъ, что отъ вашего двора ему полныя мочи не даны, и все ваше намѣреніе истинно не открыто. Второе уже подозрѣніе, котораго ябеда совсѣмъ явна, и для того не трудно мнѣ было опровергать, представя ему, что сколько cesарскаго двора касается, оставляю отвѣтствовать князю Лихтенштейну, а о Вашего Императорскаго Величества поступкахъ твердо его могу обнадежить, что онъ ошибается въ своемъ разсужденіи, понеже не можно будетъ доказать, чтобъ хотя одна строка во всей сей негодіици ему кардиналу съ вашей стороны была утаена, и для доказательства того ему объявлялъ, что я въ своихъ рукахъ имѣю всѣ піесы, принадлежащія къ сей негодіици безъизвѣтно, прошу, чтобъ онъ мнѣ объявилъ, какую онъ до сѣхъ поръ пзъ нихъ не впдалъ, обѣщаясь въ будущей вторникъ привезти къ нему въ Версаль. И понеже на то онъ ничего не отвѣтствовалъ, я еще прибавилъ, что весьма смѣху достойно было бы утаить отъ него кардинала тѣ письма, которыя всѣ проходились сквозъ руки Вилленевовы, когда я имѣлъ честь ему вручить многія при писмахъ вашего кабинетнаго министра и тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Андрея Ивановича Остермана, пзъ которыхъ нѣкоторыя Вилленевовы руки миновали, и напаче въ послѣдній разъ письма отъ Волоскаго господаря къ генералу Румянцову, которыя порта отъ Вилленева сама утаить хотѣла. Не имѣя что на то говорить, вдругъ всталъ меня спрашивать, отправилось ли Вашего Императорскаго Величества войско на помощь cesарю, понеже де слухъ носится, что та помощь уже отъ васъ отказана за препятствомъ съ польской стороны, и вмѣсто того Ваше Императорское Величество даетъ cesарю миллионъ рублей (вѣдомость которую cesарскіе министры отъ двора своего чрезъ куріера получили); я на то ему кардиналу отвѣтствовалъ, что Вашего Императорскаго Величества указами ко мнѣ о томъ дѣлѣ давно уже не упоминается, и я совсѣмъ неспзвѣстенъ такъ о супротивленіи полскомъ, какъ и о принятой потому Вашего Императорскаго Величества резолюци;

а здѣсь тожь слышалъ, что онъ господинъ кардиналъ изволилъ сказать, и партикулярно разсуждаю, что буде Поляки учиненіемъ конфедераціи проходу войску препятствовать намѣрены, трудно будетъ оное отправить, не будучи подлинно ваше намѣреніе Польшѣ войну объявить, ни цесарскаго двора желать, чтобъ приходящее къ нему на помощь войско принуждено было противъ него, кромѣ Турковъ, воевать. На что кардиналъ безъ всякаго съ моей стороны къ тому побужденія, повторилъ мнѣ уже учиненныя увѣренія, помянутыя въ моей покорнѣйшей реляціи подъ № 20, что здѣшній дворъ въ Польшѣ никакой корреспонденціи не имѣеть; что уже Его Величество никакого дѣла съ тѣмъ королевствомъ, котораго де правленіе столь безпорядочно, имѣть не хочетъ, и сверхъ того, что и король Станиславъ никакой переписки въ томъ королевствѣ не содержитъ, и распространился отчасти въ выхваленіи благополучнаго нынѣшняго состоянія его короля Станислава; представилъ мнѣ географическую карту Крыма и Украины, печатанную въ Санктпетербургѣ, прося ему растолковать дорогу, которую бы ваше войско идти имѣло для соединенія съ цесарскимъ, и симъ любопытствомъ долгое время препроводилъ, ничего болѣе о дѣлахъ не разсуждая:—обыкновенный его поступокъ въ такіе разговоры вступать, когда о дѣлахъ говорить не склоненъ! Предъ выходомъ спрашивалъ меня, нанялъ ли я себѣ дворъ, что уже до сихъ поръ многократно мнѣ повторялъ, всегда однакожь со мною заключая, что въ здѣшнемъ городѣ нелегко дворъ сыскать. То мнѣ слово отъ слова случай подало припомнить ему объ отъѣздѣ Вогренановомъ, и онъ еще подтвердилъ, что со всею возможностью его принуждаетъ послѣшить тѣмъ отъѣздомъ, но господинъ де Вогренанъ великія претензіи имѣеть, о которыхъ приказалъ де Амелоту изъяснить ему, сколь невозможно ихъ исполненіе, и надѣется, что господинъ Вогренанъ впредь будетъ резонабельнѣе.

Послѣ свиданія съ кардиналомъ видѣлся я съ господиномъ Амелотомъ, съ которымъ также имѣлъ долгой разговоръ въ томъ же намѣреніи, которое при началѣ моей покорнѣйшей реляціи изображено. О сообщеніи копій писемъ Вплленевовыхъ онъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что подлинно въ доношеніи Вплленевовомъ, кромѣ его мѣморіи и писемъ къ графу Синцендорфу и къ помянутому вашему кабинетному министру, ничего не содержится, такъ что онъ самъ удивляется, для чего кардиналъ не позволяетъ и съ того его весьма неважнаго доношенія копию сообщить; что ему также не меньше удивительно, на чемъ основаны кардинальскія мнѣ объявленныя

подозрѣнія, ибо де, какъ я разсуждаю его письма къ вашему кабинетному министру и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Андрею Ивановичу Остерману ничего не содержатъ, что бѣ всему свѣту объявлять не можно было, и ему никакое письмо принадлежащее къ турецкой негодяціи съ стороны Вашего Императорскаго Величества не извѣстно, которое бы кардиналу не было сообщено, и не только особливо мнѣ, но и въ присутствіи господина Шмерлинга, который нарочно то требовалъ, меня увѣрилъ, что отъ него цесарскимъ министрамъ ни здѣсь, ни въ Вѣнѣ послѣдняго Вилленеваго письма не сообщено, и его Вилленевовъ пакетъ хотя въ Вѣну прибылъ чрезъ цесарскаго курьера, однакожь тамо тотчасъ не распечатанъ врученъ французскому секретарю; и напослѣдокъ обѣщаль мнѣ стараться кардинала удостовѣрить, что упомянутыя его подозрѣнія излишны, и отнять его безпокойство. Я свои рѣчи съ статскимъ секретаремъ не описываю, будучи того же содержанія съ разговоромъ моимъ въ конференціи съ кардиналомъ.

Господинъ Амелотъ также мнѣ спрашивалъ, подлинно ли съ вашей стороны цесарю военная помощь отказана, и я ему тожь что кардиналу отвѣтствовалъ; и онъ еще мнѣ подтвердилъ, что С. Северинова доношенія ни о какихъ военныхъ въ Швеціи приготовленіяхъ, или хотя о намѣреніи къ войнѣ не упоминаютъ. Изъ всего вышписаннаго Ваше Императорское Величество изволить усмотрѣть, сколь невозможно изъ кардинальскихъ словъ какому здравому разсужденію основаніе получить, и трудность та напаче умножается несогласіемъ въ рѣчахъ статскаго секретаря съ кардиналомъ; правда, что такой ихъ прикрытый поступокъ можетъ подать подозрѣніе о ихъ какомъ-либо потаенномъ намѣреніи, но только на догадкахъ основано будетъ, и сверхъ того ослабленіе кардинальской обыкновенной остроты, и склонность его къ менажпрозаціи шведскаго и турецкаго дворовъ никакимъ образомъ противное заключить повуждаютъ; должно бы имѣть дѣла яснѣе, изъ которыхъ бы смѣло можно удостовѣрить, о его истинномъ или лукавомъ намѣреніи; вѣрныя копіи съ доношеній Вилленева и Сентъ-Северина, какъ и посылаемыхъ къ нимъ указовъ къ тому изрѣчно служить бы могли, да я никакой дороги не вижу, которою бы тѣ достать было можно. И я бы Вашего Императорскаго Величества указъ преступилъ, еслибъ безразсудно отважилъ свою конфиденцію невѣстнымъ персонамъ и тѣмъ открылъ свое подозрѣніе; потому принужденъ еще ожидать способнаго случая, чтобъ прискакать какой надежный къ тому себѣ способ.

Впрочемъ о гишпанскаго двора акцессіи въ трактату Вѣнскому послѣ отправленія моея покорнѣйшей реляціи подѣ № 23, никакого вновь извѣстія изъ Мадрида не получено, и кардиналъ мнѣ самъ сказалъ, что графъ, дела Маркѣ теперь прилежно старается, чтобъ отнять того двора требованіе, которымъ желаетъ, чтобъ изъ мирнаго трактата выключенъ былъ артикулъ, коимъ подтверждаются прежніе трактаты, но еще де онъ Дела Маркѣ не доноситъ сколько въ немъ прогрессу учинилъ. По всѣмъ изъ Лондона письмамъ народъ англиской весьма не доволенъ послѣднею конвенціею съ гишпанскимъ дворомъ, и господа Валполъ весьма искусны и счастливы будутъ, если происшедшія по тому дѣлу возмущенія могутъ успокоить. Дюкъ-д'Аргайль и милордъ Скарборо, двѣ весьма важныя особы, противъ двора въ парламентѣ объявились, и при послѣднемъ засѣданіи въ верхней каморѣ придворная сторона только семью голосами одолѣла. Худыя предзнаменанія, которыя ничего счастливаго министрамъ не обѣщаютъ; и если до объявленія войны тамъ дойдетъ, сумнѣваться не должно, что здѣшній дворъ съ гишпанскимъ учинитъ общее дѣло, которое бы было приключеніе цесарскимъ интересамъ не мало полезное, безъ того какъ я имѣлъ честь уже Вашему Императорскому Величеству доносить. Хотя теперь кажется цесарскій дворъ получитъ нѣкую пользу отъ заключаемыхъ въ Бурбонскомъ домѣ браковъ; современемъ сія новая межь французскимъ и гишпанскимъ дворомъ связность не много добра обѣщаетъ.

О Рагоціи я ничего не упоминаю, не имѣя ничего объ немъ новаго доносить, какъ и о негоціаціи милорда Волграфа, которая еще въ концу не пришла. Въ Лондонѣ уже не гораздо тайно, что Ваше Императорское Величество заключаетъ союзъ съ Англискимъ дворомъ, потому легко та вѣдомость сюда перейдти можетъ, и какъ безсумнительно, будетъ неприятна. Всеподданнѣйше прошу Ваше Императорское Величество наставить меня при случающихся о томъ вопросахъ, какимъ образомъ мнѣ себя вести.

За спмъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всепнжайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Аптіохъ Каптемпръ.

Изъ Парижа, марта 12-го дня 1739.

XVIII.

Выписка изъ депеши.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволить исполнить мнѣ свою рабскую должность, всенижайше донося, что я здѣсь по сю пору живу на постояломъ дворѣ, слѣдовательно, не могу жить здѣсь какъ прилично. Первое не въ характерѣ посольскомъ, понеже не зная, сколь долго имѣю здѣсь прожить, не въ состояніи заводитья экипажемъ, домомъ, служителями и столомъ потребнымъ на нѣсколько мѣсяцевъ. По прибытіи въ здѣшній городъ такое житіе извѣстити можно, понеже всѣмъ новоприѣзжающимъ министрамъ обыкновенно, и что въ зимнее время трудно двора прислать; еслибы еще продлился имѣло—подасть причину къ различнымъ толкованіямъ къ нѣкакому предосужденію высочайшей вашей славы, ибо скудости или экономіи приписать могутъ то, что отъ другихъ обстоятельствъ происходитъ. Для точной причины не упоминая о моемъ собственномъ безпокойствѣ и лишннихъ издержкахъ въ таковой невѣстности, смѣлость принявъ всеподданнѣйше вышесказанное Вашему Императорскому Величеству представить, ожидая впрочемъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указу о наемѣ двора въ Коніенѣ, гдѣ прочіе послы дѣйствительно дома нанимають; нѣкоторые уже наняли, и проч.

XIX.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антиоха Кантемира, изъ Париза отъ ²⁶/₁₆-го марта 1739 г. написано:

По отправленіи моей послѣдней покорнѣйшей реляціи, я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества два всемилостивѣйшіе рескрипта отъ 17-го февраля подъ № 9 и 10; послѣдній всемилостивѣйшій отвѣтъ на мое доношеніе, касающееся кардипальскаго нареканія о сообщеніи его письма шведскому министру при вашемъ дворѣ; понеже то его подозрительство, имѣло потомъ худыя слѣдствія, какъ Ваше Императорское Величество позволили усмотрѣть изъ моихъ покорнѣйшихъ предъидущихъ реляціи. Я въ самомъ началѣ моей послѣдней съ нимъ въ Версали конференціи исполнилъ Высочайшій Вашего Императорскаго Величества указъ,

и такъ содержимыми въ немъ доводами, какъ и другими къ дѣлу приличными, крайне старался его увѣрить, что ни при вашемъ дворѣ, ни чрезъ вашего министра въ Стокгольмѣ никакого сообщенія его кардинальскихъ писемъ не только шведскому двору, но никому другому, кромѣ Вѣнскому, не чинено, и обнадеживая его о томъ именемъ Вашего Императорскаго Величества, еще пространно ему изъяснилъ, что такое сообщеніе Вашего Императорскаго Величества интересамъ никакой пользы принести бы не могло, что Ваше Императорское Величество не только ни мало когда намѣренія не имѣли французскій дворъ при шведскомъ привести въ подозрительство, но напротивъ тѣмъ большій кредитъ ему желаетъ, сколь подлиннѣе обнадежены, что оный важныи интересамъ полезенъ и межъ прочимъ Ваше Императорское Величество истинную склонность сохранять съ королемъ прямую дружбу и новую напаче изъ дни въ день утвердить и приумножить.

Не оставилъ я и притомъ увѣрить его кардинала о особой Вашемъ Императорскаго Величества къ нему эстимѣ, и съ какою конфиденціею изволите полагаться на его праводушіе, по сему съ своей стороны съ нимъ какъ до сѣхъ поръ откровенно поступали, такъ и впредь поступать имѣете, для чего отъ него особливо желаете, чтобъ не изволилъ всякимъ постороннимъ внушеніямъ вѣру давать, понеже безсумнительно многіе, завидуя доброму согласію межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ, найдутся готовы ложными вымыслами искать оное разорвать.

На сіи мои рѣчи, которыя я вкратцѣ вмѣстѣ собралъ въ разныхъ предложеніяхъ и отвѣтахъ, кардиналъ мнѣ объявилъ, что онъ особливое высочайшее почтеніе имѣя о Вашемъ Императорскаго Величества истинно императорскихъ добродѣтеляхъ, и напаче увѣренъ будучи о вашемъ праводушіи и во всѣхъ своихъ поступкахъ чистосердечномъ постоянствѣ, полную вѣру подаетъ всему тому, что я Вашемъ Императорскаго Величества именемъ объявляю и слѣдовательно не сумнѣвается, что Ваше Императорское Величество никогда не изволили приазывать его кардинальское письмо въ Швецію или министру шведскому при вашемъ дворѣ сообщать; но съ другой стороны также сумнѣваться не можетъ, что часть одного его письма подлинно въ Стокгольмѣ являлась, ибо та часть ему кардиналу оттуда прислана, и онъ ее читалъ; со всѣмъ де тѣмъ, какъ онъ прежде мнѣ говорилъ, такъ и теперь подтверждаетъ, что сіе малое несходство не спльно отмѣнить его истинное намѣреніе о употребленіи всѣхъ своихъ силъ въ

исполненія своихъ общаній; понеже Его Королевское Величество истинно и безпристрастно желаетъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ содержать добрую дружбу, и что кромѣ того тишину сѣверную признаетъ полезною самой Швеціи, а прекращеніе Турецкой войны не отиѣнно нужно для исполненія собственныхъ Его Величества намѣреній, то есть, для генеральнаго всей Европы покоя.

При чемъ онъ распространялся въ похвалахъ Вашего Императорскаго Величества, заключая, что по данному отъ Вашего Величества позволенію, онъ всегда впредь мнѣ безъ обиноевія объявлять станетъ всякое подозрѣніе, которое бы ему родиться могло, согласно со мною признавая, что злобные люди могутъ нарочно или при вашемъ дворѣ, или ему внушенія чинить, завидуя доброму согласію межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ.

На что я особливо ему пзяснилъ, что онъ подлпно не будетъ каяться о являемой къ Вашему Императорскому Величеству полной конфиденціи, понеже таково всегда отъ васъ того употребленіе учинено будетъ, чтобъ онъ наипаче увѣрлся о истинныхъ доброжелательныхъ Вашего Императорскаго Величества сентиментахъ; разсуждая ему впрочемъ, что положеніе двухъ государствъ таково, что одно другому вреда искать не имѣетъ, и еще меньше дѣйствительно вредить можетъ, а напротиву взаимно себѣ могутъ быть полезны, и согласіе двухъ дворовъ тишину Европейскую утвердить сильно, не подавая благоразсуднымъ никакой опасности.

На сіе онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что разсужденіе мое весьма основательно, и кромѣ того онъ особливо пользу двумъ народамъ усматриваетъ отъ комерціи, которую межъ ними распространить можно; и сіе причину мнѣ даетъ думать, что въ началѣ его кардинальское намѣреніе предлагать какой-либо трактатъ комерціи, для чего впредь при пристойныхъ оказіяхъ лучше его мнѣніе выслушать не премину.

Въ заключеніе моего разговору о сей матеріи, я ему сказалъ, что понеже усмотрѣваю, что онъ уже обнадеженъ, что прежнія его подозрительства были излишны, и что учиненныя отъ меня часто ему увѣренія счастіе имѣли подтверждены бытъ пменемъ Вашего Императорскаго Величества, и уповаю, что впредь позволтъ полную конфиденцію мнѣ дозволить и потому уже не откажетъ мнѣ сообщеніе писемъ Вплленевыхъ, которыя впредь получатъ, объявляясь ему заранѣе, что тѣ письма у Вашего Императорскаго

Величества хранены будутъ такимъ образомъ, что никогда никто ни строки въ нихъ не увидитъ, выключая всегда цесарскій дворъ, понеже дѣла сія Вашему Императорскому Величеству съ вашимъ союзникомъ общія, и что онъ кардиналъ отъ Его Императорскаго Величества ничего самъ не таитъ. На сіе онъ улыбнулся, отвѣтствуя, что еще того мнѣ обѣщать не можетъ, но впредь де о томъ со мною поговоритъ.

По семъ вступили мы въ разговоръ о дѣлахъ Турецкихъ; началъ онъ тѣмъ, что князь Лихтенштейнъ сообщилъ его цесарскаго величества ультиматумъ, и я при томъ ему давъ знать, что и Вашего Императорскаго Величества изъ дня въ день ожидаю, онъ мнѣ сказалъ, что подружески намъ совѣтуетъ, какъ скоро я свои инструкціи получу, согласиться прилежно съ княземъ Лихтенштейномъ (какъ уповаешь, что Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и цесаремъ уже учинено), дабы чинимыя отъ двухъ высочайшихъ союзническихъ дворовъ предложенія были сходныя и неотмѣнныя, которыя отъ него къ Вилленеву посланы будутъ, съ такими наставленіями, которыми Ваше Императорское Величество и цесарскій дворъ будетъ доволенъ; упомянутое де согласіе для того неотмѣнно нужно, что случившееся до сѣхъ поръ малое несходство межъ предложеніями двухъ союзническихъ дворовъ причину подало Портѣ думать, что не трудно будетъ ихъ разлучить и привести одинъ изъ двухъ къ сепаратному миру. Для сего де мирныя переговоры бесполезны продолжались, а когда она Порта усмотритъ, что высочайшіе союзники такъ сильно согласны, что союзъ ихъ разорвать никакимъ образомъ невозможно, тогда легче будетъ ее склонить къ резонабельнымъ кондиціямъ, наипаче же если цесарское войско хотя малое счастье въ будущей кампаніи получитъ; при семъ онъ вступилъ въ долгое разсужденіе о порядкѣ, въ которомъ бы оное цесарское войско воевать было должно, гораздо осуждая поступокъ цесарскихъ генераловъ въ прежнихъ кампаніяхъ въ раздѣленіи войска на малыя части, и слово за словомъ дошелъ до Вашего Императорскаго Величества обѣщаннаго цесарю помочнаго войска, разсуждая, что теперь, имѣя еще обстоятельнѣйшее доношеніе отъ Сентъ-Северина, что никакого намѣренія о военныхъ замыслахъ въ Швеціи не имѣютъ, Ваше Императорское Величество (по его точнымъ словамъ) не можетъ праведно цесарю отказать исполненіе своего обѣщанія. При семъ случаѣ впервой онъ столь откровенно свое мнѣніе о сей матеріи мнѣ объявилъ, и что наипаче меня удивило, еще повторилъ, что данныя Вашему
II отдѣлъ.

Императорскому Величеству извѣстія о возмущеніяхъ шведскихъ и о негоціаціи того двора при Портѣ неосновательны. На оное я ему кардиналу отвѣтствовалъ, что Ваше Императорское Величество твердое намѣреніе имѣеть нераздѣльнымъ быть съ своимъ союзникомъ, и ультиматумъ вашъ безсумнительно будетъ произведенъ съ согласія цесарскаго двора; что о помочномъ войскѣ я отъ Вашего Императорскаго Величества двора никакаго наставленія не имѣю, но то за подлинно вѣдаю, что если не учинится какое важное препятство тому войску, Ваше Императорское Величество никогда не оставитъ не исполнено свое обѣщаніе; а здѣсь слышу, что республика Польская намѣрена всѣми своими силами не допустить проходъ тому войску сквозь свои области, и хотя я признаваю, что Поляки супротивляться вашему оружію не сильны, однакожь чаю, и самъ его цесарское величество требовать того не будетъ, чтобъ ваше войско начало войну съ Поляками, понеже отъ того никакой пользы общимъ интересамъ произойти не можетъ что впрочемъ сколько замысловъ шведскихъ касается — Ваше Императорское Величество мнѣ повелѣли его кардинала благодарить за домогательства Сентъ-Севериновы его поступкамъ; что его радѣтельствомъ, правда, дѣла въ сеймѣ не въ такомъ движеніи, какъ прежде были, и что явно военныхъ приуготовленій не видятся; но во всемъ томъ онъ кардиналъ позволитъ мнѣ ни мало не сумнѣваться, что не только тѣ военные замыслы въ секретной комиссіи имѣлись, но и дѣйствительно негоціаціи министровъ шведскихъ при Портѣ продолжается, о чемъ Ваше Императорское Величество сильно удостовѣрены, для чего еще его кардинала прошу, чтобъ господину Вилленеву указалъ наблюдать поступки помннутыхъ шведскихъ министровъ и турецкимъ внушить, сколь мало пользы отъ шведскаго двора Порты ожидать можетъ; понеже если господинъ Вилленевъ то не учинитъ, великій взпрѣльститъ себѣ будетъ, отъ того союза такія слѣдствія, которыя напаче сего огордить могутъ, и слѣдовательно миръ удалится. На то онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ со мною признаеть, что предложенія шведскія при Портѣ въ заключенію мира не полезны, и уже о томъ потребныя наставленія Вилленеву даны, въ которымъ трудно что ни есть сильнѣйшаго прибавить, хотя онъ не можетъ еще вѣрять, чтобъ Ваше Императорское Величество имѣли о томъ надежное извѣстіе, ибо Сентъ-Северинъ ни чего о томъ не упоминаеть; а трудно думать, чтобъ онъ не былъ извѣстенъ о томъ, что въ комиссіи секретной чинится. Я не смѣлъ далѣе вступать ему дока-

звать, что онъ въ своемъ разсужденіи ошибается, дабы не подать ему какого знаку о тѣхъ письмахъ, которыя я въ своихъ рукахъ имѣю, для того я ему отвѣтствовалъ, что мнѣ ни мало не удивительно, что Сентъ-Северинъ о тѣхъ шведскихъ поступкахъ не извѣстенъ, ибо тамошніе безпокойные люди при первомъ учиненномъ ему Сентъ-Северину предложеніи, усмотрѣвши, что онъ не только ихъ намѣренію споспѣшествовать не склоняется, но напротивъ своими поступками являетъ, сколь онъ радѣтельно ищетъ сохранить тишину сѣверную, прилежно отъ него свои поступки съ тѣхъ поръ тайть стали. Таковыя рѣчи кардиналу были гораздо угодны и казался оними доволенъ, выхваляя благоразсудство его Сентъ-Севериново, и подтверждая мнѣ, что и впредь онъ неотмѣнно продолжать будетъ свои нынѣшніе поступки, прося Ваше Императорское Величество быть безопасна съ той стороны; не хотѣлъ я при томъ ему напомнить о деклараціи желаемой при шведскомъ дворѣ, оставляя то къ другому случаю. Въ предбудущій, сиречь, вторникъ попытаюсь предложить ему о той деклараціи, осторожно умѣряя свои слова, чтобъ не досадить его деликатству, которое вы изволили примѣтить во многихъ случаяхъ.

Изъ всего нашего разговору съ кардиналомъ заключить можно, 1) что недовольство его, происшедшее отъ сумнѣнія, что письма его въ Швеціи сообщены отнято, и увѣренъ, что никакого потаеннаго намѣренія въ сторону Вашего Императорскаго Величества не было, но еще сумнѣніе осталось, что изъ тѣхъ писемъ какая часть въ Стокгольмѣ видѣна; 2) что намѣренъ по усмотрѣніи послѣднихъ предложеній Вашего Императорскаго Величества и цесарскихъ, отправить указы къ Виллевету, дабы въ негоціаціи своей поступалъ съ большимъ радѣтельствомъ и смѣлостію, и 3) что безсумнительно вѣрить, что во Швеціи всѣ военные замыслы отставлены, и потому Ваше Императорское Величество съ той стороны ни чего опасаться не должна. По всей же конференціи съ толкимъ особливимъ высокопочитаніемъ упоминалъ отъ Вашего Императорскаго Величества высочайшей особѣ, столько усерднаго желанія являлъ о предостереженіи интересовъ Вашего Императорскаго Величества и вашего союзника и со мною столь особливою учтливостію и ласкостію поступалъ, что оный день наипаче при немъ удачливимъ почитаю, и еслибъ неотмѣнно впредь того жъ поступка держался, трудно бы имѣть какого подозрительства о его намѣреніяхъ; но по несчастію дни его одинъ на другого не похожи, и можетъ быть въ будущій вторникъ отмѣну въ немъ найду. Съ статскимъ секре-

таремъ разговоръ мой о тѣхъ же матеріяхъ былъ въ той же силѣ, для чего я повтореніемъ того описанія Ваше Императорское Величество утруждать удержуся; особливо изъ его рѣчей имѣю всеподданнѣйше донести, что по требованію князя Лихтенштейна имѣетъ отправится отсюда французскій куріеръ съ вышепомянутыми наставленіями къ господину Вилленеву. Князь Лихтенштейнъ хотѣлъ бы, чтобъ тотъ куріеръ не дожидался моихъ инструкцій, разсуждая, что Вашего Императорскаго Величества министры при Вѣнскомъ дворѣ могутъ сообщить вашу резолюцію, и оттуда прямо въ Константинополь съ тѣмъ куріеромъ отправить; господинъ Амелотъ напротивъ желалъ бы пообождать, пока увѣдають здѣсь о той вашей резолюціи; я и объ одномъ и о другомъ своего мнѣнія имъ объявлять удержался, чтобъ не приключить какой напрасной останьвил, столь наипаче, что не трудно другого куріера за первымъ послать. Статскій секретарь, между прочимъ, весьма любопытно хотѣлъ знать, какую деверзію Ваше Императорское Величество намѣрены учинить въ наступающей компаніи, на которое я много отвѣтствовать не могъ, кромѣ самой истины, то есть, что мнѣ о томъ Вашего Императорскаго Величества высочайшее намѣреніе неизвѣстно. Такъ ему статскому секретарю, какъ и господину кардиналу я не оставилъ дать знать по силѣ высочайшаго вашего указа, что для вѣщаго оказательства вашей еъ кардиналу конфиденціи немедленно чрезъ меня сообщить ему изволите о всѣхъ вашихъ поступкахъ въ Швеціи при нынѣшнихъ происхожденіяхъ, на что кардиналъ совсѣмъ умолчалъ, а господинъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что по письмамъ Сентъ - Севериновымъ господинъ Бестужевъ чрезъ все время сейма покойно себя удержалъ.

Таковы были до сѣхъ поръ мои поступки вслѣдствіе Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшихъ указовъ подъ № 8-мъ и 9-мъ, по которымъ и впредь съ радѣтельствомъ поступать не премину, пока совершенно отниму всѣ кардинальскія позорительства, и склоню его къ исполненію Вашего Императорскаго Величества желанія, имѣя во свое время обстоятельно доносить, что впредь по тѣмъ моимъ домогательствамъ произойдетъ.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества рескрипту, подъ № 9-мъ, во всѣхъ случаяхъ цесарскому послу первенство безпорно уступать не премину; а что касается до проекта сообщеннаго при Вашего Императорскаго Величества дворѣ отъ Вѣнскаго для акцессіи вашей къ Вѣнскому трактату, я по тому жъ высочайшему указу потребныя объявленія учинилъ статскому секретарю

рю, который далъ мнѣ знать, что господинъ Мирепоя уже наставленъ и уполномоченъ для заключенія акцептаціи по вашей акцессіи; впрочемъ же, какъ Ваше Императорское Величество уже изъ предыдущихъ моихъ усмотрѣли, господинъ Амелотъ упоминалъ о двухъ проектахъ, сообщенныхъ здѣсь отъ Вѣнскаго двора, одинъ для акцессіи вашей, а другой для акцептаціи короля Французскаго, которые по его Амелотовымъ словамъ были не вовсе сходны, и Его французское Величество не имѣлъ ни какого затрудненія одного изъ тѣхъ двухъ проектовъ силы держаться. О всемъ томъ дѣлѣ уже довольно съ нимъ Амелотомъ и княземъ Лихтенштейномъ мы изъясненіе учинили (какъ всенижайше я доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи подъ № 18), такъ что въ томъ никакой остановки впредь произойти не можетъ, развѣ какія новыя затрудненія приключатся.

О господинѣ Вогренанѣ статскій секретарь и господинъ кардиналъ мнѣ сказали, что еще послѣднюю резолюцію не приняли; а сей прибавилъ, что онъ сожалѣетъ о случившемся замедленіи, которому не онъ виновенъ, и проситъ меня, чтобъ я твердо надѣялся, что свое обѣщаніе немедленно исполнить. Статскій же секретарь сверхъ того меня обнадежилъ, что если вмѣсто Вогренана другой будетъ назначенъ, то выбрана будетъ особа знатная и такого состоянія, чтобъ по назначеніи своемъ въ 8 дней отсюда отѣхалъ. Не хотѣли мнѣ объявить кого въ тому дѣлу намѣряютъ, а постороннимъ образомъ я увѣдалъ, что Вогренаново мѣсто заступитъ господинъ Лотрекъ, генераль-лейтенантъ, недавно употребленный въ Швейцарахъ для примиренія случившагося тамъ бунта, человекъ, какъ слышу, знатной фамиліи, благоразсудный и въ дѣлахъ искусный, и я, не вѣдая высочайшее Вашего Императорскаго Величества мнѣніе о сей отмѣнѣ особъ, въ никакое разсужденіе о томъ съ министрами здѣшними не вступаю, ожидая всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества о томъ повеленія.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ имѣю всенижайше донести, что на прошлой недѣлѣ гишпанскій и неаполитанскій посолъ получилъ указъ о заключеніи акцессіи ихъ государей къ Вѣнскому трактату, и дѣйствительно пишутся 6 экземпляровъ того трактата. Акцессіи тѣхъ двухъ дворовъ, какъ мнѣ господинъ Амелотъ сказалъ, имѣетъ быть совсѣмъ сходна съ сардинскою. Въ тѣхъ же прошедшихъ дняхъ господинъ Дела Мина поднесъ королю орденъ золотого руна для Его Величества и для дельфина. Его Величество свой тотъ-

часть на себя вздѣлъ и потомъ также на сына своего положилъ. Помянутый посоль готовитъ свой экипажъ для вѣзду и публичной аудіенціи, при которой имѣеть формально требовать принцессу королевскую дочь для Донъ-Филиппа.

Послѣ того какъ вѣдомость здѣсь дошла о удачѣ аглицкаго министра въ Копенгагенѣ, возобновилась здѣсь негоціація голландскаго посла о возобновленіи трактата комерціи, который по сѣ пору былъ отложенъ разными требованіями здѣшняго двора, на которыя Статьи Генеральныя склониться не могли; теперь уже тотъ трактатъ имѣеть быть сходенъ съ предыдущимъ и скоро здѣсь заключенъ будетъ. Аглицкій съ здѣшнимъ же дворомъ еще не подписанъ, какъ слышно для того, что милордъ Волграфъ ожидаетъ послѣднюю резолюцію своего двора на приключившееся затрудненіе о оцѣнѣ одного аглицкаго корабля, арестованнаго въ Мартиникѣ, который тогда проданъ, а по сему трактату хозяиномъ того корабля деньги возвращены быть имѣють; понеже сіе затрудненіе не велико, чайтельно, что подписка трактата долго за тѣмъ не останется.

Изъ Лондона чрезъ вчерашнюю почту вѣдомость пришла, что нижняя камора резолюцію приняла подать королю о сообщенной конвенціи адресъ въ равной силѣ, каковъ былъ верхней каморы, и та резолюція принята большинствомъ 22 голосовъ съ придворной стороны, которое число являетъ важное умаленіе придворной стороны.

Слухъ о объявленіи Донъ-Филиппа королемъ Корсическимъ здѣсь отъ министровъ совсѣмъ опровергается, такъ что по видимому должно бы чайть, что бунтовщики тѣмъ себѣ здѣшний дворъ не склоняютъ.

Понеже деньги мои начинаютъ мнѣ не доставать, и я еще кредитъ здѣсь не много имѣю, всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество прошу указать заблаговременно учинить милостивѣйшее опредѣленіе о моемъ жалованьи и о переводѣ онаго, наипаче что скоро наступать имѣють поѣздки королевскія, и за ними праздники Донъ-Филиппова сговору, которые требуютъ не малое издвигеніе; и при томъ смѣлость приеволю припомануть о обрѣтаемомъ въ Лондонѣ Мазолевскомъ, который, тамъ живучи на своемъ одномъ жалованьи, въ весьма худомъ состояніи находится.

XX.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантиміра изъ Парижа отъ 14/6 апрѣля 1739 году:

Въ прошедшій понедѣльникъ я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ подъ № 12 отъ 10-го марта съ приложенными при немъ письмомъ къ господину кардиналу, съ копіею того письма и съ другого письма кардинальскаго, къ которому примѣчанія прибавлены, такъ же и приложения къ сему; понеже тотъ пакетъ дошелъ ко мнѣ поздно, и не успѣлось разобрать цыфири прежде отъѣзду моего въ Версаль, я третьяго дня при врученіи помянутаго письма господину кардиналу не могъ съ нимъ вступить въ пространный разговоръ о содержимыхъ въ высочайшемъ вашемъ указѣ дѣлахъ; для того еще вчерась въ Исси съ нимъ видился; во обоихъ тѣхъ свиданіяхъ я такимъ образомъ свой разговоръ велъ, чтобъ не вдругъ о семъ ему напоминать и не вступать вдругъ во всѣ подробности, понеже ясно усматривалъ, что не охотно вступаетъ въ разговоръ о томъ, что касается подозрительства своего о сообщеніи части его письма шведскому министру, и что можетъ быть уже сожалѣть, что чрезмѣрно лишніи жалобы о томъ учинилъ. Сколько къ тому дѣлу принадлежитъ, вслѣдствіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, я ему съ начала объявилъ, что Ваше Императорское Величество хотя имѣли обстоятельное извѣстіе о происхожденіяхъ при шведскомъ сеймѣ и ѳ производимой шведской негодіяціи при Портѣ, однакожь за благо избрѣли терпѣливо ожидать, чѣмъ того сейма замыслы кончатся, и никакого поступку противъ того при шведскомъ дворѣ не чинить, не упуская потребныя мѣры принимать для отвращенія непріятельской силы во свое время—не для того что Ваше Императорское Величество презираетъ силу той короны, но что надѣялись, что въ пародѣ Шведскомъ радѣтельными отечеству своему особы сами не допустятъ къ совершенству привести такіа намѣренія, которыя самимъ шведскимъ интересамъ противны; что отъ Всевышняго помочи не отчаеваетесь въ случаѣ внезапнаго нападенія; что во свое время найдутся спомощники Вашего Императорскаго Величества праведныхъ поступковъ, и наипаче, что безопасность свою основали на учиненныхъ на господина кардинала обиадеживаніяхъ, на которыя изволите совсѣмъ полагаться; такой поступокъ Ваше Император-

ское Величество продолжали до самаго того времени, какъ самыя шведскіе министры при вашемъ дворѣ о семъ дѣлѣ отозвались, и тогда имъ въ вышепомянутыхъ терминахъ изъясненіе учинено, включая послѣднее; потомъ я пространнѣе старался кардинала увѣрить о Вашего Императорскаго Величества къ нему особливомъ почтеніи и конфиденціи, которая основана на извѣстномъ Вашему Императорскому Величеству его праводушіи; повторилъ ему многократно, что Ваше Императорское Величество съ нимъ всегда будетъ поступать съ крайнею откровенностію, и просилъ его, чтобъ на томъ твердо полагаясь, не подавалъ вѣры чинимымъ противъ того внушеніямъ, которыя безсумнительно происходятъ отъ такихъ людей, которые доброму согласію межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ завидятъ, и что для убѣжанія такого несходства всего бы полезнѣе употребить рефлексіи вашего перваго кабинетнаго министра, которыми письмо свое заключаетъ, понеже я благонадеженъ, что если онъ господинъ кардиналъ изволитъ по тѣмъ правиламъ разсмотрѣть помянутыя внушенія, легко узнаетъ ихъ несостоятельность и хитрость. Я здѣсь вмѣстѣ собралъ и сокращенно описалъ рѣчи свои, которыя въ конференціяхъ съ кардиналомъ перерывно говорены, принужденъ будучи часто матерію сію возобновлять, отъ которой кардиналъ безпрестанно искалъ слово удалять. На изъясненіе о поведеніи Вашего Императорскаго Величества въ дѣлѣ, касающемся шведскихъ замысловъ, кардиналъ почти никакого отвѣта мнѣ не далъ, кромѣ того, что еще повторилъ, что Сентъ-Северинъ никогда о производимой при Портѣ шведской негодіи не доносилъ, и во всѣхъ письмахъ своихъ теперь доноситъ, что въ Стокгольмѣ ни малѣйшаго виду нѣтъ къ военнымъ намѣреніямъ; когда же я напомянулъ о томъ, что самыя шведскіе министры при вашемъ дворѣ отозвались, господинъ кардиналъ показался тому удивляться и, заставя меня о томъ повторить, ничего болѣе не сказалъ, благодарствуя впрочемъ, что Ваше Императорское Величество въ семъ случаѣ изволили конфиденціи ему открывать весь свой поступокъ по тому дѣлу, и оный выхваляя; повторилъ онъ, что какъ съ самаго начала мнѣ говорилъ, такъ и теперь подтверждаетъ, что помянутый Сентъ-Северинъ указы имѣетъ всячески стараться шведскій дворъ отговорить отъ войны, если впрямъ къ тому намѣренъ, и что подлинно его королевское величество никогда не подастъ руки къ поспѣшествованію подобнаго намѣренія, не только для того, что признаетъ оное противно самымъ шведскимъ интересамъ, но что къ тому жъ чаеетъ, что

весьма непристойно великому государю, каковъ Его Величество, меньше жъ христіянину, употреблять такіе коварныя поступки противъ другого государя, съ которымъ дружбу свою возобновилъ, и который ему свои интересы препоручалъ. Вашему Императорскому Величеству безъ сумнѣнія удивительно покажется, что на вышеписанныя мои предложенія кардиналь такими увѣреніями отвѣтствуетъ, которыя тутъ не къ дѣлу, понеже ему наисильнѣйше представлено, что Ваше Императорское Величество ни мало о его праводушіи не сумнѣвается; но онъ господинъ кардиналь, сколько часто ему о происхожденіяхъ шведскихъ ни упоминается, всегда такой отвѣтъ употребляетъ, почитая, повидному, что Ваше Величество еще сумнѣвается о его чистосердечности, когда не довѣряетъ, что во Швеціи никакихъ замысловъ военныхъ не имѣется; для прекращенія такого кардинальскаго поступка одинъ бы способъ былъ доказать ему тѣми доводами, которые я въ своихъ рукахъ имѣю, что Ваше Императорское Величество основательно увѣдомлены о всѣхъ шведскихъ происхожденіяхъ, но то самое наисильнѣйше высочайшими вашими указами мнѣ запрещено, и можетъ быть, открывая то, что онъ прикрытъ намѣренъ, могло бы его раздражить, хотя впрочемъ и понудило бы къ лучшему чистосердечію. Я, видя что онъ тѣмъ еще рѣчь туда ищетъ приводить, откуда я его отдалять бы желалъ, предложилъ ему, что Ваше Императорское Величество, какъ я часто имѣлъ честь ему говорить, весьма благонадежны, что Его Королевское Величество никакого участія въ намѣреніяхъ шведскихъ не имѣетъ, и оныя споспѣшествовать никогда не станутъ; что господинъ Сентъ-Северинъ своими поступками, которыми Ваше Императорское Величество крайне доволенъ, уже то безсумнительно доказалъ, и что онъ господинъ кардиналь могъ бы совершенно о тѣхъ Вашего Императорскаго Величества сентиментахъ увѣренъ быть, рассуждая полную откровенность, съ которою Ваше Императорское Величество къ нему поступаетъ, и съ каковою повелѣли своему министру въ Стокгольмѣ поступать съ господиномъ Сентъ-Севериномъ, отъ котораго безсумнительно онъ изволилъ о томъ имѣть обстоятельное доношеніе, что теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ сыскать способъ о прекращеніи шведской негодяціи при Портѣ, которая пока продолжатся станетъ и подастъ великому визиру поводъ къ отдаленію мира, прибавляя его гордость химерическими надеждами; при томъ я вступилъ въ подробное изъясненіе вреда отъ той негодяціи происходящаго въ негодяціи мирной. Госпо-

динъ кардиналь забыль уже, что мало прежде Сентъ-Северина со всѣмъ о той негоціаціи безызвѣстна сказываль, мнѣ отвѣтствовалъ, что господину Вилленеву не однажды уже отъ короля указы посланы ту шведскую негоціацію по крайней своей возможности препятствовать, и я могу быть благонадеженъ, что онъ столько о томъ радѣеть, сколько бы я самъ учинить могъ; но что и недавно еще онъ господинъ Вилленевъ доносилъ, что великій визирь не имѣеть ни малой склонности вступить съ шведскимъ дворомъ въ союзъ, и при томъ примѣчаетъ, что Порта находится въ великомъ оскудѣніи денежномъ, для того же не можетъ вступить въ обязательства съ Швеціею, которой бы должно субсидіи давать; что съ другой стороны онъ Вилленевъ не видитъ, чтобъ теперь та негоціація при Портѣ продолжалась наипаче по ссылкѣ Боневаловой; и я господину кардиналу еще на то отвѣтствовалъ, что Ваше Императорское Величество совершенно увѣрены, что такіе указы къ господину Вилленеву посланы; что онъ по нимъ радѣтельно исполняетъ, и что теперь о шведской тамо негоціаціи продолженіи неизвѣстенъ; однакожь отъ того не можно иного заключить, развѣ что шведскіе министры, усмотрѣвши, что онъ Вилленевъ ихъ намѣреніямъ противенъ, таятъ отъ него свои дѣла, и для того я господина кардинала прошу, чтобъ еще ему Вилленеву о томъ подтвердить, чтобъ старался прилежнѣе вывѣдать шведскихъ министровъ поступки, не престававъ Портѣ внушать, сколь ея союзъ съ Швеціею мало пользы принести имѣеть; понеже подлинно если та негоціація продолжаться будетъ, господинъ Вилленевъ въ своей большей трудности найдетъ; и господинъ кардиналь потому исполнить обѣщался; потомъ я рассуждалъ ему о характерѣ и состояніи визирскомъ, по силѣ письма Вашего Императорскаго Величества кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана, заключая, что его самый интересъ повидному требовать будетъ продолженіе войны, и что хотя Ваше Величество увѣрены, что онъ для отдаленія Персіи отъ войны хитростно мприия негоціаціи продолжать казался, не имѣя впрочемъ ни малой склонности къ миру, однакожь на послѣднюю меморію господина Вилленева немедленно отвѣтъ учинить позволите, который и ему кардиналу сообщенъ будетъ, чего учинить еще не могли, ожидая отвѣта отвѣтнаго двора, будучи нужно о семъ дѣлѣ согласится съ своимъ союзникомъ; на что господинъ кардиналь мнѣ сказалъ, что хотя и онъ признаетъ въ великомъ визирѣ помянутый характеръ, однакожь мира не отчаевается, если Его Цесарское Величество

въ состояніи будетъ сею кампанією имѣть довольное войско не для полученія какихъ новыхъ выигрышевъ надъ непріателемъ, но только для защищенія своихъ земель, и для предупрежденія новыхъ уроновъ, то одно де довольно бы было великаго визира къ миру склонить, и для того Ваше Императорское Величество резолюція на меморію Вилленевову можетъ быть не нужна, и надѣется, что я скоро оную получу, понеже де о томъ дѣлѣ давно уже изъ Вьены къ двору вашему курьеръ отправленъ; прибавилъ онъ къ тому, что удивляется, что Ваше Императорское Величество не упоминаетъ о отравленіи полномочи къ господину Вилленеву, которая такъ же бы де нужна была; прочій нашъ разговоръ не такой важности былъ, чтобъ нужно было описаніемъ онаго Ваше Императорское Величество утруждать. Что отъ всего того заключать я сказать не въ состояніи; ибо хотя съ одной стороны являлъ готовость и усердіе къ пресѣченію часто помянутой шведской негодіи и къ поспѣшенію мира, съ другой въ рѣчахъ несходство и недовѣреніе чинимыхъ ему обнадеживаній, какъ и продолженіе хотя не такъ сильныхъ какъ прежде подозрѣній не позволяютъ совсѣмъ довѣрять его обнадеживаніямъ; можетъ быть впредь еще что яснѣе усмотрѣть будетъ можно, имѣя я въ предбудущихъ своихъ съ нимъ разговорахъ употреблять милостивѣйшія наставленія, предписанныя мнѣ въ ремаркахъ на письмо кардинальское; и всѣ мои крайнія домогательства клонитъ стану такъ къ тому концу, какъ и къ отнятію его кардинальскихъ сумнительствъ, пока совершенно его увѣрю, что Ваше Императорское Величество, по сродному своему обычаю, съ нимъ со всякою истинною поступаете. Прежде выходу отъ него я еще о семъ послѣднемъ ему повторилъ по случаю учиненной недавно отъ него жалобы на вашего посла графа Александра Гавриловича Головкина, изъясняя ему, что того вашего посла благоразсудность такова, что я не могу еще увѣрится, чтобъ онъ могъ учинить такой поступокъ, который ему господину кардиналу подалъ бы недовольство, и буде паче чаянія онъ то учинилъ, безсумнительно Ваше Императорское Величество тотъ поступокъ апробовать не изволитъ, понеже никакой пользы своимъ интересамъ не видитъ, чтобъ датскій дворъ не склонился вступить въ союзъ съ французскимъ. На то онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что вѣдомости о поступкѣ вашего посла въ Гагѣ письма вѣрныя, но совсѣмъ тѣмъ никакую де ему импрессию не чинятъ, понеже онъ приписуетъ то графа Александра Гавриловича лишней ревности, а впрочемъ онъ господина графа знаетъ весьма чест-

нымъ человѣкомъ и имѣть его въ особливомъ почтеніи, также всему тому, что именемъ Вашего Императорскаго Величества ему представляется, онъ полную вѣру подаетъ, понеже ему особливо извѣстенъ хвальный Вашего Величества характеръ, котораго основаніе есть чистосердечность, — и съ тѣмъ я отъ него отпущенъ.

Съ статскимъ секретаремъ я о турецкихъ дѣлахъ мало слова имѣлъ, понеже, какъ выше имѣлъ честь упомянуть, прежде свиданія съ нимъ ремарки на письмо кардинальское не можно было успѣть съ цифири разобрать; а что до шведскихъ дѣлъ касается, ему въ такой же силѣ, какъ кардиналу, сообщеніе учинилъ и почти подобныя отвѣты имѣлъ, напаче же повтореніе того, что Сентъ-Северинъ о производимой шведской при Портѣ негоціаціи ни мало не извѣстенъ; понеже я съ нимъ завтра видѣться имѣю, оставляю до предбудущей почты обстоятельнѣе доказать его разговоръ о сихъ дѣлахъ, чтобъ излишне Ваше Императорское Величество не утруждать, напаче же, что тогда основательнѣе о всѣмъ матеріи его разсужденій увѣдаю; въ то же время имѣть буду честь при покорнѣйшей моей реляціи пространное доношеніе на часто упомянутыя ремарки въ кардинальскому письму, которыя настоящею почтою переписать не успѣть.

Такъ сей статскій секретарь, какъ и господинъ кардиналъ мнѣ напоследокъ объявили, что Его Величество назначилъ посломъ въ вашему двору, бывшаго при прусскомъ, своего министра господина Шетардія, а господинъ кардиналъ обнадежилъ меня обыкновенною рѣчью, что немедленно отсюда отъѣдетъ, а съ другой стороны я слышу, что правда его понуждаютъ какъ можно скорѣе отсюда отправляться, и для того велѣли ему сегодня подать меморію о своихъ требованіяхъ, по которой имѣеть опредѣлено быть его жалованье. Господинъ Шетарди не богатѣя графа Вогрепана и сверхъ того долженъ въ Берлинѣ 8000 франковъ, которые лично не отъѣзжая оттуда уплатить; опасаясь, чтобъ такая великая сумма новое затрудненіе не приключила ¹⁾.

Акцессія къ Вѣнскому трактату остановлена, какъ я имѣлъ честь доносить, только за перепискою экземпляровъ. Гиппанскій посоль

---

¹⁾ Любопытно, что правившій въ то время въ отечествѣ нашемъ государственнымъ кормиломъ вице-канцлеръ графъ Остермакъ—весьма противился назначенію Шетарди посломъ въ Россію, по причинѣ его незначительнаго происхожденія: какъ будто предчувствовалъ, что онъ будетъ виновникомъ его паденія!

Д. Б.-Б.

самъ публично опровергаетъ всѣ другіе резоны, которыхъ по обыкновенію здѣшняго города не малое число выдуманы и разсѣяны.

О эскадрѣ, состоящейся въ 4-хъ военныхъ карабляхъ и одной фрегатѣ, уже здѣсь ни малаго сумнѣнія нѣтъ, что изъ Бреста прямо отъѣзжаетъ въ Копенгагенъ, и оттуда въ Стокгольмъ, для чего приказано офицерамъ и гардемаринамъ по своей возможности лучшей себѣ уборъ приготовить, чтобъ могли при тамошнемъ дворѣ въ богатомъ платьѣ явиться. Командиръ той эскадры графъ Антинъ отъѣзжаетъ въ Брестъ въ восемь дней, а вся эскадра оттуда подымется въ половину мая; со всѣмъ тѣмъ министры здѣшніе о отправленіи той эскадры ко мнѣ не отзывались, и я безъ указу Вашего Императорскаго Величества также упоминать не стану.

Впрочемъ отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не имѣю, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость и всенижайше пребываю и проч.

XXI.

Всенижайшее доношеніе на примѣчаніи къ кардинальскому письму отъ 23-го января.

„Генерально можно о семъ отвѣтъ разсуждать“, и прочая.

Ваше Императорское Величество съ сроднымъ себѣ проникательствомъ примѣчать изволите, что все кардинальское письмо весьма не явственно, и въ немъ такіе сумнительныя экспрессіи находятся, которыхъ трудно прямое намѣреніе узнать; всѣ его разговоры подобнаго состоянія, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили во свое время изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій; изъясняется онъ обыкновенно темными экспрессіями, и часто двухъ дней разговоры одинъ другому противенъ. Желалъ бы онъ такъ въ словахъ, какъ въ поступкахъ своихъ являться чистосердечнымъ; но часто къ тому такой способъ употребляетъ, что хитрость весьма гола становится.

„Иное дѣло позволить, иное дѣло желать“.

О семъ я ему пространно изъяснилъ въ той своей конференціи, послѣ которой онъ резолюцію прінялъ о дозволеніи мнѣ аудіенціи въ характерѣ полномочнаго министра, и Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ покорнѣйшей моей реляціи отъ 18-го декабря, какимъ образомъ онъ ту рѣчь извинялъ, приписуя

ее своему учтивству и обѣщаясь то погрѣшеніе исправить, еслибъ я о противномъ его не просилъ; впрочемъ никогда доказано съ его стороны не будетъ, что по объявленіи королевской воли о избраніи характера полномочнаго министра, хотя малѣйшее слово было отъ меня того характера.

„Сіи подчерченныя слова видѣ дають“, и проч.

Господину кардиналу рѣченіе сіе весьма фамилярное, и неотмѣнно оное употребляетъ; а противъ доводовъ письма вашего перваго кабинетнаго министра подлинно основательнаго отвѣта дать не можетъ; меньше же причины ему есть остаться по тому дѣлу въ какомъ недовольствѣ, понеже Ваше Императорское Величество все его желаніе точно исполнили.

„И для того также хотя и паки здѣсь“, и проч.

Ваше Императорское Величество самъ всеплостивѣйше разсудить изволить, сколь мнѣ тяжки внушенія кардинальскія, которыя могутъ Ваше Императорское Величество противъ меня на гнѣвъ привести, но со всѣмъ тѣмъ я объ нихъ ни мало ему не упоминалъ, и упоминать не стану по сплѣ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, упоая, что Ваше Императорское Величество изъ другихъ обстоятельствъ и образовъ позволите признать, что тѣ кардинальскія внушенія совсѣмъ безосновательны и употреблены для покрытія своихъ прямыхъ резоновъ, которые таковы, что говорить объ нихъ стыдно; господинъ Вогренанъ свой экипажъ не по моимъ словамъ задержалъ, пбо никогда того экипажа не имѣлъ, такъ что ни сухимъ путемъ, ни моремъ отправить того было не можно, чего въ существѣ не бывало; не по моимъ же словамъ онъ Вогренанъ на легкѣ отсюда не отправился, понеже онъ самъ, такъ какъ кардиналъ и господинъ Амелотъ свидѣтель, что я его часто въ тому побуждалъ; замедленія его одна причина была та, что не было учинено ни какое опредѣленіе о его жалованьи, и то такъ явственно, что напоследокъ о томъ опредѣленіи согласиться съ кардиналомъ не могучи, сіе посольство другому препоручено. Впрочемъ однимъ взглядомъ въ семь пассажѣ кардинальскаго письма многія несходства усмотрѣть не трудно: напримѣръ, въ своемъ письмѣ отъ 13-го ноября онъ напоминалъ, что я ему говорилъ о невозможности отправленія Вогренановыхъ экипажей, а здѣсь показываетъ, что я Вогренана о томъ увѣрилъ; въ письмѣ вашего кабинетнаго министра дорога чрезъ Ригу и Ревель не ему Вогренану, но его экипажу показана, безъ котораго экипажа однако кардиналъ признаетъ, что Вогренанъ немедленно отѣхать можетъ,

я съ самаго начала то уже принималъ въ предыдущихъ своихъ письмахъ.

Подобное на меня нареканіе я никакимъ образомъ не могу приписать кардинальской на меня злобѣ, понеже я не могу довольно ухвалиться его къ себѣ учтивствомъ и ласкою, да и причину къ тому никакую не имѣеть, ибо я съ крайнимъ прележаніемъ и осторожностію поступки свои умѣряю, чтобъ никакого недовольства ему не подать; страшуся впрочемъ описать похвалы, которыя онъ мнѣ и за глаза, и въ присутствіи часто даетъ.

„Вамъ уже знать дано о полученіи здѣсь“ и проч.

Тотъ отвѣтъ Вилленевовъ прямо отъ него здѣсь присланъ, однакожь и не оставилъ, такъ кардиналу какъ и Амелоту представить, что я имѣю указъ оный сообщить; но они отвѣтствовали, что то не нужно, понеже отъ своего посла уже давно оный получили.

„Сіи вѣдомости давно пришли“.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть позволили изъ реляціи моей отъ 15-го февраля, что Вилленевовъ пакетъ подлинно въ Вѣнѣ у французскаго секретаря долго задержанъ, и оный напослѣдокъ привезенъ сюда черезъ цесарскаго бурьера; отъ того долгаго медленія пакета кардиналъ и подозрѣніе принялъ, что оный при Вѣнскомъ дворѣ распечатанъ, какъ я имѣлъ честь доносить въ реляціи моей отъ 12-го марта.

„О развѣдываніи о сихъ вѣдомостяхъ подтверждаются“, и проч.

Я самъ и цесарскіе министры признаваемъ сколь великой важности есть имѣть полное извѣстіе о присылаемыхъ отъ Вилленева вѣдомостяхъ; но въ покорнѣйшихъ моихъ предыдущихъ реляціяхъ я уже имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству представить, сколь трудно то достать можно, напаче же когда убѣгать должно все то, что министерству здѣшнему показать можетъ, хотя малое съ вашей стороны подозрительство. Отъ нихъ самихъ сообщаемыя прежь сего намъ копіи были одинъ способъ къ провищанію истины, случая тѣ (хоть бы оныя и были неполныя) съ ихъ рѣчьми и съ другими вѣдомостями, которыя черезъ Венеціанскій каналъ приходятъ; но господинъ кардиналъ за благо изобрѣлъ и тотъ способъ пресѣчь.

Цесарскіе министры не больше меня счастливы въ семъ случаѣ, и конфиденція здѣшняго двора къ Вѣнскому еще не въ такомъ состояніи, чтобъ они могли отъ кардинала ожидать полную откровенность. Часто сами они со мною признаютъ, что не знаютъ что

заключатъ отъ его кардинальскихъ рѣчей и поступковъ, повсядневно отмѣнныхъ и межъ собою несходныхъ. Князь Лихтенштейнъ иногда чрезъ мѣру всѣмъ кардинальскимъ рѣчамъ довѣряетъ, рассуждая, что трудно честному человѣку грубо обманывать; иногда о всѣхъ его кардинальскихъ рѣчахъ сумнѣвается, рассуждая, сколь одного дня рѣчи съ другого дня рѣчьми несходны; въ такихъ околнчностяхъ трудно не ошибиться.

„Сей пассажъ весь такъ составленъ“, и проч.

Сие кардинальское письмо писано мало предъ учиненіемъ мнѣ выговора о сообщеніи одного изъ его прежнихъ писемъ шведскому министру, и потому чаятельно, что того дѣла касается его нареваніе о недостаткѣ вѣрности и откровенности въ поступкахъ; понеже какъ Ваше Императорское Величество пзволили усмотрѣть изъ покорнѣшей реляціи отъ 5-го марта, то сообщеніе онъ почитаетъ весьма важнымъ дѣломъ, думая, что то учинено для уменьшенія французскаго кредита въ Шведской націи и для приведенія ихъ двухъ къ холодности; не меньше же для огорченія противъ себя Порты Оттоманской, полагая, что отъ шведскаго двора великому визирю то письмо можетъ быть сообщено.

Какіе были мои поступки для отнятія того его напраснаго подозрѣнія и прежде полученія высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, и вслѣдствіе онаго — въ предыдущихъ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ пространно описано, и чаю, что уже буде не вовсе, то отъ большей части оное подозрѣніе отнято; но по несчастію, господинъ кардиналь, который себя называетъ человѣкомъ нелегкимъ къ принятію подозрѣнія, на всякой почти день новья раждаетъ и вѣру всему тому додаетъ, что съ его намѣреніемъ сходно. Послѣ недовольства о сообщеніи того его письма показалъ другое весьма неосповательное о томъ, что отправляемыя къ Вилленеву письма отъ вашего и цесарскаго двора ему не сообщаются; потомъ что пакетъ Вилленевовъ въ Вѣнѣ распечатанъ, а теперь что Вашего Величества посоль въ Гагъ радовался о неудачѣ Шавиніовой и по видимому, еще и впредь подобныя нареканія ожидать должно. Я съ своей стороны подлинно ни малѣйшую причину къ неудовольству или къ признанію, что Ваше Императорское Величество на него имѣетъ какое сумнѣніе, никогда ему не подалъ, слѣдуя неотмѣнно высочайшимъ вашимъ указомъ и употребляя во всѣхъ своихъ разговорахъ столь умѣренныя и столь чистосердечныя экспрессіи, что онъ по тѣмъ двумъ обстоятельствамъ наипаче меня другимъ чужестраннымъ министрамъ выхвалялъ; если бы

я такъ поступилъ, не оставилъ бы онъ самъ о томъ въ письмахъ своихъ къ вашему кабинетному министру напомнуть; когда и то мнѣ приписываетъ, чего я не говаривалъ,—гораздо бы легче было правду писать, чѣмъ выдумки—и то примѣтно, что самъ статскій секретарь удивляется, откуда онъ кардиналъ такія подозрѣнія беретъ. Впрочемъ того подозрѣнія не одного только двора вашего касаются, часто и противъ Вѣнскаго подобныя жалобы чинить, какъ мнѣ самъ цесарскій посолъ далъ знать, и можетъ быть, что и прочихъ дворовъ министры тожь усматриваютъ; къ тому же подобныя лишнія подозрительства и на домашнихъ рождаются, такъ что отъ всего должно бы заключить, что господинъ кардиналъ противно тому, что самъ удостовѣряетъ, весьма склоненъ подозрѣнія принимать. Сверхъ того примѣчено въ немъ, что когда опасается отъ кого жалобъ на себя оныя своими жалобами предупреждаетъ.

Пасажъ его письма, въ которомъ напоминаетъ, что въ нынѣшнемъ вѣку ложь и обманъ весьма въ употребленіи, можетъ еще основанъ быть на разныя ложныя вѣдомости, которыя во время отправленія того письма здѣсь носились. Слухъ тогда былъ генеральный, что французскій дворъ имѣетъ войну начать противъ цесаря, для того что его императорское величество, занявъ здѣсь двѣнадцать милліоновъ ливровъ залогомъ Луксембурга, тотъ городъ по обѣщанію въ руки французскія отдавать не хотѣлъ; также, что господинъ Вплленевъ для оказательства только продолжаетъ мрныя негоціаціи; подъ рукою стараются сколь можно войну продолжать. Еслибъ я могъ предвидѣть тотъ пассажъ его письма, не оставилъ бы въ своей покорнѣйшей реляціи о тѣхъ ложныхъ вѣдомостяхъ доносить, которыя обыкновенно я умалчиваю, понеже повсѣдневно такія великимъ числомъ здѣсь слыша, гораздо бы Ваше Императорское Величество угруждалъ, если бы все подробно описывать хотѣлъ.

„О послѣ французскомъ“ и проч.

Благодареніе съ стороны Вашего Императорскаго Величества за удовольствительныя поступки французскаго посла Сентъ-Северина отъ меня, по силѣ вашего указа, давно учпнены и часто потому подтверждены съ прибавкою, что Вашего Величества импистръ въ Стокгольмѣ всѣми своими ко мнѣ письмами имъ Сентъ-Севериномъ хвалился, и господину кардиналу довольно изъяснено, что дѣло идетъ не о томъ, чтобъ Франція шведской негоціаціи помогать хотѣла, но чтобъ посредствомъ Франціи ту негоціацію пре-

кратить. Ваше Императорское Величество уже пзъ моей покорнѣйшей реляціи отъ 23-го генваря всемилостивѣйше усмотрѣть изволили, что я совершенно увѣренъ, что здѣшній дворъ къ поспѣшествованію той негоціаціи руки не подастъ, слѣдовательно, безразсудно бы было мнѣ противъ такого намѣренія, которое самъ опровергаю, представленія чинить. Я примѣчаю, что сколь часто кардиналу о той негоціаціи напоминаетъ, столь часто онъ повторяетъ увѣренія о королевскихъ истинныхъ поступкахъ въ семъ дѣлѣ, какъ бы требованія о происваніи способовъ къ пресѣченію той негоціаціи были натуральное слѣдствіе сумнительства о его величества неправодушіи въ томъ дѣлѣ. Не могу сказать, чрезъ тотъ поступокъ ищетъ ли кардиналъ пресѣчь доuku тѣхъ требованій, или оный должно приписать его старости, которая, какъ я имѣлъ честь уже въ одной моей покорнѣйшей реляціи упомянуть, начинается въ отправленіи дѣлъ чувствительна становится.

„Подлинно дѣла съ французской стороны“, и проч.

Гораздо съ большимъ основаніемъ подозрительны его поступки, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчать изволите, и то самое подаетъ затрудненіе истинно разсуждать о его намѣреніяхъ, какъ я имѣлъ честь всенижайше доносить въ прежнихъ моихъ реляціяхъ. Показанныя причины къ правому подозрѣнію и цесарскіе министры, и я подобнымъ образомъ давно усматривали, и давно бы я всенпжайше Ваше Императорское Величество просидъ, его кардинала хитрости остерегаться, если бы съ другой стороны не примѣчалъ, что такому его поступку причину подать могутъ: 1-е, нравъ его подозрительный и непостоянный; 2-е, крайнее деликатство не раздражить шведскій дворъ и Порту; 3-е, французскій интересъ охранять свой кредитъ при тѣхъ двухъ дворахъ для другихъ своихъ намѣреній, которыя рефлексіи я всенижайше Вашему Императорскому Величеству представилъ въ вышепомянутой моей реляціи, отъ 23-го генваря, отправленной съ куріеромъ; больше же всего запрещаетъ мнѣ его кардинальское намѣреніе злымъ почитать поведеніе Сентъ-Северина, и по всему тому, одно съ другимъ сличая, трудно съ основательствомъ судить—онъ кардиналъ прямо ли или коварно поступаетъ.

„Сіе изъясненіе кардинальское весьма“, и проч.

Не можно ничего о семъ кардинальскомъ пассажѣ прибавить, сверхъ того, что я выше сего имѣлъ честь донести, и экспрессіи его не могу приписать, развѣ тому его нраву въ подозрѣніяхъ

склонному, понеже совершенно всенижайше Ваше Императорское Величество удостовѣряю, что мои поступки и слова тѣмъ экспресіямъ причину подлинно не подали. Я уповаю, что вскорѣ уже французскій посоль къ двору Вашего Императорскаго Величества отъѣдетъ, и слѣдовательно, по всемилостивѣйшей Вашего Императорскаго Величества резолюціи къ здѣшнему двору мнѣ наслѣдникъ будетъ назначенъ, который случай имѣть будетъ прилежно извѣститься о моихъ поступкахъ, и потому безсумнительно мои покорнѣйшія доношенія подтвердитъ.

Въ заключеніе оныхъ имѣю всенижайше донести, что по высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указамъ крайнее старательство прилагать буду какъ можно прямѣе проникать намѣреніе здѣшняго министерства, пользуясь въ томъ милостивѣйше показанными мнѣ способами.

Замѣчанія сіи писаны графомъ А. И. Остерманомъ.

Генерально можно о семъ отвѣтъ разсуждать, что оный весьма неясственный, и нѣкоторые такіа сумнительныя изъясненія въ ономъ находятся, о которыхъ трудно узнать, въ какой видъ и въ какой силѣ оныя написаны.

Иное дѣло позволить, иное дѣло желать. Позволять значить, что было требованіе, на которое позволяется, а такое требованіе съ нашей стороны не было, понеже характеръ на благоизобрѣтеніе королевское оставленъ; но сіе дѣло уже окончено, и для того и упомянуть о томъ больше непотребно, какъ и кардиналъ самъ ниже сего упоминаетъ.

Сіи подчерченныя слова видъ даютъ, будто какое неудовольство кардиналъ имѣетъ, отъ чего со всякимъ крайнѣйшимъ прилежаніемъ убѣгать надобно.

Lettre du Cardinal de Fleury au Comte Osterman.

A Issy, 23 Janvier 1739.

J'ai reçu il y a huit jours, Monsieur, la lettre, dont votre Excellence, m'a honoré du 14 du mois dernier par M-r le Prince Cantemir, et j'ai attendu pour y répondre le départ du courier, qu'il me dit devoir envoyer à Votre Cour.

J'avais eu l'honneur de mander à Votre Excellence par trois lettres consécutives dans les mois d'Aout, Septembre et Novembre, que le Roy consentait à donner le titre d'Ambassadeur aux Ministres respectifs des deux Cours, et j'avais crû, qu'il falait attendre la réponse à mes dépesches avant de donner audience à M-r. le Prince Cantemir; mais il a parû souhaiter avec tant de vivacité de l'avoir en attendant en qualité de Ministre Plénipotentiaire, que le Roy a bien voulu y consentir.

C'est une affaire faite et dont il n'est plus nécessaire de parler. J'ai lieu d'espérer qu'il s'acquitera bien de sa commission, surtout s'il suit exactement les conseils de Votre Excellence.

И для того такожде хотя и паки здѣсь объ учиненныхъ чрезъ васъ Вогренану внушеніяхъ слово есть, однакожь отнюдь вамъ никакимъ образомъ о томъ не отзываться, или въ какое толкованіе и экспликацію вступать, которыя всегда во огорченію и къ студеностямъ поводъ подають, но паче и насупротивъ того чрезъ всякіе способы трудится кардинальскую конфиденцію къ себѣ получить.

Сіе не весьма сходно съ тѣмъ, что вы доносите, что еще Вогренану пикакое опредѣленіе о жалованіи его и о прочихъ не учинено, однакожь о такомъ несходствѣ отнюдь не упоминать; но только объ отправленіи его имѣть пристойное домогательство безъ озлобленія кардинальскаго.

Вамъ уже знать дано о полученіи здѣсь отвѣта отъ маркиза де-Вилленева, и оный отвѣтъ вамъ же на предъ сего сообщенъ, который надлежитъ вамъ кардиналу самому или министрамъ сообщить, какъ вы сами для лучшаго улаканія за инапристойнѣйше разсудите, ибо хотя безъ всякаго сумнѣнія оный отвѣтъ отъ него Вилленева прямо ко двору и посланъ, однакожь для лучшаго показанія нашей совершенной конфиденціи не безпотребно, чтобъ такое сообщеніе прямо и отъ насъ учинено было.

При томъ сообщеніи можете объявить, что по такимъ поступкамъ турецкимъ довольно явно, что Турки, а визпръ особливо, какъ видно для своей партикулярной консервации, и надвѣясь на себя и свое счастье, къ резонабельному миру пикакой склоности не имѣютъ. Впрочемъ мы съ царскимъ дворомъ о томъ должное союзническое сношеніе имѣть

Sur les notions, que M-r le Prince Cantemir donna après son arrivée à M-r le Comte de Vaulgrenant, de l'impossibilité qu'il y avait de prévenir les glaces, qui bouchent les Ports de la Russie dans la saison où nous étions, ce Comte s'était déterminé à ne partir que vers la fin du mois de Mars, mais puisque Votre Excellence croit, qu'il peut sans aucun risque prendre la route de Riga ou de Revel, je lui aij dit de se disposer à partir incessamment, et il n'y aura pas un grand inconvenient d'arriver à Pétersbourg avant ses équipages.

●

Nous n'avons point eu de nouvelles de M-r le Marquis de Villeneuve depuis le 4 du mois de Novembre dernier, et il n'avait vu jusqu'à ce jour le grand vizir, que dans une visite de compliment sur son arrivée à Constantinople. Le Ministre Ottoman lui dit seulement, qu'il avait impatience de l'entretenir plus particulièrement, et qu'il lui ferait savoir, quand cela se pourrait.

и потомъ свое мнѣніе кардиналу и французскому двору откровенно сообщить не оставимъ, ибо натурально напередъ съ союзникомъ своимъ обо всемъ томъ согласиться имѣемъ. И ежели Турки резонабельны быть не хотятъ, то уже кромѣ продолженія войны намъ не остается, и Всемогущій Богъ намъ и силы и благословеніе свое къ тому подастъ.

Произведенныя съ маркизомъ де-Вилленевомъ въ Цареградѣ конференціи и поступки во оныхъ турецкихъ министрахъ явно даютъ знать, что оныя конференціи только для обманыванія персидскихъ министровъ учреждены были.

По прежнимъ маркиза де-Вилленева письмамъ ко двору своему, визирь обѣщаль было по пріѣздѣ своемъ въ Константинополь съ нимъ Вилленевомъ прямо и безпосредственно трактовать. Сіе нынѣ все оставлено; а вмѣсто того для лица, и чтобъ персидскіе послы подумали, что миръ ихъ съ нами при заключеніи находится, другихъ министровъ къ конференціямъ опредѣлили, отдаваясь самъ противно прежнему своему обѣщанію съ нимъ посломъ въ дѣло вступать, и онымъ министрамъ не къ заключенію мира, но только къ выслушанію посольскихъ пропозицій полномочія дали; однимъ словомъ, визирю для своего содержания миръ не потребенъ, но понеже о семъ такожде, и что до Очакова принадлежитъ въ приложенномъ отвѣтѣ къ кардиналу отвѣтствовано, то на оный отвѣтъ ссылаемся, по содержанію котораго и вы себя смотря по потребности дѣла въ своихъ разговорахъ изъяснить можете.

Маркизь де-Вилленевъ имѣетъ проектъ къ чинимому съ нами

Mais M-r. de Villeneuve nous mande en général, que les Turcs ne paraissent pas trop disposés à la paix, et qu'ils étaient assez piqués de savoir que vos troupes avaient non seulement razé les nouvelles fortifications, que vous aviez faites à Oczakof et à Kinburne; mais encore qui y étaient avant que vous vous en fussiez rendus maîtres.

Je ne crois pourtant pas, que nous devions perdre espérance de

миру; пока Турки въ подробности la paix, et c'est souvent dans le того проекта не вступать и пунктъ moment, qu'on la désire le plus, за пунктъ съ нимъ посломъ не qu'on fait semblant de s'y rendre опредѣлять и на мѣрѣ не поста- plus difficile.

вять, хотя съ оставленіемъ спор- Nous attendons avec impatience ныхъ до времени, то прямую des nouvelles plus détaillées de склонность къ миру не имѣютъ. notre Ambassadeur.

Сии вѣдомости уже давно при- Votre Excellence m'informe d'un шли и не уповательно есть, какъ fait, que nous ne savions pas, qui вамъ объявляется, чтобъ секре- est le supplice du seraskier de тарь французскій въ Вѣнѣ оныя, Bender.

такъ долго не отсылая ко двору своему, удержать посмѣлъ. О развѣдываніи о сихъ вѣдо- мостяхъ подтверждаются прежніе рескрипты; дѣло сіе весьма важ- ное, и къ великой нашей пользѣ служить можетъ о содержаніи оныхъ и особливо въ разсужде- ніяхъ его посольскихъ, какъ до мпра, такъ и до тамошняго внут- ренняго состоянія касающихся, извѣстіе имѣть.

Видится, что по той тѣсной конфиденціи, которая между це- сарскимъ и французскимъ дворомъ находится, сей послѣдній не имѣлъ бы смѣть сумнѣніе о томъ по послѣдней мѣрѣ цесарскому мини- стру сообщить, отъ котораго по- томъ и намъ сообщеніе учинено быть могло бѣ; толь наипаче по- неже французскій дворъ увѣ- ренъ быть можетъ, что намъ та- кое сообщеніе при Портѣ въ ихъ предосужденіе употреблять не воз- можно, ибо то едино къ нашему вреду служить имѣло бѣ.

Сей пасажъ весь такъ соста- вленъ, что куды онъ клонится имѣетъ—понять весьма трудно.

Въ существѣ самомъ съ нашей стороны къ французскому двору съ такою истинною и откровен- ностію поступается, что болѣе того невозможно, и потому мы не знаемъ, чтобъ мы кардиналу къ какому праведному, хотя наи-

Il est vrai, qu'on avait fait courir beaucoup de fausses nouvelles sur les opérations de la dernière campagne, et nous sommes, par malheur, dans un tems. où il semble, qu'on ne soit occupé, qu'à répandre de tous côtés des mensonges, qui ne servent qu'à former des soupçons, auxquels souvent on ne se livre, que trop facilement.

малѣйшему сумнѣнію и подозрѣнію объ насъ подать могли.

Ежели кардиналъ чрезъ сіе на насъ намекаетъ, будто съ нашей стороны объ немъ какое подозрѣніе имѣется или будто намъ какія внушенія учинены, а мы онымъ будто тотчасъ вѣру имѣемъ, то такожде не видно, какой мы къ такому мнѣнію объ насъ поводъ подали; ибо не токмо что вамъ отъ такихъ случаевъ крайнѣйше убѣжать наикрѣпчайше безпрестанно подтверждается, но и въ письмахъ, къ нему кардиналу отправленныхъ, крайнѣйшее стараніе употреблено, чтобъ ни единое слово не было, которое бъ не имѣло его о нашей полной къ нему конфиденціи обнадежить; подлинно есть, что мы въ томъ никакого нареканія на себя не заслужили, ибо хоти бъ и были такія дѣла, которыя бъ могли къ какому сумнѣнію объ истинности всѣхъ тамошнихъ поступкахъ поводъ подать, однакожь мы ни малѣйшаго вѣду до сего времени о томъ никому не показали, и вамъ показывать не вѣдали, и нынѣ не вѣдаемъ.

Ежели онъ кардиналъ чрезъ тѣ слова намекаетъ на тотъ выговоръ, который вамъ недавно учинилъ будто объ учиненномъ здѣсь изъ письма египетскому министру нѣкоторомъ сообщеніи, то кажется оное дѣло не такой важности, чтобъ для онаго такія крѣпкія экспрессіи употребить; весьма бѣ жедательно было, чтобъ кардиналъ именно объявилъ—въ чемъ то сообщеніе состоитъ, и до какого дѣла оное именно касается: ибо тогда свободнѣе было бъ въ память привести, что иногда безъ всякаго другаго намѣренія о томъ дѣлѣ съ кѣмъ говорено, и пото-

Il est encore plus triste de connaître tous les jours, qu'il y a fort peu de bonne foy et de sincérité dans le monde.

му и лучше въ состояніи быть могли бѣ, о томъ себя подробнѣе изъяснить, что нынѣ, не вѣдая подлинно, о чемъ дѣло идетъ, учинить не можемъ.

Сколько по словамъ кардинальскимъ узнать возможно, то оный пассажъ, о чемъ нареканіе идетъ, имѣетъ касаться до нашего съ Турками мира.

Въ началѣ подлинно есть, что бромѣ цесарскаго двора, никому кардинальскія письма ни цѣлыя, ни частію не сообщены, и во оныхъ ничего не содержано, что намъ при другихъ дворахъ, особливо въ Швеціи къ особливоу пользѣ, а кардиналу и его намѣреніямъ къ предосужденію служить могло бѣ.

Мы ссылаемся на то, что обстоятельнымъ нашимъ рескриптомъ отъ 17-го февраля уже о семь дѣлѣ писано; и въ тому еще для вашего одного собственнаго и партикулярнаго извѣстія сіе прибиваемъ, что ежели бѣ иногда отъ министровъ нашихъ о французской медиации, и что мы чрезъ оную вскорѣ миръ получить уповаемъ, и о кардинальскихъ справедливыхъ поступкахъ, или о желаніи его къ заключенію сего мира, хотя бѣ и шведскому министру упомянуто было, что однакоже заподлинно въ память не приходитъ, а кардиналъ и то за противно принимаетъ, то уже совершенно невѣдомо, что о такомъ его деликатствѣ разсуждать надлежитъ, ибо кардиналу натурально не можетъ быть противно, ежемы объ имѣющихъ аппаренціяхъ къ скорѣйшему заключенію мира съ Портою въ Швеціи пристойныя внушенія учинить повелѣли, дабы тѣмъ тамошніе противные замыслы до дальнѣйшаго слѣд-

Je rends mille grace à Votre Excellence du détail, qu'Elle a bien voulu me communiquer de tout ce quic'était passé pendant la campagne dernière entre la flotte Turcque et la flotille Czarienne, qu'on avait également exagéré en bien et en mal, comme il arrive toujours dans les nouvelles qui viennent de pays si éloignés.

Le Marquis de Villeneuve nous a écrit, que le Grand Visir etait d'un caractère assez haut et fort ferme dans les partis qu'il avait pris sans s'arrêter non seulement par l'incertitude, mais quelquefois même par le peu de vraisemblance de succès.

ства не допустить; по послѣдней мѣрѣ по праводушію его сіе уповать не можемъ, особливо когда такія внушенія безъ жаднаго французскимъ интересамъ предосужденія учинены.

Но какъ бы то ни было, нынѣ потребно отъ всего того убѣжать, что кардиналу къ какому недовѣрью, а паче неудовольству, хотя малый поводъ подать можетъ, и для того такожде въ приложенномъ при семъ отвѣтѣ всякое стараніе приложено, чтобъ его о нашей конфиденціи и объ истинности поступковъ нашихъ однажды за все обнадежить, въ чемъ и вы все свое стараніе приложить имѣете, ибо сей надежнѣйшій способъ есть о прямыхъ тамошнихъ намѣреніяхъ узнать и въ проводѣ не быть.

О визирѣ въ отвѣтѣ немного попространнѣе для того упомянуто, чтобъ кардиналъ извѣстенъ былъ о здѣшнихъ объ немъ визирѣ имѣющихся сентиментахъ, и изъ того бы усмотрѣлъ, что мы о турецкихъ происхожденіяхъ не все безпзвѣстны, коль мало при семъ визирѣ и его нравѣ о мирѣ надежду имѣть возможно, и что слѣдовательно, всѣ съ нашей стороны, вѣще ему показуемая снисхожденія къ миру едно токмо къ вѣщшему его возгордѣнію и отдаленію отъ мира служить могутъ.

О послѣ французскомъ въ Швеціи мы уже въ прежнемъ рескриптѣ вамъ дали знать, и кардиналу самому съ пристойнымъ отъ насъ благодареніемъ засвидѣтельствовать повелѣли, что мы инако не можемъ какъ поступки его весьма хвалить и оными совершенно довольными быть, и подлинно мы, какъ о томъ часто въ

M-r le prince Lichtenstein est très informé de toutes les démarches de M-r le Comte de S-t Severin, notre Ambassadeur en Suède; et lui rend toute la justice qu'il mérite.

прежнихъ рескриптахъ и въ письмахъ, къ кардиналу отправленныхъ, упомянуто и обстоятельно подтверждено о Франціи, чтобъ она такая шведской негоціаціи вспомогать похотѣла, никакого подозрѣнія не имѣемъ, но дѣло не въ томъ состоитъ; оное состоитъ въ томъ, что пова она негоціація продолжится, Турки въ надеждѣ на какую шведскую диверсію къ миру не приступаютъ. Мы ссылаемся о томъ на отправленный къ вамъ рескриптъ, оставляя на собственное ваше и цесарскихъ министровъ разсужденіе, какое вы изъ того употребленіе учинить заблагоразсудите, и дабы вамъ толь свободнѣйшій приступъ къ тому учинить, того ради разсудили за потребно, и въ отвѣтномъ нынѣшнемъ къ кардиналу письмѣ о томъ упомянуть прямо еже и къ вѣщшему показанію нашей истинной къ нему откровенности служить и отъ васъ заявной знакъ оной показанъ быть можетъ.

Въ прежнемъ нашемъ обѣщали кардиналу откровенно же сообщать всѣ наши въ шведскихъ дѣлахъ поступки.

Сіе учинено особливимъ при семъ рескриптомъ, по которому вы въ томъ дѣлѣ поступать имѣете.

А слѣдующее къ одному секретнѣйшему вашему наставленію для того вамъ сообщается, дабы вы потому столь вѣщшимъ основаніемъ о тамошнихъ поступкахъ разсуждать, и столь вѣщшею осторожностію и прилежаніемъ на оныя смотрѣть и толь основательнѣе же намъ о томъ всегда доносить могли.

Подлинно, дѣла съ французской стороны такимъ образомъ происходятъ, что ежели бъ мы

Le Roi étant déclaré médiateur entre les trois Puissances belligérantes en remplira exactement toutes les fonctions par une parfaite impartialité et Sa Majesté est bien éloignée de se rendre suspecte en favorisant directement ou indirectement quelque'une des couronnes intéressées.

Nous n'avons jamais été informés des négociations de la cour de Suède avec la Porte, et ses envoyés ont caché soigneusement tout ce qui se passait à M-r le Marquis de Villeneuve. Si on a conçu des soupçons contraires, on ne nous a pas rendu justice, et la bonne foy de Sa Majesté n'y donnera jamais certainement aucun lieu.

склонны были обо всемъ тотчасъ подозрѣніе взять, то бѣ разные къ тому поводы имѣли, и не токмо мы, но и самый цесарскій дворъ.

Кардиналь и французскіе министры одно объявляютъ, о чемъ и въ кардинальскомъ письмѣ подтверждается, будто о шведской негодіаціи съ Портою никакого извѣстія никогда не имѣли; что Сентъ-Северинъ объ оной ничего не доносилъ, и маркизъ де-Вилленевъ будто никакого сообщенія съ шведскими министрами не имѣеть.

Не понятно, для чего французскіе министры такимъ образомъ поступаютъ, когда оные сами легко разсудить могутъ, что намъ нельзя не вѣдать, о чемъ почитай всѣмъ чужестраннымъ министрамъ въ Швеціи извѣстно.

Изъ секретнѣйшаго аусшуса прямо и формально о той негодіаціи французскому послу сообщено и на письмѣ у него оставлено, съ котораго письма одинакоже съ подтвержденіемъ высочайшаго секрета вамъ при семъ въ цыфрахъ вѣрная копія посылается. Французскій посолъ принялъ то на доношеніе, и потому какъ вѣрить, чтобъ оный посолъ о томъ ко двору своему не доносилъ.

И какъ утаеніе того отъ тамошнихъ министровъ принять надлежитъ, когда они къ такому утаенію никакой причины не имѣютъ, ибо какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ могли бѣ такой же отвѣтъ вамъ учинить, какъ вынѣ учинили, и кажется съ правдушіемъ вѣще сходно было признать, что правда послу ихъ о томъ въ Швеціи говорено. Одинакоже они противъ того къ послу своему для отвращенія оной надлежащія представленія учинить повелѣли, и такимъ образомъ при-

мой причины къ какому подозрѣнію быть не могло.

Равнаго состоянія и то есть, что о маркизѣ де-Вилленевѣ и о его будто съ шведскими министрами незнакомствѣ объявлено, понеже довольно извѣстно есть, и наши и всѣ чужестранные министры, бывшіе и нынѣ пребывающіе въ Константинополѣ, о противномъ тому засвидѣтельствуютъ въ нынѣшней своей неговіаціи, имѣютъ ли они съ нимъ Вилленевомъ такое сношеніе, о томъ мы неизвѣстны, но чтобъ онъ маркизъ о той неговіаціи извѣстенъ не былъ, едва ли состоятельно, и ежели подлинно тѣ шведскіе министры и Порты оную неговіацію отъ него Вилленева таятъ, по сіе явный знакъ есть не токмо ихъ турецкой несклонности къ миру, но и ихъ лукавыхъ и обманныхъ къ Франціи поступковъ, которые по справедливости всякое примѣчаніе у кардинала самого заслужить имѣли бѣ. Чрезвычайное деликатство, съ которымъ какъ при шведскомъ дворѣ, такъ и при Портѣ поступаютъ и далѣе поступать намѣрены, такожде натурально къ какому сумнѣнію поводъ подать могло бѣ, толь наипаче, понеже по послѣдней съ Швеціею заключенной конвенціи довольно явствуетъ, что Франція съ нами въ какое полезное обязательство вступить едва ли намѣрена, понеже безъ сумнѣнія, такое съ нами чинимое обязательство Швеціи имѣло быть противно.

Ежели потому же въ тонкое толкованіе о происхожденіи мирной неговіаціи съ Портою вступить, то и тамо къ немалымъ сумнѣніямъ причины довольноя найдутся; кардиналъ самъ въ писмахъ своихъ и неоднократно сло-

весно на крѣпко обнадежилъ, что маркизъ де-Вилленевъ обо всемъ инструктированъ и свободныя руки имѣеть, а насупротивъ того въ доношеніяхъ своихъ ко двору едва ли не во всѣхъ объ ожиданіи новыхъ инструкцій упоминаеть и въ иномъ явно упоминаеть, что онъ для полученія такихъ новыхъ инструкцій время выиграть стараніе имѣлъ; и по нынѣшнимъ послѣднимъ отъ него здѣсь полученнымъ депешамъ видно, что онъ правда о здѣшнихъ кондиціяхъ предлагалъ, однако же чтобъ онъ для принятія оныхъ Туркамъ какія пристойныя представленія или хотя къ тому клоняющіяся внушенія учинилъ, не показывается.

Но какъ бы все то ни было, то разсудить надлежитъ, еже и ни отъ кого запротивно припято быть не можетъ, что Франція сію медиацию такимъ образомъ вести не оставитъ, какъ съ ея собственными интересами сходно. Въ чемъ прежде сего французскіе интересы состояли—извѣстно есть, которые Аустрійскому дому не вовсе полезны были; въ чемъ оныя французскіе интересы нынѣ состоятъ, намъ неизвѣстно, и только цесарскій дворъ можетъ вѣдать, и натурально по нынѣшней съ французскимъ дворомъ имѣющей тѣсной конфиденціи вѣдать имѣеть, ежели тѣ прежніе французскіе Аустрійскому дому такъ опасные интересы и виды нынѣ отмѣнились, ибо инако всегда къ какому подозрѣнію, или лучше сказать, недобрѣю дорога остаться можетъ.

По вышесказанному обстоятельству показывается, что причины въ подозрѣнію не вовсе безъ основательныя были бы, ежели бы мы по взятію онаго тотчасъ селонны были; но мы до сего вре-

Votre Excellence me fait trop d'honneur d'avoir les mêmes sentiments de moi, et je ne refuse point cette louange, parceque je ne crains point de déclarer, que je ne ferai jamais rien, qui puisse la détruire.

мени отъ того весьма отдаляем-ся, и вамъ отъ показанія какого подозрѣнія со всякимъ осторож-нымъ прилежаніемъ убѣждать по-велѣваемъ, и о вышеписанномъ къ секретнѣйшему партикулярно-му вашему наставленію единствен-но для того упоминаемъ, дабы вы потому толь лучше въ состояніи были о тамошнихъ поступкахъ со основаніемъ разсужденіе имѣть, и по тому намъ такожде объ оныхъ различая истинное отъ неистин-наго намъ доносить.

Сіе изъясненіе кардинальское весьма примѣчана достойно; съ нашей стороны ничего такъ ни желается, какъ установленіе та-кой полной взаимной конфиденціи, и къ тому всѣ наши поступки до сего времени явно клонятся. Мы не токмо обо всѣхъ дѣлахъ съ чистосердечною откровенностію себя изъяснить повелѣли, но что больше всего есть интересы и миръ нашъ съ Портою съ неоста-вленіемъ другихъ извѣстнымъ об-разомъ единой французской ме-диациі повѣрили; когда кардиналь объ установленіи другого систе-маты въ Европѣ въ письмахъ сво-ихъ упоминалъ, то мы о склон-ности своей ко вспомоствованію въ отвѣтахъ отсюда тотчасъ засвидѣтельствовать повелѣли, и въ нынѣшнемъ отвѣтѣ нарочно для того подтверждено, что отъ насъ зависѣть не будетъ Францію объ истинности нашихъ намѣре-ній и самимъ дѣломъ увѣрить.

Вы можете сими изъясненіями съ показаніемъ неліцемерной от-кровенности у кардинала пользо-ваться, объявляя, что то еже въ отвѣтномъ къ нему письмѣ о семь артикулѣ истинной взаимной кон-фиденціи содержано и вамъ на словахъ прямо подтвердить пове-

Je me prêterai avec plaisir à une confiance absolue, quand elle sera mutuelle et bien établie.

Mon caractère n'est pas d'être soupçonneux quoiqu'on coure risque d'être, trompé dans ces tems cy, quand on évite de l'être. Je tacherai de ne point dementir la bonne opi-nion, que Sa Majesté Czarienne et votre Excellence veulent bien avoir de moi; et je profiterai avec plaisir de toutes les occasions, de marquer mon profond respect à Votre Sou-veraine, et à vous, Monsieur, en particulier les sentiments les plus distingués, avec lesquels j'honore votre Excellence

le Card. de Fleury.

дѣно, и слѣдовательно, отъ него кардинала зависить себя объ истинности тѣхъ нашихъ сентиментовъ взаимною откровенностію еще вѣще увѣрить.

Все сіе изъясненіе служитъ къ вашему лучшему наставленію и выѣдетъ впрочемъ въ крайнѣйшемъ секретѣ у васъ содержано быть, и что по оному тамо прозойдетъ, какимъ образомъ кардиналъ себя изъяснить, и вы о прямыхъ тамошнихъ намѣреніяхъ иногда провѣдать можете; о томъ обо всемъ мы отъ времени до времени обстоятельныя доношенія ваши ожидать будемъ.

По написаніи вышеписаннаго получили реляцію изъ Копенгагена, изъ которой заблагоразсудили при семъ къ вамъ послать экстрактъ для одного вашего секретнѣйшаго извѣстія. Изъ онаго вы усмотрите, какіе способы французскаго министра въ Копенгагенѣ употребляются для склоненія короля Датскаго ко вступленію въ предложенный отъ Франціи союзъ. Способы не весьма намъ полезны и поступки не все безсумнительныя, которые по послѣдней мѣрѣ то подтверждаютъ, что въ вышеписанныхъ ремаркахъ о неимѣющемъ у Франціи прямомъ намѣреніи ко вступленію съ нами въ какое полезное обязательство означено; однакоже вы имѣете сіе въ высшемъ секретѣ содержать, а впрочемъ для лучшаго провѣдованія о тамошнихъ прямыхъ намѣреніяхъ и съ датскимъ тамо обрѣтающимся министромъ дружеское обхожденіе имѣть безъ всякой афектаціи, дабы французское министерство иногда бѣ и о томъ подозрѣніе взять не могло бѣ, будто бѣ мы ихъ союзу при Датскомъ дворѣ мѣшаемъ.

Таковыя ремарки отправлены къ князю Антіоху Кантемиру при рескриптѣ № 12, отъ 10-го марта 1739 года.

XXII.

Державнѣйшая императрица и самодержица, государыня всемилостивѣйшая!

Черезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить псправно Вашего Императорскаго Величества высочайшіе рескрипты отъ 27-го марта подъ № 15 и 16, съ приложенными къ нимъ экстрактами изъ доношеній вашихъ министровъ въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ.

Содержаніе въ нихъ, какъ и въ предыдущихъ послѣднихъ двухъ всемилостивѣйшія наставленія и пространнѣйшія сообщенія всего того, что къ ясному понятію настоящихъ дѣлъ служить можетъ, сколь нужны мнѣ были для своего поведенія, столь полезны быть имѣють для предостереженія Вашего Императорскаго Величества интересовъ.

Разсуждая утаеваемая Вилленевымъ и здѣшними министрами обстоятельства мирной негоціаціи, отказъ сообщенія его Вилленевыхъ писемъ, несогласныя кардинальскія рѣчи, малую ревность и слабость помянутаго посла представленій при сообщенія вашихъ и союзника вашего кондицій и медленіе въ отправленіи отсюда къ нему указовъ, безсумнительно кажется (какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволить заключать), что дворъ здѣшній не гораздо склоненъ поспѣшать окончаніемъ войны.

Съ другой стороны, для удержанія шведскаго злаго намѣренія кардинальскія обѣщанія съ принятыми къ тому мѣрами не соотвѣтствуютъ. Слова Сентъ-Севериновы къ господину Безтужеву и министрамъ здѣшнихъ со мною несогласныхъ помянутаго посла доношеній о тамошнихъ происхожденіяхъ прилежно здѣсь утаеваются; и что всего пуще здѣшняго двора пропскомъ сенаторы, вашимъ интересамъ склонные, достоинства своего лишены бываютъ, все то подлинно не оказываетъ великое доброжелательство съ стороны французской и даетъ много причины сумнѣваться о чистосердечности кардинальскоѣ.

Мнѣ давно его поступки подозрительны становились, какъ Ваше Императорское Величество изволили усмотрѣть изъ разныхъ моихъ доношеній, но не отважился я его до сѣхъ поръ конечно осудить, думая, что усматриваемыя мною въ словахъ и въ дѣлахъ его несходства могутъ происходить и отъ другихъ нашихъ причинъ, кромѣ его злого и хитростаго намѣренія.

Извиняють его старость, которой малопамятство и легкоподозрительство обыкновенны; нравъ его непостоянный, который не только въ дѣлахъ, Вашего Императорскаго Величества касающихся, но и во всѣхъ другихъ, вопъ сквозь его руки происходятъ, чувствителенъ; духъ сродный Французской націи, которая въ счастіи любитъ властвовать и мало умѣрять, такъ слова какъ поступи свои. Извиняють его положеніе и обстоятельства дѣлъ европейскихъ ¹⁾. Испанія еще чувствуетъ язву лишенія Тосканы и Пармы, которыя Франція цесарю гарантировала; Англія съ одной стороны войной Испанцамъ грозитъ, съ другой—союзниковъ въ Сѣверѣ ищетъ. Король Прусскій ждетъ смерти Палатинскаго електора для похищенія Юлія и Берга, которые Франція другому обѣщала. Торгъ аглинскій и къ восточнымъ пристанямъ, чрезъ прилежность французскую почти опроверженный, ищется воставить лишениемъ французскаго кредита при Портѣ.

Не дивно бѣ, еслибъ кардиналъ въ такихъ околнностяхъ Портѣ и шведскому двору лаская являлъ умѣренное лукавство и союзниками въ Сѣверѣ себя укрѣпить искалъ. Но теперь явно вижу, что и одно и другое чрезмѣрно становится, и что нужно помышлять о своей предосторожности; толь напаче, что отправленіе здѣшней эскадры въ Балтику со всѣмъ неблаговременно, сколь бы не безвинна была того причина.

Согласіе здѣшняго двора съ цесарскимъ какъ худо спитая рана легко разсядится можетъ, и Бурбонскій домъ, сколько я усмотрѣть могу, ни мало свои любимыя старыя начала не отмѣнилъ; столь меньше отмѣнить склоненъ кажется по новомъ брачномъ союзѣ между двумя его дѣтьми. Оный теперь полезенъ былъ цесарю приступленіемъ Испанскаго двора къ Вѣнскому трактату, еслибъ полезнымъ почестъ можно оное обязательство, въ которое королева Испанская не добровольно вступаетъ съ намѣреніемъ разорвать оное при первомъ удобномъ случаѣ.

Отъ сего Ваше Императорское Величество всемплотивѣйше изволитъ разсудить, сколь мало причины имѣють протестанскія державы опасаться соединенія между цесаремъ, Франціею и Испаніею, и если кардиналъ продолженіе войны турецкой желаетъ, какъ его поступи то являютъ, то не въ иномъ намѣреніи, развѣ чтобъ держа съ той стороны цесаревы руки связаны, лишитъ мор-

---

¹⁾ Образецъ утопченной политики и дальновидности.

скихъ державъ помочи Его Императорскаго Величества и предупредить какой генеральной въ Европѣ союзъ, котораго слѣдства сколь опасны, уже предъ сего Франція испустила.

Ваше Императорское Величество полагаться на томъ можетъ, что являема отъ кардинала къ цесарю благосклонность не надежна, и Его Величества обрѣтаемые здѣсь министры безъ сумнѣнія не много оною Его Императорскому Величеству льстятъ; а буде льстятъ, то ошибаются къ вреду своего государя.

Учиненный за нѣсколько мѣсяцевъ князю Лихтенштейну отказъ въ задержаніи здѣсь Рагоція довольно то мнѣніе подтверждаетъ. Еслибъ и другихъ резоновъ не было оное основательнымъ почестъ, хотя же бы и впрямь кардиналъ желалъ тѣсную дружбу межъ королемъ и Его Императорскимъ Величествомъ продолжать, кардиналъ уже старъ, а всякій другой министръ, кой ему наслѣдовать будетъ, станетъ держаться старыхъ правилъ, которыхъ основаніе было Австрійскаго дому пониженіе.

Кардиналъ долженъ въ нынѣшнихъ временахъ менажировать Вѣнскій дворъ, чтобъ столь свободнѣ могъ приумножить холодность между Его Императорскимъ Величествомъ и морскими державами, натуральными его союзниками, и чтобъ спомощника себѣ имѣть въ дѣлѣ Юлія и Берга. Когда же въ войнѣ межъ Англією и Гишпанією (которая по вѣбмъ изъ Лондона писемамъ не извѣстна) Бурбонскій домъ олучитъ удачу, и дѣло Юліе-Бергское кончится, опасаяся, что нужда менажированія и съ нею дружба вѣнется.

Тѣсный союзъ Вашего Императорскаго Величества съ цесаремъ можетъ быть причиною есть, что и безъ злаго противъ васъ особливо намѣренія кардинальскіе поступки интересамъ вашимъ предосудительны бывають, и можно бы почти смѣло сказать, что дворъ здѣшний охотно бѣ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ тѣсныя обязательства вступилъ, еслибъ видѣлъ надежду разлучитъ васъ съ Его Императорскимъ Величествомъ. Еслибы можно было видѣть письма Вилленевы цѣлыя, чаю, можно бы сему разсужденію доказательства сыскать; для того какъ Ваше Императорское Величество всемилоствѣйше примѣчать изволить, всѣ сепаратные поступки цесарскаго двора въ мирной неогоціаціи Его Императорскому Величеству самому предосудительны быть могутъ, подавая поводъ надеждѣ къ разлученію двухъ высочайшихъ союзниковъ.

Я уповаю, что Ваше Императорское Величество милостивѣйше изволить мнѣ оставить, если я можетъ быть излишно распространялъ свои слабыя разсужденія, которыя отъ сличенія всемилостивѣйше сообщенныхъ мнѣ наставленій и извѣстій съ тѣмъ, что я здѣсь примѣтить могъ натурально происходить, мнѣ показались; буде изъ нихъ другого плода не будетъ, то по меньшей мѣрѣ Вашему Императорскому Величеству причину подадутъ еще лучше изяснить мнѣ своими высочайшими указами дѣль нынѣшнихъ состояніе и исправить мое невѣжество.

Между тѣмъ я по полученнымъ уже Вашего Императорскаго Величества рескриптамъ неотмѣнно слѣдовать буду, убѣгая все то, что кардиналу хотя малѣйшій знаеъ подозрѣнія или малѣйшій поводъ къ недовольству подать можетъ.

Его кардинальскія частораждаемыя подозрительства, надѣюся, что легче можно будетъ убавить, не столько онымъ атенціи даая; никогда конца не будетъ, еслибъ должно было всякаго неосновательства дважды и трояды доказывать.

О негоціаці аглинской, будто пропзводимой при вашемъ дворѣ, изъ Лондона ко мнѣ и къ другимъ здѣсь писано: потому можетъ статья, что и французскій посолъ Камбисъ о томъ кардиналу доносилъ. Однакоже ко мнѣ по сю пору ни онъ кардиналъ, ни Амелотъ не отзывался (кромѣ вопроса о проѣхавшемъ съвозъ Берлицъ ко двору вашему аглинскомъ куріерѣ). А когда отзовутся, слѣдовать буду высочайшему Вашему Величества указу.

Впрочемъ, препоручая себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всепнжайше пребываю Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа 1739 мая 3-го (апрѣля 22-го).

XXIII.

Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантемира, изъ Парижа отъ 10-го мая (29-го апрѣля) 1739 года написано:

Отъ здѣшнихъ дѣль къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго только нахожу, что почти во всѣхъ здѣшнихъ провинціяхъ великій недостатокъ хлѣба, и во многихъ бѣдность и голодъ столь чувствительны становятся, что народъ толпами соби-

рается и разбиваютъ дома обильнѣйшихъ для добычи пищи; если наступающая жатва не будетъ обильна, то опасаются здѣсь общаго голоду.

XXIV.

Графу А. И. Остерману.

Сіятедьнѣйшій графъ,

Премилостивый государь мой!

Въ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества рескриптѣ отъ 7-го апрѣля послѣдній параграфъ, касающійся опредѣленія моего жалованья, такого содержанія, что я (какъ въ нынѣшней ^{своей} реляціи доношу) не знаю, что прямо изъ того заключать. Я не дерзнулъ въ той своей реляціи искать непристойнымъ рабу любопытствомъ проникать въ намѣреніе Ея Императорскаго Величества или докучными просьбами утруждать Ея Императорское Величество; но на вашего сіятельства къ себѣ высокую милость полагаясь, смѣлость приѣмлю настоящимъ моимъ покорнѣйшимъ письмомъ, и склонность мою, и состояніе здѣшнихъ иждивеній изъяснить; сколько перваго касается, я, какъ часто уже вашему сіятельству доносилъ, никакой воли не имѣю; всякое мое и государыни обо мнѣ опредѣленіе съ удовольствіемъ приѣмлю и, самый животъ свой къ услугамъ Ея Величества посвятить, по своей угодности мною распоряжать право имѣеть; однакоже должность моя принуждаетъ меня объявить, что для нынѣшнихъ деликатныхъ негодіцій и для здѣшнихъ негораздо простыхъ мпштровъ требуется больше искусства и искусу, нежели во мнѣ самъ нахожу; большей ревности смысать будетъ трудно. Сколько до втораго пункта принадлежить, нижайше прошу въ разсужденіе принять: 1-е, высочайшую степень, которую Ея Императорское Величество содержитъ межъ короновальными государями; 2-е, великолѣпность двора и роскошность народа здѣшняго; 3-е, дороговизну здѣшняго города, и 4-е, моихъ доходовъ состояніе. Противъ 1-го примѣчать я долженъ, что и самый сардинскій посоль содержитъ домъ, котораго уборъ сталъ болѣе 100 тыс.; дворянъ, пажей, множество служителей, лошадей съ двадцать, каретъ три, почтовые коляски, и чинить равномѣрныя тому штату иждивенія, которыя всходятъ до 120,000 лпвровъ въ годъ. Не упоминаю о цесарскомъ, гишпанскомъ, аглинскомъ, португальскомъ и неаполтанскомъ послахъ, которыхъ расходы вдвое и трое больше; но не чаю, чтобъ Ея Императорское Величество позволила

своего посла содержать ниже сардинскаго. На 2-е излишно вашему сиятельству доносить, что дворъ здѣшній, какъ и все дворянство, во всемъ пышенъ. Платье свое и служителей, кружева, бѣлье, лошади, уборъ конскій и домовый, столъ, все должно быть богатое, и то цѣлый годъ безперечь. Мотовство такъ далеко идетъ, что и на игру должно опредѣлить не малую сумму въ годъ, понеже нельзя безъ картъ здѣсь прожить, какъ безъ хлѣба и безъ воды. 3-е, дороговизны здѣшней пропорцію извольте точно угадать, считая люйдоръ противъ рубля въ С.-Петербургѣ; то есть, всѣ вещи въ пятеро здѣсь противъ С.-Петербургскаго дороже. 4-е, мои собственные доходы всегда были такъ малы, что какова бы ни была ревность моя оные къ службѣ Ея Императорскаго Величества употребить, весьма мало бы служил; а послѣ тяжбы съ мачихою принцессою Гессенъ-Гомбургскою и тѣ пресѣлись опискою моихъ деревень; по всему тому слѣдуетъ, что если Ея Императорское Величество изволитъ, отмѣнивъ прежнюю всеимпериальскую резолюцію, меня здѣсь оставить, то на мое содержаніе должно будетъ опредѣлить не малую сумму и на приуготовленіе дома, экипажа, серебряной посуды и прочее еще меньшую. Пожалованные мнѣ при отъѣздѣ изъ Лондона 5000 руб., изъ которыхъ за проѣздомъ и за платежемъ нѣкоихъ долговъ въ Лондонѣ дошли сюда не съ большимъ 3000 руб., уже всѣ издержаны. Понеже постоянный домъ плачу по 500 ливровъ, карету по 370 на мѣсяць, ливреи двѣ сдѣлалъ, платья себѣ паръ пять—шесть, и сколько домъ позволяетъ служителей содержи число не малое, и обѣды хотѣ не велики, да часты: Хотя изживенія мои и теперь не малы, чести мало дѣлаютъ. Еслибъ домъ свой завести, утроенныя издержки будутъ не больше приличныя; если домъ не найму лѣтомъ, зимою смскать будетъ не можно. Теперь готовъ домъ недавно умершей госпожи Бонакъ, и буде не спѣшитъ, то и тотъ уйдетъ. Чтобъ не показалось, что я съ корыстливости такъ высоко всѣ нужды подымаю, покорнѣйше представляю, что я ничего не требую на свои приуготовленія и на уборъ домовый, только бы позволено было прислать точныя росписи, что на то изойдетъ, съ тою кондиціею, что серебряную посуду сдѣлавъ подъ гербомъ императрицынымъ, при возвращеніи въ отечество имѣю возвратить въ казну Ея Императорскаго Величества, а всѣ прочія вещи противъ той росписи оставить опредѣляемому по мнѣ наслѣднику или кому Ея Императорское Величество укажетъ. Безъ серебряной посуды пробавиться не можно, а мою по меньшей мѣрѣ надлежитъ утроить,

чтобъ можно было служить къ обѣду 20 персонъ. Прилагаю при семъ самый умѣреннѣйшій планъ, по которому Ея Императорскаго Величества не женатый посоль здѣсь домъ свой содержать долженъ.

Я неотмѣнно должности своей чаялъ о всемъ вышеписанномъ подробно вашему сіятельству донести, чтобъ молчаніе мое не учинило меня повиннымъ, если недостатки мои при продолженіи моей здѣсь резиденціи явятся славѣ Ея Императорскаго Величества предосудительны; для того уповаю, что ваше сіятельство милостиво извините пространность сего письма, и что онымъ такое употребленіе учинить изволите, какое вашему сіятельству приличнѣе покажется, и по которому я бы могъ признать вашего сіятельства къ себѣ неотмѣнную милость. Впрочемъ съ крайнимъ почтеніемъ пребываю Вашего сіятельства всепокорно послушный слуга Князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Паржа.

Мая 14-го (3-го) дня 1739 года.

Служители:

Секретарь посольства.
Другой секретарь.
Священникъ.
Пономарь.
Дворянштъ.
Конюшій.
Два пажа.
Дворецкій.
Конфектный мастеръ.
Два повара.
Два камердинера.
Ключникъ.
Связь для воротъ.
Шесть лакеевъ.
Три конюха.
Поваренный слуга.
Блюдомоя.
Фротеръ, что домъ чистить.

Экипажъ:

- 2 цука.
- 4 лошади для почтовой коляски.
- 2 лошади для посылок и для пажей.
- 3 кареты, одна повседневная, другая выѣздная, третья до-рожная.
- Одна почтовая коляска.

XXV.

Въ реляціи камергера князя Антиоха Кантемира изъ Парижа отъ 24-го мая (4-го юня) 1739 года написано:

Предъ заключеніемъ моей другой сегодняшней реляціи, я имѣлъ честь получить Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ подъ № 25-мъ отъ 1-го мая, касающійся отъ большой части турецкой негоціаціи и отправленія французской эскадры въ Балтику.

Я уже обстоятельно и всенижайше доносилъ въ поминутой моей другой реляціи, что вслѣдствіе высочайшихъ вашихъ указовъ мною исполнено при сообщеніи писемъ, принадлежащихъ къ Вилленевой экспедиціи, нарочно обстоятельно описавъ происшедшее въ конференціяхъ моихъ съ кардиналомъ и съ Амелотомъ, дабы Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволили ихъ намѣреніе изъ самыхъ словъ ихъ; также потребныя внушенія о отправленіи равностныхъ указовъ къ нему Вилленеву и пристойное употребленіе приложенныхъ вѣдомостей при высочайшемъ рескриптѣ подъ № 23-мъ не пропущены; потому остается мнѣ о той матеріи всенижайше прибавить, что и цесарскіе министры, и я усматриваемъ нѣкую новую горячность къ поспѣшенію мира, и если не ошибаюсь, должно оную приписать какой новой важной отмычкѣ при Портѣ, о которой Вилленевъ опасается, что если много времени упуститъ, то негоціація сія изъ рукъ его выйдти можетъ; ревнивость его о чинимыхъ представленіяхъ отъ польскаго посланника можетъ быть о томъ основана. Ваше Императорское Величество изъ содержанія сего моего доношенія всемилостивѣйше усмотрѣть изволитъ, что разсужденіе сіе до сихъ поръ догадками почитать должно; но понеже помянутая горячность къ поспѣшенію мира довольно чувствительна, въ такомъ расположеніи здѣшняго министерства ожидать бы должно, что сильно Вилленеву укажутъ о томъ намѣреніи радѣть; со всѣмъ тѣмъ я и чрезъ цесарскихъ ми-

нистровъ и собою еще ихъ побуждать къ тому не оставлю; не можно изобразить съ какою умѣренностію и учтностію кардиналь въ послѣднемъ свиданіи со мною обходился и разсужденія свои производилъ; таковой поступокъ, можетъ быть еще приписать должно вышепомянутой моеѣ рефлексіи и показываетъ его искусство въ утаеніи прямыхъ намѣреній.

Господинъ Амелотъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчаетъ, съ большею откровенностію поступаетъ, и того и при семъ случаѣ знакъ далъ, являя безъ всякаго обинюванія недовольство о краткомъ срокѣ вашего ультимата.

О нареканіяхъ кардинальскихъ я уже давно вслѣдствіе прежде посланныхъ ко мнѣ высочайшихъ указовъ не упоминалъ, какъ и онъ самъ болѣе о томъ не отзывался; трудно угадать, скрываетъ ли въ томъ свою мысль, или учпненными изъясненіями удовольствованъ, хотя въ самомъ дѣлѣ сіи таковы, что неудовольству мѣсто не остается.

Сколько принадлежитъ до отправления эскадры, какъ скоро оное здѣсь всѣмъ извѣстно стало, я не преминулъ чрезъ цесарскаго министра стараться вывѣдать ея намѣренія, и какое онъ изъясненіе доставить мнѣ могъ, всенижайше я доносилъ въ покорнѣйшей моеѣ реляціи подъ № 41-мъ, которая до отпуску высочайшаго вашего рескрипта, ко двору вашему дойти не могла; прежде того я безъ указа не смѣлъ. И самъ цесарскій посолъ не совѣтовалъ что-либо представлять, когда всѣми тогда отправленными ко мнѣ всемилостивѣйшими наставленіями наиспльнѣйше мнѣ было повелѣно ни малѣйшаго знаку подозрѣнія о кардинальскихъ поступкахъ не подавать.

Изъ всѣхъ его отвѣтовъ на чппимыя мною весьма учтливо представленія о происхожденіяхъ шведскихъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше усмотрѣть позволите, что онъ всегда обнадеживаніями о своей чистосердечности отзывался, какъ бытъ представленія происходили отъ подозрительства на него. Въ семъ случаѣ еще болѣй поводъ къ такому его поступку бы подался, а то самое убѣгать я искалъ вслѣдствіе высокопомянутыхъ вашихъ указовъ.

Ваше Императорское Величество, вѣдая уже нравъ его кардинальскій и его непонятное деликатство, всемилостивѣйше позволить извинить то, что въ семъ дѣлѣ неисправно признать позволили.

Обнадеживанія, которыя онъ кардиналь напоследокъ такъ цесарскимъ министрамъ, какъ мнѣ далъ о томъ, что помянутая эс-

гадра никакого злобнаго намѣренія не имѣеть, потому кажется вѣроятно, что по здѣсь получаемымъ изъ Швеціи извѣстіямъ тамо никакихъ военныхъ приуготовленій не видно. Однакоже подлпно всѣ благоразсудные признають, что сколь бы безвинно было намѣреніе той эскадры, въ нынѣшнихъ околичностяхъ отправленія ея къ Балтику неблаговременно, и въ той силѣ я объ ней кардиналу и Амелоту представилъ.

Въ приложенной при высочайшемъ вашемъ рескриптѣ рукописной французской вѣдомости показано, что указы отправлены и въ Тулонъ для вооруженія кораблей, и о такомъ указѣ здѣсь ничего не слышно, и еслибы впрямь въ Тулонѣ корабли вооружались, то оны не могутъ быть опредѣлены для Балтики; по меньшей мѣрѣ было бы то безразсудно, когда всегда другіе корабли къ вооруженію въ Брестѣ готовы могутъ. А по вооруженію эскадры Агллицкой не чаятельно, чтобъ здѣсь хотѣли противъ себя подозрительства прибавить.

Слабость отъѣхавшей эскадры изъ Бреста заставила, какъ я разумѣю изъ словъ милорда Валграфа, оную призирать; но еслибы число кораблей французскихъ было важнѣе, то Аглличане чуть не препятствовали бы проѣзду сквозь каналъ.

Что помянутый посоль аглинской подалъ здѣсь меморію о дѣлѣ Корсическомъ, я никогда не слыхалъ; но легко будетъ истину уѣдать, понеже онъ со мною ласково и откровенно обходится.

Трудно впрочемъ судить о намѣренія здѣшняго министерства въ томъ дѣлѣ, понеже Малбой по приѣздѣ своемъ въ тотъ островъ съ многочисленнымъ войскомъ никакого дѣйствія не началъ.

Что принадлежитъ до кардинала Тансина о его дальнихъ видахъ и состояніи, я въ свое время имѣлъ честь всенижайше Вашему Императорскому Величеству донести, и авторъ помянутой французской вѣдомости не худо разсуждаетъ о безпокойствѣ Шовелиневомъ при возвышеніи его въ кардинальское достоинство, понеже сердечно другъ друга ненавидятъ. Господина Тансина острый умъ и проворство, по общему здѣсь разсужденію, и самому кардиналу де-Флерію показались отчасти опасными; для того, сказываютъ, въ Римъ отдаленъ, куды, чаю, уже изъ своей епархіи отправился.

Въ заключеніе сей имѣю Вашему Императорскому Величеству всенижайше донести, что господинъ кардиналъ и прочіе французскіе министры завтра изъ Версалл разѣдутся до прибытія королевскаго въ Компіень, куды Его Величество отъѣзжаетъ 7-го

сего, и проѣзжая съ продолженіемъ ловли чрезъ Шантильи, прибудетъ къ 11-му. По то число уже съ ними французскими министрами обыкновенно чужестранные не выдаются; а тогда и я, слѣдя двору, не оставлю повторительно точно исполнить высочайшіе Вашего Императорскаго Величества указы и о происшедшемъ подробно донесу.

XXVI.

Выписка.

Голодъ въ многихъ здѣшнихъ провинціяхъ продолжается, и при учиненныхъ королю комплиментахъ о мнрѣ президентъ камеры д'анкетъ господинъ Камюсъ въ своемъ королю говорилъ, что желательнѣе бы было, чтобъ мнрѣ народу чувствителенъ былъ обилствомъ, нежели звономъ трубъ, понеже теперь терпять голодъ и убожество; слѣдствіи чрезмѣрнаго издвигенія откупчиковъ (*des fermiers généraux*). Его Величество ни мало противно не принялъ такую его рѣчь; но всѣ признаютъ, что она неблагоприятна была, понеже Его Величество уже отправилъ въ тѣ провинціи, гдѣ голодъ чувствителенъ, великое число хлѣба и около трехъ милліоновъ денегъ на раздачу народу.

Изъ Лондона, отъ 2-го іюня, ко мнѣ пишутъ, что съ приближимъ днемъ прежде куріеромъ получена вѣдомость, что король Гишпанскій напоследокъ склонился изъ своей казны заплатить тѣ 68,000 фунтовъ стерлинговъ спорные съ Полуденною компанією, которой акордуется столь долго задержанную цедулу для отправленія обыкновеннаго корабля по обязательствамъ трактата д'Ассіенто; что вслѣдствіе того опредѣлено эскадру контръ-адмирала Гаддока изъ Средиземнаго моря отозвать, и что учрежденный осмимѣсячный срокъ для дефинитивнаго трактату прибавленъ до 16 мѣсяцовъ. Изъ такой резолюціи аглинскаго министерства видно, что не смѣя противъ воли парламентской въ помянутомъ трактатѣ Гишпанскому королю позволеніе дать о продолженіи экзаминаціи торговыхъ аглицкихъ кораблей, и съ другой стороны, вѣдая, что дворъ гишпанскій безъ того къ заключенію трактата не поступитъ, ищетъ убѣжать войну, выигрывая время, какъ обыкновенный до сѣхъ поръ былъ его поступокъ. Судить можно потому, что та война уже не скоро воспослѣдуетъ, напротивъ, что ко мнѣ и изъ Мадрида пишутъ, что и тамъ мало склонности къ разрыву

съ Англичанами видится. Такая неожиданная отмѣна цесарскому двору со временемъ можетъ быть предосудительна, понеже всѣ вѣдаютъ, что Гишпанская королева не забыла княженій Пармы и Пиаценцы, и что въ покоѣ она пребыть не можетъ.

Я слышу съ надежной стороны, что французскій посолъ въ Гагѣ старается статовъ генеральныхъ привести къ вступленію въ трактатъ нейтралитета, каковой содержали при послѣдней войнѣ. Для полученія обстоятельнѣйшаго пзвѣстія сообщаю сіе обрѣтаемому въ Гагѣ Вашего Императорскаго Величества полномочному и чрезвычайному послу.

Письма изъ Мадрида даютъ знать, что король Гишпанскій назначилъ посланника для датскаго двора; поступокъ, котораго ни поводъ, ни намѣреніе я понять не могу. Обрѣтаемый при томъ датскомъ дворѣ французскій министръ Шавиньи отсюда возвратится, какъ скоро эскадра французская съвозъ датскіе порты проѣдетъ; а датскій здѣсь посланникъ графъ Шуленбургъ такъ же получилъ свой рапель и къ концу сего мѣсяца въ свое отечество отъѣзжаетъ.

За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость; всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа, іюня 7-го (мая 27-го) дня 1739.

XXVII.

Выписки.

1) Въ реляціи камергера и чрезвычайнаго посла князя Антіоха Кантемира изъ Компіеня іюли 9-го (іюня 28-го) дня 1739 года, написано:

Шетарди, уже на прошлой недѣлѣ дѣйствительно отправилъ весь свой экипажъ въ Руанъ, откуда моремъ въ Амстердамъ, отсюда въ С.-Петербургъ пошлется. Самъ онъ буде вчерась въ вечеру сюды не пріѣхалъ, сегодня прибудетъ для полученія отпуска отъ короля, потомъ, мало дней помѣшавъ въ Парижѣ, намѣрепъ на послѣдокъ отъѣхать; чтобъ уже болѣе мнѣ не ошибаться, поставляю точное время его пріѣзда къ двору вашему около половины сентября.

Съ крайнимъ своимъ удовольствомъ я усмотрѣлъ изъ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, что всемило-

стивѣйше изволили апробовать резоны, для которыхъ я противъ его назначенія не поступилъ вслѣдство перваго объ немъ вашего указа, и при томъ приношу всеподданнѣйшее благодареніе. Въ исполненіи вашихъ указовъ поступать должно, примѣняясь по праву министровъ и по околничествамъ; при полученіи оныхъ, безъ такого изъясненія высочайшей Вашего Императорскаго Величества воли, руки мнѣ были много связаны; не смѣя на себя перенять, то, что указами вашими не повелѣно, и съ опасностію удерживался предписанное не исполнять, не вѣдая, какъ то отъ Вашего Величества будетъ принято. По несчастію подобные мои поступки раза два три, будучи отъ Вашего Императорскаго Величества дезапробованы, мнѣ несмѣлость прибавили, къ которой безъ того малый искусъ обыкновенно поводъ подаетъ; Вашему Императорскому Величеству будучи извѣстно, что не всегда ревности и прилежанію удача въ дѣлахъ соотвѣтствуетъ. Всенижайше уповаю, что впродъ о моихъ поступкахъ судить соизволитъ съ обыкновеннымъ себѣ снисхожденіемъ, и проч.

2) Въ реляціи его же князя Кантемира изъ Пармжа отъ 30-го (19-го) іюля 1739 г. написано:

По Высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу подъ № 36, я имѣлъ 24-го сего у короля приватную аудіенцію и при пристойномъ комплементѣ съ стороны Вашего Императорскаго Величества вручилъ Его Величеству вашу грамоту объявительную о бракѣ Ея Высочества государыни принцессы Анны, а надлежащую Гиспанскому королю того же дня отдалъ, для отсылки въ Мадридъ, маркизу Делампна; его французское величество на комплементъ ни однимъ словомъ не отвѣтствовалъ, а впрочемъ довольно со мною разговаривать изволилъ о письменахъ, о языкѣ русскомъ и о подобныхъ любопытныхъ матеріяхъ; такое Его Величества молчаніе другому чему приписать не могу развѣ его величества сродной несмѣлости; его величество обыкновенно не многорѣчивъ, и когда дѣло о комплементѣ идетъ, часто предпочитаетъ молчаніемъ прикрыть свою несмѣлость; тотъ его величества характеръ отъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ примѣченъ. Кардинала же и Амелота, которые также никакимъ комплементомъ не отозвались, чѣмъ изъяснить—не знаю.

Господнинъ кардиналъ о семъ новомъ приключеніи разсуждалъ, что никакого разсужденія о допускѣ двухъ морскихъ державъ не имѣеть, но въ самомъ дѣлѣ безсумнительно, что по возможности стараться станеть, чтобъ ихъ къ тому не допустить, и вслѣд-

ствіе того должно быть содержаніе отправленныхъ къ Вилленеву указовъ съ куріеромъ, который отсюда отѣхалъ, прежде нежели дворъ отсюда въ Компіень поднялся; о помянутомъ призываніи морскихъ державъ въ медицію цесарскимъ министрамъ не больше обстоятельство сообщено, нежели Вашему Императорскому Величеству донесено изъ Вѣны; однакоже по оному мы не оставили потребныя поступки учинить при здѣшнемъ министерствѣ, которые по счастью согласны находятся съ тѣмъ, что Ваше Величество всемилостивѣйше мнѣ повелѣваетъ нынѣшнимъ своимъ указомъ подъ № 38. Что на оныя наши представленія здѣсь намъ отвѣтствовано, всемилостивѣйше изволите усмотрѣть изъ покорнѣйшихъ моихъ реляцій подъ № 61, 62 и слѣдующихъ, и буде смѣтъ мнѣ свое низжайшее мнѣніе предложить, полезно бы было оставить здѣшнихъ въ нынѣшнемъ ихъ безпокойствѣ по тому дѣлу, которое можетъ Вилленева всего больше побуждать поспѣшить заключеніемъ мира, чтобъ тѣмъ допускъ новыхъ медиаторовъ предупредить; а съ другой стороны, полезно же бы было морскихъ державъ отвратить отъ требованія мнѣнія союзническихъ дворовъ, имѣя довольную дорогу собою резолюцію принять, чтобъ чрезъ то избѣжать недовольство здѣшняго двора.

Для того же резона не бесполезно оставить здѣшнихъ въ безпокойствѣ въ томъ, что касается представленія медиціи персидской, о которой уже какъ министры французскіе ко мнѣ не отзывались, такъ я и имъ не упоминалъ.

Любопытство ихъ, о намѣреніи Вашего Императорскаго Величества войскъ отчасти являетъ недовольство, съ которымъ услышали проѣздъ онаго съвозъ Польшу ¹⁾; цесарскіе министры о томъ походѣ не инакъ здѣсь сообщили, развѣ какъ о приватной вѣдомости, и я до сихъ поръ ни отрицать, ни подтверждать оной не могъ, понеже о семъ дѣлѣ рескрипта Вашего Императорскаго Величества не получалъ; нумеры всѣхъ вашихъ указовъ сходны, потому не знаю, подъ которымъ имѣетъ быть тотъ потерянный рескриптъ; но каково бы то ни было, теперь не оставляю при дворѣ здѣшнемъ о той Вашего Императорскаго Величества резолюціи потребное сообщеніе учинить и изъяснить, что Ваше Императорское Величество давно ту королю аттенцію имѣть изволяли, но что по несчастію указъ вашъ въ дорогѣ утратился; отъ явно вредныхъ толкованій о томъ походѣ кардиналъ до сихъ поръ удерживаетсѣ,

¹⁾ Французскій дворъ оказываетъ свое неудовольствіе о проходѣ черезъ Польшу войскъ россійскихъ.
Д. Б. К.

хотя не совсѣмъ можетъ утаить свое неудовольство; буде помнитъ свои прежнія слова, долженъ бы стыдиться инако поступать, но по несчастію различіе въ мнѣніи и въ словахъ ему обыкновенно, какъ еще недавно усмотрѣно; въ томъ, что касается Вашего Величества кондицій, которыя многократно апробоваль, потомъ того отрицается, и напоследокъ еще способными къ заключенію мира призналъ. Я всѣ тѣ свои примѣчанія цесарскимъ министрамъ общилъ, внушивъ притомъ, что объ нихъ министрамъ вашимъ въ Вѣну прислалъ; они сами не знаютъ что потому заключать и отъ большей части такіе несогласные поступки приписываютъ перемѣнчивому кардинальскому праву.

XXVIII.

По титулѣ.

Въ прошедшую среду, то есть, 5-го сего, я имѣлъ честь получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 3-го іюля, подъ № 39, о дѣлѣ Синклеровомъ съ приложеннымъ при немъ экстрактомъ, оба на нѣмецкомъ языкѣ, и подскриптомъ на русскомъ. Вслѣдствіе сего сочиненный на французскомъ языкѣ чрезъ Генриха Гроса переводъ на другой день я сообщилъ статскому секретарю Амелоту, при изустномъ почти въ той же силѣ объявленіи; и понеже во всѣхъ чужестранныхъ газетахъ до сихъ поръ многократно объ ономъ разглашено съ подобными обстоятельствами, каковы изображены въ присланномъ ко мнѣ отъ Вашего Императорскаго Величества экстрактѣ, я господина Амелота просилъ, чтобъ позволилъ приказать сообщенный переводъ Вашего Императорскаго Величества рескрипта въ здѣшнихъ газетахъ напечатать, представляя ему, что я уповаю, что не будетъ имѣть затрудненіе обнародить оправданіе Вашего Императорскаго Величества. По прочтеніи вышепомянутаго перевода онъ Амелотъ мнѣ сказалъ, что не оставитъ оный кардиналу показать и представить ему требуемое мною онаго напечатаніе, хотя де въ здѣшнихъ газетахъ о приключеніи Синклеровомъ только одно дѣйство описано безъ всякихъ рефлексей, и что впрочемъ Ваше Императорское Величество можетъ быть благонадежна, что здѣсь всѣ увѣрены будучи о Вашего Величества высочпхъ добродѣтеляхъ, ни кому на умъ не всходило, столь гнусное дѣло приписать Вашему Императорскому Величеству или чаять, что оное по ва-

шему указу учинено. Но то де безсумнительно, что по требованію Вашего Императорскаго Величества министра при польскомъ дворѣ обрѣтаемый при томъ же дворѣ резидентъ далъ офицерамъ, убійцамъ Синклеровымъ, пашпорты и рекомендательныя письма; что вслѣдствіе того отъ цесарскаго двора позволено онымъ офицерамъ за нимъ Синклеромъ гнаться, и всѣ способы употреблены для его арестованія, и что всѣ тѣ обстоятельства сообщены здѣсь чрезъ князя Лихтенштейна рескриптомъ Его Царскаго Величества, писаннымъ къ сейму Ратисбонскому; хотя де оттого не слѣдуетъ, что помянутый вашъ министръ приказалъ Синклера смерти предать, однакожь безсумнительно становится, что убійцы его были русскіе офицеры, которые, имѣя можетъ быть приказъ объ одномъ арестованіи Синклеровомъ или объ отнятіи его писемъ, далѣе предписаннаго поступили и такимъ образомъ учинили злодѣйственну вашего помянутаго министра ревность, который можетъ быть чаялъ для предостереженія интересовъ вашихъ потребно искуснымъ образомъ получить Синклеровы письма ¹⁾. Но все де то дѣйство французскаго двора не касается, и потому его королевское величество не долженъ изслѣдовать причины и обстоятельства онаго, не желая никому приписать столь мерзкое дѣло: напротиву онъ указъ имѣеть мнѣ горячія жалобы принести, что товарищъ въ пути Синклеровъ, нѣкто Кутюріеръ, родомъ Французъ, арестованъ съ пашпортомъ французскимъ въ Саксоніи по требованію вышепомянутаго же Вашего Императорскаго Величества министра, какъ о томъ объявилъ здѣсь саксонскій секретарь де-Бре по указу короля Польскаго, и до сихъ поръ безвинно въ тюрьмѣ держится: дѣло де, оное противно праву народному, и слѣдовательно, его королевское величество не можетъ оное развѣ въ крайнюю обиду себѣ принять, и потому не только причину имѣеть ожидать, что оный Его Величества подданный будетъ освобожденъ, но что и сатисфакція дана будетъ противъ тѣхъ, которые его арестовали.

На оное отвѣтъ мой былъ слѣдующій: 1-е, что онъ самъ изъ вашего высочайшаго рескрипта усматриваетъ, что при вашемъ дворѣ ни малаго пзвѣстія неимѣется о Синклеровомъ убійствѣ, и что Ваше Императорское Величество совсѣмъ оное дезапробуетъ;

---

¹⁾ Sinckler убитъ отъ капитана барона Кутлера и поручика Левницкаго, въ іюлѣ 1739 года, возвращаясь изъ Константинополя въ Швецію. Графъ Остен-малъ убійство сіе, приписываемое русскимъ офицерамъ, называлъ въ рескриптахъ императорскихъ интригою французскаго двора для вооруженія Швеціи противъ Россіи.
Д. Б.-Б.

2-е, что слѣдовательно вашъ министръ не могъ имѣть никакого указа, чтобъ онъ требовалъ позволеніе за нимъ Зинклеромъ гнаться или отъ него письма отнять; 3-е, что всѣ сего дѣла обстоятельства столь различно изъ разныхъ мѣстъ описаны, что то самое не допускаетъ имъ подавать полную вѣру; 4-е, что еслибы касающіяся вашего министра обстоятельства были истинны, онъ подлинно не оставилъ бы меня о томъ увѣдомить; напаче же доносить Вашему Императорскому Величеству, а изъ вышепомянутаго указа видно, что къ Вашему Императорскому Величеству о томъ не донесено; 5-е, что хотя я цесарскій рескриптъ къ діетѣ Ратисбонской еще не видалъ, понеже князь Лихтенштейнъ только третьяго дни изъ Компьена возвратился, однакоже не надѣюсь, что его цесарское величество могъ вышепомянутыя обстоятельства подтверждать, а для лучшаго своего извѣстія тотчасъ оный не оставляю требовать отъ его величества посла; 6) что буде впрямъ его императорское величество тѣ обстоятельства подтверждаетъ, то я не могу развѣ объ нихъ Вашему Императорскому Величеству доносить и ожидать вашихъ высочайшихъ инструкцій, до полученія которыхъ вмѣсто всякаго отвѣта ссылаюсь на сообщенный ему Вашего Императорскаго Величества рескриптъ, изъ котораго то одно усматриваю, что Ваше Величество въ семъ дѣлѣ ни малаго участія не имѣетъ. Что впрочемъ, сколько касается арестованія Кутюріерова, дѣло то мнѣ совсѣмъ новое и еще больше прежняго немнотѣрно. Въ такихъ обстоятельствахъ, съ какими объ немъ его королевскому величеству донесено, что буде баронъ фонъ-Кейзерлингъ требовалъ его арестованія, то я надѣюсь, что оно учинено для того, что оный Кутюріеръ, будучи одинъ свидѣтель убійства Зинклера, и Ваше Императорское Величество, неотмѣнно желая учинить всѣ возможные происки, чтобъ достать убійцовъ, онаго Кутюріера просилъ въ Саксоніи его удержать, чтобъ отъ него вывѣдать убійства обстоятельства и дорогу, которою убійцы бѣжали.

Господинъ Амелотъ, который сначала описанныя жалобы съ горячности мнѣ выговаривалъ, уже гороздо смпрѣе отвѣтствовалъ, что сколько до обстоятельствъ убійства Зинклера принадлежатъ, я оныя симъ увижу въ помянутомъ цесарскомъ рескриптѣ, къ которому де меня отсылаетъ, повторяя, что оныя къ нему, яко къ дѣлу, французскому двору чужему, не принадлежатъ: а о задержаніи Кутюріеровомъ ему не позволено сумнѣваться о томъ, что пменемъ короля Польскаго его величества секретарь здѣсь объявилъ, и слѣдовательно, вѣдаетъ, что онъ Кутюріеръ въ тюрьмѣ

держится по требованію вашего министра. Правда де, ему не извѣстно содержаніе учиненному уже ему Кутюріеру допроса, понеже еще отъ польскаго двора не сообщенъ, но постороннимъ образомъ слышалъ, что отъ него допрашивано о письмахъ и поступкахъ Синклеровыхъ, а не обстоятельствахъ убійства, и о дорогѣ, которую убійцы бѣжали. Еслибъ де его Кутюріера хотѣли употребить только свидѣтелемъ, не должно бы его въ тюрьму посадить; буде же онъ чемъ виновенъ, то должно бы здѣсь суда просить. Я еще противъ того ему сказалъ, что точнаго отвѣта ему дать о всемъ томъ не могу, понеже мнѣ дѣло совсѣмъ новое; но однакожь позволилъ мнѣ примѣчать, что его королевскому величеству никакимъ образомъ не можетъ быть противно, если помянутый Кутюріеръ задержанъ для того, чтобъ пользоваться его свидѣтельствомъ. Если же за вину какую арестованъ, то и въ томъ сохраненъ поступокъ повседневно обыкновенный, понеже по прошенію обиженнаго во всякомъ государствѣ арестовать можно виноватаго, чтобъ не допустить его избѣжать достойнаго наказанія.

Долго еще потомъ подобныя обещанія и отвѣты межъ нами повторены, которыхъ однакожь описаніемъ Ваше Императорское Величество утруждать излишно бы было, понеже всѣ на вышеписанные сходять.

Предъ выходомъ я, усматривая, что противно повтореннымъ обещаніямъ и самымъ обстоятельствамъ, по которымъ объ отъѣздѣ Шетардіевомъ къ 4-му сего августа сумнѣваться было не можно, онъ Шетарди внезапно здѣсь остановился, требовалъ отъ него Амелота вѣдать, что къ тому поводъ подало? На что онъ безъ обинювенія мнѣ отвѣтствовалъ, что обстоятельства арестованія Кутюріерова съ пашпортомъ французскимъ таково, что господинъ кардиналъ заблагодарсудилъ Шетардія отъѣздъ остановить, пока подробное извѣстіе получитъ о состояніи сего дѣла, и пока онъ Кутюріеръ будетъ освобожденъ. Тогда я узналъ, что не безосновательно въ своей покорнѣйшей реляціи отъ 23-го іюля я примѣчалъ, что присканный тогда отъ Шетардія претекстъ къ медленію имѣлъ какое отношеніе къ Синклерову дѣлу, и что напротивъ я ошибался въ своей предпоследней, опровергая тѣ свои рефлексіи.

Противъ того объявленія я статскому секретарю представилъ, что я подлинно опаго слышать не ожидалъ, и не могу ему упатъ, что арестованіе Кутюріерова, если бы въ самомъ дѣлѣ оно подлинное было и со всѣми обстоятельствами извѣстно, не такой важности, чтобъ за нимъ должно было остановить торжественное посольство,

II отдѣлъ.

15

съ столькими повторенными обнадеживаніями обѣщанное; что для того я уповаю, что господинъ кардиналъ по зрѣлѣйшемъ разсужденіи изволитъ нынѣшнее свое намѣреніе отмѣнить, а я ему на- сильнѣйше обѣщаюсь, что съ Вашего Императорскаго Величества стороны въ томъ Кутюріеровомъ дѣлѣ учинено будетъ полное удо- вольство, каково правильно требовать можно; что я впрочемъ на его разсужденіе оставляю, къ какимъ толкованіямъ натурально поводъ подать можетъ остановленіе посла за такъ маловажнымъ резономъ, когда Ваше Императорское Величество никакого участія подлинно не имѣетъ въ арестованіи французскаго подданнаго, и когда его французскому величеству обѣщевается вся возможная сатисфакція. На то онъ еще повторилъ резоны, для которыхъ дѣло сіе важное почитать должно; напоследокъ заключилъ, что онъ пред- ставитъ мои рѣчи кардиналу и съ нимъ согласится, что по онымъ для отвѣзда Шетардіева учинить будетъ можно.

- Конференція съ кардиналомъ о помянутомъ убійствѣ. Я самъ по- томъ съ нимъ кардиналомъ видѣлся и сообщилъ часто помянутый переводъ высочайшаго вашего рескрипта при подобныхъ, какъ и статскому секретарю, изустныхъ пзясненіяхъ: прочевши оный ска- залъ мнѣ почти въ равныхъ же термйнахъ, какъ и Амелотъ, что Вашему Императорскому Величеству персонально не нужно ника- кого оправданія, понеже никому въ умъ не всходило, чтобъ Ваше Величество такое дѣйство или позволили, или указали учинить; но что по вашего министра, обрѣтаемаго въ Варшавѣ, прошенію за Синклеромъ въ погоню послано, и чрезъ двухъ русскихъ офице- ровъ онъ убитъ, сумнѣваться не должно; ибо не только со всѣхъ сторонъ вѣдомость ту подтверждаютъ, но и въ сообщенномъ здѣсь отъ цесарскихъ министровъ Его Императорскаго Величества рес- криптѣ именно изображено: потому де подлинно Вашего Величе- ства характера и высочайшей чести достойно авторовъ такого гнуснаго дѣла наказатъ въ образецъ всему свѣту; но трудность въ томъ состоитъ, гдѣ тѣхъ офицеровъ сыскать, ибо хотя онъ ни мало не сумнѣвается, о всемъ томъ, что въ Вашего Императорскаго Ве- личества деклараціи содержится, опасается, что злодѣи укроются. Я противъ того ему отвѣчалъ, что Ваше Императорское Величе- ство всевозможные способы употребитъ, чтобъ виновныхъ сыскать; и буде оные не ваши подданные—служить будутъ къ доказатель- ству, сколь подозрѣніе на вашихъ людей было безосновательно; буде же подданные—претерпятъ строгое наказаніе, каково тяжесть сего дѣла достойна: и для того Ваше Императорское Величество

просили и цесаря, и короля Польскаго, чтобъ въ своихъ областяхъ указали прилежные происки учинить. Притомъ я прибавилъ, что всего удивительнѣе мнѣ было сегодня слышать отъ господина Амелота, что Французъ, Синклеровъ товарищъ, Кутюріеръ въ Саксоніи арестованъ, будто по требованію Вашего Императорскаго Величества министра, и что для того онъ кардиналъ изволилъ остановить отъѣздъ Шетардіевъ. На то онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что все то истинно, и не знаетъ для какой причины и съ какого повода учиненъ французской націи афронтъ арестованіемъ безвиннаго подданнаго его величества, противно дружбѣ межъ Вашимъ и его величествомъ и противно праву народному; что то дѣйство такой важности, что не пристойно его величества послу отсюда отъѣхать; а какъ скоро оный Кутюріеръ будетъ освобожденъ, то Шетарди немедленно отправится въ путь свой, къ чему де уже совсѣмъ былъ готовъ. Тогда я ему кардиналу пространно повторилъ рѣчи свои, которыя прежде имѣлъ съ Амелотомъ; наипаче ему пзяснивъ, 1-е, что по содержанію высочайшаго вашего рескрипта безсумнительно, что Ваше Императорское Величество никакого пзвѣстія не имѣеть о томъ арестованіи; 2-е, что хотя мнѣ не будучи обстоятельства того дѣла сообщены, правильно причину имѣю сумнѣваться, надежна ли та вѣдомость; но понеже онъ кардиналъ о томъ удостовѣряетъ свидѣтельствомъ саксонскаго секретаря, поставляю, что онъ Кутюріеръ подлинно арестованъ; 3-е, въ такой суппозиціи то арестованіе оному приписать не можно, развѣ ревности Вашего Императорскаго Величества министра въ присканіи убійцевъ Синклеровыхъ; ибо онъ Кутюріеръ одинъ будучи свидѣтель его убійства, только чрезъ него можно обстоятельства оного вывѣдать; понеже 4-е, не можно никакого другаго памѣренія приписать, будучи весьма безразсудно оного въ Саксоніи арестовать, для прикрытія сего дѣла, ибо пока онъ тамъ находится, служить всему свѣту свидѣтельствомъ убійства; что впрочемъ 5-е, можетъ статся, что онъ самъ виновенъ признанъ, и въ такомъ случаѣ всякъ государь въ своей землѣ право имѣеть не только арестовать, но и наказать виноватаго: я увѣренъ, что онъ Кутюріеръ въ семъ послѣднемъ случаѣ не находится, но понеже его польское величество, за благо избрѣвъ его арестовать, должно признать, что то не безъ резона учинено: но какова бы ни была причина его задержанія, я оставляю ему кардиналу судить, довольно ли важно оное дѣло, чтобъ за тѣмъ остановить торжественно обѣщанное посольство: въ партикулярной особѣ, каковъ Кутюріеръ, честь Француз-

15*

своей нации не зависит, и не можно заключить, что его арестованіемъ народъ Французскій обезчещенъ; понеже на всякой день въ разныхъ государствахъ подданные чужестранные и арестуются, и наказуются, но нація оныхъ участія въ томъ не принимаетъ, а остановленіе посольства, какъ дѣло собою важное, натурально подастъ поводъ къ предосудительнымъ толкованіямъ, такъ что не можно будетъ унять подозрѣніе, что между двѣмя дворами холодность произошла: для того покорно его прошу зрѣло о томъ разсудить и отмѣнить свое намѣреніе. На то кардиналъ повторилъ, что подданный французскій будучи безвинно арестованъ, не можно то принять инако развѣ какъ за учиненный всей націи afrontъ, и пока не будетъ освобожденъ, онъ не можетъ согласиться на Шетардіевой отъѣздъ: буде же я свободу Кутюріерову общаю, то немедленно прикажетъ ему отъѣхать. Я противъ того ему далъ знать, что вслѣдствіе высокопомянутаго вашего рескрипта, я никакой трудности не имѣю его кардинала и изустно, и письменно буде желаетъ удостовѣрить, что Ваше Императорское Величество какъ во всемъ дѣлѣ никакого участія не имѣетъ, такъ помянутому Кутюріеру никакого утѣсненія учинить не намѣрены, и потому смѣло могу его обнадежить, что буде онъ арестованъ по требованію министра вашего, то также чрезъ него будетъ свобода его исходатайствована, и что сегодня жъ о томъ писать буду къ барону фонъ-Кейзерлингу и готовъ ему кардиналу свое письмо подъ открытою печатью вручить, а притомъ позволилъ бы мнѣ примѣчать, что онъ Кутюріеръ арестованъ не въ вашей области, и понеже я не знаю причины его арестованія, я въ томъ толико себя обязую, что Вашего Императорскаго Величества министра касается; благонадеженъ впрочемъ, что онъ самъ признаетъ нужно его задержаніе, буде оно учинено въ томъ намѣреніи, чтобъ доискать убійцовъ Спелеровыхъ. Господинъ кардиналъ на то мнѣ отвѣчалъ, что онъ доволенъ тѣмъ, чтобъ я къ барону фонъ-Кейзерлингу писалъ о свободеніи Кутюріеровомъ, и не требуетъ чтобъ ему то письмо вручить, полагаясь совсѣмъ на мое обѣщаніе, и если я обязуюсь, что опъ Кутюріеръ свободу свою получитъ, будучи увѣренъ о его безвинности, то онъ готовъ Шетардію приказать тотчасъ отъѣхать, — и съ тѣмъ меня отпустилъ, не изъяснивъ подлинно, желаетъ ли отъ меня особливаго письменнаго обязательства. Буде онаго требовать не будетъ, то столь напаче меня обяжетъ; въ противномъ случаѣ соглашусь съ цесарскими министрами о поступкѣ, который интересамъ Вашего Императорскаго Величества приличіе явится.

Впрочемъ кардиналь разговоръ свой началъ сплчпво, дез-аппробуя убійство, и безкрытно являя свое неудовольство, такъ объ одномъ, какъ и о арестованіи Кутюріеровомъ; но потомъ по малу по малу, уважая изъясненія и резоны, склоннѣе становился, и напоследокъ меня отпустилъ гораздо ласково; но хотя прилежно удерживался прекословить всему тому, что въ Вашего Императорскаго Величества деклараціи изображено, и изъ всего именно высочайшее ваше лицо выключалъ, однакоже въ томъ мнѣніи остался, что Синклеръ русскими офицерами убитъ. И подлинно о томъ къ сумнѣнію мѣста не остается, читая присланный отъ цесарскаго двора фактумъ, который того же дня мнѣ отъ господина Шмерлинга сообщенъ, и съ котораго въ запасъ при семъ прилагаю копію. Рескрипту же цесарскаго къ діетѣ Ратисбонской не бывало, какъ изволите усмотрѣть изъ Шмерлингова письма.

На требованіе мое о напечатаніи вашей деклараціи въ газетахъ, чего здѣсь безъ указу отъ двора учинить не можно, кардиналь отвѣтствовалъ, что нужно де то учинить въ началѣ въ Виенскихъ газетахъ, откуда де здѣсь та вѣдомость получена. Я не много о томъ ему докучалъ, ожидая способнѣйшаго случая, когда ннѣшняя горячность недовольства мнѣтся;—напаче, что не сумнѣваюсь, что оная декларація будетъ напечатана въ Амстердамскихъ газетахъ, которыя больше здѣшнихъ во всемъ свѣтѣ читаются.

По возвращеніи отъ кардинала я сообщилъ о всемъ происшедшемъ обоимъ цесарскимъ министрамъ, которымъ и копію далъ съ часто помянутаго высочайшаго рескрипта на нѣмецкомъ языкѣ, и изъяснивъ имъ подробно, какія непріятныя слѣдствіи ожидать должно отъ остановленія общаннаго Вашему Императорскому Величеству посольства для столь маловажной причины, которая явно себя нарочно пріисканнымъ претекстомъ являетъ, просилъ ихъ, чтобъ они повидались съ кардиналомъ и старались бы уговорить его отмѣнить свою резолюцію.

Вслѣдствіе того они, 7-го сего, видѣли кардинала и на его подобныя какъ мнѣ учиненныя жалобы въ равной силѣ ревностныя представленія учинили, съ обнадеживаніями, что Французъ Кутюріеръ не только безсумнительно освобожденъ будетъ, но и дѣйствительно, буде же не освобожденъ, содержится въ изрядномъ стартементѣ безъ всякаго утѣсненія, какъ по случаю прибывшій суди Саксонецъ, нѣкто Фришъ, который во время его арестованія въ Дрезденѣ случился, имъ засвидѣтельствовалъ, съ тою околичностію, что когда оный Кутюріеръ отъ двухъ офицеровъ туда

привезенъ, баронъ фонъ-Кейзерлингъ, не вѣдая ни причины, ни околичности случившагося Спиклеру несчастія, для его безопасности просилъ, чтобъ его удержатъ, пока къ Вашему Императорскому Величеству о томъ донесетъ и отвѣтъ получить; и притомъ заключили, изъясняя, что остановленіе посольства должно бы имѣть гораздо важнѣйшую сего причину и кажется не праведно, когда Ваше Императорское Величество ни малаго извѣстія о семъ дѣйствѣ не имѣетъ, прибавя притомъ всѣ прочіе отъ меня кардиналу представленныя резоны, которые повторять удержуся, и давъ ему знать о отправленномъ отъ меня письмѣ къ барону фонъ-Кейзерлингу, которое имъ отъ меня было сообщено, и которое его кардиналу удовольствовать бы должно, какъ Ваше Величество изъ приложенной при семъ копіи усмотрѣть изволите.

Тѣ ихъ представленія никакую точную о Шетардіи резолюцію отъ кардинала произвести не могли; всегда онъ повторялъ свою одну рѣчь, что тѣмъ арестованіемъ учиненъ афронтъ Французской націи, и заключилъ, что Шетарди отгѣхатъ не можетъ, пока ему кардиналу не покажу мое помянутое письмо къ барону фонъ-Кейзерлингу и письменно не обяжусь, что Кутюріеръ изъ аресту будетъ освобожденъ: между прочимъ онъ прибавилъ, что и кромѣ той причины напрасно бы было слѣшить отгѣздомъ Шетардіевымъ, понеже онъ долженъ свою отпускную аудіенцію имѣть отъ короля Прусскаго, который теперъ въ Берлинѣ находится.

Противъ сего цесарскіе министры еще отвѣчали, что они не ожидаютъ никакого затрудненія, съ моей стороны, общатся о домогательствѣ вашего министра при польскомъ дворѣ, чтобъ Кутюріеръ былъ освобожденъ; но не могу обязатся, будучи онъ арестованъ въ областяхъ короля Польскаго, что его польское величество его подлинно освободитъ, буде не по прошенію вашего министра указалъ его арестовать; а впрочемъ они вѣдаютъ, что король Прусскій возвратится въ Берлинъ прежде, нежели Шетарди туды dospѣть можетъ.

Прилежно уваживъ всѣ кардинальскіе разговоры, цесарскіе министры согласно со мною подозрѣніе имѣютъ, что кардиналъ симъ своимъ поступкомъ претекстъ шцетъ къ замедленію отправленія посольства или совсѣмъ оное удержатъ намѣренъ.

Чтобъ лучше о томъ увѣриться нужно, признали мнѣ еще съ нимъ повидатся, и сообщивъ ему только для прочтенія письмо мое къ частопомянутому барону фонъ-Кейзерлингу, примѣчатъ что потому произойдетъ, и буде тѣмъ не будетъ доволенъ, какъ и обна-

деживаніями хотя на письмѣ, что я его барона еще просить буду, чтобъ онъ о свободѣ Кутюріеровой по крайней возможности домогался, то требовать отъ него кардинала точнаго отвѣта что мнѣ должно Вашему Императорскому Величеству доносить о Шетардіевомъ отвѣздѣ.

Вслѣдствіе того я сегодня по утру былъ у кардинала и далъ ему прочесть помянутое мое письмо къ барону фонъ-Кейзерлингу, которымъ онъ весьма былъ доволенъ, признавая въ точныхъ словахъ, что ничего болѣе отъ меня требовать не могъ бы, и что нельзя съ большею чистосердечностію поступать; но притомъ желалъ, чтобъ я подписалъ копію того письма у него оставилъ. Противъ того я просилъ его, чтобъ меня отъ того извинилъ, понеже какъ онъ самъ изволить признать, я, нишучи къ своему товарищу, изъясняю свое мнѣніе въ такихъ откровенныхъ словахъ, которыя я не употребилъ бы, еслибъ письмо мое имѣло служить для врученія ему кардиналу, что въ немъ за сумнительныя почитаю обстоятельства, которыя отъ его польскаго величества министра здѣсь сообщены, а мнѣ неприлично прекословить тому, что по его величества указу представляется, и что еслибъ онъ изволилъ, какъ я самъ предложилъ третьяго дня, мнѣ объявить, что желаетъ съ того моего письма имѣть копію, то оное сочинилъ бы хотя въ той же силѣ, въ другихъ однако терминахъ, и потому никакой трудности оное у него оставить не имѣлъ бы.

Кромѣ сихъ резонновъ, для которыхъ я ту копію ему кардиналу оставить неприлично чаялъ, важнѣйшій мой резонъ, который предъ нимъ умолчалъ, есть тотъ, что въ опомъ письмѣ упоминается о фактумѣ цесарскомъ, который сумнѣваться не оставляетъ, что убійцы Синклеровы были русскіе офнцеры, и что я убѣждать хотѣлъ всякое хоть малѣйшее слово, которое другихъ дворовъ касаться можетъ.

Кардиналъ на то отвѣтствовалъ, что онъ учиненнымъ отъ меня поступкомъ совсѣмъ доволенъ, и совершенно увѣренъ, что показанное письмо отъ меня къ вашему полномочному министру отправлено; но нужно де ему имѣть что ни есть королю показать, и для того понеже съ того письма копію оставить у него неприлично чаю, то просить меня, чтобъ я къ нему кардиналу прислалъ при письмѣ своемъ экстрактъ изъ того письма, изъ котораго его французское величество могъ бы усмотрѣть, что я стараюсь о освобожденіи Кутюріеровомъ. Оное я исполнить обѣщался и пменно ему показалъ пасажи письма, которые въ экстрактѣ вне-

сены будутъ, и которыми онъ удовольствовался. Онаго экстракта копія при семъ приложена будетъ, какъ и копія съ письма къ кардиналу.

Письмо то къ кардиналу сочинено съ согласія цесарскихъ министровъ, и общимъ совѣтомъ уважены содержаніе и термины онаго.

Резоны, которые меня склонили и цесарскимъ министрамъ важными казались, чтобъ въ семъ кардинала удовольствовать, суть слѣдующіе; 1-е, пассажи моего письма согласны Вашего Императорскаго Величества деклараціи, которой освобожденіе Кутюріерова есть сродное слѣдствіе. 2-е, отъѣздъ Шетардіевъ отъ того зависить, и буде при долгомъ его медленіи наружу выйдетъ онаго причина, подастся поводъ заключать, что межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и королемъ разгласіе возобновилось, которое несходство, кажется, должно предупредить всѣми приличными способами.

Потому низжайше уповаю, что Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше апробуетъ сей мой поступокъ, на который указу отъ Вашего Величества требовать и ожидать время не позволяло.

Кардиналъ еще при семъ повторилъ, что ни малѣйшаго сумнѣнія никто здѣсь не имѣетъ, что Ваше Императорское Величество персонально ни извѣстія, ни участія не имѣетъ въ убійствѣ Синклеровомъ, и притомъ прибавилъ, что для самаго охраненія высочайшей вашей чести нужно, чтобъ Французъ Кутюріеръ былъ сохраненъ въ цѣлости и со всякою безопасностію отпущенъ былъ въ отечество; и объ ономъ, что точно будетъ исполнено, я его кардинала просилъ ни мало не сумнѣваться.

Напоследокъ я требовалъ отъ него вѣдать, что вслѣдствіе учиненныхъ отъ меня поступковъ изволитъ опредѣлить о Шетардіевомъ отъѣздѣ; обнадежилъ меня, что какъ скоро получить и королю покажетъ вышепомянутое мое къ нему письмо съ экстрактомъ, прикажетъ немедленно Шетардію въ путь свой отправиться.

Онъ Шетарди послѣ меня къ нему кардиналу вошелъ и по выходѣ далъ мнѣ знать, что кардиналъ мною и письмомъ моимъ весьма доволенъ и сказалъ ему, что здѣсь не имѣетъ остановиться развѣ дней на шесть; что послѣ завтра возвратится изъ Версали (куда сегодня отъѣзжаетъ, и куда ему являться не совѣтуетъ, понеже отъ короля уже отпускъ свой имѣлъ) дастъ ему подлинный приказъ объ отъѣздѣ.

Потому въ малые дни усмотрѣть будетъ можно, исполнить ли онъ кардиналъ свои обѣщанія, которымъ уже я довѣрять не смѣю. То извѣстно, что корабль съ экипажемъ посольскимъ давно изъ Руана въ море пустился, и съ моей стороны предупреждены всѣ причины и претексты къ жалобамъ, какъ самъ кардиналъ и мнѣ, и Шетардію, и цесарскимъ министрамъ объявилъ. По меньшей мѣрѣ, если и теперь слово свое не додержитъ, никакого извиненія имѣть не можетъ.

Отъ состоянія нынѣшнихъ околичностей Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше признать изволитъ, что я съ здѣшними министрами о другихъ дѣлахъ говорить не много времени имѣлъ, да и случай къ тому не былъ приличный. Въ двухъ только словахъ я статскому секретарю далъ знать, что отъ Вашего Императорскаго Величества давно ко мнѣ указъ былъ присланъ, сообщить о проѣздѣ вашихъ войскъ сквозь Польшу, который указъ будучи утраченъ въ дорогѣ, не знаю того дѣла обстоятельства, а отъ него я увѣдалъ, что отъ Вилленева, послѣ 20-го мая, никакихъ писемъ не получали. Кардиналъ же вчерась цесарскимъ министрамъ далъ знать, что получены отъ него Вилленева письма отъ 16-го іюня, въ которыхъ только примѣтнаго, что онъ дѣйствительно изъ Константинополя къ войску турецкому отбѣжалъ, и что морскихъ державъ послы всевозможные подвиги чинять о допускѣ своемъ къ медицип. Съ оныхъ писемъ копии надѣюся впредь намъ сообщены будутъ.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ только имѣю всенжайше донести, что ратификаціи здѣшнія на акцептацію Вашего Императорскаго Величества акцесіи къ Вѣнскому трактату отправлены отсюда 31-го іюля, и что сколько до сѣхъ поръ провѣдать было можно, въ Тулонѣ вооружается нѣсколько малыхъ фрегатовъ.

Графъ Тессинъ прибылъ сюда на сѣхъ дняхъ: до сѣхъ поръ еще никакого движенія себѣ не даетъ и съ кардиналомъ не выдался, будучи за болѣзнію своихъ глазъ изъ дому пепсходеть.

За симъ препоручаю себи въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенжайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антиохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Августа 8-го (іюля 28-го дня) 1739.

Копія съ письма князя Кантемира къ барону Кейзерлингу, отъ 6-го августа 1739 года.

Je viens de communiquer aujourd'hui à M-r le Cardinal de Fleury la déclaration de l'Impératrice, notre gracieuse Souveraine, sur l'assassinat de Sinckler, datée du 3-me Juillet. Comme indubitablement vous en avez reçu une pareille, je ne vous en fais point de détail. Elle était plus que suffisante à convaincre tout le monde, que notre cour n'avoit jamais donné des ordres pour une action si noire. Mais M-r le Cardinal est cependant persuadé que ce sont deux officiers Russes qui l'ont commis. Un factum envoyé ici de la cour de Vienne, où est marqué positivement cette circonstance, ne laisse pas lieu d'en douter. Comme cette affaire ne regarde la cour de France qu'indirectement, elle se contente de la désapprouver sans pourtant en faire des plaintes. M-r le Cardinal m'a témoigné son mécontentement sur un autre sujet, qui est l'emprisonnement d'un certain Français qui accompagnoit Sinckler dans son voyage, nommé Couturier lequel, selon que M-r de Brais secrétaire de Saxe a déclaré ici par ordre du Roi de Pologne, après avoir été relâché par les officiers qui ont tué Sinckler, avoit été de rechef arrêté et mis en prison où il se trouve actuellement, et cela à Votre requisition où à celle de M-r Golimbowsky. Son Eminence m'en a fait des plaintes très vives, en me déclarant que le Roi ne sauroit prendre une telle demarche que comme une insulte faite à la nation française, et qu'en consequence Sa Majesté a trouvé à propos de differer le depart de son Ambassadeur pour notre cour, qui étoit sur le point de se mettre en chemin. Comme cette affaire étoit pour moi tout à fait nouvelle n'en ayant des informations ni de Vous ni d'autre part, je n'ai pu répondre rien de positif sur les circonstances; mais j'ai fait mon possible pour prouver à Son Eminence l'un des deux, ou que l'emprisonnement du dit Couturier est inventé, ou que s'il avoit lieu, Vous ne l'auriez demandé que pour vous assurer de la seule personne qui est capable de donner quelques lumières d'un fait aussi obscur que l'assassinat de M-r Sinckler, et de tacher à decouvrir s'il est possible par son moyen les auteurs de cet assassinat. Le temps ne me permet pas de vous communiquer tout au long mon raisonnement: je me reserve à vous envoyer par la première poste un extrait de ma relation. Vous pouver, Monsieur, en attendant juger par les expressions de M-r le Cardinal de quelle manière il a pris cet emprisonnement, et le retard de l'ambassade fait voir les suites, aux quelles ou doit s'attendre.

Les interets de notre très gracieuse souveraine exigent cependant de les prevenir: et c'est pour cela que je prends la liberté de vous supplier, Monsieur, 1-re: de m'instruire en détail de la manière dont l'affaire c'est passée, si réelement cela n'est pas une fable, afin que je puisse donner de bonnes raisons à M-r le Cardinal si le fait existe, ou l'en desabuser s'il n'existe pas. 2-e. Si vous avez requis l'emprisonnement de M-r Couturier pour la fin que je m'imagine et que j'ai indiquée ci-dessus; j'espère que le but est obtenu jusqu'à cette heure; par conséquent S. M. Imperiale ne sauroit désapprouver si vous vous employer à faire élargir le dit sieur Couturier, outre qu'il ne paroît point nécessaire qu'il soit détenu dans un cachot comme on l'a dit à M-r le Cardinal s'il n'est pas criminel. 3-e. s'il l'ut et qu'il est arreté sans votre requisition par ordre de S. M. Polonoise, et pour des raisons qui ne regardent point ni l'assassinat de M-r Sinckler, ni autre affaire qui ait raport à notre cour: vous aurez la bonté de m'en envoyer des preuves pour en convaincre &.

Au Cardinal.

Monseigneur!

En consequence de ma promesse, j'ai l'honneur d'envoyer à votre Eminence ci joint un extrait de ma lettre à M-r le Baron de Keyserling. Elle est parti pour Dresde vendredi matin, et je me flatte qu'elle aura l'effet que votre Eminence desire, si M-r le Baron ne m'a déjà prevenu. Je supplie votre Eminence de me nommer le jour que je pourrai avoir l'honneur de lui faire ma Cour à Spyc. En attendant j'ai celui d'être avec tout le respect possible &.

XXIX.

По титулѣ.

Въ послѣдней моей я всенижайше доносилъ о полученіи всемплоствѣйшаго Вашего Императорскаго Величества рескрипта отъ 11-го августа, подъ № 46, при которомъ приложены: письмо къ кардиналу де-Флерію, копія съ онаго, копія съ письма графа Сипцендорфа къ маркизу Вилленеву, цесарскій мирный планъ, экстрактъ изъ письма Амелотова, копія съ двухъ Вашего Императорскаго Величества рескриптовъ къ генералу-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху о Синклеровомъ дѣлѣ, копія съ двухъ грамотъ Вашихъ къ королю Польскому, и королевскій отвѣтъ къ Вашему Величеству и реляція печатная на нѣмецкомъ и русскомъ языкѣ о акціи при Синковцѣ.

Въ всенижайшій отвѣтъ на оный Вашего Императорскаго Величества рескриптъ только имѣю донести:

1) Что приложение, присланное при ономъ подъ номеромъ 5-мъ, а именно экстрактъ изъ письма Амелотова, ни отъ него, ни отъ цесарскихъ министровъ мнѣ не сообщенъ; потому объ томъ упоминать имъ не стану, а причину того несообщенія легко усмотрѣть можно, разсуждая содержаніе письма, въ которомъ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчаетъ, не чрезвычайно великая горячность къ интересамъ вашимъ показывается; Ваше Императорское Величество въ свое время изъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій усмотрѣть изволили, что статскій секретарь и въ разговорахъ со мною почти тѣ же экспрессіи употреблялъ, находя не малое затрудненіе въ томъ, что Кинбурнъ и Очаковъ, не ревокуя представленныхъ тогда кондицій, разорены, и всѣ противъ того такъ словесно отъ меня, какъ и сильнымъ основаніемъ показанные резоны и изъясненія въ слѣдующихъ потомъ письмахъ вашего перваго кабинетнаго министра графа Андрея Ивановича Остермана оное его мнѣніе отмѣнить не были сплыны; понеже трудно удостовѣрять о чемъ того, кто не ищетъ быть удостовѣреннымъ, но съ другой стороны—желательно бы было, чтобъ цесарскій дворъ въ изъясненіи того пункта отъ вашихъ экспрессій не удалялся, чтобъ здѣшніа объекціи тѣмъ сильнѣе не становились. Ваше Императорское Величество ниже сего всемилостивѣйше усмотритъ и самаго кардинала повторенный совѣтъ о согласномъ во всемъ поступкѣ двухъ высокихъ союзниковъ. 2) О учиненномъ письменномъ отвѣтѣ отъ Вѣнскаго двора морскимъ державамъ о ихъ медиации мнѣ только вкратцѣ дано знать отъ Вашего Императорскаго Величества чрезвычайнаго посланника господина Ланчинскаго, а самый отвѣтъ на писмѣ я не вдалъ, но каковъ онъ бы ни былъ, понеже Ваше Величество не заблагоразсуждаетъ вступать въ дальное толкованіе о семъ дѣлѣ, я къ здѣшнимъ министрамъ о томъ отзываться не стану, пока сами поводъ не подадутъ, толь заппаче, что учиненный отъ васъ министрамъ морскихъ державъ словесный отвѣтъ сходенъ съ самою кардинальскою рефлексією, которую всемилостивѣйше усмотрѣть изволили изъ покорнѣйшей моей реляціи отъ 19-го іюля.

Вслѣдствіе же онаго высочайшаго указу я третьяго дня статскому секретарю Амелоту сообщилъ всѣ вышепомянутыя приложения, кромѣ грамоты короля Польскаго.

Сію для того удержалъ, что въ ней упоминается о причиненныхъ

ваши́мъ войско́мъ въ Польшѣ обидахъ, и что не трудно изъ ней усмотрѣть, что буде его польское величество проѣздь тѣхъ вашихъ войскъ съвозъ Польшу не позволилъ, однакожь оному не гораздо противился; два обстоятельства, которыя полезнѣе здѣсь угаать, а наипаче послѣднее, дабы не употребили тотъ способъ къ приумноженію недовольства Поляковъ противной стороны.

Не возможно будучи Амелоту въ то время всѣ тѣ письма прочитать, я не могъ съ нимъ долгій разговоръ имѣть, понеже предъидущее объ нихъ извѣстіе было нужно; довольствовался я ему вкратцѣ оныхъ содержаніе исчислить и особливо подтвердить, что отправленіе эмисара Вашего Императорскаго Величества учинено по самому предложенію Вилленевову, и что ему, кромѣ воли того французскаго посла, никакой инструкціи не дано. Разсуждая крайнее здѣшнее деликатство и удобность къ подозрѣнію, тѣ внушенія весьма нужны.

Притомъ же я требовалъ отъ него извѣстіе о прогресахъ Вилленевовыхъ въ негоціаціи по прибытіи генерала Неуберга къ войску турецкому. На сіе только въ отвѣтъ получилъ, что Вилленевъ ни о чемъ еще доносить не въ состояніи, понеже будучи помянутому генералу отъ визиря представлено, что цесарь Бѣлградъ уступилъ, и онъ, не имѣя на то довольныхъ инструкцій, негоціація продолжаться не могла.

При отпускѣ послѣднихъ Вилленевовыхъ писемъ, по его жъ Амелотовымъ словамъ, получилъ онъ Вашего Императорскаго Величества ультиматумъ, отправленный съ Каньонемъ, которымъ особливо хвалится; но ничего не упоминаетъ, что съ тѣмъ ультиматумомъ потомъ учинено. Въ семъ послѣднемъ ниже сего различіе усмотрится въ словахъ кардинальскихъ.

Къ нему кардиналу сегодня по его желанію я ѣздилъ обѣдать въ Марли, гдѣ отъ него принять съ многою ласкою и учтивостію. При врученіи надлежащаго ему письма я именемъ Вашего Императорскаго Величества его обнадежилъ о особливой вашей къ нему естимѣ и о вашей благонадежности на его праводушіе. Всѣ піесы, врученныя отъ меня Амелоту, уже ему были сообщены. Письмо онъ прочелъ съ прилежаніемъ, и комплиментъ съ стороны Вашего Императорскаго Величества принялъ съ крайнимъ благодарствомъ. По прочтеніи письма сказалъ мнѣ, что всего прежде долженъ меня увѣдомить, что Константинополь наполненъ шпіонами; и я, спросивъ его, отъ кого они посланы и къ какому намѣренію, отвѣтствовалъ онъ, что онъ ни одно, ни другое не знаетъ. Я не могу

разумѣть къ какому намѣренію то внушеніе отъ него учинено. ни къ чему оное пользоваться можетъ. Потомъ разговоръ со мною продолжалъ близъ съ получаса, который столь межъ собою не связень, что трудно порядочно описать. Изъ всего я разобрать могъ:

1-е. Что онъ доволенъ Вашего Императорскаго Величества послѣдними изъясненіями, посланными къ Вилленеву.

2-е. Что хотя признаетъ равномѣрность поступковъ вашихъ, однакоже забыть не можетъ, что Кинбурнъ и Очаковъ общанъ былъ Портѣ.

3-е. Что не хвалить частыя учивенныя отъ цесарскаго двора въ кондиціяхъ отмѣны, понеже де ничего столько не вредно благопослѣженію негоціаціи, которое тѣмъ еще предосудительнѣе, что до сѣхъ поръ два высочайшіе союзника никогда къ Вилленеву вдругъ кондиціи свои не отправляли, но то одинъ, то другой сепаратно свои посылалъ, такъ что если де онъ Вилленевъ не былъ особливаго благоразсудства человекъ, могли бы отъ того воспослѣдствовать многія замѣшательства.

4-е. Что онъ признаваетъ цесарское состояніе весьма слабымъ, и въ конфиденцію де сказать — примѣчаетъ, что его императорское Величество министерство не со всею должною ревностію служить и иногда чрезъ мѣру высоко, иногда чрезъ мѣру мягко поступаетъ: самыя экспрессіи, которыя Ваше Величество употребляетъ въ своемъ рескриптѣ отъ 4-го августа.

5-е. Что по такому Его Императорскаго Величества состоянію не должно бы Вѣнскому двору миръ останавливать для малыхъ авантажей и питать себя напрасною надеждою, но однажды за все принять резолюцію уставить свои кондиціи, каковы сходны тому своему состоянію.

6-е. Что негоціаціи, по его мнѣнію, до сихъ поръ не могла имѣть многіе прогрессы, понеже Вилленевъ до сихъ поръ былъ только носитель взаимныхъ кондицій, безъ всякой полной мочи.

7-е. Что онъ еще мира не отчаевается, если на мѣсяць только Бѣлградъ осаду выдержитъ, понеже тогда азіатскія турецкія войска принудятъ великаго взира намѣреніе свое отставить.

8-е. Что онъ признаетъ отъ обѣихъ дворовъ предлагаемыя кондиціи Портѣ таковы, что на оныхъ заключенный трактатъ имѣетъ быть ей довольно честенъ, и великій визиръ буде оны откинетъ, то равно погрѣшитъ какъ цесарскій дворъ, отмѣняя свой ултиматумъ.

тумъ, понеже какъ выше упомянулъ— не должно питать себя тщетными надеждами и лучше держаться того, что въ рукахъ кто имѣетъ.

Я, оставляя на сторону то, что касается цесарскаго министерства, нужно только чаялъ ему изъяснить причины разоренія Кинбурна, напоминая ему содержаніе о томъ писемъ вышепомянутаго вашего кабинетнаго министра, и что Ваше Императорское Величество сами предосудительнымъ признаваешь сепаратныя къ Вилленеву экспедиціи и часто Вѣпскому двору совѣтовали въ оныхъ не поспѣшать, какъ и къ нему кардиналу въ одномъ частопомянутаго вашего кабинетнаго министра писемъ изображено; что впрочемъ если онъ кардиналъ изволилъ разсмотрѣть отправленныя къ Вилленеву отъ двора Вашего Императорскаго Величества письма и проектъ дефинитивнаго трактата, изволилъ признать, что онъ весьма довольно уполномоченъ, и что потому, какъ и разсуждая умѣренность вашихъ требованій, которыя всегда равномерныя были, если Порты истинное желаніе къ миру имѣетъ, за вами заключеніе онаго остановиться не можетъ.

Оное г-нъ кардиналъ истинно быть призналъ и притомъ далъ мнѣ знать, что Вилленевъ по полученіи ультиматума вашего оной великому визирю сообщилъ, который турецкій министръ на артикулъ, въ которомъ дозволяется Портѣ вмѣсто Азова на Кубани городъ построить, сказалъ, что сія новая кондція нѣсколько въ себѣ важна (*c'est encore quelque chose*). Кромѣ же того, ни о отправленіи эмисара, ни о состояніи пегоціаціи Вилленевой и Нейберговой онъ кардиналъ ничего болѣе не разсуждалъ.

Между прочимъ разговоромъ слово случай мнѣ подалъ обстоятельно ему припомнить многолѣтныя нападенія Татаръ на Вашего Императорскаго Величества границы, которыя къ войнѣ причину подали; многіе въ той войнѣ труды и издержки, которой одно намѣреніе будущая безопасность отъ сохраненія Азова зависить; а потомъ постороннимъ образомъ, какъ бы не указомъ вашимъ, по собою его удостовѣрилъ, что буде онъ какое средство къ доставленію того безопаства находить, я не сумнѣваюсь, что Ваше Императорское Величество съ благодарствомъ приметъ его совѣты. На то онъ кардиналъ отвѣтствовалъ, что лучший совѣтъ, который онъ дать можетъ, есть тотъ, о которомъ онъ прежде упоминалъ, сирѣчь, что два союзническіе двора ничего безъ взаимнаго согласія не чинили, чтобъ съ общаго согласія учредивъ свои кондціи, оныхъ держались; что никогда ничего не предлагали, развѣ оба вмѣстѣ; а впрочемъ де онъ въ послѣднемъ своемъ къ великому визирю

письмѣ (я чаю—о томъ разумѣть, которое еъ бывшему визирю послано) съ горячностію цесарскіе и ваши кондиціи выхваляя, съ тѣхъ поръ Вилленевъ Портѣ стался подозрителенъ.

О грамотахъ Вашего Императорскаго Величества еъ королю Польскому ничего не разсуждалъ, кромѣ того, что онъ удивляется, что Вашего Императорскаго Величества войска такъ поздно резолюцію приняли съвозъ Польшу идти; и я противъ того отвѣтствовалъ, что причиною тому было учиненный отъ Поляковъ шумъ и намѣреніе конфедераціи, которое самому королю опасно становилось; онъ кардиналь сказалъ, что все то только былъ слухъ неосновательный, и что не должно было на тотъ шумъ смотрѣть, попеже Поляки противиться не въ состояніи. Не знаю, какъ сіи рѣчи согласить съ тѣмъ, что я изъ его устъ въ Компіенѣ слышалъ.

О Синклеровомъ убійствѣ. Отправленные еъ Вашего Императорскаго Величества фельдмаршалу графу фонъ-Минпку указы весьма ухваляя, подтверждая при томъ, что Вашего Величества высокія добродѣтели столь извѣстны, что никому здѣсь въ умъ не всходитъ убійство Синклерово вамъ приписать, но еще сумнѣваться трудно, что хоть безъ вашего извѣстія, но чрезъ вашихъ людей то убійство учинено. Противъ чего я еще его удостовѣрилъ, что Ваше Императорское Величество всѣми возможными силами въ доисканіи тѣхъ убійцевъ старается.

За сообщенныя реляціи о дѣйствахъ вашихъ войскъ кардиналь мнѣ благодарилъ, и еще сверхъ того, поздравлялъ меня взятіемъ Хотина, о которомъ еъ нему пишутъ изъ Вѣны, и которое онъ почитаетъ хорошимъ способомъ еъ послѣшенію мира. Я въ сейчасъ изъ Вѣны письмо получаю, въ которомъ о семъ авантажѣ не упоминается.

Отъ здѣшнихъ дѣлъ ничего примѣтнаго доносить не имѣю. Частые совѣты министровъ французскихъ причину даютъ думать, что дѣла здѣсь въ ферментации, и что тому поводъ аглинская война. О чинимомъ въ портахъ здѣшнихъ вооруженіи Ваше Императорское Величество изъ предыдущихъ моихъ усмотрить, которыя настоящею подтверждаю. И за тѣмъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Антіохъ Кантемпръ.

Изъ Парпжа. Сентября 17/6 1739.

XXX.

Въ реляціи камергера князя Кантемира изъ Фонтенебло отъ 22/11 октября 1739 г. написано:

Смотря по нынѣшнему состоянію обстоятельствъ, я причину имѣю ожидать, что г-нъ кардиналъ возможныя домогательства учинить для отвращенія войны въ сѣверѣ, ибо теперь Ваше Императорское Величество свободныя руки имѣя, Швеція ни себѣ, ни здѣшнимъ интересамъ тою войною никакую пользу учинить не можетъ: еслибъ миръ вашъ съ Портою не воспослѣдовалъ послѣ заключенія цесарскаго, противное ожидать бы было должно, по общему всѣхъ здѣсь благоразсудныхъ мнѣнію, какъ всенижайше доносилъ въ покорнѣйшей своей реляціи подъ № 84 отъ 27-го сентября.

Для той же причины я еще однажды съ кардиналомъ о сихъ дѣлахъ поговорю, для полученія позитивнѣйшаго отвѣту, а потомъ уже болѣе отзываться не стану, оставляя цесарскимъ министрамъ обѣщаніе свое исполнить, чего до сихъ поръ имъ учинить не удалось.

XXXI.

Въ реляціи его же князя Кантемира изъ Парижа отъ $\frac{11\text{-го декабра}}{30\text{-го ноябра}}$ 1739 года, написано:

Чрезъ послѣднюю почту я имѣлъ честь получить два Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшіе рескрипты, подъ № 64 и 65-мъ; оба отъ 3-го ноября съ приложенными при нихъ копіями: съ ратификаціи на конвенцію о рубежахъ, съ письма, отправленнаго съ тою ратификаціею къ маркизу де-Вилленеву, и съ другихъ шести писемъ, принадлежащихъ къ Спиклерову дѣлу.

По онымъ Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ указомъ я немедленно всѣ вышепомянутыя копіи кардиналу сообщилъ, и сколько турецкихъ дѣлъ касается при изъясненіи причины, для которой Ваше Императорское Величество не только нужно чаяли конвенцію ратификовать, но и оную ратификацію безъ замедленія отправить, просилъ его, чтобъ соизволилъ подтвердить маркизу Вилленеву королевскій указъ, дабы въ довершеніи мирнаго дѣла отнятіемъ оставшихся малыхъ затрудненій прилежное
II отдѣлъ.

старательство приложилъ, которое свое прошеніе я препроводилъ повторительнымъ обнадеживаніемъ Вашего Императорскаго Величества благодарства и благонадежности вашей на него кардинала, къ которому особливое почтеніе. всегда сохранить имѣете.

На то г. кардиналь мнѣ отвѣтствовалъ, что прежде сообщенныя отъ меня къ Вилленеву отправленныя письма и инструкціи онъ высмотрѣлъ и сегодня высмотрѣть не оставитъ; что онъ въ тѣхъ прежнихъ піесахъ подлинно великихъ затрудненій не находитъ, что Ваше Императорское Величество крѣпко можете надѣяться, что г-нъ Вилленевъ крайне прилежать будетъ, чтобъ все по вашему желанію было исполнено, о чемъ де къ нему Вилленеву не однажды уже отсюда писано. Потомъ повторилъ мнѣ, что помянутый посолъ человекъ честный и принятую на себя должность подлинно безъ всякой хитрости отправитъ, въ чемъ онъ кардиналь за него отвѣтствуетъ столь напаче, что если бы маркизь Вилленевъ и не былъ такого характера, данныя ему отъ короля инструкціи онъ пріступитъ не посмѣетъ; а что оныя инструкціи съ Его Величества къ Вашему Императорскому Величеству дружбою и перенятою на себя медиациею согласны, такъ Ваше Императорское Величество, какъ и весь свѣтъ, въ свое время будетъ удостовѣренъ, хотя до сихъ поръ злбные люди старались такъ Вашему Императорскому Величеству, какъ и цесарскому двору, здѣшніе поступки учинить подозрительнымъ, лукаво внушая, будто оный маркизь Вилленевъ старался заключеніе мира отдалять.

Противъ того я г-пу кардиналу предложилъ, что изъ писемъ Вашего Императорскаго Величества къ королю и къ нему онъ извоилъ усмотрѣть удовольствіе Вашего Императорскаго Величества поступками часто помянутаго посла, какъ и благодарство Ваше, а Вы своими чрезъ все время сей негоціаціи оказали, съ какою совершенною откровенностію и благонадежностію интересы свои его королевскому величеству препоручили, отъ чего свободно заключать можетъ, что всѣ разсѣянныя въ печатныхъ, а напаче въ письменныхъ вѣдомостяхъ предосудительныя разсужденія при Вашемъ Величествѣ никакой удачи не имѣли, и тому никакъ бы быть нельзя, разсуждая, что Вашему Императорскому Величеству королевскій и его кардинала характеръ извѣстенъ, что впрочемъ злбнымъ людямъ рта затворить не можно, и ихъ нареканія маркизу Вилленеву вредить не могутъ, понеже если бы другихъ доказательствъ его доброй вѣры не имѣлось, заключеніе вашего мира, въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, о его честности засвидѣтельствуетъ; и для

того Ваше Императорское Величество не сумнѣвается, что онъ и оставшееся съ такою же ревностію довершить не преминетъ. Тѣми моими словами кардиналь казался гораздо доволенъ и заключилъ разговоръ свой о сей матеріи извиненіемъ, что на вашу къ нему грамоту до сихъ поръ не отвѣтствовалъ, понеже, будучи въ Версалии, никогда ни малаго покоя не имѣетъ, а что на сихъ дняхъ поѣдетъ въ Исси и тотчасъ не оставитъ Вашему Императорскому Величеству пристойно благодарить за показанное къ нему отмѣнное снисхожденіе.

О Синклеровомъ дѣлѣ. Принадлежащія къ Синклерову дѣлу письма, понеже онъ не имѣлъ времени при мнѣ разобрать, я ему подробно описалъ и ясно далъ выразумѣть, что Вашего Императорскаго Величества генераль-поручикъ фонъ-Спигель до оправданіе свое къ двору вашему доносилъ противу нареканій содержимаго въ Бастилии колодника, который никогда въ Вашего Императорскаго Величества службѣ не бывалъ, какъ безсумнительными доказательствами засвидѣтельствовано будетъ; и (при томъ я ему объявилъ, что всѣ вышепомянутыя піесы въ оригиналь сообщены обрѣтаемому при вашемъ дворѣ шведскому министру Нолкену; что мнѣ тѣ же копіи повелѣно сообщить же барону Флемпигу и графу Тессигу и съ ними учинить общее дѣло, дабы чрезъ совокупныя домогательства при его королевскомъ величествѣ доставить, чтобъ его величество повелѣлъ прилежно помянутаго колодника о Синклеровомъ убійствѣ допросить и всевозможныя старательства приложить для сысканія и прочихъ убійцевъ, къ чему уже изрядный способъ имѣется, понеже частопомянутый колодникъ самъ во убійствѣ признается, какъ изъ его самаго письма къ генералу Спигелю явно; заключилъ я горячимъ прошеніемъ, чтобъ опъ г. кардиналь изволилъ указать немедленно частопомянутыя письма рассмотреть; колодника прилежно беречь дабы не могъ убѣжать, и между тѣмъ всѣ потребныя къ изъясненію сего важнаго дѣла поступки учинить, которыми особливо Ваше Императорское Величество обяжетъ.

Г-нъ кардиналь отчасти удивился, слыша о содержаніи вышепомянутыхъ піесовъ, и мнѣ на мой предложеніи отвѣтствовалъ, что до сихъ поръ колодника за болѣзнію полицмейстера допросить было не можно; что въ прежнихъ допросахъ опый колодникъ своими отвѣтами показалъ, что онъ плутъ ремесломъ; по что сообщенныя отъ меня письма служить будутъ къ лучшему изслѣдованію истины, и что Ваше Императорское Величество можетъ быть

благонадежна, что здѣсь не оставлено будетъ всевозможныя старательства приложить для изысканія прочихъ убійцевъ и для изслѣдованія сего дѣла безпристрастно. При томъ спросилъ меня, говорилъ ли я о семъ шведскимъ министрамъ? На что я ему отвѣтствовалъ самую истину, что еще и до получения высочайшаго вашего указа двояды нарочно ѣздилъ къ графу Тессину, чтобъ съ нимъ о семъ согласится и учинить общее дѣло, но однажды дома не засталъ, а въ другорядъ присутствіе посла голландскаго намъ помѣшало; что потомъ болѣзнь меня въ домѣ слишкомъ недѣлю задержала, а сегодня предъ входомъ къ нему кардиналу я о всемъ сообщилъ барону Флемингу и по указу Вашего Императорскаго Величества его барона просилъ, чтобъ онъ и графъ Тессинъ изволили обще со мною при французскомъ министерствѣ домогаться, чтобъ колодника допросить и все сіе дѣло чрезъ него прилежно изслѣдовать для открытія истинны, удостовѣривъ его о Вашего Императорскаго Величества истинномъ намѣреніи о изысканіи убійцевъ и обѣщавъ ему всѣ ко мнѣ присланныя и къ оному дѣлу принадлежащія письма сообщить, какъ уже Нолкену при вашемъ дворѣ сообщены. Г-нъ кардиналъ всѣ тѣ учиненныя отъ меня поступки похвалплъ и обнадежилъ меня, что въ малые дни колодникъ будетъ допрошенъ, и съ тѣмъ матерію сію кончилъ.

По выходѣ отъ него я допущенъ бывъ къ королевской аудіенціи, подалъ Его Величеству грамоту Вашего Императорскаго Величества съ пристойнымъ комплиментомъ по содержанію оныя, котораго при семъ прилагаю копію. Его королевское величество по своему обыменовенію на оный комплиментъ ничего не отвѣтствовалъ, а вмѣсто того кардиналъ, къ крайнему моему удивленію, адресовался къ королю и сказалъ его величеству, что я того утра сообщилъ ему, по указу Вашего Императорскаго Величества многія письма, принадлежащія къ Спиклерову дѣлу, изъ которыхъ де оказывается, что ваши люди въ томъ убивствѣ участія никакого не имѣли, и что Ваше Императорское Величество мнѣ повелѣли не только короля просить, чтобъ изволилъ арестованнаго въ Руанѣ челоуѣка допросить и чрезъ него по крайней возможности убійцовъ приискывать, но и учинить въ моихъ домогательствахъ общее дѣло съ шведскими министрами; а г-нъ Амелотъ къ тому прибавилъ, что того же утра баронъ Флемингъ ему объявилъ, что уже отъ меня при томъ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ указъ исполненъ. Я тогда, самъ его королевскому величеству все вышешисанное подтвердивъ, удостовѣрилъ его величество, что вы крайне желаете, чтобъ сего

мерзкаго дѣла и авторовъ, и обстоятельства открытъ; что понеже его величество въ рукахъ способъ имѣеть, прилежно его просите, чтобъ изволилъ указать беззамѣденія колодника допросить, и что впрочемъ я надежно могу его величество обнадежить, что онъ колодникъ никогда къ Вашему Императорскому Величеству не принадлежалъ; противъ чего г-нъ Амелотъ отозвался, что король уже указалъ колодника допросить, и полицмейстеръ Геро немедленно процесъ ему начнетъ; и съ тѣмъ я отъ короля отпущень, который во все то время ничего говорить не изволилъ.

Въ подобныхъ аудіенціяхъ никогда обыкновенія не бывало о дѣлахъ говорить, и я не могу понять, въ какомъ намѣреніи кардиналъ о семъ отозвался; можетъ быть, то учинилъ, для предупрежденія шведскихъ жалобъ, если впредь чрезъ допросъ колодниковъ явится, что Вашего Императорскаго Величества люди въ убивствѣ участія не имѣютъ; или мнѣ хотѣлъ доказать, что онъ о всѣхъ моихъ представленіяхъ королю доноситъ; какова ни будетъ причина его поступку, отъ всего происшедшаго должно ожидать, что сіе дѣло немедленно съ прилежаніемъ будетъ изслѣдовано, а съ моей стороны Вашего Императорскаго Величества высочайшій указъ столь легче исполнять, что по счастью нужды не имѣю стараться о проискѣ убійцовъ, понеже какъ изъ прежнихъ моихъ покорнѣйшихъ реляцій, такъ изъ вышеписаннаго явно, что одинъ изъ нихъ недавно здѣсь пойманъ и дѣйствительно подъ арестомъ содержится.

Что же принадлежитъ до сообщенія писемъ шведскимъ министрамъ, время меня не допустило ту должность свою исполнить, а завтра то учинить не оставлю.

О обоихъ сихъ дѣлахъ, то есть, о пегоціаціи турецкой и о Спиклеровомъ, я не оставилъ и статскому секретарю Амелоту подобныя жъ, какъ и кардиналу, предложенія учинить, отъ котораго таковоже обнадеженъ, что въ Вилленеву вслѣдствіе Вашего Императорскаго Величества требованій, какъ уже до сихъ поръ указы отправлены, такъ и впредь повторены будутъ, и что въ допросѣ колодника и въ изслѣдованіи Спиклерова убивства безъ замедленія и съ прилежностію поступлено будетъ, для чего намѣренъ былъ полицмейстеръ послать сообщенія отъ меня кардиналу писемъ.

Вашего Императорскаго Величества всеплостивѣйшія разсужденія о обстоятельствахъ, съ которыми найденыя при Спиклерѣ письма въ Гамбургъ на почтѣ оставлены, столь правы и собою ясны, что могли бы всякаго легко увѣрить, что тѣ, которые убивство учини-

нили, оное какъ безъ всякаго менажированія производили, такъ нарочно стараются всё онаго обстоятельства наипаче открыть, и потому должно чаять, что то дѣло для возмущенія сѣвера самыхъ зломысленныхъ Шведовъ или другого кого произведено, но со всѣмъ тѣмъ я вашимъ интересамъ полезнѣе призналъ объ оныхъ разсужденіяхъ министерству здѣшнему не упоминать, понеже вѣдая, сколь легко по своему деликатству изъ всего къ неудовольствию причину берутъ, опасаясь, чтобъ не почаяли, что на нихъ подозрительство сваливается, и тотъ мой поступокъ столь правильнѣе я чаю, что имѣя вскорѣ учиненъ быть помянутому колоднику допросъ, изъ того мѣжетъ быть откроются совѣтники и начальники сего дѣла.

Домогательства мои вслѣдствіе прежнихъ высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества указовъ, служація къ удержанію шведскаго двора отъ своихъ военныхъ замысловъ, много служили къ оказательству Вашего Величества миролюбныхъ намѣреній, и для того больше я употребилъ, когда еще не совсѣмъ былъ надеженъ заключенный межъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и Портою миръ, и когда по письмамъ вашего министра изъ Стокгольма еще не оказывалось, что приготовленія тамошнія престоли; а какъ скоро господина Бестужевъ о противномъ меня увѣдомилъ, и отъ Вѣнскаго двора получено извѣстіе, что Турки начинаютъ исполнять артикулы трактата, я уже вышеупомянутыя домогательства пресѣкъ, довольствуясь подтверждать, когда случай подавался о томъ одномъ, что Ваше Императорское Величество никогда агрессорамъ не будете, которымъ образомъ и впредь поступать буду. А впредь послѣднемъ моемъ свиданіи съ кардиналомъ ему о случившейся въ Швеціи отѣнѣ не оставилъ изъяснить, по счастью, почти въ той же силѣ, какъ Вашего Императорскаго Величества указъ нынѣ мнѣ предписываетъ, онымъ изъясненіемъ довольствоваться буду, повтореніе онаго будучи излишно.

Что же принадлежитъ до удержанія цесарскихъ министровъ отъ предложенія гарантій въ безопасность шведскую, Ваше Императорское Величество изъ предыдущихъ моихъ всемплощевѣйше усмотритъ, что оный поступокъ уже давно ими былъ учиненъ, но столь слегка, что кардиналъ сплу предложенія знатно не понялъ, и по всему чаю, что Ваше Императорское Величество можетъ о семъ дѣлѣ совсѣмъ быть спокойна, ибо если о томъ ему кардиналу впредь упоминать (о томъ) удержимся, то онъ отзываться не станетъ, и такимъ образомъ дѣло собою падеть.

Движенія сардинскихъ войскъ какъ въ самомъ дѣлѣ были весьма не важныя, такъ скоро и пресѣлись; я оныхъ причину всенжайше описалъ въ послѣдней моей покорнѣйшей реляціи, и по оной разсуждать должно, что и впредь отъ времени до времени подобныя смущенія приключатся, ибо споръ о четырехъ Генуетскихъ фьефахъ, неправо чрезъ Вѣнскій трактатъ сардинскому двору уступленныхъ, межъ республикою и королемъ Сардинскимъ продолжается, и дѣйствительно той республики посланникъ здѣсь проситъ, чтобъ чрезъ добрыя офиціи его французскаго величества возвращеніе тѣхъ фьефовъ республикѣ исходатайствовать. Французское министерство много клонится къ пользѣ республики въ семь дѣлѣ, но съ одной стороны его цесарское величество ни малѣйшей воли къ награжденію короля Сардинскаго, еслибъ тѣ фьефы у него убавить, не имѣетъ, а съ другой стороны король Сардинскій безъ полученія эквивалента къ ущербу своихъ областей не поступитъ, и потому чаятельно, что республика убытокъ претерпитъ. Сосѣдство короля Сардинскаго не въ одномъ томъ ей обидно, понеже какъ Ваше Императорское Величество изрядно вѣдаетъ, сардинскій дворъ въ ледахъ весьма плодovitъ; чего та республика съ здѣшней стороны опасаться должна, прямо еще сказать не можно, пбо дѣло кореспондентское еще по сю пору — такая трудная загадка, что рѣшить оную не можно, но всѣ благоразсудные люди примѣчаютъ, что Франція охотно желаетъ продолжать пребываніе своихъ войскъ въ томъ островѣ, который не видно, себѣ ли больше, или Гишпаніи прочитъ.

Сего послѣдняго двора война съ Англіею по самому цесарскихъ министровъ мнѣнію много пользуетъ интересамъ Его Императорскаго Величества, не оставляя королевы Гишпанской времени сардинскому двору способъ о возобновленіи смущенія въ Италіи; и по видному цесарскій дворъ надолго тишину свою сохранить, понеже по отверстіи парламента оказалось, что не только Аглипскій народъ намѣренъ всѣми своими силами войну ту производить, но обѣ парламентскія каморы поданнымъ королю адресомъ всякій къ примиренію способъ на долго пресѣкли; въ томъ адресѣ, который я сегодня у аглицкаго посла видѣлъ, парламентъ при обѣщаніи всѣхъ способовъ къ произведенію сильно войны проситъ его аглицкое величество, чтобъ не вступать съ гишпанскимъ дворомъ ни въ какой трактатъ и ни въ какую негоціацію, пока оный гишпанскій дворъ прелиминаріемъ не представитъ, что Агличане впредь будутъ имѣть полную вольность навигаціи въ Аме-

ривѣ; что Гишпанцы не имѣютъ ни подѣ какимъ претекстомъ визитовать, меньше жѣ арестовать аглинскіе корабли; разсуждая состояніе аглинскаго правленія, король Великобританскій оный адресъ такую себѣ инструкцію почитать долженъ, которую преступить не посмѣетъ, и милордъ Валдграфъ мнѣ сегодня говорилъ, что еслибъ отъ кардинала ему о примиреніи впредь какое представленіе учинено было, то не можетъ въ иной силѣ отвѣтствовать; отъ которыхъ аглицкаго посла словъ слѣдуетъ: 1-е, что по сю пору о примѣреніи отъ кардинала слова не было; 2-е, что впредь къ примѣренію двери затворены; каковую при сихъ трудныхъ обстоятельствахъ резолюцію онъ кардиналъ прійметъ, еще подлѣннѣе сказать не можно, а чинимыя по примѣчаемымъ околичностямъ о томъ разсужденіи толь пространно въ предыдущихъ моихъ описаны, что къ онымъ прибавить ничего не имѣю; долженъ я только повторить, что еще продолжается сумнѣніе здѣсь, что Англичане при вашемъ дворѣ въ своей негоціаціи пріуспѣваютъ, и для того еще недавно господинъ Шавинья мнѣ внушалъ, что Вашего Императорскаго Величества интересамъ полезно бы было не слѣшать въ пріемѣ резолюціи и не присвоить себѣ никакой партіи, пока не изволите усмотрѣть, которая больше вамъ авантажа; на что я ему отвѣтствовалъ, что сколько ни разглашаютъ публичныя вѣдомости, Англичане при вашемъ дворѣ никакого предложенія по сю пору не чинили, и я заподлинно вѣдаю, что Ваше Императорское Величество не намѣрены вступать ни въ какія обязательства, которыя бы могли быть третьей державѣ предосудительны, и когда случай подается, не оставляю въ осторожныхъ словахъ то самое и кардиналу подтверждать. Я чаю, что уже оныхъ словъ силу довольно выразумѣлъ, и что въ самомъ дѣлѣ, какъ Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше примѣчаетъ, господинъ Шетардіи, по прибытіи своемъ, который уже медлить не можетъ, какія-либо представленія учинить не оставить, и въ такомъ расположеніи здѣшняго двора графа Тессина проектъ мало пріуспѣваетъ. Съ нѣкотораго времени примѣчено, что онъ Тессинъ частыя свиданія имѣетъ съ гишпанскимъ посломъ, отчего не должно ли судить, что гишпанскій дворъ ищетъ каковую-либо помощь съ шведской стороны.

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ ничего болѣе къ извѣстію Вашего Императорскаго Величества достойнаго не обрѣтая, препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая и проч.

*Копія съ моей рѣчи къ королю, отправленной декабря 3-го
1739 года.*

La paix heureusement conclue entre l'Impératrice ma Souveraine et la Porte Ottomane par la médiation et sous la garantie de votre Majesté, prouve votre amour pour la chrétieneté et votre amitié envers Sa Majesté Impériale. La chrétieneté doit aux soins de votre Majesté sa tranquillité, et l'Impératrice ma Souveraine, la sureté de ses frontières, seul objet de la guerre. Aussi rien ne peut égaler la reconnaissance de Sa Majesté Impériale et Son desir à en convaincre votre Majesté par des faits, comme Elle se fait un plaisir à vous la prouver par Sa présente lettre, que la vérité même a dictée.

Прибавокъ къ церемоніалу французскому.

Какъ скоро здѣсь получена вѣдомость о смерти прокуратора Лезія, отца новопрібывшаго сюда Венеціанскаго посла, ихъ королевское величество прислали къ нему послу вводителя посольскаго Сентота съ сожалительнымъ комплементомъ. Подобная учтивость съ стороны королевской и королевинной показывается посламъ при всѣхъ подобныхъ жалостныхъ и веселыхъ случаяхъ.

XXXII.

По титулѣ.

При самомъ отпускѣ послѣдней моей покорнѣйшей реляціи я имѣлъ честь получить высочайшій Вашего Императорскаго Величества рескриптъ отъ 13-го ноября, подъ № 67, съ приложенными при немъ копіями съ письма господина Вилленева отъ 3-го октября, съ отвѣтнаго на оное отъ 12-го ноября и съ экстрактомъ, касающимся шведскаго наслѣдства.

По содержанію онаго высочайшаго указу я третьяго дни вѣздилъ къ кардиналу въ Исси и сообщилъ ему копію съ отвѣта на вышепомянутое Вилленево письмо, которое онъ тогда при мнѣ не прочелъ, но я вкратцѣ ему описалъ содержаніе того и наипаче оставшіяся затрудненія для совершеннаго окончанія мира, повторительно его прося, чтобъ изволилъ къ маркизу Вилленеву указъ отправить, дабы радѣтельно и съ сродною себѣ правотою старался тѣ трудности отнять и сіе дѣло къ концу привести по отправленной ему отъ Вашего Императорскаго Величества инструкціи. Господинъ кардиналъ протпвъ того мнѣ отвѣтствовалъ, что тре-

бованіе то весьма правильно, и что хотя такіе указы давно уже къ нему посланы, однакожь не оставитъ подлинно оныя подтвердить. Прибавилъ онъ къ тому, что, какъ слышать, что Турки уже исполнять начали кондиціи мира съ его цесарскимъ величествомъ, на который де трактатъ уже и ратификація въ Вѣнѣ получена, потому не чаятельно, чтобъ они похотѣли какое затрудненіе учинить въ томъ, что касается вашего трактата.

По словамъ князя Лихтенштейна, помянутое данное кардиналу извѣстіе гораздо сумнительно, и изъ писемъ Венеціанскаго въ Константинополь посла напротиву усматривается, что Порта заключеннымъ съ цесаремъ трактатомъ показала не довольна и на великаго визиря столь сильное нареканіе было, что чуть мѣста своего не лишеть; а отъ маркиза Вилленева здѣсь сказуютъ, что по отъѣздѣ съ-подъ Бѣлграда никакого извѣстія не получали, и кардиналъ мнѣ то самъ подтвердилъ, дая мнѣ знать, что вышепомянутое отъ него Вилленева письмо отъ 3-го октября онъ не видалъ; потому я общалъ оное къ нему привести въ Версаль въ наступающій вторникъ.

До сихъ поръ я отъ него кардинала выразумѣть не могъ, каковы ему кажутся примѣчанія ваши на трактатъ и требованія ваши для исправленія оного, понеже охотно отъ той матеріи слово отдаляетъ, хотя впрочемъ на всякій депъ сильнѣе подтверждаетъ обнадѣжваніе о своихъ истинныхъ намѣреніяхъ, о радѣтельномъ усердіи маркиза Вилленева, за котораго де отвѣтствуетъ, и что съ здѣшной стороны ничего оставлено не будетъ для довершенія мирнаго дѣла къ вашему удовольствію.

Такія же увѣренія чинятся и цесарскому послу, который однакожь еще сего утра мнѣ сказалъ, что со всѣмъ тѣмъ его дворъ, не видя съ стороны турецкой исполненіе трактата, хотя уже большая часть Бѣлградскихъ крѣпостей разорена, настоятъ при здѣшнихъ министрахъ о полученіи рѣшительнаго отвѣта на учиненную формально рекламацию здѣшной гарантіи. Тотъ отвѣтъ пзъ дня въ день отлагается, и для того князь Лихтенштейнъ намѣренъ завтра на письмѣ объ ономъ просить, чтобъ его государю можно было вѣдать, чего отсюда ожидать имѣеть.

Хотя не чаятельно, чтобъ Порта напоследокъ не исполнила свое обязательство, напротивъ когда чрезъ нынѣшній миръ получаетъ съ стороны Вашего Императорскаго Величества не ожидаемые аванжаи, и слухъ о намѣреніи Шахъ Надира къ возобновленію войны противъ нея до самаго Константинополя дошолъ,

однакожь всѣ сіи затрудненія, которыя по видимому не столь легко загладить какъ съ начала казалось, дають поводъ примѣчать, что еще тишина съ той стороны не вовсе основана п въ такомъ состояніи дѣлъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ необходимо нужно, чтобъ здѣшній дворъ не утвердился въ подозрѣніи о вступленіи Вашего Императорскаго Величества въ какое согласіе съ Англичанами, понеже имѣя такое подозрѣніе, можетъ быть станеть пскать не только при Портѣ затрудненія, которыя совершенному миру постановленію мѣшаютъ продолжать, но и чрезъ то самое возобновлять шведскія надежды. Я чаю, уже Вашему Императорскому Величеству донесено, что милордъ Картретъ, при полномъ собраніи верхней парламентской каморы, въ своей рѣчи о нынѣшней войнѣ Англичанъ съ Гншпанцами довольно ясно внушилъ, что Англія отъ Вашего Императорскаго Величества помощь ожидать можетъ, употребляя сіи самыя слова, что героння сѣверная до 50,000 войска прислать можетъ. Сей слухъ, который сюда чрезъ разныя письма дошелъ кардиналу, учинилъ импресію, и такъ отъ цесарскаго посла, какъ и отъ многихъ другихъ, хотя несеріозно, однакожь взъясненіе имѣть желалъ; для того я при послѣднемъ съ нимъ свиданіи слово до слова рѣчь свѣдши къ аглннской войнѣ, въ образъ разговора, и отчасти улыбаяся напомянулъ о вышеписанномъ слухѣ, дая ему разумѣть, что я въ тѣхъ рѣчахъ милорда Картрета, которыя не знаю въ самомъ дѣлѣ говорилъ ли онъ или нѣтъ, ничего основательнаго не вижу, кромѣ означенія Вашего Императорскаго Величества высочайшаго лица подъ именемъ сѣверной геронни; что впрочемъ я заподлинно знаю, что аглннскій дворъ по сю пору никакого представленія при вашемъ нечинилъ, и что Ваше Императорское Величество подлинно ни въ какія обязательства, третьему предосудительныя, вступать не намѣрены.

А тѣ мои слова кардиналъ отвѣчалъ, что онъ о всемъ томъ, что я ему говорилъ, удостовѣренъ, и можно де чать, что милордъ Картретъ помянутыя слова въ рѣчь свою ввелъ для ободренія своей партіи, какъ интересъ его требовалъ; по другимъ онъ, уже и предъ спмъ о сей матеріи говори, нескритно далъ разумѣть, что хотя онъ и удостовѣренъ, что я ему никогда истину не таю, однакоже дворы де обыкли самымъ своимъ посламъ того не объявлять, чего отъ извѣстія прочпхъ укрыть намѣрены; отъ вторыхъ словъ можно заключить, что учиненнымъ отъ меня такъ собью, какъ и чрезъ друзей, которые о семъ дѣлѣ мнѣ гово-

рили изъясненіями еще его сумнительство не успокоено, и въ такомъ случаѣ уже успокоено быть не можетъ, развѣ чрезъ доношенія маркиза Шетардіа, который безсумнительно до сихъ поръ ко двору вашему прибылъ.

Примѣтно, что кардиналъ въ разговорѣ о аглицкой войнѣ мнѣ самъ не утаилъ, что оная и много дѣла, и много безпокойства ему даетъ, усматривая въ Европѣ великую ферментацию и предвидя, что та война серіозна можетъ учинится; въ самомъ дѣлѣ со всѣхъ сторонъ слышу, что онъ не знаетъ, какія мѣры принять при семъ состояніи дѣлъ, примѣчая, что Гишпанію вовсе оставить съ здѣшними интересами несходно, и что генеральная война легко воспослѣдуетъ, если Франція въ пользу гишпанскую объявится. По общему мнѣнію, какъ уже я имѣлъ честь всенижайше доносить, резолюція его зависитъ отъ дѣйствія адмирала Вернона въ Америкѣ, который, по полученнымъ на сихъ дняхъ извѣстіямъ, уже прибылъ къ острову Деторту.

Содержимый въ бастиліи колодникъ еще не будучи допрошенъ, я повторилъ кардиналу свои прошенія, не оставляя никакой резонъ, чтобъ ему нужду того доказать, для удовольствованія какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и шведскаго двора, и сверхъ того просилъ его, чтобъ приказалъ арестовать въ Руанѣ помянутого въ сообщенныхъ ему отъ меня письмахъ капитана Панцера, понеже я налѣюсь, что чрезъ него можно будетъ и прочихъ убійцовъ сыскать. Господинъ кардиналъ на то повторилъ мнѣ многократно учиненныя свои обнадеживанія, что немедленно тотъ допросъ учиненъ, и все дѣло безпристрастно изслѣдовано будетъ, какъ де давно бы учинено было, еслибъ полиціймейстера болѣзнь до сихъ поръ не препятствовала; что объ арестованіи капитана Панцера уже указъ данъ, и потребныя къ тому мѣры приняты; что господинъ Амелотъ ему донесъ о учиненныхъ такъ мною, какъ и барономъ Флемингомъ и графомъ Тессинномъ прошеніяхъ; а потомъ въ долгомъ о сей матеріи разговорѣ напоминувъ о возвращеніи Спиклеровыхъ писемъ, и въ другомъ мѣстѣ при оказаніи сколь онъ увѣренъ, что министерство ваше, меньше же Ваше Императорское Величество въ убійствѣ его никакого участія не имѣетъ, желая вѣдать мое мнѣніе о истинныхъ производителяхъ того мерзкаго дѣла,—я отвѣтствовалъ на первое, что тѣ письма знаю, что вручены Гамбургскому почтмейстеру, члену шведской націи, который не знаю для чего приносителя не арестовалъ, а на второе, что можетъ быть, что содержимый въ бастиліи колодникъ

Ирлянецъ съ своими товарищи, чаявъ, что чрезъ такое убивство заслужить отъ Вашего Императорскаго Величества себѣ награду, собою на такое дѣло поступили, и когда по окончаніи дѣла усмотрѣли, что они въ своемъ счетѣ ошиблись, возымѣли полезнѣе своему безопаству защитить себя высовимъ Вашего Императорскаго Величества именемъ; а въ дальнѣйшія подробности вступать я удержался для причинъ, показанныхъ въ моей покорнѣйшей реляціи подѣ № 105 отъ 30-го ноября.

Тѣ мои разсужденія, сколько послѣдняго пункта касается, кардиналу показались довольно имовѣрны, а о первомъ примѣчалъ, что можетъ быть, когда письма почтмейстеру вручены, онъ не вѣдалъ, что въ нихъ содержится.

Каково то ни есть, я до сихъ поръ усматриваю, что не гораздо здѣсь спѣшатъ о изслѣдованіи сего дѣла, и причину того разумѣть не могу, только кажется, что въ томъ хитрость какая кроется, буде скоро поступокъ свой не премѣнятъ, наипаче когда согласно я и шведскіе министры о томъ при министерствѣ здѣшнемъ стараемся; съ другой стороны легко примѣтилъ изъ кардинальскихъ словъ, что онъ гораздо апробуетъ, что я съ ними шведскими министрами учинилъ себѣ сіе дѣло общее.

Такіе прекословные въ немъ кардиналѣ поступки весьма обыкновенны, какъ Ваше Императорское Величество въ моихъ покорнѣйшихъ реляціяхъ много примѣровъ видѣть изволили.

Въ письмѣ Панцеровомъ къ сестрѣ генерала-лейтенанта Спигеля будучи упомянуто, что Бродинъ и Нотгафтъ по убійствѣ бѣжали въ Голландію, я сегодня послалъ съ того письма экстрактъ къ Вашего Императорскаго Величества тайному дѣйствительному совѣтнику и полномочному послу графу Александру Гаврпловичу Головкину, и другой изъ высочайшаго вашего ко мнѣ указу отъ 3-го ноября, прося его въ своемъ письмѣ, чтобъ вслѣдствіе того указу старался о помянутаго Нотгафта пребываніи провѣдать, и буде онъ въ Голландіи обрѣтается, помогать о его арестованіи; въ чемъ уповаю Ваше Императорское Величество всемплошнѣйше апробуетъ мой поступокъ.

Впрочемъ при семъ прилагаю пакетъ, присланный ко мнѣ вчерась отъ кардинала де-Флерія, въ которомъ включено его письмо къ Вашему Императорскому Величеству. Съ сего жъ прислана жъ мнѣ отъ него копія, съ которой при семъ приложенъ переводъ; а съ письма къ вашему кабинетному министру по обыкновенію копія мнѣ не дано. О томъ своемъ къ Вашему Император-

скому Величеству письмѣ онъ кардиналъ въ послѣднемъ со мною свиданіи мнѣ говорилъ, извиняясь многодѣліемъ, что отвѣтомъ замедлилъ; а отъ многихъ я вѣдаю, что онъ показанною ему отъ Вашего Императорскаго Величества чрезъ свою грамоту милостію весьма доволенъ, и кого ни видитъ, всякому о томъ хвалится; недавно и при столѣ своемъ ту вашу грамоту гостямъ своимъ въ похвалѣ своей показалъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ и мнѣ то свое удовольствіе всѣми мѣрами показать тщится и меня съ собливою ласкою и учтивостію принимаетъ.

О намѣреніи одной шведской партіи о произведеніи одного изъ двухъ принцовъ Биркенфельдовъ на престолъ шведскій, и здѣсь на нѣсколько времени скрытой слухъ носился, но понеже того слуха никакого основанія не являлось, я доношеніемъ объ ономъ утруждать Ваше Императорское Величество удержался. Нынѣ же, по содержанію высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указу, по возможности стараться стану извѣдать—другая часть той вѣдомости, спрѣчь, что ту негоціацію здѣсь графъ Тессинъ производитъ, истинна ли, или нѣтъ.

Князю Лихтенштейну, какъ онъ сегодня мнѣ сказалъ, тожь отъ своего двора пишутъ. Но оба усматриваемъ, что дѣло то будучи деликатное, въ изслѣдованіи онаго нужно со мною осторожностію поступать. И потому не легко получить намѣренное, а наугадъ можно сказать, что графъ Тессинъ, видя себя неудачливимъ въ прочихъ проектахъ и опасаяся, чтобъ королевская въ Швеціи партія вверхъ не взяла собственному безопасію сходно найдеть послѣшествовать интересъ принца Биркенфельда, и можетъ быть, что и кардиналу тотъ проектъ не будетъ противенъ, разсуждая связность Франціи съ палатинскимъ домомъ и холодность съ Гессен-касельскимъ; но о прямой его склонности впредь по нужномъ изслѣдованіи во свое время всенпжайше донести не премину. Оба вышешепомянутые принцы Биркенфельдъ дѣйствительно въ Парижѣ находятся и здѣсь приняты, такъ у короля, какъ и у министровъ, и генерально у всѣхъ съ особливою отъѣвностію и ласкою; меньшой братъ въ здѣшней службѣ полкъ имѣеть, и буде впрямъ часто помянутое намѣреніе шведской партіи состоится, то знатно сего предызберуть, ибо большой братъ, какъ Вашему Императорскаго Величества извѣстно, для полученія електорскаго чину одного только принца Сулцбахскаго предъ собою имѣеть, и кромѣ того, не знаю согласно ли будетъ интересамъ французскимъ, чтобъ король Шведскій за своимъ вняженіемъ отъ имперіи завислъ.

Объ отзывѣ въ Гишпанію маркиза дела-Мины по просьбѣ кардинала. О причинѣ отзыва маркиза дела-Мины уже и изъ Мадрита подтверждаютъ, что оный учиненъ по требованію кардинальскому, который чрезъ графа дела-Марка формально о томъ короля Гишпанскаго просилъ, представляя, что въ нынѣшнихъ конъюктурахъ обоихъ дворовъ интересъ требуетъ, чтобъ его гишпанское величество отозвалъ отсюда министра, который больше способенъ межъ тѣми двумя дворами разгласіе вестъ, нежели утвердить доброе согласіе.

Республика Женуеская на поданный отъ французскаго посланника мемориаль, о которомъ я всенижайше доносилъ въ покорнѣйшей моей реляціи отъ 29-го ноября, письменно отвѣтствовала, что если его французское величество для сохранения корсической тишины потребно разсуждаетъ оставить въ томъ островѣ нѣсколько своего войска, она не только той его величества резолюціи не противна и съ благодареніемъ оную прійметъ. По томъ здѣшній дворъ уже правильный резонъ имѣетъ войска своего по меньшей мѣрѣ часть; изъ острова не выводить, въ чемъ не знаю, найдетъ ли республика напоследокъ свою пользу; общее мнѣніе общааетъ противное. ¶

Отъ прочихъ здѣшнихъ дѣлъ только имѣю всенижайше прибавить, что неаполитанскій посоль джозъ Кастропигнъяно 17-го сего сюда прибылъ и сегодня мнѣ о томъ повѣстиялъ. За симъ препоручаю себя въ высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость, всенижайше пребывая Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ князь Антіохъ Кантемиръ.

Изъ Парижа. Декабря $\frac{9\text{-го}}{20\text{-го}}$ дня 1739 году.

МНѢНІЕ ГРАФА А. И. ОСТЕРМАНА О СОСТОЯНІИ И ПОТРЕБНОСТЯХЪ РОССІИ ВЪ 1740 ГОДУ.

Подъ этимъ заглавіемъ печатается записка, написанная графомъ А. И. Остерманомъ для представленія правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Время составленія записки ближайшимъ образомъ опредѣляется словами ея автора, что во время писанія ея былъ изданъ манифестъ о соблюденіи правосудія: этотъ намекъ, несомнѣнно, относится къ именному указу противъ волокиты, данному сенату 27-го ноября 1740 года (см. „Исторія Россіи“ С. М. Соловьева, XXI, 49). Была ли дѣйствительно подана эта записка—достоверно не извѣстно. Въ непродолжительное правленіе Анны Леопольдовны (съ 9-го ноября 1740 г. по 25-е ноября 1741 г.) на долю графа Остермана преобладающая роль выпала въ началѣ марта 1741 г. „Остерманъ никогда не былъ такъ великъ и могущественъ, какъ теперь“, писалъ Шетарди 7-го марта 1741 г.—„Можно, нѣсколько не преувѣличивая, сказать, что онъ теперь настоящій государь всей Россіи“ („Маркпзъ де-ла-Шетарди въ Россіи“, 213). Но еще въ концѣ 1740 г., именно тогда, когда писалась печатаемая записка, современные наблюдатели стали замѣчать, что это преобладающее значеніе Остермана нарождается, не смотря на назначеніе Миниха первымъ министромъ („Исторія Россіи“, XXI, 37—38). Быть можетъ, послѣдовавшій 28-го января 1741 г. указъ кабинетъ - министрамъ о распредѣленіи между ними разныхъ отраслей администраціи написанъ былъ ужъ подъ вліяніемъ записки, поданной Остерманомъ. Впрочемъ, не рѣшаемся утверждать, чтобъ записка была дѣйствительно представлена правительницѣ, тѣмъ болѣе, что не находимъ никакихъ свѣдѣній о подобномъ шагѣ со стороны Остермана въ рассказѣ г. Соловьева, который, вѣроятно,

не нашелъ слѣда печатаемаго документа въ архивахъ. Во всякомъ случаѣ, интересъ Остерманова мемуара не подлежитъ сомнѣнiю. Записка была составлена на нѣмецкомъ языкѣ и здѣсь печатается со стариннаго списка стариннаго же русскаго перевода ея. Рукопись эта обязательно сообщена для напечатанiя И. В. Помяловскимъ.

Представленiе генераль-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана въ 1740 году, на нѣмецкомъ языкѣ писанное, правительницѣ принцессѣ Аннѣ о внутреннемъ тогда состоянiи Россiйской имперiи и о надежнѣйшихъ способахъ въ благоуспѣшнѣйшему управленiю государствомъ.

Какъ Вашего Н. Н. всемилостивѣйшему намѣренiю было бы противно, такъ и мнѣ не возможно описать во всемъ совершенствѣ, тѣ неизреченныя великiя качества и добродѣтели, которыми Богъ столь богато украсилъ высочайшую и дражайшую Вашу особу. Но между оными есть три, которыхъ я, по принадлежности ихъ сюда, со всемилостивѣйшимъ Вашего Н. Н. позволенiемъ, не могу не коснуться, и вопервыхъ, извѣстнаго Вашего Н. Н. благочестiя. Оно учинитъ васъ какъ временно, такъ и вѣчно счастливою. Упованiе, возлагаемое на Ваше Н. Н. цѣлымъ народомъ, чрезъ то папаче утвердится, поелюку онъ знаетъ и потому счастливымъ себя считать будетъ, что имѣетъ благочестивую правительницу. Во вторыхъ, врожденное Вашему Н. Н. человѣколюбiе и благосклопность, являемая Вами къ каждому. Сямъ человѣколюбiемъ и милостiю Ваше Н. Н. привлечете къ себѣ во всякое время сердца и умы цѣлаго народа и увѣковѣчите Вашу славу въ потомствѣ. Всѣмъ извѣстно, какое доброе дѣйствiе производитъ то въ умахъ подданныхъ, когда имѣютъ они правительницу милостиво и человѣколюбиво ихъ выслушвающую, и никого отъ себя печальнымъ не отпускающую. Третiе есть извѣстная Вашему Н. Н. любовь къ правосудiю и истинѣ. Для сего Богъ непрестанно будетъ съ Вами, послыку онъ живеть въ исполненiяхъ любви и правосудiя. Злоба чрезъ то покоряется; все будетъ въ должномъ повнновенiи и въ сердцахъ всѣхъ честныхъ подданныхъ, боящихся Бога и хотящихъ быть христiанами, воспалится неугасимый огонь любви и радостнаго на Ваше Н. Н. упованiя.

Сколько тысячъ вздоховъ и молитвъ ежедневно восходитъ будетъ къ Богу за благоденствіе Вашего N. N., поелпку при достославнѣйшемъ правительствѣ вашемъ будетъ каждому большому и малому, убогому и богатому, безъ различія и лицезрѣнія оказываемо должная справедливость.

Признаюсъ, что исполненіе правосудія всегда я почиталъ знатнѣйшею подпорою каждаго правительства, а по тому самому, какъ Ваше N. N. по врожденному собственному побужденію оное любитъ желаете, предсказываю напередъ правленію Вашему тысячи благословеній и счастья.

А дабы упредить въ томъ народъ при самомъ началѣ, то начерталъ я для всеподданнѣйшаго Вашему N. N. предложенія проектъ манифеста касательно той матеріи для публикованія ¹⁾. Хотя жь и спасительнѣйшія предписанія, какъ то, къ сожалѣнію, утверждаетъ опытъ, не всегда со всякою точностію бывають соблюдаемы, и въ такомъ пространномъ государствѣ, какова есть Россійская имперія, многія прозойдти могутъ несправедливости, однакожь при всемъ томъ Ваше N. N. то имѣть будете утѣшеніе, что оныя происходятъ не по всемплоствнѣйшему намѣренію Вашему, но противъ воли и приказанія; что народъ увѣренъ въ томъ, и Богъ причтетъ такія несправедливости не Вамъ, но производителямъ оныхъ. Впрочемъ, если таковыя неурядные судьи будутъ пойманы, то Ваше N. N. предадите ихъ совершенно во власть законовъ, которые, каждому надлежащую опредѣляя мзду, должныствують быть для каждаго священной.

А дабы народъ о правосудномъ и истину любящемъ Вашего N. N. духѣ тѣмъ выще былъ увѣренъ, то не бесполезно было бы, когда Вы повелите указать, чтобъ вамъ изъ сената, а чрезъ оный и изъ другихъ мѣстъ еженедѣльно или только помѣсячно подавали письменный рапортъ о рѣшенныхъ и производимыхъ судебныхъ дѣлахъ. Сіе побудило бы коллегіи и другія мѣста къ выщей внимательности, и еслибъ притомъ Вашему N. N. благоугодно было представить честнаго и совѣстнаго челоуѣка къ надлежащему сихъ рапортовъ разсмотрѣнію, и дабы доносить Вамъ о нужныхъ дѣлахъ съ благоразсужденіемъ, то бы сіе конечно было и утѣшно и полезно, и особливо когда бъ повелѣніе вскорѣ публиковано ꙗ народу извѣстнымъ учинено было.

---

¹⁾ Оное во время писанія сего хотя и случилось, однакоже не будетъ вреда, если таковыя манифесты и часто повторяемы будутъ.

Слишкомъ 20 лѣтъ тому, какъ трудятся нѣкоторые надъ новою книгою законовъ. Но онымъ способомъ, какъ трудятся при томъ, сіе само по себѣ весьма нужное дѣло едва ли прійдетъ къ концу чрезъ многіе еще годы. Совѣмъ отдѣленная коммиссія, которая бы впрочемъ ничего другого не дѣлала, могла бы кажется обдумать то основательно. Сія коммиссія могла бы состоять изъ двухъ духовныхъ особъ, нѣкоторыхъ изъ гражданства, съ присовокупленіемъ къ тому двухъ знающихъ законописуниковъ.

Помянутыя три качества (приемлю дерзновеніе смѣло сказать) одни довольно достаточны учинить Вашего N. N. правленіе счастливымъ, славнымъ и вкушѣ спобойнымъ, поелпку ничѣмъ другимъ, какъ токмо оными, можно првлечь къ себѣ умы всѣхъ и получить благословеніе отъ Бога.

По сей Вашему N. N. врожденной любви ко правосудію не будутъ обойдены, при оказаніи милостей, при возданіи за показанныя службы, при повышеніяхъ и производствѣ въ чины, тѣ изъ народа, которые имѣютъ достоинства и заслуги. Сколь доброе дѣйствіе произведетъ то въ умахъ подданныхъ и во всемъ народѣ, само по себѣ очевидно явствуетъ.

Сюда принадлежитъ и то, о чемъ я Вашему N. N. взялъ дерзновеніе всеподданнѣйше словесно представить. Правитель никакъ не можетъ знать все происходящее въ государствѣ и потому весьма благоразумно поступаетъ, когда всякое выслушиваетъ. Но не бесполезно бы ему было, когда бъ вмѣстѣ надлежащимъ образомъ испытывать справедливость или несправедливость ему доносямаго. Чрезъ то научится онъ узнавать людей, и невинный не смѣшается съ виновнымъ. А поелпку государь не можетъ быть безъ министровъ и слугъ, то кажется, справедливость того требуетъ, если впрочемъ должны порядочно течь дѣла, чтобъ довѣренность между государемъ и рабомъ была взаимна и совершенна.

Не возможно пронинуть въ сердце каждаго, и потому то, что Священное Писаніе говоритъ, то есть, чтобъ узнавать людей по ихъ дѣламъ, есть единственный и по большей части безопаснѣйшій оселокъ, по коему государь можетъ судить о слугахъ своихъ; и такимъ образомъ отдается каждому справедливость, также избѣжите Ваше N. N. многихъ тысящъ безпокойныхъ и досадныхъ часовъ, и само по себѣ тяжкое бремя правленія весьма облегчится чрезъ то. Ко облегченію бремени правленія не мало послужитъ и то, когда Вашему N. N. благоугодно будетъ учредить, по обыкновенію другихъ странъ, нѣкоторые совѣтные дни въ недѣлѣ, а

при совѣтахъ присутствовать собственною высокою особою. Четырехъ въ недѣлѣ, по моему слабому разсужденію, могло бы быть довольно, а прочіе дни оставить на приуготовленіе дѣлъ и отправленія. Если жь случится, что чрезвычайное, не терпящее времени, то и отправленіе можетъ быть также чрезвычайное.

Дѣла состоятъ изъ чужестранныхъ и внутреннихъ. Для дѣлъ чужестранныхъ можетъ быть довольно двухъ, а иногда и одного дни въ недѣлѣ, потому что Ваше N. N. и сверхъ совѣтныхъ дней можете приказать всеподданнѣйше представлять вамъ приходящія реляціи. Прочіе дни остаются для дѣлъ внутреннихъ. Когда случатся дѣла изъ сената, и Вашему N. N. всемилостивѣйше благоугодно было бы взять въ совѣтъ вмѣстѣ съ генераль-прокуроромъ еще одного или двухъ сенаторовъ, въ дѣлахъ военныхъ, до крѣпостей и сухопутной арміи касающихся генераль-фельдмаршала и еще какаго-либо члена изъ военной коллегіи; при дѣлахъ же до флота относящихся адмирала и члена изъ адмиралтейской коллегіи, то бы сіе конечно не могло какъ особливую принести пользу. Весьма обычайной при семъ и самой по себѣ зѣло вредной зависти чрезъ то избѣгнуто будетъ, довѣренность умножится, и дѣла будутъ весьма гораздо основательнѣе разсматриваемы и скорѣе отправляемы.

Когда въ дѣлахъ, о которыхъ есть законы и уставы, будетъ говорено по тѣмъ законамъ и уставамъ, и Ваше N. N. похотите въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда заблагоразсудите, и то, не подавъ дальнѣйшаго повода къ коварству, сдѣлать можно будетъ, оказавъ милость къ правой сторонѣ, то натурально послѣдуетъ изъ того, что по законамъ наказываемые будутъ приписывать то единственно самимъ себѣ и законамъ; напротивъ же того, взыскиваемые помянутымъ способомъ за справедливость милостию будутъ приписывать оную Вашему N. N. единственно. Чрезъ сіе возбудятся любовь вмѣстѣ съ повиновеніемъ, и время и опытъ покажутъ великую отъ того пользу.

Все доселѣ сказанное вообще есть то, что по моему хотя слабому, но вѣрному и непритворному мнѣнію приобрѣтеть Вашему N. N. Божіе благословеніе и учинить правленіе ваше спокойнымъ, счастливымъ и славнымъ.

Что же касается до внутренняго состоянія государства, то первыхъ, представляется вѣра, которая заслужитъ Вашего N. N. особенное вниманіе, во всякое время, а наипаче для многихъ въ государствахъ находящихся раскольниковъ и извѣстнаго снѣхъ злыхъ

людей расположенія. Не можно ничего сказать предварительно особеннаго касательно сей матеріи, потому что опредѣленія въ оной зависятъ отъ случаевъ и обстоятельствъ.

По моему слабому всеподданнѣйшему разсужденію, Ваше N. N. никогда не погрѣшите, когда въ дѣлахъ вѣры соблаговолите всѣхъ Вашихъ опредѣленій полагать основаніемъ публикованный блаженнаго памяти императоромъ Петромъ Великимъ духовный регламентъ и пешишь о исполненіи онаго. Если Ваше N. N. не позволил читать его, то приѣмлю дерзость всеподданнѣйше Вамъ представить, дабы узнать регламентъ тотъ, онъ хорошо сочиненъ и совершенное получил одобреніе отъ всего народа, исключая, можетъ быть, только нѣкоторыхъ чревослужителей (угодниковъ, служителей мамонѣ); и потому всѣ опредѣленія, на немъ основанныя, не могутъ не принести Вашему N. N. удовольствія и всему народу будутъ пріятны.

Духовенству и монастырямъ дается то, что въ пристойному содержанию ихъ потребно, а прочее по благочестивымъ причинамъ употребляется на училища и больницы.

Ни что такъ государству не нужно, какъ хорошія училища. Изъ остающихся церковныхъ доходовъ Богъ знаетъ сколько можно учредить и содержать оныхъ. И когда бы притомъ сдѣлать такое узаконеніе, чтобъ дѣти и юношество въ ихъ ежедневно по часу пристойно и основательно поучаемы были, чѣмъ должны они Богу и верховному правительству, то бы сіе, укоряаясь съ приращеніемъ лѣтъ, послужило бы со временемъ къ сильному искорененію злобы.

По моему слабому всеподданнѣйшему мнѣнію, не бесполезно было бы, еслибы при самомъ началѣ счастливаго вступленія въ правленіе изданъ былъ манифестъ синоду, такого же почти содержания, каковъ былъ публикованный за нѣсколько времени до славной памяти Ея Императорскаго Величества кончины, и повелѣно бы было онымъ стараться о распространеніи истиннаго и нелицемѣрнаго благочестія, также прайдны священническія мѣста отдавать людямъ извѣстнаго; честнаго и скромнаго житія и обращать живущихъ въ государствѣ не вѣрствующихъ.

Еслибы потомъ за нужное сочтено было въ дѣлахъ, до вѣры касающихся, повелѣть новыя нѣкоторыя учинить распоряженія, то про всякій случай было бы не худо брать изъ синода одного или двухъ членовъ къ чинимымъ о томъ въ высочайшемъ Вашего N. N. присутствіи разсужденіямъ.

Послѣ вѣры слѣдуетъ гражданское и воинское состояніе, на коихъ весь добрый порядокъ и вмѣстѣ безопасность государства зависимо основаны быть должны. Они оба имѣютъ столь тѣсную связь между собою, что одно безъ другого быть не можетъ.

Что касается до воинскаго состоянія, то сила государства, слава Богу, въ желанномъ добромъ положеніи, и Ваше Н. Н., конечно, не оставите содержать оное въ семъ положеніи, поелику въ томъ состоитъ слава и внѣшній и внутренній покой и безопасность государства.

Повелѣнный еще Ея Императорскаго Величества блаженна память смотрѣ полковъ по такъ называемой инспекторской инструкціи случится чаятельно большею частію нынѣ, и изъ подаваемыхъ рапортовъ тогда усмотрится, что при полкахъ исправить или и вновь учредить за полезно и нужно суждено будетъ.

Крѣпости, служащія наипаче къ безопасности государства, могутъ быть, не вездѣ въ надлежащемъ находятся состояніи. Когда Ваше Н. Н. повелите подать себѣ о состояніи всѣхъ крѣпостей обстоятельный на письмѣ рапортъ, то при разсужденіи о каждой нужно будетъ одинъ разъ на всегда основательно положить, что къ поправленію и содержанію каждой потребно.

Сюда принадлежать и такъ называемыя Царицынская, Закамская и Уграпнская линіи. О Царицынской извѣстно, что она проведена по песчанымъ мѣстамъ, а по большей части изъ одного песку состоящимъ. О сей линіи при прежнихъ и въ Ея Императорскомъ Величествѣ блаженна память правленіи различныя подаваны были новыя проекты; но всѣ оныя по причинѣ бывшихъ тогда обстоятельствъ отложены разсмотрѣніемъ до спокойнѣйшихъ временъ. Между ними былъ одинъ, по которому, сколько я могу упомнить, должно было провести сію линію вдоль двухъ рѣкъ, изъ которыхъ одна неподалеку отъ Царицына впадаетъ въ Волгу, а другая въ Донъ. Сей послѣдній проектъ нравился мнѣ и тогда болѣе прочихъ, отчасти потому, что по исполненію болѣе возможенъ и не такъ дорогъ казался, а отчасти и наипаче для того, что вся тамошняя сторона между Волгою и Дономъ была бы прикрыта отъ всякихъ набѣговъ со стороны Кубани, и не было бы также недостатку въ травѣ, водѣ и дровахъ. Не въ примѣръ я держался бы того всеподданнѣйшаго мнѣнія, что при спокойныхъ временахъ могло бы сіе быть изъ первыхъ предиріятій въ пользу государства и къ выщей онаго безопасности.

Закамская линія дол.:енствовала служить въ безопасности отъ Башкировъ; но теперь, какъ сказываютъ, ландмилиція переведена оттуда далѣе въ небольшія, отчасти отстроенныя, а отчасти еще строящіяся крѣпости. Поелпку я о тамошнихъ странахъ, также о Башкирцахъ мало или совсѣмъ довольнаго свѣдѣнія не имѣю, то и не могу судить о томъ основательно. Башкирскихъ дѣлъ, по слабому разсужденію моему, и какъ я часть письменно и изустно въ кабинетѣ о томъ представлялъ, презирать не подлежитъ.

Еслибъ можно было Башкирцовъ раздѣлать и въ семь намѣреній заложить по разнымъ мѣстамъ въ землѣ ихъ небольшія крѣпости, то я считалъ бы то способнѣйшимъ средствомъ удержать народъ сей въ должномъ повиновеніи, и когда бъ притомъ поставлены были тамъ разумные и безкорыстные командиры, то не токмо бы можетъ быть никакой опасности отъ нихъ не было, но и великой пользы государству ожидать можно было.

О Украинской линіи и расположеніи по оной полевою еще при царствованіи блаженныя памяти Ея Императорскаго Величества многія выходили учрежденія. Дѣло сіе требуетъ по справедливости зрѣлаго разсужденія. Мнѣ пришло на мысль, не могло ли бы при семъ быть полезно, когда бъ отъ Самары и вдоль оной до Миуса заложить въ различныхъ способныхъ мѣстахъ небольшія крѣпости, которыя бы, прикрывъ большой и прекрасный, между сею рѣкою, линією и Донцомъ лежащій край, могли сдѣлать его для подданныхъ способнымъ къ употребленію. Бахмутскіе и другіе тамъ лежащіе соляные заводы были бы также прикрыты, и можетъ быть, и издержки бъ многія чрезъ то уничтожились. Между сими небольшими крѣпостями можно было бы со временемъ посредствомъ засѣвъ, глубокихъ рвовъ и разсадки хорошаго терновника и другими способами, безъ отягощенія совершенно заградить все проходы, и чрезъ то немалый удѣлъ земли сдѣлать къ употребленію годнымъ и полезнымъ.

Это только голая мысль, которой возможность или невозможность при надлежащемъ разсмотрѣніи окажется. Что тайный совѣтникъ Неплюевъ въ особливой реляціи своей о лежащихъ по ту сторону Днѣпра по большой части нынѣ пустыхъ мѣстахъ пишетъ, то по совершеніи разграниченія также должно бы, по слабому разсужденію моему, не оставить безъ вниманія.

Въ продолженіе, слава Богу, счастливо окончанной войны экономія въ полкахъ и срокъ мундирной и прочей аммуниціи не могли быть точно наблюдаемы, и сіе необходимо требовало многихъ чрезъ

вычайныхъ издержекъ. Когда сей срокъ въ полкахъ опять введенъ будетъ, и многое къ амуниции принадлежащее будетъ въ мирныя времена сколько возможно не такъ часто употребляемо, а иногда сроки и далѣе продолжаемы будутъ, то сіе принесетъ военной казнѣ немалую пользу, безъ всякаго ущерба службѣ. Чрезъ ежегодное въ мирныя времена такое поведеніе и вообще чрезъ добрую экономію не мало сберечь можно.

Ружейное мастерство въ Тулѣ въ такомъ состояніи, что до 50 т. ружей тамъ ежегодно могутъ быть изготовлены. Когда такимъ образомъ ежегодно по 50 т. новыхъ ружей готовить, а въ полкахъ въ мирныя времена употреблять старыя ружья пока можно будетъ, то въ немногіе годы цейгаузы вездѣ наполнятся новыми ружьями, а при рачительномъ содержаніи ружейныхъ фабрикъ со временемъ произойдетъ выгодный ружьями торгъ съ другими землямп, потому что здѣшнія ружья безспорно дѣлаются крѣпче, нежели многія чужестранныя, а притомъ дешевле обходятся.

Объ артиллеріи и въ семь году вышли весьма полезныя учрежденія. Поелику извѣстно, что въ различныхъ мѣстахъ въ государствѣ лежатъ безъ всякаго прирѣнія многія годныя и негодныя мѣдныя и чугуныя пушки, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, какъ обстоятельно приязано сыскать и перевести оныя. Но объ успѣхѣ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ еще не подано генеральнаго рапорта. Когда сей генеральный рапортъ объ артиллеріи отберется, то чайтельно, многія пушки найдутся такія, копъ отчасти и годны, а впрочемъ по нынѣ введеннымъ калибрамъ могутъ быть перелиты.

То же можно сдѣлать съ пушками, у неприятеля взятымп, и когда такимъ образомъ литые пушекъ продолжится, также о новыхъ лафетахъ и прочихъ снарядахъ будетъ приложено стараніе, то и артиллерія съ Божескою помощію, какъ походная, такъ и городская, въ непродолжительномъ времени будетъ на доброй погѣ, и во всемъ довольное изобиліе.

Съ артиллерію въ сродствѣ порохъ, и если пороховыя мельницы, такъ какъ и артиллерію, отъ оныхъ зависящую, содержать въ непрестанномъ движеніи и надлежащемъ порядкѣ, то вскорѣ магазины всюду могутъ быть наполнены, и никогда въ порохѣ не будетъ оскудѣнія.

Сюда принадлежитъ селитра, о которой недавно вышли вновь повторительные указы. Извѣстно, что въ здѣшнемъ государствѣ столько оной добывать можно, что къ немалому приращенію государственныхъ доходовъ не невозможно снабждать отсюда и другія

земли; потому что она можетъ быть продаваема всегда дешевле изъ Остъ-Индіи въ Европу привозимой. Въ мирныя времена въ тратѣ пороха легко можно выдумать нѣкоторое сбереженіе.

Когда бъ по вышедшимъ установленіямъ были учреждены и пристойно содержимы и въ драгунскихъ полкахъ, такъ какъ и въ конной гвардіи и полкахъ, впрасирскихъ, частныя конскіе заводы, то изъ сего не было бы никогда недостатку въ годныхъ драгунскихъ лошадяхъ, и со временемъ много бы сберегала военная казна.

Въ прежнія времена учреждены были особливныя коммисіи, а въ достославныя блаженныя памяти Ея Императорскаго Величества царствованіе многократно было рекомендуемо сенату принять въ разсужденіе, не можно ли въ поставкѣ рекрутъ найти такого способа, чрезъ который бы она могла происходить всегда съ меньшимъ отягощеніемъ государству, порядочно и безъ допомокъ, различныя поданы, о томъ проекты, и можетъ быть, дѣло оное не невозможно, и не иначе къ удовольствію Вашего N N. и ко благу имперіи, какъ весьма полезно быть можетъ.

Повторительное обстоятельное повелѣніе о солдатскихъ дѣтяхъ, чтобъ они какъ въ гарнизонахъ, такъ и въ полкахъ не пропадали, но рачительно были сохраняемы и воспитываемы, будетъ имѣть особливую пользу и доставитъ многихъ хорошихъ рекрутъ. Очевидная польза и отъ того, если полевые полки набирать изъ гарнизоновъ, а въ гарнизонахъ помѣщать рекрутъ.

Учрежденіе хорошихъ магазиновъ въ дешовое время въ способныхъ къ перевозкѣ мѣстахъ, а особливо въ Твери и Очеснѣ, во всякое время будетъ имѣть свою пользу, и многіе дорогіе подряды чрезъ то избѣгнутся.

Такъ называемыя подушныя деньги суть источникъ содержанія сухопутной арміи. Бывающія при томъ допмекъ или недопмекъ (Restanzien) заслуживаютъ особенное вниманіе. Между обѣими есть безъ сомнѣнія такія, которыя не могутъ быть заплачены, и слѣдовательно, считаются напрасно недоимками. Но многія между ними конечно будутъ и такія, которыя чаятельно могутъ быть заплачены, и слѣдовательно, по справедливости заплачены быть должны, потому что тягости народныя должны быть каждымъ подданнымъ соразмѣрно и равно несомы. А дабы первыя различить отъ послѣднихъ и помочь бѣдности, то оказалось бы по моему слабому, по вѣрному разсужденію, необходимо нужнымъ настоять въ томъ, чтобъ многократно о сихъ недоимкахъ изданныя все милостивѣйшіе указы непремѣнно и точно исполняемы были и именно, чтобъ тѣ мѣста,

на которыхъ такія недоимки находятся, были самолично осмотрѣны, и съ не платившихъ взясано провинціальными воеводами и къ собранію подушныхъ денегъ представленными офицерами, съ прибавленіемъ къ нимъ изъ полевыхъ полковъ, въ такія провинціи назначенныхъ. Сіе, происходя въ одно и то же время помянутымъ образомъ по всюду, не можетъ быть продолжительно, а къ истребленію недоимковъ весьма способно.

Многократно предлагаемо было о новой ревизіи, которая однакоже при бывшихъ войнахъ по обстоятельствахъ не могла удобно произведена быть въ дѣйство. Должно думать, что при такой ревизіи во многихъ мѣстахъ оказалась бы убыль, а въ иныхъ, можетъ быть, и приращеніе. Итакъ, если надобно, чтобъ для того была новая ревизія, то я не могъ бы при настоящемъ дѣлѣ положеніи отсовѣтовать оной. Въ такомъ случаѣ она бы могла безъ дальнихъ околичностей и многой траты времени произведена быть въ дѣйство такимъ же образомъ, какъ о недоимкахъ выше сказано, то есть, чрезъ провинціальныхъ воеводъ, каждаго въ своей провинціи и въ одинакое время, съ присовокупленіемъ къ нимъ по два человѣка честныхъ и способныхъ. При такой ревизіи основательно бы оказалось, что относительно къ подушнымъ деньгамъ поправить или какія вновь учинить полезныя постановленія, о чемъ теперь, по крайней мѣрѣ съ надлежащею основательностію, судить не можно.

Относительно къ морской слѣ въ бывшей за пѣсколько лѣтъ предъ симъ комиссіи вышло многія полезныя распоряженія, которыхъ исправное наблюденіе и исполненіе, по моему слабому разсужденію, не иначе какъ къ сохраненію и отличнымъ выгодамъ флота служить можетъ. При оныхъ расположеніяхъ ясно выражено и то, какимъ образомъ поступать съ кораблестроеніемъ здѣсь въ С.-Петербургѣ. Весьма потребная отстройка доковъ необходимѣе всего къ содержанію и сохраненію кораблей, а поелку Богъ послалъ миръ, то можно работать при томъ солдатами. Они будутъ получать ежедневно 4 копѣйки, сверхъ обыкновеннаго содержанія; работа пойдетъ успѣшнѣе и меньше стоить будетъ. При строеніи доковъ находится и то еще важное обстоятельство, что на оное въ адмиралтействѣ ежегодно исходить 1200 т. рублей, и должны исходить, пока оное строеніе не окончится, помянутымъ способомъ флотъ и адмиралтейство обойдется и однимъ милліономъ, а прочія 200 т. будутъ сбережены или на другія нужныя государственныя издержки употреблены.

Новозаведенное кораблестроеніе въ Архангельскѣ при рачительнѣйшемъ содержаніи будетъ весьма полезно флоту и государству. Корабли тамъ не такъ много стоятъ, а потому здѣшній флотъ ежегодно можетъ получать свѣжихъ рекрутъ. Матросы чрезъ частое плаваніе будутъ экзерцироваться, и эскадра тамъ при воспослѣдовавшей войнѣ съ Швеціею весьма можетъ быть полезна, дабы неприятели въ Сѣверномъ морѣ не могли сдѣлать диверсіи. Не худо бы также имѣть тамъ и добраго флагмана.

По установленію блаженныя памяти императора Петра I должно тѣхъ рекрутовъ во флотъ брать, которые жилище свое неподалеку отъ моря и воды имѣютъ, и слѣдовательно, уже привыкли къ морскому и водяному воздуху. Такое весьма превосходное установленіе, по моему слабому разсужденію, можетъ съ пользою быть удержано. Доброе установленіе о матросскихъ и другихъ низшихъ адмиралтейскихъ служителей дѣтяхъ принесетъ также немалую пользу и доставитъ флоту хорошихъ рекрутъ. А еслибъ въ мръныя времена здѣшніе молодые дворяне стали служить по нѣскольку лѣтъ на аглпскомъ, французскомъ и другихъ державъ флотахъ, какъ то прежде бывало, то бы проявлялись отъ времени до времени добрые и искусные морскіе офицеры.

Никто не хочетъ охотно служить во флотѣ, потому что они тамъ не имѣютъ такихъ случаевъ къ повышенію и къ знатнѣйшимъ чинамъ, какъ въ сухопутной арміи; для того потребно для сихъ людей нѣкоторое поощреніе.

Адмиралтейству надлежитъ также всевозможно стараться о сохраненіи и лучшемъ воздѣлываніи новозаведенныхъ на Волгѣ лѣсовъ. Когда они хорошо будутъ содержаны и непрестанно насаждаемы, то не можетъ потомъ никогда въ государствѣ быть недостатку въ дубовомъ деревѣ для кораблестроенія.

Флотъ и адмиралтейство содержатся кабачными доходами и внутренними пошлинами. Еслибъ адмиралтейству надлежація деньги платились изъ камеръ-коллегии, рентерии или изъ другого какого точно опредѣленнаго мѣста, и она бы совѣтъ не зашпмалась собираніемъ денегъ въ государствѣ и по провинціямъ, то бы нѣсколько сотъ людей при адмиралтействѣ могли быть въ другое опредѣлены, счеты бы содержались въ порядкѣ и безъ замѣшательства, а притомъ не малое количество и денегъ ежегодно было бы сбережено. О семъ часто и многократно было предлагаемо, а блаженныя памяти Ея Императорское Величество всемплоствивѣйше то и одобритъ и сенату исполненіе препоручить изволила; но доселѣ оное

не произошло еще въ дѣйство. Могуція открыться при томъ затрудненіи, по моему слабому разсужденію, не избѣжны, ибо для чего бы не можно было принимать столь же хорошо изъ одного мѣста, какъ изъ различныхъ, а особливо еще одинакія деньги? Существо вещи, кажется, само требуетъ перваго, потому что при послѣднемъ всякія замѣшательства неминуемо произойдти должны.

Но можетъ быть, всей суммы адмиралтейство не можетъ получить изъ одного мѣста? Сіе, кажется, и не такъ нужно, потому что п безъ того адмиралтейству не въ одномъ мѣстѣ деньги нужны. Въ Астрахани, Казани, Москвѣ, Архангельскѣ, Новѣгородѣ и Петербургѣ адмиралтейство весьма удобно можетъ получать свои деньги.

Изъ Казанской губерніи къ валянію и привозкѣ дубоваго дерева многія тысячи душъ изъ такъ называемыхъ ясашниковъ адмиралтействомъ набраны; а изъ различныхъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ много учиненныхъ опытовъ ясно оказалось, что чрезъ добровольно набранныхъ людей многое и скорѣе, и съ меньшими гораздо издержками, нежели чрезъ тѣхъ ясашниковъ, сдѣлать можно. Принужденная работа, не упоминая о могущихъ произойти при томъ произрствахъ, обыкновенно идетъ гораздо лѣнливѣе, нежели у работающихъ изъ доброй воли. Я всегда того всеподданнѣйшаго не въ образецъ мнѣнія, чтобъ къ работѣ, которая добровольными сдѣлана быть можетъ, не сбивать деревень и крестьянъ. Крестьянамъ отъ того разореніе, а работа идетъ медленнѣе и стоитъ болѣе. Сіе ясно усмотрѣть можно, когда Ваше N. N. заблагоразсудите повелѣть подать себѣ и безъ того нужный, справедливый и обстоятельный рапортъ о всѣхъ къ публичнымъ работамъ и заводамъ сбитыхъ деревняхъ и вотчинахъ, въ какомъ они состояніи до того находились, и теперь находятся.

Итакъ, при адмиралтействѣ надлежитъ размыслить и о пособіяхъ, которыя изъ нихъ самая выгоднѣйшія и полезнѣйшія. На здѣшнее кораблестроеніе при употребленіи по большей части добровольныхъ людей поидеть, можетъ быть, также менѣе издержекъ, нежели при употребленіи въ ономъ состоящихъ въ службѣ и на жалованье плотниковъ, а вмѣстѣ немалое сбереженіе будетъ чрезъ то и въ деньгахъ, и въ людяхъ.

При адмиралтействѣ находятся нѣкоторыя фабрики, а особливо парусная, которыя, при хорошемъ управленіи и содержаніи въ добромъ порядкѣ, могутъ также имѣть свою выгоду и приносить пользу.

Для морской службы предполагаются различные материалы, которые ежегодно покупать надлежитъ. Но какъ оныя, а особливо въ мирныя времена, не каждый годъ употребляются, слѣдовательно, и не нужно покупать ихъ ежегодно, а чрезъ то также немалое число денегъ сберечь можно.

Величина и пропорція военныхъ кораблей, изъ которыхъ здѣшній флотъ состоятъ долженъ, опредѣлена и одинъ разъ на всегда твердо установлена, между прочимъ и съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы такелажи, якоря, желѣзо и другія вещи съ старыхъ кораблей не пропадали, но при новыхъ опять употреблены быть могли, чего, конечно, не можно бы сдѣлать было, еслибъ каждый корабль имѣлъ свою особливую препорцію. Чрезъ сіе также не мало берегається, какъ то и вообще извѣстно, что при доброй экономіи въ адмиралтействѣ многое соблюсти и чрезъ то хорошую запасную казну составить можно. *

При морской академіи небезполезны были бы нѣкоторыя новыя учрежденія. Я началъ было прежде при комиссіи объ оной сочинять проектъ, который отыскавъ не премину всеподданнѣйше представить.

Гражданское состояніе, не смотря на многообразныя учрежденія, доселѣ еще не устроено. По моему слабому разсужденію, оно весьма великой важности, потому что отъ него собственно должно зависѣть управленіе всего внутренняго состава государственнаго. Правосудіе, доходы, полиція, однимъ словомъ все принадлежитъ сюда. Скорѣйшее устраненіе гражданского состоянія должно быть изъ самонужнѣйшихъ и прежде всего предприняемыхъ дѣлъ, и при устраненіи онаго не столько на количество и множество членовъ въ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ смотрѣть надлежитъ, сколько на честность и способности и множество поручаемыхъ имъ въ управленіе дѣлъ. Множество членовъ иногда болѣе препятствуетъ дѣлопроизводству, чѣмъ споспѣшествуетъ оному. Когда бъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ случаются дѣла различнаго и между собою несходнаго содержанія и свойства, учредить различные департаменты, то дѣлопроизводство чрезъ то весьма бы облегчилось, и все въ лучшемъ порядкѣ содержано было. Мнѣ весьма понравилось для сего учиненное господиномъ президентомъ барономъ Менгденъ раздѣленіе въ порученныхъ ему коллегіяхъ. Въ началѣ царствованія блаженной памяти Ея Императорскаго Величества хотя и были назначены при сенатѣ таковыя департаменты, однако не пришли потомъ въ состояніе. Департаменты можно

учредить смотря по множеству и разнообразности дѣлъ, и по тому жь точно опредѣлить число нужныхъ членовъ. Если департаменты раздѣлтъ между членами, то каждый изъ нихъ получить черезъ то случай показать свое прилежаніе и раченіе къ службѣ.

Обогатившееся нѣкоторымъ образомъ дворянство показывало доселѣ болѣе охоты къ военной, нежели къ гражданской службѣ. Причина сему та, что они въ первой прежде получаютъ чины, и исправляя должность свою честно, дѣйствительно менѣе имѣютъ труда и менѣе отчетовъ, нежели въ послѣдней. Одержусь не въ примѣръ того всеподданнѣйшаго мнѣнія, что для того нехудо было бы гражданскому состоянію придать болѣе ревнованія, и что касается до жалованья, то такъ распорядить оное, чтобъ они могли нѣкоторымъ образомъ довольствоваться имъ и не имѣли причины проклядовать запрещенные пути. Наблюдая препорцію, можно расположить оное по трудамъ каждаго мѣста, сохраняя вездѣ, сколько возможно, для избѣжанія вреднаго завидованія равенство. Канцеляріямъ можно назначить нѣкоторую сумму соразмѣрно дѣламъ ихъ и трудамъ изъ нихъ каждой, а коллегіямъ такую сумму предоставить самимъ для распредѣленія между канцелярскими служителями по заслугамъ и способности каждаго. Канцеляріямъ можно также позволить и нѣкоторыя аудіенціи, только нужно именно оныя ограничить.

Описать не возможно, колпкой важности, чтобъ были на воеводствѣ честные и нѣкоторымъ образомъ обогатившіеся подданные. По моему слабому разсужденію, должно бы при семъ смотрѣть наипаче на ихъ прежнее поведеніе, чтобъ они имѣли по крайней мѣрѣ нѣкоторое число недвижимаго имѣнія.

По учрежденію должно воеводамъ каждые два года смѣняется и отчетъ давать. Причина тому должна быть та, дабы упредить чрезъ то многія притѣсненія, которымъ часто подвергаются отъ воеводъ обыватели. Признаюсь, что никогда не былъ сего мнѣнія, и поянутая причина не казалась мнѣ довольно достаточною къ отвращенію злоупотребленій; пбо изъ тѣхъ, которые хотять грабить, грабить тотъ, конечно, всегда болѣе, который не много времени на грабежъ имѣеть. Да и сверхъ того, находятся при томъ многія и великія неудобства. Каждый годъ по оному учрежденію потребно болѣе ста новыхъ кандидатовъ, а поселку оныхъ столько не находится, то смѣна состоитъ часто въ томъ единственно, что воевода изъ одной провинціи перемѣщается въ другую. Такіхъ воеводъ уже не считаютъ, да и тѣ, которыхъ считать надлежитъ, должны

часто многіе годы дожидаться того и проживать напрасно свое имѣніе. Каждому воеводѣ потребенъ по крайней мѣрѣ годъ, дабы узнать порядочно состояніе и дѣла порученной ему провинціи. Другой годъ проходить въ приуготовленіяхъ къ счету, а затѣмъ не остается ему ни времени, ни охоты думать много о нѣкоторомъ приращеніи доходовъ и другихъ хорошихъ распоряженіяхъ. Судебныя дѣла остаются чрезъ то въ провинціяхъ по большей части нерѣшены. Каждый думаетъ, что время сіе скоро мпнуется, и не хочетъ сдѣлать себѣ ни кого врагомъ, который бы могъ потомъ вредить ему. А поелпку не хочетъ онъ сдѣлать и несправедливости, то предоставляет все своему преемнику, сей другому и такимъ образомъ поступаютъ тѣ, которые не о грабежѣ и взяткахъ мыслятъ, но хотятъ токмо отъ всякихъ хлопотъ освободиться. Чего жъ ждать отъ иначе мыслящихъ—само по себѣ удобопонятно. Слишкомъ пространно было бы перечислять обстоятельно всѣ неудобства, отъ такой двулѣтней смѣны происходящія. По моему не въ примѣръ мнѣнію, казалось бы лучше, оставлять воеводъ при ихъ постахъ, до тѣхъ поръ, пока они ведутъ себя, честно и никто на нихъ не жалуется.

Я говорилъ о воеводахъ нѣсколько пространно, но они того и заслуживаютъ, ибо они въ провинціяхъ то же самое, что управители и прикащики въ частныхъ людей помѣстьяхъ, отъ коихъ вѣрнаго и честнаго управленія зависятъ благо подчпненныхъ и самого господина.

Когда бы далѣе Ваше N. N. заблагоразсудили всеплостивѣйше потребовать съ каждой коллегіи обстоятельный рапортъ о ея состояніи и дѣлопроизводствахъ, то по разсмотрѣніи съ основаніемъ каждаго можно было бы недостатки при каждой дополнить, и что нужно, исправить. Можетъ быть, открылось бы тогда и средство, какъ во многихъ мѣстахъ отправленіе дѣлъ сократить, а выѣстѣ можно было бы и число многихъ писцовъ и канцелярскихъ служителей уменьшить и ограничить.

Относительно къ состоянію доходовъ не бесполезно было бы предписать сенату изготовить описаніе всѣхъ государственныхъ доходовъ съ обстоятельнымъ извѣстіемъ, въ чемъ оныя состоятъ собственно, какъ и откуда и какимъ образомъ получаютъ, и какъ бывають управляемы. При такомъ описаніи можно было бы основательно разсуждать объ нихъ, и при поправленіи относительно къ приходу и расходу сдѣлать вообще нужное учрежденіе. Сюда принадлежатъ подушныя деньги, о которыхъ выше упоминаюто. Мо-

нета можетъ также безъ отягощенія подданныхъ не мало умножить государственные доходы. Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ оная годъ отъ году была содержима въ безпрестанномъ оборотѣ и тишенія, а дабы то прозвести въ дѣйство и имѣть непрестанно въ рукахъ потребное здѣсь серебро, то нѣтъ, кажется, удобнѣйшаго средства, какъ завести въ самой Голландіи или Англійи или въ обонхъ мѣстахъ знатный капиталъ. Блаженныя памяти Ея Императорское Величество нѣсколько лѣтъ тому назадъ соизволила всемилостивѣйше одобрить учиненныя ей о томъ представленія и повелѣла учинить нужныя о томъ распоряженія; но оныя никогда не пришли къ исполненію. Когда бы имѣть такой знатный капиталъ внѣ государства, то бы не могло быть для монеты недостатку въ серебрѣ. Выгода, которою впрочемъ купцы стануть пользоваться, будетъ и казнѣ прибыльна, и поелику чужестранные купцы для покупки російскихъ произведеній имѣютъ также нужду и въ російскихъ деньгахъ, то чрезъ то снизится вмѣстѣ и удобность, и случай поставить промѣнъ на такой постоянной ногѣ, что корона необходимо при томъ выиграеть, и коммерція не потерпитъ ущербу. Къ заведенію такого капитала могли бы на первый случай употреблены быть казенные товары. Съ ревенемъ я дѣлалъ небольшую пробу и съ удачею оной вздумалъ всеподданнѣйше предложить учрежденіе небольшой отдѣленной монетобитчи. О семъ, и что вообще до казенныхъ товаровъ принадлежать, и какимъ образомъ наилучше, по моему слабому разсужденію, споспѣшествовать прибытку отъ оныхъ къ пользѣ государства и къ умноженію доходовъ, я бралъ вольность напередъ сего открыть мои всеподданнѣйшія не въ примѣръ мысли, и на оныя со всемилостивѣйшимъ Вашего N. N. позволеніемъ здѣсь ссылаюсь.

Пока продолжится война Гиппанская, серебро будетъ рѣже и дороже. И такъ, нужно было бы размыслить, не можно ли найдти въ продолженіе оной случая, тайно и подъ рукою, какъ въ Голландіи, такъ и въ другихъ знатныхъ торговыхъ городахъ, битые рейсталеры $\frac{2}{3}$ частей, и другія хорошія серебряныя монеты вымѣнивать и сюда перевозить. А можетъ быть, нашлпсь бы и въ государствѣ охотники отдавать серебро свое на монеты по 19 коп. золотникъ, еслибъ о томъ публиковано было.

Нужно также помыслить между прочимъ и о истребленіи пятаковъ. Но дѣло сіе само по себѣ не легко, и чѣмъ оно тяжеле, тѣмъ менѣе въ ономъ спѣшнть можно. Между многими о семъ по-

данными проектами найдутся, можетъ быть, пристойныя къ тому средства. Но прежде, нежели можно предпринять что-либо относительно къ тому, нужно помыслить о достаточной ходячей монетѣ, ибо пока оной не будетъ, то и нѣтакое вывести не можно. Я начерталъ прежде мои мысли о томъ, которыя приискавъ не премину всеподданнѣйше представить.

Кабачные доходы, сколько мнѣ извѣстно, болѣе упадаютъ, нежели прирастаютъ. Главныя тому причины, безъ сомнѣнія: 1) множество по провинціямъ и уѣздамъ на дорогахъ и въ другихъ мѣстахъ заведенныхъ, по большей части за малую цѣну отдаваемыхъ на откупъ небольшихъ кабаковъ; 2) множество находящихся въ государствѣ винокурень, въ которыхъ ежегодно дѣйствительно болѣе выпиваютъ вина, нежели сколько въ кабакахъ онаго исходитъ, а отсюда вкралась пронырства и тайныя шинкарства, которыя къ величайшему ущербу кабачныхъ доходовъ служатъ. О семъ многократно было разсуждаемо, и нѣсколько лѣтъ сряду, въ выразительнѣйшихъ терминахъ сенату препоручаемо, какъ то и въ кабинетѣ многія находятся подаванныя о томъ представленія. Сіи кабачные доходы должны бы въ камеръ-коллегіи отдѣленный департаментъ составлять и не быть смѣшиваемы съ другими доходами и дѣлами. Еслибъ города сняли на себя все кабаки въ государствѣ, и каждый учреждалъ ихъ по собственному разсужденію въ своемъ уѣздѣ по селамъ и деревнямъ. то корона ежегодно бы получала надлежащія деньги исправно, и нѣсколько тысячъ людей, для кабаковъ впрочемъ употребляемыхъ, было бы чрезъ то сбережено. Надлежало бы разсудить далѣе—не можно ль бы было множество винокурень ограничить и твердо постановить имѣть оныя въ такихъ только мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ дешевъ, и есть дрова. При точномъ и зрѣломъ разсмотрѣніи, конечно, откроются такіе способы, посредствомъ которыхъ сіи важныя доходы не токмо поддержать всегда, но и знатно исправить можно будетъ.

Между государственными доходами есть нѣкоторыя, канцелярскими доходами названныя. Какъ все оныя исполняются, дѣйствительно я не знаю. Сіи доходы не менѣе заслуживаютъ подробнаго розысканія, тѣмъ болѣе, что можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ находятся такіе, которые казнѣ мало или и ничего не приносятъ, и однакоже къ отягощенію подданныхъ служатъ, а другіе, при добромъ распоряженіи, болѣе пользы приносятъ могущіе. Между первыми счисляю я получаемыя въ государствѣ откупами такъ называемыя мостовыя деньги. Мосты не содержатся, корона полу-

часть отъ того мало или и совсѣмъ ничего, а бѣдный крестьянинъ долженъ однакоже вездѣ платить. Я бы думалъ, что шведскія учрежденія о дорогахъ и мостахъ могли бы и здѣсь столь же хорошо быть введены, какъ въ другомъ мѣстѣ, и принесли бы государству великую пользу. Между послѣдними поставлю я банныя и съ мельницъ деньги. Они собираются по сдѣланному Богъ знаетъ за сколько лѣтъ рописанію. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ по оному рописанію были бани и мельницы, теперь все пусто, и потому многія произошли доимки; напротивъ того съ новопостроенныхъ банъ и мельницъ ничего не собирается. Посредствомъ новой ревизіи, которая часто и выразительно блаженныя памяти Ея Императорскимъ Величествомъ была препоручаема, и которую чрезъ воеводъ, cadaго въ своей провинціи, легко произвести можно, отвратилось бы то неудобство, и получаемые отъ того доходы весьма бы поправились.

Коммерцъ-коллегія можетъ также по умноженію государственныхъ доходовъ безъ отягощенія подданныхъ весьма много способствовать. Внутреннія пошлины не приносятъ каждый годъ столько, сколько бы естественно приносить должны были и могли. Учрежденныя въ различныхъ мѣстахъ въ государствѣ небольшія и на откупъ отданныя таможи не послѣднею въ томъ причинною. Въ бывшей въ прежнія времена комиссіи о коммерціи, въ которой я и князь Черкасской присутствовали, о дѣлѣ семъ было зрѣло разсуждаемо, и уже предпринимаемъ былъ государственный тарифъ какъ для входящихъ, такъ и исходящихъ изъ государства товаровъ. Но поелику та комиссія послѣ уничтожилась, то и проектированный тарифъ остался безъ дѣйствія, да и не могъ быть приведенъ въ исполненію въ разсужденіи случившихся тогда обстоятельствъ. Когда бы сдѣлать сіе нынѣ, то уповательно, что внутреннія чрезъ то пошлины принесли бы по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое болѣе нынѣшняго, также можно было бы отвратить чрезъ то разомъ многія прониравства и весьма облегчить притомъ внутреннюю торговлю.

О казенныхъ товарахъ выше упомянуто. Табакъ приносилъ прежде гораздо болѣе, нежели нынѣ. А особливо въ Сибири можно онымъ, какъ миѣ сказано, весьма прибыльный производить торгъ, потому что тамошніе народы табакъ любятъ и мѣняютъ на оный съ величайшею охотою лучшіе свои мѣха. При порядочномъ разсужденіи, конечно, найдутся такія средства, чтобъ и чрезъ табакъ не мало умножить государственные доходы.

Доходы сибирскіе чрезъ честныхъ и умныхъ правителей могутъ также знатно быть умножены, и я надѣюсь, что вице-губернаторъ Ланге сдѣласть тому начало и вмѣстѣ приложить и покажетъ путь къ тому. Вино выплывается въ Сибирь съ великою пользою, и можно думать, что при хорошемъ распоряженіи расходъ на оное между тамошними, такъ называемыми иноземцами умножится и вдвое болѣе быть можетъ.

Торговля съ Китаемъ могла бы также много способствовать къ умноженію доходовъ, еслибъ оную поставить на хорошей ногѣ. Учрежденіе китайской компаніи могло бы, безъ сомнѣнія, быть лучшимъ къ тому средствомъ. Но Богъ знаетъ, можно ли и какъ скоро привести оную въ состояніе, потому что, по видимому, довѣріе здѣсь еще не столь твердо, какъ того учрежденіе такой компаніи требуетъ. Мнѣ приходило часто на мысль, когда бы при учрежденіи той компаніи встрѣтились какія препятствія, не можно ли было бы тогда съ платежемъ знатной пошлины сдѣлать торговлю съ Китаемъ свободною, тѣмъ наче, что то не препятствовало бы коронѣ самой принять въ оной участіе. Но я не знаю, возможно ли то, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ я бы смѣло могъ обнадежить, что пошлины принесли бы гораздо болѣе, нежели на сколько простирается нынѣшняя прибыль отъ каравановъ. При разсужденіи о томъ откроется, конечно, способъ, какъ сію торговлю исправлять и прямо ею пользоваться можно. Подобнаго надѣяться можно и отъ торговли съ Персіею и Бухаріею, еслибъ только безпокойный шахъ захотѣлъ успокоиться.

Извѣстно и то, что къ умноженію доходовъ можно изобрѣсти и съ Турціею также весьма выгодный торгъ. Россія имѣетъ многія произведенія, которыя въ Турціи весьма надобны и могутъ изъ Россіи гораздо дешевле туда быть доставляемы, нежели изъ другихъ мѣстъ, напримѣръ: мѣха, желѣзо, юфты, холсты и другіе товары. Напротивъ того, и Россія можетъ изъ Турціи получать гораздо дешевѣйшею цѣною все то, что другими народами изъ тамошнихъ произведеній привозится сюда моремъ. Сей торгъ можно учредить чрезъ Черное море, а въ Турціи находятся не только турецкіе, но и греческіе, армянскіе, еврейскіе и другихъ народовъ купцы, съ которыми оный съ пользою производиться будетъ. Какъ скоро границы будутъ твердо постановлены, и съ Портою совершенный восплѣдуетъ миръ, тотчасъ можно сдѣлать пробу и положить твердое основаніе къ оному торгу.

Не менѣе надѣяться можно, что и отъ мануфактуръ и фабрикъ, для которыхъ потребныя матеріалы въ самомъ государствѣ найдутся, при хорошемъ смотрѣніи и управленіи знатная польза государству доставлена быть можетъ. Къ достиженію сей цѣли нужно отчасти учинить справедливое вспоможеніе фабрикантамъ, а отчасти и поощрить ихъ надлежащимъ образомъ къ исправленію и приведенію въ совершенство своихъ фабрикъ.

Щегна, различные роды клею, смола, рыбій жиръ и паюсная нѣра составляли предъ симъ весьма важный торгъ, который нынѣ, какъ я слышалъ, чрезвычайно умалился. Надлежало бы узнать тому причины, дабы усмотрѣть, сколько пособить оному должно.

Деготь былъ предъ симъ всегда весьма важный торгъ въ Архангельскѣ, и я бы думалъ, что еслибъ завести о томъ съ умными и имѣющими довѣріе купцами переписку, то бы онѣ дѣйствительно возставился, а чрезъ то бы со временемъ совершенно палъ доходъ отъ дегтя у нашихъ сосѣдей.

Въ государствѣ множество находится дубоваго дерева, которое никакъ не можно употребить на стройку кораблей, но весьма хорошо на бочки, боченки и другія малости, и я помню, что одинъ Англичанинъ дѣлалъ о томъ нѣкоторымъ адмиралтейству предложенія, и кажется, можно было бы каждый годъ хорошее количество оного на корабляхъ отпускать и продавать.

Нѣтъ сомнѣнія, что посредствомъ всего доселѣ приведеннаго могутъ быть весьма умножены государственныя доходы; однакожь было бы не возможно предпринять и распорядить все въ одинъ разъ. Находятся въ томъ числѣ такіа дѣла, которыя принадлежатъ отчасти къ одному кабинету, а отчасти къ кабинету съ присовокупленіемъ сената, также къ военной и коммерцъ коллегіямъ. Когда такимъ образомъ принимать въ разсмотрѣніе одну вещь по другой въ томъ мѣстѣ, куда принадлежитъ она, и по надлежащемъ испытаніи и размышленіи брать потомъ основательныя вознамѣренія, то и Ваше N. N. съ помощію Божіею вскорѣ ощутите плоды такого о благосостояніи государства Вами имѣемаго вѣрнѣйшаго попеченія, и доходы государственныя толико умножатся, что Ваше N. N. будете въ состояніи и нѣкоторое облегченіе народу въ другихъ частяхъ доставить.

Прежде, нежели заключу сію статью, къ гражданскому состоянію относительную, не могу не упомянуть, хотя кратко, еще о двухъ вещахъ, и во первыхъ, о многихъ въ различныхъ мѣстахъ государства учрежденныхъ комиссіяхъ. Слишкомъ, къ сожалѣнію, извѣстно,

какъ въ оныхъ дѣла происходить, и потому надлежало бы по моему вѣрному, не въ примѣръ разсужденію, размыслить, не можно ли бы уничтожить коммпісіи, которыхъ и безъ того копецъ не предвидится, и которыя не приносятъ дальней пользы, и оставить тѣ токмо, отъ которыхъ извѣстной пользы ожидать можно. Первое будетъ признано за новую въ народу милость и произведетъ, слѣдовательно; хорошее дѣйствіе. Употребляемія при томъ люди и содержаніе на нихъ будутъ сбережены, и однакожь ничего не упустится. Повторяю, о вышедшемъ за два года или болѣе предъ симъ постановленіи, по которому каждый въ своемъ мѣстѣ долженъ отвѣчать нѣкоторымъ образомъ за доходы и правильный сборъ оныхъ. Сіе постановленіе спасительно, и потому и возобновленіе и исполненіе онаго могло бы принести особливую пользу.

И сіе есть вообще то, что вашего N. N. вниманіе при внутреннемъ состояніи государства наипаче заслужить можетъ. Что жъ касается до здѣшнихъ выгодъ относительно къ чужестраннымъ державамъ, то смерть Римскаго императора сдѣлала великій переворотъ въ различныхъ странахъ, какъ то я уже и описалъ; и поелку будущія времена и происшествія не извѣстны, а въ иностранныхъ дѣлахъ всѣ мѣры по происшествіямъ и обстоятельствамъ должны быть предпринимаемы, то и невозможно съ точностію судить о томъ. Каждое государство имѣетъ свои особенныя фундаментальныя выгоды, которыя всегда ему свойственны и неудобно перемѣнены быть могутъ.

Безопаснѣйшій путь при томъ есть тотъ, чтобъ сколько возможно, никогда отъ оныхъ не отдаляться. Въ чемъ сіи начальныя выгоды здѣшняго государства въ разсужденіи другихъ державъ состоять могутъ, о томъ намѣренъ я взять вольность всеподданнѣйше Вашему N. N. представить, какъ наискорѣе возможно будетъ, мол слабыя мысли.

ПРОЕКТЫ АННИНСКИХЪ ВРЕМЕНЪ ¹⁾.

I.

Проектъ А. Волкова объ учрежденіи генеральной комиссіи.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій государь патронъ.

Что Ея Императорскаго Величества высокой интересъ по цивильнымъ дѣламъ едва не вездѣ упущенъ и по нынѣ упускается, о томъ, надѣюсь, что вашему сіятельству извѣстно, а что выясненіе онаго отчасти и чрезъ разныя комиссіи чинится, и то сходно ль съ пользою Ея Императорскаго Величества, ваше сіятельство изволите лучше милостиво разсудить, а я не нахожу тутъ лучшаго, развѣ великаго убытку казнѣ Ея Императорскаго Величества и излишняго расхода людямъ и напраснаго отягощенія и турбованія Ея Императорскаго Величества служителямъ и многой конфузій и непорядку. Милостивый государь, ваше сіятельство изволите милостиво разсудить, что каждое дѣло не разными командами и множествомъ людей, но отъ большей части искусствомъ и прилежаніемъ къ благополучному концу приходитъ, а изъ разныхъ комиссій что послѣдуетъ? 1) Судей множество, которые разнаго качества люди, и имъ жалованье по рангамъ, хотя кто много трудится, хотя мало, или и ничего, а отговорка обща: „не одинъ я сижу“ и „всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь“; 2) содержаніе ихъ разныхъ апартаментовъ, служителями и всѣми потребностями

---

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ печатаемъ двѣ относящіяся къ царствованію императрицы Анны записки объ усовершенствованіи дѣлопроизводства въ гражданской администраціи; извѣстно, что въ это время было обращено значительное вниманіе на «цивильныя дѣла».

3) разныя посылки ради экскуциі, и чѣмъ было одному ѣхать, вмѣсто того разныя въ одно мѣсто на разныхъ коштахъ поѣдутъ; 4) съѣхавшись въ губернію или провинцію, каждый своего взымаетъ, губернаторовъ понуждаютъ, канцеляріи арестуютъ и въ томъ поступаютъ, кто кого удаляя, и тако тамошніе управители не вѣдаютъ, что дѣлать, и кого прежде отправлять; 5) въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и провинціяхъ денежный приходъ и расходъ всѣхъ сборовъ въ одну книгу записывался, то для счету и свидѣтельства какъ тое книгу въ разныя комиссіи послать возможно? 6) вмѣсто того, чтобъ въ одно было мѣсто губернатору и воеводамъ отчетъ давать, нынѣ принуждены въ разныя мѣста ѣхать или приказныхъ людей посылать; 7) всего паче, что Ея Императорскому Величеству отъ разныхъ докладовъ излишній и непрестанный трудъ происходитъ. Того ради я по должности моей вапему сіятельству, моему милостивому государю, на ваше высочайшее и милостивое разсужденіе, какъ о томъ единому Богу извѣстно, истинно отъ моей сущей ревности всепокорнѣйше и всенжайше слѣдующее доношу: ежелибъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше соизволила повелѣть для всѣхъ прошлогоднихъ (поже еще многія мѣста безъ ревзій оставлены и до нынѣ) и будущихъ упущеній и взыскапія Ея Императорскаго Величества высочаго интереса вмѣсто разныхъ комиссій одну генеральную комиссію или инквизицію учинить, то бъ все съ наилучшимъ успѣхомъ и съ великою пользою Ея Величества и подданнымъ и съ вящимъ страхомъ настоящимъ и будущимъ судьямъ благовременно и порядочно отправляться могло. Она инквизиція раздѣлена бытъ имѣетъ только на три апартамента; въ первомъ разсмотрѣніе и зысканіе преступленія и неисполненія регламентовъ и указовъ Ея Императорскаго Величества; во второмъ—зысканіе и свидѣтельство счетовъ, на указные сроки въ ревизионъ-коллегію не отправленныхъ; въ третьемъ—зысканіе доимки всего государства; той комиссіи или инквизиціи судьи будутъ всѣ вмѣсто разныхъ многихъ въ одномъ апартаментѣ спдѣты, и больше не надобно, какъ одинъ президентъ, которому надобно бытъ гораздо добраго качества, и который бы могъ самъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше о всемъ поведеніи подлинно репортовать; а напаче всего, чтобъ Ея Императорскому Величеству весьма вѣренъ былъ. При немъ четыре совѣтника пзъ штабъ-офицеровъ, и четыре ассессора пзъ прочихъ искусныхъ и достойныхъ людей; и тако мочно, съ помощію Божіею, обнадежить, что пзъ сей диспозиціи

Ея Императорское Величество весьма довольна быть и непрестанное плодоносие видѣть изволитъ, съ прекращеніемъ излишняго многого труда и напраснаго убытка (понежь отъ однихъ разныхъ судебныхныхъ мѣстъ и отъ разныхъ посылокъ не малая сумма въ казнѣ Ея Величества останется) и съ конечнымъ прекращеніемъ поминутыхъ всѣхъ не порядковъ, и что нынѣ сысывается упущеннаго, гораздо болѣе того еще сыскаться можетъ. И ежели ваше сіятельство сіе за потребно и милостиво принять изволите, и чрезъ вашу милостивую сего моего малаго труда рекомендацію Ея Императорскому Величеству угодно будетъ и Ея Величество всемилостивѣйше соизволитъ повелѣть о томъ основательный генеральный проектъ учинить и кандидатовъ выбрать, въ томъ я ото всего моего сердца трудиться готовъ; но понеже не возможно мнѣ, чтобъ нѣкоторыхъ потребныхъ къ тому справокъ изъ сената не брать, того ради всепокорно прошу, дабы повелѣно было господину Машлову за тѣмъ проектомъ вкупѣ со мною потрудиться, съ которымъ можно бѣ, съ помощію Всемогущаго Бога, еще наиважнѣйшимъ и весьма Ея Императорскому Величеству и всему государству полезнѣйшимъ проектомъ услужить, ежели такожь на то Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшее соизволеніе и повелѣніе будетъ, а именно: на какомъ наилучшемъ крѣпкомъ и весьма надежномъ фундаментѣ возможно постановитъ сенатское правленіе, которое по нынѣ на такомъ слабомъ основаніи, что упущенію ничто иное какъ оное виною, что возможно ясно и достовѣрно доказать, а надѣюсь, что и сами ваше сіятельство не безъ великаго соболѣзнованія вѣдать и видѣть изволите, а особливо когда въ сенатѣ одинъ или два только сенатора, чрезъ которое довольное время сидятъ (да и тѣ сами подъ счетомъ, къ тому жъ искренніе между собою братья), и что дѣла чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и лѣтъ продолжаютъ, и прочіе многіе не порядки происходятъ, къ немалому безславію и убытку Ея Императорскаго Величества и къ разоренію подданныхъ, что все весьма въ краткомъ времени Божіею помощію и Ея Императорскаго Величества премудростію и счастіемъ премѣниться можетъ къ приращенію безсмертнаго славы и пользы Ея Величества и подданныхъ. И буде сіе Ея Императорскому Величеству такожь угодно будетъ, то весьма потребно, чтобъ всю тое диспозицію, не упуская времени, учинить, дабы вышепомянутые всѣ не порядки не могли вступитъ въ наступающій—дай Боже благополучный!—новый годъ, но чтобъ Божіимъ благоволеніемъ во всемъ послѣдовала всякая исправность и общее благо-

получіе, и наипаче по Ея Императорскаго Величества высочайшему желанію правый и скоро-рѣшительный судъ, что все Господь Богъ Всемогушій да управитъ.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивѣйшій отецъ государь, вашего сіятельства милостиваго государя и отца вѣрно и вѣчно обязаный и всенижайшій слуга

А. Волковъ.

19-го декабря 1732 г.

Р. С. Милостивѣйшій государь, ваше высокографское сіятельство, изволите милостиво разсудить что можетъ быть ко взысканію упущеннаго, удобнѣе и Ея Императорскому Величеству прибыльнѣе, и служителямъ и подданнымъ Ея Величества сносить ко взысканію упущеннаго—разныя ль комиссіи, или одна генеральная.

Напримѣръ:

- 1) Въ разныхъ десяти комиссіяхъ хотя положить судей по 4 персоны съ президентомъ, то будетъ 40 человекъ. А въ одной генеральной 9.
  - 2) Въ разныхъ комиссіяхъ однихъ судейскихъ апартаментовъ 10-ть. А въ одной генеральной 1.
  - 3) Въ разныхъ комиссіяхъ на одни уборы, столы и стулья и прочее и на годовою расходъ ка свѣчи, на дрова и прочее, хотя на каждый апартаментъ 300 р., а на десять 3,000 руб. А въ одной генеральной только 300 руб.
  - 4) Всѣмъ судьямъ тѣхъ комиссій годовое желованье, хотя бы въ нихъ выше полковника не было, сорока человекамъ, 15,600 р. А въ генеральной 9; хотя тутъ и генераль-маіоръ президентъ будетъ 4,920 руб.
  - 5) Въ кладовой комиссіи имѣется приказный столъ, тутъ опредѣляются по особливому секретарю, которыхъ въ разныхъ 10; имъ жалованья 5,000 руб., протоколпстамъ десяти 3,000 руб., регистраторамъ десяти 3,000 р., итого 11,000 руб. А въ одной такихъ чиновъ по одному человеку, имъ жалованья 1,100 руб.
- Всего въ десяти 29,600 руб. А въ одной генеральной 6,326 руб.

И тако однихъ вышеписанныхъ расходовъ, не упоминая прочихъ, убытку Ея Императорскому Величеству будетъ на каждой годъ отъ разныхъ предъ одною 23,280 рублевъ.

6) Въ разныхъ же комиссіяхъ А въ генеральной, когда, на-судей не малое время безъ дѣла примѣръ, по военной коллегіи не сидятъ, пока изъ приходныхъ и не готово, тѣмъ временемъ по ка-расходныхъ книгъ счеты сочиня-моръ-коллегіи готовое слушатьются, по то время дѣлать имъ будутъ, и тако время ни на часъ нечего, какъ ужъ нынѣ опробо-не упустится.
вано.

7) Изъ разныхъ комиссій по- А въ генеральной по одному.шлются въ 12-ть губерній радикакой эксивуціи въ каждую по10-ти челов., итого 120 челов.; токакой одинъ расходъ людямъ бу-детъ; чтожь имъ подвождь, прого-новъ, а когда изъ разныхъ ком-миссій въ одну губернію съѣдут-ся, какая отъ нихъ можетъ прои-сходить конфузія, какъ уже инынѣ происходитъ.

8) А что всего паче Ея Импе- А отъ генеральной одинъ о-раторскому Величеству отъ раз-тѣхъ же дѣлахъ отъ Ея Импе-ныхъ комиссій 10 докладовъ на-раторскаго Величества опробует-добно слушать и опробовать.ся, и тако сколько Ея Импера-торскому Величеству труда убу-детъ.

Прочего жъ всего описать трудно, но время покажетъ. Буде же сумнѣваться, что одной генеральной справиться не мочно, для чего жъ одна ревизионъ-коллегія всего государства счеты свидѣтельствуешь, тако жъ и въ главномъ кригсъ-коммиссаріатѣ по стату положено. для счету и свидѣтельства одна коммисія, гдѣ только три маіора, а тутъ главный кригсъ-коммиссаріатъ, гдѣ едва не половина государственнаго приходу, тако жъ вся армія и гарнизоны, и мундирная и аммуничная и провіантская канцеляріи считаны и свидѣтельствованы быть имѣють. Воистинно, милостивый государь, не во множествѣ людей, но въ вѣрности и искусствѣ и прилежаніи все состоитъ; трудолюбиво одинъ десятъ дѣлъ дѣлать можетъ, а оплошныя и лѣнивыя и сто человекъ одного не сдѣлають, какъ нынѣ и ясно показалося, чрезъ ревизию провіантской

канцеляріи: въ счетной провіантской комиссіи въ восемь мѣсяцевъ на 1.200,000 приходу и расходу освидѣтельствовано, а въ провіантской канцеляріи и въ губерніяхъ и провинціяхъ и въ восемь лѣтъ ни на одну копѣйку. Сіе вашему сіятельству моему милостивому отцу и государю доношу на ваше высокомудрое разсужденіе, отдавая Ея Императорскому Величеству мой всеподданиѣйшій и всерабскій долгъ.

II.

Проектъ сенатскаго оберъ-секретаря Сверчкова о уменьшеніи писемъ въ сенатскихъ дѣлахъ и о прѣшнемъ учрежденномъ порядкѣ сената и коллегіевъ.

Хотя сколько изъ правительствующаго сената, какъ въ коллегіи, такъ и въ губерніи и въ провинціи, подтверждено было многими указами подъ штрафами, чтобъ изъ коллегій приходили съ такими доношеніями, которыя по должности сенату рѣшеніемъ принадлежатъ, какъ пространно въ указѣ 724 году изображено, а изъ губерній въ сенатъ писали только о тѣхъ дѣлахъ, которыя къ коллегіямъ не принадлежатъ, яко о начатіи войны, мору' или замѣшанія или казихъ припадковъ, а о прочихъ всѣхъ дѣлахъ писали въ тѣ коллегіи, къ которымъ какія дѣла принадлежатъ, однакожь и за всѣми многими подтвердительными указами, въ коллегіи съ такими докладами приходятъ, что къ должности онаго сената принадлежатъ, а изъ губерній пишутъ о тѣхъ дѣлахъ, что къ коллегіямъ принадлежало, а не въ сенатъ, и затѣмъ правленіе сенатскаго дѣла въ помѣшательство приводятъ, уповая на то, что за то пренебреженіе не штрафованы.

Того ради не соизволено ль будетъ въ подтвержденіе тѣхъ прѣжде посланныхъ указовъ и сената, послѣдними указами объявить съ такимъ изъясненіемъ и объявленіемъ формы, а въ формѣ той изъяснить:

1) Чтобъ писали въ сенатъ, изъ губерній 1) о вышеписанныхъ дѣлахъ, которыя къ коллегіямъ не принадлежатъ доношеніями; 2) рапорты на посланные изъ сената указы (которыя мимо коллегій, что оныя къ коллегіямъ не принадлежатъ, о чемъ писаны будутъ) пазначивать въ заглавіи по генеральному регламенту и указы въ три вида: репортъ о полученіи, репортъ за чѣмъ исполнить не можно, репортъ о дѣйствительномъ исполненіи, и репорты въ три вида имѣютъ быть такіе, о которыхъ изображено въ регламентахъ.

указѣхъ, что въ скорости котораго дѣла исполнить не можно; а для уменьшенія письма и излишняго труда, когда который указъ присланъ будетъ только для вѣдома, то слать репортъ одинъ о полученіи, а по которому надлежитъ исполнить, то того жъ дни репортовать что получено и исполнено, и писать въ одномъ репортѣ или по послѣдней мѣрѣ на другой день, буде же такъ для законной причины исправиться не можно, то репортовать только о полученіи, а потомъ въ недѣлю второй репортъ прислать, что и дѣйствомъ исполнено; буде же исполненіемъ конечно п въ недѣлю законными жъ причинами не справится, то второй репортъ въ недѣлю послать послѣ прежнихъ указовъ за чѣмъ онаго дѣйствительно исправить не можно было, показавъ тому тѣ законныя причины именно, а потомъ третій репортъ прислать въ назначенный срокъ по регламенту, что дѣйствомъ исполнено; п буде хотя п разныя дѣла будутъ, а случатся репорты одного званія, то въ одинъ репортъ писать, дабы и чрезъ то не умножено было письма и судейнаго труда; а когда оныя прійдутъ, то легко можно чрезъ регистратуру подъ каждое дѣло внести, къ которому что прилично; 3) доношенія же опредѣленій въ статскіе чины и приказныхъ людей, которые до сената жъ принадлежатъ, писать въ сенатъ въ герольдмейстерскую контору, понеже по должности оной чины представлены быть имѣютъ отъ той герольдіи, а той герольдіи какъ и прочимъ коллегіямъ положено въ сенатъ что надлежитъ по указамъ докладывать, о всемъ выправяся такъ чисто, чтобъ болѣе изъ указовъ выписывать или справокъ не требовало, подъ такимъ штрафомъ, какъ о коллегіяхъ вышписаннымъ 724 года указомъ опредѣлено; 4) а буде изъ губерній будутъ писать, что въ коллегіяхъ по ихъ доношеніямъ рѣшенія не чинятъ, или что противно будутъ позволѣвать дѣлать, какъ о преимуществѣ коллегій въ генеральномъ регламентѣ изображено, то просто доношеніемъ въ сенатъ не писать, а писать въ сенатъ по формѣ 723 году изъ такой-то губерніи, на такую-то коллегію доношеніе, и потомъ дѣло, дабы подъ именемъ просто доношеніе не смѣли писать о другихъ дѣлахъ или докладывать мимо коллегій о ихъ коллежскихъ дѣлахъ.

II) А изъ коллегій, канцелярій, комиссій, которыя коллегіямъ не подчинены, писать въ сенатъ: 1) доношенія и репорты, противъ того жъ какъ изъ губерній выше опредѣлено, а хотя изъ коллегій о представленіи въ статскіе чины или о таковыхъ дѣлахъ, которые одному сенату надлежатъ, надлежитъ изъ коллегій пода-

вать въ сенатъ доношенія жь, однако же притомъ о представленіи въ чины всѣ выправен дѣлать во исполненіи сенатской должности и указомъ герольдіи, и для того заранѣе надлежитъ оной по званію своему имѣть о всѣхъ приставленныхъ къ дѣламъ полныя по указамъ вѣдомости, кто гдѣ у дѣлъ, и какъ сочтены будутъ, и во всемъ ли исправны, и имѣтъ ли какихъ подозрѣній; 2) а если какое дѣло рѣшить не можно, то въ заглавіи писать „въ правительствующій сенатъ изъ такой-то коллегіи докладъ“, и потомъ дѣло означить кратко, а притомъ приложить экстрактъ пунктами, и подъ тѣмъ экстрактомъ мнѣніе оной коллегіи подписать, и зачѣмъ докладываетъ означить, и такъ исправно дѣлать и поступать, какъ вышеписанный 724 году указъ гласитъ; 3) буде же которое мѣсто оной коллегіи не подчинено, а послѣ генеральнаго регламента чрезъ порядочную корреспонденцію исполненія не учинять, то въ сенатъ писать доношеніями жь изъ такой коллегіи на тое и тое коллегію.

Сіе учинено въ разсужденіе того жь, какъ выше и о губерніяхъ предписано.

III) Въ сенатъ же такихъ доношеніевъ изъ коллегій, чтобъ подтвердить указами въ губерніи или въ которыя мѣста, не принимать, и тѣмъ времени и дѣламъ, которые до сената зависятъ, помѣшательства не учинить, понеже всѣ коллегіи учреждены, и каждая по званію своего дѣла преимущество имѣетъ по генеральному регламенту, и потомъ подтвердительнымъ указомъ сами губернаторовъ и воеводъ штрафовать могутъ; а которыя не ихъ вѣдомства, то исправную по тому жь регламенту корреспонденцію имѣтъ, дабы впредь коллегіи не имѣли отговорки, что онѣ по званію своихъ дѣлъ въ чемъ неисправны.

IV) Когда отъ которой коллегіи по докладу въ сенатъ резолюція учинится, и хотя по вышеписанному указу велѣно оную отдавать въ тое коллегію, понеже не всегда за многоточущими дѣлами въ сенатѣ такъ скоро справиться возможно, того ради по прежнему по тѣмъ резолюціямъ посылать въ тое коллегію только одинъ указъ, а въ прочія мѣста, куда надлежитъ посылать указы или промеморіи, по той сенатской резолюціи изъ той коллегіи, и вездѣ исполнять по тѣмъ посланнымъ той коллегіи указомъ и промеморіямъ, въ такомъ преимуществѣ, какъ по сенатскимъ указомъ, а въ сенатъ по тому посланному указу дѣйствительнаго исполненія взымать только на одной той коллегіи; буде же которое мѣсто оной коллегіи не подчинено и дабы не всегда протестомъ быть,

то можно оной коллегіи въ сенатѣ на тѣхъ мѣстахъ подать краткій репортъ къ прокурорскимъ дѣламъ, гдѣ исполнительскихъ дѣлъ приуждено будетъ исправлять въ помощь той коллегіи взысканія.

V) Буде же какое дѣло новое въ сенатѣ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ или сенатскимъ резолюціямъ опредѣлено будетъ, а оное до которой коллегіи принадлежитъ, то давать также той коллегіи, какъ выше изображено, а буде дѣло нужное, и для скорости пошлются указы изъ сената во всѣ мѣста, то репорты о полученіи оныхъ принявъ въ сенатѣ, и отдавать для исполненія и взысканія по указамъ въ то же коллегію, дабы чрезъ сей порядокъ коллегіи дѣла званія своего по данному имъ генеральнаго регламента преимуществу безъ помѣшательства и впредь безъ отговорки исправлять могли, а сенатъ званія своей должности остановки и также помѣшательства не имѣлъ.

VI) А которыя нынѣ въ сенатѣ дѣла есть отъ губерній присланы, а изъ коллегій внесены противно тѣхъ указовъ, тѣ всѣ разобравъ, съ реестрами отослать въ тѣ коллегіи, къ которымъ которыя дѣла по регламентамъ принадлежатъ, кромѣ тѣхъ, которымъ по именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ и кабинетскимъ резолюціямъ особливо въ сенатѣ быть надлежитъ, дабы тѣ коллегіи и губерніи, уповаю на то, что въ сенатѣ писано, не имѣли въ чемъ напрасной отговорки, ибо они сами причиною въ упущеніи тѣхъ дѣлъ явятся, если что такимъ безпорядкомъ противно преждепосланныхъ указовъ писали и требовали указу.

VII) Понеже въ нѣкоторыхъ приговорѣхъ правительствующаго сената писано, что во исполненіе дѣлъ подтверждать частими указами, а сіе слово впредь писать не соизволено ль будетъ отмѣнить и подтвердить во всѣ мѣста, чтобъ за неисправленіе по тремъ указомъ или дубликатомъ штрафовать, ибо отъ умноженія часто подтвердительныхъ указовъ пуце въ слабость и пренебреженіе входятъ, какъ изъ сенатской конторы о томъ уже въ одну каморъ-коллегію и подтверждено, а и во всѣ мѣста по тому примѣру надобно подтвердить, и того надлежитъ наблюдать, чтобъ болѣе трехъ указовъ или промеморій не посылать, но потомъ поступать по генеральному регламенту и по вышеписанному порядку, смотря по срокамъ, какъ оныя по тому же регламенту и указомъ исполнить надлежало.

VIII) И понеже уповать можно, что по вышеписанному порядку во исполненіе должности сенатской и Ея Императорскаго Величества учрежденныхъ регламентовъ и указовъ, губерніи, опасая се-

бя отъ штрафовъ, впредь о такихъ дѣлахъ, что до коллегій принадлежитъ, въ сенатъ писать не будутъ; однакожь ежели впредь изъ которой губерніи такія доношенія противно онимъ Ея Императорскаго Величества указомъ будутъ присылать оныя въ сенатъ, получа съ помѣтою оберъ-секретаря, по ихъ должности, не докладывая сенату, отсылать въ тѣ коллегіи, къ которымъ принадлежитъ, и ежели что исполнить по указомъ надлежитъ, то оной коллегіи дать на то доношеніе письменную резолюцію и указъ, а за то того, кто писалъ въ сенатъ мимо коллегій противно вышесказанныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, штрафовать по указу и о томъ въ сенатъ для вѣдома репортовать.

„РОССІЙСКІЙ КАРТУШЪ“.

Такъ называли въ старину „славнаго вора, разбойника, извѣстнаго мошенника и того ремесла людей сыщика“, который навелъ ужасъ на жителей Москвы и ея окрестностей въ концѣ первой половины XVIII вѣка. Печатные рассказы о лихихъ дѣлахъ этого дѣйствительно замѣчательнаго, по своему, человѣка—личности, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева (см. „Исторію Россіи“, XXII, 268), типической въ своемъ родѣ, стали появляться еще съ 1775 года; нѣкоторые изъ этихъ рассказовъ писаны „такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди рассказываютъ сказки“, и сверхъ того, сопровождаются народными пѣснями, будто бы отъ него записанными. Все это доказываетъ, что Канинъ былъ въ свое время личностью общезвѣстною и даже много лѣтъ послѣ своего ареста пользовался популярностью; быть можетъ даже, что несомнѣнное удалство его возбуждало къ себѣ долю сочувствія въ нѣкоторой части общества.

Къ этимъ-го стариннымъ рассказамъ о Канинѣ, изъ которыхъ любопытнѣйшій перепечатанъ г. Григоріемъ Книжникомъ въ 1859 г. въ С.-П.б., и которые Г. В. Есповъ уже дополнилъ своимъ извлеченіемъ дѣлъ сыскаго приказа о Канинѣ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. III), здѣсь присоединяется еще нѣсколько официальныхъ документовъ, заимствованныхъ изъ государственнаго архива.

I.

Докладъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ генерала-полицеймейстера Татищевы:

По слѣдующемуся въ главной полиціи дѣлу по челобитью Коломенскаго полка солдата Федора Тарасова, о увозѣ изъ дому его дочери его дѣвки, оказалось: что опредѣленный въ Москвѣ по

указу изъ правительствующаго сената при сыскномъ приказѣ для сыска воровъ и разбойниковъ, доноситель Иванъ Каппъ, подѣ видомъ искорененія таковыхъ злодѣевъ, чинилъ въ Москвѣ многіе воровства и разбои и многія грабительства, и сверхъ того, здѣшнимъ многимъ же обывателямъ только для однихъ своихъ прибытковъ немалыя разоренія и нападки, а въ данномъ ему Каппу изъ правительствующаго сената въ 1744 году декабря 7-го дня указѣ, о чиненіи ему Каппу въ поимѣхъ воровъ и другихъ подобныхъ тому злодѣевъ вспоможенія, между прочимъ накрѣпко подтверждено, что ему Каппу въ поимѣхъ подѣ видомъ такихъ злодѣевъ иному погоропниимъ обидѣ не чинить и напрасно не клеветать подѣ такимъ же пстязаніемъ; а потомъ, по причинѣ учиненнаго имъ воровства въ 1745 году, взятъ онъ былъ въ тайную коптору, за что подлежалъ и тогда жесточайшему наказанію кнутомъ и дальпей ссылке, но въ разсужденіи томъ, дабы впредь въ сыскѣ воровъ и разбойниковъ и прочихъ подозрительныхъ людей имѣлъ онъ крѣпкое смотрѣніе, то ему было оставлено, а вмѣсто того учинено наказаніе плетымъ и подѣ страхомъ смертныя казни объявлено ему и съ подлинною, ежели впредь онъ сверхъ должности своей явится въ какихъ-либо наималѣйшихъ воровствахъ и взяткахъ, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ; но онъ Каппъ, не взирая ни на что, какъ о томъ выше сего объявлено, вмѣсто поимехъ воровъ, имѣя у себя товарищевъ фабричныхъ и солдатъ, чинилъ многіе воровства, грабежи и разбои и противные указамъ поступки, что уже имѣ при бытности моей въ Москвѣ и самымъ дѣломъ открылось, въ чемъ онъ Каппъ и самъ во всѣхъ тѣхъ своихъ преступленіяхъ безъ всякаго ему пстязанія, только по одному увѣщанію принесъ повинную и между прочимъ показалъ, что онъ то все чинилъ въ надеждѣ на имѣющихъ въ сыскномъ приказѣ судей и секретарей и протоколиста, которыхъ онъ за то, чтобы его остерегали, даривалъ и многократно въ домахъ у нихъ бывалъ, и какъ между пріятели обывающе, пивалъ у нихъ чай и съ некоторымъ и въ карты игривалъ. И тако, по тому его наказанію, сколько возможность допустила собрато товарищевъ его и прочихъ касающихся до того слѣдствія, соровъ одинъ человекъ, которыхъ должно распрашивать, а другихъ сообщниковъ же его, и которые о воровствахъ его вѣдали, а не доносили собратъ и имъ слѣдовать, чего главной полцип за врученнымъ полицейскою должности дѣлами по мпожеству объявленнаго имъ Каппомъ съ товарищами его воровъ
II отдѣлъ. 19

ства производить никакъ не возможно, ибо и нынѣ уже въ настоящихъ полицейскихъ дѣлахъ учинилась не малая остановка, а сыскному приказу объ немъ Капнѣ и о сообщникахъ его слѣдовать за выше показаннымъ лспымъ подозрѣнiемъ не только не возможно, но и весьма опасно, чтобъ къ большому воровству и разбоямъ ему Каппу съ его сообщниками поущенiя не учинилось; чего ради по всеподданнѣйшему моему мнѣнiю наискорѣе бы то его Каиново и его сообщниковъ воровство изслѣдовано и пресѣчено быть могло, ежели бы Ваше Императорское Величество изволило указать особливую для того комиссiю учинить, пожеже въ повинной его вора и разбойника Каина, сверхъ того ихъ воровства, показано взятковъ на посланнаго отъ сенатской конторы по требованiю его Каина для осмотра на стругахъ воровъ и подозрительныхъ людей Ярославскаго пѣхотнаго полка прапорщика графа Сергѣя Алексѣева сына Шереметева, тако жъ сенатской конторы на прокурора Щербинина, и на присутствующаго въ Московской полицiи совѣтника Воейкова, секретарей и приказныхъ служителей и раскольнической комиссiи на секретаря, о чемъ пространнѣе пзяснено въ приобщенномъ при семъ экстрактѣ, токмо о томъ слѣдствiя еще не учинено, ибо ежели о всемъ томъ слѣдовать въ главной полицiи, то въ настоящихъ по должности моей дѣлахъ можетъ послѣдовать совершенная остановка; того ради Вашему Императорскому Величеству о вышесписанномъ спмѣ всеподданнѣйше доносил, и гдѣ о томъ слѣдствiе производить Ваше Императорское Величество указать изволите, о томъ прошу Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа.

Алексѣй Татищевъ.

Марта 19-го дня 1749 года.

II.

Экстрактъ о винахъ бывшаго при сыскномъ приваѣ доносителя вора Ивана Каина.

Въ 1747 году на святкахъ, умысли онъ Каинъ съ товарищи своими четырьмя человекъ, прiѣхавъ днемъ въ обѣдни на стругъ Московскаго вунца Степана Клепикова и выждавъ его Клепикова изъ того струга, взяли разбоемъ денегъ болѣе тысячи руб. и другiе пожитки, а работнику его брося въ глаза золы съ солью, связавъ, бросили подъ лавку и притомъ его били.

Изъ компанейской питейной конторы содержащагося подъ карауломъ скованнаго въ побѣгѣ и въ кражѣ денегъ прикащика, подѣхавъ къ той конторѣ на извозчикѣ по согласію съ тѣмъ прикащикомъ, который тогда у караульныхъ выпросился на дворъ, якобы для нужды, увезъ, и сбивъ съ него желѣза, отпустилъ и за то взялъ съ того прикащика 50 руб.

Страстнаго дѣвичьяго монастыря старицу Елисавету, которая вышла замужъ бригадира графа Григорья Чернышева за бригаднаго писаря Алексѣя Совѣтова, и послѣ того по присылкѣ изъ духовной консисторіи держана была въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ подъ карауломъ, согласясь л.-гв. Семеновскаго полка съ солдатомъ Наговицнымъ ¹⁾ да съ отставнымъ солдатомъ, которымъ велѣлъ сказываться, будто онъ Наговицныиъ подъячій, пожеже онъ въ такомъ платьѣ нарочно наряженъ былъ, а другому солдатомъ, и будто прислапы они за тою старицею изъ духовной консисторіи, и взявъ ее изъ того монастыря по просьбѣ означеннаго Совѣтова, увезли и отдали ему Совѣтову, за что дядя оный старицы дома князя Урусова человекъ и оный Совѣтовъ дали ему Канну 150 руб.

По просьбѣ здѣшняго купца Андрея Кондратьева на заставѣ, что близъ Донскаго монастыря, остановленный онаго Кондратьева не явленный товаръ: сѣтви серебряныя по цѣнѣ на 300 руб., которыя отъ него Кондратьева отпущены были въ городъ, у приставленныхъ къ осмотру не явленныхъ товаровъ цѣловальничковъ и солдатъ, пріѣхавъ съ товарищи своими многолюдствомъ, разбоемъ взялъ и одного цѣловальника билъ и послѣ того онаго Кондратьева и съ тѣми сѣтками чрезъ другую заставу проводилъ, за что де оный Кондратьевъ далъ ему тогда 5 руб. и впредь хотѣлъ не оставлять.

Товарищъ его суколицыиъ Алексѣй Шинкарка, по приказу его одного торгующаго на живомъ мосту незнаемо чьего крестьянина Илью, а чей сынъ не показано, за непослушаніе, что оный Илья лодки не подалъ, билъ рукою, который де того жъ часа и умре.

Московскіе купцы два человекъ, а пмень ихъ не показано, прпшедъ къ нему объявили, что они везли въ Москву товары, а какіе не извѣстно, кои у нихъ остановилъ доноситель, и притомъ просили его, чтобъ онъ Каннъ какимъ-нибудь случаемъ того доносителя

---

¹⁾ Наговицныиъ и отставной солдатъ сысканы и въ увозѣ старицы видѣлись.

захватилъ въ сыскной приказъ; чтобъ имъ между тѣмъ тотъ товаръ убрать, и по той де ихъ просьбѣ пришедъ, онъ въ тотъ приказъ присутствующему тогда князю Якову Кропоткину фальшиво доносилъ, что будто тотъ доноситель отбилъ у него съ пушкрями оговорнаго человѣка, почему тотъ Кропоткинъ и велѣлъ того доносителя сыскать, котораго онъ сыскалъ привелъ въ сыскной приказъ, и хотя де онъ въ томъ и не вишился, но по осмотру явился бѣтъ кнутомъ, за что держанъ былъ недѣлю, а потомъ по наказанію за тотъ отбой плетми свободенъ, за что де вышесписанные купцы дали ему 40 рублей.

Бѣглаго ссылочнаго изъ сыскаго приказа за воровство на ка-торгу Михаила Цыганова, пойманъ въ кирпичныхъ, что близъ Донскаго монастыря, сараяхъ, отпустилъ и въ надлежащее мѣсто не привелъ, только де за отпускъ за бѣдностію взять было съ него нечего.

У цѣловальника Степана Григорьева вынулъ тайпо изъ кармана 3 руб.

Усмотрѣлъ онъ Капнъ въ городѣ ходящаго незнаемо какого человѣка въ новой шубѣ и привелъ въ сыскной приказъ, токмо никому еще не объявлялъ, и по приводѣ ощупалъ у него черезъ съ деньгами, при чемъ де тотъ человѣкъ сказалъ ему, что онъ городской купецъ, и просилъ, чтобъ онъ его отпустилъ, за что де онъ дастъ ему пѣтъ пмѣющихся у него въ черезу денегъ половинну, чего ради онъ его изъ того приказа выведни и взявъ у него пѣтъ тѣхъ денегъ половинну, напримѣръ, рублей съ тридцать, отпустилъ, а послѣ де онъ Капнъ объ немъ увѣдомился, что онъ бѣглый солдатъ, а потомъ уже и самъ видѣлъ его скованнаго.

Торгующихъ на Красной площади солдатскихъ женъ Василісу Давыдову да Катерину Васильеву съ пмѣющимся при нихъ жемчугомъ, будто бы для того, что по указу имъ въ томъ мѣстѣ жемчугомъ торговать не надлежитъ, взявъ привелъ въ домъ свой, для того, чтобъ отъ нихъ получить себѣ за то взятки и какъ де онѣ въ домѣ его дали ему по 10 руб., тогда онъ ихъ отпустилъ и гдѣ о томъ не объявлялъ.

Торгующаго въ епанечномъ ряду Кондратя Бачюрниа поймалъ на дорогѣ и говорилъ ему, что онъ бѣглый солдатъ, который, боясь его Капна, далъ ему 60 руб., чтобъ онъ впредь его не вербовалъ.

Товарищи его, посольскаго двора ученики Михайла Наживинъ и прочіе разныхъ чиновъ, съ людей срывали шапки и съ пьяныхъ

обирали платье и отнимали деньги (что де все онъ за ними вѣдалъ, а нигдѣ не доносилъ и ихъ закрывалъ); да они жь ѣздили на дорогу отбивать везеннаго въ Москву въ сыскной приказъ подъ карауломъ Попова сына, что де все опъ Капнъ за ними вѣдалъ, а нигдѣ не доносилъ и ихъ закрывалъ.

Онъ же Наживинъ сказывалъ ему, что гулящій человекъ Яковъ Григорьевъ покралъ близъ сѣнопалнаго ряда фершельную лавку, гдѣ де его и поймали, и опъ Капнъ о томъ нигдѣ не объявилъ и такъ оставилъ.

Кроющагося отъ отдачи въ солдаты города Волоколамска купца Якова Федорова въ домѣ у себя держалъ завѣдомо, а нигдѣ не объявилъ.

Казенной парусной фабрикѣ бѣглихъ матросовъ Соколова и Свѣшникова держалъ у себя въ домѣ подъ укрывательствомъ, изъ которыхъ онъ Соколовъ у одного человека отнял денегъ 15 руб., про что онъ Капнъ вѣдалъ, а нигдѣ о томъ не объявилъ.

Товарищъ его купецъ Сергѣй Чижикиъ сказывалъ ему, что солдатская дочь, а дѣвка или баба не знаетъ, приходя въ городъ съ матерью своею, въ разныхъ рядахъ крадетъ всякіе товары, а нигдѣ о томъ не объявилъ.

Разныхъ чиновъ за людьми звалъ, что они шинковали виномъ, а нигдѣ о томъ не доносилъ.

Оловяппшникъ де Ларіонъ Лазаревъ убилъ сестру свою до смерти, а нигдѣ о томъ не доносилъ.

Женку Арину Иванову по злобѣ, что она его бранила, привелъ въ сыскной приказъ и неповинно доказывалъ, что будто она про мошенничество приведенныхъ имъ Капномъ въ тотъ приказъ мошенниковъ вѣдала, и хотя де она въ томъ и запырлась, но токмо ей учинено наказаніе кпугомъ, а послѣ того онъ Капнъ на ней Аринѣ женился.

Изъ лежащаго близъ двора его Капнова купца Боровина лѣсу, приготовленнаго къ строенію, такожъ и у перестройки кружала, въ разныя времена кралъ онъ съ товарищи, какъ лѣсъ, такъ обрубки и лубья, и употребляли въ домѣ его Капнова въ дрова.

Въ нынѣшнемъ де 1749 году генваря 17-го дня онъ Капнъ изъ дому Коломенскаго полка солдата Федора Тарасова подговорилъ дочь его пятнадцатилѣтнюю дѣвку Аграфену Федорову и увезъ съ собою для непотребнаго дѣла, и державъ нѣсколько дней, отпустилъ.

Суконной фабрики съ компанейщика Григорья Бабкина, за сыскъ той фабрики ученика, который у него Бабкина укралъ денегъ

4,000 руб., взялъ 50 руб., и оный де ученикъ по сыску денегъ имъ Бабкинымъ освобожденъ, а нигдѣ о томъ онъ Каинъ не объявилъ.

Въ имѣющихся въ Москвѣ въ разныхъ трехъ домахъ, въ которыхъ производились волочильныя золотыя и серебряныя не указныя мастерства, не объявивъ въ надлежащемъ мѣстѣ и не требуя позволенія, собою чинилъ выемки и въ некоторыхъ съ тѣхъ фабрикъ работниковъ приводилъ въ домъ къ себѣ и по просьбамъ тѣхъ производителей отпускалъ, за что получилъ отъ нихъ въ разныя времена 247 руб., а некоторыхъ приводилъ въ мануфактуръ-коллегію и въ Московскую полицію, и сверхъ же того изъ одного дома взялъ два слитка серебра вѣсомъ фунтовъ въ семь, а изъ другого четыре катушки канители золотой, и не объявивъ нигдѣ, продалъ за 105 руб., за такую жъ выемку, о которой объявилъ онъ въ мануфактуръ-коллегію, взялъ съ компанейщиковъ 50 руб.

Посланнаго изъ здѣшной таможни съ виномъ въ компанейскую контору не знаемо какого человѣка по приказу его товарищи отбили, за что онъ получилъ себѣ 20 руб.

Товарищъ его суконщикъ Алексѣй Шинкарека сказывалъ ему, у Воскресенскаго де попа, что въ Кадашевѣ, воры Матвѣй Карнѣевъ да Афонасій Аншеронъ пограбили пожигки, токмо де онъ, сожалѣя его Алексѣя, не доносилъ.

Присланныхъ по него Каина изъ конторы парусной фабрики, что въ Преображенскомъ, въ которой надлежало его Каина въ держанинъ бѣглыхъ матросовъ и о прочемъ допросить, подъячаго и солдать съ товарищи своимъ билъ дубьемъ и взять себя не дался.

Съ Московскаго купца Андрона Афонасьева, за сысканіе бѣглой отъ него жены съ пожитками и деньгами, взялъ 20 руб., а гдѣ надлежитъ, какъ объ ней, такъ и звончикѣ, который про побѣгъ ея вѣдалъ и хотѣлъ отвезти въ С.-Петербургу, не объявилъ и такъ уничтожилъ.

Съ Измайлова, а имя и рангу не показано, за отысканіе бѣглаго его человѣка съ пожитками, котораго онъ Каинъ поймавъ привелъ въ домъ къ нему, взялъ 10 руб.

Съ богадѣленной нищей, у которой сынъ бѣглый ссылецъ Федоръ Чернецъ держался въ сыскомъ приказѣ, при осмотрѣ у нея въ собственной ея коробкѣ пожитковъ, нѣтъ ли какихъ положенныхъ отъ сына ея, взялъ 5 руб., поуже нашель у нея собственныхъ ея и сына ея денегъ рублевъ съ 20 или съ 30; а приказу ему о томъ не объявилъ.

Приказомъ де правительствующаго сената отъ конторы посланъ былъ наиольныхъ полковъ оберъ-офицеръ графъ Шереметевъ,¹⁾ а имя п котораго полка не показано, по причинѣ поиманныхъ имъ Каинномъ разбойниковъ, для осмотра на идущихъ въ Москву судахъ рабочихъ людей, при чемъ былъ и онъ Каинъ, и нѣсколько де человекъ подозрительныхъ людей нашли, въ томъ числѣ и съ воровскими паспортами, которые были у хозяина Армянина Марки Шпшикина, кои и отведены въ сыскной приказъ, токмо де оный Шпшикинъ въ тотъ приказъ незнаемо для чего былъ не сысканъ, а во время де того осмотра оный графъ Шереметевъ бралъ себѣ во взятокъ съ каждаго струга по два руб., въ томъ числѣ съ одного Орловскаго купца Семена Уткина взялъ онъ графъ Шереметевъ кафтанъ смурый суконный простой, да ему Каину онъ Уткинъ далъ 10 руб. за то, чтобъ они на его струги бурлаковъ не осматривали и никакой турбаціи имъ не чинили, за что де они съ того струга ни кого и не взяли, да тогда жъ де оный Шереметевъ со струга купца Логина Ленешева за то жъ взялъ барана живаго большаго; а послѣ де того онъ Каинъ съ товарищи своимъ на имѣющихся въ Москвѣ и близъ Москвы стругахъ по два года ходилъ по стругамъ для осмотра работниковъ, и хотя де нахаживалъ подозрительныхъ, кои уже биты кнутомъ, по тоемо ихъ не брали, ибо де за то онъ Каинъ бралъ тѣхъ струговъ съ хозяевъ по рублю и по полтинѣ, а иные давали ему и мукою, а съ одного де купца Никиты Набокова, устраивая его, что объявленные Шпшикина работники и его остановленный на меліи стругъ вели, взялъ 10 руб.

Въ Новой слободѣ съ мясниковъ за то, что они въ домахъ своихъ бьютъ скотину, и за то, чтобъ на съѣзжій дворъ не водили, взялъ 5 рублей.

Тверскаго лѣснаго ряда съ промышленниковъ, которые приведены были имъ съ вырубленнымъ изъ государевой рощи лѣсомъ на съѣзжій дворъ за то, чтобъ онъ на ихъ впредь не доносилъ и турбаціи никакой не чинилъ, взялъ 15 руб.

Какъ де онъ Каинъ бралъ причившагося въ кражѣ вора Алексѣя Журки жену, а имени не знаетъ, тогда забралъ изъ дому ее епанечки, юпки и рубашки, и не объявля въ сыскомъ приказѣ, продалъ, а кому именно—не поминтъ.

¹⁾ Справкою изъ сысканаго приказа показано, что посыланъ былъ Ярославскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ графъ Сергѣй Алексѣевъ сынъ Шереметевъ.

Съ маслника, а имя не упомянуть, у коего ставвали имѣющіе на стругахъ бурлаки, за то, чтобъ онъ впредь его не турбанплъ, взялъ 30 руб.

Съ пріѣзжихъ изъ Малороссіи маркптантовъ, копхъ онъ устращивалъ и спрашивалъ—есть ли паспорта, взялъ 10 руб. и болѣе ихъ не турбанпвалъ.

Въ домъ свой приваживалъ бурлаковъ, кого гдѣ поймаеть, и бпвалъ и съ кого чтò возметъ, хотя бъ и подозрителенъ былъ, отпускавалъ, а съ кого взять печего, приводплъ въ сыскной прпказъ.

Съ соляннхъ цѣловальнпковъ за обвѣсъ солью мужпковъ, за то, чтобъ доношенія въ соляную контору о томъ не подавалъ, взялъ 20 руб.

Съ пзвощпка Ивана Гордѣва, который у одной женки, а имени не показано, увезъ связку ппзанную, за то, чтобъ его въ сыскной прпказъ не приводптъ, взялъ 5 руб. и его отпустилъ.

Съ купеческаго человѣка Данпша Томплна, за сысканіе бѣглаго его работника и за отдачу ему, взялъ 3 руб.

Съ одного оберъ - офпцера, прозваніемъ Кулебякпна, который его проспль, не вѣдаетъ ли онъ куда бъ его въ посылку употребить, на чтò де опъ Калнъ обманомъ ему обѣщаль сыскать посылку для сыску воровъ, и за то де опъ Кулебякпнъ далъ ему Капну 10 руб., и хотя де онъ неоднократно за тѣмъ къ нему Капну присылалъ, но онъ ничего не учинплъ п отговарпвался фальшпво, что будто онъ за тѣмъ ходптъ къ генералу и кавалеру Левашеву, а потомъ де онъ Кулебякпнъ п прислать къ нему не сталъ.

У кунцевъ Ивана Лукпна да Ивана Турченпнова взялъ обманомъ у одного часы серебряные якобы на поддержаніе, а у друго-го епанчу лпсью, покрытую сукномъ, будто бы для почппки портному, и послѣ того часы заложплъ, а епанчу продалъ.

Съ женки, а какъ ее зовутъ не упомянуть, кои шла по болоту съ содержащимся въ сыскомъ прпказѣ воромъ Гераспмомъ Емельяновымъ, который тогда уже былъ свободженъ, причпная оную женку ему б...ю, взялъ 40 руб., да съ него Гераспма товарищъ его Платопъ, а послѣ де того оная женка въ кражѣ пожитковъ держалась въ сыскомъ прпказѣ п сослана въ ссылку.

Съ маслянпка, а имя не показано, у коего онъ усмотрѣлъ въ деньгахъ фальшпвыхъ грпвенпковъ разныхъ чекановъ, алтынъ съ десять, да полтпнникъ или рублевнкъ не упомянуть, бивъ его въ домѣ своемъ держалъ одну ночь, а какъ де онпй маслянпкъ далъ ему 10 или 20 руб. не упомянуть, тогда де онъ его отпустилъ, а

фальшивые гривенники и полтинникъ онъ Каинъ бросилъ въ воду.

Съ раскольникъ, а имя и отечества не показано, котораго онъ Каинъ въ домѣ своемъ билъ и спрашивалъ про расколъ, въ чемъ онъ и повинился, взялъ имѣющагося при немъ денегъ съ 40 руб. или больше не упомянуть и отвелъ въ раскольниковскую комиссію, а какъ его въ той комиссіи по взятіи тѣхъ денегъ спрашивали, тогда онъ Каинъ заирался.

Въ домѣ раскольникъ Петра Петрова, въ который онъ пріѣзжалъ съ конвоемъ, вошедъ въ верхнюю свѣтлицу, отъ конвойныхъ тайно отперши сундукъ, укралъ денегъ 40 руб., да при попыткѣ одного раскольникъ, осмотра у него въ карманѣ, взялъ 10 руб.

Изъ дому одного раскольникъ взявъ съ товарщицами своими дѣвку и приведши въ домъ свой, сѣкъ плетью и спрашивалъ о хозяйнѣ, что онъ раскольникъ ли? Токмо она въ томъ не винилась, а на другой де день по просьбѣ хозяйна ея, а имя не знаетъ, ону дѣвку ему отдалъ и за то взялъ съ него 20 руб.

Какъ де онъ Каинъ изъ раскольниковской комиссіи посланъ былъ съ командою для сыску раскольниковъ, тогда де какъ онъ, такъ и товарищи его, тайно отъ конвойныхъ бралъ разное платье, да съ одного раскольника онъ Каинъ взялъ 10 или 15 руб. и отпустилъ.

При взятіи изъ Ивановскаго монастыря въ раскольниковскую комиссію старицъ, кои явились въ расколѣ, одну старуху, а имя не показано, онъ Каинъ отпустилъ, а какъ де онъ Каинъ въ отпускѣ той старухи взятъ былъ въ ту комиссію и держанъ подъ карауломъ, тогда по свободѣ, пришедъ той комиссіи къ секретарю Ивану Шаврову, подарилъ платкомъ италіанскимъ и просилъ, чтобъ онъ его къ сыску той старухи не принуждалъ, а послѣ того въ разныя времена переслалъ къ нему ренскаго рубли на три, и послѣ того оной старухи отъ него не требовано.

По просьбѣ епанечнаго ряда двухъ человекъ купцовъ взятаго на монастырское подворье одного человекъ ¹⁾ для отдачи въ рекруты сковапнаго, пріѣхавъ съ товарищи своими, взялъ сильно, и привезши въ домъ свой, отдалъ тѣмъ купцамъ, за что взилъ съ нихъ 10 руб.

По просьбѣ мапстейнаго ряда купца Ивана Егорова, пріѣхавъ съ товарищи своими и со взятою съ артиллерійской сѣзжей командою въ домъ Московскаго купца Емельяна Юфатова, искалъ незнаемо какого человекъ, который объявленному Егорову потре-

¹⁾ Кто именно купцы и котораго монастыря подворье, не показано.

бевъ былъ для отдачи въ рекруты и причинилъ ему Юфатову не малую обиду и забралъ изъ дому его 10 оленей дѣланныхъ, да 10 замшей и проч., и бивъ работниковъ его и перевязавъ, съ собою увелъ, кон у него и ночевалъ, а послѣ того съ нимъ Юфатовымъ мирился, и при томъ же онъ Юфатовъ сказывалъ ему, что онъ за стараніе по тому дѣлу далъ сенатской конторы прокурору Щербинину 10 руб. да графа Петра Шереметева дворецкому 10 р.

Купца Колобова съ сидѣльца за сысканіе бѣглой его работницы съ краденымъ стаканомъ серебрянымъ и за отдачу ему взялъ 1 руб.

За сысканіе бѣглаго изъ дому князя Голицына, а имя не помнитъ, человѣка съ пожитками, взялъ 1 руб., а съ держателя его, у коего тотъ бѣглый жилъ и у него жъ въ домѣ имѣлось нецотребство, 3 руб., и для того о томъ нигдѣ не объявлялъ.

Съ компанейщика Бабушкина, за сысканіе бѣглаго сидѣльца его, взялъ 20 руб., да и другихъ таковыхъ же бѣглыхъ отъ помѣщиковъ съ пожитками поймавъ отводилъ въ дома и за то получалъ себѣ плату; а нигдѣ о томъ не объявлялъ.

На Красной площади усмотря одного человѣка, а имя не помнитъ, что продаетъ табакерку золотую изломанную, и признавалъ, что она краденая, повелъ того человѣка въ сыскной приказъ и дорогою же отъ той табакерки отломилъ тайно кусочекъ и послѣ того продалъ за 10 руб., а съ достальнымъ того человѣка привелъ въ сыскной приказъ.

Питейной компаніи компанейщика Михайла Савина съ прикащика его Ивана Михайлова, за психодатайствованіе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ увезенныхъ у онаго прикащика пзвощикомъ того монастыря крестьяниномъ денегъ 150 руб., взялъ 5 руб., а хотя де тотъ извозчикъ и не во всѣхъ тѣхъ деньгахъ виновалъ, токмо онъ Кантъ нигдѣ о томъ не объявлялъ.

По пмѣющемуся въ сыскномъ приказѣ о покражѣ изъ дому камергера Корфа пожитковъ и серебряной посуды сысканъ былъ имъ Кантомъ не знаемо котораго полка капраль или унтеръ-офцеръ не знаетъ, въ покупкѣ того краденнаго серебра и приведенъ де въ сыскной приказъ, а того жъ де дня и съ той покупкой пмъ посуды нѣсколько принесено, а на третій или четвертый день оный капраль и освобоженъ, а того жъ де приказу подкапцеллярствъ Андрей Аверкиевъ, у коего то дѣло было, сказывалъ ему, что у того капрала и еще изъ того купнаго остались чарки и проч., и то де уже расположится взять на другихъ.

Въ 744 году зимнимъ временемъ по оговору воровъ бѣглыхъ солдатъ Волкова да Колесова, а именъ не показано, взята была въ сыскной приказъ женка Маркова дочь, которая имѣла у себя воровскую пристань, пзъ того приказа безъ всякаго наказанія свобожена, да и въ другихъ де приводахъ она въ томъ приказѣ бывала, только потому жъ безъ наказанія свободы оная Маркова пзъ-за взятковъ получала.

Содержащійся въ сыскомъ приказѣ Варварской школы бѣглый никовникъ Иванъ Теренинъ показалъ, что онъ жилъ за Лузою у женки Григорьевой дочери, а пмя не показано, п пзъ краденыхъ пожитковъ оставилъ у нея двѣ юпки: одну коломенковую а другую коноватную, которая была сыскана п свобожена, а тѣхъ де краденыхъ юпокъ отъ нея не взято, да потому жъ де дѣлу оговорный въ кражѣ суконщикъ Данила, а отечества не показано,—не сысканъ.

Въ жптельствѣ бѣглаго солдата Максима, а чей сынъ не показано, на котораго въ сыскомъ приказѣ былъ оговоръ въ кражѣ пожитковъ, въ небытность онаго Максима съ товарищи своимъ забралъ онъ Каинъ шубъ нагольныхъ овчинныхъ съ десять да всякой мелочи рубашекъ п проч., которое п продали, сверхъ же того, нашлп подъ избою въ песокъ денегъ рублей съ десять п раздѣлили по себѣ, а въ сыскомъ приказѣ не объявлп; а послѣ де того п онаго Максима поймали п привели въ сыскной приказъ.

По имѣющемуся въ сыскомъ приказѣ дѣлу велѣно сыскать цѣловальниковъ Васплья Иванова да Алексѣя Ѳедорова, у которыхъ жилъ ветошникъ, то къ тому де правящій секретарскую должность Дмитрій Аверкіевъ ихъ не сыскивалъ для того, что они ему Аверкіеву въ домѣ его дали 10 руб.

По дѣлу о кражѣ пзъ дому Тараканова, а котораго не знаетъ, пожитковъ, приплчился цѣловальникъ Алексѣй Ѳедоровъ, который де и сыскивалъ въ сыскной приказъ, а что съ нимъ учпнено, не знаетъ, тоямо де послѣ того онѣй Алексѣй сказывалъ ему Каину, что отъ того дѣла стало ему убытка,—сверхъ того что мукою п прочимъ, дарилъ деньгами въ 50 руб., а кому именно что давалъ не сказалъ.

Содержащаяся де въ сыскомъ приказѣ колодница Акулина Леонтьева, призвавъ его Каина къ себѣ, отдала ему краденую епанечку тафтяную алую на замчьемъ мѣху, которая у нея была въ закладѣ, и онъ де онаго приказа протоколистъ Степанъ Молчановъ оную епанечку взялъ къ себѣ п отнесъ въ домъ свой, о

чемъ де извѣстны подъячіе Андрей Аверкіевъ да Ивалъ Коноваловъ; да оный же Молчановъ при взятіи разбойниковъ изъ пожитковъ огородника, у коего они пристаивъ имѣли, навязалъ цѣлый узелъ и взялъ къ себѣ, да и при всѣхъ таковыхъ внемкахъ какъ секретари, такъ и подъячіе то чинили.

Того жъ де приказу секретари и протоколиствъ, будучи въ приказѣ, почасту говаривали ему Капну, чтобъ онъ позвалъ ихъ въ питейный погребъ и поплъ ренскимъ, которыхъ де онъ и панвалъ и издерживалъ на то по рублю и больше; за то, когда на него Каина произойдетъ въ томъ приказѣ какая въ чемъ жалоба, чтобъ они ему въ томъ помогали, и съ тѣми людьми не допуская въ дальное слѣдствіе, мирили, что де и самымъ дѣломъ бывало неоднократно, и сверхъ того, даривалъ ихъ шапками, платками, перчатками и шляпами и къ Вербиному воскресенію раскрашенными вербамъ, а протоколисту и сукна на камзолъ; да женѣ его бархату чернаго аршинъ, да обьяри на балахонъ и на юпку, да 3 или 4 платка италіянскихъ. А одипъ де секретарь Иванъ Богомоловъ, при осмотрѣ въ одномъ домѣ, гдѣ приставали воры, не явится ль воровскихъ пожитковъ, взялъ образъ маленькій, обложенъ серебромъ, и отвезъ въ домъ свой; да того жъ де приказу судья Аванасій Сытинъ говаривалъ ему Капну въ домѣ своемъ, въ коемъ онъ у него бывалъ часто и пивалъ съ нимъ чай, что онъ мало къ нимъ воровъ водитъ, у него де нѣтъ сахару и чаю, почему онъ Капнъ, купя въ городѣ сахару кенарскаго полпуда, отпесъ къ нему, и сверхъ того онъ Сытинъ бралъ его Каина съ собою часто для разныхъ покупокъ, за которыя деньги отдавалъ не всѣ, а послѣ онъ Капнъ доплачивалъ своимъ, а иногда посыливалъ его Каина для всякихъ покупокъ и одного только съ человѣкомъ своимъ, которое онъ покупалъ на свои жъ деньги, а какъ де онъ Капнъ въ домъ его Сытина по призыву его ходитъ пересталъ, тогда де онъ Сытинъ и поставленныхъ къ нему для сыску воровъ солдатъ изъ дому свелъ; да того жъ де приказу судѣ Егору Непѣнину самому и чрезъ служителя его передарилъ вартъ дюжины съ двѣ; и въ одно время въ домѣ его игралъ съ нимъ Непѣнинимъ по приказу его для забавы безденежно въ карты, въ называемую игру ....., да ихъ же де Сытипа и Непѣнина къ Вербиному воскресенію купя подарилъ по крашеной вербѣ, и въ той де надеждѣ на ихъ судей и секретарей и протоколиста онъ Капнъ вышешисанныя продержости и чинилъ, а безъ того дарить бы ихъ не изъ чего, оные жъ секретари и протоколиствъ,

что у него Капна въ домѣ имѣлась зернь, знали и въ бытность у него въ домѣ и игроковъ впадали.

Вышежилица Евсеева дочь, а имя не показано, коя уже подозрительна, бита кнутомъ въ неоднократныхъ приводахъ въ сыскомъ приказѣ въ покупкѣ краденаго была, но правящимъ секретарскую должность Дмитриемъ Аверкіевымъ изъ взятокъ свободена.

По просьбамъ разныхъ чиповъ людей сыскивалъ онъ съ товарищи своихъ тѣхъ, кои имя должны, и отъ нихъ укрываются, и за то получалъ съ нихъ въ разные времена 103 руб., да и прочимъ де таковымъ должникамъ онъ Капнъ сыски по просьбамъ чиповъ и за то получалъ себѣ плату, и почему и по чьимъ просьбамъ и кого именномъ сыскивалъ, не упомянуть.

По дѣлу о кражѣ изъ дому здѣшняго купца Григорья Федорова пожитковъ, держался въ Московской полиціи судѣлецъ его Семенъ Семеновъ и вскорѣ свободенъ, а потомъ взятъ, и онъ Капнъ былъ въ ту жь полицію и держанъ подъ карауломъ въ дѣлѣ съ іедѣлю, въ томъ, что онъ Капнъ того Семениова въ домѣ объявленнаго хозяина его о кражѣ тѣхъ пожитковъ спрашивалъ и билъ, да и самъ де оный хозяинъ тогда держанъ былъ въ цѣпъ жь многое время, и за свободу де себя далъ онъ Капнъ присутствующему въ той Московской полиціи совѣтнику Воейкову 50 руб., секретарю Захару Фокину 3 руб., канцеляристу Будаеву 7 руб., да обрѣтающемуся при немъ Воейковѣ капралу штаны замшевые черныя, да по свободѣ сыну его Воейкова Алексѣю, за старание объ немъ Капнѣ, подарилъ рукавицы бархатныя зеленыя, обложены голуномъ золотымъ, да двѣ шапки круглыя бархатныя.

По челобитью главной аптеки купчины Василья Ильина, сыскивалъ былъ въ Московскую полицію зять его купецъ Иванъ Турчениновъ, и ко двору его приставленъ былъ караулъ, а какъ де онъ Капнъ отъ того Турченинова по два раза давалъ въ домѣ той полиціи секретарю Якову Фокину по 10 руб., тогда оный караулъ былъ и сведенъ, да по тому жь де дѣлу отъ него Турченинова далъ онъ Капнъ той полиціи совѣтнику Воейкову 10 руб.

Содержащійся въ Московской полиціи по приводу его Капнову въ пропзведеніи безъ указу плющильной работы кузнецъ Петръ Алексѣевъ, по свободѣ изъ полиціи далъ ему 15 руб., за то, чтобъ онъ впредь на него не доносилъ, и притомъ сказывалъ, что ему отъ того дѣла стало въ полиціи убытку рублей въ 70, а кому что давалъ—не объявлялъ, только де послѣ того въ бытность

его Капнову въ полиціи канцеляристь Егоръ Жеребцовъ говорилъ, чтобъ онъ Капнъ того кузнеца впредь не турбовалъ, понеже де онъ по тому дѣлу взялъ съ него 11 руб.

По имѣющемуся въ сыскомъ приказѣ дѣлу о случившемся въ Страстномъ дѣвичьемъ монастырѣ пожарѣ подлежала сыскать жена Данилова дочь, кою онъ и сыскивалъ, а послѣ де того, сонедши съ нимъ, Московской полиціи канцеляристь Николай Будаевъ говорилъ о вышеписанной Даниловой дочери, чтобъ онъ ея не сыскивалъ.

Казенной парусной фабрики, что въ Преображенскомъ, матросы Соколовъ и Свѣшниковъ сказывали ему, что де той ихъ фабрики матросы жь, выѣхавъ на дорогу, отбили невѣдомо какихъ чиновъ у людей кумачи, а послѣ де того оные матросы по прошенію тѣхъ грабленныхъ той фабрики директоромъ сысканы и помиревы, а все ль грабленное отыскано, не знаетъ.

Когда де у кого что пропадало, присылавали къ нему Капну сказывать, о чемъ де онъ заказывалъ торгующимъ на площади выжежникамъ, ежели кто что краденое вынесетъ продавать, то бы они ему объявляли, почему тѣ выжежники такихъ людей къ нему и прваживали, коихъ онъ съ малыми кражами отдавалъ въ домъ, а никуда не приводилъ, и за то отъ тѣхъ домовъ получалъ мукою и прочимъ запасомъ, а чьихъ именно домовъ—за множествомъ сказать не можетъ; а у кого де учинится и большая покража, то онъ Капнъ сыскивалъ такимъ же случаемъ, а чтобъ тѣ воры сами о томъ ему сказывали, въ томъ онъ Капнъ запирался.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ ЧУМЫ ВЪ МОСКВѢ ВЪ 1771 ГОДУ.

Событія, сопровождавшія развитіе чумной заразы въ Москвѣ въ 1771 году, составляютъ одинъ изъ характерныхъ фактовъ въ „народной“ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) исторіи XVIII вѣка. Въ ряду извѣстій объ этихъ событіяхъ видное мѣсто принадлежатъ печатаемому ниже современному, писанному неизвѣстнымъ, въ сожалѣнію, очевидцемъ ихъ, документу, который хотя и былъ уже обнаруженъ въ статьѣ П. К. Куріянова, въ Русскомъ Словѣ 1860 года, № 11, но здѣсь является съ значительными дополненіями и исправленіями текста по старинному списку, обязательно сообщенному П. А. Ефремовымъ.

Письмо, пущенное изъ Москвы отъ 31-го октября 1771 года.

Любезный другъ!

Пущеннымъ отъ 21-го числа сего мѣсяца требуешь, чтобъ я тебя обстоятельно увѣдомилъ о такомъ дѣлѣ, которое растравить должно мои рапы и подвинуть всю внутреннюю. Внемли. Давно уже писалъ я къ тебѣ, что по причинѣ успявшейся здѣсь болѣзни всѣ, не токмо не привязанные къ дѣламъ бояра, но и тѣ, которымъ поручено правленіе города, разѣхались по деревнямъ; на дворахъ остались одиѣ холопы, и тѣ голодные; раскольники и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ домовъ, запечатаніе бань, непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія комиссією учрежденныя распоряженія. Попы не столько для святости, сколько для корысти, учредили по приходамъ, безъ дозволенія на то

пастырсаго, ежедневные крестные ходы; народъ отъ сихъ ходовъ и пуще заражался, пбо мѣшался тутъ большые и зараженные съ здоровыми. Попы, увидя напоследокъ, что отъ ходовъ и сами начали умирать, какъ имъ отъ архіерея предсказываемо было, бросили хожденіе. Что жь?... Праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Въ пачалѣ сентября поплъ Всѣхъ Святыхъ, что на Кулпчкахъ, выдумалъ чудо съ помощію фабричнаго. На Варварскихъ воротахъ древній былъ образъ Боголюбскія Богоматери. Вдругъ начался тутъ молебны и всенощныя: чудо выдумано такое, которое ни съ величествомъ Божіицы, ни съ вѣрою здоровою, ниже съ разумомъ не согласно: будто фабричный пересказывалъ попу, что видѣлъ онъ во снѣ Богоматерь, вѣщающую къ нему такъ: что понеже 30 лѣтъ прошло, какъ у Ея на Варварскихъ воротахъ образу не токмо никто не пѣлъ николи молеба, ниже поставляема была свѣча, то за сіе Христосъ хотѣлъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упростила, дабы трехмѣсячный былъ моръ. Изрядная сказка! Не токмо чернь, но купечество, а особливо жепскій полъ, слушая такое разсказы фабричнаго, прсѣдящаго у Варварскихъ воротъ и собирающаго деньги съ провозглашеніемъ: „порадѣйте, православные, Богоматери на всемірную свѣчу!“—въ запуски старался изъявить свою пажность. Мерзкіе козлы (попамн грѣхъ назвать!), оставя свои приходы и церковныя требы, собрался тутъ съ паломнц, дѣлая торжпще, а не богомоліе. Дошло сіе до ушей покойнаго владыки, который по причинѣ оказавшейся въ Чудовѣ заразы, высылая большыхъ, въ заперти сѣлъ. Опъ почиталъ за долгъ, и регламентомъ, и монаршими указами предписанный, достигнуть и пресѣчь сіе позорище. Первое его по сему дѣлу было намѣреніе удалить оттуда поповъ, и икону перепестъ (пбо въ воротахъ ни проѣзду, ни проходу не было по причинѣ приставленной лѣстницы) въ новпостроенную Ея Величествомъ тутъ же у Варварскихъ воротъ Кира и Іоанна церковь, а собранныя тамо деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательный домъ, въ коемъ онъ опекуномъ былъ. Требуемые въ конисторію попы не токмо отрелись пдти, но и еще угрожали присланнымъ псбптіемъ ихъ каменьями. Между тѣмъ язва такъ усилилась въ градѣ, что по 900 слишкомъ въ день умирали; а какъ по предписанію докторскому запрещаемо было прикосновеніе и тѣсныя между пародомъ всякія сборища, то не могъ обойтись преосвященный, чтобъ о такомъ у Варварскихъ воротъ пародномъ

сборищѣ не посовѣтовать съ господиномъ Еропкинымъ, который одинъ только и былъ въ городѣ начальникъ, также и о способахъ къ прекращенію онаго сходбища. Страхъ, дабы не обратитъ на себя простолюдимовъ, произвелъ у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени перенесеніе иконы; а дабы собираемыя у Варварскихъ воротъ деньги чрезъ фабричныхъ не могли быть расхищены, то приложить къ ящикамъ консисторскую печать; для безопаснѣйшаго же исполненія сего дѣла обѣщаль г. Еропкинъ прислать отъ себя нѣсколькихъ солдатъ Великолуцкаго полку. 15-го числа сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ рѣченная команда, въ 6 солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ состоящая. Съ семи военными людьми посланы были, въ надеждѣ, что простой народъ разошелся, двое подъячихъ съ консисторскою печатью и третій попъ, зачинщикъ чудеса, который того дня допрашиванъ былъ о чудѣ въ консисторіи, къ Варварскимъ воротамъ. Но прежде, нежели пришла команда, плацъ-маіоръ былъ уже предувѣдомленъ о томъ, видно отъ попа Всесвятскаго, съ которымъ онъ и дѣлился сборами денежными. Онъ приложилъ къ сундукамъ денежнымъ свои печати и разгласилъ, что въ вечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ, у Варварскихъ воротъ находившихся, и другихъ, проходившихъ тутъ для богомоленія, и ожидалъ уже въ готовности вступить съ присланными въ бой. Что плацъ-маіоръ всему бунту начало, въ томъ Успенскій ключарь и подъячій консисторіи неложные свидѣтели, ибо, во первыхъ, когда по случаю ѣхалъ мимо ворота Варварскихъ ключарь, то спрашиванъ былъ отъ плацъ-маіора, скоро ли де вашъ архіерей сюда будетъ брать икону; а потомъ, когда и команда прислана была изъ консисторіи, то нашла уже вооруженныхъ большую часть народа. Едва только подъячій хотѣлъ приложить консисторскую печать къ сундукамъ, какъ вдругъ данъ былъ голосъ: „Бейте ихъ!“ Солдаты, обороня подъячихъ, перебиты были. Драка сдѣлалась ужаснѣйшая. Сбѣжавшимся со дворовъ людямъ сказано было отъ баталіонныхъ солдатъ, что грабить икону. Вдругъ ударили въ набатъ въ приходскихъ церквахъ, потомъ на Спасскихъ воротахъ въ городской набатъ, а наконецъ и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ. Народъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, топорами и другими убивственными орудіями. О такомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыка немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ къ Михайлѣ Григорьевичу Собакину, въ наде-

ждѣ тамъ переночевать, яко ѱ холостаго челоуѣка. Мы его застали больного, въ постелѣ, и отъ набатсвѣ въ великій страхъ пришедшаго. Мы принуждены его оставить и совѣтъ положили—оттуда ѣхать къ г. Еропкину; но какъ только со двора отъ г. Собакина выѣхали, то онъ приказалъ мнѣ себя везти въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли успѣть, чтобъ туда, то есть, въ Донской, не ѣхать. Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Толпами народъ бѣжалъ, крича: „Грабятъ Боголюбскую Богоматерь!“ Всѣ были, даже до робятъ вооружены, всѣ какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли, бѣжали, куда ихъ стремление къ убійству и грабительству влекло. Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь, въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію. Я и не воображалъ, чтобъ на Чудовѣ было нападеніе, но владычій духъ все сіе предвѣщалъ: нравъ народа ему повѣстныи былъ. Въ тотъ же вечеръ обратившаяся отъ Варварскихъ воротъ червь устремилась ночью на Чудовъ монастырь, и разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грозя убить его. Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, похищаемо, разоряемо и до основанія пстрѣляемо было: верхнія и нижнія архіерейскія кельи, тѣ, гдѣ я и съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія и всѣ монашескія, также и казенная палата со всѣмъ, что въ опой ни было, разграблены; окна, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, даже и въ самой домовой архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самый алтарь въ локутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, который по усердію будто за икону вооружился. Тому же жребію подвержены были наши бібліотеки и бумаги. Въ то время жилъ въ Чудовѣ для излѣченія болѣзни пріѣхавшій архимандритъ Воскресенскаго монастыря Никонъ, меньшей родной братъ владыки покойнаго; червь, пашедъ его и почтвая архіереевъ, не токмо совсѣмъ ограбилъ и хотя до смерти не убилъ, однако онъ отъ страха въ умѣ помѣшался и скоро умеръ.

Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были Чудовскіе погреба, въ наемъ Птицыну и другими купцами отдаваемые съ французскою водкою, разными винами и аглицкимъ пивомъ! Не токмо мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить; однимъ словомъ, цѣлыя сутки грабленъ и расхищаемъ былъ Чудовъ, и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолуцкій для защищенія оставленный города? Гдѣ, наконецъ, градодержате-

ли? Изъ сего заключить можешь, что городъ оставленъ и брошенъ былъ безъ всякаго призрачія; одинъ только г. Еропкинъ,—и того убійцы искали жизни; прочіе же по деревьямъ всѣ разбѣхались. Ѳеодоръ Ивановичъ Мамоновъ на гобвахтѣ просить хотя десяти человѣкъ солдатъ, съ конми могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова; но капитанъ отозвался неимѣніемъ на то указа; и такъ до тѣхъ поръ дрался съ чернью въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибитъ былъ каменьемъ. О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, то есть, 16-го числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ Донскаго монастыря одного служителя. Въ такомъ случаѣ не осталось намъ внаго дѣлать, какъ поскорѣе удалиться изъ города; мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города не былъ выпускаемъ. Владыка приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ письменно г. Еропкину съ таковымъ представленіемъ, что посланная съ общаго ихъ согласія къ Варварскимъ воротамъ для извѣстнаго дѣла команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита, что устремившаяся ночью на Чудовъ чернь весь разграбила, и однѣ только голыя оставила стѣны, что она же чернь вездѣ искала его убить, по особливимъ Божиимъ провидѣніемъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсвирѣпѣвшей черни принуждаютъ его искать убѣжища внѣ города. Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободнаго отъ города выпуску, что въ Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшуюся братією принялъ онъ въ свое призрачіе, и чтобъ о таковомъ плачевномъ его состояніи благоволилъ въ С.-Петербургу представить. вмѣсто билета присланъ былъ отъ г. Еропкина конной гвардіи офицеръ, чтобъ владыка поскорѣе выѣхалъ изъ Донскаго монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали. Сказавъ сіе, побѣжалъ отъ насъ, давъ знать, что онъ насъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкаго и оттуда велить его проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыка уѣхать. Между тѣмъ какъ владыка переодѣвался, и пока сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленіе, слышали шумъ, крикъ и пальбу около Донскаго монастыря. Чернь, отбивъ карантинны и Даниловъ монастырь и другіе карантинныя дома, спѣшила къ Донскому монастырю. Какимъ образомъ свѣдали они о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, до сихъ поръ закрыта сія тайна: или посланный поутру въ Чудовъ монастырь для развѣдыванія служитель разгласилъ неосторожно, или монастырскіе слуги Донскіе раз-

20*

сказали; послѣднее вѣроятіе. Ужь была подвезена кибитка, въ которую лишь только хотѣлъ владыка, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и выѣхать изъ монастыря, какъ вдругъ убійцы начали ломать монастырскія со всѣхъ сторонъ ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло. Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, искали себѣ спасенія. Владыка, съ Никольскимъ архимандритомъ Епифаніемъ, пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли литургію. Разсѣявшаяся по монастырю чернь, состоящая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, имѣя въ рукахъ рогатины, топоры и всякія убійственныя орудія, искали вездѣ архіерея. Всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь вѣдать, гдѣ скрылся архіерей. Злодѣи еще въ Чудовѣ знали по единогласному отъ всѣхъ признанію, что владыка со мной и въ моей каретѣ уѣхалъ. Тутъ они ее на монастырѣ увидѣли. Повѣривши ли, любезный другъ, что одинъ изъ подъячихъ нашей канцеляріи тутъ же былъ, объявилъ о моей каретѣ, кучерѣ и лакеѣ, коп смертельно биты были, чтобъ объ архіерей и обо мнѣ объявили. Свѣдали наконецъ они, что архіерей въ церкви и я скрылся въ банѣ (ибо мой малой, посадя меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворами въ руки, а притомъ въ то время сидѣли въ банѣ двое монастырскихъ слугъ и топили баню). Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни; страдалецъ, изъ алтаря увидѣвъ, что народъ съ оружіемъ и дрекольями вошелъ въ церковь, исповѣдался у служащаго священника и, приобщившись Святыхъ Таинъ, пошелъ на хоры позади иконостаса. Между тѣмъ какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ алтарь и искали тамъ покойнаго владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой, въ какомъ былъ тогда я отчаяніи жизни моей! Подъятыя на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимся. Просилъ я ихъ о нечпненіи мнѣ зла; вдвое того просили не знаю еще какіе сторонніе люди, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человѣка, въ числѣ коихъ былъ и вышепомянутый подъячій нашъ Красной. Меня потащили изъ бани, и встрѣтившаяся другая партія лишила бѣ меня жизни, хотя двѣ и получилъ отъ нихъ контузіи, еслибъ первые мои злодѣи не приняли меня подъ свое защищеніе; такое то дѣйствіе золота и серебра! Едва взошелъ я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ увидѣлъ провожаема изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ покойнаго страдальца. Роксовая встрѣча! Злодѣи мои закричали: „вотъ онъ!“ бросили меня полу-

мертва. Представь себѣ, любезный другъ, что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходило! Сидя еще въ банѣ, приуговилъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцевъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца. Тутъ уповаль, что неминуемо вмѣстѣ съ владыкою потащутъ и меня изъ монастыря; но Божіе правосудіе сохранило меня цѣла и невредима. Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ виновныхъ и порочнѣйшихъ людей, въ нынѣшнія жъ безвинный архіерей и пастырь вытасненъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе. вотъ плоды преосвященнаго вѣка!... Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію той жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыка убитъ до смерти!... Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мучительскимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа. Спустя четверть часа скончался новый Московскій мученикъ, и тѣло избитое и обогрешенное кровію лежало на распутіи день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены чрезъ полицейскую команду заблагоразсудили поднять. Вотъ точная трагедія, коею былъ я зрителемъ. Проливъ неповинную кровь, убійцы побѣжали къ г. Еропкинну, угрожая и его лишити жизни, такъ какъ и всѣхъ докторовъ. Можетъ быть, сіе исполнилось, елибъ г. Еропкинъ не собралъ Веліколуцкаго полку, за тридцать верстъ расположившагося отъ Москвы. Помощію сего полка выгнаны были того жъ вечера всѣ грабители и разорители Чудова, очищенъ Кремль, и переловлены многіе со штафами и другими вещами. Въ субботу и графъ Петръ Семеновичъ пріѣхалъ въ Москву, также г. Юшковъ и оберъ-полиціймейстеръ съ прочими собрались и усмирили бунтующій народъ; домогавшіеся о распечатаніи банъ, о уничтоженіи карантинновъ, о дозволеніи погребать при церквахъ и о выдачѣ захваченныхъ ихъ братій взяты и пзъ убійцевъ покойнаго двое главнѣйшими: холопъ Раевского и цѣловальникъ, но не одни они, многіе были. По разореніи Чудова, по учиненномъ пастырю убивствѣ, написали попы на воротахъ желѣзныхъ надгробную надпись: „И память его съ шумомъ погибе!“ Изрядное добродѣтели награжденіе! Вотъ возмездіе за его труды и толокмѣтнія заслуги! Ни санъ архіерейскій, ни сѣдины, ни ученіе, ни добродѣтельная его жизнь, не могли удержать рукъ отъ кровопролитія. Послѣ сей трагедіи, спустя часъ, поѣхалъ я въ Чер-

ную грязь къ князь Матвѣю Дмитріевичу Кантемиру, гдѣ и братъ мой находился. Я бы остался, но страхъ, дабы и меня не убилъ, принудилъ пскать убѣжища; 25-го сентября приѣхалъ съ братомъ въ Москву, гдѣ и теперь живу въ домѣ князя, обще съ ними. 4-го октября было погребеніе обоихъ страдальцевъ: Амвросія въ Донскомъ монастырѣ, въ трапезной церкви, по приказанію графа Григорья Григорьевича, а другой, дядя мой архимандритъ Никонъ,—въ Воскресенскомъ монастырѣ. Проповѣдь ты имѣешь, а указъ о погребеніи надо видѣть въ синодѣ, который уже три дня послѣ погребенія пришелъ. Такимъ-то образомъ лишились мы нашихъ благодѣтелей, лишась и ихъ и своего собственнаго имѣнія; въ чемъ стояли, въ томъ только и остались: Господь даде, Господь и взялъ. Быть такъ: надо привыкать къ бѣдности. Болѣе бы писалъ, только почта отходить. Прости, любезный другъ, пиши ко мнѣ такъ, какъ прежде писалъ: прямо адресуй на мое имя, изъ почтоваго двора ко мнѣ прислать будутъ. Самуилъ здѣсь, только я съ нимъ еще не видался. Поклонъ всѣмъ пріателямъ.

ЗАПИСКА КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО ОБЪ ОДЕЖДѢ И ВООРУЖЕНІИ ВОЙСКЪ.

(Изъ собранія И. П. Шульгина).

Въ прежнія времена въ Европѣ, какъ всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну, и по образу тогдашняго бою, сражаться бѣлымъ оружіемъ, каждый, по мѣрѣ достатка своего, тяготѣлъ себя желѣзными бронями; защиты таковыя простиралась даже и до лошадей; потомъ, предпринимая дальніе походы и строясь въ эскадроны, начали себя облегчать: полныя латы премѣнялись на половинныя; а накопецъ, и тѣ уменьшились такъ, что въ концѣ осталось отъ сего готическаго снаряда только передняя часть и каскетъ на шляпѣ; а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ.

Тогда болѣе сражалась по одиначкѣ; то защиты таковыя не мало обороняли, особлво же отъ копій, почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педанство, поставило цѣну и аммуниціи, вовсе не обороняющей, а какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, то при перемѣнѣ аммуниціи ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранныя съ педанствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто тапственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, въ ружейныхъ приемахъ и проч. Занимая себя таковою дрянью, и до сего времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей и оборотовъ, а

что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ; а стрѣлять почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и аммуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдатовъ, тѣмъ паче, что онъ, взявъ будучи изъ крестьянъ въ 30 почти лѣтъ возраста, узнаеть узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей, вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соответственности вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость, всякое щегольство должно уничтожить; ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, вѣдвенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ. На семъ основаніи предложу по порядку.

Шляпа—уборъ негодный; она головы не прикрываетъ, и торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностію, чтобы ея не пзмять, особливо мѣшаетъ положить голову, и будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ морозу ушей.

Кафтаны и камзолъ съ рукавами,—какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая - нибудь и есть излишняя; покрой кафтана подаеть много поводу дѣлать его разнообразнымъ, слѣдовательно, уравненія быть не можетъ.

Штаны въ концѣ лосинныя, которымъ срокъ положенъ весьма дологъ, такъ что, сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ: убытокъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо; при томъ много заботятъ чищеніемъ и трудностію надѣванья. Зимой отъ пихъ холодно, а лѣтомъ жарко, подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, и какъ лосина больше могла сносить, нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда намокнутъ; при томъ сколько подвязокъ, чтобы они гладки были, и сколько лакированія, чтобы лоснились.

Для пѣхотнаго шпага лишняя тягость, оружіе неупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ, какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы маршировать свободнѣе, также и ворочаться; многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло венгерское лучше всѣхъ сѣделъ; доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздящія верхомъ, такіа употребляютъ: Венгеры, Татары, Черкесы, казаки и Поляки; они легки, лошадей вовсе не саднятъ; дѣлать ихъ въ постахъ можно и дешевле старыхъ.

Завивать, пудриться, плестъ косы—солдатское ли сіе дѣло; у нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пуклп? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпльбамп, косамп. Туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ: что всталъ, то готовъ. Еслибы можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ?... Простительно ли, что стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?

Употребленіе же солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами: уносить у нихъ понапрасно время и пзнуряеть ихъ, ибо когда бываетъ отрядъ на караулъ, то обыкновенно шесть, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до 12 часовъ употребить имъ непременно должно для убранія себя взаимно косъ, и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ безъ сна; отчего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжно упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, тѣмъ что, препроводивши такимъ образомъ ночь въ пзнуреніи, не имѣютъ они ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ, вычистить и накормить своихъ лошадей; или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и мало способны къ такимъ дѣйствіямъ гдѣ потребны бодрость, живость и сила. Требуеть разорительнаго пждивенія для бѣдныхъ солдатъ, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты, въ годъ каждый по меньшей мѣрѣ по 1 рублю 5 копѣекъ.

Суконные лосиныхъ штановъ выгодиѣ тѣмъ, что суконные полагаются на одинъ, а лосиные на 4 года, почему нижніе чины принуждены 'бываютъ замѣнять оныя суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составитъ въ годъ каждому не дешевле 60-ти коп.; во время осеннихъ и дождевыхъ погодъ лосиные причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстаннымъ; зимою же они ни мало не грѣютъ; лосиные суконныхъ убыточнѣе для солдатъ, поелпку не только потребно ихъ часть вохрптъ, на что въ годъ пзойдетъ по меньшей мѣрѣ 20 коп., и

надлежитъ имѣть въ нимъ пары трп штблетъ, манжетъ, что будетъ стоить въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп.; а суконные по новому образцу ничего того не требуютъ.

Просторные сапоги предъ узкими, и онучи или портянки предъ чулками имѣютъ ту выгоду, что въ случаѣ, когда ноги намочнутъ или вспотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотчасъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги, и обертевь ихъ, опять сухимъ уже оной концемъ въ скорости обуться и предохранить ихъ тѣмъ отъ сырости и ознобу. Въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ того учинить никакъ не можно, которыхъ неудобно скинуть, и свободно опять надѣть нельзя, да и чулки не всегда бываетъ возможность переменить или высушить: чрезъ что бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергаютъ нерѣдко себя простудѣ и другимъ болѣзнямъ; не имѣя нужды, такъ какъ при узкихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить, и болѣе перенести путевого труда, и обращение крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи столь очевидныя въ теперешнихъ мундирахъ и другихъ вещахъ неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ противъ теперешнихъ издержекъ до 2-хъ рублей ¹⁾).

Каска, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, имѣетъ предъ шляпою и ту предпочтительность, что видъ даетъ пригожій солдату и есть нарядъ военный характеристическій.

---

¹⁾ Сіе о амуниции солдатской писано въ 1783 г.; противъ того времени нилъ цѣны на всѣ вещи знатно возвысилсь. Нилъ 20 фунт. муки для пудры стоить болѣе рубля; столько же сала больше двухъ руб. Штблетовъ и штановъ долженъ солдатъ сшить по пѣскольку; также новую шляпу и къ ней не мало обшивокъ отъ себя купить, пока прійдутъ новыя сроки; а жалованье его пѣсколькими копѣйками болѣе прежняго. Что касается до цѣнъ одежды солдатской, то изъ опытъ красной на камзолъ и неподнемъ платѣ введень и употреблялся не безъ намѣренія: красная одежда у Спартачъ скрывала или не такъ сильно показывала льющуюся кровь отъ полученныхъ въ сраженіи ранъ. Сбереженіе сала и муки, которыхъ тратились къ убранству головъ солдатскихъ бесполезно, служило пѣкоторымъ образомъ къ дешевизнѣ сихъ вещей; ибо считая войска хотя двѣсти тысячъ, выходило бы на сіе украшеніе того и другого по сту тысячъ пудъ, которые при новомъ обмундированіи обратились на употребленіе приличнѣйшее.

МНИМЫЙ СЫНЪ ГОЛШТИНСКАГО ПРИНЦА.

(Изъ дѣлъ тайной экспедиціи).

I.

Первый допросъ солдату Ивану Андрееву.

1776 года декабря дня, присланный изъ Нарвской комендантской канцеляріи, Нарвскаго перваго баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ, въ домѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго противъ присланнаго объ немъ изъ оной канцеляріи рапорта допрашиванъ, а въ допросахъ показалъ:

Имя ему Иванъ, а по отечеству называется Андреевъ сынъ; родился онъ въ 1731 году, чему нынѣ сорокъ-шестой годъ; но кто его отецъ и мать, того онъ не знаетъ; воспитанъ же и выросъ въ Олонецкомъ уѣздѣ въ Кондушенской экономической волости, села Михайлова въ деревнѣ Крестовой у крестьянина Андрея Зиновьева сына, почему онъ и называется по отечеству Андреевъ; а въ которомъ году отъ рожденія и отъ кого ему отданъ, ему не извѣстно. Когда же онъ взросъ до пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, что было, помнится ему, въ 1747 году, и пришелъ въ такую силу, что могъ уже своею работою себя прокормить, то показанный Андрей Зиновьевъ сталъ его высылать изъ своего дома, выговаривая, яко бы онъ, Иванъ, не его сынъ, и указывая притомъ на свою жену (которая тогда отъ него лежала избита), говорилъ, что „долженъ ты плакаться Богу на нее, ты де сынъ Голштинскаго принца, и она, тебя оттуда взявъ, отнесла на твое мѣсто своего роднаго сына“; въ чемъ, снявъ со стѣны образъ, онъ ему, Ивану,

влялся и говорилъ: „Поди де, братецъ, коли въ тебѣ есть разумъ нищи себѣ самъ по своей природѣ счастія“. Женѣ же своей говорилъ: „Вотъ что ты, шельмовка, надѣлала, что вмѣсто кровнаго нашего сына принесла другого!“ На что жена тогда ему отвѣчала: „Нашъ де сынъ хотя недолго, однако будетъ царствовать“. А потому онъ Иванъ и думаетъ, что это былъ самый тотъ ихъ сынъ, о которомъ она говорила, — бывший императоръ Петръ Третій, и считаетъ, что онъ не настоящій принца Голштинскаго сынъ, а подлинно онаго крестьянина Андрея Зиновьева, а Голштинскаго принца онъ сынъ, и настоящее его имя Петръ потому, что въ этомъ влялся ему предъ образомъ онъ Зиновьевъ; какимъ же образомъ онъ тою женщиною изъ Голштиніи унесенъ, по колдовству ли ея, или какимъ другимъ случаемъ, того не знаетъ; однакожъ заключа сіе тогда въ своемъ помышленіи, изъявилъ онъ чрезъ самое короткое время отцу своему духовному, помянутаго села Михайлова священнику Василию Аюнасьеву, такимъ образомъ: „Крестьянинъ де Андрей Зиновьевъ, у котораго я выросъ, говоритъ, яко бы я не ихъ сынъ, а принца Голштинскаго, и настоящее мое имя Петръ; то не стыдно ли мнѣ на свѣтѣ такой знатной породы у крестьянина жить?“ На сіе онъ попъ тогда ему отвѣчалъ: „Что мнѣ, другъ мой, съ тобою дѣлать! Когда ты страдаешь въ чужихъ рукахъ и самъ не можешь куда идти искать своего благополучія, то молись Богу; а мнѣ за тебя въ судъ идти и объ этомъ донести не можно“. Послѣ сего докучалъ онъ ему много разъ и просилъ: „Не можно ли, батюшка, написать обо мнѣ куда челобитную или показать въ вѣдомости. Но чрезъ три мѣсяца послѣ перваго извѣта сказалъ ему попъ, что онъ въ вѣдомости объ немъ написалъ, и къ челобитной приложилъ за него руку, послалъ въ духовный синодъ, въ чемъ его увѣряя, говорилъ: „Вотъ тебѣ моя рука, не тужи!“ Въ той надеждѣ онъ остался и ожидалъ, не стануть ли его искать, до 1747 года; а въ томъ году или въ 1748, чего подлинно не упоминать,—слышалъ онъ самъ, что читали по церквамъ въ книгѣ указы или что другое, что есть пропавшій князь Петръ, котораго тогда искали, но кто таковъ былъ сей Петръ, онъ не знаетъ, и въ то время онъ, Иванъ, о себѣ попу Аюнасьеву ничего не говорилъ, да и попъ у него ничего не спрашивалъ. Но послѣ сего никакого приключенія съ нимъ не было, а жилъ онъ въ той же деревнѣ у крестьянина Зиновьева до 1757 года и не смѣлъ никуда челобитенъ о себѣ подавать, дабы и его также не засадили, какъ Ивана Антоновича.)

А въ 1754 году Кондушинской волости крестьяне привезли его въ Петербургъ и отдали за сію волость въ рекруты; потомъ опредѣлили его въ Копорскій гарнизонъ, и стоялъ онъ на Петербургской сторонѣ на квартирѣ у гарнизоннаго солдата Ефима Титова Копорскаго же гарнизона съ гренадеромъ Романомъ, который природою былъ изъ Татаръ, но какъ ему прозваніе—не помнитъ. Се-
му гренадеру онъ, Иванъ, въ томъ же году по веснѣ сказывалъ, что онъ принца Голштинскаго сынъ. Гренадеръ на сіе ему отвѣчалъ: „Для чего ты объ этомъ не объявилъ въ военной?“ А онъ, Иванъ, ему сказалъ, что „я этого сдѣлать не смѣлъ, потому что вотъ и природный принцъ Иванъ Антоновичъ, да и тотъ сидитъ въ засадѣ“. Гренадеръ ничего болѣе ему на это не сказалъ, какъ только: „Ну, инъ—живи, какъ хочешь!“ Въ гарнизонѣ былъ онъ два года, а въ 1759 году посланъ въ командѣ въ числѣ тысячн человекъ въ Пруссію.

Въ 1760 году, находясь въ Маріенвердерѣ, опредѣлили его въ Кексгольмскій полкъ; но во время бытности его въ Пруссіи, случилось ему только быть при взятіи Кольберга, а больше никакихъ баталій тогда не было. При вступленіи же на всероссійскій престолъ бывшаго императора Петра Третьяго у присягѣ онъ былъ въ Кольбергѣ. Изъ Пруссіи возвратился онъ въ Россію въ 1762 году, и остановились, не дошедъ до Риги верстъ ста съ полтора, не помнитъ въ какомъ-то городѣ на самое короткое время, а потомъ, переправясь чрезъ Двину рѣку, маршировали на мѣстечко Валки, состоящее по сю сторону Риги, а оттуда пошли по большой дорогѣ къ Ревелю, и въ уѣздѣ сей губерніи по рѣчичмъ мѣстамъ стоялъ онъ съ полкомъ на квартирахъ шесть лѣтъ, то есть, до 1769 года, однакожь ни кому нигдѣ о томъ не объявлялъ, что онъ Голштинскаго принца сынъ.

А въ 1769 году по лѣту отправили его въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Кронштадтъ, гдѣ, посадя въ числѣ ста человекъ въ командѣ на корабль, послали въ Средиземное море; куда ѣдучи, заѣзжали въ Ревель, Копенгагенъ и Англію, а оттуда уже прямо пріѣхали въ Мальту. Командирами у нихъ тогда были два маіора Матвей Логиновичъ Черемисинъ и Григорій Ивановичъ, а прозванія не помнитъ. Въ Мальтѣ простоявъ дней съ пять, пошли въ Морею, гдѣ и высадили его съ прочими на берегъ подъ городъ Корону. Подъ сей городъ дѣлали они подкопы, но подорвать его не удалось, потому что къ Туркамъ перекинулся отъ нихъ Грекъ; почему они, зажечь не допустя, отбили нашихъ прочь. Изъ-подъ

Короны пошли они подъ Наваринъ, которымъ и овладѣли, а отъ сего города пошли подъ Модону, гдѣ и пребыли дней съ сорокъ; а онъ между тѣмъ оставался въ Наваринѣ. Послѣ того посылали ихъ по Архипелажскимъ островамъ, а именно были въ Негропонтѣ, въ Метелинѣ и прочихъ, конхъ онъ теперь назвать не упомянуть. Но между прочими на Македонскомъ берегу противъ Тазіи сожгли хлѣбныя магазейны, а потомъ большею частію стояли въ Паросѣ. Тогда находился онъ подъ главною командою контръ-адмирала Андрея Власьевича Елманова; и въ одно время не задолго до отбытія сюда, имѣвъ случай, что такъ близко генераль находится, чего ему прежде никогда не удавалось, объявилъ онъ капитану (Виллму Петровичу фонъ-Дезину, что онъ принца Голштинскаго сынъ Петръ Ѳеодоровичъ. Капитанъ тотчасъ приказалъ записать сіе клерку, который записавъ отдалъ капитану, а сей ему сказалъ, что онъ объ этомъ представитъ генералу. Вскорѣ послѣ того призвалъ его генераль и спрашивалъ, подлинно ли онъ то говорилъ, что въ объявленіи написано. А когда онъ сказалъ, что это правда, и онъ точно Голштинскаго принца сынъ, то генераль говорилъ ему: „Поди, другъ мой, съ Богомъ и служи; не мое дѣло это разбирать; мы пріѣхали сюда не затѣмъ, а воевать съ непріятелемъ; а когда пріидешь въ Россію, подай самъ о себѣ государынѣ“. Но онъ, Андреевъ, самъ въ себѣ думаетъ: „Мое дѣло бѣдное; гдѣ мнѣ достигнеться до государыни? Самъ я писать не умѣю“. А прошлаго 1775 года, будучи здѣсь осенью, хотя и говорилъ онъ челоуѣкамъ десяти не знакомымъ ему людямъ, не въ одно время, но порознь попадающимъ на рынокъ, чтобы напсали ему къ государынѣ такое дѣльцо; но ни одинъ челоуѣкъ за то не взялся, и уходили отъ него прочь. Находясь же съ начала и до конца Турецкой войны все въ Средиземномъ морѣ, былъ на баталіяхъ въ морскомъ сраженіи два, а въ сухопутномъ одинъ разъ, только нигдѣ не раненъ.

А по окончаніи войны въ 1775 году отправили его съ прочими на корабляхъ въ Россію. Дорогою заѣзжали они въ Портъ-Магонъ, Англію, Копенгагенъ и Кронштадтъ, откуда и отправили въ Петербургъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ и по пріѣздѣ поставили ихъ на квартиры въ Московской ямской слободѣ,—откуда онъ, Ивапъ, ходя на рынокъ, искалъ, какъ выше сказано, такого челоуѣка, который бы написалъ ему къ государынѣ челобитную о томъ, что онъ принца Голштинскаго сынъ Петръ Ѳеодоровичъ: „И я де ничего больше не хочу; Богъ съ ними, только бы отпустили меня на свое

пропитаніе; покуда есть еще глаза и силы, такъ бы самъ прокормилъ свою голову: я де умѣю про себя кропать сапожишки“. Но не смыскавъ нкго, такъ сіе дѣло и оставилъ и нигдѣ никому не объявлялъ до сего самаго времени. Находясь же въ Петербургѣ, причислили его съ прочими въ числѣ шестидесяти человекъ въ Нарвскій баталіонъ и потомъ отправили въ Нарву въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1776 года. Въ баталіонѣ находился онъ три мѣсяца съ половиною, а потомъ опредѣлили въ команду Нарвскаго почтмейстера Лпидеберга, гдѣ онъ, исправляя должность почталіона, ѣздилъ такъ какъ извозчикъ на фурахъ и въ кибиткахъ съ сѣдоками изъ Нарвы къ Петербургу и по другимъ дорогамъ. Пробывъ же въ сей должности одинъ мѣсяцъ и отъ безпрестанной ѣзды и трудовъ и огорченія, что почти всякій сѣдокъ партикулярный не только бранить, но и бьетъ, чтѣ ему, какъ служившему много лѣтъ солдату, терпѣть было несосно, просилъ почтмейстера, чтобы онъ его уволилъ; онъ лучше желаетъ быть по прежнему въ баталіонѣ; по онъ его не отпустилъ; послѣ чего случилось съ нимъ слѣдующее: Одинъ партикулярный сѣдокъ, который назывался дворцовымъ, а кто онъ подлинно не знаетъ, ѣдучи съ нимъ дорогою изъ Нарвы и остановясь въ корчмѣ, наполнилъ его пьянаго, и какъ они въ оной простояли долго, то Андреевъ, опасаясь, дабы почтмейстеръ не сталъ того на пемъ разыскивать, сталъ его изъ корчмы звать, чтобы онъ ѣхалъ въ дорогу; то сей сѣдокъ, будучи пьяный же, началъ его за то бить, а онъ, избавляясь отъ побой, бросилъ лошадей и ушелъ отъ него прочь и проспалъ въ лѣсу часовъ десять; а когда пришелъ къ почтмейстеру безъ лошадей, то онъ за сіе выпилъ его палкою. Въ прошедшую же субботу, то есть, 26-го мннушаго ноября, напившись онъ въ Нарвѣ безъ памяти, такъ что ходя спотыкался, повезъ на станцію въ деревню Низы дѣвицу Елпсавету Иванову, а кто ея отецъ не знаетъ,—которая съ матерью своею въ оной станціи содержитъ трактиръ, и въ дорогѣ, не въ страхъ будучи сидѣть, ввалился къ ней въ сани; но чтѣ съ нею онъ говорилъ, и принуждалъ ли ее къ своему согласію, также и показанныхъ въ почтмейстерскомъ рапортѣ Хвостова, и имѣлъ ли намѣреніе ограбить, и отбивъ у нихъ ножъ, ихъ перерѣзать, того ничего онъ не помнитъ. А когда произошла на него отъ оной дѣвицы просьба, то почтмейстеръ, призвавъ его уже не пьянаго, сталъ угроживать, что онъ его высѣчетъ, и посадилъ мезду тѣмъ подъ караулъ, гдѣ онъ сидя вздумалъ: „Когда я скажу о себѣ почтмейстеру, какой я крови, то онъ, конечно, сѣчь меня

не станетъ“. И такъ на другой день пришедъ онъ къ почтмейстеру, говорилъ: „Умплосердитесь, сударь, пожалуйте; эта дѣвица никакой дальней важности на меня не показываетъ; а я ей дѣлалъ ли какую обиду, ничего не помню; за что жъ вы меня хотите сѣчь? Я самъ знатной крови“. И потомъ сказалъ ему, что онъ сынъ Голштинскаго принца. Почтмейстеръ сказалъ: „Хорошо, братецъ, тебя надобно отослать въ комендантскую“. А онъ ему отвѣчалъ: „Я и самъ о томъ прошу“. Въ комендантской канцеляріи спрашивалъ его комендантъ: не отъ пьянства ли опъ, или убоясь побой, то на себя сказываетъ? Но онъ отвѣчалъ, что онъ подлинно доказываетъ, что императоръ Петръ III до точно крестьянской сынъ, потому что въ томъ клялся ему крестьянинъ Зиновьевъ, а его показываетъ настоящимъ Голштинскимъ принцемъ. Послѣ сего посадили его на двое сутокъ подъ карауль, а на третій день, сквавъ въ желѣза, отправилъ сюда. На послѣдокъ онъ говоритъ, что опъ самъ о себѣ никакого больше доказательства не имѣетъ, какъ только то, что слышалъ отъ крестьянина, и о томъ тогда же объявилъ священнику. Что же Нарвскій почтмейстеръ на него показываетъ, будто онъ всегда находился въ пьянствѣ, такъ это не правда; онъ во всю свою у него бытность напивался безчувственно пьянъ, какъ сказано выше, не болѣе трехъ разъ, а въ прочее время хотя и бывалъ пьянъ, но не всегда, да и то въ памяти. Грамотѣ и писать не умѣетъ.

Въ дополненіе сего вопроса, онъ показалъ: генералу Елманову о себѣ объявилъ, что онъ сынъ Голштинскаго принца для того: пускай бы по суду что ни сдѣлалъ, хотя бы отрубилъ ему и голову, то все бы лучше, нежели ему по своей природѣ жить въ такой бѣдности; когда бы его отпустили на волю, то онъ бы пошелъ въ Голштинію искать своихъ сродниковъ; буде же и ихъ никого бы не нашелъ, то бы остался по крайней мѣрѣ въ своемъ отечествѣ; можетъ быть, кто-нибудь сдѣлалъ бы съ нимъ какую милость.

II.

Второй допросъ Ивану Андрееву.

1777 года февраля 6-го дня, содержащійся въ домѣ генераль-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, Нарвскаго баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ былъ вторично спрашиванъ: для чего онъ себя ложнымъ племемъ называть осмѣлился? На что онъ говорилъ: Что де „не самъ я о этомъ имени выдумалъ, а ска-

звалъ ему Олонецкій крестьянинъ, въ чемъ ему и клялся Богомъ“. На что ему сказано: „Ты и на крестьянина, сколько изъ существа всего дѣла видно, лжешь“. На сіе онъ отвѣчалъ: „Что мнѣ прибили на крестьянина лгать, коли бъ онъ мнѣ не сказалъ, что я принцъ Голштинской, то бъ почему мнѣ было знать?“ На что ему сказано: „Ну, да какъ крестьянинъ увидѣлъ, что ты лѣнивонецъ, то онъ на смѣхъ тебѣ сказалъ, что ты принцъ, а ты такъ и повѣрилъ!“ На что онъ отвѣчалъ: „Какъ же ему не вѣрить, вѣдь онъ клялся“. На сіе ему сказано: „Ну, не совершеннѣйшій ли ты безумецъ, пли лучше сказать, плуть, что ты словамъ такого же подобнаго тебѣ шалуна и невѣжды вѣришь, а здѣсь тебя увѣряютъ генераль-прокуроръ и другіе, что это самыя враки и выдуманная ложь, съ ясными на всѣ твои слова доводами, и также увѣряютъ тебя по закону Божественному, но ты вѣрить не хочешь“. На что оный Андреевъ болѣе не говорилъ, какъ сіе: „Воля ваша, что хотите, то дѣлайте, но какъ крестьянину меня обманывать!“ Послѣ сего доказыванъ онъ былъ, что „ты и на попа солгалъ, будто бы ему объявлялъ, что ты принцъ Голштинскій, пбо если бъ ты только въ тогдашнее время такую рѣчь выболталъ, то бъ попъ, тебя связавъ, отвелъ въ тайную, а тамъ бы тебя до смерти засѣкли“ На что онъ отвѣчалъ: „Вольно попу обо мнѣ было не представить, да онъ ему и сказывалъ, что писалъ о немъ въ духовный синодъ“. Оный же Андреевъ спрошенъ былъ: „Да живы ли тѣ крестьянинъ и попъ?“ На что онъ отвѣчалъ: „Не знаю“. Наконецъ пакъ онъ Андреевъ былъ спрашванъ: „Скажи ты отъ слова до слова, какъ тебя крестьянинъ увѣрялъ, что ты принцъ Голштинскій, а самую вещь дуракъ Олонецкій?“ На что онъ говорилъ „Вотъ какъ это дѣло было: въ одно время тотъ крестьянинъ Зновьевъ прибилъ жену такъ, что она слегла, а онъ былъ въ той пзбѣ, и крестьянинъ, бравя тое жену свою, говорилъ: „ты колдунья проклятая“; да и указавъ на него Андреева, говоритъ: „вотъ ты этого человѣка стѣла, а своего роднаго сына погубила“, и выговоря сіи слова, подшедь къ нему, говорилъ: „Слушай, братъ, вѣдь ты не мой сынъ, а ты сынъ Голштинскаго принца Петръ Оедоровичъ; вѣдь тебя моя жена — колдунья чрезъ волшебство свое изъ Голштиніи унесла сюда, а моего притоманнаго сына отнесла на мѣсто твое въ Голштинію“. На что онъ тому отцу своему сказалъ: „Какъ, батюшка, статья нельзя!“ На что оный называющійся тогда ему отецъ, снявъ со стѣны образъ поклонялся, что „я тебѣ говорю правду, что ты Голштинскій принцъ“. Болѣе же сего отдѣлъ П.

доказательства онъ Андреевъ не имѣетъ: „А когда де вы мнѣ не вѣрите, то отпустите въ мое отечество въ Голштинію. На что ему сказано: Въ Голштинію та лишь бы только этакій дуракъ съ этимъ враньемъ показался, то бѣ тебя каменьемъ прибили, какъ шалуна“

III.

Справка о смѣрти Ивана Андреева.

Прошлаго 1776 года въ декабрѣ мѣсяцѣ Нарвскаго 1-го баталіона солдатъ Иванъ Андреевъ, будучи въ Нарвѣ, за пьянство и за учиненную имъ продерзость у почтмейстера Линдеберга под карауломъ, а послѣ того и Нарвскому коменданту Баранову объявлялъ о себѣ, что яко бы онъ принцъ Голштинскій, а потомъ и въ тайной экспедиціи оное свое вымышленное и ложное объявленіе истинными быть утверждалъ, прибавя еще къ тому, что де Олонецкій крестьянинъ Зиновьевъ сказывалъ ему, что онъ сынъ Голштинскаго принца Петра Θεодоровича. И сего года февралю 14-го дня, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, онъ Андреевъ отъ наказанія избавленъ, а дабы познать онъ, сколь сіе его преступленіе, а не меньше упорство и непризнание въ таковой ощутительной лжѣ терпимо въ благоустроенномъ государствѣ быть не можетъ, также чтобъ онъ по своей своей грубости иногда не могъ дѣлать не инаково, какъ между таковыми жъ сущими невѣждами такого ложнаго о себѣ разглашенія, то для исправленія такого его развращеннаго нрава посадить его въ Шлиссельбургскую крѣпость на пять лѣтъ, гдѣ будучи, можетъ быть, и доведенъ онъ будетъ въ томъ своемъ ложномъ вымыслѣ въ признаніе и раскаяніе,—куда онъ того жъ февраля 17-го дни и отосланъ.

А нынѣ Шлиссельбургскій комендантъ Цыглеръ, къ генераль-прокурору пишетъ, что сего мѣсяца протпвъ 4-го числа ночью онъ Андреевъ часу въ первомъ тихимъ образомъ сталъ говорить, что часовой понять не могъ, на что ему тотъ часовой сталъ говорить, чтобъ онъ молчалъ и спалъ бы; пропустя малое время, онъ колодникъ съ своего мѣста сталъ и пошелъ яко бы на дворъ, и подошелъ къ дверямъ къ часовому, и часовой ему говорить сталъ: „Куда ты идешь?“ На что тотъ Андреевъ его часоваго ударилъ кулакомъ въ високъ и прошибъ ему до крови; за то часовой его Андреева ударилъ прикладомъ и попалъ ему въ самую грудь, отъ чего онъ Андреевъ упалъ, а послѣ часа черезъ три умеръ. И проситъ: что съ часовымъ повелѣно будетъ чинить.

БРАТЯ ЧОГЛОКОВЫ.

Извѣстный Гельбигъ, въ своихъ разсказахъ о случайныхъ людяхъ въ Россіи, говоритъ, что у оберъ-церемоніймейстера двора великаго князя Петра Федоровича, Николая Наумовича Чоглокова, женатаго на графинѣ Марьѣ Симоновнѣ Гендриковой и умершаго въ 1754 году, было четыре сына, изъ которыхъ „по крайней мѣрѣ трое сидѣли въ темницахъ частію за нарушеніе общественнаго спокойствія, частію потому, что были замѣшаны въ заговоры противъ императрицы Екатерины II“ (см. Русскій Архивъ 1865 г., ст. 1460). Но до сихъ поръ не были извѣстны подробности, относящіяся до судьбы братьевъ Чоглоковыхъ. Любопытныя свѣдѣнія о томъ заключаются въ нижеслѣдующихъ официальныхъ документахъ.

I.

Записка о Наумѣ Чоглоковѣ (1783 года).

По произведенному у бывшаго Казанскаго губернатора, генераль-поручика и кавалера Бранта, военному кригсрехту, бывшій въ Грузіи въ корпусѣ генераль-маіора графа Тотлебена волонтеромъ подполковникъ Наумъ Чоглоковъ овазаясь въ слѣдующихъ преступленіяхъ: ослушенъ явился своему командиру; произосилъ при арестѣ его предъ нимъ дерзкія слова и не только называлъ графа Тотлебена измѣнникомъ, но и себя въ Россіи третьею персоною, которыя подобныя сему дерзкія изреченія происходили отъ него и прежде и извѣстны были Ея Императорскому Величеству. По сему въ 1771 году, за сіи его преступленія, по опредѣленію

военной коллегіи велѣно: отобравъ патенты и лиша чиновъ, написать означеннаго Чоглокова въ солдаты въ сибирскій гарнизонъ, для чего и отосланъ онъ тогда былъ въ бывшему Тобольскому губернатору Чичерину, съ такимъ предписаніемъ, чтобъ по привозѣ его въ Тобольскъ отправить въ отдаленнѣйшій острогъ, гдѣ содержать его въ арестѣ десять лѣтъ, такъ чтобъ онъ никогда изъ онаго выпускаемъ не былъ, и людей при немъ не больше бѣ было двухъ человекъ, и никакихъ не подлежащихъ писемъ писать ему не позволять. Во исполненіе сего означенный Чоглоковъ отъ губернатора Чичерина въ 1774 году отправленъ былъ въ Березовъ, съ повелѣніемъ тамошнему комиссару, чтобъ содержать его тамъ, на основаніи вышеписаннаго предписанія, производя изъ казны жалованье и провіантъ обыкновенный, по гарнизонному пограничному окладу; но какъ Чоглокову учинена была выдача провіанта, то онъ, не принявъ онаго, объявилъ, что будетъ доволенъ своимъ капиталомъ.

Сколько жъ за означеннымъ Чоглоковымъ въ какихъ мѣстахъ состоитъ имѣнія, о томъ никакого свѣдѣнія по дѣламъ тайной экспедиціи не имѣется; а извѣстно по увѣдомленію Тобольскаго губернатора Чичерина, отъ 29-го октября 1774 года, что Чоглоковъ въ Тобольскъ былъ привезенъ безъ одежды, обуви и безъ всякаго пропитанія. Во время бытности его въ Тобольскѣ, по указу главнаго комиссаріата, изъ Тобольской оберъ-кригсъ-коммисарской коммисіи, выдано ему 100 рублей. Сверхъ того, надворный совѣтникъ, бывшій въ Якутскѣ воеводою Дебренинъ, возвращаясь изъ Якутска, далъ ему до семи сотъ рублей, съ тѣмъ чтобъ ему тѣ деньги обратно получить въ Москвѣ. Кромѣ сего извѣстно, что у онаго Чоглокова въ 1774 году Березовскимъ комиссаромъ при отобраніи писемъ найденъ вексель, данный отъ купца Мартына, суммою на сорокъ одну тысячу рублей, писанный въ Женевѣ 25-го апрѣля 1766 года, которые письма и вексель за печатями комиссарскою и Чоглокова оставлены до воспослѣдованія объ нихъ резолюціи въ Березовскомъ комиссарствѣ, о чемъ представлено тогда было и къ губернатору Чичерину, но каковая отъ него на сіе послѣдовала резолюція, о томъ по дѣлу не извѣстно.

А отъ 24-го генваря 1781 года, правящій должность Перуискаго и Тобольскаго генераль-губернатора, генераль-поручикъ Кашкинъ, при письмѣ къ генераль-прокурору приложилъ присланныя къ нему отъ правящаго должность губернатора въ Тобольскѣ, оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара Осипова, письма означеннаго сол-

дата Наума Чоглокова, коими онъ просилъ, чтобъ для излѣченія его болѣзней перевести его изъ Березова въ Tobольскъ, а притомъ изъяснялся, что будто онъ лишень чиновъ безвинно. Почему въ томъ же мѣсяцѣ по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію велѣно: какъ Ея Величеству извѣстно, что оный Чоглоковъ былъ сужденъ военнымъ судомъ, коимъ по законамъ за его вины и написанъ въ солдаты; а по сему и долженъ онъ сей жребій нести съ должнымъ повиновеніемъ; но однакожь, какъ изъ писемъ его видно, что удручаемъ онъ болѣзнями, а лѣкаря въ Березовѣ нѣтъ, то изъ человѣколюбія Ея Императорскаго Величества, онаго Чоглокова изъ Березова, велѣтъ съ добрымъ присмотромъ перевести въ Tobольскъ, гдѣ особенное надъ нимъ имѣтъ неослабое смотрѣніе оберъ-штеръ-кригсъ-коммисару Осипову, ибо характеръ онаго Чоглокова суть такой, что онъ человѣкъ дерзостію и вѣтренностію наполненный, а притомъ своенравенъ и объять, можно сказать, не только безразсудною, но и нетерпимою гордостію; а сіи самыя его ни въ какомъ мѣстѣ нетерпимыя пороки вовлекли его въ извѣстныя по произведенному объ немъ дѣлу несчастія. И сего ради оный Осиповъ, видя такой его испорченный нравъ, имѣеть долгъ неослабое за жизнью его смотрѣніе и отъ пороковъ благопристойнымъ средствомъ воздерживать, однимъ словомъ, Чоглоковъ въ Tobольскѣ содержанъ быть долженъ на собственномъ отчетѣ Осипова; изъ Tobольска жъ никуда ни для чего безъ именнаго Ея Величества указа отнюдь его не выпускать, а между тѣмъ, когда жъ болѣнъ, то приказать его лечить, и объ ономъ о всемъ къ генераль-поручику Кашкину и къ помянутому Осипову писано.

Нынѣ отъ 11-го прошедшаго декабря отъ означеннаго Чоглокова, къ генераль-поручику прислано письмо, слѣдующаго содержания: что онъ находится въ ссылкѣ третій годъ долѣе срока; пришло въ дряхлость тѣло, и духъ сталъ ослабѣвать; неоднократно покушался онъ прекратить свою несчастную жизнь, но страхъ Божій отъ того его отводилъ, и на послѣдокъ, не стерпя такого волненія въ сердцѣ своемъ и не имѣя въ свѣтѣ утѣшителя въ несносной его горести, взялъ законнымъ образомъ себѣ товарища ¹⁾.

---

¹⁾ Г. Осиповъ сказывалъ, что у Чоглокова въ Березовѣ жила женщина, остяцкаго рода, но женился ли онъ на ней—того не извѣстно; однакожь, прижить съ нею сынъ, о которомъ Чоглоковъ Евгенія Петровича Кашкина просилъ, чтобъ отдать ему онаго для воспитанія.

Сіе сдѣлано имъ скрытно, и тайно будетъ по самую его смерть, и чтобъ ему не дѣлалп и не принудили открытіемъ его тайны озлобить на вѣки родственниковъ его. Долговременныя болѣзни и печаль сдѣлали его ни къ чему неспособнымъ; ничто его не льститъ, какъ чтобъ препроводить остатки дней своихъ въ покоѣ, гдѣ пожелаетъ, и для того просить престательства испросить у Ея Императорскаго Величества на то соизволенія и представить предъ ея освященное лицо письмо его.

Господинъ Тобольскій губернаторъ Осиповъ на требованіе генераль-прокурора о жизни и поведеніи означеннаго Чоглокова въ Тобольскѣ письменно сообщилъ, что онъ не можетъ иного сказать, какъ находить въ немъ человѣка собственно для себя, а равно для частнаго и общественнаго блага вовсе безполезнаго, предавшагося нѣкоторымъ гнуснымъ страстямъ, исполненнаго крайняго отчаянія, относящаго тягость своего жребія не на собственный свой поступокъ, но болѣе на мнимыхъ имъ непріятелей, а потому, сострадая о его участи, надлежитъ считать его болѣе человѣкомъ помѣшаннымъ или испортившимся, нежели съ здравымъ разсудкомъ, во уваженіе чего и требующимъ, для сохраненія человѣколюбія, всегдшняго призрѣнія. Все сіе можетъ быть происходить и отъ того, что при ожесточеніи о судьбѣ своей не только къ безбѣдному, но и къ нужному содержанію ничего не имѣетъ, а пытается отъ благотворительныхъ рукъ склоннаго къ таковымъ благодѣяніямъ тамошняго народа; но и о семъ послѣднемъ своемъ заключеніи, удовлетворительно утверждать не осмѣливается, ибо пылкость необузданной молодости и вѣтренныхъ мыслей, въ кпльщей кровп покореннвшхся, и въ теперешнихъ зрѣлыхъ лѣтахъ, при всемъ его горестномъ положеніи, въ немъ весьма примѣтны, такъ что движенія чувствъ его наполнены совершеннаго отчаянія и жаждущія полной свободы, не столько вниманія, сколько крайняго сожалѣнія достойны. Впрочемъ г. Осиповъ пишетъ, что по полученіи всемилостивѣйшаго дозволенія отлучиться изъ губерніи, самое то повелѣніе, какое онъ о Чоглоковѣ имѣлъ, къ точному исполненію препроводилъ при отъѣздѣ своемъ къ оставшемуся въ управленіи губерніею вице-губернатору Протопопову. При семъ г. Осиповъ словесно увѣдомилъ, что отъ означеннаго Чоглокова при отъѣздѣ его сюда получилъ онъ письма, но не смѣя вручить ихъ по адресу, кому слѣдовало, отдалъ генераль-прокурору, которыя оказались слѣдующаго содержанія:

- 1) Письмо къ сенатору Лукіану Ивановичу Камынину, въ коемъ

Чоглоковъ, прописывая, что онъ, будучи въ Tobольскѣ подъ вѣдомствомъ г. Осипова, наслаждался спокойною жпзнію и ни отъ кого обиды не видалъ, за чтѣ проситъ пзяснить ему свое удовольствие, а при томъ попроситъ, чтобъ онъ своимъ стараніемъ испросилъ ему свободу, чтобъ хотя въ Сибири могъ онъ быть воленъ, и на короткое время дозволено ему было прїѣхать въ Москву.

2) Къ княгинѣ Евекатеринѣ Романовнѣ Дашковой, копмъ проситъ испросить ему дозволенія ѣздить по Tobольской и Иркутской губерніямъ для описанія и испытанія природы въ сѣверныхъ краяхъ Сибири, ибо онъ приобрѣлъ званіе разныхъ въ сѣверныхъ странахъ употребляемыхъ нарѣчій, чрезъ чтѣ уповаетъ трудами своими принести отечеству плодъ, и чтобъ для прїурочивленія себя на сіе путешествіе, которое нѣсколько лѣтъ продолжаться будетъ, дозволено ему было на малое время прїѣхать въ Москву.

3) Къ генераль-прокурору такого жъ содержанія, о чемъ писано и къ княгинѣ Дашковой.

4) Не извѣстно, какой Тарсіи Парфентьевнѣ; въ семъ письмѣ Чоглоковъ пишетъ ¹⁾, что онъ сокрушился болѣе въ послѣдній годъ, нежели во всю бытность его въ ссылкѣ, проситъ не оставить его въ спехъ песносныхъ обстоятельствахъ, промысла никакого не имѣетъ, всегда болѣнъ, все чрезъ мѣру дорого, и не знаетъ какъ ему жпть.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1780 года писалъ онъ Чоглоковъ, что ему было тогда 35 лѣтъ, слѣдовательно, нынѣ уже 38.

II.

Записка о Николѣ Чоглоковѣ.

Отставной маіоръ Чоглоковъ содержится въ Шлиссельбургской крѣпости съ 1775 года, по высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, данному покойному генераль-фельдмаршалу князю Голлицу за пзвѣстное Ея Величеству преступленіе, которое состояло въ томъ, что онъ по производимому въ Ревельскомъ главномъ земскомъ судѣ слѣдствію оказался въ намѣреніи къ убійству ассессора барона Унгернъ-Штернберга; въ комъ указѣ хотя и назначенъ былъ срокъ содержанія его 15 лѣтъ, но онъ по приближеніи того срока чинилъ тамъ буйственныя и дерзост-

---

¹⁾ Г. Осиповъ сказывалъ, что опая Тарсіа Парфентьевна находится въ Москвѣ въ Дѣвичьемъ монастырѣ, которая къ Чоглокову пересылала по малому числу денегъ.

ные поступки, о коихъ тамошній бывший комендантъ бригадиръ Цыглеръ въ рапортѣ своемъ изъяснялъ. А потому о минованіи уже содержанію его срока, такъ и ѓ его поступкахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1790 года докладовано, за болѣзнію генераль-прокурора, отъ графа Безбородки Ея Императорскому Величеству, на что Ея Величество высочайше указать соизволила того Чоглокова для усмиренія и воздержанія отъ дерзостныхъ поступковъ посадить въ той крѣпости въ особливую казарму до указа, въ коей онъ и содержался. А послѣ того означенный же комендантъ рапортомъ представилъ, что онъ Чогловъ въ своемъ проступкѣ приносить предъ Ея Величествомъ извиненіе и просить о соединеніи его съ женою и дѣтьми; то по сему Ея Величество и соизволила указать того Чоглокова изъ той казармы освободить, а содержать его въ той же крѣпости обще съ женою и дѣтьми, на прежнемъ основаніи впредь, до высочайшаго о немъ повелѣнія.

III.

Записка о Самойлѣ Чогловѣ.

Бывшій лейбъ-гвардіи преображенскаго полка фурьеръ Самойла Чоглоковъ, по произведенному въ тайной экспедиціи слѣдствию, оказался виновнымъ не только въ говореніи имъ дерзкихъ поносительныхъ словъ, но и въ злодѣйскомъ противъ особы Ея Императорскаго Величества намѣреніи, какъ именно по дѣлу видно за что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1767 года, по высочайшему Ея Величества, соизволенію наказанъ розгами и посланъ къ командующему тогда по Иртышской линіи генераль-поручику Шпрингеру, коему даннымъ за собственноручнымъ подписаніемъ именнымъ Ея Величества указомъ повелѣно, чтобъ онъ опредѣлялъ его въ состоящіе тамо полки солдатомъ, и имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда какъ побѣга учинить не могъ, такъ поведеніе и жизнь его, какъ человѣка молодого, стараться благопристойно поправить и если по примѣчанію его въ поведеніяхъ своихъ онъ себя исправить, въ такомъ случаѣ производить его и въ другіе чины по разсмотрѣнію его, безъ именнаго жъ Ея Императорскаго Величества указа, оттуда его Чоглокова никуда не отлучать и не отпускать, равно и въ отставку не отставлять. А сверхъ того, въ особомъ отъ генераль-прокурора письмѣ на примѣчаніе къ нему жъ генералу Шпрингеру отписаны всѣ природныя онаго Чоглокова дерзкія склонности и нетерпимые пороки.

А въ октябрѣ мѣсяцѣ 1774 года, бывшій въ Тобольскѣ губернаторъ Чичеринъ къ генераль-прокурору въ отвѣтъ на его письмо писалъ слѣдующее: что сосланные въ Сибирь два брата Чоглоковы содержатся большой въ Березовѣ, а меньшей въ Мангазеѣ, но о состояніи меньшаго онъ ничего донести не можетъ, никогда его не видалъ и не знаетъ, а по полученіи указа объ отправленіи его въ дальніе города сообщилъ къ командиру тогда на линіи генераль-маіору Скалону, гдѣ онъ прапорщикомъ находился, и прямо оттуда черезъ Тару отправленъ въ назначенное мѣсто.

Означенный Чоглоковъ въ Мангазею посланъ, какъ изъ сообщеннаго при письмѣ отъ генераль-поручика Кашкина экстракта видно, въ силу присланнаго къ помянутому Чичерину изъ военной коллегіи въ 1774 году указа, но по какой причинѣ—того не извѣстно, который до того времени находился въ Омскомъ первомъ баталіонѣ прапорщикомъ, почему оный Чичеринъ отъ военной коллегіи просилъ указа, тѣмъ ли оберъ-офицерскимъ чиномъ въ содержаніи въ Мангазеѣ его числится; и на сіе къ нему изъ той коллегіи писано, что какъ оный Чоглоковъ, будучи въ Омской крѣпости, за чинимые имъ неурядки написанъ изъ прапорщиковъ въ солдаты, а потомъ прежній чинъ его возвращенъ генераль-поручикомъ Деколонгомъ, то и предписано ему Деколонгу прислать въ коллегію рапортъ, за какіе именно неурядочные поступки и когда оный Чоглоковъ былъ написанъ въ рядовые, также и почему прапорщичій чинъ ему отданъ; а между тѣмъ въ содержаніи его Чоглокова въ Мангазеѣ числится солдатомъ.

IV.

О преступленіяхъ трехъ братьевъ Чоглоковыхъ.

Преступленія трехъ братьевъ: Наума, Николая и Самойлы Чоглоковыхъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Подполковникъ Наумъ Чоглоковъ, будучи въ Грузіи въ корпусѣ генераль-маіора графа Тотлебена волонтеромъ, явился ослушнымъ своему командиру, а при арестѣ за сіе произносилъ предъ нимъ и дерзкія слова, и не только что называлъ его графа измѣнникомъ, но и себя поставлялъ въ Россіи третьею персоною; за которыя его преступленія въ 1771 года опредѣленіемъ военной коллегіи велѣно, лиша его чиновъ, написать въ солдаты въ сибирскій

гарнизонъ, для чего и посланъ онъ былъ въ Березовъ, съ тѣмъ чтобъ содержать его тамъ десять лѣтъ, производя изъ казны жалованье и провіантъ обыкновенный по гарнизонному окладу. А въ 1781 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, по прошенію того Чоголова переведенъ онъ изъ Березова въ Тобольскъ для излѣченія его болѣзней, съ тѣмъ однакожь, чтобъ его оттуда никуда не выпускать; въ Тобольскѣ живучи онъ довольное время, просилъ тамошняго губернатора о препровожденіи просьбы его къ Вашему Величеству, состоящей въ томъ, чтобъ повелѣно было ему остатокъ дней своихъ препроводить въ повоѣ, гдѣ пожелаетъ; но какъ губернаторъ засвидѣтельствовалъ объ немъ, что онъ замѣченъ имъ человѣкомъ болѣе помѣшаннымъ или испортившимся, нежели съ здравымъ разсудкомъ, а потому де и заслуживаетъ токмо человѣколюбиваго призрѣнія, впрочемъ даже и къ нужному содержанію ничего не имѣетъ, а питается отъ благотворительныхъ рукъ—по сему засвидѣтельствуванію Вашему Величеству угодно было въ генварѣ мѣсяцѣ 784 года высочайше указать генералъ-поручику и кавалеру Кашенину, чтобъ оному Чоголову производить на содержаніе безъ огласки изъ казны по 100 руб. въ годъ и оставить на прежнемъ основаніи, которые и производятся.

2) Отставной майоръ Николай Чоголовъ, по произведенному въ Ревельскомъ главномъ земскомъ судѣ слѣдствію, оказался въ намѣреніи къ убійству ассессора барона Унгернъ-Штернберга, за чтò въ 1775 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, и посланъ къ содержанію въ Шлиссельбургскую крѣпость на 15 лѣтъ; во время жъ содержанія его тамъ женился онъ на дочери бывшаго тамъ комендантомъ полковника Берединова и прижилъ въ теченіи онаго времени восьмерыхъ дѣтей; по мнѣваніи жъ положеннаго содержанію его срока, онъ бывшему коменданту бригадирю Цыглеру дѣлалъ разныя укоризны, для чего объ немъ не докладываютъ Вашему Величеству, а паконецъ, не удовольствуясь и тѣмъ, подучилъ жену свою выпроситься на форштатъ подъ образомъ законныхъ надобностей, чтобъ она тайнымъ образомъ оттуда уѣхала и подала бы письмо Вашему Величеству о пхъ свободѣ, которая все то и исполнила и въ саду Царскаго Села осмѣлилась то письмо Вашему Величеству подать, за которую его дерзость и взята была подъ стражу и отослана пакъ въ прежнее мѣсто, съ таковымъ повелѣніемъ, чтобъ его Чоголова за учиненную предъ комендантомъ дерзость и за наученіе жены

своей посадить въ особливую казарму до указа, въ коей онъ и содержался; но послѣ сего означенный комендантъ рапортомъ представилъ, что онъ Чоглоковъ въ проступкѣ своемъ приноситъ предъ Вашимъ Величествомъ извиненіе и проситъ о соединеніи его съ женою и дѣтьми; то и угодно было Вашему Величеству высочайше повелѣть изъ той казармы его освободить, а содержать въ той же крѣпости обще съ женою и дѣтьми, на прежнемъ основаніи, впредь до высочайшаго повелѣнія.

3) Лейбъ-гвардіи преображенскаго полка фурьеръ Самойла Чоглоковъ, по произведенному въ тайной экспедиціи слѣдствію, оказался виновнымъ не только въ говореніи имъ дерзкихъ поносительныхъ словъ, но и въ злодѣйскомъ противу особы Вашего Величества намѣреніи; за что въ 767 году, по высочайшему Вашего Величества соизволенію, навазанъ розгами и посланъ къ командиру тогда по Иртышской линіи къ генераль-поручику Шприггеру, коему предписано было, чтобъ онъ опредѣлилъ его Чоглокова въ состоящіе тамо полки солдатомъ и имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ оттуда побѣгу учинить не могъ, а поведение и жизнь его, какъ человѣка молодаго, стараться благопристойно поправить, и если, по примѣчанію его, въ поведеніяхъ своихъ онъ Чоглоковъ себя исправитъ, въ такомъ случаѣ производить его и въ другіе чины, а потому и произведенъ онъ былъ въ Омскій первый баталіонъ прапорщикомъ; но послѣ за чинимые имъ въ Омской крѣпости непорядки, въ 774 году, по опредѣленію военной коллегіи написанъ въ солдаты и сосланъ въ Мангазею, гдѣ и помере.

V.

Всеподданнѣйшій докладъ генераль-прокурора дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Самойлова.

По прошенію родственниковъ извѣстныхъ Чоглоковыхъ угодно было Вашему Величеству мнѣ высочайше повелѣть изъ дѣла объ нихъ сочинить записку; вслѣдствіе чего въ то жь время отъ меня, по случаю производства объ нихъ въ тайной экспедиціи дѣлъ, препоручено было сіе покойному тайному совѣтнику Шешковскому, который за болѣзнію своею по самую кончину оной мнѣ доставить не могъ.

По разсмотрѣніи всего того, что до нихъ Чоглоковыхъ по тайной экспедиціи относилось, подношу у сего краткую записку о

преступленіяхъ сяхъ трехъ братьевъ: Наума, Николая и Самойлы Чоголовыхъ, куда они сосланы, когда и на какомъ положеніи содержатъ ихъ велѣно. Какъ же родственники оныхъ Чоголовыхъ всеподданнѣйше просятъ Ваше Величество позволить помянутымъ двумъ братьямъ Науму и Николаю, окромѣ Самойлы, который уже помре, жить въ Рижской губерніи въ городѣ Дерптѣ ¹⁾; присмотрѣ же за ихъ поведеніемъ и имѣніе препоручить въ опеку ближайшему ихъ родственнику графу Миниху, жительствовавшему близъ того города Дерпта, который и самъ за все оное отвѣчать обязуется, то я, соображая всѣ обстоятельства, касательно преступленій ихъ, осмѣливаюсь съ моей стороны представить здѣсь Вашему Величеству мое мнѣніе, что сіи преступники Чоголовы, по ихъ дерзостямъ, пылкимъ и несмягчительнымъ правамъ, едва ли бы по правосудію заслуживали какое снисхожденіе къ ихъ судьбѣ; но единое токмо высочайшее Вашего Императорскаго Величества милосердіе и состраданіе къ несчастнымъ въ состояніи преклонить на милость къ нимъ Ваше Величество и облегчить ихъ жребій; почему, приѣмая въ основаніе къ моему мнѣнію матернее Вашего Величества человеколюбіе, полагаю слѣдующее:

Въ Дерптѣ жить имъ кажется совсѣмъ не возможно; ибо какъ они въ тамошнихъ мѣстахъ суть весьма гласные преступники, то прибытіе ихъ туда не можетъ сдѣлать пріятнаго тамошнимъ жителямъ впечатлѣнія, тѣмъ паче, что одинъ изъ нихъ и въ преступленіе свое впалъ, бывши въ тамошнихъ мѣстахъ; а не угодно ли будетъ Вашему Величеству Наума оставить въ Тобольскѣ, хотя и на прежнемъ основаніи, но съ тѣмъ однакожь что какъ онъ уже лѣтъ немолодыхъ, удрученъ болѣзнями, а сверхъ того, принявъ къ себѣ женщину, о которой хотя изъ донесеній не видно, чтобъ былъ на ней женатъ, но называетъ ее женою, и имѣетъ отъ нея сына, то бы, воззря на сіе милостивымъ окомъ, опредѣлить ему на пропитаніе изъ доходовъ ихъ по 600 руб. на годъ ²⁾, дабы онъ чрезъ то, во первыхъ избѣгнулъ того, чтобъ питаться отъ благотворительныхъ рубѣ, а вовторыхъ, при немолодыхъ своихъ лѣтахъ и при болѣзни, провелъ остатокъ дней своихъ въ лучшемъ покоѣ и сыну своему нѣкоторое могъ дать воспитаніе.

---

¹⁾ У Чоголовыхъ были имѣнья въ Лифляндіи (см. Оснадцатый Вѣкъ. П. И. Бартенева, III, стр. 238).

Прим. изд.

²⁾ Нынѣ получаетъ онъ по 100 р. въ годъ изъ казны.

Что жь касается до Николая, то сей имѣетъ еще болѣе нужды въ милосердіи Вашего Величества; ибо хотя онъ и воспользовался тою монаршею Вашего Величества милостию, что изъ имѣющихся у него восмерыхъ дѣтей, трое отъ него взяты и отданы: два сына— одинъ въ корпусъ, а другой въ пансіонъ, дочь же въ воспитательный домъ благородныхъ дѣвицъ, но при немъ еще остается пятеро, изъ коихъ нѣкоторые больны, а другіе совсѣмъ въ разслабленіи, что приписать можно, кажется, ближе всего сырости тамошняго мѣста, почему если не для него, то по крайней мѣрѣ для сихъ несчастныхъ, не угодно ли будетъ Вашему Величеству послать его съ семействомъ въ Ярославскую губернію въ городъ, который найдетъ для нихъ способнымъ тамошній правящій должностъ генераль-губернатора г. генераль-поручикъ Лопухинъ (сіе мѣсто для ихъ пребыванія потому я осмѣливаюсь назначить, что есть отъ родственниковъ его извѣстно, что г. Лопухинъ ихъ фамиліи знакомъ), предписавъ однакожь ему, чтобъ онъ за жизнью и поведеніемъ той семьи имѣлъ прилежное наблюденіе, дабы жили тихо, смиренно и спокойно, а Чоглокову при свободѣ объявить, что онъ по дѣланіямъ своимъ не заслуживаетъ таковой высочайшей милости, но сіе дѣлается ему единственно изъ милосердія Вашего Величества, съ тѣмъ притомъ, что если онъ и за симъ не будетъ кротокъ и не поведетъ себя порядочно, тогда уже запертъ будетъ и въ отдаленнѣйшую крѣпость, по смерти; на пропитаніе жь ему положить по великости его семьи по 1,200 руб. на годъ ¹⁾ изъ ихъ же доходовъ, впрочемъ оттуда его никуда не отпускать и о состояніи его по прошествіи каждой трети меня увѣдомлять.

Что жь принадлежитъ до опеки, то какъ его сіятельство графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ ²⁾, ведетъ оную въ совершенной аккуратности и вѣрности, то перемѣнять его, кажется, нужды не стоитъ.

Впрочемъ все сіе предаю прозорливому Вашего Величества соизволенію.

Докладъ этотъ удостоился утвержденія императрицы въ іюнь 1794 г.

---

¹⁾ Нынѣ получаетъ по 600 руб. въ годъ изъ своихъ доходовъ.

²⁾ По увѣдомленію его сіятельства, денегъ изъ доходовъ ихъ въ банкъ доставлено до 170,000 руб.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

I.

ПОВѢГЪ БЕНІОВСКАГО И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ.

Баронъ Морицъ Анадаръ де-Беневъ (какъ онъ называлъ себя при подписи своего имени), въ Россіи именовавшійся Бейноскомъ или Беніовскимъ, принадлежитъ къ разряду тѣхъ искателей приключеній, какихъ много было въ XVIII вѣѣ. Венгерецъ родомъ, онъ служилъ польскимъ конфедератамъ и въ 1768 г. взятъ былъ Русскими въ плѣнъ, но отпущенъ на честное слово, что не будетъ служить противъ нашихъ войскъ. Не сдержавъ однако своего обѣщанія и будучи снова захваченъ нашими войсками, Беніовскій былъ отправленъ на жительство въ Казань, а за попытку бѣжать оттуда, сосланъ въ Вольшерѣцъ въ Камчаткѣ. Здѣсь Беніовскій въ 1771 г. подговорилъ нѣсколькихъ смельчанъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ бѣжать, овладѣвъ русскимъ военнымъ судномъ, и попытка эта имъ удалась. Это-то смѣлое предпріятіе, и затѣмъ, дальнѣйшая судьба большей части русскихъ товарищей Беніовскаго и описаны въ нижеслѣдующемъ повѣствованіи, которое было составлено однимъ изъ бѣглецовъ Судейкинымъ по запискамъ другого, казака Рюмина, и въ 1773 г., подано нашему резиденту во Франціи Н. К. Хотинскому достигшими Парижа русскими странниками, изъявившими желаніе возвратиться въ отечество. Просьба ихъ была удовлетворена.

Предлагаемый разсказъ въ 1822 г. былъ напечатанъ В. Н. Беркомъ въ Сѣверномъ Архивѣ и отдѣльно, подъ неправильнымъ заглавіемъ: „Записки канцеляриста Рюмина о приключеніяхъ его съ Беніовскимъ“. Здѣсь онъ печатается въ исправномъ видѣ.

Свѣдѣнія о побѣгѣ Беніовскаго и его товарищей, а также перечень относящихся къ этому событію сочиненій, находятся въ составленной (по официальнымъ документамъ) графомъ Д. Н. Блудовымъ запискѣ, которая напечатана при его біографіи, написанной Е. П. Ковалевскимъ, и въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 417—438. Дополненія къ этой запискѣ находятся тамъ-же, ст. 859—862 и 895—896.

Д. Д.

Описаніе о развитіи російскаго города, состоящаго въ Камчатской землѣ, называемаго Вольшерѣдцѣ, и о убитіи тамошняго Камчатскаго главнаго командира и о взытіи находящейся тамо казначейрин и въ ней государственной денежной и ясашной казны, магной ружьяди, также артиллеріи съ ея припасы, пороху, пушекъ и прочихъ воинскихъ снарядовъ и другихъ матеріаловъ; и о забраніи въ то время въ полонъ нѣсколько разныхъ чиновъ людей, находившимся тогда въ Вольшерѣдцѣ, присланными въ ссылку на житье польскими мятежниками и бродягами: Венгерцомъ Вейн-осеомъ и Шведомъ Винбландомъ, тако жь и російскими бывшими капитанами Ипполитомъ Степановымъ и Васильемъ Пановымъ, да бывшимъ же полковникомъ Асаеомъ Бутурлинымъ и бывшимъ же Петромъ Хрущевымъ, крестьяниномъ Григорьемъ Кузнецовымъ и прочими ихъ согласниками: Охотскаго порта штурманомъ Максимомъ Чуринымъ, да бывшаго купца Федора Холодидова, нанятыми въ слѣдованію въ морской вояжъ на его суднѣ на Алеутскіе морскіе острова, для ловли звѣрей работными людьми ихъ прикащикомъ, Тотемскимъ посадскимъ Алексѣемъ Чулошниковымъ. И по учиненіи того о отбытіи сихъ всѣхъ злодѣевъ изъ Вольшерѣдца на поромахъ, по Большой рѣкѣ, въ состоящей близъ моря, такъ называемой Ченявинской гавани, и о взытіи состоящаго тамо, а прибывшаго изъ Охотскаго порта, казеннаго морскаго судна, галиота, именуемаго св. Петръ. И о отправленіи жь на томъ со всѣми людьми въ море, и по выходѣ въ море, о бытіи на разныхъ островахъ и въ разныхъ городахъ и Европѣ, и что тамо происходило, тако жь и какіе на островахъ люди жителство имѣютъ, и чѣмъ изобилствуютъ, и гдѣ сколько времени судномъ стояли и что видѣли, и о прочемъ происхожденіи, даже до прибытіи до острова португальскаго Макао, а оттолъ о слѣдованіи жь на французскихъ фрегатахъ Дофинѣ и Дела-Верди до французскихъ городовъ Мориціи и Иллуріана, и о прочемъ. Сочинено съ собственныхъ записокъ Ивана Рюмина, въ городѣ французскаго владѣнія, въ портѣ Луи, что въ Малой Британіи, въ 773 году февраля 14-го дня.

I.

О разбитіи города Большерѣцка и о взятіи канцеляріи и денежной казны и прочаго, тако жъ и о убитіи командира, и о отбытіи изъ того города къ морю рѣкою на поромахъ въ гавань, и о слѣдованіи въ вояжъ на казенномъ суднѣ, и о прочемъ.

1771 года апрѣля съ 26-го на 27-е число въ ночи, упомянутые польскіе мятежники и бродяги, Венгерецъ Бейноскъ и Шведъ Винблаитъ, съ прочими вышеписанными людьми и согласники, нечаяннымъ образомъ вооруженною рукою, вопервыхъ, атаковавъ комендантскій казенный домъ и ворвавшись во оный, находящагося тутъ командира, капитана Нилова, въ его спальнѣ захвата, убили до смерти; а потомъ по убитіи того, пошли къ камчатской Большерѣцкой канцеляріи, и по приходѣ, оную атаковавъ же, взяли, и вошедъ въ состоящія близъ оной казенные цейгхаусъ и анбары, гдѣ лежали пороховая казна, артиллерійскіе припасы и другіе военные свряды, тако жъ и ясажная казна, собранная съ ясажныхъ Камчадаловъ, то есть, соболы и лисцы; потому жъ все оное взяли и по взятіи всего казеннаго, поставя около канцеляріи, то есть, пушки и одну мортпору, и заряда пушки ядрами и картечами, и разстави изъ тѣхъ злодѣевъ вооруженныхъ пристойное число людей въ караулъ, находились до самаго свѣта, то есть, до того 27-го числа апрѣля, а стоящихъ въ канцеляріи часоваго и караульныхъ всѣхъ взяли подъ караулъ, и совсѣмъ успились, и такимъ нечаяннымъ образомъ привели ихъ въ страхъ, кои бывъ въ совершенной уторопленности, не смѣли и словомъ попротивиться; а къ тому и Большерѣцкій городъ не большой и кромѣ строеній ничѣмъ не укрѣпленъ, да и жительскихъ домовъ не много, а казаковъ всѣхъ считается старыхъ и малолѣтнихъ человекъ съ семдесятъ; изъ того числа изъ нихъ были въ раскомандированіи за разными казенными дѣлами нѣсколько человекъ.

Потомъ по разсвѣтѣ, по полуночи часу въ 7 по утру, означенный Венгерецъ, какъ уже оказалось, что онъ въ томъ дѣлѣ былъ главный зачинщикъ и предводитель, приказалъ чрезъ посланныхъ отъ себя взять сильною рукою живущихъ въ Большерѣцкѣ разныхъ людей, ничего о томъ не свѣдущихъ, копъ всѣхъ и упо-

мнить не можно, въ томъ числѣ и Большерѣцкій канцеляріи двухъ канцелярпстовъ. Спиридона Судейкина, Ивана Рюмина и трехъ штурманскихъ учениковъ, а по взятіи содержать въ канцеляріи, гдѣ оныя и содержались, а въ то время оный Венгерецъ Бейноскъ находился со всѣми едпомышленниками своими въ канцеляріи безвыходно и присутствовалъ въ судейской каморѣ за судейскимъ столомъ, а часу въ девятомъ оный Бейноскъ приказалъ имѣющееся въ Большерѣцкѣ казенное хлѣбное вино, которое привезено было изъ Охотскаго порта, взять въ канцелярію, изъ котораго двѣ фляги, чрезъ посланнаго отъ него товарища его Шведа Вибланда съ командою изъ сказапнаго командирскаго дому (кое тамъ содержалось), и взято и принесено въ канцелярію, да въ то же время изъ казеннаго жъ питейнаго дому собранная, за продажное казенное вино, денежная казна взята жъ ими въ то же канцелярію; и изъ того вина поилъ, какъ своихъ едпомышленниковъ, такъ и другихъ Большерѣцкихъ, находящихся подъ карауломъ, жителей (кои за страхъ и пилю), а изъ взятой, какъ изъ питейнаго дому, такъ имѣющейся въ канцеляріи денежной казны, чинилъ разнымъ купцамъ, случившимся тогда въ Большерѣцкѣ, раздачу, а за что — не извѣстно. Такожъ и согласившамъ своимъ раздаивалъ, изъ коихъ крестьянннъ Кузнецовъ взялъ одиъ три тысячи рублей, и въ то же время убитаго командира приказалъ погребсти, котораго и погребли у святой Успенской церкви. И такъ находился въ городѣ и псправлялся къ морю до 29-го числа апрѣля.

А до того, то есть, 28-го числа, приказалъ оный Бейноскъ приготовить на Большой рѣкѣ близъ города нѣсколько поромовъ и для того собрать боты или лодки у тамошнихъ казаковъ и у жителей, которые и были приготовлены, числомъ одиннадцать, на которые, уже 29-го числа того же апрѣля, нагрузил артиллерию, порохъ и другіе снаряды, также казенное достальное вино, съѣстные припасы и казенный ржапой провіантъ и казенную жъ мягкую рухлядь, только одиъ соболи и лисицы оставлены въ Большерѣцкой канцеляріи, и посадивъ всѣхъ людей, какъ его едпомышленниковъ, такъ и взятыхъ подъ караулъ, а прочихъ жителей яко во иманаты, а для сплаву и работы въ гавани взявъ всѣхъ казаковъ, кроме малолѣтнихъ, отправился къ Большерѣцкому устью, по плудни во 2-мъ часу, а въ Большерѣцкѣ оставленъ отъ того Бейюска командиромъ штурманскій ученикъ Василій Софьинъ. И не успѣвъ до устья, остановился на дорогѣ, близъ камчадальскаго Батоновскаго острожка, и разставил караулъ и пакеты, имѣли ночевъ.

отдѣль II.

30-го числа апрѣля по утру приказалъ означенный Венгерецъ Бейноскъ всѣмъ поромамъ слѣдовать къ гавани Чекавинской, къ которой и прибыли по полудни часу въ 5-мъ и пребывъ, сгрузи всѣ свои припасы и матеріалы на берегъ, разставили палатки; а потомъ, того жъ числа, означенный Венгерецъ Бейноскъ чрезъ штурмана Чюрипа находящимся всѣмъ въ командѣ людямъ приказалъ состоящее въ той гавани казенное судно, галіотъ св. Петра (которое еще было во льду), окалывать въ самой крайней скорости, по которому приказу оное судно чрезъ два дѣя, то есть, уже малъ къ 2-му числу, околомъ и совсѣмъ отакелажили, и того жъ 2-го числа вывели изъ гавани къ устью Большой рѣки; а потомъ и на рейду къ слѣдованію въ воляжъ. И такъ жили и исправлялись мая по 12-е число.

II.

О выходѣ галіота св. Петра изъ устья Большой рѣки въ море, и о прибытіи на Курильскій островъ, и о происхожденіи тамъ, до отравленія капля въ море.

12-го числа мая, означенный Бейноскъ приказалъ всѣмъ имѣющимся на берегу устья разные припасы и матеріалы перевозить на судно, а потомъ и людямъ собрався и поднявъ якорь, слѣдовать въ воляжъ; по которому приказу все тогда жъ и исправлено, и по исправленіи всего, оставя на берегу взятыхъ изъ Большерѣцка въ аманатѣ, а именно: Тотемскаго купца Петра Казарипова и прочихъ, также изъ взятыхъ въ работу казаковъ съ ботами, поднявъ якорь, и распустя парусы, пошли въ море и слѣдовали моремъ съ 12-го по 16-е число, а того числа увидѣли небольшой невѣстный островъ, который въ вечеру и миновали, а въ ночь на 17-е число видно было нѣсколько острововъ, а по утру 17-го числа увидѣли большой островъ и дошли до него 18-го числа, и увидѣли бухту или способную къ входу гавань, въ которую того жъ числа въ вечеру и пошли благополучно, и по входѣ, того жъ вечера посланъ былъ отъ того Бейноска вышенианный крестьянинъ Кузнецовъ (который у него былъ за адъютанта) съ даннымъ ордеромъ и пристойною командою на берегъ въ ялотѣ, для осмотра того острова и живущихъ на немъ людей, который возвратясь рапортовалъ, что они ничего найдти и увидѣть не могли, а только привели съ собою одну курльскихъ родовъ собачку небольшую, почему сей островъ и узналъ, что онъ Курильскій семнадцатый, называемый по курльски Ивоза. И переночевавъ на суднѣ, въ слѣдующій день, то есть, 19-го мая, расфортовя судно, сошли люди

на берегъ, гдѣ производили печеніе хлѣбовъ, тако жъ и сущили въ вояжъ сухари и исправлял на суднѣ разную работу и шили флаги и вымпель аглинскіе, которые по исправленіи и на мачтахъ были поставлены, и за всѣмъ тѣмъ пробыли на томъ острову до 29-го числа мая.

А того 29-го числа, упомянутый Венгерецъ Бейноскъ находящійся на томъ суднѣ взятыхъ изъ Большерѣцка штурманскаго ученика Герасима Измайлова, Камчадала Алексѣя Паранчина и жену его Паранчина Лукерью Иванову, сочиня самъ письменное опредѣленіе, приказалъ высѣчь кошкамъ, которые и высѣчены, и потомъ, согласясь со единомышленникамъ, приказалъ же служителямъ оныхъ трехъ человекъ на судно не брать, а оставить на томъ пустомъ Курильскомъ острову, которые и оставлены, и на пропитаніе имъ дано нѣсколько ржанаго провіанта; сверхъ же тѣхъ и другіе служители, то есть, штурманскій же ученикъ Флиппъ Зябливъ и матросъ Софроновъ, тогда жъ были кошкамъ сѣчены, потому что, какъ открылось, что они всѣ вознамѣрились, какъ они есть дѣти отечества, сдѣлать то, чтобъ всѣхъ тѣхъ злодѣевъ на суднѣ погубить, а самимъ съ прочими слѣдовать обратно въ Большерѣцкое устье; по изъ нихъ одинъ сдѣлался пушій злодѣй, который обо всемъ томъ донесъ, за что бѣдные люди и пострадали.

По учиненіи того, убоясь оный Венгерецъ того, чтобъ, стоя на острову, и всѣ взятые неволею люди не возмутись и не учинили бы имъ смертнаго убійства, приказалъ всѣмъ своимъ согласникамъ и взятымъ людямъ собраться съ берегу на судно, и по собраніи, поднявъ якорь и распустивъ парусы, пошли тотчасъ въ море, въ которое время вѣтръ къ выходу былъ способный, при которомъ выходѣ, оставленные бѣдные на берегу ученикъ Измайловъ и Камчадалъ съ женою кричали и плакали, что къ немалому сожалѣнію и слезамъ всякому совѣстному человеку представить надобно, чего надъ варварами сдѣлать не можно. И такъ отпривились благополучно.

III.

О слѣдованіи галіота св. Петра изъ Курильской бухты къ Японскимъ берегамъ, и о бытіи въ Японской губѣ, и что тамо учинено, даже до отбытія въ море.

Упомянутаго 29-го числа мая, по выходѣ галіота св. Петра въ море, до 6-го числа іюня ничего примѣчено не было на морѣ, а

6-го числа въ ночь, вдругъ увидѣли на суднѣ на самомъ носу воздушный огонь или свѣтъ, который чрезъ короткое время погасъ (который Европейцы, будучи въ мореплаваніи, приписываютъ себѣ за счастье и въ похвалу Божіей Матери почитаютъ за Ея вѣнецъ), да и послѣ того на 9-е число въ ночь жь тотъ же свѣтъ видѣли, который вскорѣ жь копчился.

15-го числа іюня видѣли въ морѣ разныхъ родовъ морскихъ рыбъ въ безчисленномъ множествѣ, пѣзъ коихъ нѣкоторыя цѣлыми стадами летали по верхъ воды, имѣя у себя крылья. Видомъ оная какъ ряпуха, и называютъ ее всѣ описатели мореплаванія, особливо господинъ Ансонъ, летучею рыбою, какова въ самомъ дѣлѣ есть; она летаетъ по поверхности воды разстояніемъ сажень па сто или болѣе; сказываютъ объ ней въ Европѣ, что она летаетъ больше. убѣгая отъ морской рыбы бониты, которая за нею гонится и ловитъ себѣ въ пищу. Бонитъ же рыба есть иная, такъ велика, что пудовъ въ десять и больше, а иная и меньше, видомъ нѣсколько походитъ па сазапа, только противъ его очень толста и тѣломъ красная, которую мы уже послѣ и въ пищу употребляли.

16-го числа изловлена была одна морская рыба не малая, у которой найдено прильпущихъ на поверхности ея двѣ маленькія рыбки, съ немалыми перьями, и ту большую рыбу варили и въ пищу жь употребляли, которая вкусомъ весьма изрядная. И такъ шли судномъ іюля по 8-е число, претерпѣвая, сколько отъ недостатка воды, а паче и отъ великаго солнечнаго зноя, неспособную тягость; а пищу имѣли только одинъ сухарь и хлѣбъ, и тѣ уже задрѣмле.

Іюля съ 2-го па 3-е число съ вечера сдѣлался въ морѣ нрежестокій штормъ, который продолжался даже до 6-го числа, въ которое время уже были всѣ въ отчаяніи своего спасенія, и такъ усилился, что судно совсѣмъ (пересбрасывая погруженную кладь съ одной къ другой сторонѣ) едва не опрокинуло, а 6-го числа по утру погода переимѣнилась, и штормъ потихъ.

7-го числа іюля завидѣли въ морѣ въ правой рукѣ землю или островъ большой, къ которому и подошли около вечера, и подобравъ парусы, стали на якорь и увидѣли на берегу на разныхъ мѣстахъ раскладенные огни. А по утру, то есть, 8-го числа іюля, увидѣли на берегу стоящихъ людей, которые махали руками, далъ знать, чтобъ на тотъ островъ не представлять, указывая для отходу отъ того въ море; однакожъ означенный предводитель Венгерцевъ Бейпоскъ приказалъ спустить съ судна ялбѣтъ, па которомъ отъ

него и отправлены Шведъ Винбландъ и Ипполитъ Степановъ и съ ними пристойное число людей, которыхъ хотя на берегъ и не допускали, но однакожь они къ берегу пристали и вышли изъ ялбота на берегъ, гдѣ тогда было въ собраніи множество тамошняго народа, которые всѣ были Японцы. И тотъ островъ Японскій, и какъ наши люди у тѣхъ Японцовъ въ жилище ходили, тогда тѣ Японцы подчивали ихъ виномъ и пшеномъ сорочивскимъ; а потомъ они Японцы, взявъ въ свою лодку Винбланда и Степанова, а наши люди съвъ въ ялботъ и возвратясь обратно, прибыли къ судну, о чемъ оные и рапортовали, и тѣ прибывшіе Японцы приняты честно и обдаря отпущены обратно на берегъ; но притомъ спрашивано у нихъ, за незнакомствомъ ихъ языка, чрезъ знаекъ, не имѣется ли гдѣ способной гавани или бухты для пристанія судномъ и для взятія прѣсной воды; и показали намъ въ сѣверной сторонѣ отъ ихъ мѣста, на томъ же острову, пристойную ко входу и стоянію судна бухту. И такъ, того жъ 8-го числа пошелъ къ оной, и не доходя оной, встрѣтили насъ, во первыхъ, двѣ лодки, изъ которыхъ съ одной пришелъ на судно одинъ главный Японецъ съ командующими, а потомъ пришли еще три лодки, и по приказу того ихъ главнаго, судно наше введено въ тос бухту букасирамъ; и какъ скоро вошли въ бухту, то подобравъ парусы стали на якорь. Онаи бухта окружена съ приходу съ правой стороны горами и лѣсомъ, а между тѣмъ на той же сторонѣ, какъ видно было съ судна, состоятъ японское жилище на подобіе какъ нашей российской деревни, въ которомъ строеніе видно было деревянное и каменное по ихъ манеру, не очень изрядное, также и около того жилища сдѣлана невысокая каменная стѣна на подобіе крѣпости и одна для входу ворота, а съ лѣвой стороны окружена превысокими жъ горами и лѣсомъ.

И какъ судномъ стали на якорь, то тогда же, спустя съ судна ялботъ съ пристойнымъ числомъ людей, отправилъ было на берегъ для взятія прѣсной воды; и какъ ялботъ лишь только къ берегу прибылъ, то тогда стоящіе на берегу Японцы махали руками, чтооъ на берегъ не ходили, и маячили, что если де они уступятъ насъ на берегъ, то де имъ всѣмъ головы срубятъ. И съ тѣмъ наши возвратились къ судну обратно, а потомъ и Японцы къ намъ на судно пришли, и къ вечеру привезли къ намъ нѣсколько воды и пшена, а около судна къ ночи поставили свой караулъ въ двухъ лодкахъ на якоряхъ съ зажженными бумажными фонарями, который караулъ у нихъ былъ всегда днемъ и ночью, даже до нашего въ

море выходу, чтобъ насъ не допустить на землю, или для чего иного—не извѣстно; въ ночи жь на берегахъ стояли такіе жь фонари съ огнями. И на другой день, то есть, 9-го числа, на томъ же ялботѣ пошелъ означенный предводитель Бейпоскъ съ людьми на берегъ; но встрѣтившія и караульныя японскія лодки до берегу по тому жь не допустили, а они всегда къ намъ на судно приходили по нѣскольку человѣкъ, въ числѣ коихъ были и ихъ японскіе старшины и ламы (попы), также и монахи, у которыхъ монаховъ на поясахъ привязаны деревянные черные, также и костяные бѣлые вырѣзанные болвапчики или плоды. Они все люди ходятъ по тамошнему жаркому воздуху босыми ногами, платье имѣютъ легкое шелковое и бумажное, называемое азиямами или халаты шпрокорукавые разныхъ цвѣтовъ, а у ламовъ бѣлое, у монаховъ черное съ бѣлымъ. Ламы и монахи, кромѣ простыхъ, имѣютъ все головы бритыя; нѣкоторые Японцы носятъ и сабли, почему признаются тѣмъ за начальныхъ и военпослужащихъ людей; волосы они все на головахъ спереди до половины головы (это полголовы значить у нихъ луна, потому, что они лунѣ поклоняются) подбриваютъ, а съ затылку забиваютъ къ верху, и намазавъ какою-то мастью (которая такъ черна, что отъ нея лоскъ бываетъ), связываютъ бѣлою небольшою перевязкою такъ крѣпко, что не могутъ они распускаться; шапокъ не имѣютъ, а носятъ изрядно плетенныя изъ травы шляпы; бороды все вообще брѣютъ, въ рукахъ имѣютъ вѣеры, а надъ собою зонтики отъ дождей и на поясахъ коробочки лаковыя съ ароматами и трубочки съ табакомъ, которыми всегда курятъ табакъ.

Во все наше тутъ битія время, приѣзжая изъ разныхъ бухтъ, ходили на многихъ лодкахъ около судна Японцы и ихъ женщины и дѣвки, изъ которыхъ есть весьма хорошаго виду. Нѣкоторыя изъ тѣхъ женщинъ волосы на головахъ по ихъ маниру очень хорошо убрываютъ на подобіе павлинова хвоста, и какъ видно, что тотъ уборъ на булавахъ или проволокахъ сдѣланъ.

А когда они Японцы къ намъ приходили на судно, тогда имъ объявлено было, что мы Голландцы и идемъ въ Нангазаки, такъ называемый японскій городъ, который стоитъ на острову жь, отъ большаго острова, гдѣ мы стояли, верстажъ въ 50-ти или болѣе, въ которомъ имѣютъ съ нами коммерцію одни Голландцы, при чемъ мы ихъ дарили соболями и другими вещами и подчивали російскою водкою, а они, напротивъ того, привозили къ намъ пшена, воды и ихъ японскаго вина. И такъ мы стояли судномъ

даже до 12-го іюня, а до отбытія нашего еще за день, то есть, 11-го числа, тѣ Японцы налили намъ всѣ имѣющіяся въ суднѣ бочки прѣсною водою (по японски вода—мизю) и насыпали одну бочку пшена и привезли мѣшокъ соли, а прежде того писалъ командиръ или предводитель Бейноскъ въ Нангазаки къ Голландцамъ письмо увѣдомительное и отдалъ Японцамъ для пересылки, кое отослано или удержано ими Японцами—не извѣстно.

12-го числа приказалъ означенный предводитель Бейноскъ, поднявъ якорь и распусая парусы, слѣдовать изъ бухты въ море, и какъ лишь только начали якорь вынимать, то они Японцы съ начальникомъ просили предводителя, чтобъ еще ночевать; но какъ ихъ въ томъ не послушали, то при выниманіи якоря случившіеся близъ судна на лодкахъ, тако жъ и караульные Японцы, подошедъ къ якорному канату и ухватя оный рукамп, изъ чего примѣчено было, что тѣ Японцы хотѣли насъ полонить или убить до смерти, какъ то они есть идолопоклонники и крестоненавистники, какъ о томъ изъ исторіи японской видно, почему и разсудилось, что они конечно объ насъ дали знать въ городъ Меако, гдѣ была прежняя японская столица, въ которой живетъ ихъ японскій дайро (духовная большая власть) и хранится великое государственное изъдранныхъ лѣтъ сокровище; а отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, оный городъ Меака состоитъ не далече на томъ же матеромъ острову; но какъ предводитель, видя ихъ насильство, то приказалъ изъ пушекъ выпалить, и тогда всѣ въ лодкахъ Японцы попадали отъ страху, а прочіе угребли къ берегамъ. И такъ мы, поднявъ якорь и распусая парусы, пошли въ море, и если бы, по ихъ японской просьбѣ, еще ночевали мы одну ночь (въ которую, можетъ быть, ожидали они изъ Меако повелѣнія), то бъ они насъ живыхъ конечно не выпустили; ибо мы по прибытіи въ Макао тамошними жителями увѣрены, что они до прибытія нашего къ нимъ два судна гишпанскихъ совѣмъ сожгли и людей тирански замучили до смерти, а третіе судно едва ушло. Въ бытность же нашу въ Японской губѣ пріѣзжалъ къ намъ на судно и изъ другихъ находящихся на томъ острову японскихъ жителей множество Японцевъ, какъ и выше значить, а того числа, противъ котораго мы стояли, жители, по ихъ идолопоклонническому обычаю, имѣли двоекратно мольбище и носили изъ своихъ капищъ идоловъ по чорамъ, со многими зажженными свѣчамъ, при чемъ было множество тѣхъ Японцевъ и ихъ женъ и дѣтей.

IV.

О слѣдованіи галіота св. Петра изъ Японской губы и о приходѣ къ Башипскимъ островамъ, гдѣ жпвуть народы, называемые Усмайцы, и о битіи на ономъ и отправленіи въ вояжъ.

12-го числа іюля, по выходѣ галіота изъ Японской губы, слѣдовали моремъ 12-го и 13-го, а 14-го чиселъ видѣли въ морѣ предъ нашимъ судномъ идущую большую японскую лодку, называемую бусъ, подъ парусами, которая чрезъ нѣсколько часовъ отъ насъ изъ виду ушла, а 15-го, 16-го, 17-го и 18-го чиселъ, находясь въ морѣ, ничего не впадали, а 19-го числа іюля завидѣли землю съ правой стороны, которая представляла немалый островъ, окруженный превысокими горами и каменьями, а въ лѣвой сторонѣ также видна была земля, небольшой островъ же, и подошедъ къ оному большому острову уже къ самой ночи (на которомъ видѣнъ былъ огонь не въ одномъ мѣстѣ во всю ночь), но за поздностію времени отошли отъ онаго въ море, а поутру, то есть, 20-го числа, подошедъ къ тому острову и увидя пристойную ко входу бухту, съ судномъ въ оную благополучно вошли, и по входѣ, подобравъ парусы, стали на якорь; и какъ скоро стали, то пришла къ намъ съ берегу лодка, на которой были того острова жители, такъ называемые Усмайцы, и съ собою привезли къ намъ на судно пшена, картофилева кореня и нѣсколько морской свѣжей рыбы, и оныя на судно приняты честно и подчиваны.

И того жъ 20-го числа приказалъ предводитель Бейноскъ, спустя ялботъ съ судна, и съ пристойнымъ числомъ людей отправить на берегъ для сысканія удобнаго мѣста, гдѣ бъ можно было разставить палатки, также и производить печеніе хлѣбовъ; и какъ люди ялботомъ отправились, и осмогря мѣста и возвратяся рапортовали, что для того удобное мѣсто ими усмотрѣно на берегу прямо противъ судна, и потому предводитель приказалъ взять съ судна палатки и пристойному числу людямъ слѣдовать съ оными на берегъ, при чемъ и нѣсколько пушекъ и ружей взять велѣно; почему все оное на берегъ и перевезено, и поставлены палатки, также учрежденъ крѣпкій караулъ, гдѣ были поставлены заряденныя ядрами и картечами пушки, и производили на берегу печеніе хлѣбовъ и сушеніе сухарей.

По выходѣ жъ нашемъ на берегъ, жители того острова, называемые Усмайцы, съ ихъ старшинами, каждый день весьма много-

людными партіямъ къ намъ приходили и такъ до насъ были ласковы, какъ бы съ ними многое время жили, но за незнаіемъ ихъ языка ничего съ ними разговаривать было не можно; во все жь на берегу бытія нашего время тѣ народы безъ всякаго отъ насъ къ нимъ принужденія и безъ заплаты довольствовались насъ пиццою, пшеномъ сорочинскимъ, картофиліевыми кореньями и рыбою, также и впомъ, сдѣланнымъ изъ пшена, которое ничѣмъ не хуже нашей російской хлѣбной водки, а для варенія про насъ пищи опредѣленъ былъ поваръ съ товарищп.

Тѣ усамскіе жители всѣ вообще долопоклонники, имѣютъ, такъ какъ и Японцы носятъ, такіе жь халаты или азямы, сдѣланные изъ травы; а та трава растеть у нихъ на подобіе дерева, вышиною аршинъ шести и меньше, толщиною отъ корня вершковъ въ пять, а иная больше и меньше, листь имѣеть чрезвычайно длинный и широкій, длиною больше аршина, шириною въ поларшина или и больше, кожа на той травѣ самая тонкая свѣтлоголубая, а иная нѣсколько бѣловатая, и ту кожу сдираютъ и потомъ сушатъ, и засуша и измявши прядутъ, и пряжу красять разною краскою и ткутъ полотна разныхъ манировъ, и изъ тѣхъ полотенъ уже шьютъ одежду, то есть, вышеупомянутые азямы, и такъ удивительно, что никто не можетъ распознать, что тѣ халаты не шелковые были; а другой на нихъ одежды никакой нѣтъ, также и рубахъ не имѣютъ, потому что въ томъ мѣстѣ, какъ и въ Японіи, зима нѣтъ, и всегда бываетъ весьма тепло, благорастворенный и здоровый воздухъ; изъ нихъ же носятъ нѣкоторые вмѣсто обуви сдѣланныя изъ травы туфли, плетенныя такимъ маниромъ, какъ російскія изъ лыкъ сдѣланныя лапти, также и деревянные колодки на веревкахъ. Шапокъ не имѣютъ, а носятъ травяныя плетенныя жь шляпы, равно такъ какъ и Японцы, па конхъ и они сами совсѣмъ похожи, какъ бы точные были Японцы; по только разговоръ у нихъ особенный, однакожь грамоту имѣютъ и пишутъ они такими литерами, какъ и Японцы и Китайцы, сверху внизъ кисточками, и имѣютъ компасы свои и карты и принадлежащія къ мореплаванію книги, равно какъ и тѣ Китайцы и Японцы; нѣкоторые изъ нихъ говорятъ и по японски и имѣютъ торгъ съ Японцами, и Японцы къ нимъ часто приходятъ на своихъ судахъ или бусахъ съ товарамъ, которыхъ и при насъ человѣкъ до шести было на тотъ островъ прибывшихъ однимъ судномъ съ товарамъ японскимъ, только они отъ Японцевъ разнились тѣмъ, что они, волосъ не подбравая, убираютъ или зачесываютъ, собирая къ вер-

ху и намазавъ такую жъ, какъ Японцы, мастью, на одну шпильку золотую обвиваютъ, а другою прищипливаютъ, коп шпильки есть серебряныя ч мѣдныя; а бороды нѣкоторыя не брѣютъ, а прочіе подбриваютъ, какъ паша Татара.

У тѣхъ усмайскихъ жителей имѣется рогатый скотъ, коровы, козы, овцы, также лошади, свиньи, птицы: куры, утки, гуси; имѣютъ много собакъ, а въ морѣ и въ той бухтѣ, гдѣ мы стояли, ловятъ удами множество разныхъ родовъ морскихъ рыбъ, пзъ которой нѣсколько и солятъ. Строеніе у тѣхъ Усмайцевъ равно такое жъ, какъ и у Японцевъ, и никакой околѣ ихъ жилищъ крѣпости нѣтъ, и они при себѣ по тому жъ ко оборонѣ своей оружія не имѣютъ, а имѣютъ одни только топоры и ножи ихъ машпру, также небольшіе луки и стрѣлки; а посуда у нихъ чугузная.

Оный островъ составляетъ въ себѣ множество превисокныхъ горъ, которыя всѣ покрыты разными плодоносными деревьями, то есть, апельсинами, цитронами, лимонами, померанцами, пальмовыми и кокосовыми орѣхами и другими намъ неизвѣстными деревьями; на томъ же острову растетъ множество лѣснаго винограду, который очень мелокъ, не крупнѣе нашего краснаго гороху, и если онъ созрѣетъ, то видомъ бываетъ какъ черная смородина, вкусомъ очень кисель; на томъ же острову растетъ на деревьяхъ особливый фруктъ, намъ неизвѣстный, величиною съ небольшую тыкву, видомъ померанцовый или лимонный, который имѣетъ на себѣ по поверхности нѣсколько такихъ частицъ, каковыя бываютъ на орѣхахъ сибирскихъ шишки, по нѣсколько отъ тѣхъ отлѣнише и болѣе, и каждая часть изъ своего мѣста отдѣляется, и если тѣ части всѣ съ того фрукта оберешь, то въ самой срединѣ останется на подобіе круглаго яблока очень желтое тѣло, которое вкусъ имѣетъ самый сладкій и такъ пріятный, что превосходитъ хорошей дыни; ибо тотъ вкусъ нѣсколько походитъ на дыню, и называютъ, что весьма здоровъ; уновательно, этотъ фруктъ господинъ Ансонъ назвалъ растущимъ на деревѣ хлѣбомъ на островѣ Таніанѣ, потому что онъ питателенъ.

Тутъ же растутъ ананасы, который самый презрѣдпѣйшій и лучший фруктъ, о которомъ уновательно—изъ земляныхъ плодовъ лучше его никакой быть не можетъ. Есть же изрядные арбузы, и пинбю, корпы и перцу довольно.

Того жъ острова жители намъ маячили, что есть у нихъ на острову множество дикихъ звѣрей, яко то: кабановъ, козъ, барсовъ и другихъ дикихъ, да нами видѣнныхъ ядовитыхъ же гадовъ,

зыбѣй и скорпионовъ и прочихъ, и вредительной саранчѣ довольно, также каменья разные, алмазы, яхонты и другіе, такожъ и жемчугъ, раковинъ же жемчужныхъ, копѣхъ и мы много находили, точію уже жемчугу въ нихъ нѣтъ, а выбрапъ, а гдѣ жъ въ нихъ жемчугъ былъ, тѣ мѣста видно, какъ ямки, также и другіихъ куріозныхъ раковинъ большихъ и малыхъ пмѣтается разныхъ сортовъ не мало.

Оные жители на томъ островѣ сѣютъ сорочинское пшено, котораго у нихъ весьма довольно, также сѣютъ картофилевы сѣмена, и родятся такіе коренья, что, надобно думать, сладостію и пріятностію нигдѣ такихъ нѣтъ; тѣ же жители сѣютъ и сахарную траву, называемую тростяникъ, въ которой родится сахарный песокъ, которой травы мы много рвали и ѣли; она такъ высока, какъ не меньше аршинъ четырехъ, толщною въ толстую камышевую трость; а какъ она поспѣетъ, такъ ее собираютъ и песокъ пзъ нея выбираютъ и употребляютъ въ кушанье и дѣлаютъ вино; родится жъ у нихъ и листового табаку много, который они всегда курятъ трубками мѣдными небольшими, такъ какъ Японцы или Китайцы.

И такъ мы на ономъ островѣ находились до 31-го числа іюля. А до выхода нашего въ море, еще 29-го числа, означенные Усмайцы, давъ намъ бочку пшена и нѣсколько картофилевыхъ кореньевъ, также и вина, съ нами простились, при чемъ пмъ отъ предводителя данъ листъ на голландскомъ языкѣ такой, что во время нашего пребыванія у тѣхъ Усмайцевъ были отъ нихъ всѣмъ довольствованы и жили безъ всякаго отъ нихъ опасенія, за что пмъ и благодарность приписана. Объ нихъ Усмацахъ пмъ сказывали по прибытіи въ Макао Европейцы, что они люди добрые и страннопріимны, для чего де ихъ они Европейцы и содержатъ въ ласкѣ и привѣтѣ.

30-го числа приказалъ предводитель артиллерію и съѣстные припасы съ берегу перевезти на судно, также и людямъ обратися; почему тогда все и учинено, и по прибытіи на судно, стояли еще до утра, то есть, до 31-го числа, а того 31-го числа, пришедъ къ судну усмайскіе жители во многемъ числѣ лодокъ, и вонерныхъ, пришедъ ихъ старшины на судно съ хлѣбомъ и виномъ, съ нами простились. И потомъ букспрамъ наше судно вывелъ ихъ бухты въ море благополучно. И такъ мы съ ними простились.

V.

О выходѣ галіота св. Петра изъ Усмайской бухты и о слѣдованіи моремъ до острова Формозы, и о приходѣ къ оному, и о входѣ въ пристойную гавань, и о убѣтѣ нашихъ трехъ человѣкъ тамошними жителями дикими народы Индѣйцамп, и о прочихъ обстоятельствахъ, даже до отбытія галіота въ море, и о приходѣ къ китайскимъ берегамъ.

Іюля 31-го числа, по выходѣ галіота св. Петра изъ Усмайской бухты въ море, находились въ пути августа до 7-го числа, и ничего примѣчено не было, а 7-го числа въ вечеру увидѣли въ правой сторонѣ землю, островъ, и какъ 7-го, такъ и 8-го числа приближался судномъ къ той землѣ, но за противнымъ теченіемъ достигъ не могли; а 9-го числа пришли къ берегу разстояніемъ какъ за четыре миль, и подошли, стали на якорь; а потомъ по приказу предводителя въ вечеру посланъ былъ для провѣдыванія, что есть ли на томъ островѣ какіе народы, ялботъ на берегъ, и какъ ялботъ прибылъ на берегъ, то изъ опаго вышедъ посланные вооруженною рукою люди пошли по берегу, гдѣ они нашли дѣвкихъ людей Индѣйцевъ, которые имѣли съ нашими сраженіе, и въ томъ сраженіи раненъ изъ нашихъ одинъ человѣкъ въ трехъ мѣстахъ стрѣлою легко, и по возвращеніи людей къ судну, поднявъ ялботъ на судно, пробыли до 10-го числа, а того 10-го числа поутру, поднявъ же якорь и распустя парусы, пошли вдоль берега къ южной сторонѣ подлѣ острова для сысканія ко входу судна пристойной гавани, въ которое время и ялботъ ходилъ близъ берегу, и въ то время было на берегу Индѣйцевъ весьма многое число, и какъ видно было для того, чтобъ насъ не допустить на берегъ; имѣлось у нихъ патыканныхъ въ землю много копій и въ рукахъ держащихъ луковъ, а иные вырывали въ песку на берегу ямы или рвы для своего защищенія, изъ которыхъ Индѣйцевъ нѣсколько съ берегу приплывали къ ялботу и подавали нашимъ тыквы сухія, палитыя прѣсною водою, которыя на судно были привезены, а можетъ, въ такомъ разсужденіи, что у насъ на суднѣ въ водѣ есть нужда; между тѣмъ стали мы на якорь и стояли часовъ нѣсколько. И въ то время изъ тѣхъ Индѣйцевъ двое были на водѣ пойманы и въ ялботѣ привезены на судно, которымъ никакого озлобленія не дѣлавъ, но еще ихъ обдари по одному аршинну красной фанзы, отвезли въ ялботѣ обратно на берегъ.

Того жъ 10-го, снявшись съ якоря, ходили по 16-е число судномъ подлѣ того жъ берега къ сѣверной сторонѣ для исканія пристойной же гавани, и 16-го числа отъ того острова пришли къ нашему судну въ двухъ большихъ лодкахъ Индѣйцы, человекъ до ста; и какъ они впущены были на судно, то впервыхъ, ихъ дарили деньгами и платьемъ, а притомъ имъ маячили, чтобъ они насъ ввели въ пристойную гавань, которые того жъ числа судно наше и въ гавань ввели; и по приходѣ въ гавань, подобравъ парусы, стояли жъ на якорѣ; и такъ узнали, что тотъ островъ Формоза (по португальски—прекрасный); ночевать въ той гавани, поутру, то есть, 17-го числа, пришли къ судну въ лодкахъ Индѣйцы, которые съ собою привезли разныхъ хорошихъ фруктовъ, а больше ананасовъ; у нихъ такіе тамъ ананасы, что какъ весьма велики и чрезвычайно вкусны; привезли жъ и куръ, свиней и сдѣланнаго изъ пшена какого-то напитку на подобіе молока, который нѣсколько имѣетъ вкусъ сладкій; и такъ тѣ Индѣйцы съ нами торговались на всякую мелочь, на перлы, шелкъ, лоскутья шелковыхъ матерій, на ленточки и на прочее; и вымѣнивали у нихъ разные фрукты и прочее; а съ ними были и ихъ жены и дѣти; и потомъ оны съ судна ушли на берегъ въ дома свои и болѣе уже къ судну не приходили.

Того жъ 17-го числа, по полудни въ 2 часа, послали былъ ялботъ на берегъ для взятія и привоза воды на судно, потомъ посланъ и вторично съ другими перемѣнными людьми, и какъ опытъ ялботъ прибылъ обратно, тогда посланные на томъ люди предводителю рапортовали, что жителямъ того острова Индѣйцамъ изъ нашихъ людей убиты капитанъ Василій Поповъ, Иванъ Поповъ, Иванъ Логиповъ, да ранены стрѣлами легкими ранами Василій Лаппинъ, Андрей Казаковъ, Иванъ Кудринъ, при чемъ и раненые привезены; и въ тотъ же самый часъ шла индѣйская лодка мимо судна, въ которой было Индѣйцевъ семь человекъ, по которымъ изъ ружей съ судна стрѣляли и пять человекъ разстрѣляли, а двое изъ тѣхъ, вышедшіе на берегъ, посланными съ судна ялботомъ людьми изрублены, и лодки изломаны; и послѣ того посланы были въ ялботъ жъ люди на берегъ къ тому мѣсту, гдѣ были побиты, которые возвратясь привезли на судно одного еще живаго Ивана Логипова, который по привозѣ отъ жестокихъ ранъ чрезъ полчаса на суднѣ и умре. 18-го числа послали же былъ ялботъ съ людьми на другую сторону, гдѣ Индѣйцевъ побили; и какъ люди вышли на берегъ, то увидѣли двухъ изрубленныхъ Ин-

дѣйцевъ, что они еще живы, которыхъ тогда жь и предали смерти и оставили на берегу. Того жь 18-го числа предводитель приказалъ идти судномъ къ тому мѣсту, гдѣ наши люди побиты; и какъ пришли судномъ и стали на якорь, тогда по приказу жь предводителя отправлены были съ судна люди въ ялботѣ и одной взятой у Индѣйцевъ лодкѣ для погребенія побитыхъ тѣлъ, кои по приходѣ на берегъ собравъ и погребли, а потомъ во многихъ мѣстахъ лѣсъ и траву зажгли, и весьма много выгорѣло. Потомъ 19-го числа паливали въ имѣющіяся въ суднѣ бочки прѣсную воду.

20-го числа, по налетѣ водъ, приказалъ предводитель судномъ слѣдовать наки къ первому мѣсту, куда по приходѣ и стали на якорь; то приказалъ же предводитель людямъ 30-ти человѣкамъ и съ ними Шведу Випбланду, также Исполиту Степанову, бывшему Хрущеву и крестьянину (за адъютанта) Кузнецову, взявъ ружья и мушкетоны, слѣдовать на берегъ и учинить на Индѣйцевъ нападеніе, коихъ тогда на берегу было многое число; и какъ отправленная партія вышла на берегъ, то во первыхъ, лежація на берегу индѣйскія лодки всѣ изрубили, а потомъ, пошедъ островомъ и дошедъ почти до самаго морскаго берега, гдѣ начатую строить Индѣйцами вповь большую лодку жь тотчасъ зажгли, котораго весьма много жь выгорѣло; а потомъ пошли къ нхъ индѣйскому жилищу, гдѣ, не допуская до того, Индѣйцы имѣли сраженіе, на которомъ убито изъ Индѣйцевъ одинъ, да много ранено, а съ нашей стороны ни одинъ не убитъ и не раненъ; у тѣхъ Индѣйцевъ оружіе желѣзныя копья, нѣкоторыя гладкія, а другія съ зазубрами, на камышевыхъ палкахъ толстыхъ, тако жь луки и стрѣлы съ желѣзными копѣйцами гладкія жь и съ зазубрами, да топорки и пожи желѣзные жь, притомъ же къ защищенію себя имѣютъ щиты деревянные пзъ тонкихъ досокъ.

По учиненіи сраженія Индѣйцы обратились въ бѣгство, а наши вошли въ ихъ жилища, которыя всѣ сожгли, а съ судна производилась чрезъ гору въ то жилище пзъ пушекъ ядрами пальба, которое съ судна весьма видно было, пбо оное стояло по высокой горѣ. При томъ сраженіи и взятіи индѣйскаго жилища получено нашими въ добычу нѣсколько копій, луковъ, стрѣлъ, шитовъ деревянныхъ и соли, а прочаго ничего въ жилищѣ ихъ не сыскано, потому что, какъ видно было, тѣ Индѣйцы прежде уже все убрали въ другое заповгородное жилище; и потомъ посланная партія, по учиненію съ судна изъ пушки сигнала, возвратилась къ судну, и по прибытіи вошли на судно и ялботъ подпыли.

Означенные формозскіе жители Индѣйцы—народы дикіе, которыми никто не владѣетъ; видомъ весьма смуглые, ходятъ почти всѣ нагіе; и хотя у нѣкоторыхъ и есть платье, но и то изъ вожь звѣриныхъ, да и сами имѣютъ взоръ звѣринный; у нѣкоторыхъ на тѣлѣ отъ солнечнаго зною кожа вся истрескалась, и какъ кора на деревѣ лупится, что и видѣть весьма ужасно.

Они сѣютъ хлѣбъ, пшено сорочпское и имѣютъ у себя скота, коровъ, свиней, козъ, птицъ: куръ, утокъ, и солп варить многое число, котораго нѣсколько нашими взято въ добычу, какъ выше значить.

Оный островъ имѣетъ превисокія горы, покрытыя лѣсомъ плодовитымъ, то есть, деревьями лимонными, померанцовыми и апельсповыми, кобосовыми орѣхами, пальмовыми, бакаутовыми, клзиевыми, чинаровыми и другими намъ неизвѣстными американскими, также и душистыми деревьями, изъ коихъ дѣлаютъ они лодки, и имѣется разныхъ фруктовъ, а иче апанасовъ презряднѣйшаго вкуса, какъ и выше значить, довольно. Имѣются же и разныхъ родовъ дикіе звѣри, съ которыхъ мы видѣли снятия кожп; золота, серебра и жемчугу и другихъ каменьевъ, какъ Европейцы объявили, довольно.

И такъ мы на ономъ островѣ Формозѣ стояли судномъ до 12-го числа августа, а того числа при благополучномъ вѣтрѣ, поднявъ якорь и распусти парусы, пошли въ море.

VI.

Объ отшествіи галіота отъ острова Формозы и губы и о бытіи въ морѣ, и что достойнаго примѣчено было, и о пришествіи къ китайскимъ берегамъ, и о ирочемъ.

21-го числа августа, по выходѣ галіота св. Петра въ море, то го жъ числа къ вечеру сдѣлался жестокой штормъ отъ оста, который продолжался до 23-го числа, а въ 23-е къ утру погода переменилась, и штормъ потихъ; 24-го числа видѣли въ морѣ много острововъ, тоцію къ нимъ не прпставали; 25-го числа видѣли въ морѣ морскихъ плавающихъ звѣрей и морскихъ же змѣй много число; 26-го числа увидѣли Китайской земли берегъ, куда не доходя видѣли множество китайскихъ на морѣ рыбачьихъ лодокъ, также и 27-го числа то жъ видѣли.

28-го числа пришли къ судну двѣ лодки съ людьми китайскими, изъ которыхъ въ первой находившимся дано денегъ два

рубли российской монеты, которая и ушла от судна, а с другой лодки пришел на судно два человека и указывали для входу судна пристойную гавань или бухту, въ которую одинъ и привелъ, гдѣ и стали на якорь. И спрашивалъ у нихъ предводитель, какъ достоптъ до китайскаго города (гдѣ знатный портъ) Кантона, въ которомъ живеть отъ Китайскаго императора вперой, то есть, намѣстникъ, также и до португальскаго города Маккао; и дано было денегъ тѣмъ Китаицамъ десять рублей российскихъ же, которые, взявъ деньги, ушли на лодкахъ и болѣе не бывали. И потомъ пошли мы въ морѣ, и 29-го числа изъ тѣхъ же китайскихъ малыхъ судовъ одно приходило къ судну, и указывали находящияся на немъ Китаицы, что де еще Кантонъ и Маккао впереди; а потомъ, того же 29-го числа, увидѣли въ морѣ плущее большое китайское судно подъ парусами травянымъ, у котораго вмѣсто флюгера сдѣлана рыбка, подобная змѣйкѣ, а на верху ея шпилька съ выпускнымъ бѣлымъ ленточкамъ, такъ какъ у г. Ансона описано, которое мимо насъ и прошло впереди; а потомъ съ другого судна, плавающего въ морѣ, приходила къ намъ лодочка малая, и привезли рыбы и раковъ круглыхъ небольшихъ бѣлыхъ, копяхъ у нихъ и куплено на одинъ рубль российский; а какъ раки чистили, тогда нашли у нихъ въ пупыряхъ самыя чистыя чернила, которыми мы и писали, и такъ хороши, что не хуже ихъ китайскихъ чернилъ, и видно, что они изъ тѣхъ своихъ чернила дѣлають и лютъ въ формы.

Того жъ 29-го числа за противнымъ вѣтромъ вошли въ гавань и стали на якорь, а 30-го числа приходило жъ къ намъ суденко, и на опомъ Китаицы, нѣкоторые говоря по португальски, и обѣщали намъ быть вожагымъ къ Кантону. Въ то жъ число видимо было на морѣ китайскихъ рыбачьихъ судовъ въ безчисленномъ множествѣ, такъ что будто казалось все море ими покрыто: 3-го числа видѣли еще множество китайскихъ лодокъ, изъ которыхъ съ одной лодки пришелъ къ намъ на судно одинъ Китаецъ и повелъ насъ, какъ лоцманъ къ рейду, который состоитъ близъ китайскаго города Тасону.

1-го числа сентября въ вечеру, по прибытїи судномъ въ гавань, состоящую близъ упомянутаго города Тасона, подобравъ парусы, стали на якорь, и потомъ на китайскомъ суднѣ изъ нашихъ людей Шведъ Випбландъ и крестьянинъ Кузнецовъ съ отправленнымъ людемъ посланы были на китайскїй берегъ, для взятїя прѣсной воды, въ которой на суднѣ состояла крайняя нужда, и по

прибытіи на берегъ и по выходѣ изъ судна, увидѣли китайское селеніе или деревню, въ которую пришедъ всѣ наши люди тамошними китайскими жителями приняты весьма хорошо, а съ нашими послано было отъ предводителя съ судна два письма, первое къ Голландцамъ, второе къ Португальцамъ, въ разсужденіи томъ, ежели тамъ въ китайскихъ жилищахъ есть Голландцы или Португальцы, то бѣ они въ нашихъ надобностяхъ, а паче въ харчевыхъ припасахъ, учинили намъ вспоможеніе; но какъ наши пришли въ китайское жилище, гдѣ, по тогдашнему ночному времени, зажгли наши и бывшіе съ нашими вожи Китайцы свѣчи восковыя въ состоящемъ на берегу ихъ китайскомъ капищѣ, и посланныя съ ними письма въ томъ капищѣ Китайцы предъ своими идолами сожгли, и потому наши узнали, что въ томъ мѣстѣ Голландцевъ и Португальцевъ нѣтъ, да и время уже было ночное, то затѣмъ наши и возвратились съ тѣмъ же Китайцемъ и на томъ же китайскомъ суднѣ обратно къ судну.

А 2-го числа поутру посланы были оныя же люди, Шведъ Винландъ и Шведъ же Магнусъ Мейдеръ, съ подарками во упомянутый городъ Тасонъ къ тамошнему мандарину (главный капища), куда по прибытіи тамошними Китайцами и ихъ офицерами приняты и чрезъ опыхъ допущены до китайскаго мандарина, отъ котораго были приняты жъ съ честію и подчиваны чаемъ; причемъ оный мандаринъ за присланные къ нему подарки благодарилъ и отпустилъ ихъ честно; напротивъ чего, и отъ того мандарина прислапо на нашъ судно бочка пшена сорочинскаго, одна корова съ теленкомъ, да одинъ козелъ; и какъ оное къ намъ на судно принято, то тогда жъ отъ предводителя наши посланы были къ нему мандарину съ благодарностію вышеписанные люди, а до того, того же числа пріѣзжали къ намъ на судно китайскіе жъ четыре офицера, которые также обдарены камчатскими соболями и отпущены честно.

Того жъ числа въ вечеру пришелъ къ намъ лодкою къ судну Китаецъ, и вошедъ на судно, объявилъ о себѣ на португальскомъ языкѣ, что онъ воспитанъ въ гишпанскомъ городѣ Манпль (который состоитъ отъ Маккао въ 600-хъ верстахъ на островѣ Люсонѣ) и жилъ тамо при заводѣ нѣсколько лѣтъ, и показывалъ данные ему аттестаты и вызвался у насъ быть лоцманомъ для препровожденія нашего судна до городовъ Кантона и Маккао и Манпль, который къ намъ на судно и принять съ первымъ Китайцемъ, и оба одарены.

III отдѣлъ.

23

3-го и 4-го чиселъ прїѣзжали изъ города Тасона на судно множество китайскихъ купцовъ, которые съ нами имѣли мѣну на всякіе пушные товары—что у кого случилось, а у нихъ вымѣнивали китайское вино, съѣстные припасы и разныя закуски, земляные фрукты, табакъ моховой китайскій и трубки курительныя бѣломѣдныя. 5-го, 6-го и 7-го чиселъ вытягивали изъ гавани заводомъ въ море, а до выхода во оное Китайцы съ нами, какъ и выше значить, чинили мѣну, и да по выходѣ въ море прїѣзжали съ тѣми жъ товарамъ, гоняясь за нами въ лодкахъ.

8-го числа вышли уже судномъ изъ гавани въ море, и не входя въ китайскій торговый городъ Кантонъ (въ которомъ имѣютъ великіе торги всѣхъ разныхъ европейскихъ государствъ купцы, и гдѣ есть великій и знатный портъ), прямо пошли къ Макао, подъ предводительствомъ упомянутыхъ двухъ Китайцевъ.

9-го числа съ вечера даже до 10-го и 11-го чиселъ до полудни видѣли въ морѣ множество китайскихъ рыбацкихъ и другихъ судовъ или бусовъ, а 11-го послѣ полудни пробѣжали мимо города Кантона, и подлѣ земли, не доходя Макао, за поздностію вечераго времени, ставъ на якорь, почевали.

VII.

О прибытіи къ португальскому городу Макао, который состоитъ на острову морскомъ небольшомъ, и о входѣ судномъ въ гавань, и о бытіи въ томъ городѣ, и что примѣчанія достойнаго усмотрѣно, и о слѣдованіи оттуда на французскихъ судахъ въ Европу, и о прочемъ.

Съ 11-го на 12-е число, почевавъ подлѣ китайскаго берега, 12-го числа по утру отправилсъ судномъ къ городу Макао, и того жъ числа по полудни часу въ 3-мъ къ нему пришли, при пушечной нѣскольکو разъ пальбѣ; и какъ увидѣли наше судно изъ тамошней крѣпости, и услышавъ пальбу, то напротивъ того изъ состоящей на высокой со входу на правой рукѣ горѣ первой съ моря батареи выпалено жъ было въ отвѣтъ изъ трехъ пушекъ, и по входѣ въ состоящую близъ города рейду, подобравъ парусы, стали на якорь; и потомъ предводитель приказалъ спустить съ судна ялботъ, по спускѣ коего съ немалымъ числомъ людей отправилсъ онъ къ берегу, и по прибытіи на берегъ вышедъ, явился въ городѣ тамошнему губернатору (который отъ Португальскаго короля опредѣленъ), которымъ онъ и прїнятъ; и того жъ числа прпсланъ былъ намъ на судно одинъ португальскій офицеръ и съ нимъ

лоцманъ отъ губернатора, съ таковымъ приказаніемъ, чтобъ наше судно ввести въ гавань, которое тогда жь и введено и по введеніи приставлено было португальскихъ солдатъ нѣсколько человекъ для караула судна, чтобъ отъ Китайцевъ и Араповъ не послѣдовало какого воровства, которые солдаты у насъ и ночевали, а нашъ предводитель, бывъ у губернатора, возвратился на судно къ вечеру, съ которымъ прислано отъ губернатора къ намъ для пищи хлѣбъ и разныхъ фруктовъ нѣсколько.

Въ той гавани застали мы разныхъ купеческихъ европейскихъ судовъ гишпанскихъ, португальскихъ, французскихъ, голландскихъ и английскихъ до двадцати. Судовъ же китайскихъ и лодокъ было, и всегда бываетъ, не менѣе сотъ до трехъ съ прибавкою, а несравненно болѣе того рыбацкихъ.

13-го числа поутру упомянутой Макавскій губернаторъ прислалъ къ намъ на судно къ обѣду одну корову и хлѣба, и потомъ присланы жь были къ судну нѣсколько португальскихъ ялботовъ, которые сдѣланы на подобіе нашихъ баржъ, съ балдахинами изъ шелковыхъ и шерстяныхъ европейскихъ матерій, для взятія съ судна и перевозки на берегъ людей и экипажа, на коихъ были перевезены въ отведенную всѣмъ намъ квартиру особливую, въ которой жили и имѣли довольную пищу отъ губернатора; а предводитель нашъ, бывъ съ нами въ одной квартирѣ, нѣсколько времени сошелъ, не вѣдомо для чего, въ квартиру къ губернатору, которому вышписанное наше русское судно, со всѣмъ такелажемъ, якорями, пушками, ружьями, порохомъ, свинцомъ и ядрами и другими артиллерійскими припасами и съ провіантомъ продалъ; а за какую цѣну, знать намъ не дано.

Въ бытность нашу въ томъ городѣ Маккао померло изъ нашихъ мужеска и женска пола людей лихорадкою и горячкою и другими болѣзнями пятнадцать человекъ, а всѣхъ имѣлось мужеска пола шестдесятъ - три, а женщинъ семь, всего семдесятъ человекъ.

Городъ Маккао состоитъ на небольшомъ островѣ, около котораго кругомъ море; въ семь городѣ жительство имѣютъ по большей части Китайцы, которые и торгъ имѣютъ китайскими, европейскими, американскими, индѣйскими и персидскими разными товарами; платье носятъ такое, какое и по всѣмъ китайскимъ владѣніямъ обыкновенно имѣютъ, а съ ними жительствоуютъ кунцы жь, Гишпанцы и Португальцы; въ томъ городѣ строеніе все каменное о двухъ и трехъ этажахъ, только въ

покояхъ печей, по тамошнему весьма теплomu воздуху, не имѣютъ, ибо тамъ зимы никогда не бываетъ; при чемъ имѣютъ хорошіе сады, въ коихъ произрастаютъ разныя американскія деревья, тако жъ и фрукты, лимоны двухъ родовъ, цитроны, померанцы, апельсины, кокосовые орѣхи и стручье на подобіе русскихъ нашихъ бобовыхъ, только втрое больше и толще, и нѣсколько кривлеваты, и имѣютъ хорошій сладкій вкусъ, виноградъ, и еще кислые фрукты, растущіе на деревьяхъ, и другіе разныя намъ незнаемыя плоды; хлѣба пашутъ и сѣютъ довольно пиена сорочинскаго, также садятъ рѣпу, рѣдьку, капусту, салатъ, морковь, огурцы и другіе огородныя плоды; имѣютъ всякихъ фабрикъ и художествъ довольно, также скота: коровъ, буйволовъ, барановъ, козъ, свиней и лошадей, птицъ: гусей, куръ, утокъ, голубей очень много, а прочіе припасы привозятъ къ нимъ изъ Европы, также и разныя наптки.

Около того города стѣна каменная, и съ четырехъ сторонъ построены крѣпости, которыя наполнены пушками картаунными и полукартаунными, и однимъ словомъ заключить, крѣпкій городъ.

Объ ономъ городѣ жители черезъ переводчика намъ пересказывали, что онъ сперва былъ островъ китайскій, а у нихъ взяли Французы, и нѣсколько лѣтъ владѣли, а потомъ Португальцы напали на оный флотомъ, и по многихъ сраженіяхъ Португальцы взяли, и по взятіи заключили между собою Китайцы и Португальцы договоръ, что въ томъ городѣ имъ жить обще, а торгъ производить однимъ Китайцамъ, а у приѣзжающихъ изъ Европы купцовъ покупать товары Гшпанцамъ и Португальцамъ, а у нихъ уже снимать Китайцамъ, которымъ и въ народъ продавать малыми и большими партіями.

Живущіе въ Маккао Португальцы и Гшпанцы всѣ католическаго закона и имѣютъ епископа; также и изъ Китайцевъ, Араповъ, Индѣйцевъ много есть католическаго закона, а прочіе Китайцы всѣ идолопоклонники. Въ городѣ имѣется католическихъ четыре монастыря, три мужскихъ, одинъ женскій, да церквей приходскихъ три, а всего семь.

Китайцы жъ имѣютъ нѣсколько и своихъ капищъ, въ коихъ отправляютъ каждый день по утру и въ вечеру свое идолопоклоненіе, при звонѣ или битѣ въ тазы чугунныя, а въ домахъ почти каждую ночь свою музыку, и бросаютъ ракеты и шутки, и такъ далѣе полуночи веселятся, а днемъ обращаются въ коммерціи, а прочіе въ разномъ рукодѣліи. Въ томъ городѣ жили мы сентября

съ 12-го 1771 генваря по 4-е число 1772 годовъ, а того числа на пришедшихъ изъ Кантона трехъ китайскихъ большихъ крытыхъ и двухпалубныхъ лодкахъ всѣ наши люди и съ помянутымъ Венгерцемъ Бейноскомъ съ товарищи отправились въ море на берегахъ Кантона, гдѣ находились по 11-е число генваря, а того числа завидѣли слѣдующихъ изъ Кантона моремъ около китайскаго города французскихъ два фрегата, Дофинъ и Делаверди, къ которымъ подошедъ мы на лодкахъ, стали на якорѣ; и какъ стали, то и тѣ фрегаты оба стали на якорѣ жь, и мы на оныя, раздѣлившись на двое, вошли и потомъ отправились до города Мориціи.

VIII.

О слѣдованіи нашемъ на французскихъ фрегатахъ моремъ до города французскаго, состоящаго на морскомъ острову, Мориціи именуемаго, и о прибитіи къ оному и въ самую Францію, а оттуда и въ Россію, и о прочемъ.

По отправленіи нашемъ изъ Кантонскаго устья въ море на двухъ французскихъ фрегатахъ, находились въ пути марта по 6-е число, а того числа прибыли къ городу Мориціи благополучно, гдѣ и стояли на якорѣ по 24-е марта жь; исправлялся капитанъ корабля водою и съѣстными припасами.

Мы были въ ономъ городѣ разъ до пяти, который стоитъ на морскомъ острову, и имѣется тамъ портъ, въ который приходятъ по большей части французскіе военныя и купеческіе слѣдующіе изъ Франціи въ китайскіе города Кантонъ и Маккао фрегаты, а другихъ государствъ хотя и заходятъ, но только для взятія одной прѣсной воды, которые чрезъ три дни обратно уходятъ въ вояжъ.

Въ томъ городѣ находятся жители Французы, и Араповъ немалое число; строеніе каменное и деревянное; въ покояхъ по теплomu воздуху печей нѣтъ; въ немъ жилья не весьма много, потому что какъ они завелись назадъ тому лѣтъ за двадцать съ прибавою; ибо оный островъ впервыхъ взятый былъ Голландцами у Араповъ, гдѣ было ихъ селеніе, но какъ тѣ Голландцы увидѣли, что онъ для нихъ не способенъ, такъ они отдали Французамъ и съ плѣнными Арапами.

Въ ономъ городѣ командуеть французскій генераль-губернаторъ, у котораго въ домѣ и означенный предводитель Бейноскъ имѣлъ квартиру и состоялъ на его трактamentѣ.

Оный островъ съ пристани и со всѣхъ сторонъ укрѣпленъ и покрытъ батареями и имѣеть на себѣ множество высокихъ горъ, тако жъ и для скота хорошіе луга и разный къ строенію годный лѣсъ, а прочій и дровяной; произрастаютъ же тамъ плоды, ананасы, стручки, каковы и въ Маккао, и прочихъ фруктовъ довольно.

У того острова живъ и исправяся совѣмъ, отправилсь марта 24-го числа и слѣдовалъ моремъ благополучно мая по 4-е число, а того числа пристали къ пустому острову для ловли черепахъ морскихъ, гдѣ застали четыре фрегата англійскихъ, и наловя черепахъ на пищу, отправились того жъ мая 11-го числа до города французскаго Иль-Луріана, куда и прибыли 7-го числа іюля, и приставъ, переѣхали черезъ заливъ въ Портъ - Луи, гдѣ опредѣлена намъ была квартира и пища, и вина краснаго по бутылкѣ въ день, и денегъ по нѣкоторому числу изъ казны королевской, и жили мы въ томъ городѣ Портъ-Луи марта по 27-е число 1773 года, и того восемь мѣсяцевъ и девятнадцать дней.

А того 27-го числа марта, испрося у вышепсаннаго Венгерца Бейноска о пропускѣ пашпорты, пошли изъ Портъ-Луи въ столичный французскій городъ Парижъ, всего и съ одною женщиною шестнадцать человекъ, а прочіе, не хотя выѣхать въ Россію, остались при Венгерцѣ. И такъ шли мы своимъ конитомъ городами, селами и деревнями пѣшею ходьбою черезъ 550 верстъ и пришли въ Парижъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ 15-е число, а прочіе прежде и послѣ, и по прибытіи явился къ руссійскому резиденту, г. совѣтнику Николаю Константиновичу Хотинскому, который очень насъ принялъ хорошо и опредѣлилъ квартиры, пищу и обувь и денегъ по семи копѣекъ въ день и прочіе наши недостатки награждалъ.

16-го числа апрѣля подали къ нему г. резиденту Судейкинъ Рюмянъ и Бочаровъ сочиненный нами о путешествіи нашемъ сей журналъ, который принявъ, отправилъ отъ себя 18-го числа въ Россію по почтѣ; потомъ получа онъ резидентъ именное повелѣніе изъ Россіи, отправилъ насъ со всѣмъ путевымъ удовольствіемъ изъ Парижа августа 26-го числа того жъ 1773 года въ городъ французскій Гавръ, а оттуда на партикулярномъ суднѣ, брикѣ Маргаритѣ, въ Санктпетербургъ, куда и прибыли сентября 30-го числа, а оттуда октября 3-го, по приводѣ къ присягѣ, отправлены жъ по желаніямъ нашимъ въ Сибирь съ двумя курьерами сенатскими и солдаты—кто пожелалъ по прежнему, служащіе въ должностямъ, а мужики въ посаль.

IX.

Описаніе столичнаго города французскаго Парижа.

Въ ономъ городѣ имѣется:

- 967 улицъ, кромѣ переулковъ.
- 50,000 домовъ, въ томъ числѣ знатнѣйшихъ, въ которыхъ чрезвычайно много покоевъ.
- 40 церквей соборныхъ.
- 100 приходскихъ.
- 53 монастыря мужскихъ.
- 70 монастырей женскихъ.
- 57 школъ.
- 15 семинарій.
- 26 госпиталей.
- 12 тюремъ.
- 51 фонтанъ.
- 12 мѣстъ торговыхъ.
- 30 мостовъ.
- 26 портовъ рѣчныхъ (пристаней).
- 8 садовъ и променажевъ публичныхъ.
- 12,500 каретъ.
- 6,200 фонарей.
- 12 карауленъ для гауптвахтъ.
- 160 человекъ конницы и 412 пѣхоты, кои опредѣлены по ночамъ для присмотра по улицамъ.
- 225 человекъ солдатъ, кои въ караулахъ у воротъ.
- Кромѣ всего, университетъ, которому опредѣлено 121,000 ливровъ (ливръ 20 копѣекъ) въ годъ на содержаніе отъ казны.

Въ городъ на пищу входитъ въ годъ:

- Муки 112,000 четвертей.
- 350,000 мѣръ вина, кромѣ пива, цидра и другихъ напитковъ.
- Бычье 100,000 быковъ и коровъ.
- Баранье 420,000 барановъ.
- 126,000 телятъ.
- 140,000 свиней.
- Въ діаметрѣ имѣетъ городъ два часа.

II.

ДВѢ ЗАПИСКИ О СНОШЕНІЯХЪ СЪ ЧУКЧАМИ
ВЪ 1774—1776 ГОДАХЪ.

I.

Въ прошломъ 1774 году въ декабрѣ мѣсяцѣ изъ Большерѣцка отъ маіора Бема посланъ былъ дворянинъ Дауркинъ, по собственному его желанію, какъ знающій чукотскій языкъ, для приведенія Чукочъ въ подданство, въ Гижиганскую крѣпость къ капитану Пересыпкину, гдѣ отъ маіора Бема сказано, буде Пересыпкинъ не найдетъ въ Дауркинѣ подозрѣнія, то его отправитъ, а въ противномъ тому случаѣ сія посылка Дауркина предоставлена на его разсужденіе. Пересыпкинъ, безъ всякаго о Дауркинѣ дурного заключенія, не только его одного, но давъ еще нѣсколько и команды воинской, а изъ знающихъ чукотскій языкъ и одного унтеръ-офицера Маклакова, для уговора Чукочъ отправилъ.

Дауркинъ нашелъ Чукочъ въ такомъ положеніи, что они хотѣли на русскую команду сдѣлать нападеніе въ такое еще время, когда Русскіе были безъ малѣйшей готовности къ оборонѣ; но Дауркинъ, тотчасъ подошедъ близко къ онымъ Чукчамъ, ихъ отъ нападенія отвратилъ, и наконецъ, склонилъ ихъ быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества. Сіе доказано тѣмъ, что оныя Чукчи пошли къ капитану Пересыпкину въ крѣпость, и изъ нихъ семь человѣкъ лучшихъ людей, бывъ у Пересыпкина, желаніе свое быть въ подданствѣ подтвердили, и въ залогъ вѣрнаго слова одинъ знатный человѣкъ племянника своего въ аманатахъ оставилъ. Но Пересыпкинъ просилъ другого, а сей сказалъ, что онъ посовѣтуетъ съ другими, а самъ другого, какъ не своей семьи, оставить не можетъ,—съ чѣмъ изъ крѣпости и пошли. На другой день Пересыпкинъ накіе требовалъ другого аманата; но они просили, чтобъ дать имъ сутки подумать, и отступя отъ крѣпости съ своими людьми, покормить оленей. По чему и стали оныя Чукчи отъ крѣпости отходить. Пересыпкинъ, увидя, что они отъ крѣпости пошли, напалъ на нихъ военною рукою. Чукчи, увидя за собою погоню, сперва ложились на землю и махали руками, чтобъ ихъ не бить. Дауркинъ въ то время унималъ Пересыпкина отъ нападенія; но онъ не послушалъ. При семъ случаѣ Чукочъ побито 50, въ полонъ взято 40; а напротивъ того, и Чукчи двухъ Русскихъ ранили и

одного убил. Пересыпкинъ въ то самое время называлъ Дауркина измѣнникомъ, а притомъ и билъ палкою.

О семъ происшествіи Дауркинъ тогда же писалъ извѣтъ въ Охотскъ къ полковнику Зубрицкому и капитану Шмалеву, съ тѣмъ что Чукчи, будучи раздражены слѣмъ Пересыпкина поступкомъ, грозилась будущую зиму отомстить свою обиду. Капитанъ Шмалевъ отослалъ сей извѣтъ въ Иркутскъ, а Иркутская канцелярія репортовала о сему сенату. Почему 26-го генваря прошлаго 1776 года по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію писано отсюда къ Иркутскому губернатору, чтобъ онъ приказалъ взять отъ Пересыпкина надлежащій по сему дѣлу отвѣтъ, отъ должности его смѣнить, и буде отвѣтомъ своимъ противъ описанныхъ предосудительныхъ его поступковъ не оправдается, то немедленно предать его военному суду; а взятыхъ въ плѣнъ Чукочъ, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, изъ плѣна отпустить, увѣря напередъ, что Пересыпкинъ поступилъ съ ними съ жестокостію отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, и что онъ за то не только отъ командованія отрѣшится, но и наказанъ еще будетъ по законамъ. Между симъ предписано губернатору, чтобъ привазалъ имѣть осторожность отъ слухъ раздраженныхъ Чукочъ.

Но произведено ли надъ Пересыпкинымъ повелѣнное слѣдствіе, и чтò по оному открылось, отвѣта еще здѣсь по сию пору не получено; а только Нѣмцевъ отъ 27-го мая того же 776 года репортовалъ, что онъ Пересыпкина велѣлъ смѣнить капитану Тимофѣю Шмалеву, такъ какъ бывалому и знающему всѣ тамошнія обстоятельства, и которому предписалъ онъ исполнить все то, чтò отсюда къ губернатору писано было.

А послѣ сего Комачатскій командиръ майоръ Бемъ отъ 10-го августа 776 года, при письмѣ своемъ къ г. генераль-прокурору прилагая копію со всего дѣла, до него дошедшаго, о показанномъ учиненномъ Пересыпкинымъ съ Чукчами поступкѣ, увѣдомляетъ, что онъ Бемъ съ своей стороны для произведенія надъ Пересыпкинымъ слѣдствія, такъ какъ и заступленія его мѣста, отправилъ было севундъ-майора Баранова, но оный, не доѣхавъ туда, дорогою занемогъ и отозвался къ нему, что за болѣзнію своею не можетъ исполнить ему предписаннаго. А какъ онъ Бемъ не имѣлъ у себя другого такого человѣка, которому бы могъ поручить сіе дѣло, то онъ все оное препроводилъ 14-го іюня 776 года въ Иркутскъ

къ губернатору. Копію же съ сего дѣла прислалъ онъ сюда для одного свѣдѣнія.

Изъ сей копіи усмотрѣно, что вышесказанный капитанъ Пересыпкинъ, репорта Бема о происшедшей между его команды и Чукчами предписанной дракѣ, изъясняетъ, что Чукчи сами причиною состоятъ въ заведеніи сперва ссоры, а потомъ и драки, потому что, давъ аманата для вѣрности о ихъ доброхотствѣ, нарушили оное отогнаніемъ у вѣрныхъ Корякъ ѣзжалыхъ оленей, а какъ въ томъ было имъ воспрепятствовано, то они, разсердясь за то, не только не дали по обѣщанію своему другихъ аманатовъ, но и первый отъ нихъ данный къ нимъ же бѣжалъ и совсѣмъ отрекшись отъ подданства російскаго, пошли отъ Гыляганской крѣпости прочь. На другой же день вѣрные Коряки доносили ему Пересыпкину, что оные Чукчи пошли на камень, гдѣ у нихъ оленные табуны, и потому огасаясь отъ ихъ разграбленія оныхъ, просили защищенія. Почему онъ Пересыпкинъ и послалъ вслѣдъ за ними военную команду, приказавъ увѣщевать ихъ къ подданству; но Чукчи напротивъ того учинили съ оною командою драку, на которой гибло Чукчей 54, да въ полонъ взято 40 человекъ; съ нашей же стороны убито два, да ранено казаковъ и Коряковъ 12 человекъ. Между сего Пересыпкинъ вышепомянутаго Дауркина подозрѣваетъ въ семь случаевъ, говоря такъ: что какъ Дауркинъ природный Чукча, то едва ли де не по его умышенному наученію означенные Чукчи ночью временемъ, подбѣжавъ къ корятскому лагерю, взяли пѣз онаго 10 ѣзжалыхъ оленей и во время переговоровъ съ ними въ первомъ случаѣ по нашей командѣ изъ луковъ стрѣляли, совѣщаясь такъ: что когда російская команда выстрѣлитъ изъ ружей, то имъ всѣмъ вдругъ броситься съ копьями, и привесть тѣмъ въ замѣшательство, всѣхъ поколотъ. Сіе Пересыпкинъ тѣмъ болѣе утверждаетъ, что и старшины оленныхъ Корякъ поданною къ нему челобитною между прочимъ просили, чтобъ Дауркина, дабы отъ него по родству съ Чукчами наивящаго возмущенія не произошло, тамо при командѣ не имѣть.

Однакожь, бывший при всемъ ономъ происшествіи очевидный свидѣтель сержантъ Маклаковъ въ поданномъ майору Бему репортѣ ни малѣйшаго подозрѣнія на Дауркина не показалъ, но написалъ во всемъ согласно съ онымъ Дауркинымъ.

На Пересыпкина же Бему отъ одного корятскаго князца была жалоба такова: что онъ платажный Коряками ясава перемѣняетъ, своими и вмѣсто лисцъ спивоушевъ владеть красныхъ одну за одну,

за соболей, таковыхъ же, одного за одного; требуетъ за умершихъ въ давныхъ годахъ, о копяхъ вьето изъ нихъ роду не помнить, ясавъ; призываетъ въ крѣпость главныхъ Корякъ для однихъ съ нихъ взятокъ, и притомъ, въ аманаты каждаго рода забираетъ по 3 человѣка, а прежде брано было только по одному.

Маіоръ Бемъ при означенномъ письмѣ прислалъ еще копіи съ репорта своего, къ Иркутскому бывшему губернатору Брилю писаннаго, и съ инструкціи, данной къ сибирскому дворянину и японскаго языка переводчику Антипину, отправленному изъ Камчатки 24-го іюня 1775 года на купеческомъ ботѣ, называемомъ св. Николаі, на дальные четыре острова, обитаемые мохнатыми Курильцами, съ тѣмъ чтобъ онъ старался оныхъ Курильцевъ ласкою, дружествомъ и подарками привести подъ россійское владѣніе съ платежемъ нѣкотораго произвольнаго ясака, ибо они живутъ на своей волѣ, и по увѣренію бывалыхъ тамо ближнихъ острововъ Курильцевъ, какъ звѣрною и рыбною ловлею, такъ и многими куріозными вещами презобилюють.

Курильскихъ острововъ, начиная отъ Камчатки, считается всѣхъ 22, изъ коихъ первые 18 состоятъ подъ россійскимъ владѣніемъ, а послѣдніе, какъ уже выше сказано, живутъ самовластно. Изъ нихъ самый послѣдній граничитъ съ Японією, и Японцы, пріѣзжая на оные острова судами, производятъ торги, что самое и побудило Бема съ позволенія Иркутскаго бывшаго губернатора Бриля отправить туда означенное судно, дабы познакомиться съ Японцами завести съ ними выгодный для короны и общества торгъ, предписавъ начальнику того судна, то есть, помянутому Антипину, что если обстоятельства дозволятъ, то чтобы ѣхалъ онъ и въ самые Японскіе острова и тамо завелъ торги; а между тѣмъ велѣлъ дѣлать возможныя примѣчанія какъ мѣстоположеніямъ, такъ обычаямъ и нравамъ тамошнихъ жителей, развѣдывая притомъ о разныхъ обстоятельствахъ, касающихся до промысловъ и продуктовъ ихъ. Сіе судно отправлено на коштѣ купеческомъ, и компанейщики онаго будутъ во время сего вояжа производить торги свои ¹⁾. Оно составлено изъ 45 паевъ, и сверхъ того, положено имѣть еще два пая, одинъ въ домъ Всемогущаго Бога, а другой на счастье Его Императорскаго Высочества, такъ какъ морскаго флота генераль-адмирала.

Бемъ между прочимъ, изъясняя о худомъ состояніи Камчатки, то есть, что она недостаточна военною командою и офицерами, и

¹⁾ Возвратилось ли сіе судно, или нѣтъ, извѣстія не получено.

притомъ, не имѣеть надлежащихъ укрѣпленій, даетъ свои мысли построить на 18-мъ Курильскомъ острову небольшую крѣпость, и поселя тамо нѣсколько семей изъ російскихъ людей, завести хлѣбопашество; въ разсужденіи чего и приказалъ уже онъ помянутому Антипину, будучи на семъ острову, испытать самымъ дѣломъ, годна ли земля къ хлѣбопашеству, посѣявъ на ней разныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ по два фунта. Сію крѣпость почитаетъ онъ нужною не только въ разсужденіи мохнатыхъ, но и ради другихъ ближнихъ острововъ Курильцевъ, дабы ихъ удержать въ желаемомъ повиновеніи; ибо онъ пишетъ, что многіе ясашные Курильцы съ ближнихъ острововъ ушли безвозвратно къ мохнатымъ Курильцамъ, и ясакъ ихъ изъ году въ годъ однимъ умноженіемъ числится въ доимѣ. Сихъ бѣглецовъ Бемъ приказалъ Антипину уговаривать къ возвращенію ихъ на прежнія жилища.

Бемъ о бывшихъ въ Камчаткѣ неурожаяхъ хлѣба изъясняетъ, что оныя произошли не иначе какъ отъ самаго нерадѣнія и худого присмотра; а впрочемъ увѣряетъ, что тамошняя земля довольно хлѣбородна, и во свидѣтельство сего приложилъ о бывшемъ въ 774 и 775 годахъ урожаѣ вѣдомость, изъ которой оказалось:

	Въ посѣвѣ.	Въ урожаѣ:
Ржи .	5 пуд. 20 фунт.	44 пуд.
Ячменю.	151 25	847 25 фунт.
Овса .	8 20	42 19
Ярицы	12	1 35
Пшеницы	5	20

Сѣмя конопля-

наго .	4 „ 30 „	12 „ 30
--------	----------	---------

Да сверхъ онаго, собственнаго разныхъ людей:

	Въ посѣвѣ:	Въ урожаѣ:
Ячменю .	14 пуд. 23 фунт.	100 пуд. 15 фунт.
Овса .	„ 8 „	1 „ 20

Напоследокъ, Бемъ проситъ генераль-прокурора, чтобъ его взять отсюда, какъ для донесенія о тамошнихъ обстоятельствахъ, которыхъ на письмѣ ни какъ онъ не можетъ объяснить, такъ и ради его болѣзней.

2.

Иркутская губернская канцелярія въ сенатѣ при рапортѣ прислала журналъ, учиненный сибирскимъ дворяниномъ Николаемъ Дауркинымъ, о приводѣ имъ въ подданство Чукоцкаго народа.

Прошлаго 1774 года въ декабрѣ мѣсяцѣ оный Дауркинъ изъ Большерѣцкой канцеляріи отъ маіора Бема посланъ былъ въ Гижиганскую крѣпость къ капитану Пересыпкину за препровожденіемъ почты, при чемъ возымѣлъ оный Дауркинъ желаніе ѣхать въ Каменскій острожекъ для призыву въ подданство Ея Императорскаго Величества и платежа ясака Чукочъ, куда отъ Пересыпкина съ командою и казаковъ 20 человекъ вооруженныхъ и отпущенъ. И при слѣдованіи въ пути за бурю въ одномъ мѣстѣ остановились; какъ же буря прошла, то увидѣли они Чукчи множественное число не далѣе отъ нихъ какъ въ 50 саженьяхъ, и оныя Чукчи, вышедъ изъ санокъ, надѣвъ на себя куяки и взявъ копья, луки и стрѣлы, стали противъ русской команды, не давъ командѣ изъ нартъ не точію крѣпостцы сдѣлать, но и остановиться нартами по порядку, что увидя, оный Дауркинъ, по согласію съ сержантомъ Махлаковымъ, съ однимъ казакомъ Пургинымъ, который знаетъ чуковский языкъ, изъ команды въ скорости пришелъ къ тѣмъ Чукчамъ въ стрѣчу, за тѣмъ чтобъ ихъ разговорами остановить и удержать, а между тѣмъ дать русской командѣ отъ нападенія время сдѣлать изъ нартъ крѣпостцу, и потомъ подбѣжавъ къ нимъ, по чукоцки закричалъ. Почему они Чукчи, призвавъ его, остановились, и постановя свое оружіе въ сяѣгъ, отошли. По приходѣ къ нимъ, разговаривалъ оный Дауркинъ съ четверть часа, а въ сіе время команда сдѣлала крѣпостцу, а потомъ оный Дауркинъ привелъ въ крѣпостцу изъ главныхъ чукоцкихъ предводителей 7 человекъ, а за ними и прочіе пріѣхали и около крѣпостцы остановились. По приходѣ Чукочъ имѣлъ съ ними оный Дауркинъ чрезъ толмача разговоръ о бытіи имъ въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества и въ платежѣ ясака. На что они Чукчи и обѣщались, съ тѣмъ чтобъ ясакъ платить въ Анадырскѣ, какъ и прежде бывало, когда по рѣкѣ Анадыру на судахъ приплывать будутъ русской команды люди. При семъ условіи Чукчи говорили, что они со всѣми Русскими и иноземцами будутъ жить мирно, только съ конными Боряками жить мирно имъ нельзя, потому что у нихъ Чукчи мало оленей; междужь оныхъ разговоровъ и чукоцскихъ обѣщаній

онъ Дауркинъ дарилъ, какъ начальниковъ чукотскихъ, такъ и прочихъ Чукочъ, казеннымъ китайскимъ шаромъ и собственными своими пряниками и черкасскимъ табакомъ; потомъ онъ Дауркинъ, по обѣщанію чукотскому о бытіи въ подданствѣ, звалъ ихъ въ Гижиганскую крѣпость, куда они, согласясь со всѣмъ чукотскимъ войскомъ, съ нимъ Дауркинымъ и поѣхали, и не доѣхавъ еще до Гижиганской крѣпости, остановились при стоящемъ корятскомъ лагерьѣ, откуда изъ лучшихъ старшина Меняхта съ шуриномъ и племянникомъ своимъ прибылъ въ Гижиганскую крѣпость, и являсь къ капитану Пересыпкину, тѣ старшины желаніе свое о бытіи въ подданствѣ объявили.

Капитанъ Пересыпкинъ у старшинъ просилъ аманата, на что изъ нихъ Меняхта объявилъ: еслибъ его сынъ здѣсь былъ, то бы онъ его въ аманаты оставилъ, а о прочихъ Чукчахъ, кои съ нимъ Меняхтой пріѣхали, старшины дадутъ ли—не знаетъ, однакожь съ своей стороны тотъ Меняхта племянника своего въ аманатахъ оставилъ; при сихъ разговорахъ Пересыпкинъ оныхъ старшинъ дарилъ табакомъ и подчивалъ виномъ. И того жъ числа Пересыпкинъ послалъ его Дауркина съ чукотскими старшинами въ ихъ лагерь для переговоровъ пакъ о бытіи въ подданствѣ и о платежѣ ясака, на что они также согласны были, а притомъ просили посмотрѣть оставленнаго въ крѣпости ихъ аманата, и если онъ живъ, то они Чукчи за истину повѣрятъ и могутъ дать другого; а между тѣмъ капитанъ Пересыпкинъ пріѣхалъ къ коряцкому лагерю и привезъ оставленнаго у себя аманата, и показавъ тѣмъ Чукчамъ, сталъ просить другого, но они просили сроку и отступить для кормленія оленей, а старшинамъ прійти для переговоровъ къ нимъ въ лагерь. Но Пересыпкинъ, не давъ перемѣны, затѣмъ что былъ тогда ньянъ, сталъ чукотскимъ старшинамъ съ противностію и угроженіемъ выговаривать: если другого аманата не дадутъ, то всѣ будутъ убиты; почему Чукчи и стали отходить, и Пересыпкинъ послалъ въ погоню команду и Коряковъ, кои и начали по Чукчамъ стрѣлять изъ ружей; но Чукчи сперва вланились и унимали, а потомъ и сами вооружились и имѣли сраженіе, гдѣ и убито Чукочъ человекъ до 50, да въ полонъ взято бабъ съ ребятами до 40. Сверхъ того, за толмача казакъ Павловъ капитану Пересыпкину переводилъ разговоръ чукотскій умышленно, то есть, не то, что Чукчи говорили; какъ же капитанъ велѣлъ Чукчу бить, то онъ Дауркинъ много представлялъ, чтобъ ихъ не бить, затѣмъ что они будутъ впредь Русскимъ мстить.

Изъ рапорта Иркутской канцеляріи видно, что сей журналъ въ оную канцелярію присланъ при рапортѣ капитана Шмалева, а имъ оный полученъ въ Охотскѣ, да таковой же рапортъ отъ Дауркина присланъ и въ Охотскую канцелярію къ полковнику Зубрицкому, но оный де по оному ничего не сдѣлалъ, почему и рѣшился сей журналъ препроводить въ Иркутскую канцелярію.

Иркутская канцелярія по оному опредѣлила Охотской канцеляріи изслѣдовать, и сочиня экстрактъ, представить въ оную канцелярію, съ прописаніемъ законовъ и мнѣніемъ. А также посланъ указъ и къ камчатскому командіру Бему, съ тѣмъ что если то дѣло дошло и до его разсмотрѣнія, то бѣ въ окончаніи слѣдствія и поступитъ противъ вышеписаннаго.

И сего года генваря отъ 26-го числа по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію къ генераль-поручику Брюлю писано, чтобъ онъ сіе дѣло взялъ не только въ одно примѣчаніе, но и прилежнѣйшее вниманіе: 1) что Ея Императорское Величество, по природному своему матернему и неутомному о своихъ подданныхъ попеченію, дабы доставить всѣмъ и каждому спокойное пребываніе, высочайше усмотря, что находившіеся отъ давныхъ лѣтъ въ Анадырскѣ воинскіе служители по самой отдаленности и многимъ неудобствамъ претерпѣвали въ пропитаніи совершенную нужду и голодъ, такъ что нѣкогда тѣ служители въ пищу употребляли перевязи и португен солдатскія, всемилостивѣйше повелѣла оную въ Анадырскѣ команду за сими и другими неудобствами, единственно въ облегченіе своихъ вѣрноподанныхъ войскъ отмѣнить и то мѣсто оставить; сія жь команда въ томъ мѣстѣ находилась не для инаго чего, какъ по дѣламъ, сколько извѣстно, для усмиренія кочующихъ въ тамошнемъ краю немирныхъ Чукъ, но по благости Божіей и прозорливости Ея Императорскаго Величества тѣ немирные такъ называемые Чучи до сего времени, по уничтоженіи Анадырска и по оставленіи того мѣста, непріятельскихъ нападений на имѣющіяся въ тамошнихъ мѣстахъ крѣпостцы купно и на жителей не дѣлали, а по сему подданные Ея Императорскаго Величества наслаждались желаемымъ спокойствіемъ. 2) Какъ же нынѣ помянутый дворянинъ Дауркинъ, какъ изъ журнала видно, по доброй своей волѣ и съ позволенія находящагося въ Большерѣцкѣ майора Бема, а послѣ и Гижиганской крѣпости начальника капитана Пересыпкина (второй, какъ изъ журнала видно, далъ оному Даурину воинскую въ помощь команду) заботился уговаривать показанныхъ Чукъ въ под-

данство Ея Императорскому Величеству съ платежемъ ясака, въ чемъ, кажется, и предусѣль, ибо описанныя въ журналѣ Чукчи чтобы быть въ подданствѣ и платить ясакъ согласились, что подтвердило и бытіе ихъ въ Гижыганской крѣпости у капитана Пересыпкина и дача отъ нихъ одного аманата. 3) По симъ обстоятельствамъ и казалось бы только пожелать того, чтобы оные Чукчи въ точности исполнили свое обѣщаніе, а на сіе и изыскать благопристойное средство, но однакожь не такое, какое употреблено капитаномъ Пересыпкинымъ, ибо симъ его поступкомъ такой легкомысленный, или можно назвать, и звѣрскій народъ конечно безъ малѣйшія нужды раздраженъ, почему, какъ то описано въ журналѣ, и необходимо ожидать отъ нихъ надлежитъ непріятельскихъ слѣдствій, и сего ради губернатору весьма нужно какъ скоро возможно свѣдать, во первыхъ, всѣ ли въ журналѣ описанныя происшествія происходили, ибо другого не только увѣренія но ниже увѣдомленія о семъ происшествіи въ губерніи видно не было, а по сему хотя и не точно, однакожь заслуживаетъ кажется вѣроятія описанный журналъ потому, что капитанъ Пересыпкинъ до сего времени какъ о дачѣ команды, такъ и о бытѣ Чукчъ, о взятіи ихъ въ полонъ и обо всемъ касательно до сего бывшаго происшествія имѣлъ должность по командѣ къ майору Бему, или въ Охотскѣ, или жъ въ губернію рапортовать безъ потерянія малѣйшаго времени, но онъ сего не исполнилъ; касательно жъ до Даурьина, то онъ, какъ въ семъ дѣлѣ человекъ былъ хотя низкій, однакожь послалъ онъ о семъ происшествіи не только одинъ, но и два рапорта, то есть, въ Охотскую канцелярію, къ полковнику Зубрицкому, и капитану Шмалеву, почему губернаторъ и имѣетъ сіи обстоятельства принять за основаніе, и немедленно отъ капитана Пересыпкина взявъ надлежащій по сему дѣлу отвѣтъ, отъ должности его смѣнить, и буде отвѣтомъ своимъ онъ противъ описанныхъ на него въ журналѣ предосудительныхъ поступковъ не оправдается, то немедленно жъ предать его воинскому суду. Но главное въ семъ дѣлѣ нужно исправить то, чтобы Чукчамъ внушить объ отрѣшеніи капитана и о поступленіи съ нимъ по законамъ за то, что онъ съ ними поступилъ противу ихъ добраго бытіи въ подданствѣ намѣренія съ жестокостію, отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, ибо Ея Императорскаго Величества главное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы всѣ въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданные народы обитали въ желаемомъ спокойствіи

и тишинѣ, а потомъ имъ и на прилежнѣйше постолювать, чтобъ они впредь съ подданными Ея Императорскаго Величества людьми поступали дружелюбно, не причиняя ни малѣйшихъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества обидъ, а если они дерзнутъ чинить какія-либо въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ наглости, то бѣ вѣдали они, что всякое непріятельское ихъ покушеніе обратится въ ихъ собственную погибель; однимъ словомъ, губернаторъ, а равно и Охотскій и Большерѣцкій командиры, имѣютъ сіе дѣло привести въ такое положеніе, чтобъ Чукчи были уговорены, а подданные Ея Императорскаго Величества доставлены прежнимъ спокойствіемъ отъ чукотскихъ нападений, и что по сему дѣлу происходить будетъ—по часту сколь возможно въ сенатъ рапортовать, а сверхъ всего, имѣть главнымъ въ семъ дѣлѣ предметомъ человеколюбіе и правосудіе Ея Императорскаго Величества. кое непремѣнно требуетъ того, чтобъ виновные были обличены не строгостію, но исправленіемъ, однакожь наказаны, а невинные бы никто не почувствовалъ ни малѣйшаго оскорбленія; буде же по полученнымъ по сему дѣлу отъ капитана Пересыпкина, такъ какъ и другихъ представленныхъ отъ Дауркина во свидѣтельство людей извѣстіямъ, губернаторъ усмотритъ Дауркина извѣщеніе въ журналѣ справедливымъ, то въ такомъ случаѣ взятыхъ въ полонъ Чукчъ, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, такъ какъ и показанное увѣреніе, что капитанъ за такой съ ними суровый поступокъ будетъ жестоко наказанъ, изъ плѣна отпустить, и притомъ желательно бѣ было и то, чтобъ они по приходѣ къ своимъ сродникамъ и знакомымъ изъявили оказанное въ нимъ отъ Ея Императорскаго Величества милосердіе, къ чему употребить, кажется, способность есть помянутаго Дауркина, буде въ семъ дѣлѣ никакихъ его вредныхъ намѣреній и дѣлъ не откроется,—ибо сколько по благоразумію судить можно, что подданство, или лучше сказать, спокойное пребываніе съ подданными Ея Императорскаго Величества людьми оныхъ Чукчъ интересамъ государственнымъ непріятны, а толь паче и вредны быть могутъ; но при всемъ томъ должно изъ виду не выпустить и того, чтобъ они и подданнымъ Ея Императорскаго Величества Корякамъ, коннымъ и пѣшимъ отнюдь никакихъ озлобленій не дѣлали.

Нынѣ отъ 27-го мая, опредѣленный въ Иркутскъ съ властію губернаторскою бригадиръ Нѣмцевъ въ рапортѣ пишетъ: что хотя безмѣрная и претрудная дальность не позволяла выждать надлежащаго слѣдствія, однако самое происхожденіе толь огорчитель-

наго поступка подтверждают новыя Охотскія доношенія, что сказанный чукотскій аманатъ, бывъ въ полонѣ мѣсяца съ четыре, бѣжалъ въ свои жилища за долго до прибытія его Нѣмцева въ губернію, и современно дружныя Натырскіе пѣшіе Коряки, бывъ уже у кочующаго на здѣшной сторонѣ рѣки Анадыра чукотскаго тоіона или старшины Петушина, видѣли возвращеніе къ нему спасшихся отъ помянутаго Гижиганскаго побойща Чукочъ и слышали ихъ намѣреніе, скопя свою толпу, тогда наступающей зимой сдѣлать отмщеніе, отчего когда-нибудь едва ль они и отступить могутъ, побуждаемы будучи сколько чувствительнымъ оскорбленіемъ убійства, столько чаяніемъ освобожденія плѣнныхъ своихъ родовичевъ. Онъ Нѣмцевъ, предваряя сіи непріятныя слѣдствія къ тогда жъ принятой предосторожности приготовленія какъ тутошней, состоящей въ 240 человекѣхъ военной команды, такъ корятскихъ старшинъ съ ихъ родами, и къ тому перемѣнѣ означеннаго капитана Пересыпкина другимъ, тамъ бывалымъ и довольно чукотскіе обычаи свѣдущимъ капитаномъ Тимофѣемъ Шмалевымъ, за необходимое разсудилъ приказать всѣхъ до нынѣ на лицо находящихся плѣнныхъ успокоить посредствомъ ласки и внушенія чрезъ Дауркина вообще и порознь; что тотъ капитанъ отъ командованія на всегда отрѣшенъ и поступлено съ нимъ будетъ по законамъ за то, что онъ съ ними поступалъ противъ ихъ добраго о бытія ихъ въ подданствѣ намѣренія съ жестокостію, отнюдь не согласно съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества соизволеніемъ, ибо Ея Императорскаго Величества главное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданные народы обитали въ желаемомъ спокойствіи и тишинѣ, а потомъ наиприлежнѣйше истолковать, чтобъ они впредь съ подданными Ея Императорскаго Величества, тамъ обитающими, поступали дружелюбно, не причиняя ниже Корякамъ плѣшимъ и оленнымъ ни малѣйшихъ озлобленій, а если дерзнуть чинить какія-либо въ границахъ Ея Императорскаго Величества подданнымъ наглости, то бѣ вѣдали они, и будучи въ своихъ жилищахъ, своей собратіи пересказали, что всякое непріятельское покушеніе обратится въ ихъ собственную погубель, и чтобъ въ доказательство согласія безъ наималѣйшаго опасенія прислали аманата въ залогъ своей вѣрности; напоследокъ, сдѣлавъ имъ по ихъ состоянію удовлетвореніе, такъ какъ и показанное увѣреніе, что капитанъ за такой съ ними суровый поступокъ будетъ жестоко наказанъ, изъ плѣна отпустить и препроводить

до куда безопасность допустить короннымъ коштомъ, на такой конецъ, чтобъ тѣмъ подать случай имъ мыслить о безопасномъ подданствѣ; за тѣмъ же дальное предпріятіе развѣдывать, и буде, обстоятельства требовать будутъ на отвращеніе злого ихъ намѣренія прибавки людей, тогда на ту необходимость брать изъ Охотска, а въ Охотскѣ изъ Якутскихъ казаковъ нужное число.

III.

ГРИГОРІЙ ШЕЛЕХОВЪ И ЕГО ТОВАРИЦИ.

1.

Доношеніе въ сенатъ о поступкахъ Григорія Шелехова.

Въ правительствующій сенатъ отъ адмиралтейской коллегіи доношеніе о поступкахъ Рыльского купца Григорія Шелехова, въ бытность его въ 1783 году на Американскихъ островахъ, съ тамошними жителями.

Адмиралтейская коллегія, получа нынѣ отъ начальствующаго на сѣверо-востокъ географическою и астрономическою экспедиціею, флота капитана 2-го ранга Биллингса рапортъ, коимъ донесено, что извѣстно ему было, что Чукчи изъ всѣхъ начальниковъ любили бывшаго у нихъ капитана Тимофѣя Шмалева, а когда наступили другіе, то не только не умножились къ подданству, но и объясченныя Коряки отъ города удалились, а Чукчи и совсѣмъ не приходили и противу російскихъ сдѣлались не мирными; а потому онъ Биллингсъ, зная о семъ, вытребовалъ помянутаго Шмалева и послалъ въ 786 году въ Гижиганскъ, съ тѣмъ чтобъ онъ даль знать Чукчамъ, во первыхъ, о своемъ приѣздѣ, отъ коего онъ Биллингсъ вѣрно надѣялся, что будутъ обрадованы, и призвавъ ихъ сдѣлать свиданіе, предварить о его Биллингса къ нимъ приѣздѣ и дружескомъ отъ царицы нашей его посольствѣ, съ объявленіемъ имъ монаршаго милостиваго до нихъ расположенія. Сей посланный капитанъ, видившись съ ними, не только успѣлъ въ возложенномъ на него дѣлѣ, но еще привелъ ихъ до того, что Чукчи обѣщались ежегодно въ Гижиганскъ приходять и ясакъ приносить, въ чемъ и утвердились; извѣстясь же о его Биллингса къ нимъ отъ государыни нашей посольствѣ, болѣе радовались; и одинъ изъ нихъ изъ лучшихъ тоіонъ просить, чтобъ для утвержденія ихъ въ подданствѣ съѣздить въ С.-Петербургъ и увидѣть Россійскую императрицу, дабы по возвратѣ могъ единоземцевъ своихъ болѣе увѣрить и утвердить въ подданствѣ Россіи, и ожидаютъ на то союз-

воленія, объявляя притомъ, что дано позволеніе отъ генераль-поручика Любія купцу Баранову и его прикащикамъ ѣздить изъ Гижиганска къ тѣмъ Чукчамъ для торгу съ разными товарами, которые, для единственной своей пользы туда отправясь, не могли бы сдѣлать тѣмъ скорбнымъ народамъ какого-либо озлобленія, а чрезъ то могутъ сдѣлать вредъ и въ возложенномъ на него Биллингса съ ними дѣлѣ и ожидаемой отъ нихъ дружественной встрѣчѣ и предпріятіи, опасаясь, чтобъ съ ними не было поступлено такъ, какъ бывшій въ Америкѣ на промышленномъ суднѣ компанейщикъ Рильскій купецъ Григорій Шелеховъ поступалъ, о коихъ дѣяніяхъ получилъ онъ Биллингсъ извѣщеніе отъ бывшаго съ тѣмъ купцомъ подлѣкаря Бритюкова, — прописанные въ ономъ съ ними народами поступки въ существѣ ли высшему правительству донесены, или что изъ оныхъ умолчано, ему не извѣстно, но чтобъ ему не быть за молчаливость далѣе подъ каковымъ по долгу присяги-отвѣтомъ, подалъ онъ ему Биллингсу бумагу, которую и представляетъ на разсмотрѣніе въ ординарѣ.

Но адмиралтейская коллегія, получа сей его Биллингса рапортъ и не видя, чтобъ онъ о упомянутомъ купца Шелехова съ Американцами поступкѣ отнесся по начальству къ правящему должностъ Иркутскаго генераль-губернатора, предписала ему Биллингсу указомъ, дабы онъ съ полученнаго имъ объ ономъ отъ подлѣкаря Бритюкова донесенія препроводилъ къ нему копію, для должнаго изысканія совершенной справедливости сего происшествія, и основательнаго о томъ куда слѣдуетъ представленія; да и впредь въ подобныхъ обстоятельствахъ относится ему Биллингсу къ тому правителю намѣстничества, донося о томъ и коллегіи; а дабы купецъ Барановъ и другіе, коимъ позволено будетъ посылать въ Америку торговые суда, не чинили тамошнимъ жителямъ подобныхъ притѣсненій, каковыя сдѣланы помянутымъ Шелеховымъ, ежели сіе правда, то о пріемѣ должной въ томъ предосторожности писать, и писано нынѣ къ оному правителю намѣстничества и отъ коллегіи.

Адмиралтейская коллегія правящему сенату объ ономъ почтеннѣйше доносить, а какого содержанія получено имъ капитаномъ Биллингсомъ отъ подлѣкаря Бритюкова о поступкахъ купца Шелехова съ Американцами донесеніе, съ онаго представляетъ точную копію.

Подписали: Михайло Рябининъ. — Григорій Леманъ.

Августа 8-го дня 1789 года.

2.

Копія съ донесенія, поданнаго въ Якутскѣ отъ 2-го ноября 1788 года флота капитану 2-го ранга Виллингсу, Охотской команды отъ подлѣкаря Мирона Бритюкова.

Въ 1783 году данъ я былъ изъ Охотской канцеляріи (что нынѣ комендантская) Рыльскому купцу Григорію Шелехову, компанейщику, на отправляющемся тогда въ вояжъ промышленномъ суднѣ отъ казенной стороны для пользованія его и съ нимъ слѣдующихъ людей, и отправясь того года 15-го числа августа, находился я въ дѣйствительной его командѣ. Прозимовавъ на Командорскомъ острову, слѣдовалъ прямо къ Америкѣ, и по прибытіи на первый островъ Кодіакъ, случилось нижеслѣдующее приключеніе: г. компанейщикъ Шелеховъ, такъ какъ хозяинъ судна и всѣхъ бывшихъ на ономъ людей, объявилъ себя таковою важною персоною, что онъ имѣетъ власть не только островитянъ, но и насъ, вѣрноподанныхъ нашей всемилостивѣйшей государыни людей, казнить и вѣшать,—чего всѣ мы убоясь признавали дѣйствительно за такового уполномоченнаго человѣка и считали, что важнаго секрета и уполномочія отъ вышней власти не открываетъ, были во всѣхъ его повелѣніяхъ послушны.

И когда втянулись въ гавань сего острова судномъ, посылали на пяти байдарахъ служителей искать на томъ островѣ жителей, кои островитяна, увидя посланныхъ, оставя свое селеніе, бѣжали; но посланные, гнавшись за ними, нашли ихъ съ присовокупленіемъ еще другихъ, оставя тожь взятое и имѣющееся при нихъ имущество, гдѣ поймать удалось два человѣка, кои и довели до того мѣста, гдѣ они находились во многочислѣ, но найдя ихъ весьма во многочисленномъ количествѣ всѣхъ собравшихся на островѣ по близости берега, коего имени я упомянуть не могу. Сей островъ, обруженный каменнымъ утесомъ, никакого со всѣхъ сторонъ пристанища водою не имѣетъ, кромѣ какъ по отливѣ воды съ одной стороны съ берегу можно пройти сухимъ путемъ по лайдѣ, и у того острова стоявъ байдарами пять дней, просили отъ нихъ аманатовъ, чтобъ не было отъ нихъ на насъ нападенія, и чрезъ что, чтобъ обойтись съ ними дружески, въ чемъ они отказали; то принуждены были о семъ извѣстить находящагося въ гавани начальника г. Шелехова; а между тѣмъ въ одну ночь поставленные для караула люди якобы видѣли идущихъ къ нимъ въ темнотѣ островитянъ и слышали шумъ и стрѣльбу изъ ружей, но никого не

убивъ и отъ нпхъ сооруженнаго соотвѣтствія не выдавъ, остались въ покоѣ. Въ ту жь самую ночь прибылъ помянутый г. Шелеховъ въ двухъ байдарахъ, и по разсвѣтѣ, когда сдѣлался отливъ воды, чрезъ лайду перешедъ со всѣми при немъ бывшими вооруженною рукою, прибылъ снхъ безгласныхъ народовъ до пяти сотъ чело- вѣкъ, можно считать и болѣе, потому что большая часть бѣжали отъ страха въ свои байдарки, чтобъ имъ уплыть, и тутъ другъ друга топили и сами перетонули—гдѣ захвачено въ плѣнъ не малое количество обоого пола, и приказаніемъ его г. Шелехова велѣно мужескъ полъ отбить и отвезть на тундру и всѣхъ пере- колоть копьями, чтò и учинено, а женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей, ихъ оставшихся до шести сотъ челоувѣкъ, взялъ съ собою въ га- вань и держалъ ихъ три недѣли, къ конмъ разбѣжавшіеся и укры- вающіеся мужья стали приходить, которымъ онъ всякому свою же- ну возвращалъ, а изъ дѣтей по одному челоувѣку оставлялъ у себя въ аманаты, и по раздачѣ напоследокъ и остальныхъ отпустилъ. Въ то жь самое время посланы были изъ той гавани къ восточ- ной сторонѣ того острова служители въ 5 байдарахъ для сыска тожь жителей и отлучались на цѣлый мѣсяць; о поступкахъ же ихъ съ островитянами, мнѣ не извѣстно, только по возвратѣ ихъ объявили, что островитяна дѣлали на нихъ нападеніе и поранили копьями шесть челоувѣкъ, а съ ихъ стороны сколько урону было— не извѣстно. При обратномъ же ихъ въ гавань слѣдованіи, пойма- ны ими были на пути два челоувѣка, конхъ они, признавая за со- общниковъ въ заговорѣ противу ихъ въ нападеніи, привезли съ собою въ гавань, къ начальнику своему помянутому Шелехову, ко- торый распрашивалъ ихъ пыткою битовыхъ усовъ, шомполами, въ признаніи сказаннаго на нихъ соучастія, и когда они (можетъ не зная сего дѣла) признанія не принесли, то одного изъ нихъ самъ онъ Шелеховъ застрѣлялъ изъ пистолета, а другого велѣлъ зако- лоть кошемъ и отнести бросить на тундру.

Въ то жь время, когда російскіе отлучались за отысканіемъ жи- тельствующихъ по островамъ, какъ уже сказано, къ восточной сто- ронѣ, то тогда приплывали съ западной стороны въ одной байдар- кѣ два челоувѣка островитянъ и объявили, что присланы они отъ ихъ тоіоновъ, съ тѣмъ что желаютъ они съ російскими имѣть дружелюбное свиданіе, и съ ними торговаться, и чтобъ російскіе не боялись прибытія, которое будетъ во многочисли людей, и не было бь противу ихъ поступлено воинскою рукою. Г. Шелеховъ, принявши ихъ ласково, и одарилъ ихъ по тамошнему мѣсту обы-

явновенными подарками, записавши ихъ имена, явилъ на сіе свое соизволеніе. Но послѣ отбытія ихъ, будучи во ожиданіи всю зиму, никто изъ оныхъ островитянъ не пріѣзжалъ; по наступленіи жъ весны 1783 года, были отправлены къ западной сторонѣ сего острова російскіе въ байдаркахъ, для осмотра мѣстъ и зааманачиванія жителей. По возвратѣ жъ ихъ когда взяты и привезены были отъ тѣхъ тоіоновъ въ аманаты дѣти, и на послѣдокъ стали пріѣзжать для свиданія къ дѣтямъ своимъ отцы, то тогда спрашивано было г. Шелеховымъ отъ нихъ, посылали ли они прошедшаго лѣта отъ себя двухъ человѣкъ предварить извѣстіемъ тѣмъ, что съ російскими они имѣли желаніе видѣться и торговаться. На что тѣ тоіоны отозвались, что отъ нихъ посланъ никто не былъ; и когда записанныя тѣхъ двухъ человѣкъ имена были имъ сказаны, и приказано отъ г. Шелехова тѣмъ тоіонамъ сихъ двухъ человѣкъ отыскать и представить къ нему, кои и представлены были, тогда г. Шелеховъ, распрашивая ихъ въ подлинности сего посольства, далъ приказаніе штурману Измайлову, спаря ихъ обоимъ вмѣстѣ, на одинъ выстрѣлъ изъ винтовки застрѣлить, что и учинено.

Не довольно сихъ вышесказанныхъ съ островитянами поступокъ. Когда къ дѣтямъ взятымъ въ аманаты пріѣзжали со всѣхъ сторонъ тамошніе тоіоны, въ томъ числѣ и съ острова Шуяхъ, то посланы были при возвратѣ ихъ обратномъ на тотъ островъ Шуяхъ два человѣка російскихъ, съ разными на тамошнюю руку мелочными товарами торговаться, и даны были сему тоіону, съ тѣмъ, чтобъ ихъ препроводить обратно; но какъ сихъ двухъ человѣкъ Россіянъ тамошніе жители по жадности ли къ вещамъ, или по злости ихъ къ російскимъ, убили, и были мы всѣ объ ономъ безвѣстны, но одинъ съ острова Афогнахъ житель, о семъ смертоубійствѣ извѣщаясь при посылкѣ російскихъ на острова Фогнахъ и Шуяхъ, при коихъ было тожъ послано изъ Кадатскихъ жителей, то тотъ Фогнахскій островитянинъ, боясь російскимъ сію о смерти двухъ Россіянъ вѣдомость персонально отереть, а сказалъ тѣмъ Кадатскимъ жителямъ, туда прибывшимъ, что онъ слышалъ заподлинно то самое, якобы дѣйствительно убиты російскіе, но онъ самъ явиться и имъ о семъ сказать не смѣетъ,—черезъ коихъ Кадатскихъ жителей російскіе увѣдомившись отправили для точнаго расправа самого того Афогнаскаго жителя къ своему хозяину Шелехову, который, распрашивая пристрастно, не былъ ли онъ участникомъ смертоубійства, и какъ увѣдомясь отъ него, что онъ, узнавши самъ, единственно старался о семъ Россіянъ извѣститъ, а что въ соучастіи

сего смертоубійства не былъ; почему и спрашиванъ былъ: не знаетъ ли кто еще о семъ другой? А какъ онъ въ оправданіе свое сказалъ, что есть еще на нхъ островѣ одинъ житель, который тожъ слышалъ, то г. Шелеховъ послалъ туда за нимъ нарочныхъ, чтобъ и его привести; но онъ тожъ самое подтвердилъ, что только слышалъ; а самъ и товарищъ его притомъ не были. То сказано пмъ было для чего они благовременно о семъ не извѣстпи, и за то приказалъ спарить ихъ вмѣстѣ, чтобъ на одинъ выстрѣлъ обонхъ изъ ружья можно застрѣлить, и самъ выстрѣлилъ по нхъ и одного убилъ, а другого только ранилъ, то и тому приказалъ отсѣчь голову. А на помянутые острова Фогнахъ и Шуяхъ посланы были російскіе въ трехъ байдарахъ для пстреленія всѣхъ жителей и сыску помянутаго тоіона, съ коимъ посланы были російскіе торговать; то посему приказанію въ бытность нашу получено извѣстіе, что одно селеніе совсѣмъ пскоренено, а изъ прочихъ спаслся бѣгствомъ; а что послѣ нашего отбитія происходитъ, то мнѣ не извѣстно.

Страшны сіи поступки для меня, что я по сіе время хотя и слышалъ отъ него г. Шелехова о уполномоченіи его и данной ему власти не только спхъ народовъ, но и російскихъ казнить и вѣсптъ, но подлинно ль дана ему таковая власть, утвердить не могу. А страшась сего уполномоченія съ пріѣзда моего ни въ какое правительство донести не осмѣлился. Долгъ же присяги запрещаетъ мнѣ оставить въ молчаніи, и какъ я наслышался, что ваше высокоблагородіе, по данной вамъ отъ монархини нашей власти, входите во всѣ подробности прибѣгающихъ къ вамъ угнетенныхъ, въ отдаленномъ здѣшнемъ краю, и оказываете во всемъ мплотное ваше покровительство, то и я равно прошу ваше высокоблагородіе вникнуть въ важность дѣла, мною выше прописаннаго, достойно ли оно донесенія вышняго правительства и прописано ли оно такъ, какъ было въ существѣ его Шелехова журналѣ, хотя я не сомнѣваюсь, что оное въ совершенствѣ къ царпцѣ нашей отъ него представлено; но чтобъ и мнѣ, безгласному человѣку, по долгу присяги таковыя страшныя для меня поступки оставить въ молчаніи, не было какого-либо взысканія, тѣмъ наиболѣе, что вѣрно ли дана ему таковая высочайшая воля, такъ какъ намъ о себѣ далъ знать мнѣ не извѣстно; а посему и прошу ваше высокоблагородіе, принявъ отъ меня сію бумагу, препроводить куда слѣдуетъ или содержать у себя для моего въ случаѣ дальнѣйшей отъ меня молчаливости оправданія.

Подписалъ: секретарь Сергѣй Золотовъ.

Государственной адмиралтейской коллегіи отъ генераль-поручика правящаго должность Иркутскаго и Колыванскаго генераль-губернатора и кавалера Пидя рапортъ.

Отъ 19-го числа прошедшаго іюля за № 4-мъ почтеннѣйшее сообщеніе сей коллегіи я имѣлъ честь получить въ 16-й день текущаго сентября, изъ котораго видѣвъ замѣчаніе ея о торговлѣ купца Баранова въ Гижиганскомъ округѣ съ народами, таеъ называемыми Чукчи и Корякп, о жестокихъ поступкахъ купца Шелехова съ Американцами въ бытность его у нихъ въ 1783 году, и о произвожденіи находящимся въ Охотскѣ при судовомъ строеніи служителямъ прибавочной платы, сверхъ обыкновеннаго пкъ жалованья, особеннымъ себѣ поставляю долгомъ всепокорнѣйше представить здѣсь на прозорливое ея разсмотрѣніе слѣдующія мною уже испытанныя обстоятельства:

1) Хотя г. Биллингсъ изъяснялся сей коллегіи о томъ, что когда посланъ былъ отъ него капитанъ Шмалець въ чукотскія жилища еще въ 786 году, съ объявленіемъ о прибытіи туда его г. Биллингса и о монаршемъ Ея Императорскаго Величества къ нимъ расположеніи, то подѣйствовалъ такъ въ нихъ, что могъ обратить ихъ къ совершенному миролюбію и къ подвластію, предъ тѣмъ было ими совсѣмъ уже отрывенному; но только учиненнымъ позволеніемъ купцу Баранову для торговли сомнѣвается, чтобы не сдѣлано было тѣмъ народамъ озлобленія и чрезъ то вреда и въ возложенномъ на него Биллингса съ ними дѣлѣ и ожидаемой отъ нихъ дружественной встрѣчи и пріятіи. Однакожь таковое сомнѣніе его я не могу принять за вѣроятіе, а и тѣмъ меньше за правдоподобіе, потому:

2) Что Иркутскій купецъ Александръ Барановъ испросилъ себѣ позволеніе отъ бывшаго здѣсь въ должности генераль-губернатора г. генераль-поручика и кавалера Якоби не прежде, какъ въ исходѣ генваря мѣсяца 788 года, о которомъ и по дѣлу значить тако: сей Барановъ, согласясь съ Охотскимъ купцомъ Иваномъ Кречевцовымъ сдѣлать отправленіе на рѣку Анадырь для промысла звѣрей, отысканія моржеваго зуба и кости мамонтовой, а притомъ, ежели будетъ возможность, и съ народами, около тѣхъ мѣстъ обитаемыми, основать и завести производство торговли, просили его г. генераль-поручика и кавалера, чтобы оказано имъ было въ томъ

законное съ казенной стороны вспоможеніе: почему, и что сіе общевало дѣйствительно видную общую пользу, и учинены были Якутскому и Охотскому комендантамъ да Гижиганскому городничему и исправнику, на основаніи таковой просьбы, предписаніи единственно о томъ только, дабы сіи начальники по расположенію въ ихъ завѣдываніи мѣсть, рѣвою Анадыромъ объемлемыхъ, оказали тѣмъ купцамъ въ предполагаемомъ ими полезномъ заведеніи свое, то есть, со стороны казенной, вспоможеніе; слѣдовательно, такое предписаніе, заключаая въ себѣ общую и совершенную пользу, могло ли общевать здѣшнему начальству какое-либо непріятное происшествіе между Чувчами и Коряками, да и то оттого, что купечествующіе Барановъ и Кречевцовъ были подъ всемѣстнымъ со стороны земскаго правленія наблюденіемъ.

3) Изъ опытностей здѣсь извѣстно, да изъ дошедшихъ ко мнѣ изъ Охотскаго края бумагъ самъ я вижу, что Чувчи и Коряки никогда не были раздражены со стороны торгующихъ съ ними всякаго званія людей, и торговля ихъ рѣдко когда была прерываема, потому что они сами, имѣя въ ней крайнюю необходимость, всегда старались сбывать свои товары, какъ въ одной почти рухляди состоящіе, въ другія руки и на оныя получать себѣ выгоды: хотя же неоднократно замѣшательство ихъ и сосѣднихъ имъ народовъ Корякъ замѣчаемо было правительствомъ, но не допускалось никакой побудительнѣйшей на то причины, какъ только, что сіе происходило отъ собственнаго безпокойнаго нрава ихъ и отъ вѣтренности, сопряженной съ дикостію. Торговля всегда поощряла ихъ къ успокоенію въ мысляхъ и положеніяхъ ихъ, и воспрещенія объ оной никакого еще не было купечествующимъ, окромѣ чиновниковъ, поколику сіе совсѣмъ несвойственно съ состояніемъ и званіемъ ихъ, почему я и думаю, что и теперь поступить на воспрещеніе нѣтъ ни малѣйшей нужды, ибо чѣмъ болѣе умножаться будутъ російскіе торговцы въ тѣхъ почти не обитаемыхъ мѣстахъ, тѣмъ не меньше возрастать можетъ полезное вліяніе въ сердцахъ и въ обхожденіяхъ дивныхъ народовъ; слѣдуетъ, конечно, надзирать правительству за обращеніемъ онымъ всемѣрно; но по сему дѣлу, кромѣ увеличеннаго слишкомъ присмотра, ничего сомнительнаго не оказывается, и для того замѣчанія и сомнѣнія г. Биллингса остается въ семъ случаѣ приписать большею частію излишней его для себя осторожности, поколику начальство здѣшнее, будучи извѣстно о естественномъ расположеніи обитающихъ по всей обширности такой народовъ, не упустить и само по себѣ предостерегать всякую

непріятность, паче же вредное начальство, каковое выводитъ г. Биллингсъ изъ показанія одного подлѣара на Рыльскаго имениаго гражданина Шелехова, и о которой ниже сего также доказано будетъ въ пристойномъ мѣстѣ.

4) Справедливо, что капитанъ Шмалевъ ѣздилъ въ чукотскія и коряцкія жилища, но впрочемъ приведеніе ихъ нѣкоторымъ образомъ въ спокойное положеніе зависѣло болѣе отъ неутомимаго попеченія начальствовавшего областію полковника Козлова-Угренина, который, хотя для сего почти оставя Охотскѣ, объѣзжалъ всѣ округи вѣдомства своего и убѣдительношшими средствами склонялъ непокойныхъ народовъ къ повинновенію, однакожь за всѣмъ тѣмъ и поднесъ еще осталось нѣкоторое вліяніе въ сердцахъ ихъ къ отмщенію россійскимъ людямъ за бывшее Анадырскою партіею имъ истребленіе. Доказательно сіе и потому, что о Корякахъ идетъ теперь новое у меня расположеніе, какимъ бы образомъ размѣстятъ ихъ врознь жилищами и удалитъ сосѣднее пребываніе ихъ отъ Чукчей, которое въ свое время, конечно, и надлежащее дѣйствіе возымѣетъ,—ибо г. Козловъ-Угренинъ настоятельно утверждаетъ, что сіи народы, бывъ безпокойнаго нрава, питаютъ непримиримую вражду къ Чукчамъ и сосѣднимъ ихъ народамъ Мамуткамъ и Камчадаламъ.

5) Окромѣ того расположенія моего, продолжаютъ теперь новыя дѣла о разныхъ дерзновеніяхъ старшихъ тѣми народами управляемыхъ, которыя отважились не допускать посланной на рѣбу Пенжину для принсканія подъ городъ Акланъ удобнаго мѣста команды; сіи дѣла, будучи главнѣйшею цѣлію къ испытанію самыхъ вреднѣйшихъ начинщиковъ безпокойствъ, тамо случающихся, возымѣютъ также надлежащій конецъ и въ свое время; почему я и надѣюсь, что адмиралтейская collegія, усмотрѣвъ изъ вышеописаннаго все здѣшнее попеченіе за благоустройствомъ, между дикими народами предполагаемымъ, найдетъ, что какъ купеческая торговля для нихъ суть необходима, такъ и смотрѣніе за оною есть достаточно.

6) Подобнымъ образомъ, то есть, чрезъ торговлю призваны недавно въ повинновеніе земскаго начальства и другіе Чукчи, пребывающіе на островахъ Ледовитаго сѣвернаго моря въ Зашиверскомъ округѣ, которые, будучи весьма коротко знакомы съ Гижиганскими Чукчами и Коряками, всеконечно не оставятъ показать имъ самимъ себя примѣромъ; ибо сіи нововызванные, какъ описываетъ ихъ Зашиверскій исправникъ Баннеръ, довольно разумны и постоянны; по

сей части идетъ у меня также новое расположеніе для того, что сіи Чукчи общались познакомить ему исправнику, окромѣ себя, другихъ еще народовъ, живущихъ неподалеку на островахъ Ледовитаго же моря, коихъ называютъ они такъ Зубатые и Дыроваты. Адмиралтейской коллегіи не благоугодно ли будетъ замѣтить сіе обстоятельство ни для чего болѣе, какъ только, чтобы удобно ей было сличить оное происшествіе съ тѣми пунктами, которые помѣщены въ инструкціи, г. Биллингу данной. А я сошлюся здѣсь на высочайшій Ея Императорскаго Величества указъ, въ 8-й день августа 785 года состоявшійся, на основаніи котораго всемплотно-вѣйшая государыня высочайше указать соизволила, сообразоваться самой коллегіи и г. Биллингу относительно описанія всѣхъ островныхъ сѣверной части жителей. И ежели бы г. Биллингъ расположилъ было себя привести въ дѣйствіе сію высочайшую волю по точному объ ней въ томъ указѣ начертанію, то конечно, увидѣлъ бы, сколько требовалось тутъ трудовъ и попеченія его. Хотя же во время бытности его на Колымскихъ вершинахъ испытанія его прострались частію до совершеннаго выполненія монаршей воли, однако приведенныя имъ въ доказательство своихъ изнеможеній трудности обратили путешествіе его совсѣмъ въ другую сторону, и онъ принужденъ былъ остановиться дѣйствіями его не пидѣ, гдѣ какъ только въ Охотскѣ.

7) Изяснивши такимъ образомъ о состояніи Чукчей, я приступаю здѣсь къ описанію того доноса, который поданъ г. Биллингу отъ поддѣкаря Бритюкова; и какъ выше доказано уже, что торгующіе съ Чукчами не могутъ равняться съ морскими промышленниками, которые плаваютъ своими судами на открытомъ Сѣверо-восточномъ океанѣ, то здѣсь и почитаю я за нужное сказать то только, что доносъ упоминаемаго Бритюкова на Рыльского именитаго гражданина Шелехова доставленъ былъ въ копіи ко мнѣ отъ г. Биллинга. Я, рассмотрѣвши оный и сличивши его съ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ въ 13-й день августа 787 года предмѣстнику моему г. генераль-поручику и кавалеру Якобю, не нашелъ однакожъ ничего болѣе въ немъ, окромѣ единой вражды и неосновательства, потому наиболѣе, что всѣ поступки купца Шелехова, каковы только въ самомъ дѣйствіи были надъ американскими жителями, въ самой подробности имъ описаны и представлены на высочайшее Ея Величества благоусмотрѣніе, которые ежели бы были нахальные и дерзновенные, то конечно, не воспользовался бы онъ особеннымъ и къ нему

уже бывшимъ монаршимъ снисхожденіемъ, какъ то явствуетъ о семъ въ подлинномъ отъ него правящему въ Якутскѣ должностъ коменданта г. надворному совѣтнику Дрозману объясненіи, что всемплосивѣйшая государыня, уважая подвиги его Шелехова, благоволила соизволила наградить его отъ щедротъ своихъ похвальною открытою грамотою, шпагою и золотою медалью.

8) Адмиралтейская коллегія удостовѣрится можетъ о дѣяніяхъ сего морскаго компанейщика изъ представленной отъ меня въ оную отъ 25-го числа прошедшаго іюля журнальной мореходнической записки, гдѣ отнюдь не сокрыто всѣхъ тѣхъ покушеній, какія были отъ Американцевъ на его компанію и отъ него на нихъ, и гдѣ само по себѣ откроется—заслуживаетъ ли какого правдоподобія объясненіе подлѣкаря того, который, по словамъ Шелехова, былъ ему единою почти на судахъ тягостію. Впрочемъ же вѣроятнымъ быть можетъ, что сей подлѣкарь давно желалъ учинить показаніе на Шелехова, но не могъ, не такъ, какъ говорятъ, съ боязни, но дѣйствительно потому, что въ истинѣ своего показанія и самъ сомнѣвался. Я, преходя обстоятельство сіе, какъ вниманія не заслуживающее, донесу оной коллегіи то, какимъ образомъ г. Биллингсъ произвелъ въ дѣйствіе сей доносъ, въ Якутскѣ ему отъ Брюткова поданный.

9) Онъ, имѣючи у себя ордеръ по содержанію вышепрописаннаго высочайшаго указа отъ 13-го числа августа 787 года, когда принялъ тотъ доносъ, то прежде, нежели отнесся ко мнѣ объ ономъ, сообщилъ къ упомянутому надворному совѣтнику Дрозману, дабы онъ, такъ какъ Шелеховъ находился тогда въ Якутскѣ, задержалъ его и работниковъ его тамо, и хотя требованіе сіе не было дѣйствіемъ къ остановленію Шелехова отъ предпріятаго имъ въ Охотскѣ пути, однакожь сей человѣкъ, огорчась такимъ случаемъ, принужденъ былъ войдти къ нему Дрозману съ вышеупомянутымъ объясненіемъ своимъ и признать сіе единою наклонностію г. Биллингса къ явному его недоброжелательству, почему г. Дрозманъ, отрекшись отъ исполненія требованія Биллингова, донесъ о томъ и сюда для того, чтобы настоящее происшествіе не осталось безгласнымъ.

10) Внимая сущности резоновъ, отъ Шелехова представленныхъ, когда я не видѣлъ совершенной причины, могущей подвергнуть дѣло его слѣдствію, то отъ 5-го числа минувшаго іюля и извѣстилъ г. Биллингса объ ономъ, совѣтуя ему исполнять въ точности единое лишь то только, что прямо относится до возложенной на него

коммисіи. Слѣдованіе о поступкахъ морскихъ компанейскихъ промышленниковъ рекомендовалъ ему основывать не иначе, какъ по предписанію отъ предмѣстника моего, ему данному, и сіе распоряженіе мое, я твердо уповаю, адмиралтейская коллегія благовольтъ признать правильнымъ, поколику оное основывалъ я на точнѣйшемъ смыслѣ высочайшаго того указа; затѣмъ не могу я умолчать здѣсь, что по таковымъ г. Биллингса предпріимчивостямъ осталось мнѣ дать ему замѣтить, чтобы онъ, отложивши подобныя доносы разсматривать здѣшнему начальству, не вмѣшивался самъ въ оныя, а только увѣдомлялъ бы объ нихъ меня. Поелвку же во время вояжированія его съ экспедиціею по Сѣверо-Восточному океану всеконечно встрѣчаться онъ будетъ и съ судами, за звѣринымъ промысломъ тамо находящимся, то на случай подобныхъ показаній на (кого-либо изъ компанейщиковъ или промышленниковъ, отъ островитянъ не велѣлъ я отнюдь удерживать таковыхъ на мѣстѣ или и высылать сюда, но чтобы замѣчалъ онъ и испытывалъ только ихъ поступки, для того, дабы въ свое время и именно тогда, когдѣ скоро выйдутъ они изъ вояжа, можно было осудить виновныхъ по силѣ законовъ; сіе замѣчаніе учинено ему Биллингсу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы удалены тутъ были всякія примѣтки на промышленниковъ, и чтобы озлобленіемъ не имѣло себѣ въ толь важныхъ оборотахъ ихъ мѣста.

Впрочемъ, что касается до прибавки находящимся у строенія судовъ служителямъ, сверхъ жалованья ихъ, особой платы, я не нахожу ничего болѣе здѣсь сказать какъ слѣдующее:

11) Какъ мнѣ извѣстно, что строеніе судовъ, для экспедицій нужныхъ, по предположенію самого г. Биллингса и по удостовѣренію начальствующаго въ Охотскѣ окончено быть должно въ прошедшемъ августѣ и настоящемъ сентябрѣ мѣсяцахъ, слѣдовательно, съ окончаніемъ того построенія, прекратится уже и работа на служителей было возложенная; отъ г. же Биллингса о семь прибавочномъ мастеровымъ жалованьѣ донесено сюда не было, да и въ разсужденіи истеченія настоящаго сентября мѣсяца, въ которомъ окончится вся по экспедиціи работа, нѣтъ возможности по дальнему Охотска отселѣ разстоянію успѣть съ предварительнымъ на то моимъ предписаніемъ, и для того я послалъ извѣстіе мое къ г. Биллингсу такое только, что ежели бы сверхъ чаянія моего застало оно его на мѣстѣ еще въ Охотскѣ, въ такомъ случаѣ не оставилъ бы онъ по причинамъ, отъ него представленнымъ, учинить свое распоряженіе, кому именно и сколько должно прибавить

за излишніе труды умѣренную плату и донесъ бы о томъ ко мнѣ на уваженіе, почему бы можно было разрѣшить его и о употребленіи слѣдующей на то суммы.

Наконецъ же 12) поелпву адмпралтейская коллегія, въ упомянутомъ сообщеніи своемъ, изволила увѣрять меня, что со стороны ея относительно поступковъ морскаго компанейщика Шелехова и торговли купцовъ Баранова и Кречевцова учпнено донесеніе правительствующему сенату, и для того за нужное почель я о всемъ вышеописанномъ представить и со своей стороны въ оной, прапорщнку же Пирожкову, который доставилъ сюда то сей коллегіи сообщеніе, велѣно отъ нея явиться по прежнему къ его командѣ въ городъ Яеутскъ.

Подлинное подписалъ: *Иванъ Пиль.*

Сентября 19-го дня 1789 года.

КАЗАКЪ ѲЕДОРЪ КАМЕНЬЩИКОВЪ ¹⁾,

1.

Довладъ императрицѣ Екаторинѣ II.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако:

„Быть по сему“.

1776 года декабря 18-го дня; тайный дѣйствительный совѣтникъ сенаторъ и кавалеръ Панинъ, правящій генераль-прокурорскую должность генераль-квартирмейстеръ и кавалеръ князь Вяземскій, во исполнение высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія, по полученнымъ въ правительствующій сенатъ во 2-й департаментъ, минувшаго ноября 22-го дня, изъ Оренбургской губернской канцеляріи, Чебаркульской крѣпости о казакѣ Ѳедорѣ Каменьщиковѣ и о прочихъ экстрактъ, — изъ учиненнаго въ оной канцеляріи опредѣленія копій, изъ которой оказалось, что оный Каменьщиковъ между многими продерзостями, чинилъ нѣкоторыя непристойныя разглашенія, кои принадлежатъ до свѣдѣнія тайной экспедиціи, (за что уже ему тою губернскою канцеляріею наказаніе учинено), но какъ на объявленномъ экстрактѣ и копіи въ заглавіи не означено было, что то о секретномъ дѣлѣ, то сіи вступили въ публичное мѣсто, то есть, во 2-й департаментъ, гдѣ о томъ знать не подлежало, приказали: въ Оренбургскую губернскую кан-

---

¹⁾ Дѣло о казакѣ Ѳедорѣ Каменьщиковѣ составляетъ любопытный эпизодъ въ ходѣ народныхъ волненій на востоцѣ Европейской Россіи, въ свое время, въ 1765 г., впрочемъ получившій развязку дѣйствіями одной мѣстной администраціи и только въ послѣдствіи, послѣ Пугачевщины, приобрѣвшій значеніе для высшаго правительства.

целярію послать предложеніе, въ которомъ написать, что въ показанныхъ адресованныхъ во 2-й департаментъ экстрактъ и копіи чиннаго казакомъ Каменьщиковымъ непристойнаго разглашенія, яко до 2-го департамента ни мало не принадлежащаго, между публичнаго дѣла влючать не подлежало; ибо по состоявшемуся въ 1762 г. октября 19-го дня, именному Ея Императорскаго Величества указу для таковыхъ секретныхъ дѣлъ учреждена при сенатѣ въ 1-мъ департаментѣ тайная экспедиція, по которому и надлежало о означенномъ разглашеніи писать въ оную экспедицію, или по крайней мѣрѣ, когда сего не сдѣлано, то бѣ слѣдовало на объявленномъ экстрактѣ и копіи въ заглавіи, такъ какъ и на пакетахъ надписать „о секретномъ дѣлѣ“, но и сего не учинено; въ чемъ Оренбургскою губернскою канцелярією, по елику сама она сіе разглашеніе весьма уваживала, поступлено не осмотрительно; а потому сдѣлала о ономъ разглашеніи извѣстными такихъ людей, которымъ того знать было не должно. Чего ради оной губернской канцеляріи подтвердить, чтобъ она впредь въ таковыхъ дѣлахъ поступала съ крайнимъ осмотрѣніемъ, соображая при томъ точность и силу объявленнаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа; Показанный же экстрактъ и копію оставя въ тайной экспедиціи, сообщить съ нихъ за исключеніемъ касавшихся до непристойнаго разглашенія рѣчей во 2-й департаментъ копіи.

Подписали: Н. Панинъ.—Князь А. Вяземскій.

2.

Въ правительствующій сенатъ отъ Оренбургской губернской канцеляріи рапортъ.

При указѣ Ея Императорскаго Величества, февраля сего 1766 года, присланъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію бѣглый Исецкой провинціи Чебаркульской крѣпости казакъ Ѳеодоръ Каменьщиковъ, прозываемый Слудниковымъ и Алтыннимъ Глазомъ (который недавно приписныхъ къ заводамъ Масленскаго острога крестьянъ возмущалъ, дѣлая большое имъ собраніе) и съ нимъ жена его, крестьяне: Егоръ Прокофьевъ, Кирила Шпрелевъ, да Семень Толминовъ и морскаго флота отставнаго капитана Арнстова дворовый человекъ Ѳеодоръ Андреевъ; велѣно тѣмъ Ея Императорскаго Величества указомъ, по рассмотрѣніи приложенныхъ при ономъ допросовъ, экстракта и другихъ писемъ, ежели

II отдѣлъ.

25

сверхъ изображеннаго въ томъ указѣ не окажется, поговзведя слѣдствие, поступить, яко съ злоумышленнымъ преступникомъ и возмутителемъ, такъ и съ сообщниками его, на основаніи законовъ безъ наималѣйшаго упущенія, и что учинено будетъ — въ правительствующій сенатъ рапортовать.

По силѣ того Ея Императорскаго Величества указа, каковъ о помянутомъ злодѣѣ Каменьщиковѣ и сообщникахъ его, въ Оренбургской губернской канцеляріи, сего октября 18-го числа подписано опредѣленіе (съ онаго копія при семъ покорнѣйше прилагается), по которому опредѣленію исполненіе самымъ дѣломъ учинено.

Подписали: Никита Муравьевъ.—Леонтій Арнаутовъ.—Секретарь Семень Кисленской.—Подканцеляристъ Степанъ Соколовъ.

Въ 1-й департаментъ сената, октября 19-го дня 1766 года.

По указу Ея Императорскаго Величества въ Оренбургской губернской канцеляріи, слушавъ слѣдствие о содержавшемся въ оной губернской канцеляріи вѣдомства Исецкой провинціи Чебаркульской вѣрности бѣглому казакѣ Федорѣ Каменьщиковѣ и сообщникахъ его, въ которомъ значить, что оный злодѣѣ Каменьщиковъ, прозываемый Слудниковымъ и Алтыннымъ Глазомъ, прошлаго 1764 года сентября 13-го числа въ силѣ ордера отъ генераль-майора, что нынѣ въ отставкѣ генераль-поручикомъ, Брахфельда, въ полкъ Оренбургскій присланнаго, какъ то въ промеморіи отъ генераль-майора Черепова (которому, въ силѣ указа Ея Императорскаго Величества, изъ государственной военной коллегіи опредѣлено, производимому по челобитью онаго злоумышленнаго возмутителя Каменьщикова въ чинимыхъ отъ старшихъ обидахъ и взяткахъ слѣдствію сдѣлать дополненіе) значить: сѣченъ по три дня плетью за то, что: 1) онъ Каменьщиковъ билъ казака Пустороброва; 2) не объявилъ объ найденной въ квартирѣ его послѣ Донскаго казака суевѣрной тетради и ложно показалъ, якобы по осмотру священника писана въ ней молитва, чего по дѣлу не оказалось; 3) будучи при смотрѣніи свадьбы казака Клыкова билъ и стрѣлялъ по немъ изъ ружья съ злости; а потомъ по производимымъ подполковникомъ Уваровымъ, а напоследокъ полковникомъ Воейковымъ съ другими оберъ-офицерами слѣдствіямъ по его Каменьщикова доносамъ и по ихъ Уварова и Воейкова мнѣніямъ, виновнымъ признанъ: 1) въ недоказаніи въ угроженіи его есауломъ Фалковымъ, якобы въ удержкѣ атаманомъ Симоновымъ при раздачѣ фуражныхъ денегъ отъ каждаго рубля по пяти копѣекъ; 2) въ принужденіи

атаманомъ Симоновымъ казаковъ къ возгѣ подряднаго провіанта, а кто везти не желалъ, тѣхъ якобы въ безвинномъ битвѣ и въ сажаніи подѣ караулъ; 3) въ ложномъ челобитвѣ его написаніи, будто бы для его просьбы на старшинъ своихъ всѣ мирскіе люди послали; 4) въ упущеніи челобитьемъ своимъ о собираемыхъ на исходатайство крѣпостнымъ казакамъ жалованья, яко же и въ нераздачѣ заработныхъ денегъ не малаго времени, а въ тогдашнее время, какъ поборъ происходилъ, не доносилъ, по которому слѣдствію содержался въ Троицкой крѣпости подѣ карауломъ 1765 г. 10 апрѣля мѣсяца, а въ томъ мѣсяцѣ бѣжалъ и назвался сенатскимъ курьеромъ, якобы по именному Ея Императорскаго Величества указу присланнымъ, именуя себя Михайломъ Рѣзцовымъ; вступилъ въ разбирательство не давно приписныхъ къ заводамъ дворянина Никиты Демидова, вѣдомства Исецкой провинціи Масленскаго острога крестьянъ (которые въ прошломъ 1761 году, не хотя быть въ заводскихъ работахъ, не малую противность чинили и едва нарочно посланною командою усмирены), возмущалъ, и многихъ сады подѣ караулъ, жестоко плетями мучилъ, дома и пожитки печаталъ, и будто бѣ онъ присланъ изъ правительствующаго сената для изслѣдованія о обидяхъ и разореніяхъ, причиненныхъ яко бы всѣмъ поминутаго Масленскаго острога крестьянамъ рѣченнаго Демидова прикащиками; привелъ тамошнихъ крестьянъ къ заводамъ въ непослушаніе и въ такой развратъ, что они сдѣлались было весьма опасными, а сверхъ того посланныхъ для поимки его людей плетями билъ и отваживался въ Шадринскую управительскую канцелярію и Окуневскаго дистрикта командпру ордеры посылать, написывая въ оныхъ ордерахъ, что онъ присланъ для нѣкотораго секретнаго дѣла; чинилъ той канцеляріи и командиру Колякину угрозы, а тѣхъ крестьянъ Масленскихъ къ присягѣ приводилъ,—видя оное тѣ крестьяне въ такую увѣренность пришли, что уже командиромъ его почитали и были предѣ нимъ въ подобострастіи; какъ же онъ еще въ Троицкой крѣпости содержался, то Исецкой же провинціи Будкинской слободы государственные крестьяне (которые его Каменьщикова просили, чтобъ онъ по окончаніи объ немъ слѣдствія за нихъ крестьянъ въ отплату у нихъ Татарами земли и прочаго постарался) прислали денегъ сто двадцать, да еще обѣщали двѣсти рублей, и такъ онъ по учиненіи вышеозначеннаго злоумышленнаго крестьянамъ возмущенія, взявъ жену свою Василису Лукьянову и крестьянъ, а именно: Масленскаго острога Егора Прокофьева, да Кирплу Шпряева, Буд^{25*}

кпнскоя слободы Семена, да Никиту Тельминовыхъ поѣхалъ въ С.-Петербургъ, и будучи по пути въ Казанскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Починковъ, въ день апостоловъ Петра и Павла изъ ружья палилъ, а при выходѣ изъ церкви людей считать приказывалъ, и взявъ случившагося въ оной деревнѣ морскаго флота отставнаго капитана Ѳедора Арпстова двороваго человѣка Ѳедора Андреева, обѣщая его представить Ея Императорскому Величеству за его Андреева объявленіе, будто бы его Каменьщикова тамошніе помѣщики, въ томъ числѣ и Арпстовъ, намѣрились убить; ѣдучи же бралъ онъ Каменьщиковъ подводы и проводниковъ. называясь также курьеромъ, а иногда вахмистромъ Бахметьевымъ. И какъ всѣ они до С.-Петербурга доѣхали, то Никитъ Тельминовъ, явись въ главной полицеймейстерской канцеляріи, о немъ Каменьщиковъ учинилъ доносъ, который за то отъ государственной штатъ-конторы въ силу указа правительствующаго сената награжденіе получилъ и отпущенъ въ домъ; помянутый же злоумышленный возмутитель Каменьщиковъ съ женою и крестьяне Прокофьевъ, Шириевъ, Тельминовъ, да дворовый человѣкъ Андреевъ, при указѣ изъ правительствующаго сената сего года марта 8-го числа сюда присланы, и велѣно Оренбургской губернской канцеляріи, приложенные при томъ указѣ, учиненные въ правительствующемъ сенатѣ Каменьщикову съ товарищами допросы, а главной полицеймейстерской канцеляріи допросы и изъ оныхъ экстрактъ, и взятыя изъ нихъ у Каменьщикова разныя письма разсмотрѣвъ, буде сверхъ изображеннаго въ томъ указѣ еще не обажется ли, въ такомъ случаѣ слѣдствіе произвести и окончить указнымъ порядкомъ и поступить съ нимъ Каменьщиковымъ, яко съ злоумышленнымъ преступникомъ и возмутителемъ, такожъ и съ прочими сообщниками, на основаніи законовъ безъ наималѣйшаго упущенія, и что учинено будетъ, въ правительствующій сенатъ рапортовать. Указами же изъ государственной штатъ-конторы сего года февраля, первымъ отъ 22-го, вторымъ отъ 27-го, здѣсь полученными марта 20-го числа, дано знати, что выдано отъ оной штатъ-конторы сенатской роты унтеръ-офицеру Льву Горемыкину, который помянутыхъ Каменьщикова съ товарищами сюда привезъ, на платежъ прогоновъ осмнадцать рублей семьдесятъ семь коп., да на отправленіе оныхъ Каменьщикова съ товарищами, на платежъ за шесть подводъ прогоновъ пятьдесятъ шесть руб. тридцать одна коп., и велѣно, какъ оныя, такъ и крестьянину Тельминову въ награжденіе выданные пятьдесятъ, всего сто двадцать пять руб. восемьдесятъ коп., взыскать съ показан-

ныхъ съ Каменьщикова и сообщниковъ его, кто вповными окажут-
ся, и записать въ приходъ съ подлежащими до штатъ-конторы до-
ходами и въ государственную штатъ-контору рапортовать. По силѣ
тѣхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, въ Оренбургскую
губернскую канцелярію присланные изъ правительствующаго се-
ната допросы, экстрактъ и другія письма рассмотрѣны; но какъ
по тѣмъ допросамъ и распросамъ о прямомъ его Каменьщиковѣ
злумышленномъ намѣреніи ничего не открыто, а по производству
въ Оренбургской губернской канцеляріи оказалось, что какъ для
поимки его Каменьщикова ѣздилъ комиссаръ Калининъ, то слы-
шалъ отъ крестьянъ, что онъ Каменьщиковъ о себѣ много страш-
наго распространялъ, а сверхъ того, чиненъ былъ для него сборъ
по шести коп., да для находившагося при немъ крестьянина Се-
мена Косенко по одной копѣйкѣ съ души, того ради въ Оренбург-
ской губернской канцеляріи разсуждено и посланнымъ въ Исецкую
провинціальную канцелярію указомъ опредѣлено: изъ содержащихся
въ оной провинціальной канцеляріи вышеупомянутаго Камень-
щикова сообщниковъ, которые изъ нихъ ему Каменьщику известны
были и въ согласію склонность больше имѣли, допросить ка-
кое дѣйствительно отъ него Каменьщикова означеннымъ крестья-
намъ возмущеніе и о себѣ важное, какъ выше значится, многостраш-
ное изъясненіе происходило, въ какой силѣ тѣмъ крестьянамъ
присягу чинилъ, — почему учиненное содержащимся въ поминутой
Исецкой канцеляріи колодникамъ четыремъ человѣкамъ допросы
въ Оренбургскую губернскую канцелярію присланы, изъ которыхъ
подъячій Козьма Мерзляковъ показалъ: Упомянутый де Камень-
щиковъ, во время содержанія въ Троицкой крѣпости подъ карау-
ломъ, показывалъ ему Мерзлякову печатный указъ, якобы на имя
его Каменьщикова присланный съ титуломъ императора Петра
Третьяго, и притомъ де, да и во многія времена какъ онъ, такъ
и плотникъ Оренбургскаго полка Петръ Долгихъ, у котораго онъ
Каменьщиковъ квартиру имѣлъ, увѣрили, что де онъ бывшій импе-
раторъ въ живѣ и неоднократно де въ Троицкую крѣпость обще
съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и бывшимъ въ Орен-
бургской губерніи губернаторомъ Волковымъ пріѣзжали для раз-
вѣдыванія о народныхъ обидахъ въ ночныя времена, — на кото-
рыхъ де онъ Каменьщиковъ надежду имѣеть. Противъ чего Дол-
гихъ показалъ, что онъ подъячему Мерзлякову такіа рѣчи гово-
рилъ, слыша отъ Каменьщикова, понеже изъ присланныхъ изъ
правительствующаго сената взятыхъ у означеннаго злодѣя писемъ

оказалось два печатныхъ указа съ титуломъ бывшаго императора Петра Третьяго, изъ которыхъ одинъ, состоявшійся въ 25-го декабря 1761 года, о кончинѣ блаженной и вѣчной славы достойной памяти великой государыни императрицы Елисаветы Петровны и о учиненіи присяги императору Петру Третьему. Какъ изъ показанія помянутаго злодѣя Каменьщикова видно, что онъ Масленскихъ крестьянъ къ присягѣ приводилъ, то по отважнымъ его злодѣйскимъ поступкамъ и потому паче, когда бывшаго императора Петра Третьяго въ живѣ почталь, мнилось губернской канцеляріи, не въ томъ ли присягу чинилъ, но по заперательству и по прѣмѣченной въ его показаніяхъ по множайшимъ увѣщаніямъ точной несправедливости инаково обойдтись истинной правды, яко о самой великой важности доискаться было не можно, какъ принуждено Оренбургской губернской канцеляріи къ пыткамъ приступитъ, но онъ утвердился на учиненныхъ ему въ правительствующемъ сенатѣ допросѣ и въ главной полицейской канцеляріи распросѣ, а притомъ показалъ: о бывшемъ де императорѣ Петрѣ Третьемъ, что онъ въ живѣ, плотнику Долгихъ и подъячему Мерзлякову проговаривалъ по увѣренію Чебаркульской крѣпости казака Конона Бѣлянина, который де сказывалъ, что онъ ѣздилъ съ генераломъ Волковымъ въ образѣ скрытномъ, и хотя де онъ Каменьщиковъ тому было и повѣрилъ, но какъ увѣдомился, что оный казакъ Бѣлянинъ за такое затѣйное произношеніе высѣченъ плетью, то уже вѣрить не сталъ; а къ присягѣ де приводилъ Масленскаго острога крестьянъ только въ томъ, всѣ ли они къ податѣ на обдѣлчиковъ челобитныхъ согласны; но сбору де съ нихъ для него не было; а ордера де посылалъ съ угрозами для того, чтобъ не могли о немъ дознаться и поймать, а иногда де умыслу и никакой надежды ни на кого не имѣлъ; въ С.-Петербургѣ ѣздилъ съ тѣмъ, чтобы просить въ показанныхъ ему отъ казачьихъ старшинъ обидяхъ; но какъ означенные присланные сюда съ нимъ крестьяне и дворовый человѣкъ Андреевъ введены были въ то мѣсто, гдѣ ему Каменьщикову розыскъ былъ чиненъ и сирашиваны подробно, то утвердились на учиненныхъ въ правительствующемъ сенатѣ допросахъ и въ главной полицеймейстерской канцеляріи распросахъ, только изъ нихъ Андреевъ выговаривалъ, что онъ Каменьщиковъ, ѣдучи къ Петербургу, назывался полковникомъ, а по выслугѣ генераломъ; въ чемъ онъ Каменьщиковъ въ первыхъ заперался, а напоследокъ признался. И хотя о томъ, чтобъ онъ Каменьщиковъ какое зло обществу вышеозначеннымъ крестьянамъ собраніемъ

сдѣлать намѣрялся, точности не открылось, а болѣе доходить чѣмъ не осталось; по всѣмъ обстоятельствамъ сего слѣдствія приимчается, что не просто то собраніе чинилъ. Что же до содержащихся въ Оренбургской губернской и Исецкой провинціальной канцеляріяхъ по сему слѣдствію колодниковъ надлежитъ, то они въ слѣдующемъ оказались, а именно: здѣшніе—Егоръ Прокофьевъ, Кпріла Ширяевъ и Ѳедоръ Андреевъ въ томъ, хотя они прежде и не знали, но на послѣдокъ дѣйствительно увѣдавъ, что вышеупоминаемый Каменьщиковъ подозрительный, особливо жъ Семепъ Тельминовъ, точно зная, что онъ бѣглый казакъ, въ надлежащемъ мѣстѣ не объявилъ; но чтобъ они однако жъ какое въ его злоумышленномъ предпріятіи согласіе имѣли, въ томъ не признался, такъ и онъ Каменьщиковъ ни въ главной полпцейской канцеляріи распросавъ, ни здѣсь съ пытками не показалъ, а утвердился, что изъ нихъ Ширяевъ и Прокофьевъ даны были ему Каменьщикову отъ міру для препровожденія его до Долматова монастыря; но онъ Каменьщиковъ взялъ ихъ до Петербурга по неволѣ, а Тельминовъ, хотя также охоты на послѣдокъ не имѣлъ, но прежде какъ онъ съ прочими отъ міру выбранъ былъ и ѣхать съ просьбою на Татаръ въ отнятіи имп. Будкинской слободы у крестьянъ земель хотѣлъ, почему уже Каменьщиковымъ и взять; а содержащіяся въ Исецкой провинціальной канцеляріи, а именно: писарь Мерзляковъ, вѣдая дѣйствительно, что означенный Каменьщиковъ бѣглый казакъ, писалъ отъ него Каменьщикова, именуя сенатскимъ курьеромъ, присланнымъ по именному Ея Императорскаго Величества указу ордера, и не только о немъ, но о важно произносимыхъ имъ словахъ нигдѣ не доносилъ, почему видно, что во всѣхъ его Каменьщикова злоумышленныхъ предпріятіяхъ точнымъ согласникомъ былъ; крестьяне Иванъ Шимолитъ, вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый казакъ, въ бытность въ Масленскомъ острогѣ стоялъ у его Каменьщикова квартиры на караулѣ, и какъ его Каменьщикова парочко присланный хотѣлъ поймать, то онъ Шимолитъ ему Каменьщикову, дабы онъ скрылся, сказалъ, но кромѣ того, чтобъ онъ Шимолитъ съ нимъ Каменьщиковымъ какое въ злоумышленномъ замѣреніи согласіе имѣлъ, по слѣдствію не видно; но вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый и вредительный человекъ, закрывалъ, а Сергій Тельминовъ содержится потому, что тотъ злодѣй Каменьщиковъ, стоя на его квартирѣ, посылалъ ордеръ къ командиру Калвинну, чтобъ оному Тельминову никакого притѣсненія ни чинить, но при узнанныхъ ему Каменьщикову здѣсь розыс-

какъ ничего онъ на Тельминова не показалъ, о Ильѣжъ Долгановѣ объявилъ онъ Каменьщикевъ, что его Долганова не знаетъ; а Коельской де крѣпости казакъ хотя съ нимъ Каменьщиковымъ въ согласіи былъ, но будто только въ томъ, чтобъ просить на старшинъ въ обидахъ.

Въ соборномъ уложеніи во 2-й главѣ напечатано въ 18-й статьѣ: „Кто Московскаго государства всякихъ чиновъ люди свѣдаютъ или услышатъ на царское величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой умыселъ, имъ про то извѣщать“. Въ 19-й: „Буде кто, свѣдавъ или услыша на Царское Величество въ какихъ людяхъ скопъ и заговоръ или иной какой умыселъ про то будетъ вѣдомо, что онъ про такое дѣло вѣдалъ, а не извѣстивъ, пзыщется до прями, его казнить смертію безъ всякой пощады“. Въ воинскомъ артикулѣ напечатано, 16-я глава, въ 127 артикулѣ: „Кто какую взмѣну или сему подобное учинитъ намѣрится, и хотя онъ сіе къ дѣйству не произведетъ, однакожъ имѣеть по состоянію дѣла и признанію высокимъ наказаніемъ наказанъ быть, якобы за произведенное самое дѣйство“. 17-й главы въ 133-мъ артикулѣ: „Всѣ непристойныя подозрительныя сходбища и собранія, хотя для совѣтовъ какихъ-нибудь (хотя и не для зла), или челобитья, чтобъ общую челобитную писать, чрезъ что возмущеніе или бунтъ можетъ сочиниться, чрезъ сей артикулъ имѣеть быть весьма запрещены; ежели кто въ семъ дѣлѣ преступитъ, то зачинщикевъ безъ всякаго милосердія, не смотря на то, хотя бы онъ въ тому какую и причину имѣли, или нѣтъ, повѣсить; а ежели кому какая нужда битъ челомъ, то позволяется каждому, особенно въ ихъ обидахъ, битъ челомъ, а не обще“. Въ 135-мъ: „Никто бъ ниже словомъ или дѣломъ или письмами самъ собою, или чрезъ другихъ къ бунту и возмущенію или иное что учинитъ причины не давалъ, изъ чего бы могъ бунтъ произойти; ежели кто противъ сего поступитъ, онъ по розыску дѣла живота лишится, или тѣлесно наказанъ будетъ“. Въ 137-мъ: „Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣеть быть всѣмълицею наказано“. Въ толкованіи къ сему артикулу: „Въ возмущеніи надлежитъ винныхъ на мѣстѣ и въ дѣлѣ самомъ наказать и умертвить, а особливо ежели опасность въ немедленіи есть, дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать (пока не расширится) и болѣе не умножилось“. Въ указѣ, состоявшемся въ 1727 году генваря въ 30-й день, напечатано: „Понеже въ разныхъ городахъ, въ уѣздахъ, въ селахъ и въ деревняхъ являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ, за что онымъ по указамъ чинена смерт-

ная казнь, а прочтя по милосердымъ Ихъ Величества указамъ чинено жь наказаніе и ссылка въ каторжную работу, а потомъ та-
кіе жь злодѣи не взирая на оное Ихъ Величества милосердіе за-
бывъ страхъ Божій и прязную должность, являются въ такихъ же
непристойныхъ и противныхъ словахъ; того ради, Ея Император-
ское Величество указала, ежели съ сего указа впредь кто бь како-
го званія ни былъ, явится въ такихъ непристойныхъ и противныхъ
словахъ, по извѣтамъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ
изоблечены, и хотя стануть показывать отговоркою, яко бы они
тѣ непристойныя и противныя слова говорили проста или съ пьян-
ства, таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ
отговорки, учинена будетъ смертная казнь“.

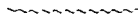
И хотя по важности вышеписанныхъ казака Каменьщикова зло-
дѣйства, а пнсаря Мерзлякова сотоварищества, по силѣ вышеозначен-
ныхъ законовъ, по мнѣнію Оренбургской губернской канцеляріи над-
лежить учинить смертную казнь — повѣсить; но ниже изображенными
пзъ правительствующаго сената повелѣно: 1) Отъ 17-го мая 1744 г.:
пзъ всѣхъ коллегій, канцелярій, провинцій и командъ осужденныхъ
къ смертной казни и политической смерти колоднцахъ, за что
опые осуждены будутъ для лучшаго усмотрѣнія присылать въ пра-
вительствующій сенатъ о винахъ ихъ обстоятельныя и перечпемы
выписки, а до полученія на то указовъ экзекуціи не чинить. 2) Отъ
18-го іюня 1753 года: которые колодники по силѣ указовъ осуждены
будутъ къ натуральной и политической смерти и къ вѣчной ссыл-
кѣ, оныхъ по силѣ посланныхъ указовъ посылать въ Рогервикъ въ
работу, а въ Сибирской, Астраханской и Оренбургской губерніяхъ
употреблять въ казенныя работы и о винахъ ихъ въ сенатъ при-
сылать экстракты съ мнѣніями, а колодниковъ по тѣмъ дѣламъ
осужденныхъ посылать въ работы, какъ выше сего написано. 3) Отъ
30-го сентября 1754 года: которые колодники къ натуральной и
политической смерти по государственнымъ правамъ и указамъ со-
вершенно подлежатъ, таковыхъ по прежнимъ указамъ той смерт-
ной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чи-
нить, а дабы оныя за долговременнымъ присылаемымъ въ прави-
тельствующій сенатъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ нака-
занія не избывали и изъ ссылки побѣговъ чинить за не постанов-
леніемъ на нихъ знаковъ, укрываясь въ такія же воровства всту-
пать не дерзали при посылѣ ихъ въ тяжчайшую работу въ роге-
викъ и въ прочія по посланнымъ пзъ правительствующаго сената
отъ 18-го іюня 1753 года указамъ опредѣленныя мѣста до размо-

трѣнія, чинить наказанія къ натуральной смертной казни кнутомъ и вырѣзавъ поздри, поставя знаки, а которые осуждены будутъ на полпитическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ съ вырѣзаніемъ поздрей и по учиненіи того наказанія, заклепавъ въ кандалы ссылатъ, въ тяжчайшую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста по прежде посланнымъ указамъ въ правительствующій сенатъ съ показаніемъ ихъ винъ рѣшительныхъ приговоровъ присылать краткіе экстракты. 4) Отъ 17-го октября 1760 года: для лучшаго приумноженія въ Сибіри при Нерчинскихъ серебряныхъ заводахъ работъ и поселеній колодниковъ, кои по кривскрехтамъ, тако жъ и по другимъ дѣламъ подлежатъ въ ссылкѣ въ Рогервикъ и другія повелительныя мѣста оныхъ, какъ мужеска, такъ и женска пола отъ сего времени для помянутой крайней надобности пзъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, не посылая болѣе въ другія мѣста, отправлять прямо въ Сибирскую губернсую канцелярію. Того ради опредѣлено: пзъ онаго дѣла учиня краткій экстрактъ съ объявленіемъ вышенисаннаго мнѣнія, послать въ правительствующій сенатъ во второй департаментъ при доношеніи на разсмотрѣніе; а между тѣмъ пзъ нихъ Каменьщикову учинить жестокое наказаніе кнутомъ, и вырѣзавъ поздръ и поставя на лбу и на щекахъ указные знаки, отослать въ Сибірѣ на Нерчинскіе заводы скованнаго въ тяжчайшую работу вѣчно. А что принадлежатъ до прочихъ, то крестьяне Семень Тельминовъ, Егоръ Прокофьевъ и Кирила Ширяевъ за доносъ о немъ Каменьщиковѣ, хотя не меньше такого, какъ и онъ Каменьщиковъ, наказанія заслужили, но что онъ въ его Каменьщикова злоумышленномъ предпріятіи согласія не имѣли, для того учинить имъ наказаніе, а именно: Тельминова за то, что онъ дѣйствительно вѣдалъ, что Каменьщиковъ бѣглый казакъ, бить кнутомъ, а Прокофьева и Ширяева, хотя онъ объ ономъ не знали, но напоследокъ будучи въ Петербургѣ вѣдалъ, что подозрительный человекъ, а не донесли, дабы они впредь были въ такихъ случаяхъ осторожными плетымъ, и давъ имъ, также и женѣ означеннаго Каменьщикова, до которой ничего не касается, ежели она съ нимъ Каменьщиковымъ въ Нерчинскѣ ѣхать не пожелаетъ, паспорта, отпустить въ дома; а Федора Андреева, который хотя съ злодѣемъ Каменьщиковымъ много общества не имѣлъ, но также доносу объ немъ не учинилъ, что онъ какъ самъ допросомъ показалъ, уже кнутомъ наказанный, высѣчь кнутомъ же, и въ силѣ состоявшагося въ прошломъ 1763 году ноября 9-го числа указа, отослать для употребленія съ произвожде-

ніемъ одежды съ обувью, заработныхъ денегъ и провіанта, въ казенную работу въ контору строеній при указѣ, а въ Казанскую губернскую канцелярію о объявленіи помѣщику капитану Аристову промеморією писать, въ Исецкую жь провинціальную канцелярію послать указъ, велѣть пзъ содержащихся въ оной по сему слѣдствію колодниковъ, а именно: писаря Мерзлякова, который, какъ выше значить, о злоумышленномъ Каменьщиковымъ намѣреніи зналъ и не только не доносилъ, но еще и вспомогалъ, высѣчь наижесточайше кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри и поставя на лбу и на щекахъ знаки, отослать для употребленія въ казенныя работы вѣчно на Нерчинскіе заводы; крестьянъ Ивана Шимолпина, который хотя съ вышеписаннымъ Каменьщиковымъ никакого совѣта не имѣлъ, но вѣдая, что онъ Каменьщиковъ бѣглый казакъ, отъ нарочно посланныхъ за нимъ скрылъ; Сергѣя Тельминова и казака Никифора Корякова. пзъ которыхъ у перваго означенный Каменьщиковъ квартиру имѣлъ, слѣдственно онъ Тельминовъ и о зломъ его Каменьщикова предпріятіи зналъ, а Коряковъ конечно въ такомъ же съ нимъ злоумышленномъ намѣреніи согласникомъ былъ, но хотя самой важности въ нихъ по неоткрытію Каменьщиковымъ не видно, однако же, дабы впредь имъ и на оное смотря другимъ, не точію съ таковыми какъ Каменьщиковъ, но кто бъ ни былъ въ противныхъ указамъ случаяхъ сообщенія имѣть и помогать не отваживались. учинить жестокое наказаніе кнутомъ, и какъ ихъ Шимолпина, Тельминова и Корякова на добрыя порукы, такъ и крестьянина Илью Долганова, до котораго по слѣдствію ничего не коснулось, пзъ-подъ караула освободить и во всемъ Исецкой провинціи вѣдомствѣ, а особливо въ тѣхъ мѣстахъ, въ конхъ противные указамъ сборщики были, распубликовать съ наивѣрчайшимъ подтвержденіемъ, чтобъ впредь на такія сборщица и затѣвательства отнюдь никто не отваживался подъ опасеніемъ таковымъ подобнымъ вышеписанному Каменьщикову плутамъ наижесточайшаго петязанія и ссылки въ Нерчинскъ; по исполненіи въ Оренбургскую губернскую канцелярію рапортовать; вмѣсто жь вышеписанныхъ отъ государственной штатъ-конторы крестьянину Никитѣ Тельминову за доносъ. также и въ прогоны выданныхъ ста двадцати пяти руб. тридцати одной коп. на толикое же число изъ описанной у означенныхъ злоумышленнаго преступника Каменьщикова, также у крестьянъ Ивана Шимолпина, Семена и Сергѣя Тельминовыхъ, Прокофьева и Ширяева и казака Корякова, а буде чего не достанетъ, то и у тѣхъ, кои по сему слѣдствію въ той Исецкой провинціальной канцеляріи со-

держался, хотя уже до сего освобождены, но виною состояли, пожитки распродавъ и тѣ деньги для записки въ приходъ въ подлежащую сумму прислать въ Оренбургскую губернскую канцелярію немедленно. Что же до плотника Петра Долгихъ надлежитъ, то, какъ выше значить, онъ не только о производимыхъ важныхъ словахъ не доносилъ, но еще и самъ тоже разглашалъ и увѣрялъ, чѣмъ онъ подвергъ себя къ таковой же казни, какова Каменьщикову и Мерзлякову положена, того ради къ генераль-поручику и кавалеру Мельгунову прѣмеморією писать и требовать дабы съ нимъ Петромъ Долгихъ учинено было по воинскимъ регуламъ, и что учинено будетъ, о томъ бы благоволено было Оренбургскую губернскую канцелярію увѣдомить, съ сего жъ опредѣленія въ правительствующій сенатъ въ первый департаментъ копію при рапортѣ послать, а въ государственную штатсъ-контору о опредѣленномъ Исецкой провинціальной канцеляріи исполненіи рапортовать; имѣющую же въ Оренбургской губернской канцеляріи при означенномъ слѣдствіи бѣлую гербовую четырехкопѣчную бумагу, взятую у упоминаемаго злодѣя Каменьщикова, пять листовъ, отдать въ казначейскую контору при указѣ и велѣть, продавъ ее, деньги съ прочими за гербовую бумагу собранными въ приходъ записать.

Подлинную подписали: Князь Аврамъ Путятинъ.—Никита Муравьевъ.—Леонтій Арнаутовъ.—Секретарь Семень Кисленской.

КАРРИКАТУРА Г. И. СКОРОДУМОВА.

До сихъ поръ мы не имѣемъ еще исторіи нашей каррикутуры; для нея не собраны даже самые первоначальные матеріалы, и едва ли собранія русскихъ каррикутуръ существуютъ гдѣ-либо, кромѣ Императорской Публичной библіотеки, гдѣ есть богатая коллекція лубочныхъ картинокъ и Теребневскихъ каррикутуръ изъ эпохи 1812 года. Какъ небольшой матеріалъ для исторіи русской каррикутуры — матеріалъ тѣмъ болѣе любопытный, что онъ относится до каррикутуры политической,—приводимъ нижеслѣдующее описаніе, найденное въ одномъ старинномъ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ извѣстному библіографу П. А. Ефремову, у котораго находится и самая каррикутура, писанная въ видѣ картины масляными красками.

Авторъ каррикутуры, Гавріилъ Ивановичъ Скородумовъ (1755—1792 гг.), былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ гравировъ своего времени. Онъ учился сперва въ С. Петербургской академіи художествъ, а потомъ въ Лондонѣ, гдѣ особенно занимался пунктирнымъ гравированіемъ. Умеръ онъ въ Петербургѣ, въ званіи академика и гравера кабинета Ея Величества. Довольно подробная біографія его, съ перечнемъ его работъ, напечатана въ „Смѣхъ Отечества“ 1852 г., кн. 8-я.

Описаніе картины, сдѣланной г. Скородумовымъ на случай бывшаго въ 1791 году критическаго положенія въ Европѣ.

Представлены на столбѣ вѣсы, у которыхъ на одной чашкѣ стоитъ російскій гранадеръ съ обнаженною саблею, съ надписью: „одинъ да грузенъ“, а подъ чашкою распрестертый Турокъ, съ над-

писью: „*помогите*“; означаютъ могущество Россіи надъ симъ врагомъ имени христіанскаго, побѣдамъ на сушѣ и на морѣ, въ Европѣ и Азіи, а послѣднее—прошеніе имъ помощи отъ прочихъ европейскихъ державъ.

Съ другой стороны—на вѣсовомъ коромыслѣ висящій Англичанинъ съ надписью: „*натягиваю*“; потомъ Голландецъ, накладывая мѣшки червонныхъ на другую чашку, спрашиваетъ у стоящаго на ней Пруссака: „*довольно ли?*“ который стоящему въ близости Поляку, указывая шпагою, говоритъ: „*добавьте городами*“; означаетъ заключенный трактатъ между сими державами противъ Россіи и желаніе Прусскаго короля завладѣть Данцигомъ. Полякъ, кланяясь съ надписью: „*слуга покорный!*“ означаетъ непостоянныя мысли Польши, которая съ одной стороны грозила Россіи войною, а съ другой жалѣеть отдать Пруссіи Данцигъ.

У вѣсоваго столба стоитъ, поджавши руки, Датчанинъ съ надписью: „*не знаю что дѣлать*“; изображаетъ истинное положеніе Дании, которая, при случаѣ объявленія Швеціею Россіи войны, по трактату должна была дать вспоможеніе, но устрешенная Англіею, оставила свое предпріятіе. Стоящій на колѣнѣхъ съ перомъ и бумагою Цесарецъ, съ надписью: „*писать вораздъ*“, изображаетъ, что Австрія болѣе говорила, нежели сдѣлала, чему наиболѣе причиною смерть императора Іосифа II. Стоящій на вѣсахъ вмѣсто стрѣлки Шведъ съ надписью: „*кто больше дастъ?*“ представляетъ живой характеръ покойнаго Густава III, который, будучи подкупленъ Туркамъ, объявилъ войну Россіи.

ПРОПОВѢДНИКЪ ТОВОЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ВЪ 1793—1794 ГОДАХЪ.

(Материалы для біографіи П. А. Словцова).

Петръ Андреевичъ Соловцовъ, Тобольскій уроженецъ, былъ соученикомъ и другомъ Сперанскаго по Александро-Невской семинаріи. По окончаніи здѣсь курса онъ былъ посланъ профессоромъ философіи въ Тобольскъ, гдѣ и послѣдовало съ нимъ происшествіе, разъясненное нпжеслѣдующими документами. Позволяемъ себѣ думать, что въ данномъ случаѣ Соловцовъ, при всѣхъ своихъ талантахъ и образованіи, не столько проявился вольнодумцемъ, сколько былъ жертвою привычки къ риторическому краснорѣчію, которая была имъ приобрѣтена въ семинаріи. Въ послѣдствіи онъ служилъ въ гражданской службѣ, состоялъ визитаторомъ учебныхъ заведеній въ Сибири и умеръ въ 1843 году. Соловцовъ занимался литературой и между прочимъ написалъ книгу: „Историческое обозрѣніе Сибири“.

I.

**Письмо Тобольскаго губернатора Алябьева къ генераль-прокурору
А. Н. Самойлову.**

Милостивый государь Александръ Николаевичъ!

10-го числа ноября по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества, я, бывъ въ соборѣ здѣшняго города, слышалъ проповѣдь, скazyваемую Тобольской семинаріи учителемъ философіи Словцовымъ, который года два тому назадъ присланъ по окончаніи наукъ изъ Петербурга въ сію семинарію. Въ оной проповѣди, не взирая, что не всѣ слова по положенію мѣста были мнѣ внятно слышны, а равно и по крѣпости моего слуха, не смотря и на то, что слогъ проповѣди былъ довольно запутанъ, я чаялъ замѣтить нѣчто не позволительное; но зная,

что одно слово не дослышанное или пропущенное можетъ иногда переимѣнить совершенно смыслъ всей рѣчи, а почель за немнуге-мость видѣть ту проповѣдь письменную, дабы судить объ ней безошибочно. Но чтобъ, стремительно поступя въ такомъ нѣжномъ дѣлѣ и потребуя копіи проповѣди прямо отъ себя, не подать какого сомнѣнія, а тѣмъ самымъ и не дать бы способа къ закрытію истины, я принужденнымъ нашолся препоручить тайно достать себѣ ту копію. Получа жъ наконецъ оную, я усмотрѣлъ въ ней многое, по повятію моему, противное высшей власти и не позволительное говорить вѣрноподданному Ея Императорскаго Величества; а потому и счелъ долгомъ донести о семъ вашему высокопревосходительству и господину правящему должностъ генераль-губернатора, который, съ 29-го ноября изволилъ отправиться въ Петербургъ, а притомъ счелъ за нужное на проницательное благоразсмотрѣніе вашего высокопревосходительства препроводить списокъ съ самой проповѣди и ожидать повелѣнія—какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступать приказано будетъ. Хотя жъ, кромѣ сей не позволенной, по мнѣнію моему, проповѣди, я до сего времени ничего противнаго спокойствію объ немъ Словцовѣ не провѣдалъ; однакожъ усугублю мон на то старанія и приложу всевозможное попеченіе развѣдать тайно—не имѣлъ ли онъ какого скрытаго и не позволеннаго съ кѣмъ-либо сообщества, и не ведетъ ли таковой же переписки, и ежели узнаю что подобное, то не премину донести. В ожиданіи жъ на теперешнее мое донесеніе разрѣшенія, я воздержусь отъ всякаго рода открытаго дѣйствія, развѣ по необходимости буду вынужденъ къ тому какимъ-либо дерзновѣйшимъ или явнѣйшимъ его Словцова поступкомъ, или узнаю достовѣрно, что-либо требующее употребленія власти къ прекращенію.

Съ достоюлжнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь именоваться, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Алябевъ.

10-го декабря 1793 года.

Тобольскъ.

Поученіе, говоренное при случаѣ торжества о бракосочетаніи князя Александра Павловича съ Елисаветою Алексѣевною, княжною Баденскою.

Паки стекаемся во храмъ соединить желаніе. Паки приемлемъ отъ престола новый даръ и новое утѣшеніе. Россы, благословляйте свою монархиню, благословляйте высокую чету!

Государя чувствительнаго, подъ рукою боего не считалъ народъ своихъ вздоховъ, можно почтить пменемъ премудраго, но еще не именемъ благополучнаго. Рѣдкій пользуется послѣднимъ наименованіемъ. Не взирая на его услуги, на его планы, оставленные въ наслѣдіе, надобно, чтобъ онъ умѣлъ пережить свою кончину, чтобъ онъ умѣлъ царствовать изъ гроба надъ потомками, я хочу сказать, чтобъ изъ рукъ преемника не палъ скипетръ. Какія убо находимъ обязательства благодарить монархиню, соотвѣтственно ея достоинію? Какія радостныя представляются прозрѣнія въ очахъ Россіи? Все предзнаменуетъ наше блаженство!

Но забывая сіи надежды и какъ бы самихъ себя, разсудимъ вообще о признакахъ народнаго счастья.

Тишина народная есть молчаніе принужденное, продолжающееся до толѣ, пока неудовольствіе, постепенно раздражая общественное терпѣніе, наконецъ не прерветъ онаго. Если не всѣ граждане поставлены въ однихъ и тѣхъ же законахъ, если въ рукахъ одной части захвачены преимущества, отпчія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ или одни несчастія—то тамъ спокойствіе, которое считаютъ залогомъ общаго счастья, есть глубокой вздохъ, данный народу тяжелымъ ударомъ; то спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія, но отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина. Еще прибавимъ, что цѣлмый народъ псконип не былъ ни въ чемъ единодушень, развѣ въ суевѣріи и заблужденіяхъ политическыхъ. И такъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значать таковыя монархіи? Это великія гробницы, замыкающія въ себѣ несчастныя стеляющіе трупы; и троны ихъ—это пышныя надгробія, тяжело гнетущія оныя гробницы. Народы злополучны!

Но почто бы, собравшись къ подножію престола, не молить пмъ почпвающаго тамъ божества? Почто бы, повергнувшись тамъ, не лежать, доболѣ ихъ оракуль не отдастъ просимаго отвѣта? И почто бы съ ихъ жалобами не смѣшать горестныхъ слезъ? Но монархи ихъ не слышать... Блаженъ убо, кто живетъ подъ скипетромъ отеческимъ.

Гремѣтъ побѣдами въ чужихъ странахъ или стѣснять власть народовъ далѣе славы ихъ и расширять славу свою далѣе власти своей—всегда почитается путемъ къ счастью народному. Но все. Хотя сія измѣна усладительна честолюбію народа торжествующаго, но она столь же далека, чтобъ предзнаменовать возвышеніе сему, сколь близко сопряжена съ паденіемъ другого. Могущество

И отдѣль.

монархіи есть коварное орудіе, истощающее оную; и можно утверждать, что самая величественная для нее эпоха всегда бывает роковою годиною. Римъ гордый, Римъ, воспитанный кровію цѣлыхъ народовъ, готовился уже раздавить почти вселенную, но что жь?... Оплачемъ надмѣнную его политку. Онъ испалъ подъ собственною тягостію въ то время, какъ наиболѣе дышалъ сплю и страхомъ. Есть мѣры, далѣе коихъ не дерзаетъ преступить счастье народовъ. И къ чему толкая слава, когда съ умноженіемъ оныя возрастали на него злоба и мщеніе? Къ чему трофей, когда омочены онъ слезами народовъ? Къ чему короны, сорванныя съ неприкосновенныхъ главъ? Къ чему опѣ? Но что вопрошаемъ причины, гдѣ честолюбіе коварствуетъ. Здѣсь долженствовала бы всплыть вся желчь противъ ненавистнаго оружія, но подвиги почтенныхъ героевъ ожидаютъ благороднаго голоса.

Не заключайте, чтобы церковь роптала противу спихъ покровителей отечества! Нѣтъ, она окровавленнымъ ихъ тѣнямъ приноситъ жертвы куренія и чтитъ воинскій мечъ, какъ спасенія орудіе. Зная, что воинъ есть купѣ гражданинъ, она заповѣдуетъ токмо сіе, чтобы герой, усиленный подъ гордымъ лаврами, не презрѣлъ должности великой, чтобы при его величии и украшеніяхъ не вмѣнилъ въ обиду прославлять вѣру христіанскую. Обыкновенное у насъ противорѣчіе, чтобы возвысился по одной линіи къ славѣ, по другой—обратно упасть.

Колькратно твердили, что вѣра рѣшитъ судьбу цѣлыхъ государствъ! Колькратно обѣщали свыше благословеніе на тѣхъ, коихъ бы душа была душа евангельская! Но Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся (Исаія, гл. 49, ст. 2). Можетъ быть, это одна несчастная истина, которой важность наиболѣе проповѣдава, и которой слухомъ наименѣе тронуты. Такъ и быть, видно, бѣдному созданію опредѣлено скитаться въ мракахъ. Да, вольнодумецъ хвалится быть наилучшимъ подданнымъ, выставляеть свою любовь къ отечеству и вѣрность къ государю. Но вольнодумецъ—человѣкъ, такъ чѣмъ запечатлѣетъ оныя чувства, часто сомнительныя? Носитъ ли онъ въ сердцѣ своемъ залогъ христіанства? Блюдетъ ли клятву сіе свидѣтельство отъ вѣры? Простимъ сему поддѣлывающемуся патриоту и поставимъ на мѣсто его христіанина. Сей наученъ высокимъ и благоговѣйнымъ мыслимъ о властяхъ, лучше всѣхъ знаетъ счастливую науку повноваться. Вмѣсто того, чтобы назначать себя между народомъ и государемъ, онъ назначаетъ государя между народомъ и Божествомъ; законъ

верховный для его есть слово Вышняго, вздревле вѣщающаго при алтаряхъ монаршихъ. Его собственность есть собственность отечества, и жизнь его есть дань престолу. Монархи, познайте подданнаго вашего въ христіаннѣ!

Но не утаимъ здѣсь, какъ безъ примѣчанія его обходятъ при обстоятельствахъ предпочтенія, какъ оставляютъ его, когда должно призывать на степени и достоинства! Таковыя противорѣчія, конечно, жестоки. Пускай между тѣмъ увѣряютъ, что добродѣтель не останется безъ награжденія; пускай ласкаютъ добродѣтели: но что въ томъ пользы, когда добродѣтельному осталось вздыхать?

II.

Памятная записка

Тобольскій губернаторъ Алябьевъ при письмѣ въ генераль-прокурору прислалъ проповѣдь, говоренную 10-го числа ноября прошедшаго года, по случаю торжественнаго молебствія о бракосочетаніи Его Императорскаго Высочества въ соборѣ города Тобольска тамошней семинаріи философіи учителемъ Словоцкимъ, о которой онъ пишетъ, что хотя по положенію мѣста и по крѣпости его слуха не все могъ онъ слышать, однакожь примѣтилъ нѣчто непозволительное, а доставши непримѣтнымъ образомъ копію съ оной проповѣди, усмотрѣлъ въ ней многое по разсужденію его противное вышней власти и непозволительное говорить въриподданному Ея Императорскаго Величества.

Генераль-прокуроръ, прочтя оную проповѣдь, отдалъ г. Шешковскому съ тѣмъ, чтобъ онъ переговарилъ объ ней съ его преосвященствомъ, здѣшнимъ митрополитомъ. Г. Шешковскій, увидѣвши съ его преосвященствомъ 12-го числа сего мѣсяца, сдѣлалъ заключеніе, что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи челоуѣка, то есть, ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ она самая дерзкая и развратительная; на другой же день въ 10 часовъ вечера его преосвященство прислалъ къ г. Шешковскому при письмѣ своемъ письмо жъ, полученное имъ отъ Тобольскаго архіепископа, роднаго брата своего, при коемъ сей архіепископъ, прилагая такую же копію съ проповѣди, пишетъ, что оный Словоцькъ ту проповѣдь говорилъ, но самъ ли онъ по своей глупости, или съ умыслу и по согласію съ другими сочинилъ оную, онъ знать не можетъ и его не спрашивалъ, потому что идетъ еще

тайное о семъ отъ г. губернатора развѣдываніе, но почтаетъ за долгъ увѣдомить только для того, что г. губернаторъ отнесся объ ономъ правящему должностъ генераль-губернатора, генераль-поручику Волкову, и къ генераль-прокурору, — донося притомъ, что сочинитель проповѣди на тотъ день писалъ скороспѣшно, а потому ни ему, ни ректору не казалъ оныя, да и не можно было подозрѣвать его въ таковыхъ сочиненіяхъ даже до сего времени, ибо онъ говорилъ прежде проповѣди безъ всякихъ вредныхъ и соблазнительныхъ мыслей; при ономъ своемъ писемѣ приложилъ цидулку, въ коей пишетъ, что поелуку обѣля въ оный день отправлялась поздно. то оный учитель говорилъ рѣчи въ причастенъ, а потому онъ не слышалъ, да и тихо сказывалъ, а нынѣ онъ болѣе, и какъ думаетъ его преосвященство, что онъ опасается какого ни есть пстязанія; въ сей цидулкѣ оный архіепископъ просить также здѣшняго митрополита. чтобъ находящихся здѣсь въ семинаріи двухъ Тобольскихъ семинаристовъ не обучать французскаго языка, а учить бы ихъ греческаго, потому что въ тамошней семинаріи французскій языкъ не нуженъ.

Его преосвященство здѣшній митрополитъ въ писемѣ своемъ полагаетъ мнѣніемъ онаго проповѣдника взять сюда, а французскій классъ вовсе уничтожить.

•
III.

Извлеченіе изъ допроса П. А. Словцову.

1794 года марта 11-го дня. Присланный отъ Тобольскаго губернатора философіи учитель Словцовъ, сперва преосвященнымъ митрополитомъ Гаврииломъ, потомъ генераль-прокуроромъ, и наконецъ, тайнымъ совѣтникомъ Шешковскимъ спрашиванъ былъ: для чего онъ извѣстную проповѣдь, которая правиламъ не только богословія, но и философіи противна, говорить въ церкви осмѣлился, ибо она наполнена совершенно возмущеніемъ народа противъ правительства, гдѣ напоследокъ читаны были ему говоренныя пять слова, которыя, конечно, не заслуживаютъ о немъ добраго мнѣнія.

Оный Словцовъ болѣе ничего не отвѣчалъ, какъ что сію проповѣдь говорилъ онъ безъ всякаго злаго намѣренія, и что де онъ ни съ вѣмъ о сей проповѣди никогда не совѣтывалъ. И хотя онъ убѣждаемъ былъ разными вопросами, чтобъ признался и открылъ свое сердце, съ какимъ намѣреніемъ повазанныя въ проповѣди

слова говорилъ; но онъ повторялъ тоже, что говорилъ безъ всякаго намѣренія. Послѣ чего сказано ему было: „Ну, если бь кто тебѣ всѣ написанныя въ сей проповѣди возмутительныя выраженія показалъ, то какъ бы ты ихъ почелъ—отъ добраго намѣренія говоренными, или отъ дурнаго?“ На что онъ говорилъ, что „теперь я понимаю, что описанныя въ проповѣди слова достойны осужденія“, и инаково бы онъ не сдѣлалъ заключенія, какъ что говорено было съ дурнымъ намѣреніемъ; но какъ онъ въ душѣ своей тогда никакого дурнаго намѣренія не ощущалъ и такого понятія, какъ теперь онъ имѣетъ, объ оной не воображалъ слѣдовательно, сіе произошло отъ слабости его смысла, однакожь не пзъ злаго намѣренія.

Знакомство онъ имѣлъ въ Тобольскѣ съ учителями нормальныхъ школъ и съ тамошними купцами, но отъ нихъ и ни отъ кого къ такой—„теперь могу сказать“—дурной и не позволенной проповѣди ни совѣтовъ, ни подущенія не имѣлъ.

Найдена между прочихъ его бумагъ, писанная имъ на подобіе какъ бы письма бумага, въ коей также весьма смѣло или дерзко написалъ слова такія: „Монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошенія по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ“...; далѣе жь въ томъ письмѣ объясняетъ дѣла Александра Великаго, гдѣ-и назвалъ его „мнимый великій Александръ“. На сіе онъ сказалъ, что де онъ заготовилъ ту бумагу для учениковъ, чтобъ они, прочтя оную, сдѣлали свои заключенія, а сію де исторію онъ выписалъ пзъ Квинта Курція. На что ему сказано было, что напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху поношеніе, учениковъ своихъ отягощалъ, но онъ на сіе сказалъ: „я де это писалъ будучи больной и хотѣлъ послать въ школу, но не послалъ“.

У подлиннаго показанія по пунктамъ подписано: „Къ сему показанію Петръ Словцовъ руку приложилъ“.

Въ классъ красноречія.

Государь мой!

Монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошенія по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ, я хочу сказать: мнимый великій Александръ, въ продолженіи своихъ завоеваній, иногда опасныхъ для него, почувствовавъ малое облегченіе отъ смертной почти его болѣзни, встрѣченной при сраженіи, опять намѣревается далѣе продолжать ходъ своихъ побѣдъ. Ка-

жется, сей отважный больной уже забылъ прежнюю опасность, когда вбитую въ его тѣло стрѣлу со многими крючками съ медленнымъ мученіемъ вытаскивали, сію критическую минуту, въ которую, при непрерывномъ кровоизліяніи, глаза его покрыты были роковымъ мракомъ, в онъ казался мертвъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что полководцы его послѣ сихъ трагическихъ и плачевныхъ сценъ, равно опасаясь для жизни государя и друга, помышляютъ уговорить его, чтобы оставилъ дальнія предпріятія. Итакъ, государь мой, я васъ спрашиваю: Чѣмъ бы убѣдить его? Чѣмъ сразить непобѣдимое честолюбіе, вооруженное отважностію и ободренное счастіемъ? Какой избрать языкъ, предъ самолюбивымъ, но наконецъ, неудачливимъ побѣдителемъ, предъ тѣмъ, который не столько тронется выгодами вонновъ и прямыми представлеціями, сколько страхами, смутному воображенію еще пзображающимся, и не только страхами, сколько тонкими хвалами, ласкающимъ его виченію? Я забылъ въ началѣ сказать, что онъ намѣревается сразиться съ народомъ неизвѣстнымъ и дивнымъ, послѣ того какъ торжествовалъ надъ славнымъ и сильнымъ Даріемъ. Итакъ, подыщите убѣжденія, которыя бы довольны были заставить государя ограничить его пышныя его затѣи; и это надобно сдѣлать къ нынѣшнему классу. А послѣ приступите къ самой рѣчи. Рѣчь будетъ говорена со стороны одного полководца, который вошелъ о томъ просить въ шатеръ Александра, тогда какъ сей ожидалъ отъ него новостей о непріятелѣ. Сіе обстоятельство не будетъ оставлено отъ искуснаго. Рѣчь должна быть маленькая, ибо подчиненному предъ своимъ обладателемъ и притомъ находящимся въ болѣзни, быть пространну было бы непочтительно и досадно въ разсужденіи особы, къ которой говорить. Прочее оставляю; надѣюсь отъ вашего искусства всего того, что сказала приверженность Кратера къ Александру.

11-го дня декабря.

IV.

Письмо князя А. В. Курякина въ митрополиту Гавріилу.

По теченію дѣлъ тайной экспедиціи нужно имѣть свѣдѣніе о настоящемъ состояніи отданнаго подъ присмотръ вашего высокопреосвященства учителя Словцова. Прося ваше высокопреосвященство таковое свѣдѣніе мнѣ сообщить, впрочемъ съ совершеннымъ почитаніемъ честь имѣю быть князь Алексѣй Курякинъ.

Въ Москвѣ.

30-го марта 1797 года.

V.

Отвѣтъ митрополита Гаврііла.

Сіятельнѣйшій князь Алексѣй Борисовичъ, милостивый государь!

По требованію вашего сіятельства о бывшемъ въ Тобольской семинаріи учятелѣ Словцовѣ имѣю честь допестп, что онъ, со времени присылки его ко мнѣ по нынѣ, живеть честно, скромно; возлагаемша на него по семинаріи должности псправляетъ рачительно; ничего предосудительнаго за нимъ не примѣчено; и какъ онъ подверженъ припадкамъ, желаніе имѣеть быть монахомъ.

Я съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего сіятельства милостиваго государя всеусердамый слуга и богомолецъ Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій.

Марта 31-го дня 1797 г.

VI.

Письмо П. А. Словцова къ князю А. В. Куражину.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, которые дѣлаются извѣстны правительству только по своимъ проступкамъ, осмѣливается вашему сіятельству напомянуть о своемъ жребіи. Погрѣшность, можетъ быть, невинная, и конечно, не умышенная, уже и тѣмъ довольно наказана, что я имѣю сердце и умѣю чувствовать всю тяжесть закона, хотя онъ осуждалъ меня въ понятіяхъ людскихъ, а не въ совѣсти моей.

Сіятельнѣйшій князь! Если наказаніямъ иногда бываетъ мѣра, и если мщеніе закона продолжается не далѣе псправленія, то можетъ быть, не совсѣмъ необходимо навсегда лишитъ меня свободы располагать жизнію. Милостивый государь! Вамъ предоставлено у престола снять съ меня оковы.

Лишеніе мѣста, отсутствіе надеждъ и недостатокъ проспекта заставили меня желать монашескаго состоянія, отъ котораго между тѣмъ отказывалось сердце. Если жъ дѣло моего счастья будетъ перенесено къ суду милосердія, я прошу, именемъ вашей славы, поставитъ меня въ покровительствѣ вашего сіятельства и помѣститъ въ статскую службу. Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! вашего сіятельства преданнѣйшій слуга Петръ Словцовъ.

VII.

Всепоподаянѣйшій докладъ.

Словцовъ, обучася въ Невской семинаріи, былъ посланъ въ Тобольскъ, какъ мѣсто рожденія его, учителемъ философіи и математикъ, гдѣ во время торжества бракосочетанія государя цесаревича говорилъ въ соборной церкви проповѣдь, которую Тобольскій губернаторъ нашель подозрительною. По подозрѣнію сему призванъ онъ былъ въ тайную экспедицію и оттуда отланъ подъ присмотръ и испытаніе Новгородскаго митрополита Гавріила; въ теченіи времени митрополитъ нашель и рапортами неоднократно представлялъ, что Словцовъ какъ въ правилахъ, такъ и въ поведеніи своемъ не представляетъ ему ничего подозрительнаго, и употребль его въ Невской семинаріи къ обученію російскаго краснорѣчія. Находя въ себѣ болѣе ревности къ статской службѣ, нежели склонности къ монашеской жизни, не вступаетъ онъ въ сіе послѣднее званіе, ожидая отъ единаго всемплоствѣйшаго возрѣнія рѣшенія своей судьбы.

На семъ сдѣлана надпись:

Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволплъ: учителя Словцова, отъ настоящаго его положенія освободить и употребить въ гражданскую службу, о чемъ и заготовить къ высочайшему подписанію указъ.

Князь А. Куракинъ.

Іюня 19-го дни 1797 г.

VIII.

Высочайшій указъ.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генераль-прокуроръ князь Куракинъ! Всемплоствѣйше освобождая учителя Словцова отъ настоящаго положенія, повелѣваемъ: употребить его въ гражданскую службу, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

„Павелъ“.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ВОЕННАГО ¹⁾.

1816 годъ ²⁾.

С.-Петербургъ. 17-го іюля. Московскому генераль-губернатору посланъ секретное извѣщеніе, что императоръ прибудетъ въ Москву въ ночь на 14-е или 15-е августа, что онъ приѣдетъ только для того, чтобы присутствовать при церковномъ служеніи 15-го числа, что народъ не долженъ его встрѣчать, и что въѣздъ его долженъ быть подѣ видомъ incognito. Прелественники его въѣзжали въ Москву торжественно, но за то никто изъ нихъ не вступалъ въ Паршжъ. Это соображеніе въ моихъ глазахъ оправдываетъ даже то обстоятельство, что за государемъ слѣдуютъ въ Москву лица, которыхъ народъ не знаетъ или не любитъ, между тѣмъ какъ его должны бы окружать генералы, подвизавшіеся въ народной войнѣ, каковы: Коновницынъ, Раевскій, Ермоловъ, Платовъ, Дохтуровъ. Въ составѣ назначенной имъ свиты недостаетъ только Барклая для полного комплекта лицъ, ненавидимыхъ Русскими.

Царское Село. 9-го августа. Я ѣхалъ въ каретѣ со статскимъ совѣтникомъ К. М. Бороздинымъ, который извѣстенъ своимъ жи-

---

¹⁾ Можно догадываться, что эти записки ведены извѣстнымъ историкомъ нашихъ войнъ въ XIX вѣкѣ, А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ, съ 1815 года состоявшимъ при императорѣ Александрѣ въ званіи флигель-алъютанта, а въ 1824 году находившимся въ должности дежурнаго генерала при главнокомандующемъ графѣ Дибичѣ.

²⁾ Съ 17-го іюля по 2-е августа записки ведены на французскомъ языкѣ.

вописнымъ путешествіемъ по Россіи; онъ провель много лѣтъ въ Польшѣ и былъ посланъ Новосильцовымъ къ государю; при послѣднемъ своемъ представленіи намѣстнику царства, Заіончеку, прель отъѣздомъ изъ Варшавы, Бороздникъ слышалъ отъ него слѣдующія слова: „Партія Чарторыйскихъ похожа на заговоръ, но она не заслуживаетъ этого названія; впрочемъ, скажите Его Величеству, что если не обращать на нее вниманія, она можетъ получить значеніе заговора. Но конечно“, продолжалъ намѣстникъ Александра, котораго народъ почитаетъ, какъ своего благодѣтеля, „ея махинаціи могутъ разразиться не въ его царствованіе, а при его преемникахъ“....

Около 10 часовъ Его Величество семь разъ прошелся мимо нашихъ оконъ.⁸ Лицо его было веселое, взгляды живы; онъ казался довольнымъ. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе смотрю я на этого непонятнаго человѣка, тѣмъ болѣе теряюсь въ своихъ догадкахъ: какъ примприть эту замѣченную мною ясность души со строгимъ распорядженіемъ, только что сдѣланнымъ предъ сплмъ, и о которомъ разсказалъ мнѣ сейчасъ дежурный флигель-адъютантъ.

Новгородъ. 11-го августа. Въ ночь предъ самымъ выѣздомъ изъ Царскаго, императоръ не спалъ. Онъ все время писалъ... На утро князь Волконскій вынесъ мнѣ, для отправки въ Вѣну, два письма, изъ которыхъ одно было на имя фельдмаршала князя Шварценберга, а другое—на имя его брата князя Іосифа. Одновременно съ этими письмами должны быть отправлены четыре гончія собаки, которыя Его Величество посылаетъ въ подарокъ фельдмаршалу.

Тверь. 13-го августа. Я говорплъ съ городскимъ головою и спросилъ его: приготовилъ ли онъ рѣчь для привѣтствія императору, или не будетъ ли онъ спрашивать у него какихъ-либо особыхъ льготъ для города или отмены какихъ-либо запрещеній. „Вы такъ рѣдко имѣете случай обращаться непосредственно къ государю“, прибавилъ я, „что были бы въ правѣ воспользоваться представляющимъ случаемъ“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ голова, „я не буду ему ничего говорить, только попрошу принять хлѣбъ-соль“. „Въ такомъ случаѣ“, подумалъ я, „соотчичи мои достойны того положенія, въ которомъ они находятся“. Послѣ представленія государю, голова съ поспѣшностію приходитъ ко мнѣ спросить: можно ли при проѣздѣ государя, кричать ура и кидать шапки вверхъ. На этотъ вопросъ—въ своемъ родѣ единственный и свидѣтельствующій о заботѣ о народѣ—я отвѣчалъ, что ему должно слѣдовать не совѣ-

тамъ другихъ лицъ, а единственно по побужденіямъ своего сердца.

Москва. 18-го августа. Бѣдность въ Москвѣ ужасна. Коммиссіей, на которую возложена раздача пособій въ 16.000,000 р. пострадавшимъ отъ пожара, не довольны. Народъ толпится при проѣздѣ императора, чтобы подавать ему прошенія; онъ ихъ не принимаетъ, и до сихъ поръ приемъ ихъ не возложенъ еще ни на одного изъ статсъ-секретарей или генераль-адъютантовъ. Каждый изъ нихъ говоритъ, что это не его дѣло. Предосторожности такъ велики, что полиція, зная заранѣе, куда поѣдетъ государь, размѣщаетъ солдатъ и казаковъ на пути его проѣзда, чтобы устранить лицъ, желающихъ подать прошенія...

Любопытно, что въ годовщину Бородинскаго сраженія, когда бы слѣдовало быть торжественной заупокойной литургіи, назначенъ балъ у графини Орловой.

Тула. 1-го сентября. Вечеромъ случилось неприятное происшествіе, которое указало мнѣ на одну любопытную черту для характеристики государя. Около 9 часовъ вечера я пришелъ къ князю Волконскому и засталъ его грустнымъ; на мой вопросъ о причинѣ того, онъ отвѣчалъ, что камердинеръ императора потерялъ второй томъ Библии, которую государь, по обычаю, возитъ всюду съ собою, — въ переводѣ де-Саси. „Ну, бѣда не велика“, отвѣчалъ я, „такъ какъ я, зная, что государь любитъ это изданіе, взялъ еще экземпляръ его“. „Его Величество гнѣвается“, отвѣчалъ князь, „потому что онъ сдѣлалъ много замѣтокъ на поляхъ этой книги. не понимаю я этой небрежности царской прислуги“, продолжалъ князь; „государь имѣетъ обычай, отъѣзжая откуда-нибудь, въ самую минуту отъѣзда, когда всѣ вещи уже уложены въ карету, отдавать Библию въ руки камердинеру и напомнить ему, что онъ долженъ хорошенько беречь“.

Калуга. 2-го сентября. Его Величество остался недоволенъ Тульскимъ оружейнымъ заводомъ: „Это старикъ, вившій въ дѣтство“, сказалъ онъ. Главная причина упадка заключается въ томъ, что нынѣ тамъ дѣлается около 100,000 ружей, тогда какъ прежде дѣлали не болѣе 30,000. Я думаю, что причиною недовольства государя было то, что его предрасположили противъ мастеровыхъ которые подавали прошенія великому князю Николаю Павловичу во время его проѣзда чрезъ Тулу. Мастеровые хотѣли выпрячь лошадей изъ царской коляски и въ это время подать ему свое прошеніе. Генеральъ Вороновъ, начальникъ завода, не умѣетъ ими распорядиться; онъ такъ слабъ, что наканунѣ прибытія государя

онъ собралъ мастеровыхъ и просилъ ихъ прочесть ему ихъ прошение. Рабочіе не согласились; онъ далъ имъ слово, что не будетъ препятствовать подачѣ прошенія и прибавилъ, что если они не вѣрятъ ему, то могутъ его связать.

Житомиръ. 14-го сентября. Государь, по обыкновенію своему съ дамами очень веселъ и разговорчивъ; танцевалъ много и обхожденіемъ своимъ заставлялъ забывать санъ свой. При всей своей веселости примѣтно однакоже, что душа его волнуется, ибо у него вырываются грозные взгляды... Я бывалъ почти безпрестанно съ нимъ въ одной комнатѣ, и невольно глаза мои на него обращались; и видѣлъ въ немъ человѣка, принадлежащаго исторіи, и съ любопытствомъ замѣчалъ каждую его черту... Къ сожалѣнію, настоящее путешествіе не сблизитъ его съ Русскими, потому что въ Россіи нашелъ онъ одно разореніе и жалобы. А не успѣли мы приѣхать въ Польшу ¹⁾, то уже принимаютъ его съ самымъ веселымъ видомъ. Житомиръ—весьма дурной городъ, и я удивился, когда представлялось дворянство, котораго было до двухъ сотъ человѣкъ, а въ Москвѣ было сорокъ два дворянина при представленіи; предводитель онаго, молодой графъ Генрихъ Ильинскій произнесъ привѣтственную рѣчь въ то время, какъ наши предводители русскихъ губерній, посѣдѣвшіе на службѣ, не могли при государѣ отворить рта и только что кланялись. Здѣсь Русскихъ, во всемъ смыслѣ слова—ненавидятъ. Русскихъ чиновниковъ, занимавшихъ мѣста, удалили отъ оныхъ, нѣкоторыхъ отдала подъ судъ и во всемъ стараются дѣлать нашимъ притѣсненіямъ...

На пути изъ Варшавы. Октября 5-го. Поутру рано выѣхали мы изъ Варшавы въ Петербургъ, пробывъ въ новопріобрѣтенной столицѣ немного болѣе двухъ недѣль. Къ чести великаго князя Константина Павловича должно приписать, что духъ Поляковъ въ теченіе года много перемѣнился въ отношеніи къ чувствамъ, которыя они питаютъ къ Россіи. Тому годъ назадъ, когда я былъ тамъ съ Его Императорскимъ Величествомъ, то Поляки, кромѣ врожденной ихъ къ намъ ненависти, казались еще довольными тѣмъ, что на конгрессѣ Вѣнскомъ и Парижскомъ мирѣ мы не успѣли истребовать присоединенія къ Царству Польскому отъ Пруссіи — Позенскаго княжества, а отъ Австріи — Галиціи. Они тогда полагали, что ихъ политическое бытіе не утверждено ни на какомъ прочномъ основаніи; многіе изъ военныхъ, образо-

¹⁾ Авторъ разумѣетъ провинціи Юго-Западнаго края.

ванные во французскихъ арміяхъ, и возмужавшіе подъ побѣдоносными знаменами Наполеона, надѣялись на могущія произойти въ политической системѣ перемѣны; они не могли еще тогда принаровиться къ строгости военной нашей дисциплины, и всѣ вообще состоянія были увѣрены, что спокойствіе въ Польшѣ водворено быть не можетъ, потому что, вѣроятно, она должна быть управляема какъ-нибудь честолюбивымъ намѣстникомъ. Строгость и справедливость великаго князя, благоразумные совѣты сенатора Новосильцова, который, будучи облеченъ всею довѣренностію императора, есть посредникъ между ними и властями Польскаго царства, и наконецъ, всѣми вообще одобряемое поведеніе намѣстника Заіончека, суть причины, способствовавшія къ установленію спокойствія и порядка между Поляками. Новосильцовъ до того умѣлъ спускать любовь ихъ, такъ что они просили государя, чтобы сдѣлать его сенаторомъ. Великій князь имѣетъ къ нему неограниченную довѣренность. Заіончекъ, которому государь при отъѣздѣ пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, не приступаетъ ни къ чему важному безъ того, чтобы не посовѣтываться съ великимъ княземъ. Къ такому удачному ходу дѣлъ не мало способствовало устраненіе отъ дѣлъ фамилій князей Чарторыйскихъ. Князь Адамъ, сынъ фельдмаршала, бывшій въ Россіи министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году, былъ однимъ изъ составителей польской конституціи, которою онъ исключительно занимался въ Вѣнѣ во время конгресса. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ, былъ въ молодости его адъютантомъ, потомъ его министромъ, и принадлежа къ древнѣйшей фамиліи своего отечества, имѣлъ, кажется, всѣ права, чтобы занять въ ономъ при происшедшей въ немъ перемѣнѣ первое мѣсто, то есть, быть намѣстникомъ. Всѣ въ 1815 году были этого мнѣнія; Чарторыйскій до обнародованія конституціи и до введенія властей, въ оной опредѣленныхъ, управлялъ временно всѣми дѣлами, по которымъ онъ и докладывалъ государю, чему я самъ былъ ежедневно свидѣтелемъ. Мать его, одна изъ умнѣйшихъ женщинъ, и въ некоторое число почтеннѣйшихъ людей, принадлежащихъ къ его партіи и фамиліи, наполнили всѣ мѣста въ Царствѣ чиновниками, къ нимъ приверженными, такъ что для смѣха начали называть Польшу не Польскимъ а Пулавскимъ царствомъ, по имени Пулавъ, наследственнаго помѣстья Чарторыйскихъ. До послѣдняго дня отъѣзда государева изъ Варшавы въ прошломъ году были они, кажется, увѣрены въ своемъ успѣхѣ, то есть, что князь Адамъ будетъ на-

мѣстникомъ, по по причинамъ, мнѣ не извѣстнымъ, сего не сбылось! Я видѣлъ Чарторыйскаго въ послѣднюю ночь прошлаго года, въ которую подписана конституція, и назначенъ Заіончекъ намѣстникомъ. Онъ былъ въ изступленіи. Это происходило часу во второмъ пополудни: я стоялъ въ комнатѣ передъ кабинетомъ государя съ княземъ Волконскимъ и съ статсъ-секретаремъ Марченко, — какъ вдругъ вошелъ съ разстроеннымъ видомъ князь Чарторыйскій и ходилъ по горницѣ болѣе четверти часа, не только не взглянувъ на насъ во все сіе время ни одного разу, но даже не поклонился намъ. Съ самаго Кіева можно было замѣтить, что государь избѣгалъ всѣхъ случаевъ, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ сей фамиліи.

Сначала было назначено намъ ѣхать изъ Кіева въ Варшаву чрезъ Житомиръ и Люблинъ на Пулаву, но въ Кіевѣ государь отмѣнилъ сіе и велѣлъ приготовить лошадей по дорогѣ изъ Житомира чрезъ Брестъ-Литовскій. Но не успѣли мы проѣхать сего города, какъ узнали, что фельдмаршалъ князь Чарторыйскій, провѣдавъ, что государь минуеть его имѣніе Пулаву, выѣхалъ ему на встрѣчу въ городокъ Мендржицы. Фельдмаршалъ князь Чарторыйскій распустилъ въ ономъ слухи, что императоръ остановится въ ономъ ночевать, дабы имѣть съ нимъ свиданіе тѣмъ продолжительнѣйшее; но государь, не могши уже избѣгнуть съ нимъ встрѣтиться, не имѣлъ тамъ своего ночлега, а только пилъ чай съ фельдмаршаломъ...

Во время настоящаго вояжа обнаружилось, сколь великую привязанность имѣеть государь къ князю Волконскому. Въ свитѣ Его Величества находились генералы Уваровъ и Ожаровскій, статсъ-секретари Марченко, графъ Каподистрія и Сабоневскій (для польскихъ дѣлъ). Съ сими тремя онъ иногда занимался, первые же двое играли совсѣмъ незначущую роль; все же, что относится до военной или придворной части или лично до императора, отправлялось чрезъ князя Волконскаго. Онъ съ нимъ сидѣлъ во время дороги въ одной коляскѣ, пѣлъ съ нимъ божественныя пѣсни, и до такой степени князь успѣлъ угодить во всемъ, что я императора не видалъ сердитымъ ни одного раза. Тому два года назадъ имѣли вообще о князѣ Волконскомъ невыгодное мнѣніе, оспаривали у него умъ, свѣдѣнія и говорили, что императоръ оставляетъ его при себѣ потому, что любитъ быть окруженъ посредственными людьми. Я могу сказать, что я былъ первый, который началъ оспаривать сіе мнѣніе; никто со мною не соглашался, но съ нѣко-

того времени начинают перемѣнять о немъ мысли; особенно же замѣтилъ я сіе въ продолженіе настоящаго путешествія нашего. Сіе также подѣйствовало на князя весьма съ выгодной стороны: онъ сталъ гораздо предпримчивѣе и рѣшительнѣе; отвѣтственность во многихъ вещахъ беретъ онъ на себя и не боится, какъ прежде, многихъ генераловъ, какъ напримѣръ, Барклая-де-Толли, Оперманна и еще нѣкоторыхъ другихъ. Но чѣмъ болѣе становится къ нему расположеніе монарха очевиднѣе; тѣмъ болѣе возрастаетъ въ князѣ презрѣніе къ роду человѣческому; уже и онъ начинаетъ думать, что каждый, кто съ нимъ говоритъ, намѣренъ его о чемъ-нибудь просить, и поэтому, предполагая въ людяхъ слабость, оказываетъ онъ къ нимъ негодованіе, которое неминуемо обращается на всѣхъ людей вообще. Чтобы сохранить то уваженіе, которое я отъ него къ себѣ приобрѣлъ въ теченіе четырехлѣтней моею съ нимъ службы, я долженъ былъ въ обращеніи съ нимъ употребить всю возможную холодность; я съ нимъ бываю иногда гордъ, не давая ему ни на шагъ надъ собою верху, говорю съ нимъ единственно о дѣлахъ и никогда о чемъ-либо постороннемъ. Отъ сего пріятно мнѣ было видѣть, что мы съ нимъ разстались при концѣ настоящаго путешествія, на станціи Киншени, такими пріятелими, какими почти никогда не бывали.

1818 годъ.

Варшава. Апрѣля 5-го. Всѣ, съ кѣмъ мнѣ удавалось говорить, начинаютъ и оканчиваютъ разговоры свои похвалами рѣчи, произнесенной императоромъ при открытіи сейма. Безъ сомнѣнія, она весьма примѣчательна...

Каменецъ-Подольскъ. 25-го апрѣля. За обѣдомъ у Его Величества, кромѣ особъ, принадлежащихъ къ свѣтѣ, были губернаторъ, вице-губернаторъ и губернской предводитель. Казалось, что государь истощился сегодня въ разговорахъ, потому что началъ говорить о смотрѣ, бывшемъ въ 1815 году при Вертю. Онъ очень любитъ рассказывать о семъ предметѣ, но слишкомъ часто повторяетъ; мнѣ случалось уже разъ шесть объ этомъ слышать. Впрочемъ его положеніе извиняетъ сіи повторенія; впервыхъ, 1815 годъ былъ блистательнѣйшій въ его жизни, ибо онъ окончилъ въ ономъ освобожденіе Европы, а ввторыхъ, онъ обязанъ безпрестанно говорить, потому что всѣ на него смотрятъ и его слушаютъ. Онъ однажды жаловался на это Милорадовичу, который отвѣчалъ

ему: „Я съ Вашпмъ Величествомъ не согласенъ; я нахожу, что очень легко говорить пустяки, я болѣе ничего, кромѣ вздору, не говорю“...

Николаевъ. 7-го мая. Государь, осматривая корабль въ адмпралтействѣ Николаевскомъ, п разсуждая о подробностяхъ построения сказалъ: „Au reste je juge comme un aveugle des couleurs“...

Херсонъ. 8-го мая. Я воспользовался одною свободною минутою, чтобы быть въ соборѣ п видѣть гробъ Потемкина. Не токмо ему не поставили памятника, но даже нѣтъ камня или доски, которая бы означала, что онъ здѣсь погребенъ. Сіе происходитъ отъ слѣдующаго: когда его похоронили, то сдѣлалъ надъ гробомъ его сводъ п лѣстницу; но по вступленіи на престолъ императора Павла велѣно было именнымъ указомъ тѣло его вырыть п бросить въ поле на сѣденіе птицамъ. Однако же нѣкто изъ приверженныхъ покойнаго помѣшалъ исполненію сего указа, п закалъ сводъ доскамъ, сравнивъ оныя съ обыкновеннымъ поломъ. Государь Александръ Павловичъ намѣренъ былъ воздвигнуть ему памятникъ въ Херсонѣ, но наслѣдникъ Потемкина просилъ, чтобы сіе было представлено на пхъ попеченіе п пздвигеніе; но благодарные по спхъ поръ ничего не сдѣлали, чтобы почтить память своего благодѣтеля.

Кери. Мая 10-го. Государь, разговаривая о множествѣ разнообразныхъ благоуханныхъ травъ, которыя мы видѣли на поляхъ, сдѣлалъ справедливое заключеніе, что ботапкъ можетъ найти здѣсь много новыхъ полезныхъ пропзрастеній, п спросилъ у лейбъ-медика Вилліе, собралъ ли онъ какія-нибудь травы. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ. „Что же ты дѣлалъ дорогою?“ продолжалъ государь. „Я стрѣлялъ орловъ“, сказалъ Вилліе. Сей отзывъ такъ не понравился государю, что онъ перемѣнился въ лицѣ п сказалъ въ сердцахъ: „Удивительно, что начальникъ всей медпцинской части ѣздитъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, можетъ быть, есть сокровища для нашихъ аптекъ, п вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на сей предметъ, стрѣляетъ орловъ“.

Байдары. Мая 15-го. Принцъ Гессенъ-Гамбургскій разсказывалъ о какомъ-то Фроссарѣ, на котораго написаны слѣдующіе стихи:

На сіе князь Волконскій сказалъ по русски, что и у насъ есть на таможеннаго генерала (разумѣется, Обрѣзкова) подобныя стихи

и просилъ меня сказать сочиненные въ В. стихи, подъ названіемъ:
„Приношеніе Хр у въ новый годъ“:

Я воинъ былъ средь мирныхъ лѣтъ;
Когда жь торговли нѣтъ,
Торговлей управлялъ.

Государь слушалъ сіе съ удовольствіемъ и улыбался, и спросилъ меня: не знаю ли я чего еще изъ сей оды; я прочелъ стихи на статсъ-секретаря Кикина:

Въ Бесѣдѣ генераль,
А въ арміи Бесѣды членъ.

Перекопъ. 19-го мая. Такимъ образомъ, десятидневное путешествіе наше по Таврическому полуострову окончилось. Въѣзжая въ оный, имѣлъ я несравненно большія понятія о благосостояніи жителей его и о промышленности ихъ. Хотя я не надѣялся найдти тамъ богатства образованныхъ странъ Европы, но неуросвѣщеніе обывателей, бѣдность ихъ, или лучше, нищета превзошли всякое чаяніе, равно и безпечность нашего правительства, которое, владея тридцать-пять лѣтъ краемъ сѣмъ, употребляло, кажется, парочно средства въ разоренію его. „Или мы выгонимъ Русскихъ изъ Крыма, или они насъ истребятъ и выгонятъ“, говорятъ Татары; слѣдовательно, можетъ ли какая-нибудь отрасль промышленности процвѣтать, когда по сему пзреченію ничто не ручается за неприкосновенность собственности. Когда мы завоевали полуостровъ, то въ ономъ считали до 400,000 обывателей, а теперь ихъ 130,000. Имъ позволено было въѣзжать за границу въ извѣстные сроки. Нѣкоторые распродали имущества свои и отправились въ Херсонъ, дабы оставить Россію; но какъ велико было ихъ огорченіе, узнавши въ Херсонѣ, что они пропустили нѣсколько дней за срокъ; они принуждены были возвратиться на родину свою и покупать за большія цѣны то, что они не задолго предъ тѣмъ продали за безцѣнокъ. Чиновники, служащіе въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ, суть люди безъ всякаго образованія, имѣя одною цѣлю составитъ себѣ состояніе. Слѣдовательно, ни они, ни первые поселившіеся здѣсь Русскіе, о коихъ было упомянуто выше сего, не могли образованіемъ и полезными свѣдѣніями своими привязать къ намъ Татаръ и способствовать къ умноженію народнаго богатства. Напротивъ того, они вступили съ Татарами въ тяжбы, коихъ теперь множество; Татары же несчастные не только не знаютъ законовъ, но даже не умѣютъ писать, а по сему имъ нѣтъ надежды

отдѣль П.

въ выигранію тяжбъ. Одинъ Татаринъ сказывалъ мнѣ, что съ него просилъ русскій чиновникъ 25 рублей за написаніе короткой просьбы. Судебныя мѣста въ рѣшеніяхъ своихъ основываются на русскихъ законахъ, которыхъ въ Крыму приспособить нельзя; такъ напримѣръ, въ дѣлѣ адмирала Мордвинова съ жителями Байдарской долины государственный совѣтъ положилъ мнѣніемъ владѣть землями Мордвинову, доколѣ Татары не представятъ документовъ на принадлежность имъ земель. Но они говорили мнѣ, что другихъ актовъ у нихъ не находится, кромѣ изустнаго преданія и права давности. „Спросите“, говорилъ мнѣ проводникъ государя по южному берегу, „стариковъ Байдарской долины и всѣхъ сосѣднихъ селеній; они вамъ скажутъ, что предки мои владѣли садомъ, доставшимся мнѣ по наслѣдству отъ моего отца, и который у меня отнялъ управитель г. Мордвинова Платоновъ въ 1812 году; въ то время, когда я, служа въ Симферопольскомъ полку, защищалъ Россію и получилъ Георгіевской крестъ, онъ завладѣлъ моею землею подъ предлогомъ, будто я не имѣю письменныхъ документовъ на принадлежность оной“. Отъ множества тяжбъ, которыя вредятъ праву собственности, и слѣдовательно, употребленію ея, происходитъ, что татарскіе капиталы (въ смыслѣ государственнаго хозяйства) часъ отъ часу упадаютъ, ибо ихъ не поддерживаютъ. Татаринъ, сидя въ своей хижинѣ, равнодушно смотритъ на одно, два или три орѣховыхъ дерева, которыя питаютъ его семейство, не заботится о улучшеніи своего состоянія, доволенъ будущи, если онъ, жена его и дѣти не умираютъ съ голода. Количество просьбъ, поданныхъ государю не вѣроятно; напримѣръ близъ Байдаръ, на пространствѣ 32 верствъ, подали болѣе 700 прошеній, которыя я перептывалъ, ибо императоръ велѣлъ мнѣ принимать ихъ, и я, наполнивъ ими всѣ свои карманы, принужденъ былъ завязать ихъ цѣлыми узлами въ платки и отдавать на сбереженіе слѣдовавшимъ за нами проводникамъ. Хотя изъ числа просьбъ были не дѣльные, на примѣръ, нынѣ Татары просили вспоможенія, дабы сходить на поклоненіе въ Мекку, и тому подобное, но не менѣе того множество прошеній доказываютъ, сколь жители страдаютъ.

Мнѣ кажется, что русскіе правительство должно взирать на Крымъ съ трехъ точекъ: 1) со стороны внутренняго его управленія, конечно — обезпеченія собственности, соблюденія законовъ, устроенія училищъ; 2) со стороны морской силы, и 3) со стороны вѣшной торговли, содѣйствуя ей образованіемъ гаваней, которыя природа щедрою рукою разсыпала, можно связать, по полуострову;

должно обратить вниманіе также на то, сколько дарованныя привилегіи Одессѣ вредятъ всему Крыму.

Село Терпніе. 20-го мая. Первый вопросъ, который при видѣ крѣпости въ Перекопѣ представляется, есть: противъ кого она строится? по сему и Татары не могутъ быть совершенно покойными, видя, что сіе укрѣпленіе явно доказываетъ недовѣрчивость къ нимъ правительства.....

Несомнѣнно должно полагать, что у здѣшнихъ духоборцевъ есть какое-нибудь тайное намѣреніе или сокрытая цѣль, une aggrèpensee, ou un aggrèpe-but. Они говорили мнѣ, что многіе изъ братьевъ ихъ находятся у казаковъ и крѣпостными у помѣщиковъ; не думаютъ ли они сихъ послѣднихъ отнять у господъ ихъ; тогда подь симъ предлогомъ половина нашихъ крестьянъ, а дворовые люди вѣрно всѣ объявятъ себя духоборцами.

Описаніе дороги изъ села Терпнія въ Мариуполь. 21-го мая. Сначала ѣхали мы по духоборскимъ селеніямъ, потомъ двѣнадцатью прекраснѣйшими колоніями менонистовъ, которыя чистотою и опрятностію домовъ и садиковъ своихъ напоминаютъ обработаннѣйшія страны Германіи; послѣ сего везли насъ по селеніямъ Ногайцевъ и казаковъ, а потомъ по деревнямъ, обитаемымъ Греками. Такимъ образомъ, на пространствѣ 180 верстъ, обитаютъ въ Россіи пять народовъ, совершенно различныхъ одинъ отъ другого происхожденіемъ, вѣрою, языкомъ, просвѣщеніемъ и обычаями. Но всѣмъ ли симъ народамъ, думалъ я, дапо такое направленіе, чтобы они способствовали къ поддержанію единства великой имперіи? Теперь они малочисленны, и слѣдовательно, точка зрѣнія сія не можетъ имѣть никакой важности, но со временемъ, по прошествіи многихъ лѣтъ, можетъ быть, и вѣковъ, когда племена сіи размножатся, когда они образуютъ города, тогда не должно упускать оной изъ виду, ибо она для всей имперіи можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія.

Въ Мариуполѣ ожидалъ насъ Екатеринославскій губернаторъ Калагеоргій, находившійся при воспитаніи цесаревича Константина Павловича вмѣстѣ съ генераломъ Курутою. Онъ человекъ очень умный и жалуетси, какъ нельзя болѣе, на нечѣжество и грабежи гражданскихъ чиновниковъ. Пріѣздъ его былъ неприятенъ для императора. Странно, что Его Величество не любитъ говорить съ губернаторами; запрещаетъ строго имъ выѣзжать къ себѣ на встрѣчу; сердится, если найдетъ губернатора въ проѣздѣ своемъ въ какомъ-либо городеѣ, и велитъ имъ быть въ губернскихъ горо-

дахъ, хотя бы, какъ напимѣрь, нынѣ, онѣ въ оныхъ и не располагалъ быть, ибо Екатеринбургъ не лежитъ на нашемъ пути. „За чѣмъ прибылъ сюда Калагеоргій?“ былъ первый мнѣ вопросъ князя Волконскаго. Эта черта поведенія Его Величества мнѣ не постижима, потому что единственно отъ губернаторовъ можно узнать состояніе какого-либо края.

Литеикъ. 29-го мая. Государь велѣлъ князю Волконскому сдѣлать губернатору Безобразову выговоръ за дурныя дороги, но мнѣ кажется, за то болѣе, что онъ сюда пріѣхалъ изъ Тамбова.

1829 годъ.

25-го мая. Я пріѣхалъ въ Москву. Мнѣ говорилъ графъ Орловъ-Денсовъ, что онъ недавно былъ въ Петербургѣ, гдѣ государь, бесѣдуя съ нимъ о прошлогоднемъ Турецкомъ походѣ, сказалъ: „При мнѣ все идетъ дурно; я не хочу мѣшаться болѣе лично въ дѣла, а потому и въ армию не поѣду“.

- 8-го іюня. Въ городѣ Васильковѣ, гдѣ въ 1825 году Муравьевъ-Апостоль взбунтовалъ Черниговскій полкъ, мнѣ сказывали, что всѣ солдаты были въ совершенно пьяномъ видѣ, и что по сему уже одному обстоятельству отважное предпріятіе его не могло имѣть успѣха.

Соображая непріятныя обстоятельства прошлогодняго похода, я почтаю самую великою упадокъ нравственности въ войскахъ и чувства непоколебимости, коего бывала въ прежнія войны исполнена русская армія.

Конница почти вся лишилась лошадей, которыя были въ такомъ разслабленіи, что конные полки возвращались спѣшанными. Одинъ гусарскій полкъ, кажется, Мариупольскій, подъ командою Корфа отказался идти въ атаку, подъ предлогомъ, что лошади и рысью ходить не въ состояніи. Вообще, не хвалятъ многихъ генераловъ: говорятъ, будто бы начальникъ 10-й дивизіи Свѣчинъ и его же бригады Жерве не рѣшались идти противу непріятеля. Прискорбиѣ всего было мнѣ слышать, что наши нѣкоторые полководцы, которыхъ мы привыкли почитать въ числѣ первыхъ нашихъ вождей, потеряли свою репутацію; будто бы графа Воронцова не узнавали подъ Варною, гдѣ распоряженіями его были всѣ недовольны; будто принцъ Евгений Виртембергскій, который столь много въ прежнія войны отличался, услыша подъ Шумлою ложную тревогу, до такой степени оробѣлъ, что сѣлъ на лошадь безъ исподняго платья;

что Будзевичъ потерялъ весь обозъ свой. Утверждаютъ, что армія наша была въ такомъ изнеможеніи, что ежели бы Варна еще нѣ-которое время не сдалась, то отступление за Дунай похоже было бы на бѣгство французской арміи изъ Россіи. Всѣхъ хуже дѣйствовали генераль Сухозанеть, его прозвали: генераль хуже нѣтъ.

Іюнь. *Въ лагерь при Дасъ.* Я ѣздилъ съ генераломъ Лошкаревымъ по окрестностямъ нашего лагеря. Мы много разговаривали о минувшей компаніи, и генераль Лошкаревъ сдѣлалъ справедливое замѣчаніе, что мы съ окончаніемъ французской войны для чтенія сочиненій Жюмيين пренебрегли изученіемъ походовъ Румянцева и Суворова, и онъ полагаетъ одною изъ причинъ разстройства арміи нашей недостаткомъ хорошихъ унтеръ-офицеровъ, ибо въ послѣдніе годы выбирали въ сіе званіе не изъ надежныхъ рядовыхъ, но людей видныхъ собою и умѣющихъ хорошо маршировать. Отѣхавъ далѣе, мы видѣли, что офицеръ конно-егерскаго полка, бывъ посланъ въ подрѣзленіе казакамъ, рассыпалъ цѣпь; мы, видя сіе, ужаснулись и пожалѣли отъ всего сердца, что церемоніальный маршъ и всѣ мелочи фронтальной службы, которою исключительно занимались у насъ съ 1815 года, погубили нашу прекрасную армію, заставивъ множество отличныхъ офицеровъ выйти въ отставку.

Государь говоритъ, что его одного, а никого другого, слѣдуетъ винить за всѣ неудачи сей войны. Эти слова Киселева.

У меня въ бригадѣ есть много рекрутъ, которые выпустили не болѣе трехъ зарядовъ; пороку для ученья не отпускалось; подобной скупости казны нельзя себѣ вообразить, между тѣмъ какъ въ Петербургѣ сыплютъ милліоны для пустыхъ занятій.

Прошлаго года въ мартѣ мѣсяцѣ вѣрно было Киселеву пріѣхать въ Петербургъ. Когда онъ явился, ему сказали, что вторая армія, которой онъ былъ начальникомъ штаба, должна была перейти Прутъ и открыть военныя дѣйствія. На представленіи его, что въ арміи не было ни денегъ, ни воловъ, ему отвѣчали, что только стоитъ перейти Дунай, и тогда Турки потребуютъ мира. Киселевъ говорилъ, что въ Петербургѣ были столь сильно увѣрены въ несомнѣтельномъ успѣхѣ войны, что даже разсуждали, что сдѣлать съ Константинополемъ по взятіи его, оставить его за Россією, или отдать какой-нибудь другой державѣ? Ослѣпленію сему, вѣроятно, было причиною счастливое окончаніе Персидской войны.

Я встрѣтился съ Киселевымъ; мы разговаривали съ нимъ о дворѣ; вотъ что я отъ него слышалъ: Въ 1819 году государь Александръ Павловичъ возвращался изъ Варшавы; его провожалъ нѣсколько

станцій цесаревичъ, который самъ слѣдующее обстоятельство разсказывалъ Киселеву. Я помѣщаю въ видѣ разговора.

Александръ. Я долженъ сказать тебѣ, любезный братъ, что я хочу абдикировать; я усталъ и не въ силахъ сносить тягость правительства; я тебя предупреждаю—для того, чтобы ты подумалъ, что мнѣ надобно будетъ дѣлать въ семь случаевъ.

Константинъ. Тогда я буду просить мѣсто второго камердинера вашего; я буду служить вамъ, и ежели нужно—чистить вамъ сапоги. Когда бы я теперь сдѣлалъ, то почили бы подлостью, но когда вы будете не на престолѣ, я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему.

При сихъ словахъ императоръ поцѣловалъ меня такъ крѣпко, присовокупилъ цесаревичъ, какъ никогда въ 45 лѣтъ не цѣловалъ.

Александръ. Когда придетъ пора абдикированія, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли мои напиши къ матушкѣ.

Слѣдовательно, догадки мои объ отреченіи Александра отъ престола, которыя я помѣстилъ въ журналѣ моемъ 1817 г., были справедливы. Государь хотѣлъ вздать новый гражданскій и уголовный законъ и тѣмъ заключить свое царствованіе.

Государь, бывъ въ Одессѣ, говорилъ о графѣ Витгенштейнѣ: „Я не думалъ, что бы графъ былъ такой коллакъ, какимъ въ продолженіи похода я нашелъ его“....

Больные каждый день прибавляются; теперь въ моемъ лазаретѣ человѣкъ 300 больныхъ, и всего одинъ фельдшеръ! Такое упущеніе по медицинской части не извинительно. Ежели нѣтъ въ Россіи докторовъ, то можно выписать изъ-за границы. У насъ ведутъ войну и хотятъ беречь деньги, забывая изреченіе Фридриха II, что для войны нужно три вещи: вопервыхъ, деньги; вовторыхъ, деньги, и втретьихъ, деньги.

Вотъ нѣкоторые анекдоты о покойномъ государѣ Александрѣ Павловичѣ, касающіеся до недовѣрчивости и какой-то робости, составлявшихъ черту его характера.

Однажды генераль-адъютантъ Киселевъ, Орловъ и Кутузовъ, стоя во дворцѣ, разсказывали другъ другу забавные анекдоты и хохотали. Вдругъ приходитъ императоръ, и они перестаютъ смѣяться, по появленіе его было столь внезапно, что на чертахъ ихъ лицъ видны были еще слѣды смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ государь посылаетъ за Киселевымъ, который застаётъ его стоящимъ противъ зеркала. Императоръ нѣкоторое время смотрится въ зеркало то съ одной стороны, то съ другой, и наконецъ, подзывая

Киселева, спрашиваетъ его: что бы могло быть въ его особѣ смѣшнаго? Удивленный, или лучше сказать, пораженный смѣломъ вопросомъ, Киселевъ отвѣчаетъ, что онъ его не понимаетъ. „Скажи мнѣ правду“, продолжаетъ государь, „можетъ быть, сзади моего мундира есть что-нибудь, или что-нибудь подобное, подавшее поводъ къ насмѣшкамъ, потому что я видѣлъ, какъ ты, съ двумя своими товарищами, надо мною забавлялись“. Можно легко представить себѣ изумленіе Киселева, который сказалъ рѣшительно императору, что онъ до тѣхъ поръ не выйдетъ изъ кабинета, пока императоръ не убѣдится въ справедливости своего обвиненія. „Пошлите“, сказалъ онъ, „за Кутузовымъ и Орловымъ, пусть они Вашему Величеству расскажутъ—о чемъ мы смѣялись“. По долгому преніи, наконецъ, онъ успѣлъ убѣдить императора въ своей виновности....

Въ первые два года царствованія императора Александра Павловича, онъ являлся, какъ извѣстно въ частныхъ обществахъ и заставлялъ любезнымъ обращеніемъ забывать высокій свой санъ. Нѣкоторые до такой степени употребляли сіе во зло, что на гуляньи въ Лѣтнемъ саду, гдѣ въ то время собиралась лучшая публика, сами къ нему подходили и начинали съ нимъ разговоръ, что, какъ всякій видитъ, не прилично, и императоръ до того смилъ неблагопристойными поступками былъ выведенъ изъ терпѣнія, что онъ сказалъ, что онъ вынужденнымъ находится переимѣнить свое обращеніе.

Въ Парижѣ 1815 г. онъ обѣдалъ вдвоемъ съ графомъ Аракчеевымъ который предложилъ учредить въ воспоминаніе чрезвычайныхъ происшествій того времени новый орденъ съ пенсіономъ или присоединить пенсіоны къ орденамъ св. Георгія и Владимира, и пенсіоны сіи назначить тѣмъ, кто отличился въ послѣднихъ походахъ или во время сихъ войнъ были пзувѣчены. „Но гдѣ мы возьмемъ деньги?“ спросилъ императоръ. „Я объ этомъ думалъ“, отвѣчалъ Аракчеевъ; „плагаю обратить на сей предметъ въ казну имѣнья тѣхъ Поляковъ, которые служили въ 1812 году Наполеону, и не смотря на дарованное имъ прощеніе, не возвратились въ Россію какъ напримѣръ князей Радзивиловъ“. „То есть, конфисковать ихъ?“ прервалъ государь. „Такъ точно“, отвѣчалъ Аракчеевъ. „Я конфискацій не люблю“, возразилъ императоръ; „ежели возьмемъ пенсіонъ для предлагаемыхъ тобою орденовъ, съ конфискованныхъ имѣній, то пенсіоны сіи будутъ заплачены слезами“. Это собственныя слова императора.....

Во время молебствія, по случаю заключенія мира съ Турціею, п когда подходилъ ко кресту, я замѣтилъ, что почти всѣ генералы, участвовавшіе въ Турецкую войну, были протестантскаго вѣроисповѣданія; насъ, Русскихъ, было всего трое: Кладищевъ, Зварковский и я; а Нѣмцевъ—Дибичъ, Ротъ, Левенштеръ, Арнольдъ, Ридигеръ, Лехнеръ, Ольденбургъ, Вахтель и другіе. Къ стыду русскихъ дворянъ они не хотятъ служить и предпочитаютъ англійскій клубъ трудамъ и опытностямъ.

Во время обѣда у графа Дибича печально рѣчь зашла о Грузинъ и о какомъ-то переводчикѣ Кургановѣ, на котораго я сначала не обратилъ вниманія, но главнокомандующій сказалъ, что онъ изъ числа самыхъ умныхъ людей... Когда мы встали изъ-за стола, и графъ началъ говорить съ генераломъ Бергомъ, и со мною, то продолжалъ о закавказскихъ странахъ. Вотъ нѣкоторые изъ словъ графа: „Кургановъ поссорилъ Ермолова съ Паскевичемъ; завладевъ спмъ послѣднимъ и воспользовавшись мнительностію его, онъ увѣрилъ его, что Ермоловъ хочетъ его отравить; Паскевичъ былъ такъ въ семь убѣжденъ, что когда и я не здоровъ сдѣлался, то онъ даже приходилъ ко мнѣ, говоря, что и я отравленъ“.

„У насъ есть армянская партія, имѣющая цѣлю возстановить единство Армянскаго народа, имѣть свои войска, свои законы, какъ то сдѣлано съ Польшей и Финляндіею; я почитаю сіи мѣры весьма вредными, такъ какъ учрежденіе Литовскаго корпуса; государь Александръ Павловичъ сіе сдѣлалъ по врожденному въ немъ чувству уваженія къ добродѣтели; по сей причинѣ онъ уважалъ въ завоеванныхъ народахъ и главнѣйшую добродѣтель, то есть, любовь къ отечеству, но въ послѣдніе годы своей жизни онъ въ нихъ раскапвался. Митрополитъ Нарцесъ былъ одинъ изъ главныхъ ревнителей Армянскаго общества. Ермоловъ дѣлалъ ошибки какъ генералъ, какъ властелинъ Закавказскаго края“.

Послѣ обѣда рѣчь зашла о 14-мъ декабрѣ. Фельдмаршалъ, находившійся тогда, при государѣ, сказалъ: „Императоръ Александръ зналъ, что былъ заговоръ; также ему было извѣстно, что прекратили члены онаго свои засѣданія въ 1822 году. Онъ молчалъ, и когда возникъ вновь заговоръ, то онъ намѣренъ былъ въ походѣ 1825 года велѣть схватить преступниковъ, но кончина ему въ томъ воспрепятствовала. Государь почиталъ это пустяками, а себя слишкомъ твердымъ на своемъ престолѣ“. Изъ спмъ словъ самой до вѣренной особы, каковою былъ графъ Дибичъ, надобно заключить,

что слухи, будто извѣстія о заговорѣ имѣли вліяніе на кончину государя, не справедливы.

Графъ Дибичъ предлагалъ императору Александру переформировать полки въ 4-хъ-баталіонныя, но государь не соглашался, потому что многіе полки теряютъ свое наименованіе, а съ именами полковъ сопряжена и слава ихъ.

Говорили тоже о медаляхъ Парижскихъ, которыя были обѣщаны министерствомъ 1814 года, а розданы двѣнадцать лѣтъ послѣ того. Фельдмаршалъ сказалъ, что онъ нѣсколько разъ напоминалъ покойному государю о сихъ медаляхъ; всякій разъ государь отмалчивался и умеръ, не приказавъ чеканить сихъ медалей. Конечно, тому была причина — извѣстная скромность Александра, не желавшаго медалями оскорбить честолюбія Французовъ. И онъ, подобно Македонскому герою, хотѣлъ чтобы его хвалили въ Афинахъ!

Слова Дибича: „О назначеніи Николая Павловича наслѣдникомъ престола при жизни Александра никто не зналъ, кромѣ двухъ особъ: митрополита Филарета и князя Голицына. Государь, повѣрившій мнѣ многія тайны, не говорилъ мнѣ однакоже объ этомъ ни слова. Однажды мы были съ нимъ въ поселеніяхъ, и онъ, обращая рѣчь къ великому князю Николаю Павловичу, сказалъ ему: „Тебѣ надобно будетъ это поддерживать“. Я ничего другого изъ сихъ словъ не заключилъ, какъ то, что судя по лѣтамъ великаго князя, онъ переживъ, государя и цесаревича, будетъ ихъ преемникомъ.

„Императрица Елисавета Алексѣевна, бывшая въ послѣднее время единственнымъ другомъ Александра, не знала даже объ отреченіи цесаревича: вотъ тому доказательство. Когда въ Таганрогѣ болѣзнь Александра не подавала уже никакой надежды къ выздоровленію, князь Волконскій совѣтывалъ мнѣ спросить у императрицы: къ кому, въ случаѣ кончины государя, должно будетъ обратиться мнѣ, какъ начальнику главнаго штаба Его Величества; ибо положеніе мое было весьма затруднительное; я оставленъ начальникомъ арміи въ такое время, гдѣ открывались случаи обширнаго заговора. Я не рѣшился лично предложить императрицѣ сего вопроса, не желая нанести ей огорченія, да и хотя и пользовался ея милостями, но однакоже ни въ такой степени, какъ князь Волконскій, который былъ другомъ императорской фамиліи; потому и настоятельно просилъ его принять на себя объясниться съ государынею. Онъ не иначе на сіе согласился, какъ съ условіемъ,

чтобы и я тутъ же находился. Мы вошли съ нимъ вдвоемъ въ комнату государя, лежавшаго въ забытіи, и князь Волконскій, подойдя къ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, сказалъ ей, что я, какъ начальникъ штаба, прошу ее сказать—къ кому, въ случаѣ несчастія, мнѣ должно будетъ относиться? „Развѣ государь такъ боленъ“, сказала императрица, „что уже нѣтъ надежды?“ „Богъ одинъ можетъ помочь и спасти государя, однако же спокойствіе и безопасность Россіи требуютъ, чтобы на всякій случай были приняты надлежащія мѣры“. „Разумѣется“, сказала государыня, „что въ несчастномъ случаѣ надобно будетъ относиться къ Константину Павловичу“. Сія слова явно доказываютъ невѣдѣніе императрицы о томъ, кто былъ назначенъ послѣдникомъ престола. Мы полагали съ княземъ Волконскимъ, что у покойнаго государя было завѣщаніе, ибо онъ имѣлъ при себѣ безпрестанно конвертъ съ бумагами, котораго онъ никогда не оставлялъ. Когда мы по смерти его вскрыли сіи бумаги, то нашли, что въ нихъ были написаны какія-то молитвы. „Первоначальное мое воспитаніе на счетъ религіи“, сказалъ мнѣ однажды императоръ, „было весьма пренебрежено; Лагарпъ воспитывалъ меня въ духѣ своего вѣба, и я былъ, какъ и всѣ мои современники, не набоженъ; одинъ человекъ переувѣнилъ въ семъ отношеніи мой образъ мыслей“. Но кто былъ сей человекъ, сказалъ фельдмаршалъ, я не знаю, и имя его мнѣ осталось невѣстно“.

Говоря объ Александрѣ, нельзя было не коснуться до его любимца графа Аракчеева. Я предлагалъ фельдмаршалу различные вопросы, на которые онъ мнѣ давалъ отвѣты; помѣщая почти его собственныя слова: „Главнѣйшее достоинство графа Аракчеева состояло въ томъ, что онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Государь, чувствуя себя слишкомъ добрымъ, желалъ имѣть при себѣ человека строгаго, непоколебимаго, который бы дѣлалъ перевѣсъ его добротѣ, и для сего выборъ палъ на Аракчеева. Не смотря на всѣ доказательства расположенія къ нему государя, Аракчевъ однакоже не входилъ въ кабинетъ императора, иначе какъ съ нѣкоторымъ страхомъ. Это было примѣтно на его лицѣ, и въ этомъ онъ мнѣ самъ сознавался. Когда государь сдѣлалъ меня начальникомъ своего штаба, то по приѣздѣ моемъ въ Петербургъ, тотчасъ началъ мнѣ говорить объ Аракчевѣ. „Ты найдешь въ немъ“, сказалъ онъ, „человѣка необразованнаго, но единственнаго по трудолюбію и усердію ко мнѣ; старайся съ нимъ ладить и дружно жить: ты будешь имѣть съ нимъ часто дѣло и оказывай ему возможную довѣренность и уваженіе“. Во время убіенія любимицы его,

императоръ, находившійся въ Таганрогѣ, полагалъ, что ее убили нарочно, изъ ненависти не къ ней, но къ графу Аракчееву, для того чтобы сего послѣдняго удалить отъ дѣлъ. Тогда же графъ Аракчеевъ отдалъ странный, или лучше сказать, невольный приказъ, коимъ онъ, по случаю приключившейся ему болѣзни, назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ г. Эйлера. Какъ будто можно кому-либо изъ командующихъ частію войскъ передавать начальство другому. Сей невольный поступокъ хотя и былъ неприятенъ государю, однакоже онъ сказалъ мнѣ, что извиняетъ его болѣзненному состоянію“.

Государь, бывъ въ Крыму, говорилъ: „Если императору позволено, то я скоро переселюсь въ Крымъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку.“

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ О НАУМѢ ЧОГЛОКОВѢ.

Одинъ французскій офицеръ, подполковникъ Теодоръ де-Белькуръ, служившій волонтеромъ у польскихъ конфедератовъ въ 1769 году, взятый въ плѣнъ русскими войсками и препровожденный на жительство въ Тобольскъ, видѣлъ тамъ въ 1770 и 1771 годахъ Наума Чоглокова. Вотъ что рассказываетъ о немъ Белькуръ въ своей книгѣ „Relation ou Journal d'un officier français au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie“. (Amsterdam, MDCCLXXVI):

„Мы ¹⁾ простились со всѣми нашими знакомыми, между прочимъ съ нѣкоторыми ссыльными благороднаго происхожденія, въ числѣ коихъ былъ г. Чоглоковъ, человекъ, доведенный до послѣдней степени нищеты. Виновицамъ его несчастія были его враги, повредившіе ему у генерала Тотлебена ²⁾). Французскіе офицеры и я помогали ему изъ нашихъ небольшихъ средствъ; мы давали ему хлѣба. Онъ долженъ былъ мнѣ десять рублей во время нашего отъѣзда; но зная его бѣдственное положеніе, я, не смотря на большую нужду въ деньгахъ, не напоминалъ ему о томъ. Онъ выдалъ вексель въ шестьдесятъ рублей одному изъ монаховъ офицеровъ, который ссудилъ ему эти деньги. Вексель былъ написанъ на имя его сестры г-жи Рославлевой ³⁾, живущей въ Москвѣ. Эта дама, родственница покойной императрицы Елисаветы, имѣла же-

---

¹⁾ Белькуръ говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ по ссылке, также Французахъ. Рассказъ его относится къ сентябрю 1771 года, когда плѣннымъ была возвращена свобода, и они собирались выѣхать изъ Тобольска.

²⁾ Въ подлинникѣ напечатано «Lottblem».

³⁾ Въ подлинникѣ: «Vaslowlew».

стокость, могу сказать даже: низость—отказать въ уплатѣ. Какое понятіе даетъ этимъ она объ образѣ мыслей и дѣйствій особъ ея званія, и еще болѣе, о поступкахъ лицъ, не получившихъ такого, какъ она, образованія!“

Екатерина Николаевна Рославлева была родная сестра трехъ извѣстныхъ намъ братьевъ Чогловыхъ. До замужества она была фрейлиной и 11-го ноября 1762 года, въ Москвѣ, вышла замужъ за лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка премьеръ-маіора Николая Ивановича Рославлева; онъ принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ восшествіе на престолъ Екатерины II, и былъ за то щедро награжденъ; но затѣмъ впалъ въ немилость за участіе въ дѣлѣ Хитрово и долженъ былъ оставить дворъ и службу. (Осмнадцатый вѣкъ, III, 344—345, 491).

А. Е.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Абаза, паша, II, 51.
 Августъ II, король Польскій, I. 3, 23, 24, 26, 27.
 Аверкіевъ, Андр., подъячій, II. 298, 300.
 Аверкіевъ, Дм., секретарь, II. 296, 301.
 Адамовичъ, г-жа, II. 82.
 А. К. II. 87, 91, 101, 429.
 Александра Павловна, вел. кн., II. 5, 10, 22.
 Александръ I, императоръ, I. 19. II. 2, 4, 5, 10, 14, 17, 31, 113, 410, 416, 421—426.
 Алексіусъ, лагманъ, II. 43, 45.
 Алексѣевъ, Петръ, кузнецъ, II. 301.
 Алексѣй Петровичъ, царевичъ, I. 3.
 Алябьевъ, Александръ, Тобольскій губернаторъ, II. 399, 400, 408.
 Амвросій, митрополитъ Московскій, II. 310.
 Амвросій, митрополитъ С.-Петербурскій, II. 69, 92, 97—99, 102, 104, 109.
 Амелотъ, фр., статсъ-секр., II. 125, 127, 128, 131, 132, 134—140, 142, 144—146, 148—151, 154, 155, 159—161, 164, 165, 168, 171, 172, 180, 181, 190, 191, 211, 215—217, 220, 222, 224, 226, 227, 235—237, 244, 245, 252.
 Анна, принцесса, II. 220.
 Анна Иоанновна, импер., I. 4, 5, 9, 12, 13, 15. II. 126, 278.
 Анна Леоновна, II. 256, 257.
 Анна Θεодоровна, в. кн., II. 10.
 Андреевъ, Яв., солдатъ, II. 315—322,
 Андреевъ, Ѳед., дворовый, II. 385, 388, 390, 391, 394.
 Авдусъ, крестьянинъ, II. 36.
 Авсопъ, II. 340, 346, 352.
 Автнъ, гр., командиръ франц. эскадры, II. 189.
 Автнинъ, дворянинъ, II. 363, 364.
 Андцифоровъ, капитанъ, II. 47.
 Автсеровъ, Аевн., II. 294.
- Аравчеевъ, гр. Александръ Андр., II. 423, 426, 427.
 Араповъ, II., писатель, II. 53.
 Аристовъ, Ѳед., капитанъ, II. 385, 388, 395.
 Арнаутовъ, Леонт., II. 386, 396.
 Арнольдъ, II. 424.
 Афонасьевъ, Андронъ, купецъ, II. 294.
 Афонасьевъ, Вас., священникъ, II. 316.
 Ашъ, баронъ Иванъ Фридр., студентъ коллегіи иностр. дѣлъ, I. 3, 5.
 Ашъ, баронъ Егоръ Фридр., I. 3, 5.
 Ашъ, баронъ, Петръ Фридр., I. 3, 5.
 Ашъ, баронъ Фридр. Юрьев., С.-Петерб. почтъ-директоръ, I. 3—5, 12.
 Ашъ, баронъ Ѳед. Фридр., бригадиръ, I. 1—3, 5—19.
- Бабкинъ, Григ., фабрикантъ, II. 293, 294.
 Бабушанинъ, купецъ II. 298.
 Бакунинъ, П. В., старшій членъ иностранной коллегіи, I. 35.
 Башперъ, исправникъ, II. 379,
 Бантышъ-Каменскій, Дм. Ник., II. 117, 122, 138, 140, 151, 161, 188, 209, 220, 223.
 Барановъ, Нарвскій комендантъ, II. 322.
 Барановъ, секунд-майоръ, II. 361.
 Барановъ, купецъ, II. 372, 377, 378, 383.
 Барбо-де-Марини, полковникъ, II. 68, 71.
 Барклаѣ-де-Толли, II. 409, 415.
 Барсуковъ, А. П. I. 19.
 Бартевскій, II. II. 832.
 Барятинскій, кн. Ѳед. Серг., оберъ-гоф-маршалъ, II. 4, 6.
 Баташевъ, II. 102.
 Батюшковъ, оберъ-офицеръ, II. 41.
 Башпловъ, Александръ Александровичъ, сенаторъ, II. 1, 4, 16, 18—20, 22.
 Башпловъ, Александръ Ѳед., сенаторъ II. 3.

- Бахметьевъ, вахмистръ, (см. Каменьщикъ), II. 388.
Бачюринъ, Кондр., торговецъ, II. 292.
Безбородко, гр. Александръ Андр., генераль-аншефъ, I. 34, 35. II. 3, 14, 328.
Безобразовъ, Тамбовскій губернаторъ, II. 420.
Бейсманъ, купчиха, II. 60.
Беклешовъ, Александръ Андр., ген.-прокуроръ, I. 1.
Бемсръ, Дармштатскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
Бемъ, майоръ, II. 360—365, 367, 368.
Беніовскій, баронъ Моридъ - Ападаръ, (де-Беневъ), II. 334—340, 342—344, 357, 358.
Бергъ, ген. II. 424.
Бергъ, ген. I. 14, 16.
Бередииковъ, полковникъ, II. 330.
Бермакъ, Пет., почт. комиссаръ, II. 68.
Вершакъ, слуга, II. 148.
Верпизъ, Фридр., лоцманъ, II. 69.
Верхъ, В. Н. II. 334.
Вестужевъ, Мих. Петр., тайн. сов., посылъ въ Швецію, II. 132, 180, 208, 246.
Ветманъ, банкиръ, II. 31.
Ветулинъ, капланъ, II. 64.
Вибиковъ, Александръ Ильичъ, ген.-пор., II. 33, 34, 73.
Виллингсъ, капитанъ, II. 371—373, 377—382.
Виркенфельды, принцы, II. 254.
Вирнштамъ, плацъ-майоръ, II. 48.
Вировъ, герцогъ Эри. Гог. I. 5, 12, 13.
Владовъ, гр. Дм. Ник., II. 335.
Вобриновскій, гр. Алекс. Грг. I. 35.
Восеръ, генераль, II. 41, 43, 44.
Вогарисъ, Евгений, вице-король Италіи, II. 30.
Вогожоловъ, Ив., секретарь, II. 300.
Болгарисъ, капитанъ, II. 57, 59.
Бонакъ, г-жа, II. 213.
Бонакъ, II. 164.
Бонапартъ, см. Наполеонъ I, II. 12, 23, 26—30.
Боневаль, II. 186.
Боргъ, лоцманъ, II. 64.
Боріо, Гвастальскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Бороздинъ, К. М., статскій сов., II. 409, 410.
Боронинъ, купецъ, II. 293.
Бочаровъ, II. 358.
Брантъ, ген.-поручикъ, II. 323.
Брахфельдъ, генераль-поручикъ, II. 386.
Бренковъ, Як., почтов. комиссаръ, II. 68.
Бретъ, II. 63.
Бригноли, Генуэзскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
Брилъ, ген.-поручикъ, II. 363, 367.
Брижковъ, Мпр., подлѣкаръ, II. 372, 373, 380, 381.
Бродинъ, II. 253.
Будаевъ, Ник., канцеляристъ, II. 30302.
Будзевичъ, II. 421.
Буксгевденъ, гр. Ив. Фед., военный губернаторъ, I. 19. II. 9.
Бурбонская, герцогиня, II. 142.
Бурбонская, герцогиня, вдовствующая, II. 142.
Бурбонскій, герцогъ, II. 131, 142, 145, 156, 159.
Бурхаль, слуга, II. 71, 81.
Бутурлинъ, Асаевъ, полковникъ, II, 3
Бутурлинъ, графъ Александръ Бор., генераль-фельдмаршалъ, I. 14.
Бушуевъ, сержантъ, II. 34, 38, 48, 58, 59, 61, 62, 65, 68, 69, 79
Бѣлянинъ, Когонъ, казакъ, II.
Вальграфъ, гр., англійскій посолъ въ Ирижѣ, II. 138, 164, 173, 182, 217, 2
Вальполи, II. 173.
Вашинъ, Матв., мѣщанинъ, II. 68.
Варлаамъ, Грузинскій езеркъ, II. 99, 1
Варфоломей, священникъ въ Лопдо II. 162—164.
Васильева, Катерина, солдатка, II, 2
Захерпольтъ, генераль, I. 24.
Вѣхель, II. 424.
Лейде, Ад. Ад. генераль, I. 3.
Вейдемейеръ, тайн. сов., II. III.
Вейсбахъ, графъ I. Бернг., полковникъ I. 3, 4, 5;
Веньеръ, Венеціанскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
Веньеръ, Лавр., генеральный провизъ Далмаціи, I. 22.
Вернеръ, генераль-поручикъ, I. 10.
Вервонъ, адмираль, II. 252.
Вилардъ, консулъ въ С.-Петербургѣ, II. 144.
Вилленель, II. 128, 132, 152, 169—176 — 180, 186, 187, 191 — 193, 197, 200, 202 — 205, 208, 210, 220, 233, 235, 237—242, 245, 249, 2
Вилліе, баронетъ, лейбъ-медикъ, II. 4
Вилькенсъ, лѣкаръ, II. 47, 48.
Вильпо полковникъ, директоръ Пажескаго корпуса, II. 3.
Винбландъ, II. 335—337, 341, 350, 3
Вишцель, учитель. II. 48.
Виртембергскій, принцъ Евгений, II. 4
Витгенштейнъ, гр. II. 422.
Владимиръ, секретарь, II. 35.
Вогренанъ, гр., II. 127, 130, 132, 135, 137, 144, 145, 148—152, 164, 165, 171, 181, 188, 190, 196

- Восейковъ, полковникъ, II. 386.
 Восейковъ, Алексѣй, II. 301.
 Восейковъ, совѣтн. полиціи въ Москвѣ, II. 290, 301.
 Волковъ, А. II. 278, 281.
 Волковъ, ген.-поручикъ, II. 404.
 Волковъ, В.Д., Оренбургскій губернаторъ, II. 389, 390.
 Волковъ, солдатъ, II. 299.
 Волконскій, кн., П. М., II. 410, 411, 414, 416, 420, 425, 426.
 Волконскій, Дм. Мпх., ген.-маіоръ, II. 22.
 Вольтеръ, писатель, II. 29.
 Вороновъ, ген., II. 411.
 Воронцовъ, гр. М. С., II. 420.
 Воронцовъ, гр. Сем. Ром., президентъ коммерцъ-коллегіи, I. 34, II. 111.
 Врангель, II. 69.
 Вреде, баронъ, II. 63.
 Всесвятскій, священникъ, II. 305.
 Вульфертъ, Фридрихгамскій штатгальтеръ, II. 63, 68, 69, 71, 77.
 Вяземскій, князь Александръ Анд.р., ген.-прок., I. 12, 16, 34. II. 315, 320, 384, 385.
- Гавениусъ, пасторъ, II. 53. ●
 Гавениусъ, ратманъ, II. 59, 60.
 Гавриль, митроп. Новгородскій, II. 406—408.
 Гарингтонъ, лордъ, II. 137.
 Гарнеренъ, воздухоплаватель, II. 30.
 Гельбигъ, II. 323.
 Гейдеманъ, дворянинъ, II. 65.
 Гейсманъ, премоьеръ-маіоръ, II. 56, 58, 62, 65—67.
 Геннадій, архимандритъ въ Лондонѣ, II. 162, 163.
 Гендрикова, граф. Марья Серг., II. 323.
 Гернио, танцмейстеръ, II. 19.
 Геро, полиціймейстеръ, II. 245.
 Гессель-Гомбургская принцесса, II. 213.
 Гессель-Гомбургскій принцъ, II. 416.
 Генциениусъ, комиссаръ, II. 55.
 Глазепаль, директоръ таможи, II. 79.
 Глазгоръ, казначей таможи, II. 57—59.
 Гой, ванъ, Голландскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
 Голенщевъ - Кутузовъ, ген.-вितендантъ, II. 34.
 Голымболскій, II. 234.
 Голицынъ, кн. II. 298.
 Голицынъ, кн. Н. М., гофмаршалъ, I. 14.
 Голицынъ, кн. Александръ Мпх., ген.-фельдмаршалъ, I. 16. II. 327.
 Голицынъ, кн. Александръ Ник., оберъ-прокур. сенода, II. 9, 98, 107, 425.
 Голицынъ, кн. Григ. Серг., флигель-адъютантъ, II. 14.
- Голицынъ, кн. Дм. Мпх., чрезв. посл. въ Вѣнѣ, I. 29, 31.
 Голицынъ, кн. Фед. Серг., ген.-лейт., II. 15.
 Головинъ, гр. Александръ Гавр., дѣйстви. тайн. сов., чрезвыч. посолъ въ Гагѣ, II. 137, 187, 253.
 Голубовъ, П.В., оберъ-провіантмейстеръ, II. 45, 73, 76—79, 81.
 Голштинскій, принцъ, II. 315, 317, 318, 320, 322.
 Гольцъ, баронъ, ген.-поручикъ, I. 10.
 Гордѣевъ, Ив., извозчикъ, II. 296.
 Горстквинъ, полковникъ, II. 78.
 Гортензія, королева голландск., II. 30.
 Григорій Ивановичъ, маіоръ, II. 317.
 Григорьева, мѣщанка, II. 299.
 Григорьевъ, Степ., купецъ, II. 292.
 Григорьевъ, Як., слуга, II. 293.
 Грассини, рѣшца, II. 21.
 Грата, Лютыхскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
 Гревенброкъ, палатинскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
 Гримбергъ, принцъ, баварскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
 Гринъ, лѣтваръ, II. 48.
 Гросъ, Генр. II. 149, 222.
 Грузинскій, кн. Егоръ Александровичъ, II. 114.
 Густавъ III, король Шведскій, II. 398.
 Гутцеусъ, Фабіанъ, пасторъ, II. 52, 53.
 Гюлишъ, лорренскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
- Давыдова, Василіса, солдатка, II. 292.
 Дазунья, донъ, португальскій посолъ въ Парижѣ, II. 138, 156.
 Данилова, мѣщанка, II. 302.
 Данило, крестьянинъ, II. 68.
 д'Аргайль, джъ, II. 173.
 д'Аркуръ, герцогъ, II. 142.
 д'Артуа, графъ, II. 9.
 Дауркинъ, Ник., дворянинъ, II. 360—362, 365—370.
 Дашкова, кн. Екат. Ром., I. 34. II. 34, 327.
 д'Е (d'Eu), гр., II. 142.
 де-Белькуръ, Теод., франц. подполковн. II. 428.
 Дебрени, надп. сов., Якутскій воевода, II. 324.
 Дебресъ (де-Бре), саксонскій министръ въ Парижѣ, II. 138, 223.
 де-Верпель, посольскій вводитель въ Парижѣ, II. 136, 146, 154, 161, 162.
 Дезинъ, фонъ, Вилльмъ Петр., кавитанъ, II. 318.
 Деволонгъ, ген.-поручикъ, II. 329.

- Дела-Маркъ, гр., II. 158, 159, 178.
 Деласердъ, португальскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
 Деластъ-Минасъ, марезъ, испанскій посолъ въ Парижѣ, II. 137, 161, 166, 181, 220, 255.
 Дела-Торелла, принцъ, сицилійскій посолъ въ Парижѣ, II. 138.
 Дела-Турнель, II. 154, 162.
 де-Малви, г-жа, II. 131, 147.
 Демезъ, балъи, Мальтійскій посолъ въ Парижѣ, II. 188.
 Демидовъ, Никита, дворянинъ, II. 387.
 де-Ноель, маршалъ, II. 148.
 Дерфельтъ, ген.-майоръ, II. 38—41, 48—45, 72, 73, 77.
 де-Саси, II. 411.
 де-Флемингъ, бар., шведскій министръ въ Парижѣ, II. 133, 248, 244, 252.
 де-Флери, кардиналъ, II. 119, 120, 123, 124, 126, 133, 139, 154, 167, 195, 206, 217, 234, 235, 253.
 ✓ Двбичъ, гр., главнокомандующій, II. 409, 424, 425.
 Дижонъ, гр., перъ Франціи, II. 26.
 Долгановъ, Илья, крестьянинъ, II. 392, 395.
 Долгихъ, Петръ, плотникъ, II. 389, 390, 396.
 Долгорукій, кн., посолъ при Венец. респ., I. 28.
 Долгоруковъ, князь Ив. Мих., губернаторъ Владимірскій, писатель, I. 1, 2.
 Долгорукій, кн. Мих. Петр., ген.-лейт., 30.
 Долгоруковъ, кн. Петръ Вас., писатель, I. 3.
 Долгорукіе, князья, I. 5.
 Дольфинъ IV, Дан., Венеціанскій дипломатъ, I. 20—24, 26, 27, 29.
 Домбъ, князь, II. 142.
 д'Омонъ, герцогъ, II. 142.
 Доріа младшій, сенаторъ Генуи, I. 30.
 Доріа старшій, Амвр., сенаторъ Генуи, I. 30.
 Доріа, I. 31.
 Дохтуровъ, II. 409.
 Дрозманъ, надв. совѣтн., II. 381.
 Дураццо Герон., Генуэзскій резидентъ въ Вѣнѣ, I. 29, 31.
 Дуваль, ювелиръ, II. 20.
 Дурокъ, II. 32.
 Дюшенъ, командиръ французск. флота, I. 21.
 Евсевьева, дѣвица, II. 301.
 Егоровъ, Ив., купецъ, II. 297.
 Екатерина II, императрица, I, 6—8, 15, 38, 39. II. 1—8, 6, 8—11, 13, 33, 34, 38, 39, 323, 334, 384, 429.
 Елагинъ, Ив. Перф., статсъ-секр., I. 16.
 Елбингъ, секретарь, II. 59, 60.
 Елена Павловна, вел. кн., II. 5, 22.
 Елефантъ, дворц. комиссаръ, II. 46.
 Елисавета Алексеевна, императрица, II. 7, 10, 425, 426.
 Елисавета Петровна, I. 8, 11. II. 288, 390, 428.
 Елисавета, старца Страстнаго монаст., II. 291.
 Елмановъ, Андр., Вас., контръ-адмиралъ, II. 318, 320.
 Емельяновъ, Герас., II. 296.
 Емме, дѣвица, II. 41.
 Епифаній, архимандритъ, II. 308.
 Ерихъ, крестьянинъ, II. 63, 67.
 Ермоловъ, Алексій Петр., II. 409, 424.
 Ермоловъ, А. П., флигель-адъют., I. 36.
 Ерокинъ, II. 305—307, 309.
 Есецъ, г-жа, II. 83.
 Есиповъ, Г. В. II. 288.
 Ефремовъ, П. А., II. 303, 397.
 Жерве, бригадиръ, II. 420.
 Жеребцовъ, Ег., канцеляристъ, II. 302.
 Жозефина, имп. Франц., II. 28, 29.
 Жомини, Ж. 421.
 Жуанъ-Меркуръ, танцовщица, II. 57.
 Журинъ, секретарь, II. 105.
 Журка, Алексій, II. 295.
 Заводовскій, гр. Петръ Вас., II. 3.
 Заюнчекъ, памѣстп. Царства Польскаго, II. 410, 413, 114.
 Зварковскій, II. 424.
 Зезинъ, поручикъ, II. 75.
 Зинovieвъ, Андр., крестьянинъ, II. 315, 316, 320, 321.
 Золотовъ, Серг., секретарь, II. 376.
 Зубовъ, гр. Ник., Ал. шталмейстеръ, II. 10, 14.
 Зубовъ, кн., II. 6, 8.
 Зубрицкій, полковникъ, II. 361, 367, 368.
 Зябливъ, штурманск. учен., II. 339.
 Зюдерманландскій, герцогъ, II. 10.
 Иванова, Арина, крестьянка, II. 293.
 Иванова, Елиса., дѣвица, II. 319.
 Иванова, Лукерья, камчадалка, II. 339.
 Ивановъ, Вас., купецъ, II. 299.
 Иванъ Антоновичъ, II. 316, 317.
 Игнаціусъ, кокреторъ, II. 60.
 Измайловъ, дворянинъ, II. 294.
 Измайловъ, штурманъ, II. 375.
 Измайловъ, Герас., штурманскій ученикъ, II. 339.

- Израиль, игуменъ Тотемскаго монастыря, II. 97.
 Ильинскій, гр. Генр., Житомирскій предв. дворянства, II. 412.
 Ильинъ, Вас., купецъ, II. 301.
 Илья, крестьянинъ, II. 291.
 Ирней, архіеп. Псковскій, II. 103.
 Исвдоръ, священникъ, II. 103.
- Иосифъ I, имп. Австрійскій, I. 22.
 Иосифъ II, имп. Австрійскій, II. 398.
- Казаковъ, Андр., II. 349.
 Казариновъ, Петръ, купецъ, II. 340.
 Кавнъ, Ив., доноситель, II. 288—302.
 Калагеоргій, Еватеринославскій губерн., II. 419, 420.
 Калнинъ, комисаръ, II. 389, 391.
 Камбасересъ, третій консулъ Франціи, II. 28.
 Камбисъ, гр., франц., посолъ въ Лондонъ, II. 138, 134, 187, 211.
 Каменская, Пел., Фелот., II. 34, 35.
 Каменьщиковъ, Фед., казакъ, 384—396.
 Кампители, графъ, I. 6.
 Камшъ, президентъ камеръ дѣякъ, II. 218.
 Камшинъ, Лукіанъ Ив., сенаторъ, II. 326.
 Кантеміръ, кн. Матв. Дмит., II. 310.
 Кантеміръ, кн. Ант. Дм., чрезвычайный посолъ въ Парижъ, II. 117, 118, 123, 126, 130, 132, 137 — 139, 141, 142, 146, 153, 154, 157, 160, 165, 173, 174, 183, 195, 196, 208, 211, 214, 215, 219, 220, 233, 234, 240, 241, 255.
 Каповъ, II. 237.
 Каподистрія, гр. И. А., II. 414.
 Карамзинъ, Ник. Мих., II. 114.
 Карачай, II. 11.
 Карлъ XII, король Шведскій, I. 3, 4, 23, 26, 27, II. 84.
 Карлъ X, кор. Франц. II. 9.
 Карлъ, принцъ Курляндскій, I. 14.
 Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, I. 4.
 Карлъ VI, Римскій императоръ, I. 4.
 Карпѣвъ, Матв., II. 294.
 Картретъ, лордъ, II. 251.
 Кассіо, гр., моденскій посланникъ въ Парижъ, II. 138.
 Кафарелли, графъ, II. 26.
 Кашкинъ, Евг. Петр., ген.-поручикъ, II. 324, 325, 329, 380.
 Кенигсбергъ, гр., цесарскій посолъ въ Парижъ, II. 152.
 Кенигсмаркъ, гр. Оттонъ-Вильг., генер., I. 22.
- Кивинъ, статсъ-секретарь, II. 417.
 Килхентъ, директоръ Фридрихсгамской таможи, II. 57, 62, 65, 66.
 Киселевъ, П. А., ген.-адъютантъ, II. 421, 422, 423.
 Кисленской, Сем., секретарь, II. 386, 396.
 Кисловъ, Вас. Степ., II. 18.
 Кладичевъ, II. 424.
 Клепиковъ, Степ., купецъ, II. 290.
 Клермонскій, гр., II. 142.
 Клыковъ, казакъ, II. 386.
 Книжникъ, Григ., (исседонимъ), II. 288.
 Ковалевскій, Евгр. Петр., II. 385.
 Козловъ, сенаторъ, II. 16.
 Козловъ-Угренинъ, полковн., II. 379.
 Колпинъ, командиръ, II. 387.
 Колобовъ, купецъ, II. 298.
 Колесовъ, солдатъ, II. 299.
 Колманъ, статскій совѣтникъ, II. 45, 72, 73, 80—82.
 Коломай, консулъ Ливорно, II. 21.
 Колоредо, гр. Иерон., австрійскій посолъ въ Польшѣ, I. 26.
 Колпчелъ, Степ. Алексѣев., д. т. с. посланн. въ Парижъ, II. 23, 24, 26.
 Комаровскій, гр. Ег. Фед., ген.-адъют., II. 1.
 Кондратьевъ, Андр., купецъ, II. 291.
 Кововаловъ, Ив., подъячій, 300.
 Коновницынъ, II. 409.
 Константиръ Павловичъ, вел. кн., I. 37, II. 5, 10, 14, 17, 412, 419, 422, 426.
 Конти, принцесса, II. 142.
 Конти, принцъ, II. 142.
 Копель, поэтъ, II. 8.
 Корнелій, Ив., дожъ Венеціанск., I. 24.
 Корфъ, ген., II. 420.
 Корфъ, гр. Мод. А. П. 113.
 Корфъ камергеръ, II. 298.
 Коряковъ, Никиф., казакъ, II. 395.
 Косенко, Сем., крестьян., II. 389.
 Край, генералъ, II. 11.
 Краузе, С.-Петерб. почтъ-директ., I. 5.
 Крейкеръ, маркизъ, II. 142.
 Крейцеръ, музыкантъ, II. 80.
 Кречевцевъ, Ив., купецъ, II. 377, 378, 388.
 Кронъ, полковой квартирмейст., II. 88.
 Кропоткинъ, кн. Яковъ, присутст. въ съездовъ приказъ, II. 292.
 Крыловъ, Ив. Андр., II. 27.
 Кривковъ, вице-губернат. Нижегородскій, II. 115.
 Кудринъ, Ив., II. 349.
 Кузнецовъ, Григ., крестьянин., II. 385, 387, 338, 350, 352.
 Кейзерлингъ, бар., Саксонскій министръ, II. 224, 228, 280, 281, 234, 285.
 Буковатовъ, кн., майоръ, II. 79.

- Кулебякинъ, унтеръ-офицеръ, II. 296.
 Куріановъ, И. К., II. 303.
 Куракинъ, князь Александръ Бор., ген.-
 прок., I. 17, 19, II. 406—408.
 Кургановъ, переводчикъ, II. 414.
 Курута, ген., II. 419.
 Кутайсовъ, гр., II. 14, 17.
 Кутлеръ, бар., капит., II. 223.
 Кутлубицкій, Н. О. II. 1.
 Кутузовъ, гр. Пав. Вас., флигель-адъют.,
 II. 14.
 Кутузовъ, II. 422, 423.
 Кутюреръ, аббатъ, II. 148.
 Кутюреръ, негодяптъ, II. 223—232, 235.
 Кутшелевъ, гр., II. 14.
 Кюльдишевскій, докторъ, II. 16.
- Лагаръ воспитатель, Ал. I. II, 426.
 Лада, купецъ, II. 81, 83.
 Лазаревъ, Лар., купецъ, II. 293.
 Лала, Пав., корямаръ, II. 72.
 Лампе, живописецъ, II. 89.
 Ланге, Сибирскій вице-губерн., I. 275.
 Лановъ, полковникъ, II. 78.
 Ланчипскій, р. чрезв. посланникъ въ Вѣнѣ,
 II. 236.
 Ланинъ, Вас., II. 349.
 Ляфонъ, актеръ, II. 29.
 Лебрень, второй консулъ Франц., II. 28.
 Леванда, проловѣдн., II. 3.
 Левашевъ, ген., II. 296.
 Левашевъ, Вас. Ив., ген., II. 9.
 Левенштеръ, II. 424.
 Левицкій, поручикъ, II. 223.
 Лезій, прокураторъ, II, 249.
 Леманъ, Грэг., II. 372.
 Леонтьева, Агулина, колодница, II. 299.
 Леопольдъ, I, императ. Австрійскій, I. 22.
 Лепешевъ, Лог., купецъ, II. 295.
 Леркарп, аббатъ,
 Лессп, фонъ, II. 69.
 Лехнеръ, II. 424.
 Лещинскій, Станиславъ, король Поль-
 скій, I. 27. II. 138, 171.
 Ливень, гр., II. 6. кн., Шарлота Карл.,
 26.
 Ливдебергъ, Нарвскій почтмейстеръ, II,
 319, 322.
 Ливдинъ, полковп., II. 48.
 Ливдинъ, г-жа, II. 60, 62.
 Лихтенштейнъ, принцъ, царскій посолъ
 въ Парижѣ, II. 131, 132, 135, 137,
 139—142, 153, 156, 160, 161, 165, 169,
 170, 177, 180, 181, 192, 201, 210, 223,
 224, 250, 254.
 Логновъ, Ив., II. 349.
 Лодыженскій, Ник., капит. артиллер. II.
 40, 42, 43, 45, 48, 61.
 Лопатинъ, унтеръ-офиц., II. 35.
- Лопухинъ, ген.-поруч., II. 333.
 Лотрекъ, ген.-лейт., II. 181.
 Лошкаревъ, ген., II. 421.
 Лукинъ, Ив., купецъ, II. 296.
 Лукьянова, Василиса, казачка, II. 387.
 Любрасъ, II. 82.
 Людовикъ XV, король Франц., II. 30, 126,
 Людовикъ XVI, кор. Франц., II. 9, 27.
 Львовъ, Серг. Лавр., ген., II. 6.
- Магницкій, II. 23—25.
 Мазепа, гетм. Малороссіи, I. 3.
 Мазолевскій, свящ. въ Лондонѣ, II. 182.
 Мазоведскій, польскій посолъ въ Турціи,
 I. 25.
 Майковъ, Л. Н. II. 2.
 Майлская, герц., II. 142.
 Маклаковъ, унт.-офиц., II. 360, 362.
 Максимъ, солдатъ, II. 299.
 Макушевъ, В. В., I. 39.
 Малбой, II. 217.
 Мамоновъ, Фед., Ив. II. 307.
 Манасенинъ, подполковникъ, II. 48, 50, 51.
 Марпи, Марпино, Венец. посолъ въ
 Польшѣ, I. 20, 29.
 Марія Павловна, вел. кн., II. 5.
 Марія Феофоровна, императрица, I. 32.
 II. 4, 16, 19, 31.
 Маркова, солдатка, II. 299.
 Мартонъ, маіоръ, II. 75, 77, 79—81.
 Мартонъ, г-жа, II. 41.
 Мартынъ, купецъ, II. 324.
 Марченко, статсъ-секр., II. 414.
 Масленниковъ, секундъ-маіоръ, II. 48.
 Матвѣй, крестьян., II. 64.
 Матюшкинъ, гр., I. 3.
 Мейдеръ, Магнусъ, II. 353.
 Мейндорфъ, бар., Рижскій губерн., I. 17.
 Меласъ, генералъ, II. 11.
 Мелессно, ген.-маіоръ, I. 16.
 Мемъ, баилъ, I. 25.
 Мельуновъ, ген.-поручикъ, II. 396.
 Менгденъ, бар., президентъ коллегіи, II
 269.
 Меньшиковъ, кн. Александръ Дан., I. 5.
 Меньхга, старшина чукотскій, II. 366.
 Мерзляковъ, Козьма, подъячій, II. 389—
 391, 393, 395, 396.
 Милорадовичъ, гр., II. 415.
 Мннихъ, гр. I. 5. II, 256, 392,
 Мннихъ, гр., фонъ, ген.-фельдм., II. 235
 240, 256.
 Мирепоя, II. 128, 181.
 Михайл Павловичъ, вел. кн. II. 19.
 Михайловскій-Данплевскій, А. И. II. 409
 Михайловъ, Ив., прикащ., II. 298.
 Мншекъ, Іос., вел. марш. корол. Поль-
 ши, I. 24.
 Моисей, епископъ Нижегородск., II. 115

- Молчановъ, Степ., протоколистъ, II. 299.
 Мордвиновъ, адмиралъ, II. 418.
 Мордвиновъ, Александр. Сем., бригад., I. 29—32.
 Морепа, статсъ-секрет., II. 147, 148.
 Морозини, I. 21, 22.
 Морской, майоръ, II. 79.
 Муравьевъ, Никита, II. 386, 396.
 Муравьевъ-Апостолю, II. 420.
 Муромцевъ, Ник., Серг., полковн., II. 16.
 Мусина-Пушкина, гр., II. 34.
 Мухановъ, подполк., I. 18, 19.
- Набоковъ, Никита, купецъ, II. 295.
 Наговицынъ, солдатъ, II. 291.
 Надырь, шахъ, II. 250.
 Наживинъ, Мих., ученикъ посольскаго двора, II. 292, 293.
 Наполеонъ I, имп. Франц., II. 11, 23, 27, 30, 115, 413, 423.
 Нарцесъ, митрополитъ Грузин, II. 424.
 Натъ, купецъ, II. 48, 54—56, 62, 63.
 Нащокинъ, А. П. II. 7.
 Небольсина, Авд. Селяв., II. 16.
 Нейгардъ, Христина Лавр. IX. 3.
 Нелединскій, II. 14.
 Нелдовъ, Арх. Ив., ген.-адъют., II. 14, 16.
 Неплюевъ, тайн. сов., II. 263.
 Неплюевъ, Ег., судья, II. 300.
 Несвитскій, кн., камеръ-юнкеръ, I. 15, II. 16.
 Неубергъ, ген., II. 237, 239.
 Николай I, императоръ, II. 2, 411, 425.
 Никснъ, архимаандритъ, II. 305, 310.
 Ниловъ, капитанъ, II. 386.
 Новиковъ, II. 23.
 Новиковъ, писатель, II. 42.
 Новосильцовъ, Ник. Ник., статсъ-секретарь, II. 88, 91—93, 95, 97—99, 102—107, 109, 111, 410, 413.
 Нолькенъ, гр., шведскій министр въ Петербургѣ, II. 243, 244.
 Нотгафтъ, II. 253.
 Нѣмицевъ, бригадиръ, II. 369.
- Обрѣзковъ, II. 14.
 Обрѣзковъ, ген., II. 416.
 Ожаровскій, ген., II. 414.
 Озерцовскій, оберъ-священникъ, II. 93, 102—104.
 Оленинъ, старш. совѣтн. удѣльнаго д-та, II. 106.
 Олешевъ, камергеръ, II. 7, 8.
 Ольденбургъ, II. 424.
 Оперманъ, II. 415.
 Ори, генеральный контролеръ, II. 148.
 Орлеанская, герц-ня, II. 142.
 Орлеанскій, герцогъ, II. 142.
- Орлова, гр-ня Анна Ал. II. 411.
 Орловъ, II. 422, 423.
 Орловъ, кн. Григ. Григ. I. 35. II. 35, 71, 310.
 Орловъ-Денисовъ, гр., II. 420.
 Орловъ-Чесменскій, гр. Алекс. Григ., II. 25.
 Осповъ, Тобольскій губернаторъ, II. 324—327.
 Остерманъ, гр. Андр. Ив., вице-канцлеръ, кабинетъ-министръ, II. 117, 126, 128, 129, 133—135, 143, 146, 150, 170, 172, 186, 188, 194, 212, 223, 236, 256, 257.
 Остерманъ, гр. Ив. Андр., вице-канцлеръ, I. 32, 34. II. 333.
- Павель, епископъ Ярославскій, II. 89, 93, 99, 102, 106.
 Павель I, императоръ, I. 15, 17, 18, 32. II. 1, 2, 4, 5, 8, 10, 13, 15, 17, 19, 20—23, 26, 31, 88, 89, 403, 416.
 Пазель, фонъ-деръ, прапорщикъ, II. 65, 66.
 Павловъ, казакъ, II. 366.
 Панинъ, гр. д. т. с., сенаторъ, I. 33, 34, II. 384.
 Пановъ, Вас., капитанъ, II. 335, 349.
 Панцеръ, капитанъ, II. 252, 253.
 Паранчинъ, Алексій, камчадалъ, II. 339.
 Паскевичъ, кавальеръ-стеръ, II. 6.
 Паскевичъ-Эриванскій, гр. II. 424.
 П. М. II. 87.
 Певарскій, П. П. I. 8.
 Пель, докторъ, II. 43, 74, 79, 81.
 Пентьевскій, герцогъ, II. 142.
 Пересыпкинъ, капитанъ, II. 360—362, 365—370.
 Петровъ, Петръ, раскольникъ, II. 297.
 Петръ I, императоръ, I. 3—6, 23, 25, 27, 28. II. 89, 90, 261, 267.
 Петръ III, императоръ, II. 316, 317, 320, 323, 339, 390.
 Петушпъ, старшина, II. 370.
 Пиль, Ив., ген.-поручикъ, II. 377, 383.
 Пирожковъ, прапорщикъ, II. 383.
 Платовъ, II. 409.
 Платоновъ, управляющій, II. 418.
 Плещеевъ, Нат. Федот., II. 31.
 Плещеевъ, Серг. Ив., адмиралъ, II. 31.
 Полетина, г-чъ, II. 35.
 Польвановъ, ротмистръ, II. 34, 35, 37—50, 54, 56—61, 63, 65, 67—69, 71—73, 75—77, 79—81, 83.
 Помяловскій, И. В., II. 117, 257.
 Понсъ, кн., II. 142.
 Понятовскій, Станиславъ, король Польскій, I. 8.
 Поповъ, П. 293.
 Поповъ, Ив., II. 349.

- Порошинъ, писатель, II. 53.
 Потемкинъ-Таврической, кн. Григ. Ал-
 дровичъ, I. 34—36. II. 4, 11, 14, 311,
 416.
 Прерадовичъ, полковникъ, II. 36.
 Прокофьевъ, Ег., крестьянинъ, II. 385,
 387, 388, 391, 394, 395.
 Протасова, Анна Степ., штатсъ-дама, II.
 6, 7.
 Протопоповъ, Тобольскій вице-губерна-
 торъ, II. 326.
 Птицынъ, купецъ, II. 305.
 Пукаловъ, оберъ-секретарь, II. 99, 103,
 106, 108.
 Пургинъ, казакъ, II. 365.
 Пусторобровъ, казакъ, II. 386.
 Пустошкинъ, Пав. Вас., адмиралъ, II. 21.
 Путятинъ, Авр., кн., II. 896.
 Пушина, Авд. Мих., II. 35.
 Пюисекюръ, маршалъ, II. 141, 142.
- Радзивицлы, князья, II. 423.
 Раевскій, Ник. Ник., II. 409.
 Раевскій, дворянинъ, II. 309.
 Разумовскій, гр. Андр. Кирилл., послан.
 въ Вѣнѣ, II. 20.
 Ракоци (Ракоци), гр., I. 22. II. 140, 173,
 210.
 Расинъ, писатель, II. 29.
 Ребиндеръ, Ал-дра Фридр., I. 3.
 Ребиндеръ, Вас. Мих., ген.-маюръ, I. 3,
 10.
 Рейманъ, портной, II. 73.
 Ремакъ, г-жа, II. 23, 29.
 Реннъ, генералъ, I. 3.
 Репнинъ, кн. Н. В., ген.-фельдмарш., I. 17.
 Риварола, Степ., Генуэзскій дипломатъ,
 I. 20, 31—33, 35—39.
 Рилдгеръ, II. 424.
 Ринхартъ, мѣщанинъ, II. 48.
 Робеспьеръ, II. 27.
 Роде, скрипачъ, II. 30.
 Розановъ, над. сов., директоръ типограф-
 ской конторы, II. 89.
 Романъ, гренадеръ, II. 317.
 Рославлева, Екат. Ник., II. 428, 429.
 Рославлевъ, Ник. Ив., премьеръ-маюръ,
 II. 429.
 Ростовчнинъ, гр., II. 14.
 Ротъ, II. 424.
 Рубеисъ, живописецъ, II. 94.
 Румянцевъ, гр., II. 421.
 Румянцевъ, гр. П. А., фельдмаршалъ, II. 3.
 Румянцевъ, Ал-дръ Ив., ген., II. 170.
 Румянцевъ, гр. Сер. Петр., гофмаршалъ,
 II. 9.
 Руновскій, губернаторъ Нижняго-Новго-
 рода, II. 113, 114.
 Рѣзцовъ, Мих. (см. Каменщиновъ), II. 387.
- Рюминъ, Ив., казакъ, II. 334, 335, 337,
 356.
 Рябининъ, Мих., II. 372.
- Саблуковъ, Н. А., II. 1.
 Сабоневскій, II. 414.
 Савинъ, Мих., купецъ, II. 298.
 Савицкій, оберъ-секретарь, II. 91.
 Сакса, ремесленникъ, II. 80—82.
 Салерно, иезуитъ, I. 27.
 Салтыковъ, гр. генералъ, I. 16.
 Салтыковъ, гр., главнокомандующій, I. 6.
 Салтыковъ, гр. Петръ Сем., Московскій
 главнокомандующій, II. 309. <
 Самойловъ, гр. Ал-дръ Ник., дѣйств. тайн.
 сов., ген. прокуроръ, II. 331.
 Самуилъ, II. 310.
 Сантини-Орби, танцовщица, II. 53, 57, 75.
 Сверчковъ, оберъ-секретарь сената, II.
 283.
 Свѣшниковъ, матросъ, II. 293, 302.
 Семеновъ, Сем., сидѣлецъ, II. 301.
 Свѣчнинъ, началн. дивизіи, II. 420.
 Сентъ-Северинъ, франц. посолъ въ Шве-
 ции, II. 130—132, 172, 177—180, 184—
 186, 188, 193, 194, 201, 203, 208.
 Сентотъ, посольскій вводителъ въ Парижѣ,
 II. 139, 141—143, 249.
 Сиверсъ, гр., II. 15.
 Симоновъ, казанскій атаманъ, II. 386, 387.
 Синклеръ, шведскій офицеръ, II. 222—
 232, 234, 235, 240, 241, 243—245, 252.
 Свинцендорфъ, гр., австрійскій министръ,
 II. 169—171, 235.
 Скаловъ, ген.-маюръ, II. 329.
 Скарборо, лордъ, II. 173.
 Скородумовъ, Гавр. Ив., художникъ, II.
 397.
 Слопцовъ, П. А., учитель философіи, II.
 403—408.
 Смелъсъ, доцманъ, II. 63.
 Смерлингъ, цесарскій полном. министръ
 въ Парижѣ, II. 136, 138, 172, 229.
 Собакинъ, Мих. Григ., II. 305.
 Собесскій, Яв., I. 20, 26.
 Совѣтовъ, Алексѣй, писарь, II. 291.
 Соймоновъ, подиоручникъ, II. 34, 38, 39—
 47, 49, 50, 54, 56—61, 65, 67, 68,
 71—74, 76, 77, 79—81, 83.
 Соколовъ, Степ., подканцеляристъ, II. 386.
 Соколовъ, матросъ, II. 293, 302.
 Соларъ, сардинскій посолъ въ Парижѣ,
 II. 138.
 Соловьевъ, С. М., II. 256, 288.
 Соровинъ, коллежскій совѣтникъ, II. 97,
 98, 108.
 Софроновъ, матросъ, II. 339.
 Софьинъ, Вас., штурманскій ученикъ, II.
 337.

- Сперанскій, гр. Мих. Мих., II. 113—115.
 Сингель, фовъ, ген. - поручикъ, II. 243, 253.
 Степановъ, Иппол., капитанъ, II. 335, 341, 350.
 Степанъ, слуга, II. 36.
 Строгоновъ, гр., II. 6.
 Ступининъ, полковникъ, II. 38, 40, 73, 78.
 Суворовъ-Рымникскій, вк. Ал-дръ Вас., II. 7, 11, 12, 20, 421.
 Судейкинъ, Сиврид., канцеляристъ, II. 334, 337, 358.
 Сульдбахскій, принцъ, II. 254.
 Сутовъ, купецъ, II. 80.
 Сытинъ, Аван., судья, II. 300.
- Тальма, актеръ, II. 29.
 Тальони, танцовщица, II. 13.
 Тапсейнъ, кардиналъ, II. 167, 217.
 Таракановъ, домовладѣлецъ, II. 299.
 Тарасія Парфентьевна, II. 327.
 Тарасовъ, Фек., солдатъ, II. 288, 293.
 Татищевъ, Алекс., ген.-поллицѣм., II. 288, 290.
 Тельминовъ, Никита, крестьянинъ, II. 388, 395.
 Тельминовъ, Сем., крестьянинъ, II. 385, 388, 391, 394, 395.
 Тельминовъ, Серг., крестьянинъ, II. 391, 395.
 Тербеневъ, II. 396.
 Тереза, принцесса испанская, II. 158.
 Терешинъ, Ив., II. 299.
 Тернеръ, майоръ, II. 48.
 Тессе, гр., II. 142.
 Тессинъ, гр., шведскій посолъ въ Парижѣ, II. 233, 243, 244, 248, 252, 254.
 Тешъ, купецъ, II. 39 — 41, 43 — 45, 76, 79, 80.
 Тизенгаузенъ, гр., II. 30.
 Титовъ, Ефимъ, солдатъ, II. 317.
 Толстой, гр. Пав. Ал-дровичъ, II. 113—115.
 Томлянинъ, Дан., купецъ, II. 296.
 Тотлебенъ, гр. Готл., ген.-майоръ, I. 6, 7, 10, 11, II. 323, 329, 428.
 Троицкскій, Дм. Петр., II. 18, 97, 105 — 107, 109.
 Трубецкой, вк., II. 307.
 Тулузская, гр-ня, II. 142.
 Туманскій, Григ. Вас., II. 3.
 Тувземанъ, майоръ, II. 77, 79 — 81.
 Турчаниновъ, Ив., купецъ, II. 296, 301.
 Тюлюсовъ, Желевскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
 Тютчевъ, Степ., II. 36.
- Уваровъ, подполковникъ, II. 386.
 Уваровъ, ген. II. 414.
- Удомъ, г-жа, II. 41, 75, 82.
 Унгернъ, ген.-майоръ, I. 16.
 Унгернъ-Штернбергъ, бар., ассессоръ, II. 327, 330.
 Урусовъ, вк., II. 14.
 Урусовъ, вк., II. 291.
 Уткинъ, Сем., купецъ, II. 295.
- Фабрициусъ, купецъ, II. 63, 64.
 Фалковъ, есаулъ, II. 386.
 Фаминяннъ, капитанъ, II. 51, 60.
 Ферморъ, гр., бывшій оберъ-комендантъ Выборга, II. 40.
 Фешъ, виртембергскій министръ въ Парижѣ, II. 138.
 Фикельмонъ, гр., II. 30.
 Филаретъ, митрополитъ Московскій, II. 425.
 Филимоновъ, В. С., колл. асс., II. 113, 114.
 Филиппъ, довъ Испанскій, II. 158, 159, 166, 182.
 Философовъ, ген.-губерн. Смоленска, II. 15.
 Флейшманъ, I. 25.
 Фокинъ, Зах., секретарь, II. 301.
 Фокинъ, Ян., секретарь, II. 301.
 Франкини, аббатъ, Тосканскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138.
 Францъ I, императоръ Австрійскій, I. 7.
 Фрейгольцъ, г-жа, II. 3.
 Фридрихъ Великій, король Пруссскій, I. 6, II. 11, 12, 422.
 Фрншъ, II. 229.
 Фроссаръ, II. 416.
- Хвостовъ, II. 319.
 Хвостовъ, гр. Дм. Ив., оберъ-прокуроръ синода, II. 94.
 Хитрово, Алексѣй Ив., II. 47.
 Хитровъ, II. 429.
 Хитрово, Петръ Алексѣев., прапорщикъ, II. 47, 48, 58, 59.
 Хитровъ, Инк. Зах., II. 23, 25.
 Хованскій, вк., II. 93, 94.
 Холодиловъ, Фек., купецъ, II. 335.
 Хотинскій, Инк. Констант., резидентъ во Франціи, II. 334. а
 Хрущовъ, Петръ, ссыльный, II. 335, 350.
 Хрущовъ, подполковникъ, II. 78.
 Цыгановъ, Мих., бѣглый ссыльный, II. 292.
 Цыглеръ, бригадиръ, Шляссльбургскій комендантъ, II. 322, 380.
- Чарторыйскіе, князья, II. 410, 418.
 Чарторыйскій, вк. Адамъ, II. 111, 413, 414.
 Чебышевъ, II. 93.

- Черемисиновъ, маіоръ, II. 43, 78, 81.
Черемисиновъ, Матв. Лог., маіоръ, II. 317.
Череповъ, ген.-маіоръ, II. 386.
Черкасскій, кн., II. 274.
Чернецъ, Фед., бѣглый, II. 294.
Чернышевъ, гр., II. 5, 7.
Чернышевъ, гр., Григ., бригадиръ, II. 291.
Чернышевъ, гр., Зах. Гр., ген.-аншефъ, I. 14.
Чернышевъ, гр., Ив. Григ., II. 37.
Чернышевъ, гр., Петръ Григ., II. 35.
Чертковъ, II. 6.
Чесменскій, Ал-дръ Алексѣевъ, II. 25.
Чижикъ, Серг., купецъ, II. 293.
Чичеринъ, Тобольскій губернаторъ, II. 324, 329.
Чоголоковы, II. 323, 329, 331, 332, 429.
Чоголоковъ, Наумъ Ник., подполковникъ, II. 323—327, 329, 330, 332, 428.
Чоголоковъ, Ник. Наум., оберъ-церемоній-мейстеръ, II. 323.
Чоголоковъ, Ник. Ник., отставной маіоръ, II. 327—333.
Чоголоковъ, Самуилъ Ник., преображенскаго полка фурьеръ, II. 328, 329, 331, 332.
Чулзовъ, генераль-маіоръ, II. 8.
Чулошниковъ, Алексѣй, приващикъ, II. 335.
Чуринъ, Макс., штурманъ, II. 335, 340.
- Шавровъ, Ив., секретарь, II. 297.
Шалагинъ, подполковникъ, II. 48, 55.
Шамбріе, прусскій министр въ Парижѣ, II. 138.
Шартрскій, герцогъ, II. 142.
Шауфусъ, губернаторъ Киевск., II. 3.
Шафровъ, посолъ при турецкомъ дворѣ, I. 28.
Шаховской, кн. Як. Петр., ген. прокур., II. 112.
Шварценбергъ, кн. Юс., II. 410.
Шварценбергъ, кн., фельдм. II. 410.
Шелеховъ, Григ., купецъ, II. 371—377, 379—381, 383.
Шепингъ, бар., II. 30.
Шереметевъ, гр. Ник. Петр., оберъ-камергеръ, II. 13.
Шереметевъ, гр. Петръ, II. 298.
Шереметевъ, гр. Серг. Алексѣевъ, прапорщикъ, II. 290, 295.
- Шетарди, французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, II. 188, 219, 225—228, 230—233, 248, 252, 256.
Шешковский, тайн. сов., II. 331, 403, 404.
Шимолитъ, Ив., крестьянинъ, II. 391, 395.
Шингарка, Алексѣй, суконщикъ, II. 291, 294.
Ширяевъ, Кпр., крестьянинъ, II. 385, 387, 388, 391, 394, 395.
Шиншинъ, Маркъ, домовладѣлецъ, II. 295.
Шмазевъ, Тим., казятка, II. 361, 367, 368, 370, 371, 377, 379.
Шмигъ, г.-жа, II. 68.
Шовелентъ, II. 131, 148, 161, 167, 217.
Шовицы, II. 192, 219, 248.
Шпрингеръ, ген.-поручикъ, II. 328, 331.
Штепингъ, мѣщанинъ, II. 48.
Щетиннъ, академикъ, I. 5.
Шуазель, герцогъ, I. 30.
Шуваловъ, гр. Ив. Ив., оберъ-камергеръ, I. 8, 9, 12—16, 18.
Шудленбургъ, гр., датскій посланникъ въ Парижѣ, II. 138, 219.
Шульгинъ, Ив. Петр., II. 113, 311, 409.
- Щербининъ, сенатскій прокуроръ, II. 290, 298.
- Эйлеръ, II. 427.
Экъ, С.-Петерб. почт.-директоръ, I. 11.
Эльмпъ, гр., II. 5, 7, 8.
- Юшинъ, Фед., крестьянинъ, II. 71.
Юшковъ, II. 309.
Юфатовъ, Ем., купецъ, II. 297, 298.
- Якоби, ген.-поручикъ, II. 372, 377.
Якобъ, крестьянинъ, II. 46.
Яковлевъ, Ал-дръ Алексѣевъ, действ. тайный совѣтъ, II. 87.
Ягужанскій, гр., Петръ Ив., ген.-прокур. I. 3, 5.
- Өедорона, Ирина, II. 293.
Өедоровъ, Алексѣй, торговецъ, II. 299.
Өедоровъ, Григ., купецъ, II. 301.
Өедоровъ, Як., купецъ, II. 293.

